

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. З. М. БУНИЯТОВА
БАКИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МУХАММАД БИН МУНАВВАР

**АСРАР АТ - ТАУХИД ФИ МАКАМАТ
АШ - ШЕЙХ АБУ СА'ИД**

(ТАЙНЫ ЕДИНОБОЖИЯ В ДЕЯНИЯХ
ШЕЙХА АБУ СА'ИДА)

ПЕРЕВОД С ПЕРСИДСКОГО, ПРЕДИСЛОВИЕ,
ПРИМЕЧАНИЯ И УКАЗАТЕЛИ М.Д. КЯЗИМОВА

БАКУ–2010

Научные редакторы:
академик **В. М. Мамедалиев**
кандидат исторических наук **Э. Р. Агаева**

Мухаммад бин Мунаввар. Асрар ат-таухид фи макамат аш-шейх Абу Са'ид (Тайны единобожия в деяниях шейха Абу Са'ида), «Нафта-Пресс», Баку – 2010

ISBN 978-9952-437-46-1

«Асрар ат-таухид» Мухаммада бин Мунаввара – один из ярких образцов средневековой персоязычной суфийской литературы. Сочинение посвящено жизнеописанию известного суфийского шейха Абу Са'ида Абу-л-Хейра (967–1049) и написано в конце XI в. Наряду с отдельными концептуальными положениями суфизма, религиозно-философскими аспектами оно содержит также богатый материал по социально-исторической жизни эпохи, отражает быт, нравы и обычаи суфийской среды, дает сведения о многих исторических личностях, в том числе ученых, философах, суфийских шейхах и др.

Издание рассчитано на специалистов, занимающихся проблемами суфизма и ислама в целом, средневековой философии, литературы и культуры, а также на широкие читательские круги.

К $\frac{4603010000-1}{071-2010}$ Грифное изд.

© Мехти Кязимов, 2010

«АСРАР АТ–ТАУХИД» МУХАММАДА БИН МУНАВВАРА

«Асрар ат–таухид фи макамат аш–шейх Абу Са’ид» - один из ярких образцов средневековой персоязычной суфийской прозы. Оно было написано в эпоху расцвета персоязычной суфийской литературы по преимуществу поэзии. Это были XI–XIII века, на протяжении которых создавали свои произведения такие корифеи суфийской поэзии, как Сана’и, Фарид ад–Дин Аттар, Джалал ад–Дин Руми. Суфийская проза этого времени, хотя и не получила такого высокого признания, тем не менее была также достойно представлена трудами Худжвири, Абдаллаха Ансари, Наджм ад–Дина Рази, Фахр ад–Дина Ираки и др. Конечно, автора «Асрар ат–таухид» Мухаммада бин Мунаввара нельзя поставить с ними в один ряд по значимости и весу в суфийском мире. Но все же благодаря своему сочинению он получил достаточную известность, а еще больше благодаря той личности, о которой в нем идет речь.

Как известно, «Асрар ат–таухид» посвящено жизнеописанию выдающегося суфийского шейха Абу Са’ида Абу–л–Хейра, обладавшего значительным влиянием и пользовавшегося большим уважением не только среди суфийского братства, но и всего народа. Мухаммад бин Мунаввар был его потомком, испытывавшим не просто чувство гордости за принадлежность к роду своего знаменитого предка, но и пожелавшим увековечить его имя и деяния в соответствующем изложении. «Асрар ат–таухид» поэтому сочинение не столько теоретического характера, сколько житийного. В то же время оно затрагивает важные религиозно–философские вопросы, известные положения суфизма. Интересно оно в плане биографического повествования, наполненного всевозможными деталями и подробностями, содержащего многочисленные вы-

сказывания самого шейха, а также верно передающего атмосферу его эпохи.

Уже во введении «Асрар ат-таухид» имеются любопытные сведения, позволяющие прояснить или уточнить некоторые вопросы. В частности выясняется, что еще до Мухаммада бин Мунаввара была предпринята попытка описания жизни шейха Абу Са'ида и принадлежала она двоюродному брату нашего автора. Как указывает Мухаммад бин Мунаввар, его двоюродный брат Джамал ад-Дин Абу Рух Лутфаллах, кстати, также потомок шейха, по просьбе некоего мурида собрал предания о шейхе и изложил их в пяти главах. Это сочинение получило название «Халат ва соханан-и шейх-и ма» («Житие и речения нашего шейха») (1). Мухаммад бин Мунаввар высоко отозвался о достоинствах этого труда и способностях его автора. Однако несмотря на это, сам решил взяться за перо и вновь возвратиться к данной теме. Необходимость такого поступка он обосновал следующими причинами. Во-первых, «Халат ва соханан» являлось, по его мнению, кратким изложением жизни шейха, и многие его деяния остались неосвещенными. За время, что прошло после написания «Халат ва соханан», Мухаммаду бин Мунаввару стало известно много новых фактов, собранных им повсюду в Хорасане. Часть из них, которые вызывали у него сомнения, он отбросил, часть перепроверил и восстановил и, наконец, часть оставил как есть, то есть не просто включил в свой труд все, что удалось выяснить, а проделал значительную редакторскую работу.

Вторая причина была тесно связана с первой и заключалась в том, что автор хотел приумножить то, что уже было сделано до него, воссоздать, по возможности, полный облик шейха, поскольку, по его словам, «от следов нашего шейха, кроме могилы и мешхеда, ничего не осталось» и сохранить для потомков «пользу его изречений и деяний» (2). При этом Мухаммад бин Мунаввар весьма скромно оценивал свою работу и ставил ее намного ниже сочинения предшественника. Правда, в данном случае сказывается присущее авторам средневековой персоязычной литературы желание принизить достоинства

своего труда по сравнению с уже существующими произведениями и тем самым дать возможность читателю сделать выводы и составить собственное мнение о них.

И, наконец, третья и, видимо, самая главная причина была связана с современной автору исторической обстановкой, с теми событиями, которые предшествовали написанию «Асрар ат-таухид». Указывая на них, он называет «смуту в Хорасане» и упоминает гузов (3). Несомненно, здесь имеется в виду нашествие огузов на Хорасан, произошедшее в 1153 г. Огузы восстали против султана Санджара, не стерпев налоговых притеснений. Султан выступил против них с большим войском. Однако в сражении войско Санджара потерпело поражение, а сам он был взят в плен. После этого огузы вторглись в Хорасан и подвергли его сильному опустошению; многие города в том числе Тус, Мерв, Нишапур и др. были разгромлены (4).

Жестокие последствия нашествия огузов отмечает и Мухаммад бин Мунаввар, особо подчеркивая, что самые тяжелые испытания выпали на долю жителей Мейхене. В нем были произведены большие разрушения, уничтожено множество жителей и среди них сто пятнадцать потомков Абу Са'ида, считая малых детей и стариков (5). Погибло большое количество достойных людей, религиозных деятелей, суфиев. Смертельная угроза нависла над всеми и перед ее лицом люди, естественно, спасали свои жизни, родных и близких, а не предавались размышлениям на отвлеченные религиозно-мистические темы. Налаженная и размеренная жизнь в том числе в религиозной сфере была нарушена и пришла в упадок. Как пишет автор: «Дело веры охватило полное обращение вспять, и великое расстройство проникло в дело тариката. Наступило время исчезновения имамов веры и прекращения преемственности пиров тариката...» (6). И в таких условиях Мухаммад бин Мунаввар решил воссоздать биографию шейха, чтобы описывая его благочестивые поступки и дела, попытаться на их примере повлиять на общую ситуацию, оказать воздействие на людей и, по его мнению, наставить их на путь веры, а также обеспечить духовное руководство тем, кто пожелал стать суфием.

Упомянув причины написания «Асрар ат–таухид», автор, следуя канонам средневекового творчества, назвал во введении и имя венценосной особы, которой он посвятил свое произведение. Это был правитель гуридской династии Гийас ад–Дин Мухаммад (1163–1203). Он принимал активное участие в событиях, происходящих в Хорасане, обладая возможностью воздействовать на них. А ко времени своей смерти владел всем Хорасаном до Бистама на Западе (7). Избрание Гийас ад–Дина Мухаммада в качестве адресата «Асрар ат–таухид», учитывая возросшую мощь его государства, представляется вполне объяснимым. Но одновременно привлекает внимание то, что имя адресата позволяет пролить свет на дату написания произведения.

Ясно, что это должен был быть период между 1163 и 1203 годами, то есть временем правления Гийас ад–Дина. Это обстоятельство, очевидно, учитывалось учеными, хотя они руководствовались и другими соображениями. Так, В.А.Жуковский считал, что «Асрар ат–таухид» было написано не ранее 553г.х. (1158) и не позднее 599г.х. (1203) (8). Я. Рипка относил время его написания к 1174–1185 гг. (9). Саид Нафиси, издавший «Поэтические речи Абу Са’ида Абу–л–Хейра», дал такое указание на дату создания «Асрар ат–таухид». Он полагал, что «Халат ва соханан» было написано ровно сто лет спустя после смерти Абу Са’ида и на тридцать четыре года раньше «Асрар ат–таухид» (10). Поскольку дата смерти Абу Са’ида точно установлена–это 1049г., то по Саиду Нафиси получается, что «Асрар ат–таухид» было написано в $(1049 + 100 + 34)$ 1183г.

Эти же цифры, но в ином контексте приводятся у М. Шафии Кадкани, опубликовавшего вслед за В.А.Жуковским тексты «Халат ва соханан» и «Асрар ат–таухид» (11). Ссылаясь на «Асрар ат–таухид», М. Шафии Кадкани писал, что нашествие огузов, в результате которого было опустошено Мейхене, произошло сто лет спустя после смерти Абу Са’ида и, кроме того, в произведении отмечается что уже тридцать четыре года оно пребывает в таком состоянии. Следовательно, заключает он, создание произведения относится к 1183 г. (12). Еще одну дату сообщает в своей книге Дж.С.Тримингэм. По его мнению, «Асрар ат–таухид» было

написано около 1200г. (13). Этой же даты придерживается туркменский исследователь К.Байрамов (14).

Все указанные даты в принципе охватываются временем правления Гийас ад-Дина, и только В.А.Жуковский отметил более ранний срок—1158г. Он объяснил это тем, что в произведении есть упоминание о султанине Санджаре, скончавшемся в 1157г., как о покойном и нескольких событиях, произошедших после его смерти, и поэтому нижний предел написания «Асрар ат-таухид» обуславливается этой датой (15).

Как видно, точное время создания «Асрар ат-таухид» установить трудно. Возможно, что разные его части писались в разные годы. Но мы позволим себе привести еще одно указание, уточняющее версию М.Шафии Кадкани. Восхваляя в одном из фрагментов первой главы особое свойство «земли Нисы», Мухаммад бин Мунаввар сообщает, что вот уже тридцать с лишним лет в Хорасане происходят смуты и грабежи (16). Точкой отсчета этих тридцати с лишним лет, несомненно, является нашествие огузов, так как именно с ними связывается во введении появление «смуты». Но нашествие огузов началось не ровно через сто лет после смерти Абу Са'ида, то есть не в 1149г., как отмечает М.Шафии Кадкани, а в 1153г.; и тридцать с лишним лет—это как раз уже известные тридцать четыре года, прошедшие после нашествия, а значит сочинение написано либо в 1187г., либо в самом конце 80-х годов XII века. В некоторых рукописях точная дата: тридцать четыре года заменяется неопределенным вариантом тридцать—сорок лет (17), но и в этом случае установленные нами временные рамки не нарушаются, разве что верхний предел увеличивается предположительно до 1193г.

«Асрар ат-таухид» довольно значительно по объему и сориентировано на то, чтобы обрисовать шейха Абу Са'ида как личность. Автор стремится не только обстоятельно рассказать об этапах жизненного пути шейха, а подбирая предания о нем, описывая его дела и приводя его изречения, хочет, с одной стороны, передать его необычный образ, наделенный чертами святости и благочестия, а, с другой—показать сильного

человека, пережившего много трудностей и лишений на избранном пути, но тем не менее достигшего своей цели и добившегося высокого положения.

В отличие от многих других средневековых сочинений, в которых за образами персонажей трудно увидеть конкретного человека, Мухаммад бин Мунаввар передает облик именно Абу Са'ида. Так, в одном из рассказов он описывает его, как «высокого, белокожего, плотного мужчину с большими глазами, бородой до живота, одетого в суфийскую муракку, с посохом и кувшином в руках, с садждаде, наброшенным на плечо, суфийской шапкой, надетой на голову и чомчомами на ногах» (18). Некоторые детали этого описания повторяются затем еще несколько раз.

Автор показывает поведение своего героя в различных ситуациях, его взаимоотношения с окружающими людьми, с соратниками и врагами, с теми, кто любил и кто ненавидел его, с сильными мира сего, от которых зависела судьба сотен тысяч людей и с простым народом, среди которого протекала его жизнь и к которому он относился с любовью и уважением. Это неоднократно подчеркивается в «Асрар ат-таухид», наряду с указаниями о том, что шейх все время помогал людям. Причем не только обитателям своей обители, суфийской ханакки, но и всем, кто обращался к нему за помощью. Сам Абу Са'ид, говоря о себе, отмечал, что у него «не было размолвки с народом» (19). Симптоматично, что в своих наставлениях, в особенности тем, кто обладал властью, он напоминал о необходимости заботливого отношения к народу, устранения его нужд, оберегания его от трудностей и невзгод. И люди чувствовали подобное внимание шейха и платили ему добром, стремясь выполнить все его просьбы и поручения.

Правда, не всегда отношение людей к шейху было дружественным и доброжелательным. В молодости у него был период, когда его не признавали, оскорбляли и унижали. Однако он сумел претерпеть все беды и не свернул с однажды избранного пути. Характеризуя шейха, Мухаммад бин Мунаввар уделяет основное внимание его необычайной одаренности. Спо-

способность к чудотворству (карамат) издавна признавалась за суфийскими шейхами. Большая часть изложения в «Асрар ат-таухид» особенно во второй и третьей главах—это основанное на достоверных источниках, по словам автора, описание удивительных возможностей Абу Са'ида, его дара ясновидения.

Некоторые эпизоды, как, например, его дружба с драконом, общение с газелью, хождение по воздуху и т.д. носят, конечно, фантастический характер и являются, по мнению некоторых ученых, позднейшей интерполяцией (20). Сам шейх хорошо осознавал грань между сказкой и действительностью. Так, в конце 74 рассказа говорится, что он даже специально отправил человека к жителям Нишапура, велел передать им, что произошедшее с ним—это не чудо, а обычный случай. И тем не менее почти каждый рассказ посвящен тому, как шейх предвидел предстоящие события, знал о прошлом людей, умел читать их мысли и направлять их действия. Его дар оказывал на окружающих неизгладимое впечатление, вызывая различные чувства, от восторга и почитания до недоверия и страха. Но при этом шейх не пользовался им в корыстных, личных интересах и оставался скромным и тихим человеком. В одном из рассказов отмечается, что однажды Абу Са'ида хотели представить и спросили его о том, как это лучше сделать, имея в виду, что он был уже прославившимся шейхом. Он же в ответ на это сказал: «Идите и возвестите, чтобы дали дорогу Никому сыну Никого» (21).

Занимая определенное положение в обществе, имея множество сторонников, учеников, последователей, обладая необыкновенным даром, Абу Са'ид вместе с тем не выглядел высокомерным, напыщенным себялюбцем, выставившим напоказ собственное превосходство. Это был умудренный годами, жизненным и религиозным опытом суфийский наставник, мудрец, призывавший людей к духовному совершенству, к отказу от низменных страстей и желаний. Автор, отмечая его влияние, духовную власть над людьми, рисует его вполне доступным человеком, отличающимся простотой и искренностью, хорошо разбирающимся в окружающих, добивающимся их

расположения, умеющим ценить их привязанность и прощающим ошибки. Некоторая идеализация Абу Са'ида тем не менее не делает его образ схематичным, не снижает его. Это реальный человек, к примеру, не лишенный того же чувства тонкого юмора, нередко сквозившего в его словах и выражениях. Среди его многочисленных назиданий и наставлений есть и такой анекдот: «Какой-то дехкан сказал своему вакилу: «Купи мне осла не слишком большого и не слишком маленького, чтобы выдерживал бы меня на спусках и подъемах и не оказывался бы бессильным при затруднениях, и проходил бы через камни, и терпел бы, если закончится трава, и, если я давал бы ему много [корма], то приумножал бы [его]—вакил сказал—О ходжа! Я не видел таких качеств, кроме как у Абу Йусифа ал-Кази. Попроси у своего Бога, чтобы он превратил бы для тебя Абу Йусифа в осла» (22).

Об Абу Са'иде с большим почетом и уважением высказывались поэты и ученые, суфийские шейхи. Вот как отзывался о нем один из известных суфийских авторов Худжвири (XI в.) в своем знаменитом трактате «Кашф ал-махджуб» («Раскрытие скрытого за завесой»): «Это был султан своего века, украшение мистического пути. Все его современники находились под его влиянием, одни—благодаря ясности своего восприятия, другие—вследствие искренней веры, третьи—под воздействием своих духовных переживаний. Он был сведущ в различных областях знания, обладал глубоким религиозным опытом и необычайной способностью читать тайные мысли» (23).

С мнением Абу Са'ида считались правители и высшие сановники. Известно о влиянии, которым он пользовался у основателей государства Сельджукидов—Тогрул-бека и Чагры-бека (24). С ним встречались такие знаменитые философы, общественные деятели, факихи, шейхи, как Ибн Сина, Абу Мухаммад Джувейни, Абу-л-Касим Кушейри, Абу-л-Хасан Харакани, Абдаллах Ансари, Низам ал-Мулк, Абд ар-Рахман Сулами и др. В историю суфизма он вошел, помимо прочего, как один из первых наставников, установивших для своих муридов нормы поведения в суфийской ханаке. О нем также го-

ворили как о человеке резко сменившем свое поведение к определенному этапу и перешедшем от сурового аскетизма к мирским благам, широко использующим светское начало в проповедях и при совершении ритуалов.

Жизнь Абу Са'ида была насыщена различными событиями и о многих из них повествуется в «Асрар ат –таухид». Нет необходимости перечислять их здесь, так как читатель может ознакомиться с ними, прочитав перевод. Мы приведем лишь основные вехи его биографии. Абу Са'ид Абу–л–Хейр родился 1 мухаррама 357 г.х. (7. Х11. 967) в городке Мейхене (или Михне), расположенном в местности, называвшейся Хаберам или Дашт–и Хаверан («Хаверанская степь, пустыня») (недалеко от современного Душака в Туркменистане, к юго–востоку от Ашгабада). Отца его звали Бабу Бу–л–Хейр. Он был аптекарем и , как отмечается в первой главе сочинения, «был благочестивым, набожным человеком, осведомленным в шариате и тарикате» (25). Поначалу отец сам занимался обучением и воспитанием сына, и при его непосредственном участии Абу Са'ид, еще будучи маленьким мальчиком, стал посещать собрания дервишей.

В числе первых его учителей были известные в ту пору имам Абу Мухаммад Анари и богослов Абу–л–Касим Башар Йасин. Абу Мухаммад Анари обучал мальчика Корану, ибо был его знатоком и чтецом. А Башар Йасин, по–видимому, занимался его общим воспитанием в духе мусульманского правоверия. Помимо изучения Корана, Абу Са'ид увлекался также филологией, поэзией. Намеки на это содержатся в сочинении. Сюда же включена его фраза о том, что когда он направлялся в Мерв для занятия фикхом, то помнил наизусть тридцать тысяч бейтов из джахилийской поэзии. Прибыв в Мерв, Абу Са'ид направился к известному знатоку шариата имаму Абу Абдаллаху ал–Хизри и обучался у него в течение пяти лет. После смерти имама шейх изучал фикх еще пять лет у Абу Бакра Каффала Марвази. Вместе с ним обучались ставшие впоследствии прославленными факихами, шейхами Насир Марвази, Абу Мухаммад Джувейни и Абу Али Санджи.

После десятилетнего пребывания в Мерве Абу Са'ид направился в Серахс и, когда прибыл сюда, то оказался у Абу Али Захира бин Ахмада ал-Факиха. Тот был знатоком хадисов, толкователем Корана и богословом-законоведом, проповедовавшим шафиитский мазхаб. Абу Са'ид усердно занимался у него и практически не имел свободного времени. По утрам он читал тафсиры, днем изучал основы веры, а вечерами-предания о пророке Мухаммаде.

В Серахсе Абу Са'ид познакомился с суфием Логманом Серахси, которого автор «Асрар ат-таухид» назвал «безумствующим мудрецом». Логман сыграл в судьбе Абу Са'ида решающую роль, поскольку познакомил его с Абу-л-Фазлом Хасаном, которого тот избрал своим духовным наставником-пиром. Абу-л-Фазл стал для Абу Са'ида примерно тем же, кем был Шамс Табризи для Джалал ад-Дина Руми. Он открыл для Абу Са'ида совершенно иной мир чувственного познания и указал на истинный смысл видимого мира. Его влияние было столь сильным, что даже Абу Али Захир призвал Абу Са'ида остаться у Абу-л-Фазла. Мухаммад бин Мунаввар пишет, что сначала Абу-л-Фазл раскрыл Абу Са'иду значение слова Аллах, и после этого шейх возвратился в Мейхене и на протяжении семи лет произносил это слово, осознавая его смысл (26). Затем он вновь прибыл к Абу-л-Фазлу Хасану, и на этот раз пир, поселив его рядом со своей кельей, начал заниматься с ним духовными упражнениями и повел его по пути мистического познания.

Много времени Абу Са'ид проводил в беседах со своим наставником. Абу-л-Фазл постоянно давал ему указания по поводу совершения необходимых ритуалов и не только руководил его воспитанием, но и справлялся о его самочувствии, держа его в поле зрения. По истечении некоторого срока Абу-л-Фазл вновь отправил Абу Са'ида в Мейхене. Также как и в прошлый раз Абу Са'ид отличился аскетическим поведением. Он все время ходил в одной и той же рубаше, мыл двери и стены своей обители, ни с кем не разговаривал, кроме как по необходимости, в течение дня питался всего лишь одной лепеш-

кой хлеба и почти не спал. Постоянно он совершал зикр и даже заткнул уши ватой, чтобы не слышать никаких голосов и чтобы ничто не потревожило его мысли о Всевышнем. Избегая людей, он часто уходил в пустыню и однажды в одиночестве провел в ней месяц и двадцать дней, так что даже уговоры близких не могли заставить его сменить образ жизни.

Его духовное рвение было настолько сильным, что он совершал редкий и сложный даже в суфийских кругах ритуал-салат маклуба: будучи подвешенным за ноги, он свешивался в колодец вниз головой и произносил Коран (27). Самопожертвование Абу Са'ида в это время не знало предела. Он раздал все свое имущество, делился с дервишами последним куском хлеба и выполнял за них любую самую тяжелую работу. Если у него возникало какое-либо затруднение, и он искал совета, то отправлялся босиком в Серахс к пиру Абу-л-Фазлу и, получив наставления, возвращался.

По настоянию Абу-л-Фазла Абу Са'ид получил свою первую хирку у признанного суфийского лидера, автора многочисленных трудов и в том числе такого известного сочинения, как «Табакат ас-суфийа» («Разряды суфиев») Абд ар-Рахмана Сулами. После получения хирки, то есть достигнув определенного положения и признания в суфийском сообществе, Абу Са'ид стал проповедовать в Мейхене. Судя по косвенным замечаниям в «Асрар ат-таухид», это произошло в 999г. Его проповеди пользовались большим успехом; люди слушали его с интересом, а самого его почитали так, что даже корку дыни, брошенную им, покупали за двадцать динаров. Однако затем ситуация изменилась. Абу Са'ида сочли безбожником и стали порочить и оскорблять его. В этот период он понес и тяжелую личную утрату, потеряв отца и мать.

Внешняя среда, смерть родителей не могли не сказаться на Абу Са'иде. Он вновь предпочитает одиночество и в течение семи лет остается в пустыне, укрепляя свой дух и предаваясь размышлениям о Боге. По истечении семи лет Абу Са'ид решает отправиться в Амул к шейху Абу-л-Аббасу Кассабу. Между тем скончался его наставник Абу-л-Фазл, и Абу Са'ид

испытывал потребность в общении с человеком, который мог бы заменить его. Таким человеком оказался Абу-л-Аббас. Абу Са'ид прожил в его ханаке целый год, и Абу-л-Аббас также внес свою лепту в формирование личности Абу Са'ида. Свою вторую хирку шейх получил от него.

Далее в «Асрар ат-таухид» сообщается об успешном возвращении шейха в Мейхене и о том, что он достиг к сорока годам зрелости и высочайшего духовного развития. Как отмечает А.Шиммель, «он достиг полного просветления» (28). В главе не приводится больше никаких биографических данных и сообщается лишь дата его смерти—4 ша'бана 440г.х. (13. 1. 1049).

Вторая половина жизни Абу Са'ида, безусловно, не менее насыщенная событиями, чем первая, описывается более ярко. Фактически ей посвящена вся вторая глава. И хотя изложение в ней выхватывает отдельные вехи биографии шейха, примечательные теми или иными происшествиями, тем не менее автору удастся воссоздать достаточно полную и ясную картину того, что происходило с Абу Са'идом после его сорокалетия и до его кончины.

Многие описываемые события имеют отношение к тому периоду, когда он проживал в Нишапуре и обладал исключительным авторитетом не только в этом городе, но и во всем Хорасане. Находясь в Нишапуре, он часто совершал поездки в другие города такие, как Тус, Мерв, Серахс, Абивард, Бистам и др., останавливался проездом в многочисленных селениях. Часть описываемых событий связана с его пребыванием на родине, в Мейхене.

Куда бы ни направлялся шейх, его появление не оставалось незамеченным. Именно во вторую половину своей жизни он обрел основную массу преданных сторонников и муридов, среди которых были государственные деятели, ученые, адибы, факихи, шейхи, жители Мейхене, Нишапура и других городов и селений вплоть до Герата, встречался с огромным количеством людей, приходивших почтить его из разных мест от Сирии до Индии, вел активную проповедь своих взглядов, причем как в ханаке, так и всюду, где это было возможно и даже в христиан-

ских церквах. В его судьбе, как и в первую половину жизни, происходили свои взлеты и падения. Он чуть было не поплатился жизнью, обвиненный в отходе от исламских догм и установлений, но благодаря отваге и решительности, сумел не только избежать угроз, но заимел новых друзей и последователей.

В этот период произошла его историческая встреча с братьями Тогрулом и Чагры, которых он благословил на правление, со знаменитым везиром эпохи Сельджукидов Низам ал-Мулком, которому он еще в детстве предсказал блестящее будущее, с ученым-энциклопедистом Ибн Синой. После знакомства с ним, кстати, были произнесены известные фразы обоим-Абу Са'ида: «То, что я вижу, он знает» и Бин Сины: «То, что я знаю, он видит». Еще одно знакомство, переросшее в дружбу, произошло у Абу Са'ида со средневековым азербайджанским поэтом и мыслителем Абу Абдаллахом Мухаммадом бин Абдаллахом бин Убайдаллахом бин Бакуйе Ширази, прославившимся под именем Баба Кухи. Из жизни Баба Кухи до нас дошло очень мало фактов и один из них-встреча с Абу Са'идом. В «Асрар ат-таухид» приведены несколько рассказов, в которых показываются их взаимоотношения, даются их высказывания друг о друге, взаимная оценка отдельных поступков.

Выстраивая повествование о жизни Абу Са'ида, Мухаммад бин Мунаввар выделяет ее различные эпизоды. О некоторых из них знал только узкий круг лиц, но были и такие, которые получили широкую огласку и не нуждались в специальном подтверждении и ссылке на чьи-то слова. Такова драматическая история, связанная с осадой Мейхене войсками газневидского султана Мас'уда. За время этой осады произошел случай с сорока одним лучником, защищавшим Мейхене и убившим многих воинов Ма'суда. Захватив Мейхене, султан приказал отрубить этим лучникам правую руку и только благодаря Абу Са'иду им удалось выжить.

Следя за достоверностью приведенных сведений, Мухаммад бин Мунаввар в то же время нарушает последовательность изложения событий. Во второй главе нет указаний на то,

какое из них следовало за другим. Однако в следующей главе, посвященной смерти Абу Са'ида, такое положение меняется. В ней автор обстоятельно излагает все, что предшествовало кончине шейха и как наступила его смерть. Им приводятся слова, сказанные шейхом во время прощальной проповеди, кому и какие указания были им сделаны по организации похорон, какие даны наставления и каковы были завещания. Упоминается также прощание шейха с близкими и друзьями, с местами, которые были дороги его сердцу. Вслед за описанием кончины шейха, излагаются еще несколько историй в подтверждение его чудотворства. В целом, третья глава несколько отличается от предыдущей своей большей четкостью, но особенности индивидуального стиля проступают в ней также, как и в двух первых главах.

Следуя своим источникам, Мухаммад бин Мунаввар, как и другие средневековые авторы, особенно составители тазкире не обращает серьезного внимания на время происходящих событий. Говоря о шейхе, он сообщает лишь годы его рождения и смерти, а также указывает, что продолжительность его жизни составила ровно тысячу месяцев. Еще одна дата, связанная с произнесением его прощальной проповеди, отмечена в конце произведения. О других же датах приходится догадываться или устанавливать их опосредованным путем. Это относится, к примеру, к эпизоду знакомства Абу Са'ида с Баба Кухи в Нишапуре. В «Асрар ат-таухид» содержится указание, что когда произошла встреча между ними, последнему исполнилось уже больше девяноста лет. Поскольку он родился в 933/34г., то можно предположить, что они встретились в 1023–1030гг.

Мухаммад бин Мунаввар основное внимание уделяет описанию события, отмечая подробности и существенные с точки зрения раскрытия облика Абу Са'ида детали. Хронология же их или необходимость указания каких-либо временных рамок его особенно не интересуют, поэтому в тексте встречается весьма мало конкретных дат. В то же время «Асрар ат-таухид» насыщено фактическим материалом, что способствовало тому, что в

дальнейшем оно сыграло роль первоисточника для некоторых известных трудов, в частности «Тазкират ал-аулийа» («Поминание святых») Фарид ад-Дина Аттара и «Нафахат ал-унс» («Дуновение дружбы») Абд ар-Рахмана Джамии (29). Вообще же имя Абу Са'ида, его изречения, истории, связанные с ним, встречаются во многих суфийских трактатах таких, скажем, как «Нур ал-улум» («Свет наук») или «Мерсад ал-ибад» («Путь рабов божьих») Наджм ад-Дина Рази. Однако именно Аттар и Джамии воспользовались сочинением Мухаммада бин Мунаввара в наибольшей степени. И «Тазкират ал-аулийа», и «Нафахат ал-унс», как известно, труды агиографического характера и содержат описание жизни и деяний в основном суфийских шейхов. В обоих из них есть разделы, посвященные Абу Са'иду и опирающиеся на сведения из «Асрар ат-таухид».

Изложение у Аттара, так называемый зикр, больше по объему, чем у Джамии. И хотя оно основано на сочинении Мухаммада бин Мунаввара, в нем есть преувеличения и неточности. Так, он указывает, что шейх тридцать лет просидел в Мейхене с ватой в ушах (30). Такой факт действительно имел место и был отражен в «Асрар ат-таухид» (см. выше), однако тридцатилетний срок никак не вписывается во временные границы пребывания шейха в Мейхене. Или же Аттар пересказывает известную историю о просе и птице, также имеющуюся в «Асрар ат-таухид», но связывает ее с именем шейха Абу-л-Хасана Харакани, тогда как в источнике история дается от имени некоего старца.

В этом плане Джамии более точен и аккуратен. Он, также как Аттар, включает в «Нафахат ал-унс» различные эпизоды, связанные с Абу Са'идом. Причем в целом и Джамии, и Аттар апеллируют к разным рассказам первоисточника. Однако важно не это обстоятельство, а то, что повествование в «Нафахат ал-унс» прерывается двенадцатью стихотворными вставками: отдельными бейтами, мисра и рубаи на персидском и арабском языках. Из них семь рубаи, включая одно на арабском языке, и один бейт упомянуты Джамии от лица самого шейха (31), что является весьма примечательным.

Дело в том, что ученые занимавшиеся личностью Абу Са'ида, не раз обсуждали вопрос о его поэтическом наследии и в частности наличии его рубаийата. Еще Я.Рипка отмечал, что начало персидской суфийской поэзии обычно связывается с именем Абу Са'ида, которого считают автором нескольких десятков рубаи мистического содержания. Но, по мысли ученого, это неверно, поскольку из «Асрар ат-таухид» следует, что Абу Са'ид не писал стихов и поэтическое наследие, которое ему приписывают, возможно, принадлежит его предшественникам (32). Точку зрения Я.Рипки разделяли ряд ученых в том числе такие известные исследователи, как Е.Э.Бертельс, А.Шиммель и др. (33). М.Шафии Кадкани вначале указывал, что Абу Са'иду принадлежат два рубаи (34), а затем довел их число до восемнадцати (35).

В то же время С. Нафиси не сомневался в том, что шейх писал стихи на персидском и арабском языках и привел ряд доводов в доказательство своей правоты (36). Он опубликовал 720 рубаи и 78 отдельных бейтов и фрагментов стихов. Но в комментариях сам же признал, что многие из данных рубаи встречаются также в диванах Сана'и, Камал ад-Дина Исмаила, Фахр ад-Дина Ираки, среди рубаи Омара Хайама, Джалал ад-Дина Руми, Аухад ад-Дина Кермани и других поэтов. Ясно, что в таком случае провести атрибуцию рубаи или очень трудно, или практически невозможно.

Использовать источники в этом вопросе также сложно. Понятно, что Джами не указывает, где он вычитал рубаи Абу Са'ида. У Худжвири в «Кашф ал-махджуб» дается один бейт самого шейха на арабском языке и другой им процитированный (37), в котором однако не устанавливается его авторство. Общеизвестно, что Абу Са'иду принадлежит следующее четверостишие:

О душа! На земле Хаберана нет колючки,
У которой не было бы дела до меня и до моей судьбы.
При благосклонности и ласке твоей красоты
Мне не стыдно пожертвовать и сотней тысяч душ (38).

В рубаи использована форма первого лица, в нем упоминается «земля Хаберана», где родился Абу Са'ид; оно создано в суфийском духе и, самое главное, о его принадлежности Абу Са'иду пишет сам Мухаммад бин Мунаввар (39). Предположения можно выдвинуть и в отношении других стихов. Однако мы сейчас не хотим углубляться в этот вопрос, так как он не является целью нашей работы. Отметим лишь имеющиеся в «Асрар ат-таухид» сведения, которые необходимо принять во внимание при его рассмотрении, хотя они также противоречивы и оставляют возможность различных толкований. Исследователи, отрицающие наличие у Абу Са'ида стихов, ссылаются на слова Мухаммада бин Мунаввара о том, что шейх написал сам только один бейт и одно четверостишие (40). Те же, кто выступают с противоположных позиций, приводят в доказательство среди прочего опять же высказывание автора «Асрар ат-таухид» о том, что шейх читал с минбара вместо проповедей и тафсиров стихи (41). Правда, в источнике не говорится о том, что они принадлежали Абу Са'иду и вполне возможно, что он читал стихи других людей.

Нам кажется, что здесь следовало бы использовать еще два важных момента. О том, что шейх знал поэзию и разбирался в ней можно судить по многим эпизодам. В большом рассказе, посвященном встрече Абу Са'ида с Абу-л-Хасаном Харакани, есть фрагмент, в котором говорится, что к шейху прибыл некий ученый из Бистама. В тот день у шейха было хорошее настроение, он цитировал стихи на арабском языке и произнес больше тысячи бейтов (42). Помимо этого, в «Асрар ат-таухид» прямо сообщается, что Абу Са'ид знал наизусть тридцать тысяч стихов из джахилийской поэзии (см. выше). И суть даже не в очередном преувеличении этой цифры, а в том, что с большой долей вероятности можно предположить, что такой незаурядный человек, как Абу Са'ид, любивший поэзию и к тому же знавший наизусть большое количество стихов, и сам мог писать, тем более, что его авторство в двух рубаи признается.

В другом месте сообщается, что Абу Са'ид после общения с Абу-л-Фазлом Хасаном закопал в землю все книги, ко-

торые у него были и даже то, что сам написал (43). Кстати, подобное действие не было единичным среди суфиев. Так поступил, к примеру, еще до Абу Са'ида шейх Ахмад бин Абу-л-Хавари (44). Худжвири отмечал, что: «Достигшие истинного знания не имели нужды в словах и еще менее того—в книгах» (45). Может быть, шейх писал стихи наряду с другими произведениями, но устремив свои помыслы к Богу и решив отказаться от земного знания, закопал их вместе с другими книгами. При этом они могли утратиться, пропасть и не дойти до Мухаммада бин Мунаввара, или он мог просто не знать о каких-то сохранившихся стихах или произведениях своего предка. Можно выдвинуть и другие версии, однако сомневаться в способностях шейха в том числе на литературном поприще не приходится.

Что касается литературных способностей Мухаммада бин Мунаввара, то о них можно судить без всяких догадок и предположений, исходя из сочинения. К сожалению, сведений о нем самом почти не сохранилось. А те, что имеются, почерпнуты в основном из «Асрар ат-таухид». Мухаммад бин Мунаввар бин Абу Са'д бин Абу Тахир является правнуком Абу Тахира, старшего сына Абу Са'ида. Дату его рождения можно отнести к первой четверти XI в. Его отец Абу-л-Сана Нур ад-Дин Мунаввар бин Абу С'ад был служителем при гробнице шейха, а двоюродный брат Джамал ад-Дин Абу Рух Лутфаллах, тот самый автор «Халат ва соханан-и шейх-и ма», был одним из известных улемов и имамов, «глубоко изучившим различные отрасли наук».

Судя по всему, Мухаммад бин Мунаввар был образованным человеком, знавшим Коран и хадисы, хорошо разбиравшимся в вопросах суфизма, обладавшим познаниями в литературе, поэзии, арабском языке, мифологии, предшествующей письменной традиции. Хуже он знал события исторической жизни, и его сведения в этой области не всегда верны и нуждаются в проверке и уточнениях. Из фактов его биографии можно отметить то, что после освобождения султана Санджара из плена, а это произошло в 1156г., Мухаммад бин Мунаввар, по его собственным сло-

вам, «со всеми шейхами, кази и имамами Серакса направился из Серакса в Мерв для поздравлений [по случаю] прибытия султана...» (46). Вместе с раисом Мейхене он удостоился аудиенции у Санджара, который хорошо принял их и даже дал денег на благоустройство гробницы шейха.

Еще один факт связан с тем, что во время написания «Асрар ат-таухид» Мухаммад бин Мунаввар находился далеко от Мейхене. Об этом свидетельствует выраженная им надежда на то, что к концу жизни он сможет отдохнуть у гробницы шейха (47). М. Шафии Кадкани указывает, что Мухаммад бин Мунаввар жил в Герате и здесь же умер (48), что может быть принято в качестве предположения. Время его смерти, видимо, следует отнести к последнему десятилетию XI в., после того, как было создано «Асрар ат-таухид». Помимо этого, о других его работах ничего не известно и скорее всего он ничего больше не написал. Однако и то, что сохранилось, заслуживает пристального внимания, поскольку это одно из важнейших произведений средневековой персоязычной прозы, сыгравшее в ее развитии существенную роль. В нем имеется немало характерных черт, начиная от использования арабского языка и до включения в прозаическое изложение поэтических отрывков. По ходу повествования следуют частые обращения к Корану, что в сочинении средневекового мусульманского автора, а тем более таком, как «Асрар ат-таухид» было обязательно. Этим он как бы подкреплял свои мысли или намечал отправную точку последующих событий, воспринимавшихся с разных точек зрения.

В отношении «Асрар ат-таухид» причина этого заключалась в его многоплановости. В нем проступает несколько пластов и прежде всего религиозный, что вполне естественно, так как оно посвящено жизнеописанию суфийского шейха. Это, кроме того, обуславливает преобладание сильной суфийской струи. Причем автор затрагивает как концептуальные положения суфизма: возможность познания Бога и слияния с Ним, суть человеческого существования и истинность окружающего мира, этапы мистического пути и роль наставника в жизни мурида, так и суфийский быт, образ жизни суфиев, их времяпровождение, обычаи, суще-

ствующие в суфийской среде, взаимоотношения суфиев с пиром, друг с другом, обычными людьми.

Мухаммад бин Мунаввар часто цитирует коранические аяты, хадисы в том числе хадисы кудси, ссылается на суждения имамов, шейхов, затрагивает историю ислама. Он высказывается о различных богословско-правовых школах в исламе, отдавая при этом предпочтение шафиитскому мазхабу, хотя и стараясь скрыть свои пристрастия за рассуждениями о равнозначности всех толков и школ. Автор использует понятия и термины, принятые в мусульманской традиции, суфийскую терминологию, дает тексты молитв, описывает устройство ханаки, перечисляет качества суфийского наставника и мурида, отмечает десять принципов, которым в обязательном порядке должны были следовать обитатели ханаки. Эти принципы в свое время были выработаны Абу Са'идом на основе Корана и подкреплены соответствующими аятами.

Один из важных моментов в жизни каждого суфия – получение им особого одеяния – хирки. Этот вопрос неоднократно поднимается в «Асрар ат-таухид». Автор перечисляет тех, у кого получали хирки знаменитые суфии, делится мыслями о возможности обладания двумя хирками, сообщает об обряде разрывания хирки, лишения ее и получения новой хирки. Он отмечает, что в тарикате нет ничего более значимого, чем два обстоятельства: кто был обучающим пиром суфия и из чьих рук он получил хирку. И в зависимости от них суфия или принимали в какой-либо суфийской общине или не подпускали к ней (49).

Традиционное религиозное содержание «Асрар ат-таухид», демонстрируя его значимость и основательность, сопровождается описанием исторических реалий. Исторический пласт охватывает сразу несколько направлений: здесь представлены события и факты, имена исторических личностей, различные свидетельства, письма и др. Действие разворачивается на широком историческом и пространственном фоне. Все события охватываются временем правления четырех династий: Саманидов, Караханидов, Газневидов и Сельджукидов и про-

исходят в Хорасане и прилегающих областях. Но автор упоминает и более отдаленные географические места: Багдад времени правления халифа ал-Ка'има, Газну, Ширван эпохи Ширваншахов, древнюю столицу Гуджарата Анхарвалу, Булгар и т.д. Из числа важных исторических событий, о которых идет речь, можно отметить данданаканскую битву, усиление Сельджукидов и образование их государства, нашествие огузов в Хорасан, поход Санджара в Мавераннахр против каракитаев, вторжение в Хорасан хорезмшаха Атсыза.

Эти процессы и события знаменовали большую и сложную эпоху, полную накала страстей и драматических переживаний. Они сказывались на судьбах людей, исторических личностей. Сотни их имен приведены Мухаммадом бин Мунавваром. Это суфийские авторитеты, пиры, проповедники, богословы, чтецы Корана, знатоки и собиратели хадисов. Встречается также большое количество имен государственных деятелей, ученых мужей, полководцев, адипов. Они олицетворяли как современную автору обстановку, так и далекое прошлое. Но тем не менее воспринимались в едином контексте исторической действительности.

Еще один существенный момент представляет собой описание местностей и населенных пунктов, различных строений, дворцов, базаров, обителей, бань. Особенно детализировано изображение Нишапура. Здесь перечисляются такие его кварталы, как Аданикубан, Харб, Хира, Чахарсу-йи керманийан и др., упоминается о торговых рядах, существовавших в Чахарсу-йи керманийан, о том, что в них продавали, сообщается о городских базарах и кладбищах, ханаках и христианских церквях Нишапура, повествуется также о Мейхене, его строениях, мешхеде шейха. Подобные изображения, подробности наполняли изложение реалиями той эпохи, отражали ее социальную, хозяйственную, культурную жизнь.

Наряду с религиозным и историческим в произведении отчетливо проступает также литературный пласт. Он такой же обширный, как и два других, и включает всевозможные компоненты. Употребление художественных средств и приемов,

мифологических и вымышленных персонажей, литературная обработка сюжетов, описание пейзажа, портретные и речевые характеристики придают «Асрар ат-таухид» черты художественной прозы. Некоторые эпизоды обработаны так, что предстают в виде небольших художественных миниатюр. Всеми особенностями средневековой новеллы обладает, к примеру, восьмая история, герой которой сообщает о своей первой встрече и знакомстве с шейхом Абу Са'идом. В ней есть и последовательно развивающийся сюжет, и неожиданная концовка, дается характеристика персонажей, описывается их внешний вид, душевное состояние, ощущения и переживания.

Средневековую новеллу напоминает и 261 рассказ. В нем говорится о том, что старший сын шейха Абу Тахир не захотел учиться в школе. Он не знал Корана, но по указанию отца, заучил наизусть суру «ал-Фатх» («Победа»), начинающуюся словами «Инна фатахна». Через много лет после смерти Абу Са'ида он как-то был на приеме у Низам ал-Мулка и здесь его обвинили в том, что он не знает Корана. Не поверивший этому Низам ал-Мулк, предложил обвинившему его человеку попросить Абу Тахира прочесть наизусть любую суру Корана. И этот обвинитель выбрал для сына шейха именно суру «ал-Фатх». Данный рассказ должен был продемонстрировать дар предвидения Абу Са'ида, но одновременно замысел автора получил блестящую реализацию в новеллистической концовке. В рассказе присутствует и момент занимательности, присущий и другим историям.

По законам художественного повествования передаются события во многих фрагментах и эпизодах. В некоторых из них вымысел переплетается с действительностью; многие рассказы носят назидательный характер, воспевают высокие морально-нравственные качества, призывают читателя к добру, справедливости, честности. Обращаясь к реальным историям и преданиям, связанным с шейхом, Мухаммад бин Мунаввар чередует их иногда с известными литературными сюжетами и мотивами. Таков рассказ о некоем человеке, попросившем у шейха сказать ему какую-нибудь из тайн Господа. В ответ

шейх дает ему коробку с наказом не открывать ее. Однако тот человек, не стерпев, раскрывает коробку, и из нее убегает мышь. За этим сюжетным ходом следует замечание такого рода, что раз ты не смог уберечь мышь в коробке, как ты сможешь сохранить тайну Бога. Этот фольклорный в своей основе сюжет (50) часто встречается как в средневековой персоязычной, так и в других средневековых литературах.

Наличие различных по содержательным параметрам пластов в «Асрар ат-таухид» сказывается на стиле изложения. В отдельных частях он несколько различается. Так, введение выделяется торжественностью, высокопарностью. Оно содержит славословия Богу, Пророку Мухаммаду, султану Гийас ад-Дину, восхваляется также Абу Са'ид. Мухаммад бин Мунаввар использует длинные, цветистые предложения, избыточные изобразительными средствами, которые тем не менее не создают какого-либо конкретного образа или представимой обстановки. К примеру, обращаясь к шаху и превознося его качества, он прибегает, как это было принято, к вычурным гиперболам, пышным эпитетам и витиеватым сравнениям. Выражения типа: «являлись солнцами неба веры и звездами небосклона несомненности», «ухватиться за торока совершенства», «возвышенным суждением высочайшего бессмертия» и др. лишены особой информативности и предназначены для поддержания избранного тона повествования. Кроме того, они отвечали литературным вкусам эпохи и нормально воспринимались средневековым читателем, что также играло немаловажную роль для автора и популярности его труда.

Такой же стиль сохраняется во фрагментах, в которых превалирует религиозное начало, молитвах, письмах. Там же, где происходит усиление исторического и литературного пластов, стиль изложения более снижен. Главное внимание уделяется событийному ряду, что предопределяет необходимость использования простого, доступного языка. Хотя и здесь встречаются нормативные элементы, в частности стилистические формулы, Мухаммад бин Мунаввар старается избегать громоздких фраз и отдает предпочтение ясному и точному слогу.

В композиционном плане «Асрар ат-таухид» выглядит достаточно цельным произведением, правда, иногда с ослабленными внутритекстовыми связями. Если даже во введении и заявляется о том, что сочинение создано, исходя из соответствия его трем этапам жизни шейха—начало, середина, конец—но единым, то есть следующим одним потоком изложение предстает только в первой главе. Повествование в ней несколько раз прерывается отступлениями автора, есть и эпизоды в которых в качестве рассказчика выступает сам шейх. События передаются в логической последовательности, но происходит также их опережение с последующим возвратом к прерванному месту или включение в текст отрывков, не обладающих дальнейшим развитием семантических связей.

Вторая глава—самая большая и на ее долю приходится почти три четверти общего объема. Вопреки утверждению Мухаммада бин Мунаввара, что она состоит из трех разделов, количество разделов в ней достигает семи. Однако в тексте пронумерованы только три раздела (51). В двух из них рассказывается о шейхе, а в третьем содержатся его высказывания, изречения, назидания, истории, поведенные им самим. К этим трем разделам примыкают еще четыре. В одном из них вновь приводятся высказывания шейха, в том числе о пророках, государственных и религиозных деятелях, его суждения по тому или иному религиозно-философскому вопросу, разъяснения им аятов и хадисов, суфийских понятий. Следующий раздел содержит тексты некоторых молитв Абу Са'ида, затем в очередной раздел включены несколько его писем и, наконец, в последнем разделе даются отдельные стихи, произносившиеся им. Глава содержит 244 рассказа. По ходу изложения их цепочка трижды прерывается: два раза изречениями шейха и один раз собранием стихов.

Третья глава состоит, как и указано во введении, из трех разделов. Они включают 33 рассказа, связанных со смертью шейха. Общее количество рассказов в «Асрар ат-таухид», таким образом, достигает 277, считая от первого рассказа второй главы и до 277 рассказа в конце третьей главы. При этом места

рассказов строго не устанавливаются. Они могут быть спокойно переставлены или заменены другими, напоминая в этом смысле рассказы из распространенных в средневековые обранные повестей, между вставными компонентами которых обычно также не существует причинно-следственных связей.

Различаясь по структурным элементам, главы «Асрар ат-таухид» в то же время объединяются едиными принципами изложения. Они соблюдаются на протяжении всего произведения и выглядят следующим образом. Во-первых, это авторское изложение. В некоторых рассказах оно сменяется изложением от имени передатчика предания. Иногда сам автор несколькими словами, типа: «я слышал от такого-то ...» предваряет сообщение, а затем оно приводится от лица передатчика.

Во-вторых, «прямое изложение», когда часть сведений приводится от лица самого шейха. Эти эпизоды начинаются такими стереотипными словами: «шейх-и ма гофт» - «наш шейх сказал» или «шейх-и ма Абу Са'ид гофте аст» - «наш шейх Абу Са'ид сказал». И далее уже следует само описание. Подобным же образом в текст вносятся отдельные высказывания, изречения Абу Са'ида.

В-третьих, автор передавая какой-то рассказ, точно указывает от кого он его слышал или у кого вычитал. Например: «хадже Хасан Муаддаб гофт»-«ходжа Хасан Муаддаб сказал» или «бе хатт-и шейх Абу-л-Касем бин Али аш-Шармагани дидам ке невеште буд» - «я видел рукой (почерком) шейха Абу-л-Касима бин Али аш-Шармагани написанное».

И в-четвертых, не обладая информацией о рассказчике или передатчике сообщения автор предваряет написанное выражением «авардеанд ке»-«рассказывают, что». Все эти принципы дают ему возможность свободно обращаться с большим и разнородным материалом и в конечном счете удачно размещать его в одном сочинении.

«Асрар ат-таухид» не вызывает серьезных трудностей при знакомстве с ним, однако некоторые фрагменты достаточно сложны для восприятия и требуют от переводчика повышенного внимания, чтобы не упустить авторскую мысль в раз-

личных пластах повествования и не исказить тем самым суть оригинала. Мы сочли полезным внести в необходимых случаях в предложения для лучшего понимания их смысла соответствующие уточнения и добавления. Они даются в квадратных скобках. В круглых скобках представлены точные переводы слов и выражений, а в фигурные скобки заключены переводы предложений и фраз с арабского языка.

В процессе работы мы стремились к максимально точному переводу и одновременно старались сохранить особенности языка автора. Однако мы осознаем, что в силу различных причин наша работа, как и любой другой перевод, не лишена недостатков, которые, как мы надеемся будут устранены в будущих изданиях. Считаем своим долгом принести искреннюю благодарность к.и.н. Э.Р. Агаевой за помощь при переводах с арабского языка; во многом нам помог также ныне покойный прекрасный арабист З.Б.Гусейнов.

Перевод «Асрар ат-таухид» осуществлен с издания Хусейна Бадр ад-Дина (Мухаммад бин Мунаввар. Асрар ат-таухид фи макамат аш-шейх Абу Са'ид Абу-л-Хейр /Бе ихтимам-и Хосейн Бадр ад-Дин-Техран, 1377). В случаях возникновения каких-либо сомнений при прочтении текста мы обращались также к изданиям В.А.Жуковского (В.А.Жуковский. Тайны единения с Богом в подвигах старца Абу Са'ида-СПб, 1899) и М.Шафии Кадкани (Мухаммад бин Мунаввар. Асрар ат-таухид фи макамат аш-шейх Аби Саид. Бахш-и аввал ва доввом /Могаддаме, тасхих ва та'лигат-и М.Шафии Кадкани -Техран, 1371; в дальнейшем при ссылках на тексты, изданные Х.Бадр ад-Дином и М. Шафии Кадкани, мы будем указывать только фамилию автора и страницу; для работы М.Шафии Кадкани дополнительно указываются первая или вторая части) с тем, чтобы провести сверку и выбрать наиболее точный и подходящий вариант.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. настоящий перевод, с. 37. Далее при ссылках на наш перевод мы будем пользоваться для удобства аббревиатурой: АТ и указывать страницу. В тексте, изданном В.А.Жуковским, название этого сочинения дается как «Халат

- ва соханан–и шейх Абу Са'ид» (В.А.Жуковский. Жизнь и речи старца Абу Са'ида Мейхенейского–СПб, 1899).
2. АТ, с. 36, с. 34.
 3. Там же, с. 35.
 4. См. История Ирана /Отв. ред. М.С.Иванов–М., 1977, с. 140, а также З.М.Буниятов. Государство Хорезмшахов–Ануштегинидов (1097–1231)–М., с. 25.
 5. См. АТ, с. 35.
 6. Там же.
 7. См. К.Э.Босворт. Мусульманские династии–М., 1971, с. 241.
 8. См. В.А.Жуковский. Тайны единения с Богом в подвигах старца Абу Са'ида–СПб, 1899, с. 5.
 9. См. Я.Рипка. История персидской и таджикской литературы–М., 1970, с. 214.
 10. См. Соханан–и манзум–и Абу Са'ид Абу–л–Хейр /Бе тасхих–о могаддаме: С.Нафиси–Техран, 1376, с. 2.
 11. См. Джамал ад–Дин Абу Рух Лутфаллах бин Аби Са'ид. Халат ва соханан–и Абу Са'ид /Могаддаме, тасхих ва та'лигат–и М.Шафии Кадкани–Техран, 1384; а также Мухаммад бин Мунаввар. Асрар ат–таухид фи макаमत аш–шейх Аби Са'ид. Бахш–и аввал ва доввом / Могаддаме, тасхих ва та'лигат–и М.Шафии Кадкани – Техран, 1371
 12. См. М.Шафии Кадкани. Предисловие в кн.: Мухаммад бин Мунаввар. Асрар ат–таухид, ч. 1, с. 168.
 13. См. Дж.С.Тримингэм. Суфийские ордены в исламе–М., 1989, с. 238.
 14. См. К.Байрамов. Великий старец Абу Сахыт Абул Хайр–В кн.: Мат–лы межд. научн. конф., посвящен. памяти вел. мыслит. Востока Абу Сахыта Абул Хайра, Ашгабат, 1999, с. 79.
 15. См. В.А.Жуковский. Тайны единения с Богом, с. 5.
 16. АТ, с. 72.
 17. Мухаммад бин Мунаввар, Асрар ат–таухид / Издание М.Шафии Кадкани, ч. 1, с. 342.
 18. АТ, с. 100.
 19. Там же. с. 210.
 20. См. М.Шафии Кадкани, Предисловие..., с. 99.
 21. АТ, с. 314.
 22. Там же, с. 294.
 23. Аль–Худжвири. Кашф аль–маджуб ли арбаб аль–кулуб /Пер. с английского А.Орлова–М., 2004, с. 162.
 24. См. К.Байрамов. Великий старец, с. 81.
 25. АТ, с. 43.
 26. См. там же, с. 55.
 27. См. также А.Шиммель. Мир исламского мистицизма–М., 1999,

- с. 191.
28. Там же, с. 192.
29. См. также В.А.Жуковский. Тайны единения с Богом, с. 10–11.
30. См. Фарид ад-Дин Аттар. Тазкират ал-аулия /Бе таских–и М.Эсте'лами–Техран, 1374, с. 803.
31. См. Абд ар-Рахман Джамии. Нафахат ал-унс /Бе таских–и М.Тоухидипур–Техран, 1337, с. 300–307.
32. См. Я.Рипка. История персидской и таджикской литературы, с. 227.
33. См. Е.Э.Бертельс. Суфизм и суфийская литература–М., 1965, с. 56; А.Шиммель. Мир исламского мистицизма, с. 194.
34. См. М.Шафии Кадкани, Предисловие..., с. 112.
35. Чешидан–и та'м–и вагт. Аз мирас–и эрфани–йи Абу Са'ид / Могоддаме, таских ва та'лигат–и М.Шафии Кадкани–Техран, 1385, с. 256–260.
36. См. Соханан–и манзум, с. 35–40.
37. См. Худжвири. Кашф ал-махдуб, с. 249, 347.
38. В самом тексте «Асрар ат-таухид» это рубаи встречается трижды см. АТ, с. 246, 388, 423.
39. См. АТ, с. 246.
40. Там же.
41. См. там же, с. 103.
42. См. АТ, с. 183.
43. См. там же, с. 74–75
44. См. Худжвири. Кашф ал-махдуб, с. 117.
45. Там же, с. 118.
46. АТ, с. 410.
47. Там же, с. 403.
48. См. М.Шафии Кадкани, Предисловие..., с. 166.
49. См АТ, с. 79.
50. См. Н.П.Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне–Ленинград, 1929, с. 54, № 790.
51. При отсутствии единого варианта и для избежания неточностей, содержащихся в изданиях В.А.Жуковского, М.Шафии Кадкани и Х.Бадр ад-Дина, мы оставили пронумерованными первые три раздела.

[ВВЕДЕНИЕ]

ВО ИМЯ АЛЛАХА МИЛОСТИВОГО, МИЛОСЕРДНОГО

{Хвала Аллаху, который осветил сердца святых нежностью Своих лучей и сделал души Своих любимцев и их нутро сокровищницей Своей тайны, и снял (раскрыл) с сердец Своих чистых [людей] покрывало притеснения. И благословение и приветствие Его рабу и Пророку, лучшему из лучших, его роду и асхабам (1), и сторонникам, и ансарам (2), и множество приветствий всем им}. Неизмеримая благодарность, признательность и хвала, и бесконечное прославление, и безграничное восхваление и славословие Создателю творений и Творцу созданий, всевышнему и святому; Тому Господу, который бескорыстно и беспристрастно и, не требуя выгоды и блага, [а] только ради великодушия и совершенства благосклонности, и милости, и проявления беспредельного могущества создал вселенную и предназначил ее для различных диковинных и редкостных [вещей]; и одна из них была та, что из горсти земли создал избранного Адама, являющегося отцом людей и обоснованием мирян, и на годы оставил его замешанную форму «из глины, облеченной в форму» (3) между Меккой и Таифом.

И, когда по Божьей воле наступила (получилась) готовность [получения] духа и [произошло] совершенствование человеческой души, то украшением «и вдохну в него от Моего духа» (4) его форму украсил и изволил присвоить ему [признаки] человечности; и поскольку «человек», и «привязанность», и «близкие отношения» есть слова, составленные из соразмерных букв (5), то проявил высшую мудрость и сделал его нуждающимся в [интимном] друге (6), чтобы ужас одиночества с помощью близких отношений с тем другом он бы от себя устранил.

Поэтому Хавву, которая была матерью человечества, сотворил из его левого [ребра] по образу творения и способу

созидания и вожделение, которое является [одним] из признаков явлений животной души (нафс–и хейвани), сделал составной [частью] их натуры, чтобы с помощью того признака между ними укрепились и [стали] непрерывны правила рождения и воспроизведения потомства. И несколько тысяч людей появились, стали заметны и очевидны, и определились в пределах земли и на просторах суши. Каждая категория людей характеризовалась [своим] качеством и каждое племя [своими] свойствами; у каждого народа [есть] наречие и язык, отличающиеся (противоположный) от другого; основа [всех людей] одна, а ответвления и разделения по различиям неизмеримы, чтобы стали они доказательством и явным свидетельством совершенства всемогущества Создателя:

{Во всех вещах есть Его знаменья,
Свидетельствующие о Его могущественности и
единственности}.

Лучшими и избранными детьми избранного Адама [Он] предопределил пророков и посланников, ибо это таифа (7) пришло как посредник между Божеством и абидом (8), Творцом и творением. Их души до такой степени совершенства и до такой ступени превосходства изволил предопределить, чтобы лицом (т.е. внешне) они были с народом, а по качествам (т.е. внутренне) с великим и преславным Господом, чтобы обрели они то, что является истиной Господа; и свойством света пророчества сочли бы обязательным наставлять людей и руководить [ими на пути] к ней и сочли бы необходимым удерживать [их] от ошибок и уклонений от [истины], чтобы от заблуждений невежества и из пустыни скитания поспешили бы [они] к берегу спасения и рубежу правильного пути и перешли (предназначены) бы они из животной ступени к пределам [обладания] даром слова и человеческими качествами.

После разряда пророков [Он] соизволил создать святых (аулийа), которые являются чудотворцами и возносящими (хозяевами) молитвы, и [обладателями] макамов (9); в отношении

сути [они] близки к посланникам и пророкам; разница между этим таифа и таифа пророков не больше того, что пророк в одно и то же время может внутренне быть с Богом, а внешне с народом, а у святого пребывание (занятие) с Богом препятствует пребыванию с народом; и другое [различие] состоит в том, что пророк был послан для призыва и наставления, а святой совершенством Его милости и беспредельной мудрости от этого освобожден.

Хотя в каждое время и в каждый век миссия пророков и правила посланничества имеют [свои] трудности, тем не менее в каждое время присутствие чудотворцев и обладателей макамов обязательно (можно представить), чтобы люди, когда ознакомятся с их жизнью, словами и поступками [могли бы] направиться от видимого мира к миру сокрытому (сути) и стало бы известно им, что вне этого являющегося лик и бессмысленного мира есть другой мир, ради которого создали человека; чтобы в этом мире он собрал бы дорожные припасы того мира и подготовил (получил) бы в себе способности соединения с ним; и если не сможет он достичь степени духовных ангелов, то [хотя бы] превзошел разряд четвероногих (скотины) и животную степень.

И после неизмеримого славословия, хвалы и благодарности Божеству—дорого нам Его величие—множественные приветствия и поклоны, и восхваления, [идушие] от всей (сердцевины) души и с помощью нашего языка святой душе и очищающей могиле, и чистому духу, и благоуханному саду сеида пророков и вождя избранных Мухаммаду Мустафе (10), да благословит его Аллах и приветствует; да будет постоянным соединением, разрыв которого не произойдет без остановки [вращения] небесных тел и движения «подпорок» земли (11).

После приветствия сеида вселенной, да благословит его Аллах и приветствует, тысяча поздравлений, приветствий и многочисленных восхваления чистой душе непорочных сподвижников и его ахл—и бейт (12), которые были светилами неба наставления и свечами звезд благосклонности в течение дней

и на протяжении месяцев и лет, да будет непрерывным их род!
Аминь Господь миров!

Так говорит автор этой книги, грешный раб Мухаммад бин ал-Мунаввар бин Абу Са'д бин Абу Тахир бин великий шейх, султан тариката (13) и доказательство хакиката (14) Абу Са'ид Фазлаллах бин Абу-л-Хейр ал-Мейхени, да освятит Аллах его дорогой дух и осветит место его отдохновения (15), что с начала детства и расцвета юности, помыслы этого бедняги были ограничены поисками пользы в счастливых изречениях, деяниях и благословенном житии своего предка султана тариката и доказательства хакиката Абу Са'ида Фазлаллаха бин Абу-л-Хейра ал-Мейхени. И от шейхов и знатных людей [из числа] его потомков, до осветит Аллах места их отдохновения, он разузнавал о них и по мере возможности старался в исправлении тех иснадов (16). И поскольку тот век был веком государства веры и то время-временем расцвета шариата и тариката, и вселенная [была] украшена существованием великих имамов (17), которые являлись солнцами неба веры и звездами небосклона несомненности, а земля украшена местопребываниями почитаемых шейхов, которые были аутадами (18) земли тариката и кутбами вселенной хакиката и искренние муриды и объединенные помыслами мухиббы (19) [были] ограничены (т.е. занимались только этим— *М.К.*) поисками шариата, а потребности [были] связаны [со следованием] тарикату, [то] все [они] ради [получения] благословения и предзнаменования своей судьбы и ради того, чтобы на [суфийском] пути у их способа [достижения] истины был бы довод и определенность, чтобы с их помощью найти дорогу к хазрату (20) Господу и при их свидетельстве [провести] различие между земными мыслями и божественными откровениями, большей частью помнили о состоянии и житии нашего шейха и пользе [его] изречений и деяний. [Они] проводили время в их обсуждении и по этой причине наши шейхи, да осветит Аллах места их отдохновения, не углублялись в их собирание, и поскольку все мысли были озарены той пользой и слух всех очищен ее упоминанием, и все уста благоухали от высказывания и рас-

пространения ее, то они не нуждались в труде (собрании), включающем все изложение и подробности и состоящим (наполненным) из полного [повествования] и деталей, так как слава тех деяний и речений (21) среди знатных и простых людей и полное признание религиозными толками той жизни и чудес, несмотря на отрицание [некоторыми] из них этого рассказа (хадис), (22) избавили их от сочинения такого труда. [Так продолжалось] до настоящего времени, когда произошло событие, [связанное] с гузами и смутой в Хорасане (23). В Хорасане в целом случилось то, что случилось, и в Мейхене в особенности мы увидели то, что увидели и испытали то, что испытали. В действительности во всех городах Хорасана во время этого события не было ни одного места, [которое бы охватили] те же бедствия и страдания и те же разрушения и несчастья, что [выпали на долю] Мейхене и его населения. И верность этого хадиса (24): {самые тяжелые бедствия—для пророков, затем святых, затем близких и ближайших [по духу к ним] }и для нас, и для всего населения Хорасана в несчастьях жителей Мейхене стала очевидной и явной (наблюдаемой). {И короткое получается из длинного} (25) ; вот почему в самом Мейхене различными пытками: огнем, землей и др. умертвили и мечом превратили в шахидов от мала до велика сто пятнадцать человек [из числа] детей [и потомков] шейха, происхождение которых было связано с шейхом, и [это] кроме того, что в других городах [люди также] стали шахидами и не остались [в живых] в голоде и холере этого события, да помилует их всех Аллах; и положение искренних муридов и любящих мухиббов надо соизмерять с этим [событием].

Знатные представители веры и предводители хакиката и тариката укрылись под покровом земли. Наступило время недостатка мусульманства и достоинства. Дело веры охватило полное обращение вспять и великое расстройство проникло в дело тариката. Наступило время исчезновения имамов веры и прекращения преемственности пиров (26) тариката, и пречистый и всевышний Бог исполнил обещание «Разве неверные не видели как Мы нисходим на их владения и сокращаем их по

краям» (27). И истина выражения {поистине, всевышний Аллах не забирает знание у людей, но, забирая ученых, забирает и знание} стала явной и установленной. Поиски [всех] оказались в прошлом (в остатке), а убеждения полностью развратились. Большая часть населения ислама довольствовалась [лишь] названием мусульманства и шариата, и отдельными обрядами тариката и хакиката. Притяжение божественного совершенства возникло внутри у этого бедняги, а доводы [и] упрашивания муридов послужили причиной и побудили [к тому], чтобы все было написано (выстроено) о житие и состоянии, и деяниях его предка султана тариката и доказательства хакиката шейха Абу Са'ида Абу-л-Хейра, чтобы у жаждущих вступить на путь тариката увеличилось бы стремление и у путников (салеков), [идуших] по пути достижения истины, был бы вождь и наставник, ибо «и мы следуем по их стопам» (28); и в другом месте, где упоминает избранных людей, которые были предназначены в качестве особых по взгляду благосклонности хазрата, [не имеющего] причины, изволит: «Они-те, которых Аллах ведет прямым путем» (29).

Когда по причине разногласий судьбы и возникновения грабежей и разорений, [следующих] одно за другим и раз за разом положение Мейхене стало таким, что от следов нашего шейха, кроме могилы и мешхеда (30), [ничего] не осталось, [то благодаря] многочисленным стараниям удалось получить [лишь] малое [из того] желанного (31); и из каждого разбросанного [по области] места что-то нашлось. А то, что было в памяти, по причине продолжительности и давности времени и мыслей о детях и оставшихся, и печали [по поводу] разлуки с умершими, и различных бед и мучений от тяжелых пыток гузвов, и страшных болезней, и по причине скитаний и [удаленности] от дома большей частью стерлось и забылось, и осталось за завесой { отвлек меня ячмень от работы (стиха) } (32).

А также продолжительность жизни нашего шейха была тысяча месяцев, что составляет восемьдесят три года и четыре месяца; как было сказано его благословенными устами на прощальной проповеди: «Теперь им (33) исполнилась тысяча и за

пределами тысячи нет счета». И [разве] можно записать все события этого времени или как проследить за ними; само это [действие] невозможно [и относится к числу] неосуществимых, поскольку вряд ли можно поведать обо всех высказываниях, и действиях, и поступках какого-то лица за время его жизни. Однако то, что было в пределах возможности этого возносящего молитву и что было в его силах, он исполнил и потратил на то беспредельное усердие, и в выправлении иснадов старался изо всех сил (до пределов возможного). И все, что в предании о том было ущербно или в иснаде было сомнительно, отбросил и воздержался от замечаний [по поводу собранного].

До этого, во времена устойчивости славный имам Джамал ад-Дин Абу Рух Лутфаллах бин Абу Са'ид, двоюродный брат этого возносящего молитву, все написал (изготовил) по просьбе некоего мурида и разделил написанное на пять глав (баб); в каждой главе он изложил, согласно иснаду, какую-то тему (вещь) и сути той темы посвятил (произнес) раздел [внутри той главы] так, что это было обусловлено полнотой совершенства и рудником его красноречия (фасахат) и риторики (балагат) и привел название (тахаллус) [сочинения] как «Халат ва соханан-и шейх-и ма» (34). Однако он избрал (вручил) путь сокращений и краткого изложения. И этот возносящий молитву не захотел предлагать свой дешевый янтарь [вместо] того редкого драгоценного камня или приносить этот незначительный товар взамен того предела совершенства и красноречия, поскольку собственное достоинство не позволяет (не осуществляет) того, чтобы можно было ухватиться за торока его совершенства и величия или можно было бы достичь круга его свиты в какой-нибудь отрасли из отраслей искусства. Но [как] говорят: «Нанизывают на нить вместе с драгоценными камнями янтарь». Велико было желание умножить то, что привел тот великий о жизни и деяниях нашего шейха и записать то, что дошло до этого возносящего молитву и было правильным для него [из числа] примет и его благословенных изречений, да осветит Аллах его могилу, дабы его приметы, жизнь и деяния сохранились среди народа и жителей эпохи; и некоторые [из них], истрепавшиеся и

пришедшие в негодность по причине смут и волнений, обновились бы и остались после нас как память, поскольку известно и установлено, что чем дальше от людей отстоят [прошедшие] дни, тем больше в их помыслах изъяснов и тем меньше сыщется путников (салек) на пути [познания]. И знание не усваивается каждым, и сделка (муамала) сама является красной серой (35), и не меньше [по значению] она того, что речами того почитаемого [человека] веры и единственного [представителя] времени услаждается слух убежденных и успокаиваются сердца и души притязующих на тарикат; и такова она, как говорят:

Если не могу купить я мешок сахара,
То хотя бы отгоняю мух от мешка с сахаром.

И существует также высказывание великих: {«При упоминании добродетельных нисходит милосердие»}(35а). Поскольку жизнь всех людей и их дела не выходят [за пределы] трех разрядов: начало, середина и конец, то и это сочинение (собрание) состоит (заложено) из трех глав.

Первая глава—о начале жизни нашего шейха от дней детства до сорока лет; [изложение] того, что дошло до нас о его обучении, воздержании (рийазат) и [духовных] рвениях (муджахидат) за этот срок, и упоминание его пиров и шейхов, и [проследивание] получения (родства) им своих знаний и хирки (36) вплоть до Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует.

Вторая глава—о середине жизни нашего шейха; и эта глава содержит три раздела:

первый раздел—в повествование о проявлениях его чудотворства, зафиксированных и [переданных как] правильные [со слов] близких нам надежных сказителей.

второй раздел—в повествование [о том], что заключает в себе пользу, [а также] о некоторых из рассказов о шейхах и их речениях, которые для пользы были произнесены его благословенными устами.

третий раздел—о пользе, [а также] о разрозненных замечаниях из его речений и некоторых его обращениях и различ-

ных указаниях, произнесенных его дорогими устами и нескольких его письмах, дошедших до нас.

Третья глава—об окончании жизни нашего шейха, и она состоит из трех разделов:

первый раздел—о его заветах во время кончины.

второй раздел—об особенностях его кончины.

третий раздел—о чудесах, проявившихся после его кончины, о некоторых из которых, сообщалось еще при жизни и некоторых, которые видели после его смерти.

И это сочинение называли «Асрар ат-тоухид фи макамат аш-шейх Абу Са'ид». И у пречистого и всевышнего Господа была испрошена удача в окончании этого сочинения, и указании правильного пути, и [пребывания] на правильном пути. Для краткости и сокращения изложения, воздержания и проявления осмотрительности [с целью избежания] изнеможения и порицаний [некоторые] из иснадов были отброшены. Пречистый и всевышний Господь полнотой совершенства, и щедрости, и милости Своей да повернет удачу к другу [Своему], чтобы цель и желаемое на прямом пути истины стали достижимы, и если предел мечтаний не будет достигнут, то он (т.е. автор— М.К.) вновь двинется по [этому] пути; да приумножит [Он] то, что имеет отношение к интересам веры и убежденности и обезопасит от недостатков;

{мы ищем покровительства у Аллаха и при добрых [делах], совершенных после порочных. И Он лучший из удостоивающих и определяющих [помощь]. И хвала Аллаху—Господу миров и благословение Пророку Мухаммаду и всему его чистому, непорочному роду }.

Затем этот возносящий молитву добром хотел услужить хазрату падишаху ислама, высокочтимому султану, великому шахиншаху, властелину народов, правителю монархов арабов и Аджама, защитнику рабов, тени Аллаха в городах, спасителю святых Аллаха, покорителю врагов Аллаха, помощнику халифа Аллаха, защитнику мира и религии, прославляющему ислам и мусульман, могучей руке государства, венцу цветущего народа, торжеству блестящей уммы (37), порядку вселен-

ной, гасиму амир ал–муминин (38)Абу–л–Фатху Мухаммаду бин Саму, да дарует Аллах превосходство его словам и свяжет его государство с вечностью, и послать подарок так, чтобы ни при каком случае этот возносящий молитву добром не был бы свободен от пребывания на обряде молитвы за [это] государство и произнесения (исполнения) благодарности за благодеяния того падишаха справедливой вселенной; да не будут избавлены превосходство его великолепия и просторы его значимости, являющиеся местом поклонения правителей и местом целования [земли] для султанов вселенной, от подарков и услужения этого преданно молящегося. И каждый раз, когда рассказ из этого драгоценного жемчуга и мгновение от той религиозной пользы излагались бы для благородных ушей, { да сделает Аллах слышимой добрую весть }, и [передавались] радостные известия, и принимались бы [они во время] счастливого падишахского прочтения и благословенного султанского взгляда, упоминание добром [этого] возносящего молитву при высочайшем дворе и благородном собрании, являющимися Каабой надежды и киблой счастья, возобновлялось бы возвышенным суждением высочайшего бессмертия (т.е. самого правителя– М.К.) путем оказания чести и [произнесения] (в виде) похвалы.

И хотя я протягивал руку, ищущую уголков сердца, то все, что ею было предложено (39), если это и было ковром суши, [все равно] по сравнению с тем благословенным ковром (40) оказывалось с изьяном и [означало] «везти тмин в Керман» (41), а, возможно, [напоминало то, как] саранча [своими] ножками «несла» правду Сулейману (42). Согласно этому введению, преданный слуга услужение и подарок, которые являются беспримерными в мире, счел лучшими и приближенными к адабу (43), так как установлено высочайшим мнением, что все мирские дары тленны, подобно миру, и от обладания (изучения) ими невозможно найти вечное счастье; и если во всей вселенной какой–либо подарок у этого возносящего добром молитву был бы больше и дороже этого подарка, то тому хазрату, являющемуся наибольшим хазратом, послал бы путем услужения тот пода-

рок. И поскольку все помыслы великого султана, да сделает Аллах явным его доказательство и возвеличит его достоинство, были ограничены приобретением религиозной пользы, убежденность этого преданного слуги заключается в том, чтобы этот подарок вовремя и в нужном месте был принят, так как все, что из тех дорожных припасов жилища вечности можно подготовить, сделано, следуя сунне (44) Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует, и согласно (в сопровождении) жизнеописаниям святых. И так, это следование было достигнуто после полного знания особенностей (качеств) действия и ознакомления с подробностями адаба и их явными и скрытыми предписаниями. Поскольку пиром, и [духовным] отцом, и вождем, и наставником этого немощного слуги является шейх Абу Са'ид Абу-л-Хейр, и возносящий молитву слуга в течение своего существования имел [период] потраченной жизни на поиски пользы его речений и деяний и особенностей (качеств) его поведения на пути шариата и тариката и по мере своих возможностей выстроил (т.е. написал— М.К.) собрание [записей] из той пользы для путников этого порога и муридов того дворца, и раньше этого слуги ни один мурид не выстроил собрание [записей] более полное и более полезное, чем этот сборник в изложение поведения и всей пользы речей и деяний своего пира, то он (т.е. автор— М.К.) пожелал этот дар, самый совершенный и значительный из даров, послать хазрату падишаху, являющемуся самым почитаемым хазратом среди правителей мира. Ибо тверда надежда на милость и щедрость пречистого и всевышнего Господа и также несомненно верно, что этот справедливый султан, подобно тому, как является величайшим правителем из правителей эпохи и лучшим падишахом из падишахов века по справедливости, и убеждению, и вере, и образу жизни в [этом] мире, то и в вечном жилище и райских садах будет самым великим падишахом по степени и по близости к хазрату величия и самым [достойным] по участи султаном из султанов загробной жизни в райском царстве, согласно хадису обладателя шариата, да благословит его Аллах и приветствует, который изволил [сказать]: «Один справедливый час справедливого падишаха превышает нескольких лет поклонения благочести-

вого аскета». И поскольку Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, изволил, что «мир есть пашня загробной жизни», и этот падишах в мире, кроме семян справедливости, и правосудия к подданным, и благодеяния немощным и подчиненным, щедрости и великодушия к людям веры и добра, ничего не засекает, то завтра каждый раз изобилие этих семян не сможет быть ничем иным, кроме как плодами «на ложах истины у могучего властелина» (45).[Да будет] замечена надежда этого возносящего молитву и удостоится чести быть принятой в высшем дворце, да возвысит его Аллах, и этот бедняга во всех случаях и на каждой стоянке, [да будет] признан особым возносящим молитву человеком того государства и узнан как признательный за вознаграждение и восхваляющий почести того хазрата, который является покровителем и прибежищем всех созданий. И если у возносящего молитву слуги из-за человеческой забывчивости появятся ошибки и заблуждения, и падишах справедливой вселенной, да сделает Аллах вечным его правление, правильностью мнения украшающего мир прознает про это, [то] пределом царственного великодушия, [да] поставит печать прощения на то заблуждение и безграничным падишахским совершенством скроет его и опять скроет. Всевышний и всесвятой Создатель, да сделает сверкающим солнце государства той тени Господа да часа воскресения и обережет и защитит его от затмения исчезновения, и тень справедливости и правосудия того солнца султанов эпохи и светила царей века навечно упрочит и сделает сверкающим над головами немощных и всех подчиненных, и падишахство этого брэнного жилища приблизит к правлению и владению того дворца вечности и все, что [приемлемо] в интересах религии и мира этого султана справедливой вселенной Своим совершенством и щедростью сделает возможным и достижимым. {Хвала Аллаху—Господу миров и благословение Пророку Мухаммаду и всему его роду; и достаточно нам единственного Аллаха, и Он добрейший из повелителей и лучший из помощников}.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О НАЧАЛЕ ЖИЗНИ НАШЕГО ШЕЙХА АБУ СА'ИДА АБУ-Л-ХЕЙРА

Знай, что наш шейх никогда не говорил о себе «я» или «мы», а там, где упоминал о себе, говорил «они сказали так и они сделали так». И если этот возносящий молитву в этом собрании [записей] будет повествовать о речах шейха таким образом, как это имело место в его благословенных словах, и способ его (т.е. шейха– М.К.) речения ради обретения благословения будет сохранен в том порядке, [как и был], то [это сочинение] станет далеко от понимания простого люда. И некоторые читатели, а, может и больше, в порядке следования речений и составлении смыслов впадают в заблуждение и не могут все время сохранять в памяти то, что шейх, [говоря] «они», имел в виду себя; для них это затруднительно, в особенности для того, кто не читал начало книги и не знал об этом (об этом смысле). И когда он возьмет эту книгу и захочет прочесть какой-нибудь рассказ, [то должен учесть], что этот возносящий молитву, принося извинения, всюду, где шейх изволил сказать «они», упомянул это словом «мы», поскольку это слово среди народа принято и распространено, и близко пониманию читателей. Но следует также учесть, что всюду, где мы упомянули слово «мы», языком шейха в его благословенных словах следовало «они» {благочестивому достаточно намека}.

И знай, что отцом нашего шейха Абу Са'ида был Абу-л-Хейр, и его в Мейхене называли Бабу Абу-л-Хейр, и он был аптекарем. Он был благочестивым, набожным человеком, осведомленным в шариате и тарикате. Он всегда общался с асхаб-и суффа (46) и людьми тариката. И рождение нашего шейха Абу Са'ида было в воскресенье первого числа мухаррама 357 г.х. (7. X11. 967).

Отец нашего шейха со всеми дорогими людьми этого таифа обитали в Мейхене, и в течение недели каждый вечер приходили в дом к кому–нибудь из того сообщества, и если появлялся кто–то из близких или чужаков, то и его приглашали. И что–нибудь поев и, освободившись от намазов и аурадов (47), приступали к сама (48). Однажды вечером Бабу Абу–л–Хейр отправился в гости к дервишам. Мать шейха, да помилует ее Аллах, упросила его взять с собой Абу Са’ида, чтобы взгляд дервишей пал на него. Бабу Абу–л–Хейр взял шейха с собой. Когда они занялись сама, каввал (49) произнес этот стих (50):

Да, эта любовь–подарок дервишей,
Самоубийственна для них, она–их вилайат (51).
Жертвовать жизнью–дело доблестных,
Мир и дирхемы (т.е. привязанность к мирскому– М.К.)
не являются украшением мужчин.

Когда каввал произнес этот стих, дервишей охватил восторг, и ту ночь до утра они плясали под этот стих и пребывали в этом состоянии. От многократного произнесения этого стиха шейх запомнил его. Когда они вернулись домой, шейх сказал отцу: «В чем значение стиха, который произнес каввал, и , услышав который, дервиши хорошо провели время? - Отец шейха сказал – Замолчи! Ибо ты не поймешь его смысл и не узнаешь; какое тебе дело до него?» После этого, когда состояние шейха достигло той [высокой] степени [совершенства] и [когда уже] Бабу Бу–л–Хейр достиг Божьего милосердия (т.е. умер– М.К.), [то] шейх посреди разговора много [раз] говорил и говорил: «Сегодня, Бабу Бу–л–Хейр, следует, чтобы мы сказали тебе, что ты сам не знал, что услышал тогда».

И говорят, что отец нашего шейха Бабу Абу–л–Хейр, любил султана Махмуда (52) великой [любовью]; и он построил дом в Мейхене, известный ныне, как дом шейха. На стенах и на потолке того дома [написали] имя Махмуда, и [упомянули] его свиту, и изобразили его слонов и коней. Наш шейх был

[в то время] ребенком и сказал отцу: «Построй для меня в этом доме одну комнату, дабы та комната принадлежала [только] мне и дабы никто не мог занять ее». Отец построил для него комнату наверху дома, и она являлась кельей шейха.

Когда комнату закончили и обмазали глиной, шейх изволил, чтобы на двери, стенах и потолке ее написали «Аллах, Аллах, Аллах». Отец спросил [у него]: «О сын! Что это такое? – Шейх ответил – Каждый на стенах своей комнаты пишет имя своего повелителя». Отцу стало приятно, [но в то же время] он раскаялся в содеянном им [самим], и он приказал, чтобы все, что написали, удалили бы со стен его дома, и с того момента он стал смотреть на шейха другими глазами и привязался к его делу всем сердцем.

И наш шейх Абу Са'ид обучался Корану у ходжи имама Абу Мухаммада Анари. Он был набожным, благочестивым имамом и был [из числа] знаменитых хорасанских чтецов Корана; могила его, да помилует его Аллах, находится в Нисе (53). Наш шейх сказал [однажды]: «В детстве, в то время, когда я обучался Корану, мой отец Бабу Абу - л-Хейр вел меня на пятничный намаз. По дороге в мечеть на намаз шел пир Абу-л-Касим Башар Йасин». Он был [из числа] знатных улемов (54) времени и великих шейхов эпохи и обитал в Мейхене (55). Шейх сказал: «Когда взгляд его упал на нас, [он] сказал: «О Абу-л-Хейр, чей это ребенок?–Отец ответил (сказал)–Мой». Он подошел к нам, сел, подогнув под себя ноги, поднял лицо к нашим лицам, и глаза его наполнились слезами. Потом он сказал: «О Абу-л-Хейр, мы не могли уйти из этого мира, ибо видели вилайат пустым (56), и эти дервиши остались бы загубленными. Сейчас, когда мы увидели этого твоего сына, уверились в том, что вилайат станет уделом этого ребенка». Затем он сказал моему отцу: «Когда выйдешь с намаза, приведешь его к нам». Когда мы закончили намаз, отец отвел меня к Абу-л-Касиму Башар Йасину. Когда мы оказались в его келье, то сели перед ним. В той келье была довольно высокая арка. Абу-л-Касим Башар сказал моему отцу: «Посади на плечи Абу Са'ида, чтобы он взял лепешку с той арки». Отец поднял

меня, мы протянули руку и взяли лепешку с той арки. Это была ячменная лепешка, горячая. Как только рука наша [коснулась] ее и прознали мы, что она горячая, Абу-л-Касим взял ее у нас; глаза его наполнились слезами, и он разделил лепешку надвое. Одну половину дал мне и сказал: «Съешь». А вторую половину съел он. Отцу ничего не дал. Отец мой сказал: «О шейх! В чем причина того, что ты нам ничего не дал от этой благодности?»—Абу-л-Касим Башар сказал—О Абу-л-Хейр! [Вот уже] тридцать лет, как мы положили эту лепешку на эту арку и нам обещали, что эта лепешка станет горячей в руках [лишь] того, кем оживится мир и конец этого дела (хадис) [наступит] с ним (57). Сейчас тебе сообщена радостная весть о том, что этим человеком будет твой сын». Затем Абу-л-Касим Башар сказал нам: «О Абу Са'ид! Запомни эти слова и все время повторяй (говори) их: «{ Хвала Тебе за кротость Твою вслед за узнаванием Тебя и хвала Тебе за прощение Твое вслед за могуществом Твоим }». Мы заучили эти слова и все время повторяли их».

Наш шейх сказал: «Мы раньше его вышли наружу и не узнали, что [затем] говорил тот пир в тот день». После этого события жизнь того пира не подходила к концу [до тех пор], пока наш шейх не вырос и не перенял много полезного у него.

Наш шейх сказал: «Когда мы обучились Корану, мой отец сказал: «Завтра надо пойти к адибу (58)». Мы сказали устаду (т.е. Абу Мухаммаду Анари— М.К.) , что отец говорит так. Устад сказал: «Поздравляю» и вознес молитву за нас. И сказал: «Запомни эти наши слова: одно мгновение помыслов с Аллахом для тебя лучше, чем все то, что освещается солнцем». Мы запомнили пользу [этих слов] и устад сказал: «Прости нам [проступки наши]—сказали мы—Простили—сказал он—Да благословит тебя Бог за твое знание!» На другой день отец отвел меня к ходже имаму Абу Са'иду Эмади. Он был имамом, и муфтием, и адибом. Некоторое время мы провели у него, и в течение этого [срока мы еще] прибыли к Абу-л-Касиму Башару Йасину и обучились мусульманству у него. Наш шейх сказал: «Однажды Абу-л-Касим Башар Йасин сказал нам: «О Абу Са'ид! Старайся изгнать коры-

столюбие в муамала, ибо чистосердечие (ихлас) не вяжется с корыстью; и дело, [совершенное] с корыстью является батрачеством, а с чистосердечием—служением (рабством) Богу». Затем сказал: «Запомни этот хадис, который сообщил Посланник, да благословит его Аллах и приветствует,: «Всевышний Господь в ночь мираджа сказал нам: «О Мухаммад! {Приближающиеся не могут приблизиться ко мне, подобно тому, как Я приближаюсь к ним. Раб до тех пор продолжает приближаться ко мне совершением дополнительных (навафел) молитв, пока Я его не возлюблю, а если Я его возлюблю, то становлюсь для него слухом, и зрением, и рукой. Мною он слышит, Мною он видит, Мною он берет}» (59). И затем [Абу–л–Касим] сказал: «Исполнение обязательных религиозных обрядов есть поклонение [Богу], а дополнительных—выказывание любви [к Богу]». И затем он сказал этот стих:

Совершенство любви пришло от бескорыстного Друга.
Разве имеет цену то, что [само] является стоимостью.
Наделяющий дарами для тебя, безусловно,
лучше, чем [сам] дар,
Что толку в даре, ибо то же он, что и алхимия».

Наш шейх сказал: «Однажды мы были у Абу–л–Касима Башара Йасина, и он сказал нам: «Эй сынок! Ты хочешь говорить с Богом?—Сказали мы—Хотим, почему нет?—Сказал он—Каждый раз, когда ты будешь в уединении, говори следующее и не говори ничего больше:

Без Тебя, о Душа, я не могу успокоиться,
Благодетелей Твоих я не могу счесть.
Если на теле моем станет языком каждый волосок,
То и тогда я не смогу вознести Тебе одну благодарность
из тысячи.

Мы все это говорили и [благодаря] благословиению [этих слов] путь истины для нас открылся [еще] в детстве». Смерть Абу–л–Касима Башара Йасина наступила в Мейхене в 380 г.х.

(31. 111. 990–20. 111. 991); и каждый раз, когда наш шейх оказывался на кладбище в Мейхене, то вначале посещал его [могилу].

Наш шейх сказал однажды посреди беседы: «Как-то [был] некий пир, слепой и преклонных лет; он пришел в эту мечеть–и он указал на свою мечеть, которая находится возле мешхеда шейха, - сел и подложил свой посох за спину. И [однажды] мы подошли к нему, возвращаясь с сумкой от адиба. Мы поздоровались с ним (с тем пиром). Он ответил и спросил: «Ты сын Бабу Абу–л–Хейра?–Мы сказали–Да–спросил он–Что ты читаешь?–Мы сказали–Такую–то и такую–то книгу–тот пир сказал, что шейхи говорили: «{Истина знания в тайне, которая раскрывается}». И мы не знали тогда, каков был смысл истины и что такое раскрытие, пока через шестьдесят лет пречистый и всевышний Господь не прояснил и не осветил нам смысл этих слов».

Когда наш шейх Абу Са'ид закончил [изучение] слова (60) и вознамерился (подумал) заняться фикхом, то направился в Мерв (61). И однажды наш шейх во время беседы сказал: «В тот день, когда мы из Мейхене прибыли в Мерв [изучать] фикх, то помнили наизусть тридцать тысяч бейтов из джахилийской поэзии». Итак, наш шейх прибыл в Мерв к имаму Абу Абдаллаху ал–Хизри (62), который был имамом времени и муфтием эпохи и в совершенстве знал науку тариката. Он был из числа авторитетных имамов. Наши асхабы в [различных] вопросах приводят множество его доводов. Он был учеником Ибн Сорайджа (63), а Ибн Сорайдж - учеником Музанни (64), а Музанни–учеником Шафии Муталлаби (65), да будет доволен ими всеми Аллах. Шейх и сторонники тариката, которые были после Шафии, да будет доволен им Аллах, все принадлежали к мазхабу Шафии. И тот, кто прежде того, как ступил на этот путь, уцепился за другой мазхаб, то, когда пречистый и всевышний Господь совершенством Своей предвечной и не имеющей причин мудрости и милости одарил (дал пропитание) его счастьем Своей любви и предназначил то, что ждет это таифа у порога Его величия, он вернулся в мазхаб Шафии,

подобно шейху Хусри (66), находившемуся в Багдаде, и [другим] шейхам, помимо него; и если начнется упоминание о них и о том положении, то [повествование] слишком затянется, а наша цель не заключается в этом (упоминании этого рассказа). И те из шейхов, кто были до появления Шафии, пребывали в мазхабах своих предшественников и пиров.

Некоторые полагают, что великий шейх Байазид Бистами (67), да освятит Аллах его дорогой дух, придерживался мазхаба великого имама Абу Ханифы Куфи (68), да будет доволен им Аллах. Но это не так по той причине, что Байазид был муридом Джа'фара Садика (69), да будет доволен им Аллах и его водоносом (сакка) (70). Джа'фар, да будет доволен им Аллах, называл его Байазид Сакка и Байазид придерживался мазхаба Джа'фара, да будет доволен им Аллах, который был его пиром и имамом из благословенного рода Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует, и само [это] никоим образом не допустимо в тарикате, чтобы мурид придерживался бы иного мазхаба, чем его пир или дозволил бы что-то или какие бы то ни было убеждения и поступки, противоречащие пиру. Но [важно также], чтобы никто не думал будто слова, написанные о том, что «шейхи придерживались мазхаба великого имама Шафии» [свидетельствуют] (были причиной) об изьяне мазхаба великого имама Абу Ханифы Куфи, да будет доволен им Аллах. Никоим образом нельзя так полагать. Упаси боже, если когда-нибудь эта мысль придет к кому-то и не дай Бог, если это положение охватит чьи-то убеждения. Так как величие, и знание, и аскетизм его (Абу Ханифы— М.К.) больше того, что может разъяснить язык и калам этого возносящего молитву, ибо он—светоч уммы и наставник посланничества. Оба мазхаба в действительности равны, и оба имама в том, что изволили и сказали, подчинялись священным словам пречистого и всевышнего Господа и поступали точно [в соответствии] с хадисом Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует. И если кто-то захочет узнать (посмотрит) правду, то оба мазхаба одинаковы. И если взглянет он беспристрастно, то узнает, что в принципах мазхабов между двумя вели-

кими имамами, да будет доволен ими Аллах, нет никаких расхождений. А если во второстепенных вопросах мазхабов есть разногласия, то на них следует смотреть глазами «{ разногласие среди уммы есть милость }». И если один из двух имамов изволит небрежение в вопросах мазхаба, то это следует рассматривать глазами «... и не наложил на вас в исполнении обрядов религии никакого затруднения» (71) и смотреть взглядом «{я был послан к легкому, чистому ханифизму }», а не следовать путем вражды, которым охвачено большинство народа. И наверняка следует знать: то, что они изволят, не может быть ничем иным, кроме истины. И эти великие имамы свободны и оберегаемы от той вражды, которая есть в нашей натуре. Как это приведено в правильном иснаде от Абу ад-Дараварди (72), который сказал: «{ Я увидел Малика бин Анаса (73) и Абу Ханифу, да будет доволен ими Аллах, в мечети Посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, после последнего вечернего намаза (т.е. дополнительного ночного— М.К.),[когда] они вместе обсуждали и спорили до тех пор, пока один из них не встал и не поступил, согласно своим словам, а другой воздержался от действия, согласно сказанному им. И [это произошло] безо всякого выискивания недостатков, [упреков] в сбивании с правильного пути, обвинения в заблуждении со стороны одного из тех двух другому, и [продолжалось] до утреннего намаза, который они совершили в том же медресе }».

Но следует знать, что поскольку путь этого таифа есть осмотрительность, (то) и шейхи в начале [религиозных] рвений ради воздержания считали для себя обязательными [отдельные] вещи, некоторые из которых являются неперменной традицией, а некоторые—дополнительными; как сказал шейх Абу Амр Бишхани (74): «Согласно этому хадису, который сообщил Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует,«{ правая рука для верхней части тела, а левая рука для нижней части тела}» , вот уже тридцать лет, как моя правая рука не опускается ниже пупка, разве только, что по обычаю». И Бишр Хафи (75) никогда не надевал обуви и паафзар

(76) и говорил: «Пречистый и всевышний Господь говорит: «Аллах простер землю пред вами ковром» (77). Земля является ковром пречистого и всевышнего Господа. Я не считаю [для себя возможным] ходить в обуви и паафзар по коврику всевышнего Бога». Всю жизнь он проходил босиком и по этой причине ему дали (сказали) прозвище Бишр– и Хафи («Бишр Босоногий»).

И наш шейх Абу Са'ид говорил: «Все, что мы прочитали, или слышали, или [было] написано о том, что Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, сделал то–то или изволил [то–то], мы исполняли; и все, что слышали и прочли в книгах [о том], что ангелы делают то–то или знают [о том–то], мы [также] исполняли». И объяснение этому будет приведено в соответствующем месте. И образ жизни всех шейхов был таким, и всю жизнь сунну Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует, и дополнительные молитвы, которые составляли их вирд, они считали для себя обязательными; и вообще все, что имело отношение к обузданию низшей души (нафс) и осмотрительности на пути религии, было их выбором. И поскольку в шафиитском мазхабе есть приметы воздержания (некоторая стесненность), и оно крепче охватывает дела религии, [то именно] оно находилось в распоряжении приверженцев (этого таифа) шафиитского мазхаба для обуздания низшей души и ее сдерживания (растирания), а не [якобы] разница в действительности между двумя мазхабами или то, что один из двух имамов имеет превосходство над другим на пути веры. Для нас их положение, подобно [положению] праведных халифов, да будет доволен ими всеми Аллах; их всех мы считаем правыми и [никого] из четырех не вычеркиваем из сердца (между сердцем и душой не отрицаем) и молимся за них и всем им следуем, чтобы из–за желаний низменной души, и непослушания, и вражды не порицали бы и не допускали бы злословия [в отношении] сподвижников Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует, и предшествующих имамов, да будет доволен ими Аллах, и выдающихся людей, и шейхов религии, {да помилует усопших из них Аллах, и приумножит ос-

тавшимя, и продлит их дни}, и всех считали бы правыми. Вообще всех братьев по вере считать лучше себя—хорошо, и во всех случаях отказ от возражений—путь весьма похвальный. И если то [время], что ты станешь заниматься ошибками других, потратишь на исправление собственной низменной души, то это близко к доброму делу; пречистый и всевышний Господь да дарует Своей милостью и совершенством путь, который приближает нас и весь народ к Его согласию.

Опять мы вернулись к цели [изложения]. Итак, наш шейх Абу Са'ид в согласии и расхождении в течение пяти лет обучался у имама Абу Абдаллаха Хизри, да помилует его Аллах. Когда шейх завершил обучение у него, имам Абу Абдаллах скончался (присоединился к благословию пречистого и всевышнего Господа), да помилует его Аллах, и его могила находится в Мерве. Когда он скончался, наш шейх прибыл к имаму Абу Бакру Каффалу Марвази (78), да помилует его Аллах и следующие пять лет изучал у него фикх. Его сотоварищами на уроках Каффала были шейх Насир Марвази, шейх Абу Мухаммад Джувейни и шейх Абу Али Санджи (79), каждый из которых стал наставником мира. В течение этого времени он завершил обучение у Каффала. После Мерва он решил отправиться в Серахс (80) и по прибытии в Серахс, оказался у имама Абу Али Захира бин Ахмада ал-Факиха (81), который был знатоком хадисов, толкователем Корана и богословом—законоведом (факих). Шафиитский мазхаб в Серахсе проповедовал (проявил) он и, [благодаря] ему [мазхаб] появился здесь и [благодаря] этим нескольким имамам и их благословенным речам, население этого вилайата избавилось от ереси мутазилитов (82) и вернулось к шафиитскому мазхабу. [Это были] Хомайд Занджувийе (83) в Шахристане (84), Фараве (85) и Нисе, Абу Амр Фарати (86) в Эстева (87) и Хабушане (88), Бу-л-Байе Мейхени (89) в Баварде (90) и Хаберане и Абу Али, да помилует их всех Аллах, в Серахсе. И наш шейх по утрам у Абу Али Факиха читал тафсиры (91), [после] полуденного намаза [изучал] основы (усул) веры, а [после] вечернего намаза—предания о Пророке, да благословит его Аллах и

приветствует. Во всех этих трех дисциплинах (науках) он был учеником Абу Али Факиха, и могила этого имама находится в Серахсе.

Некоторое время по такому распорядку он обучался у него (т.е. у Абу Али– М.К.) и однажды увидел Логмана (92). Как сказал наш шейх Абу Са'ид: «Когда мы в поисках знания находились в Серахсе у Абу Али Факиха, [то] однажды появились в городской цитадели и увидели Логмана Серахси, который сидел на пригорке и пришивал лоскут к рубищу». Логман был [из числа] безумствующих мудрецов и в начале [мистического] пути (состояния) проявил много рвения, а в поведении (сделке)–осмотрительности. В то время внезапно обнаружилось, что он лишился рассудка. Как сказал наш шейх: «В начале Логман был [просто] усердствующим и набожным человеком, затем [уже] в нем проявилось безумство, и он пришел в расстройство. Сказали [люди]: «Логман! Что было [с тобой] и что [стало] сейчас?» – [Логман] сказал –Чем больше я проявлял услужения, [тем] больше надо было [служить]. Я обессилел, сказал: «О Боже! Когда у падишаха какой–то раб стареет, его отпускают на волю; Ты–дорогой падишах, я состарился, служа Тебе, освободи меня–сказал [Логман]–я услышал возглас: «О Логман! Я освободил тебя». И приметой освобождения было то, что Он отнял у него рассудок». Наш шейх много говорил, что: «Логман является освобожденным Богом от Его повелений и запретов».

Наш шейх сказал: «Мы приблизились к нему, а он пришивал лоскут к рубищу, и мы смотрели на него–наш шейх стоял так, что тень его падала на рубище Логмана–и когда он пришил лоскут к тому рубищу, то сказал: «О Абу Са'ид! Мы тебя этим лоскутом пришили к этому рубищу». Затем он встал, взял нас за руку и повел в ханаку (93), [находящуюся] в городской цитадели. В этой ханаке был пир Абу–л–Фазл Хасан (94). Он (т.е. Логман– М.К.) подал голос у двери этой ханаки, Абу–л–Фазл подошел. Он держал нас за руку и передал нашу руку в руку пира Абу- л–Фазла Хасана и сказал: «О Абу–л–Фазл ! Береги его, ибо он из числа ваших [людей]». А пир Абу–л–Фазл

Хасан был сильно почитаем. Когда у нашего шейха спросили в то время, как его состояние достигло совершенства, а пира Абу-л-Фазла [уже] не было (в живых): «Эй шейх! Как появилась эта твоя судьба?—Сказал он—От одного взгляда пира Абу-л-Фазла Хасана. Мы находились у Абу Али Факиха в поисках знания. Однажды мы шли по берегу ручья с этой стороны, а пир Абу-л-Фазл-с той. Краем глаза он посмотрел на нас. С того дня и до сегодняшнего все, что мы имеем, имеем благодаря тому [взгляду]».

И наш шейх сказал: «Пир Абу-л-Фазл Хасан взял нас за руку и отвел в ханаку. Когда мы сели под навесом, пир Абу-л-Фазл взял в руки какой – то джузв (95) и [стал] смотреть на него. У меня промелькнула мысль, как это в обычае ученых, о том, что это за книга? Пир понял [это] и сказал: «О Абу Са'ид! Сто двадцать четыре тысячи прибывших пророков [появились] ради одного слова, которое сказали, [обращаясь] к народу: «Скажите «Аллах» и пребывайте в этом [состоянии]» (т.е. посвятите себя Ему– М.К.). Те, кто обладали слухом, говорили, говорили, говорили до тех пор, пока все не стали этим словом (96). Когда все они стали такими, то потонули в этом слове. В тот момент очистились, слово появилось в их сердце, и они [уже] не нуждались в его произнесении».

Наш шейх сказал: «Эти речи овладели нами и в ту ночь не дали нам спать. Утром, когда мы совершили намаз и аурад [еще] до [восхода] солнца, мы испросили позволения у пира уйти (подняться) и пришли на урок по тафсиру к Абу Али Факиху. Когда мы уселись, то в начале урока в тот день было [разъяснение] этого аята - «Отвечай [Мухаммад]: «Аллах [ниспослал Писание]». Потом предоставь им упиваться собственным пустословием» (97). Наш шейх сказал: «В тот же час в нашей груди, [словно] раскрыли дверь слышанием этих слов, и нас забрали от нас же (98). Имам Абу Али увидел это изменение в нас, спросил: «Где ты был вчера ночью?—Сказал я—У пира Абу-л-Фазла Хасана—сказал он—Поднимайся и возвращайся туда, ибо запретно для тебя от того смысла (т.е. слова Аллах–М.К.) прийти к этим речам» (т.е. к нашему уроку– М.К.). И мы

оказались вновь у пира, пораженные и изумленные и целиком ставшие этим словом.

Когда пир Абу-л-Фазл увидел нас, то сказал: «Абу Са'ид! Ты опьянен, не знаешь последующих и предыдущих событий—спросил я—О шейх! Что изволишь?—Сказал он— Войди, и сядь, и слейся (будь) с этим словом, ибо это слово имеет к тебе дело». Наш шейх сказал: «Некоторое время мы находились у него, воздавая по справедливости этому слову. Однажды он сказал—о Абу Са'ид! Двери букв этого слова для тебя раскрыли. Сейчас его войска совершают набег на твою грудь, ты видишь различные долины». Затем он сказал: «Тебя забрали, тебя забрали, тебя забрали; вставай и ищи уединения и, подобно тому, как ты отстранился от себя, отстанись также от народа и пребывай в этом деле, наблюдая и покоряясь».

Наш шейх сказал: «Мы отrekliсь от тех знаний и исканий, и прибыли в Мейхене, и уселись в том углу дома, в нише той кельи—и он указал на свое жилище—Семь лет мы прождали и произносили: «Аллах, Аллах, Аллах». Каждый раз, когда к нам подступала дремота или [охватывало состояние] беспечности, [исходящее] от рода человеческого, то некто черный, с горящим коротким копьем появлялся перед нашей нишей, [внушая] совершенный ужас и [олицетворяя] наказание, и кричал на нас, и говорил: «{О Абу Са'ид! Скажи Аллах }». Мы день и ночь от страха перед ним тряслись, и трепетали, и не [могли] спать или проявлять небрежение до тех пор, пока каждая наша частичка не закричала: «Аллах, Аллах, Аллах». Затем (т.е. после этих событий— М.К.) мы вновь пришли к пиру Абу-л-Фазлу Хасану».

Пир Абу-л-Фазл Хасан был пир—и сухбат (99) нашего шейха. Пир Абу-л-Фазл был муридом Абу Насра Сарраджа (100), которого называли «павлином нищих»; у него есть сочинения в [области] науки тариката и хакиката, и его жилище находилось в Тусе, и могила [там же]. Он был муридом Абу Мухаммада Абдаллаха бин Мухаммада ал-Муртаэша (101). Он был весьма почитаем, и смерть его наступила в Багдаде. Он был муридом Джунейда бин Мухаммада Багдади (102). Джу-

нейд был муридом Сари Сакати (103), Сари Сакати–муридом Ма’руфа Кархи (104), и он–муридом Давуда Таи (105), и он муридом Хабиба Аджеми (106), и он муридом –Хасана Басри (107), и он–муридом амир ал–муминина Али бин Абу Талиба, да освятит Аллах его лицо. И он был муридом, а [также] сыном дяди и зятем Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует. Пирами нашего шейха вплоть до Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует, были эти [лица].

Итак, когда наш шейх оказался у пира Абу–л–Фазла Хасана, да помилует его Аллах, то пир Абу–л–Фазл выделил ему комнату напротив своей кельи и постоянно справлялся о его самочувствии. И повелевал [создавать ему] условия для морального совершенствования (воспитания) и воздержания. Шейх сказал: «Однажды ночью люди спали, и дверь ханаки была заперта; были заперты [также] двери цитадели. Мы с пиром Абу–л–Фазлом сидели под навесом. Шла беседа по поводу познания (ма’рифат), и возник трудный вопрос. Мы увидели Логмана, который спрыгнул (воспарил) с верхней [части] ханаки, уселся возле нас и [начал] говорить об этом вопросе. И дал ответ так, что нам (т.е. Абу Са’иду–М.К.) стало ясно, и то затруднение устранилось. [Затем] он вновь вскочил и оказался на крыше снаружи. Пир Абу–л–Фазл сказал: «О Абу Са’ид! Видишь положение этого человека у этого порога?–Я сказал–Вижу– он сказал –Не подобает следовать ему – я спросил (сказал) –Почему?–Он ответил (сказал) –Потому что не ведает он о знании».

Поскольку наш шейх некоторое время подвергал себя воздержанию в той ханаке, пир Абу–л–Фазл повелел, чтобы наш шейх перенес свои пожитки (угол) в его (пира Абу–л–Фазла– М.К.) келью, и одно время они были вместе с пиром в одной келье. На протяжении дня он наблюдал за состоянием нашего шейха и повелевал ему исполнение различных воздержаний. Затем Абу–л–Фазл вновь отправил нашего шейха в Мейхене и сказал: «Займись услужением матери» (107а).

Наш шейх прибыл в Мейхене и поселился в той же келье, где останавливался [ранее], и начал упражняться в правилах отрешенности (зухд), и постоянно мыл двери и стены. В

нем проявилась чрезвычайная мнительность, так что во время каждого омовения (вузу) он использовал несколько кувшинов воды. И [перед] каждым намазом совершал омовение (гусл) (107б), и никогда не прислонялся ни к какой двери, стене, косяку, дереву или подушке, и не прикладывал свой бок ни к какому ковру. В это время одеждой его была рубаха; каждый раз, когда она рвалась, он пришивал к ней лоскут, так что это рубаха стала [весить] двадцать манов (108). Он никогда ни с кем не враждовал. Кроме как без надобности, ни с кем не разговаривал. [Все] это время, в течение дня он ничего не ел и, кроме одной [лепешки] хлеба, ничем [другим] не разговлялся. Ночью и днем не спал; в своей келье между стен сделал себе жилище по своему росту и ширине и установил в нем дверь. И когда он оказался там (т.е. в обители— М.К.), то закрыл двери обители, и той кельи, и того места, и начал совершать зикр (109), и накрепко заткнул свои уши ватой, чтобы не слышать никакого голоса, который мог его потревожить, [спутать] мысли и чтобы усилия его оставались собранными [воедино]. Постоянно он оберегал свое тайное [устремление]; в мыслях у него не было ничего, кроме пречистого и всевышнего Господа, и он полностью отстранился от людей.

И когда таким образом прошло некоторое время, то он не был в состоянии разговаривать с людьми и видеть людей ему также было затруднительно. Все время он уходил в пустыню, в одиночестве бродил по пустыне и горам и ел то, что находил дозволенным в пустыне. Месяц и двадцать дней он был затерян в пустыне, и никто его не видел. Отец постоянно искал его, чтобы [хоть] случайно наткнуться на него. [Если] кто-то из людей, живущих в Мейхене и занимающихся земледелием или собиранием дров, видел его или [люди] из прибывающих караванов встречали его где-либо на [своем] пути, [то] извещали его отца, чтобы он пошел и вернул нашего шейха. И шейх ради удовлетворения [просьбы] отца возвращался. Когда несколько дней он оставался [дома], то не мог вынести хлопот, [доставляемых] людьми и [вновь] убегал в горы и в пустыню. Его видели вместе с грозным стариком в белом

одеянии. После того как состояние нашего шейха достигло высокой (той) степени [совершенства], у него спросили: «О шейх! Мы тебя видели в то время вместе с грозным пиром; кто был тот пир?—Наш шейх сказал—Тот пир был Хизром (110), да будет мир с ним ».

Я видел рукой (почерком) шейха Абу-л-Касима бин Али аш-Шармагани (111) написанное, что я (т.е. Абу-л-Касим— М.К.) оказался с шейхом Абу Са'идом на дороге в Мейхене. Я шел возле него, и он сказал этому бедняге: «О Абу-л-Касим ! Это—та самая гора, откуда всемогущий и великий Бог забрал Идриса (112), да будет мир с ним, на небо «Мы вознесли его на высокое место» (113). Вот эта гора—и он указал на гору, известную как обитель Идриса, находящуюся в двух фарсангах (114) от Джарва и Тийарана (115)». Затем шейх сказал: «На этой горе находятся те, кто приходят с востока и запада, и ночь проводят здесь, и много здесь выстроено мечетей (116). Мы тоже много раз были здесь.

Однажды ночью мы были на этой горе. [Здесь] есть возвышенность, отстоящая от [массива] горы так, что если кто-то окажется на ней и посмотрит вниз, то от страха лишится чувств. Тогда, ночью мы расстелили молитвенный коврик (саджжаде) на той возвышенности и сказали [своей] низшей душе, что если ты заснешь, то упадешь и разорвешься на куски. Мы расстелили там саджжаде, и начали читать Коран, и сказали, что, возможно, в два раката намаза с успехом закончим (117). Когда мы прочли часть Корана и приступили к соджуду (118), сон одержал над нами победу, и мы заснули, и в тот же миг сорвались с той возвышенности. Проснувшись, мы увидели себя в воздухе. Мы попросили пощады, и всемогущий и великий Господь своей совершенной милостью и всемогуществом вернул нас с воздуха на вершину горы».

Большей частью пребывание нашего шейха было в старом рибате (119). Тот рибат расположен на окраине Мейхене, по дороге в Мерв (120), недалеко от ворот Мейхене. Его называют Загал. Другой рибат расположен на дороге, [ведущей] в Тус (121). От Мейхене до него будет два фарсанга. Он [нахо-

дится] у подножия горы, его называют рибат Сарколе. У ворот Мейхене, которые ведут на кладбище, есть [еще] один рибат. И наш шейх сказал: «Однажды [образовалась] сильная грязь, и мы были печальны, и состояние было угнетенное (время притесняло). Мы пришли и уселись возле двери дома. Появилась наша мать и сказала: «Иди в сторону двери и войди в дверь». Мы дали учтивый ответ. Когда мы увидели, что она села, мы встали, взяли обувь в руки и пошли к тому рибату на кладбище (122). Когда мы пришли туда, там был небольшой ручей (протекала вода); мы помыли ноги, и надели обувь, и постучали в дверь. Подошел привратник и открыл дверь. Он посмотрел на нашу обувь и сказал: «В такой-то день, в такую грязь и слякоть, а обувь его сухая». Он удивился этому. Мы вошли. [Здесь] была небольшая комната, и мы вошли в нее, [и закрыли дверь], и заложили ее палкой, и сказали: «О Боже, о Повелитель! Твоим правом, и Твоей божественной мощью, и Твоей божественностью, и Твоим правом над Тобой, и Твоим великолепием, и Твоим могуществом, и Твоим величием, и Твоей властью, и Твоей пречистостью, и Твоей удачей все, что они (т.е. сам Абу Са'ид— М.К.) хотели, Ты дал им, а то, чего [они] не хотели, и понимание их не достигло этого, [означает, что] Ты им это не предназначил; и не откажи этому рабу [в познании] всего того, что в Твоем скрытом, тайном знании, о котором не осведомлен никто, и к которому ни у кого нет дороги, и [с которым] никто не знаком, и не знает его, кроме Тебя и доведи нас до цели. Когда мы совершили эту молитву, мы вновь вышли и пришли к дому».

Эти места, которые были упомянуты, являлись молельнями нашего шейха. И когда он бывал в Мейхене, большей частью находился в этих местах и останавливался в них. Есть [также] много других мест, [в которых он останавливался] и, если упомянуть о них, то [изложение] затянется и больше, чем уже имеющаяся, не будет от него пользы. Если пречистый и всевышний Господь дарует кому-то удачу в достижении тех мест, то да не лишится он [возможности] поклонения тем священным храмам и узнает, что те места, были местами, [храня-

щими] следы ноги и молельнями того великого [человека] религии и единственного в мире.

Итак, наш шейх постоянно избегал людей и в тех местах в одиночестве занимался поклонением, и рвениями, и воздержаниями. И отец нашего шейха все время искал его, пока через месяц или больше опять не нашел его и, [проявляя] ласку, опять не привел его в Мейхене. В Мейхене он постоянно заботился о нем, присматривал за ним, чтобы он вдруг не убежал.

Отец нашего шейха рассказывал, что: «Каждую ночь, когда мы заканчивали намаз, совершаемый перед отходом ко сну и приходили домой, я запираю дверь дома цепью и ждал (слушал), пока Абу Са'ид не заснет. Когда он ложился [в постель], я думал, что он заснул. Я [также] засыпал. Однажды ночью, в полночь я проснулся, посмотрел и не увидел Абу Са'ида в постели (в одежде для сна). Я встал и стал искать [его] в доме, [но] не нашел. Я подошел к двери, на ней не было цепи. Я вернулся и заснул. [Однако] услышал, как во время призыва к намазу (123), он тихо вошел в дверь, закрыл ее на цепь, лег в постель и заснул. Точно также я несколько дней прислушивался; каждую ночь он поступал подобным образом. Эту историю (т.е. то, что я знаю о его действиях— М.К.) я ему не открыл и прикинулся, что не знаю [об этом]. Но каждую ночь я прислушивался. Поскольку каждую ночь он таким образом выходил наружу, то у меня, как это присуще состраданию отцов, приходили в голову разные мысли (сердце путешествовало по разным мыслям), ибо { «друг становится недоверчивым из-за плохого предположения» } Я говорил про себя, что он молод, не следует, чтобы по велению { «молодость—часть от безумства» }, кто-то из шайтанов из числа людей или джиннов (124) сбил его с пути. Сознание мое успокоилось на том, что однажды ночью я прослежу, куда он идет и чем занимается.

Однажды ночью, когда он встал и вышел, я [также] встал и вышел вслед за ним. И пока он шел, я издали следовал за ним и смотрел на него, так чтобы он не заметил меня. Абу Са'ид шел, пока не достиг старого рибата. [Он] вошел в рибат и закрыл [за собой] дверь. Я поднялся на крышу рибата. Он

вошел в комнату, [приспособленную под] мечеть и бывшую в том рибате, и запер дверь, и подпер ее палкой изнутри, а я через щель [в крыше] той комнаты наблюдал за ним (за его состоянием). В углу той мечети лежала палка с привязанной к ней веревкой. Он подошел и взял ту палку, и в углу же той мечети был колодец. Подойдя к отверстию колодца, он обвязал той веревкой свои ноги, [затем] положил палку с привязанной к ней веревкой [поперек] отверстия колодца, свесился вниз головой в колодец, остался [в том положении], и начал читать (125) Коран. Я слушал; к утру он закончил Коран. Когда он довел [чтение] Корана до конца, то вылез из колодца и положил палку на место. Затем открыл дверь комнаты и вышел. Посреди рибата он занялся омовением.

Я спустился с крыши, быстро вернулся домой и спокойно заснул, пока он не пришел и также, как это было каждой ночью, не лег спать. Наступило время вставать, [как и после] каждой ночи. Я поднялся и сделал вид, что ничего не знаю (держал себя вдали от того). И, как было уже обусловлено, я разбудил его, и мы пошли к людям. После этого случая несколько ночей я смотрел за ним. Каждую ночь он поступал подобным образом. И некоторое время он проявлял прилежание [в исполнении] такого воздержания.

[Также] он все время брал метлу и подметал мечети и оказывал помощь немощным в их делах. Ночи большей частью он проводил у дерева, которое находится возле священного мешхеда. Он свешивался с ветвей того дерева и занимался зикром. При любой погоде и [в том числе] в сильные холода он совершал омовение холодной водой и находился в услужении у дервишей».

Как-то посреди беседы устами шейха было сказано: «Однажды я сказал себе, что знание, и дело, и размышление (забота—муракабат) [о божественном] приобретены нами; сейчас нужна отрешенность (отсутствие—гейбат) от всего этого (126). Мы [смотрели] вокруг, но ни в чем не видели смысла, кроме услужения дервишам, ибо {«если Аллах возжелает блага для своего раба, то укажет путь к лишениям для его души»}.

Поэтому мы занимались услужением дервишам, и чистили их жилища, и отхожие места, и места для омовения. Мы брали корзину, и восставали против этих [нечистот], и выносили мусор наружу в этой корзине.

Поскольку какое-то время мы [брали на себя] эти заботы, и это [стало] привычным для нас, то ради дервишей мы занялись нищенством и тяжелее этого [дела] ничего не видели для души. Все, кто видел нас, вначале давали [нам] динар; по прошествии некоторого времени [сумма] уменьшилась, пока не превратилась в данг (127). Затем она еще уменьшилась (опустилась) до [горсти] изюма и одного ореха. Случилось так, что больше этого не давали, а [потом] стало так, что и этого не давали. Затем однажды собралась община [дервишей], но ничего не нашлось (открывалось) [из еды]; у нас на голове был небольшой дастар (128), ради них мы пожертвовали и им. После этого мы продали обувь, затем парчовую подкладку джуббы (129) пустили в расход, затем ее лицевую сторону, а затем и ватную [подкладку]. Как-то раз отец увидел нас с непокрытой головой и босым. Он не стерпел и сказал: «О сын! Как это называется в конце концов?—Мы сказали—Тебе [нельзя] этого знать, мейхенец».

Итак, наш шейх постоянно подметал своими руками мечети и щедро раздавал свое имущество (великолепие) дервишам и всему народу, [даже] если это были лепешка хлеба и кусок [еды]. А если что-то оказывалось для него трудным, то он босиком шел в Серахс к пиру Абу-л-Фазлу Хасану, излагал произошедшее, устранял затруднение и возвращался.

От шейха Абд ас-Самада (130), который был [из числа] муридов шейха и был почитаем, дошло предание о том, что часто, когда шейх пребывал в этом состоянии и отправлялся в Серахс, он шел, повисая в воздухе, между небом и землей. Но [этого] не видел [никто], кроме осведомленных лиц (обладателей зрения). У пира Абу-л-Фазла Хасана был мурид по имени Ахмад. Однажды он увидел нашего шейха, идущим по воздуху. Он подошел к пиру Абу-л-Фазлу Хасану и сказал: «Идет Абу Са'ид Мейхени, он идет между небом и землей, повисая в

воздухе–пир Абу–л–Фазл спросил–Ты видел это?–ответил (сказал) он–Видел–сказал пир–Не отделяйся от мира (131), чтобы не ослепнуть». Шейх Абд ас–Самад сказал: «Ахмад к концу жизни ослеп, как на это указывал пир Абу–л–Фазл».

Поскольку наш шейх некоторое время усердствовал подобным образом, то направился в Серахс к шейху Абу–л–Фазлу Хасану, и следующий год находился у него, и пир Абу–л–Фазл повелевал ему [совершать] различные воздержания. Затем пир Абу–л–Фазл Хасан изволил указать нашему шейху, и тот отправился к шейху Абд ар–Рахману Сулами (132) и получил хирку от него. И наш шейх получил хирку из рук Абд ар–Рахмана Сулами, и он–из рук Абу–л–Касима Насрабади (133), и он–из рук Шибли (134), и Шибли–из рук Джунейда, и он–из рук Сари Сакати, и он–из рук Ма’руфа Кархи, и он–из рук Джа’фара Садики, и он–из рук своего отца Мухаммада Багира (135), и он–из рук своего отца Али бин Хусейна Зайн ал–Абедина (136), и он–из рук своего отца амир ал–муминина Хусейна (137), и он–из рук своего отца амир ал–муминина Али бин Абу Талиба, да будет Аллах доволен ими всеми, и он–из благословенных рук Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует.

Когда наш шейх получил хирку, [то] пришел к пиру Абу–л–Фазлу Хасану. Абу–л–Фазл сказал: «Теперь свершилось, надо отправиться в Мейхене и призывать народ к Богу, и давать наставления, и свидетельствовать [в пользу] истинного пути». Наш шейх по указанию пира прибыл в Мейхене и приумножил здесь [свои] воздержания и рвеня и тем [делом, о котором] пир говорил, [что оно] свершилось, не довольствовался. Каждый день он увеличивал рвеня и поклонения, и в этот раз люди приняли шейха. О некоторых из рвеней и поклонений было упомянуто благословенным языком шейха на одной из проповедей. И это следующее: «Однажды у нашего шейха спросили об этом аяте–«Потом их возвратят к Аллаху–их истинному Владыке» (138). Наш шейх сказал: «Смысл (слушание) этого аята верен для верующих, и это [означает] их последнее состояние (местопребывание) после всех этих ста-

раний, и послушаний, и поклонений, и странствий, и опасностей, и тягот, и бесчестий, и унижений. Все они появляются одно за другим (по одному) и открывают дорогу к тому [состоянию]. Сначала [человека] подводят к двери покаяния (тоубе), чтобы он покаялся, и обрадовал своего врага, и занялся унижением души, принял все тяготы, и в той степени, в какой он может, принес бы успокоение своей натуре. Затем занялся бы различными послушаниями. Ночью бодрствуя, а днем голодая, воздавал бы по справедливости шариату. И каждый день прилагал бы новые усилия и считал бы для себя обязательными [некоторые] вещи. Мы все это совершили и в начале дела восемнадцать вещей сочли для себя обязательными и в соответствии с теми восемнадцатью вещами [положениями] восемнадцать тысяч миров повергли в себе: мы твердо соблюдали пост и воздерживались от запретного (харам) куска [еды], совершали продолжительный зикр, ночью бодрствовали и не прикладывали бока к земле (т.е. не ложились— М.К.), спали не иначе, как сидя, садились лицом к кибле и ни на что не опирались, на испорченных юнцов [с похотью] не смотрели, не смотрели на запрещенное, не принимали благодеяния, не попрошайничали, довольствовались [малым], пребывали в покорности, в созерцании, постоянно сидели в мечети и не ходили по базарам, ибо Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Самое оскверненное из мест—базар, а наичистейшее из мест—мечеть». И во всем, что мы делали, следовали Посланнику, да благословит его Аллах и приветствует. И каждые сутки прочитывали весь [Коран]; видя, были слепыми, слушая—глухими, а разговаривая—немыми. Один год мы ни с кем не разговаривали. Нас назвали безумцем. И мы сочли приемлемым [в отношении себя] то, что, согласно хади-су, { «вера раба не достигнет совершенства, пока люди не сочтут его безумцем» }. Все, что мы записали или слышали о том, что Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, сделал то—то или изволил [то—то], мы все [это] исполняли. И записали мы, что в сражении при Ухуде (139) Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, получил ранение в ногу.

Он встал на пальцы ноги и произнес аурад, ибо не мог ступить на землю. Мы, следуя [ему], встали на пальцы ног и совершили четыреста ракатов намаза. Мы выправили свои явные и скрытые поступки, согласно сунне, так что это стало обычаем [нашего] естества.

И все, что мы слышали и читали (видели) в книгах [о том], что ангелы совершают то-то, то и мы вначале все [это] исполняли. [А также] слышали мы и нашли в книгах, что у всевышнего Бога есть ангелы, которые молятся, [находясь] вниз головой. И мы также, согласно им, положили голову на землю и, следуя тому [действию], сказали матери Абу Тахира (140), [чтобы] она привязала пальцы наших ног к гвоздю (141) и закрыла бы для нас двери дома. Мы говорили: «О Боже! Нам не надо нас [самих], нас спаси от нас [самих]» и начали читать [Коран], и когда дошли до этого аята «... и Аллах избавит тебя [от ответственности] за разлад, ибо Он слышащий, знающий» (142), кровь выступила у нас из глаз, и мы не были осведомлены о собственном [состоянии]. После этого дела изменились. Такого рода воздержания, которые невозможно описать, для нас миновали, и в том деле были помощь и содействие всевышнего Господа, однако мы полагали, что все делаем сами. [Но] милость Его проявилась и указала нам, что это не так, и все это есть результат помощи Господа и Его милости. Мы раскаялись в том (т.е. в своих мыслях– М.К.), и стало ясно нам, что это (т.е. наше поведение– М.К.) было чистым вымыслом. Сейчас, если ты скажешь, что я не пойду этим путем, ибо это [есть] вымысел, мы скажем, что твой [отказ] совершить это есть вымысел. Пока все это для тебя не пройдет, это не будет казаться тебе вымыслом (тот вымысел тебе не покажут). Пока ты не усвоишь (пройдешь) шариат, вымысел не появится (143), ибо вымысел рядом с верой, а вера следует после шариата. Несовершенство есть безбожие, а совершение и лицемерие есть многобожие. Ты существуешь и Он существует; а [если] есть двое, то–[это] многобожие. Надо самоустраниться. У нас была определенная жизнь (обитание) и [благодаря] той жизни мы оказались влюблены в свое фана (144); [затем] воз-

[Но] когда я крепко возлюбил Тебя,
Из леса [стала] выгонять меня [даже] хромая лисица.

От всего этого [и в том] положении нами овладело [состояние] «сжатия» («кабз») (148), в этом состоянии (с намерением), мы начали [читать] весь Коран (149); нам выпал этот аят—«Мы подвергаем вас искушению добром и злом ради испытания, и вы будете возвращены к Нам» (150). Сказали [Мы]: «Все эти бедствия, которым мы подвергаемся на Твоем пути, если добро [они все равно] являются бедствием, а если зло, то [также]—бедствие». Не перемещайся к добру и злу, а примкни к нам. После этого нас также не стало, а все, [что осталось], было Его милостью.

Сегодня при любом случае, когда Багдадом
является Бухара (151),
Там, где эмир Хорасана, победа находится с ним.

Да благословит Аллах Мухаммада и весь его род».

[Речения, вошедшие] в этот раздел, были произнесены благословенными устами нашего шейха во время проповедей; и во время тех событий отец и мать нашего шейха переселились под покровительство милости пречистого и всевышнего Господа. И устранились преграды, которые были на пути у шейха в отношении их одобрения; он направился в пустыню между Мейхене, Бавардом, Мервом и Серахсом и в течение семи лет занимался в ней рвениями и воздержаниями, и никто не видел его, {кроме как по воле всевышнего Аллаха }. И никто не знал, что было его пищей в течение этих семи лет. И мы слышали от своих пиров, и было известно [благодаря] молве, [распространившейся] среди знати и простолюдинов нашего вилайата, что в эти семь лет наш шейх питался в пустыне колючками и кустарником.

Рассказывают, что однажды наш шейх [уже] после того, как его положение достигло известности, сидел возле святого мешхеда, да благоустроит его Аллах, и один из его муридов, взяв ножом кусок сладкой дыни, обвалял его в сахарной пыль-

це [и протянул], чтобы шейх съел [его]. [В это время] один из отвергающих этот хадис (152) проходил там [и] сказал: «Эй шейх! Какой имеет вкус то, что ты сейчас вкушаешь? И какой имели вкус те колючки и кустарники, которые ты семь лет ел в той пустыне, и что из этих двух приятнее?—Наш шейх сказал—Каждый из двух [видов] еды имеет свое время; то есть, если наступает [по времени] состояние баста, то те колючки и кустарники будут приятнее этого, а если наступает состояние кабза, ибо «Аллах и воздерживается [от дарения], и щедро дарует...» (153), и то, что желанно, находится под покровом, то эта сладость не будет приятнее тех колючек».

Поэтому наш шейх сказал: «Тот, кто видел нас в начале, стал праведником, а тот, кто видел в конце—зиндиком» (см. №542а к гл.2). То есть в начале совершались (было состояние) рвения и воздержания, и поскольку люди большей частью верхоглядны и поклонники внешней красоты, то они видели ту (т.е. внешнюю— М.К.) жизнь и наблюдали на пути истины те усилия; преданность их на этом пути возрастала, и они обрели степень праведников. А в конце был период созерцания (мушахада). [Наступило] время обретения плодов тех рвений и произошло полное раскрытие [скрытого], ибо великие говорили: { «Созерцание есть результат рвений» }. И каждый раз, [когда] здесь (т.е. у меня— М.К.) было состояние благополучия и благоденствия, тот, кто видел это состояние и не знал о том предыдущем состоянии, отрицал то, что было истиной, а тот, кто отвергает истину, является зиндиком.

В подтверждение этого есть множество доводов, в том числе один из них тот, что если кто—то намеревается служить падишаху и в сердце его упрочивается желание близости, общения и владения тайнами того падишаха, то чтобы достичь той ступени, он должен претерпеть различные лишения и узреть беды и страдания у того порога, и вынести голод, холод и жару в пути и дома, и перенести (выслушивать) мучения и притеснения [со стороны] каждого в том числе и презренного [человека], и ко всему этому должен проявить терпение и явить стойкость. И принять все эти лишения и страдания с

улыбкой и приветливостью. По мере (т.е. в соответствии– М.К.) каждого мучения [он должен проявлять] услужение и каждому поношению десять раз помолиться и вознести хвалу, пока не достигнет он той высокой ступени и значительной степени. Когда же он удостоится чести приема у падишаха и обретет честь близости с его величеством, то должен совершить множество похвальных услужений и вынести угрозу для жизни, чтобы падишах оказал ему доверие. Когда падишах изволит [оказать] ему доверие и пожаловать место близости и стоянку обладания [своими] тайнами, это значит, что теперь все те суровые служения и опасности для жизни остались в [прошлом]. И настало время чудес, благоденствия, близости и спокойствия, и различные наслаждения и покой показывают лицо (т.е. проявляются– М.К.). И у этого человека не остается другого служения, кроме служения хазрату падишаху, которое, конечно, [означает], что ночью и днем ни на миг нельзя отлучаться от [его] порога, чтобы в любое время, когда падишах изволит его вызвать, или поведать тайну, или удостоить чести беседы, он был бы на месте (присутствовал). Эти суровые положения ясны и величие (сравнение с величием) [этого дела] очевидно.

И наш шейх сказал: «Каждый раз, когда у нас возникало затруднение, мы ночью отправлялись к пиру Абу–л–Фазлу Хасану и разрешали то затруднение, и той же ночью возвращались в свое жилище». Когда семь лет подобным образом он провел в той пустыне, то затем прибыл в Мейхене.

Наш шейх сказал: «После этого у нас появилось желание [увидеть] шейха Абу–л–Аббаса Кассаба (154), который был последним из оставшихся [в живых] шейхов. И пир Абу–л–Фазл Хасан, да помилует его Аллах, скончался (достиг божьей милости). И мы при жизни пира [по поводу] любого возникшего затруднения обращались к нему. Когда он оказался под покровом земли, то наши затруднения никто не разрешал, кроме шейха Абу–л–Аббаса Кассаба». И наш шейх Абу Са'ид никого среди шейхов не называл совершенным (мутлак) шейхом, кроме шей-

ха Абу-л-Аббаса Кассаба, а Абу-л-Фазла Хасана называл пиром, ибо он был пир-и сухбат нашего шейха.

И наш шейх сказал: «Затем мы вознамерились [посетить] Амул (155) и направились в сторону Абиварда и Нисы, ибо думали совершить паломничество к могилам шейхов; Ахмад Наджжар (156) и Мухаммад Фазл (157) были с нами». Мухаммад Фазл с начала и до конца был муридом и другом нашего шейха и [постоянно пребывал] в беседах с ним. Его могила находится рядом с могилой пира Абу-л-Фазла Хасана в Серахсе.

И наш шейх сказал: «Все трое мы направились в Абивард, а оттуда со стороны ущелья Газ вознамерились направиться в Шах-и мейхене». И это селение [из числа] селений ущелья Газ. Жители Абиварда прежде называли его Шамине. Когда наш шейх прибыл туда и совершил паломничество к гробнице пира Абу Али Худжи (158), находящейся там, [то] спросил: «Как называют это селение?—Сказали ему—Шамине—шейх сказал—Это селение следует называть Шах-и Мейхене». С тех пор то селение называют Шах-и Мейхене, согласно благословию слов шейха и его благородному указанию.

И наш шейх сказал: «Мы решили поклониться гробнице пира Абу Али и мысль эта владела нами [и вела нас]. Когда мы приблизились к его гробнице, то там был ручей и камень на берегу того ручья. [Стоя] на том камне, мы совершили омовение и выполнили два раката намаза. [Затем] увидели ребенка, который погонял быка, вспахивающего землю. Рядом [шел] старик и разбрасывал семена проса, [и был он], словно вне себя. Каждую минуту он поворачивал лицо к этой гробнице и издавал вопль. От [вида] этого старика в нашей груди возникло беспокойство. Старик подошел, и поздоровался с нами, и сказал: «Можете ли вы разрешить затруднение старика?—Мы сказали—Иншаллах, [на то воля] Всевышнего—сказал он—Сейчас, думается нам, что если всевышний Бог не создал бы ни одного существа в сотворенном им мире и наполнил бы его [весь] просом с востока до запада и с неба до земли, и тогда [только] создал бы птицу, и сказал бы, что каждую тысячу лет

от этого [всего проса] одно зерно—твоя пища, и создал бы [также] одного человека, и боль от [осознания] этого смысла вложил бы в его грудь, и, обратившись к нему, [сказал бы], что пока эта птица не очистит этот мир от проса, ты не достигнешь своей цели и пребудешь в этой боли и страдании, то и в этом случае это было бы быстрым делом (т.е. все равно бы скоро закончилось— М.К.)». Наш шейх сказал: «Наше собственное затруднение (происшествие) благодаря тому старику разрешилось, и дело для нас прояснилось. Когда мы посетили могилу Абу Али, то удостоились одеяний чести (халат) (159) и решили направиться в Нису».

Когда наш шейх прибыл в вилайат Нисы, [то] в окрестности города находилось селение, которое называют Андарман и в котором он захотел остановиться. Спросил он: «Как называют это селение?—Сказали [ему] - Андарман—сказал он—Мы не войдем [в него], дабы не попасть в беду (160)». И он не пошел в то селение, и не остановился [в нем], и не вошел в город Нису, а прошел ниже города, через те селения и остановился в селении Радан, и направился [затем] в Бисме.

В то время шейх Ахмад Наср (161), который был [из числа] великих шейхов, находился в городе Нисе, в ханаке Сарави, расположенной над городом на окраине кладбища Баракух (162), где могилы шейхов и гробницы великих [людей]. [Ее] построил устак Абу Али Даккак (163) по указанию Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует. Когда устак Абу Али прибыл в Нису поклониться могилам суфийских шейхов, [то] обители у суфиев не было. Ночью он заснул и увидел во сне Мустафу, да благословит его Аллах и приветствует, который изволил [сказать] ему: «Построй там обитель для суфиев». И изволил указать на то место, где сейчас расположена ханака, и провел вокруг черту, что [дескать] таким [по размеру] ее следует построить. На следующий день утром устак Абу Али встал и пришел на то место. Та линия, которую провел Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, на земле, все также проступала, и все видели [ее]. И устак на той линии, которую провел Мустафа, да благословит его Аллах и

приветствует, возвел стены ханаки, той святой обители и построил (закончил) [ее]. И после этого благословенные стопы многих шейхов и почитаемых [людей] достигли той обители. Ее основа и сейчас сохранилась и виднеется (проступает).

И на кладбище Баракух возле этой ханаки находятся могилы четырехсот пиров [из числа] великих шейхов и знаменитых святых. По этой причине суфии называют Нису маленьким Шамом (Сирия– М.К.); то есть подобно тому, как в Шаме есть могилы пророков, да благословит их всех Аллах, в Нисе есть могилы святых, да освятит Аллах их дух. Земля Нисы–земля очень дорогая [для сердец] и почитаемая, и всегда [была] украшена присутствием великих шейхов, и чудотворцев, и владетелей макамов (т.е. суфиев– М.К.); и шейхи говорили: «[Как только] где–нибудь в Хорасане появляется или появится несчастье и смута, надо, чтобы оно шло в Нису, и если достигнет Нисы, любое затруднение устранилось». В нашу эпоху мы неоднократно воочию наблюдали то, что в Хорасане за срок в тридцать с лишним лет, [в течение] которых происходили и происходят смуты и грабежи, и разбои, и убийства, и пожары, каждое несчастье и смута, направляющиеся в Нису, когда достигают ее, [то] пречистый и всевышний Господь совершенством Своей милости и великодушия и благословением могил прежних шейхов, да освятит Аллах их дух, и ради остающихся в живых шейхов и почитаемых людей, да приумножит их Аллах и сделает непрерывным их благоденствие, устраняет их (те несчастья). [И] все еще на этой земле и в это время, когда имеется нехватка религии и не находится (т.е.нельзя найти – М.К.) мусульманство особенно в Хорасане и от тасаввуфа и тариката не осталось ни названия, ни обычаев, ни хала (164), ни речений, здесь шейхов со славной судьбой и суфиев, украшенных нравом и деяниями, очень много и останутся они иншаллах на долгие годы, и, несомненно, воздействие выражения {«и ими они будут питаться и их дождем очищаться»} (165) проступает [здесь] в наиболее ясном [виде]. И множество почитаемых [людей] тайно проживают в этом вилайате, так что во многих [других] вилайатах не найдется ни одного, [подобного] им, и

большей частью, [согласно] {«святы́е находятся под Моим куполом, кроме Меня, их никто не знает»} , они скрыты от глаз простого люда. Однако примет их судьбы и благодеяний от их высказываний очень много, и они явны.

Итак, шейх Ахмад Наср, который был в ханаке Сарави, имел келью в той ханаке, которую сегодня называют домом шейха. Он высунул голову из той кельи, а все суфии сидели под навесом перед этой кельей, и сказал: «Каждому надо узнать сокола тариката, сейчас он пролетает (проходит) [над нами]. Надо направиться в Бисме, чтобы познать его там» (166).

Наш шейх сказал: «Когда мы добрались до Нисы, то решили [пойти] в Бисме, ибо предстояло нам паломничество к могиле Ахмада Али». И Бисме—[это] селение в двух фарсангах от города Нисы, и эта могила шейха Ахмада Али Насави находится там. И он был [из числа] шейхов Хорасана и [был] муридом шейха Абу Османа Хири (167). Шейх Абу Абд ар-Рахман Сулами в книге «Табакат аиммат ас-суфийе» («Разряды имамов суфиев») приводит его имя, как Мухаммад Алиян Насави. Однако в вилайате Нисы он известен, как Ахмад Али, и им были явлены благородные деяния и чудеса. В том числе одно из них заключалось в том, что когда наш шейх вернулся из того путешествия и у него возникли те затруднения (дела), то через некоторое время он послал ходжу Абу Тахира, который был старшим сыном нашего шейха, в Нису, чтобы тот [взял] займы [деньги] для суфиев. Когда ходжа Абу Тахир прибыл в Нису, у него заболела нога, так что он не мог передвигаться. А у нашего шейха в его отсутствие в Мейхене появился [на свет] сын, и шейх назвал его Мотаххар. Благодаря [своей] проницательности (168) и [способности] к чудесам шейх был осведомлен о боли в ноге ходжи Абу Тахира. Вызвав одного дервиша, он сказал [ему]: «Следует отправиться в Нису к Абу Тахиру». И шейх написал письмо ходже Абу Тахиру такого [содержания]: «Во имя Аллаха милостивого милосердного—«Мы укрепим твою десницу твоим братом» (169)—до нас дошло, что он (т.е. Абу Тахир— М.К.) страдает от боли в

ноге, а потому следует пойти к могиле Ахмада Али в Бисме, чтобы та боль прошла, иншаллах, и дело с концом».

Когда письмо шейха прибыло к ходже Абу Тахиру, он решил [отправиться] на поклонение в Бисме. Из города Нисы его отвезли в паланкине до Бисме, и одну ночь он оставался у могилы Ахмада Али. На другой день всевышний Господь дал ему исцеление, и то, что было страданием [для него], полностью исчезло, так что по дороге в город он много (т.е. большой отрезок пути– М.К.) прошел своими ногами и прибыл в город.

Наш шейх сказал: «[Как–то] мы совершили паломничество к могиле Ахмада Али, и впереди нас ожидало (было) происшествие. Мы вошли в селение и собирались выйти с другой стороны. Старик мясник сидел на лавке, [а] шкуры и мясо [животных] висели перед ним. Он подошел к нам и поздоровался с нами, и [затем] послал вслед за нами ученика, дабы узнать, где мы поселились. [На берегу], у края воды находилась мечеть, и мы там остановились, и совершили омовение, и выполнили два раката намаза. Пришел тот старик и принес еду. Мы съели ее. Когда мы закончили, старик мясник спросил: «Есть [среди вас] кто–нибудь, кто ответит на мой вопрос?–Указали на нас, он спросил–Что есть условие рабства и что есть условие батрачества?» Мы ответили, [согласно своему] знанию, он спросил: «Есть ли другой ответ (что–нибудь другое)?» Мы ответили, [согласно] тарикату и речениям шейхов, он спросил: «Есть ли другой ответ?» Мы молча смотрели; тот старик грозно взглянув на нас, сказал: «Не говори, [согласно] тому, с чем развелся (разведенному)». То есть ты дал развод явленному знанию и не возвращайся к нему вновь (170).

Тогда состояние, [охватившее шейха], было таково (т.е. возникло так– М.К.), что когда Логман отвел нашего шейха к пиру Абу–л–Фазлу Хасану, пир Абу–л–Фазл Хасан соизволил, чтобы наш шейх [совершил] те рвения и воздержания и направил шейха от слов (науки слов) в сторону хала, и когда во время тех рвений и воздержаний то состояние [мистического восторга] явилось шейху и [шейх] обрел наслаждение того состояния, то все, что он прочел в книгах, и написал, и

собрал – все зарыл в землю, а сверху соорудил скамью и взял ветку мирты своими благословенными руками и посадил у той скамьи над теми книгами. Через малое время та ветка прижилась, зазеленела и выросло дерево со множеством ветвей. И ради [обретения] благословения святых рук шейха население нашего вилайата использовало [их] для детей во время [их] рождения и для усопших во время подготовки [тел к погребению] и завертывания [их] в саван; [люди также] брали их с собой в дальние вилайаты. Великие [люди] вселенной, которые приезжали с целью паломничества в Мейхене, брали залла (171) от того благословения. В наше время [дерево] было таким же зеленым и красивым, и до [начала] этих событий в Хорасане и периода невзгод, [связанного] с гузами, находилось на месте. Но поскольку произошли эти события, и вот уже тридцать с лишним лет каждый день [положение только] ухудшается и до каких пор это будет продолжаться [неизвестно, оно], подобно другим его благословенным творениям, не сохранилось и зачахло.

Нашим шейхом во время проповеди [по поводу] этого смысла были произнесены [следующие] слова. Шейх сказал: «Вначале, [до того] как это состояние было явлено нам и этот хадис (172) стал ясен (открыт) нам, у нас имелись книги и джужвы; мы их перебирали и прочитывали по одной, но совсем не обретали покоя. Мы обратились с просьбой к всемогущему и великому Богу, что о Боже! Внутри у нас от знакомства (чтения) с этими знаниями и книгами нет бодрости [духа] и, читая [все] это, мы отрываемся, о Боже, от Тебя. Обеспечь меня тем, в чем я смогу вновь обрести Тебя, дабы отказаться (успокоиться) от всего [остального]. Он проявил к нам милость, и мы убрали те книги, [бывшие] перед нами, и обрели избавление, когда добрались до «Тафсир–и хакаик» («Толкование истин») (173). И тогда читали то, что следовало. Мы начали с «ал–Фатиха» («Открывающая») Корана и дошли до [сур] «ал–Багара» («Корова»), «Али Имран» («Семейство Имрана»), «ан–Ниса» («Женщины»), «ал–Маида» («Трапеза»), «ал–Ан’ам» («Скот») и здесь, [когда прочли]: «Отвечай, [Мухам-

мад]: «Аллах ниспослал Писание». Потом предоставь им упиваться собственным пустословием» (174), [то] выпустили книгу из рук. Сколько ни старались [затем] продвинуться еще до одного аята, не нашли дороги и то [«Толкование»] также отложили от себя».

В то время, когда наш шейх закапывал книги и сооружал ту скамью, положив [в ее основу] книги и засыпав их землей, отца шейха Бабу Абу-л-Хейра известили, что приходи, ибо Абу Са'ид все книги, которые до сих пор были написаны (т.е. имелись у него— М.К.) и получены им, и записи, [сделанные на уроках учителей], и все, что изучал,—все закапывает в землю и сверху поливает водой. Отец шейха пришел и сказал: «Эй Абу Са'ид! Что в конце концов ты делаешь?—Шейх сказал—Ты помнишь, как в тот день мы пришли в твой дуكان (175) и спросили, что в этих кожаных мешках и что ты положил в эти сумки? Ты сказал—тебе [нельзя] это знать, мейхенец (176)—отец сказал—Помню—шейх сказал—[Теперь я говорю]: тебе [нельзя] это знать, мейхенец». И в тот момент, когда он закапывал книги, он повернулся к ним лицом и сказал: { «Ты—хороший проводник, но пользоваться проводником после достижения цели невозможно» }. После этого во время беседы некоторое время благословенным языком нашего шейха произносилось: {«Это дело начинается с разбивания пузырька с чернилами, сжигания тетради и забвения знания»}.

Когда наш шейх зарыл те книги и посадил [в землю над ними] ту ветку мирты, и полил [ее] водой, то все почитаемые люди сказали нашему шейху: «Эй шейх! Если бы эти книги ты дал бы кому—нибудь, дабы он мог извлечь из них пользу, то было бы лучше—наш шейх сказал—{ Мы хотели только освобождения сердца ради встречи, а упоминание даров будет при встрече (177) »}. И также благословенным языком нашего шейха было сказано, что: «Однажды мы просматривали один из джузвов ходжи имама Музаффара Хамдана (178), и он сказал нам: «Ты разбираешься [в написанном] в джузве? Хочешь, чтобы мы [вновь] направили тебя к твоему знанию (джузву)?» Мы раскаялись и молили о прощении, пока он не простил нас».

Кто-то из асхабов нашего шейха рассказывал, что: «Однажды ночью наш шейх стонал в своей келье до утра, и я всю ночь по этой причине был печален и удручен и, размышляя над этим, до утра так и не заснул. На следующий день, когда шейх вышел [из кельи], я спросил его: «Эй шейх! В чем причина твоих стонаний вчера ночью?—Он сказал—Вчера в руках у одного ученого [человека] я увидел стопку листов, я взял [ее] у него и просмотрел. Вчера [же] всю ночь нас наказывали зубной болью и говорили: «Почему ты возвращаешься к тому, от чего отказался (дал развод) (179)?»».

Наш шейх сказал: «Тот старик мясник сказал: «Пока не будешь свободным, не станешь рабом [Бога], и пока не будешь наставляющим и добродетельным батраком, не обретешь рая «[и все это]—в воздаяние за то, что они вершили [в этом мире]» (180)». Наш шейх сказал: «Затруднение нашего дела (происшествия) разрешилось [благодаря] словам того старца».

Затем наш шейх направился оттуда в Амул к шейху Абу-л-Аббасу Кассабу и [в течение] одного года, согласно одному ривайату (предание), оставался у него, и это более верный ривайат, а по другому ривайату, он жил там два с половиной года, но этот ривайат не точный (более слабый). И у шейха Абу-л-Аббаса Кассаба в его ханаке в общем помещении среди [мест для] суфиев был закуток, напоминающий загон [для скота]. Сорок один год он просидел в нем среди всех. И если ночью кто-то из дервишей совершал дополнительный намаз, [он] говорил: «О сын! Ты спи, ибо этот пир (т.е. сам Абу-л-Аббас— М.К.) все, что ни делает, делает ради вас, хотя это ему не нужно (ни для какого дела не годится), и он не испытывает нужды в этом». Но никогда за то время, что наш шейх был у него, он не сказал ему [подобных слов] . И наш шейх каждую ночь до наступления дня совершал намаз, а днем постоянно держал пост. И наш шейх сказал: «Никогда он (т.е. Абу-л-Аббас— М.К.) не говорил нам спи и не совершай намаза (181) так как это он говорил другим». Когда наш шейх прибыл к шейху Абу-л-Аббасу , шейх Абу-л-Аббас дал нашему шейху келью, напротив своего закутка, и наш шейх ночи проводил

там и предавался [духовному] рвению. [И] он [также] все время смотрел в щель в стене кельи и следил за самочувствием шейха Абу–л–Аббаса.

Однажды шейх Абу–л–Аббас пустил себе кровь. Той ночью жгут, [бывший] на его руке, развязался, раскрылась вена и руки и одежда Абу–л–Аббаса перепачкались [в крови]. Он вышел из того закутка. И поскольку наш шейх Абу Са'ид постоянно следил за тем, чтобы находиться рядом с шейхом Абу–л–Аббасом, разузнавал о его самочувствии и заботился о его настроении, то сразу же выбежал [из своей кельи] и подошел к шейху Абу–л–Аббасу. Он обмыл и перевязал его руку, взял одежду Абу–л–Аббаса, а свою одежду положил перед шейхом Абу–л–Аббасом. Шейх надел [ее] и пошел в закуток. У шейха Абу Са'ида был [кусок] грубой ткани, он обвязался (надел) им, очистил и выстирал одежду шейха Абу–л–Аббаса, бросил ее на веревку [сушиться], и за ночь она обсохла. Утром он разгладил ее, сложил и [принес] шейху Абу–л–Аббасу. [Тот] сделал знак, что тебе надо надеть ее. Шейх Абу Са'ид сказал: «Своими благословенными руками он надел ее на нас». Шейх Абу–л–Аббас свою рубаху своими благословенными руками надел на нашего шейха, и это была вторая хирка, которую получил наш шейх.

И чтобы никто не усомнился в том (т.е. в неверности того положения– М.К.), что если ты получил (надел) хирку [из рук] одного пира, не следует брать хирку у другого пира. Поскольку тайна получения хирки состоит в том, что когда пир [из числа] шейхов тариката, обладающий правом передачи хирки и которому надо следовать, ибо обладает он знанием шариата и знанием тариката, и знанием хакиката и требования (действие) этих трех знаний выполняет полностью и в совершенстве, и качества тех стоянок (макам) и состояния ступеней (маназил) и этапов (марахел) этих путей видел и испытал, и очистился от свойств, [присущих] людям, и от [свойств] низменной души в нем ничего не осталось–подобно тому как шейх Абу–л–Хасан Харакани (182), да помилует его Аллах, изволил [высказаться] в отношении нашего шейха, когда шейх прибыл туда (183):

«Здесь не осталось человеческого, здесь не осталось низменной души, здесь все–истина, здесь все–истина»; и сам этот рассказ будет приведен в нужном (своем) месте с целью свидетельствования– (когда такой пир) осведомится о состоянии мурида или мухибба и благодаря опыту и воле станут известны [ему] его тайные и явные [стороны] и глазами прозорливости увидит он достоинства этого человека и прознает, что у него появилась такая заслуга, что он из стоянки услужения [может перевести] его дальше, чтобы [тот] сумел сесть среди этого таифа, и узреет [также], что он (т.е. мурид– М.К.) обрел такую способность, чтобы он отвел его затем дальше ступени воздержания и рвения, чтобы он стал одним из этой общины, и эти качества [у мурида сформировались] по причине воспитания этого пира (т.е. с его стороны–М. К.) или по причине воспитания и наставления, и руководства [со стороны] другого пира, обладающего способностью (достоинством) воспитания мурида, то такой пир тем, что он возлагает руку на его голову и надевает на него хирку, показывает народу, что заслуги этого человека [в отношении] общения и единомыслия [с] этим таифа стали известны и несомненны для него. И если пир является авторитетом среди этого таифа (т.е. его слова принимаются– М.К.), и является [таким] лицом, [как сказано] выше, то все доверяют им (т.е. его словам–М.К.), подобно [тому, как доверяют] свидетельству очевидца справедливости и приговору кази, [выносящему] доказанные по шариату приговоры.

Вот почему суфии не признают дервиша, когда он приходит в ханаку или хочет стать собеседником общины дервишей, [поскольку сначала] спрашивают у него: «Кто был твоим пир–и сухбат, и из чьих рук ты получил хирку?» Эти два обстоятельства (происхождения–насаб) среди этого таифа весьма почитаемы. И в самом тарикате [по части] становления [суфиев] нет [ничего] большего, чем эти два [насаба]. А того, у кого эти два насаба не верны [в отношении] пира, бывшего его наставником, прогоняют и не подпускают (не дают дороги) к себе.

И степеней [пребывания] пиром и муридом, и условий, и подробностей [получения] хирки, и [участия] в беседе мно-

жество, и это собрание [записей] не может дать (не вынесет) их толкования, и наша цель в этом сочинении [не заключается] в их упоминании. И если кто-то [благодаря жизненному опыту] и воздержанию достигнет высокой степени и [достойной] удивления ступени, не имея [при этом] пира и наставника, то это таифа не считает его за своего, как сказал наш шейх: {«Каждый, кто не обучился адабу у наставника, тот бездельник» и «Если человек достигнет высоких ступеней и стоянок, [позволяющих] ему даже раскрыть [какие-то] вещи в сокрытом, но если у него нет наставника и учителя, он [все равно] не сможет, безусловно, сделать что-либо» }. И ось тариката связана с пиром, ибо {«шейх среди своих людей, подобен пророку среди уммы»}.

Несомненно и очевидно, что самому невозможно добраться куда-нибудь. У шейхов по этому поводу [есть] множество высказываний, и в каждом из этих высказываний содержится неисчислимая польза, особенно в словах нашего шейха Абу Са'ида, так что некоторые из них будут приведены в нужном месте, иншаллах. И если кого-то привлекают те [слова о наставнике] и любовь, и жжение этого повествования (хадис) пленяют его, то это страдание приведет его к тому, чтобы он [постоянно] находился возле порога шейхов и стал бы затворником у гробниц пиров, дабы обрести ту пользу, поскольку это знание, кроме как путем любви, не приобретается {«религия желанием или приписыванием себе [заслуг] не обретает правоту, а, возможно, [зависит] от того, что укрепляется в сердце и подтверждается действием»}.

О ты, не знающий о сгоревшем и способном сгореть,
Любовь—это то, что приходит, а не то, чему учат.

И чтобы (т.е. не следует— М.К.) никто не оправдывал бы себя и не искал бы повода [в том смысле], что «в эту эпоху такого пира, который [отвечал] бы условию и такого наставника из шейхов, которые были прежде, никто не [может] найти (определить)», ибо эти слова [есть] обман души и повод для без-

деятельности. Каждый, у кого была страсть к этому рассказу и любовь к этому пути, был таков, как говорит шейх Абу-л-Хасан Харакани, да освятит Аллах его дух,: «Вначале нужно сделать две вещи: первое (одно)–странствовать, а второе–следует взять себе учителя. Я раздумывал над этим и для меня был труден [этот вопрос]. Всевышний Бог сделал так, что каждый раз, когда я [оказывался] бессилен в каком–либо вопросе, то кто–то из ученых шафиитского мазхаба затрагивал (приводил) какую–то тему, дабы разъяснить (сказать) мне тот вопрос. Семьдесят три года я прожил с Истиной и ни один земной поклон не был совершен мной вопреки шариату, и ни разу не вздохнул я по велению (в согласии) низменной души, и так странствовал, что все, что есть от неба до земли, относилось ко мне одинаково (ступали одинаково со мной); поскольку любовь была искренней, а привязанность чистой, [то] и плод жизни был таким же».

Среди шейхов этого таифа есть великая связь (основа), ибо все это таифа является одним, а одно является всем. Все суфии вселенной не имеют противоречий и расхождений между собой, и нет самой двойственности среди тех, кто считает себя суфием; в эту [катеорию] не входит никчемный человек, [представляющий себя] суфием. И если слова (формы слов) шейхов в отношении высказывания являют различие, [то] все смыслы одинаковы. В таком случае, если кто–то надел хирку, [данную] пиром, то ее признают, как хирку основы (херке–йи асл), а другие называют хиркой благословения (херке–йи табаррук). И если ты взглянешь с точки зрения смысла, то поскольку все является одним [и тем же]: все руки были одной рукой и все взгляды были одним взглядом (184), то и хирки являются одинаковыми (имеют то же повеление). И тот, кто был принят одним, был принят всеми. И тот, кто был отвергнут одним, то упаси боже, был отвергнут всеми. И тот, кто надевает (т.е. получает– М.К.) две хирки, подобен тому, кто [в подтверждение] своего достоинства хиркой шейхов и благословением их рук, приводит двух очевидцев справедливости. По этому поводу выслушай доброе разъяснение, поскольку когда ты полностью постигнешь его, то не останется никаких сомне-

ний, что пиры вселенной и все истинные суфии одинаковы, и ни одно их качество [не представляется] двойственным.

Знай, что в согласии со всеми религиями и мазхабами для всех умных [людей] ясно и несомненно, что Божество и цель одинаковы и это тот самый Господь всемогущий, преславный и освященный именами, который есть {единственный во всех отношениях}, и нет там возможности для двойственного толкования. И если во [взглядах] путника (185) или в самом пути есть различие или расхождение в отношении образа [Его], то когда он достигает цели, это означает, что расхождение и различие устранилось, и все сменилось единством. И до тех пор, пока что-то из человеческих качеств осталось у путника, [это означает], что он еще не достиг цели и проявляется разнообразие его (т.е. путника– М.К.) состояний на пути следования. Когда он достиг искомого и цели, от всего того (т.е. качеств– М.К.) у него ничего не остается, все становится только единством, и вот почему один из шейхов говорит: {«Преславлен я»}, а другой говорит: {«Я–истина» } (186), а наш шейх говорит: { «В моей джуббе, кроме Аллаха нет [никого]»}.

Поскольку оказалось несомненным, что когда путник достиг цели, все стало единым, то теперь знай: пока путник находится в пути и не достиг цели, [ему] не следует [самому быть] пиром, потому что он еще нуждается в пире, чтобы тот наставлял его в пути и довел до цели. В таком состоянии он не может выполнять [обязанности] пира [по отношению] к другому. Когда он достигнет цели и заслужит [звание] пира, то он достигнет мира единства и от двойственности в нем ничего не останется. Следовательно, речения шейхов, [приводимые] в доказательство, оказались верны, так как то, что они говорили, [что] все есть одно и одно есть все, сообщалось [по поводу] достижения цели. И не остается никаких сомнений в том, что если все [является] одним, и одно [является] всем, то и руки и хирки их все являются одними [и теми же]. И тот, кто говорит, что не следует надевать хирки, [полученные] от двух пиров, [тем самым] сообщает о собственном [заблуждении]; он все еще пребывает в мире двойственности, потому что видит их

двумя (т.е. как две отдельные хирки - М. К.) и признает их, и он подобен косоглазому [человеку] и совсем не имеет понятия (сведений) о стоянках шейхов и их состоянии. И когда глаза его раскроются и взгляд его упадет на этот мир (т.е. когда он также признает все единым— М.К.), тогда его речи станут бесспорными, за исключением [речей] того, кто захочет, чтобы слова «нельзя брать вторую хирку, [поскольку это] действие (намерение) говорит о ложности первой хирки» оказались верными. Нельзя, конечно, [придерживаться] этого мнения, так как тот, кто поступает согласно ему, делает бесполезным первую хирку, которую одел, а вторая становится запретной для надевания и по этой причине среди всех [суфиев он] лишается их и удаляется от каждой из двух хирок, и боже сохрани от этого и Аллах знает [лучше].

Шейх Абу-л-Аббас Кассаб получил хирку из рук Мухаммада бин Абдаллаха ат-Табари (187), а он получил из рук Абу Мухаммада Джарири (188), и он—из рук сеида племени (сейид ат-тайефе) Джунейда, и он—из рук Сари Сакати, и он—из рук Ма'руфа Кархи, и он—из рук Давуда Таи, и он—из рук Хабиба Аджеми, и он—из рук Хасана Басри, и он—из рук амир ал-муминина Али бин Абу Талиба, алейхиссалам, да будет доволен ими всеми Аллах, и он—из рук Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует.

Итак, наш шейх Абу Са'ид направился в свою келью. Когда на рассвете совершили намаз, люди посмотрели и увидели шейха Абу-л-Аббаса, надевшего одежду шейха Абу Са'ида и шейха Абу Са'ида, надевшего одежду Абу-л-Аббаса; все удивились и подумали о том, что это может быть такое. Шейх Абу-л-Аббас [своей] пронизательностью осведомился о мыслях всех [собравшихся] и сказал: «Да, вчера ночью были знамения и все стало уделом этого молодого мейхенца, поздравляю его». Затем шейх Абу-л-Аббас повернул лицо к нашему шейху и сказал: «Возвращайся и иди в Мейхене, ибо в [течение] нескольких дней это знамя поднимут над дверями твоего жилища (т.е. обретешь главенство— М.К.)». Наш шейх сказал: «Мы, согласно его указанию, вернулись с сотнями ты-

сяч халатов и побед (189), и собрались муриды, и дела наладились». Когда он добрался до Мейхене, шейх Абу-л-Аббас скончался.

Наш шейх сказал: «В то время, когда мы были в Амале, [то] в один [из дней] сидели у шейха Абу-л-Аббаса. Вошли два человека, сели перед ним и сказали: «О шейх! У нас между собой состоялся разговор. Один говорит, что [не имеющая] начала и конца печаль совершеннее (полнее), а другой говорит, что [не имеющая] начала и конца радость совершеннее, что же [по этому поводу] говорит шейх?—Шейх Абу-л-Аббас провел рукой по лицу и сказал - Хвала Аллаху, что жилище сына мясника (кассаб) (т.е. мое— М.К.) не является ни [местом] печали и ни [местом] радости, { у Господа вашего нет ни утра и ни вечера }. Печаль и радость—[это] твои качества и все, что твое—преходяще , а у преходящего нет пути к вечному». Затем он сказал: «Сын мясника—раб божий в [подчинении Его] господству и слуга Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует, в следовании сунне. И если кто-то станет притязать на путь доблестных [людей], то свидетельством ему является это (т.е. эти слова— М.К.) (190). И то, что я сказал—[это] не оружие для старух (191), а поле битвы для доблестных [людей]». Когда оба [они] вышли, мы спросили: «Кто были эти двое?— Ответил он—Один был Абу-л-Хасан Харакани, а другой—Абу Абдаллах Дастанани (192)».

Наш шейх сказал: «Однажды мы были у шейха Абу-л-Аббаса Кассаба; посреди разговора он сказал: «Указание [на Бога] и выражение (т.е. попытка выразить словами божественное— М.К.) есть твой удел, [проистекающий от признания] тобой единобожия, и в сущности всевышнего Бога нет указания и выражения». Затем он повернул к нам лицо и сказал: «О Абу Са'ид! Если у тебя спросят знаешь ли ты Бога, не говори, что знаешь, ибо это есть многобожие и не говори, что не знаешь, ибо это есть неверие, а только говори: { Аллах знакомит нас со Своей сутью благодаря Своей милости }». И наш шейх также сказал, что однажды шейх Абу-л-Аббас говорил среди всех: «Дорогой Абу Са'ид—[это целое] владение».

И шейх ал-ислам Абу Са'д (193), предок этого возносящего молитву так сообщил, что: «Раскрытие этого смысла выпало шейху в сорок лет»; и само это [явление], кроме как таким (т.е. в возрасте сорока лет– М.К.), не может быть [ни чем иным], ибо святые, [являющиеся] наибами (194) пророков, ранее сорока лет не достигали степени святости и чудотворства. И также из ста двадцати четырех тысяч пророков, у которых время (возмужалось) пророчества наступило в сорок лет - «Когда же он вырастает до полной зрелости и (достигнет сорока лет...» (195)–только Йахйе бин Закарийа (196) и Исе бин Марйам (197), да благословит обоих их Аллах и всех их (т.е. остальных пророков– М.К.), было ниспослано откровение ранее сорока лет; так что в отношении Йахьи соизволил: «О Йахья! Крепко держись [установлений] Писания (т.е. Торы)», - и Мы даровали ему мудрость (т.е. пророческий сан) в младенческом возрасте» (198) и в отношении Исы соизволил: «...и они спросили: Как мы можем разговаривать с дитятей в колыбели?» [Иса] сказал: «Воистину, я–раб Аллаха. Он даровал мне Писание и послал пророком. И где бы я ни был, он сделал меня благословенным [для людей] » (199).

И наш шейх [к] сорока годам совершил все воздержания и [проявил] рвение, и хотя состояние [озарения] и раскрытие [тайн] наступило [для него] раньше этого возраста, но [тем не менее] для полноты и продолжительности того состояния он сохранил (исполнил) [срок] (т.е. ждал наступления сорока лет– М.К.). Как было сказано его благословенными устами на проповеди, где у него спросили об этом аяте: «Прошло то время, когда человек пребывал в полной неизвестности» (200), (наш шейх сказал): «Форму Адама на сорок лет сбросил между Меккой и Таифом - «Воистину, Мы создали человека из капли семени, смеси» (201)–вложил в него смеси (202); смеси испытания и несчастья этих неверий и сомнений, бахвальства и недоверия, отрицания и вражды и ужаса, рассказа о творении, о Нем и тебе вложил в его грудь–«Прошло то время...» (203) - вложил на сорок лет, а сейчас–«Когда же он вырастает до полной зрелости (и достигнет сорока лет)...» (204) - в сорок лет

изымает из груди Своих друзей, чтобы очистить их, и сама эта муамала завершается в сорок лет. И каждое разъяснение, кроме того, что мы дали (сказали), неверно. И для того, кто меньше сорока лет проявляет рвение, этот смысл полностью не раскрывается; в той степени, в которой он [проявляет] воздержание, завеса поднимается и этот смысл (хадис) показывает лицо, но [затем] опять скрывается за завесой, а то, что опять скрывается за завесой, оно еще не является полным (т.е. не раскрывается полностью— М.К.). И мы

Эту речь произносим не ради слушания,
А произносим ради испытания».

И в повествовании о нашем шейхе верно то, что в то время, когда наш шейх Абу Са'ид виделся с устатом Абу Али Даккаком, да осветит Аллах их могилы, то в один [из дней] они сидели вместе. Наш шейх задал вопрос устату Абу Али: «Эй уstad! Это событие (хадис) продолжительное?—Уstad сказал—Нет ». Наш шейх потупил голову; прошел час, [он] поднял голову и еще раз сказал: «Эй уstad! Это событие продолжительное?—Уstad сказал—Нет». Наш шейх еще раз потупил голову. Когда прошел еще час, [он] опять поднял голову и в третий раз спросил: «Эй уstad! Это событие продолжительное?—Уstad Абу Али сказал—Если и случается, то случается редко». Наш шейх хлопнул в ладоши и сказал: «Это—[из числа] тех редкостей, это—[из числа] тех редкостей» (205).

Иногда, когда у нашего шейха после такого состояния наступало [состояние] кабза, но не из-за [наличия] завесы [над сокрытым], а в смысле человеческого [состояния] печали, он призывал к себе каждого и просил того о чем-нибудь поведать, чтобы во время какого-либо из этих рассказов (речей), [у него] появилось бы состояние баста.

Как рассказывают, однажды у нашего шейха было состояние кабза; он изволил призывать каждого и просил рассказать [о чем-либо, но] баста не наступало. [Тогда] он повелел своему слуге: «Выйди в эту дверь [и] приведи каждого, кого увидишь»;

слуга вышел. Некто проходил [мимо]. [Слуга] сказал: «Тебя зовут шейх». Тот человек пришел к нашему шейху и поздоровался. Наш шейх сказал: «Поведай нам о чем-нибудь-[тот] сказал-Эй шейх! Не подобает моя речь вашему благословенному слуху, и я не знаю истории (речи), чтобы смог поведать вам ее-наш шейх сказал-Все, что приходит [на ум], расскажи-тот человек сказал-Я расскажу о собственном состоянии. Когда мне вспомнилось, что этот шейх Абу Са'ид такой же человек, как и мы, и та [способность] к раскрытию [тайн] и состояние, которые возникли у него, являются следствием рвения и поклонения, [то] я тоже решил повернуться лицом (т.е. приступить- М.К.) к поклонению и воздержанию, чтобы и у меня возникло то состояние и время (вакт) (206). Некоторое время я [совершал] поклонения и придерживался (исполнял) различных воздержаний и [проявлял] рвение. Затем в моем воображении утвердилось [то], что я достиг [такой] стоянки, что каждый раз моя молитва принимается и никоим образом не отвергается. Я подумал про себя, что попрошу у пречистого и всевышнего Господа, чтобы ради меня Он превратил бы камень в золото и чтобы остаток жизни я провел бы в покое и благоденствии и довел бы до конца [свои] намерения и цели. Я пошел и принес кучку камней и высыпал их в углу жилища, в котором [совершал] поклонения. Я выбрал знаменательную (величественную) ночь и совершил омовение, и всю ночь до утра совершал намаз. В утреннее время, когда принимаются молитвы, я поднял руки и, с как можно более искренней убежденностью и уверенностью сказал: «О Боже! Эти камни преврати в золото!» Когда я несколько раз сказал [это], то услышал из угла жилища какой-то голос: «Неисчислима благодать с Его лика». Когда тот человек сказал эти слова, у нашего шейха проявилось [состояние] баста, и время для него стало приятным. Он встал на ноги, стал взмахивать руками и приговаривать: «Неисчислима благодать с Его лика, неисчислима благодать с Его лика, неисчислима благодать с Его лика». Наступило приятное состояние и то [состояние] кабза у него сменилось бастом. И каждый раз, когда усиливалось [состояние] кабза, он решал [отправиться] к могиле пира Абу-л-Фазла Хасана в Серахс.

Ходжа Абу Тахир, старший сын нашего шейха, сказал: «Однажды наш шейх вел проповедь и в тот день у него было состояние кабза. Посреди проповеди шейх заплакал, и все собравшиеся заплакали. Наш шейх сказал: «Всякий раз, когда у нас наступает кабз, мы идем (хватаемся) к могиле пира Абу–л–Фазла Хасана, чтобы оно сменилось бастом. Оседлайте коня». Привели коня шейха. Наш шейх сел [на него], и все собравшиеся отправились с ним. Когда они оказались в пустыне, у шейха наступило состояние баста. Настроение (качество времени) сменилось, шейх заговорил, и все разом завопили и закричали. Когда прибыли в Серахе, шейх прямо с дороги направился к могиле пира Абу–л–Фазла Хасана и попросил каввала [произнести] этот бейт:

Рудник веселья это, и рудник щедрости и великодушия
Наша кибла–лик Друга, кибла каждого–святилище.

Каввал произносил этот бейт; шейха взяли за руки и он обходил вокруг могилы пира Абу–л–Фазла и издавал вопли, а дервиши босые и с непокрытыми головами (раздетые) кружились у могилы. Когда наступило спокойствие, наш шейх сказал: «Проставьте дату этого дня, ибо больше вы этот день не увидите». И после этого каждый мурид, который был [из числа муридов] нашего шейха, если задумывал [совершить] хаджж, наш шейх посылал его к могиле пира Абу–л–Фазла Хасана и говорил: «Надо совершить паломничество к ней и семь раз совершить обхождение (таваф) вокруг той могилы, чтобы цель была достигнута». (207).

После того, как наш шейх освободился от этих воздержаний и [духовных] рвений и [его] состояние и раскрытие [истин] обрело полноту и совершенство, его сподвижники сказали, что никогда ни один обычай из сунны и ни одно правило из правил [поведения] Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует, в пути и дома им не были забыты, и все им почитались. Так, что если он спал, то из глубины его горла доносился звук: «Аллах, Аллах, Аллах». Люди были меньше, [чем

следовало] осведомлены о воздержаниях и рвениях нашего шейха. Шейх свое состояние скрывал от народа и не говорил [о нем], и не позволял, чтобы [оно] проявлялось, разве что об этом говорилось его благословенными устами посреди проповеди по причине свидетельствования или во время беседы ради наставления и поощрения муридов.

Однажды во время проповеди устами нашего шейха было произнесено, что все, что следует сделать, мы все это сделали. И все святые, да освятит Аллах их дух, также скрывали свои деяния и чудеса от народа, за исключением тех, что проявлялись поневоле. И среди шейхов был один, у которого, когда поневоле проявилось что-то из его чудес, он попросил у пречистого и всевышнего Господа: «О Боже! Поскольку люди прознали про то, что [происходит] между мной и Тобой, возьми мою душу, ибо у меня нет желания прилагать усилия (возглавлять) ради людей, чтобы [они] отвратили меня от служения (занятия) Тебе». И тотчас он переселился под покровительство милости пречистого и всевышнего Господа. Но такие люди входят в таифа, [члены] которого не являются наставниками этого братства [суфиев]. А то таифа, [члены] которого являются наставниками, [также] не стараются совершать (проявлять) чудеса, но если они проявляются помимо их воли, они не огорчаются, так как забота о людях не является для них преградой на пути [к Богу]; возможно, они предназначены [для чтения] проповедей народу и руководства, и наставления, и морального воспитания муридов; и это таифа—более зрелое.

На этом пути много макамов, и шейхи этого таифа (т.е. наставники— М.К.) определили [их число] в тысячу и один, и объяснение их продлится долго. Наша цель заключается в том, чтобы разъяснить, что шейхи не стремились к проявлению чудес, а старались скрыть их. И одна разница между пророком и святым та, что пророки предназначены для проявления чудес (муджизат), а святые предназначены для их сокрытия.

Итак, по причине этих обстоятельств его (т.е. Абу Са'ида — М.К.) [духовные] рвения и воздержания большей частью были скрыты, и никто не знал о них. То, что дошло до

нас от заслуживающих доверия и надежных людей, касалось исправления тех преувеличений (208) и затем [уже] было сообщено. То, что было между ним и Аллахом, о том нельзя говорить.

И жизнь нашего шейха продолжалась тысячу месяцев, что составляет восемьдесят три года и четыре месяца. В четверг [во время] полуденного намаза, 4 ша'бана 440 г.х. наступила его смерть в Мейхене, в его келье, которая находилась в его жилище. В пятницу в утреннее время его похоронили в святом мешеде, находящемся напротив его жилища, там, где он указывал (где было дорогое указание). Да не прервет пречистый и всевышний Господь благоденствие помыслов и изречений его для нас и для всех людей, и укрепит и выпрямит поступь всех людей на пути следования пророкам и святым; во [имя] уважения к Мухаммаду и его чистому, непорочному роду.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О СЕРЕДИНЕ ЖИЗНИ НАШЕГО ШЕЙХА

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

О РАССКАЗАХ, ПОВЕСТВУЮЩИХ (СТАВШИХ ИЗВЕСТНЫМИ) О ЧУДОТВОРСТВЕ НАШЕГО ШЕЙХА И ПОДЛИННЫХ ДЛЯ НАС

Рассказ 1. В то время, как наш шейх Абу Са'ид освободился от воздержаний и рвений, и прибыл в Мейхене, и то состояние, и раскрытие [им истин] достигло совершенства, он [решил] направиться в Нишапур. Когда он добрался до селения Баз-и Тус—это селение в двух фарсангах от города Табарана (1)—то послал вперед дервиша и сказал: «Следует пойти в город к Ма'шуку (2) и сказать ему есть ли дозволение, чтобы мы вошли в твой вилайат?» И наш шейх никогда никому не говорил «сделай так или не делай так», а говорил: «Следует сделать так или не следует делать так». И этот Ма'шук был [из числа] безумствующих мудрецов и был весьма почитаем, и [был] обладателем совершенного хала. Он обитал в городе Тусе, и могила его находится там.

Когда дервиш ушел, шейх распорядился, чтобы оседлали лошадь и направился следом. И все суфии двинулись вместе с шейхом. Когда они достигли [расстояния] в один фарсанг от города, то в местечке, которое называют Добарадаран, на возвышенности, откуда можно видеть город, лошадь шейха остановилась, и все также остановились. Когда тот дервиш прибыл к Ма'шуку и сказал то, что повелел шейх, Ма'шук улыбнулся и сказал: «Иди и скажи, чтобы [он] пришел!»

Когда Ма'шук произнес в городе эти слова, шейх погнал туда лошадь, и все пошли следом; и [уже двигались в город],

когда тот дервиш на дороге повстречался (догнал) нашему шейху и передал ему слова Ма'шука. Шейх прямо с дороги прибыл к Ма'шуку, и он встретил нашего шейха, и обнял [его], и сказал: «Будь спокоен, эти литавры, в которые бьют здесь и в других местах, через несколько дней все принесут к твоему порогу» (3). Шейх вернулся оттуда и остановился в ханаке устада Абу Ахмада (4), в которую ступала нога шейха Абу Насра Сарраджа. И уstad Абу Ахмад оказал почести нашему шейху, и на несколько дней задержал его в Тусе, и организовал проповедь шейха в своей ханаке. Жители Туса, услышав речь шейха и увидев проявленные им чудеса, сразу стали муридами нашего шейха, и он обрел здесь признание. И появилось у него множество муридов.

Рассказ 2. Я слышал от эмира имама Изз ад-Дина Махмуда Илбаши (5), да продлит Аллах его жизнь, который сказал, что слышал от эмира сеида Абу Али Урзи (6), который сказал: «В то время, когда наш шейх Абу Са'ид прибыл в Тус и выступил с проповедью в ханаке устада Абу Ахмада, я был еще ребенком. Вместе с отцом я пошел на проповедь к шейху, и собралось множество народа, так что внутри и [даже] на крыше не было места. Посреди проповеди, когда шейх говорил и все люди разом заплакали, из-за толчеи, [созданной] женщинами, маленький ребенок, [находившийся] возле матери, упал с крыши. Наш шейх бросил на него взгляд [и] сказал: «Схватите его!» В воздухе появились две руки, и схватили того ребенка, и положили на землю, так что он не претерпел никакого мучения. Все присутствующие на проповеди видели [это], и раздались крики людей, и [некоторые] упали в обморок. Сеид Абу Али поклялся, что видел это своими глазами и, если это неправда и он не видел своими глазами, то пусть ослепнут оба его глаза!

Рассказ 3. Камал ад-Дин Абу Са'ид, мой дядя, сказал, что с его отцом ходжой Абу Са'дом и дедом ходжой Абу Тахиром, да помилует их Аллах, они направились в Серахс поприветствовать Низам ал-Мулка (7), да помилует его Аллах. Он сказал: «В то время, когда шейх Абу Са'ид прибыл в Тус, я

был ребенком. Вместе со всеми детьми мы стояли в квартале христиан. Шейх приближался со множеством людей. Когда он подошел к нам, то повернул лицо к своим людям и сказал: «Каждый, кому надо увидеть ходжу мира (8), то вот он стоит»—и указал на нас. Мы в удивлении посмотрели друг на друга, что, [дескать], о ком он это говорит, потому что мы все были детьми и ничего не знали. Сегодня с того дня минуло сорок лет, и сейчас стало ясно, что он указывал на меня».

Рассказ 4. Ходжа Абу-л-Касим Хашими (9) рассказал, что: «Мне было семнадцать лет, когда шейх Абу Са'ид прибыл в Тус. И отец мой был правителем Туса и муридом шейха. Каждый день он приходил в ханаку устада Абу Ахмада на проповедь к шейху и приводил меня с собой. Я не садился в присутствии отца. У меня, как это водится у молодых, сердце было отдано некоей девушке. И вот как-то ночью та девушка послала мне весть, что она выходит замуж, но [чтобы] я ждал ее, ибо она придет повидаться со мной. Я сел [и стал ждать]. Ночь тянулась долго и меня стало клонить ко сну. Про себя я тихо произносил этот стих, чтобы не заснуть:

В глазах вместо сна у меня слезы (вода),
Потому что я спешу увидеть тебя.
Говорят [мне]: засни, дабы увидеть ее во сне,
О неведающие! Разве мне [сейчас] до сна?!

Я произносил этот стих, когда сон охватил меня, и я заснул. [Я спал] до призыва муэдзина на молитву. Когда я проснулся, то никого не увидел, потому что [все] проспал. На следующий день я отправился с отцом на проповедь к шейху и стоял над головой у отца (10). У шейха спросили о любви и истинном пути и он сказал по этому поводу: «На человеческом пути искания, взгляни, сколько терпишь лишений и хитришь, чтобы достичь или не достичь цели (11). Не пройдя дороги по пути истины, разве можно достичь цели? Вот вчера ночью [возлюбленная] дала обещание этому молодому человеку и первую половину ночи [он] был без сна и говорил: «В глазах

вместо сна у меня слезы, а дальше как, о сын?» Я ничего не сказал. Шейх сказал: «Ходжа Абу–л–Касим!» Я, [словно] умер. Шейх позвал в другой раз. Я упал и лишился чувств. Когда я вновь пришел в себя, шейх сказал: «Если в глазах у тебя вместо сна были слезы, почему же ты заснул и не достиг цели?» И произнес весь стих. Люди все разом вскричали, а я пораженный упал, лишившись чувств. [Затем] шейх сказал мне: «Этого для тебя достаточно». Все пришли в восторг и были сброшены хирки. Мой отец [позже] вновь купил [себе] хирку, устроив угощение (12).

Затем, когда шейх пришел к нам домой, отец попросил его: «Если ты выпьешь воды, возьми ее из рук Абу–л–Касима». Я стоял над шейхом с кувшином с водой в руках. Шейх дважды выпил воду из моих рук и сказал мне: «Ты станешь хорошим человеком». В течение восьмидесяти одного года моей жизни никогда что–либо запретное не коснулось меня благодаря святости слов шейха. Никогда я не пил вина, и не служил ни одному созданию, и не сделал ничего плохого в отношении кого–либо. Я был участником этих двух чудес [проявленных] шейхом».

Рассказ 5. Рассказывают, что однажды наш шейх Абу Са'ид и шейх Абу–л–Касим Гургани (13), да освятит Аллах их дух, в городе Тусе сидели рядом на одной скамье, а все дервиши стояли. У [одного] из дервишей промелькнула мысль о том, в чем достоинство этих двух великих людей? Наш шейх Абу Са'ид тотчас повернул лицо к тому дервишу и сказал: «Тому, кто хочет увидеть двух падишахов в одном месте, в одно время, в одном состоянии, на одном троне, в единодушии, скажи, посмотри!» Тот дервиш, когда услышал эти слова, посмотрел на каждого из тех двух великих. Пречистый и всевышний Господь сорвал завесу с глаз сердца того дервиша, чтобы искренность слов шейха раскрылась в его сердце, и постиг он их величие. [Затем] у него промелькнула мысль, что разве сегодня у преславногo и всевышнего Бога есть на земле какой–то раб величественнее этих двух? Наш шейх Абу Са'ид тотчас повернул лицо к тому дервишу и сказал: «Будет не

много царств, чтобы каждый день в них (том царстве) не появлялось бы семьдесят тысяч, подобных Абу Са'иду и Абу-л-Касиму, и семьдесят тысяч, [подобных] им, не исчезало» (14). Сказал он это и улыбнулся.

Рассказ 6. Когда наш шейх Абу Са'ид остановился на несколько дней в Тусе, он вознамерился отправиться в Нишапур. Ходжа Махмуд Мурид, находившийся в Нишапуре, был человеком весьма почитаемым и был хадимом (15) суфиев. Так что [уже] после того, как шейх прибыл в Нишапур и увидел его, он послал муридов к нему и велел передать (сказал): «Махмуд—хороший предводитель». Однажды утром этот Махмуд Мурид совершил намаз и сказал: «Вчера ночью во сне я увидел, что гора, которая находится со стороны Туса, раскололась надвое и из ее середины появилась луна и сошла на землю в квартале Аданикубан (16). О асхабы! Призывайте к встрече, ибо прибывает шейх Абу Са'ид». Все заторопились и вышли встречать нашего шейха. Прибывал шейх со значительной [группой людей, находящейся] у него на услужении. Когда они достигли друг друга, шейх спешился и обнял ходжу Махмуда и всех остальных, [стал] расспрашивать их, [затем вновь] уселся [на лошадь], и [все] прибыли в город. Ходжа Махмуд сказал своим людям: «Поскольку во сне я видел то, что луна сошла на землю в квартале Аданикубан, то мы поселим его там». Шейха отвезли в квартал Аданикубан в ханаку Абу Али Тарсуси (17). Ходжа Махмуд сказал: «Пока мы приготовим еду, пройдет много [времени], поэтому сейчас с базара надо принести запеченую [баранью] голову». Принесли запеченую голову, расстелили скатерть и поставили голову перед шейхом. Шейх сказал: «Да будет благословенна [еда]! Мы начали с головы». Когда закончили [трапезу], ходжа Махмуд Мурид сказал: «Эй шейх! Что ты скажешь [насчет] хамама (баня)?—Шейх сказал—Следует пойти». Шейх и все [остальные] направились в хамам.

Когда расстелили садждаде шейха, банщик принес шейху самый чистый изар (18). Ходжа Махмуд быстро сорвал с головы дастар, поцеловал и положил перед шейхом. Шейх сказал:

и знаком, стихами или рассказом давал ответ на то, о чем он думал так, чтобы тот человек понял. Жители Нишапура сразу же хорошо приняли его и обратили к нему свои взоры. Шейх посреди своих речений произносил стихи и приглашал в гости с угощением. И все время в его присутствии совершали сама. Но все другие имамы не признавали нашего шейха.

Рассказ 7. Ходжа Хасан Муаддаб (23), да помилует его Аллах, рассказывает, что: «Когда молва о шейхе распространилась по Нишапуру, что мол из Мейхене прибыл пир суфиев и проповедует в квартале Аданикубан, и сообщает о тайнах рабов всевышнего Бога—а я считал суфиев большими врагами—то я сказал, что суфий не ведает о знании, как он проповедует? И знание о сокровенном (24) всевышний Бог не дал ни одному из пророков, и никому не дал и не дает, как же он может сообщать о тайнах рабов всевышнего Бога? Однажды ради проверки я пришел на проповедь к шейху и сел перед его тахтом (см. №116), надев дорожную одежду и дастар из табаристанской парчи, с сердцем, полным неверия и вражды. Шейх проповедовал. Когда он довел [проповедь] до конца, то попросил для одного дервиша одежду. Каждый что—то дал. Он попросил дастар. Я подумал отдать свой дастар. Но [затем] я опять подумал про себя, что этот дастар мне привезли в подарок из Амула. И цена этого дастара—десять нишапурских динаров, я не отдам [его]. Шейх еще раз попросил о дастаре. У меня опять пронеслась мысль о том, чтобы отдать дастар. Но вновь я отверг [эту] мысль, и вновь вернулась ко мне прежняя мысль. Рядом со мной сидел некий старик. Он спросил: «Эй шейх! Пречистый и всевышний Бог говорит со [Своим] рабом?—Сказал [шейх]—Говорит, но ради табаристанского дастара не говорит больше двух раз. Тому человеку, который сидит возле тебя, сказал два раза, что отдай этому дервишу дастар, который у тебя на голове. А он говорит не дам, ибо цена этого дастара—десять динаров и мне привезли его в подарок из Амула».

Хасан Муаддаб сказал: «Когда я услышал эти слова, меня охватила дрожь. Я встал и подошел к шейху, поцеловал его ноги, и отдал тому дервишу и дастар, и одежду, и в сердце у меня не осталось никакого неверия и вражды. Я заново стал

мусульманином и пожертвовал ради шейха всем, чем владел, и стал служить ему». И он был особым хадимом нашего шейха и оставшуюся жизнь находился в услужении у нашего шейха; и могила его расположена в Мейхене, да помилует его Аллах.

Рассказ 8. От хадима ханаки шейха, расположенной в квартале Аданикубан в Нишапуре, пира Мухаммада Шавкани и его брата зайн ат-таифа («украшение таифа») Омара Шавкани (25) я слышал, что оба они говорили, что слышали от своего отца, который говорил: «Я был молодым, когда сыновья шейха Абу Са'ида послали меня из Мейхене в распоряжение ханаки шейха в Нишапур, и я некоторое время прислуживал дервишам. Однажды я пошел в хамам, который находился возле этой ханаки и в которую часто приходил шейх. Когда я сел и подстриг волосы, подошел какой-то старик и захотел положить мне на спину руки, помассировать ее и [тем самым] услужить [мне]. Я не разрешил и сказал: «Ты почитаемый человек и старый, а я молодой. Надо, чтобы я услужил тебе—сказал он—Разреши помассировать тебе [спину] и рассказать одну историю». Я разрешил. Он положил мне руки на спину и рассказал эту историю: «Я был молод и на пересечении [торговых рядов] этого города имел лавку и готовил в ней халву. Поскольку некоторое время я занимался этим делом и скопил хорошее состояние, то мной овладело желание торговать (26). Я оставил лавку, то, что следовало продать, продал и закупил товаров, достойных для продажи в Бухаре. Я никогда из города не выезжал и на пять фарсангов до какой-нибудь деревни и никогда не путешествовал. Большой караван отправлялся в Бухару, я также взял внаем верблюда и отправился вместе с ними. Мы прибыли в Серахс, провели там два-три дня, а оттуда направились в Мерв. Я каждую ночь, как это принято у пеших, [следующих] с караваном, уходил чуть вперед от каравана и засыпал, пока не подходил караван. Потом я вставал и шел с караваном.

Однажды вечером я шел таким же образом, и стало совсем темно, я ушел вперед, и сбился с дороги, и заснул. Я спал, караван прибыл и [вновь] ушел, а я ничего не знал, до

тех пор пока жар солнца не разбудил меня. Я встал, но нигде не увидел и следа каравана. [Везде] был песок, и я не видел никакой дороги. Я немного пробежался кругом, [но окончательно] потерял дорогу. Я был, словно лишившийся чувств. Я пробежал немного в каждую сторону с тем, чтобы быть может опять найду дорогу. Однако растерялся еще больше. Потом я подумал про себя, что то, что я бегу немного в одну сторону и немного в другую [приведет к тому], что я так никуда и не прибегу. Лучше я успокоюсь (постараюсь), соберусь с духом, подумаю, и в какую сторону потянет сердце, туда и направлюсь. Я пойду и в конце концов приду в какое-нибудь населенное место. Я утвердился в этой мысли, проявил усердие, выбрал одно направление и пошел. Я шел, пока не наступила ночь. Голод и жара сильно мучили (влияли) меня и было очень жарко. Когда погода посвежела, я немного набрался сил и сказал себе, что если пойду ночью, это будет лучше, чем [идти] днем по жаре. В ту ночь я все бежал до утра. Наступил день, я смотрел и всюду в пустыне видел лишь песок и колючки. Нигде я не увидел и следа обжитого места, воды и животных. Я расстроился от жары и, [испытывая] жажду, голод и усталось, все также шел, пока солнце не стало припекать, и жажда не достигла такой степени, что я оказался не в силах двигаться. Я упал и приготовился к смерти. Затем подумал про себя, что в таком месте ничего, кроме усердия и настойчивости, не принесет пользы, и покориться смерти надо только после [проявления] всех усилий. У меня остался еще один выход, и он [заключался] в том, чтобы найти самый высокий холм из этих песчаных холмов, ловко взобраться на него и окинуть взором эту пустыню; возможно, я увижу заселенное место, жилище араба или туркмена (торкаман). Если увижу, то тем лучше (это и есть цель), а если нет, то на вершине того холма я раскидаю песок, отрою яму, лягу в нее и набросаю вокруг колючек, чтобы хищные звери после моей смерти не сожрали бы мой труп, и приготовлюсь к смерти.

Затем я огляделся, увидел большой холм, постарался и со множеством ухищрений взобрался на его вершину и вгля-

делся в пустыню. Вдали мне попало на глаза темное [пятно]. Я пригляделся получше—это была зелень. Я воспрял духом и сказал себе, что везде, где есть зелень, есть вода, а там, где есть вода, возможно, есть и человек. По этой причине я почувствовал силу, спустился с того холма и направился к зелени. Когда я добрался туда, то увидел кусок твердой земли посреди песков, протяженностью в несколько полетов стрелы. Источник чистой воды бил в той земле и растекалась [вода]. Вокруг того ручья, по той земле столько натекло воды, что выросла и зазеленела трава. Я подошел и выпил немного воды. Совершил омовение, два раката намаза и благодарственный земной поклон, потому что пречистый и всевышний Господь возвратил [мне] жизнь, и сказал себе, что мне надо здесь остановиться и не уходить отсюда. Возможно, кто-нибудь придет сюда в поисках воды, а если и не придет, на сутки я останусь, так как здесь есть вода, а затем пойду. Я поел немного корней травы, отдалился от того источника и взобрался на вершину песчаного холма. Раскидал песок так, что образовалась яма, забрался в яму и обложил себя колючками, чтобы никто не мог меня увидеть. [Сам же] я из-за колючек смотрел во все стороны; сказал себе, что не дай Бог появится зловредное животное или [некто], не боящийся Бога, и для меня [возникнет] угроза гибели. Я спрятался в тех колючках и смотрел по сторонам (вокруг в пустыню) до заката [солнца]. На закате вдали в пустыне появилось темное пятно, направлявшееся к воде. Когда [оно] приблизилось, то [оказалось], что это был человек. Я сказал себе, что Аллах велик. Появилась дверь для моего спасения. Когда он подошел поближе, то я увидел высокого, белокожего, плотного мужчину с большими глазами, бородой до живота, одетого в суфийскую муракку, с посохом и кувшином в руках, с садждаде, наброшенным на плечо, суфийской шапкой, надетой на голову и чомчочами на ногах (27). Его лицо излучало свет. Он подошел к воде и расстелил садждаде так, как это делают (по условиям) суфии. Принес кувшин воды, затем зашел за холм и освободился [от нечистот], вернулся и сел на краю ручья. [Затем] совершил омовение на суфийский манер,

два раката намаза, расчесал бороду и произнес призыв к молитве. Он исполнил предписания, [произнес] икама (28), произнес обязательные молитвы (фаризе), встал, набросил садждаде на плечо, взял посох и кувшин, повернулся лицом к пустыне и пошел. Пока он не скрылся с моих глаз, я не помнил себя от его внушительного вида, наблюдения за ним и благодати его послушания.

Когда он скрылся с моих [глаз], и я пришел в себя, то стал во множестве укорять себя, что это я сделал. Я повсюду искал какого-нибудь человека, чтобы он спас меня от этой гибельной пустыни и стал бы мне проводником. Я нашел чистого, добродетельного человека, суфия, чьими молитвами и [образом] жизни укрепляется весь мир, и у кого все заблудшие добиваются наставления и правильного пути, и остался столь беспечен, что он ушел. Такого рода [словами] я много упрекал себя, но когда понял, что это не принесет пользу, то сказал себе, что сейчас, кроме терпения, [ничего] не остается. Может быть еще сегодня, или ночью, или завтра он вернется и [тогда] мое освобождение, кроме как от него, не настанет. Я ждал, пока не наступило время послеполуденного намаза (29). То же темное пятно появилось вдали. Я понял, что это тот [же] самый человек. Когда он приблизился, то оказался [точно] тем человеком. Как и в то раз, он расстелил садждаде, совершил омовение, совершил два раката намаза, прочел призыв к намазу, исполнил предписания послеполуденного намаза, произнес икама и занялся обязательными молитвами.

На этот раз я оказался более решительным, тихо вылез из колючек, спустился с того холма и сел за его спиной. Когда он произнес приветствия в конце намаза, и воздел руки, и произнес молитву, и встал, чтобы уйти, я ухватился за подол [его одеяния] и сказал: «Эй шейх! Ради Бога окажи мне помощь. Я человек из Нишапура, был с караваном и направлялся в Бухару. Сегодня уже два дня, как я потерял дорогу, и караван ушел. Я в этой пустыне отрезан [от всех] и не знаю дороги». На мгновение он склонил голову, затем поднял ее, встал и взял меня за руку. Я посмотрел и увидел льва, который появился из пус-

тыни, подошел к нему, проявил [готовность] служить и встал [перед шейхом]. Тот приблизил рот к уху льва и что-то прошептал ему в ухо. Затем посадил меня на того льва и дал мне в руки его гриву, и сказал мне: «Обхвати крепко ногами его живот и закрой глаза, и не открывай их, и крепко держись, и там, где он остановится, сойди с него и иди в ту сторону, куда будет повернута его морда». Я закрыл глаза, и лев пошел. Прошло мгновение, лев остановился, я сошел с него и открыл глаза. Лев ушел. Я увидел дорогу, прошел по ней несколько шагов и увидел караван, остановившийся в том месте. Я очень обрадовался, и они (т. е. караванщики–М. К.) тоже обрадовались встрече со мной. С этими людьми я направился в Бухару и продал товар, который был [у меня], и заимел хороший барыш. Там я накупил то, в чем ощущалась потребность (было достойно) в Нишапуре, и вернулся в Нишапур, и обрел полное спокойствие. Вновь я сел в лавке и занялся приготовлением халвы, и так прошло несколько лет.

Однажды по делу я пошел в квартал Аданикубан. Возле ханаки я увидел толпу. Спросил: «Что здесь произошло?–Сказали–Пришел некто из Мейхене, которого называют Абу Са’идом Абу–л–Хейром, и он–пир и наставник суфиев, и он творит чудеса. Он остановился в этой ханаке и проповедует. Эти люди стремятся на его проповедь, вот почему здесь столпотворение–Я сказал–Я тоже войду посмотреть, что это за человек?» Когда я вошел в дверь ханаки, то [внутри] у края свода был столб. Я встал там, а он сидел на тахте и говорил. Я посмотрел на него и узнал в нем того человека, который в той пустыне усадил меня на льва. Он повернул лицо в другую сторону, потому что говорил, [обращаясь к людям], но я уже узнал его. Я хотел вновь поговорить о том происшествии (состоянии), но он вдруг повернул лицо в мою сторону и сказал: «Эй, ты разве не слышал, что об увиденном в разрушенном [месте], не говорят в благоустроенном?» (30)

Когда он произнес это, я вскрикнул, лишился чувств и не помнил себя. Шейх вернулся к [прерванной] речи, заканчивая проповедь. Когда я вновь пришел в себя, шейх завершил

проповедь, и люди разошлись. Сидел [лишь] какой-то дервиш возле моей головы. Когда я пришел в сознание и встал, тот дервиш сказал, что шейх повелел подойти к нему. Я пошел вперед и упал ему в ноги, и поцеловал его ноги. Шейх уделил мне много внимания и дал свое благословение, и сказал Хасану Муаддабу, чтобы тот принес мне новое одеяние, и снял с меня одежду изготовителя халвы, и надел на меня [новое] одеяние, и положил мне в рукав лоток со сладостями (31), и сказал: «Отнеси это детям и обещаю нам, пока мы будем живы, не рассказывать никому об этом [случае]». Я принял слова шейха и дал ему обещание. Пока он был жив, я никому не рассказывал эту историю. И поскольку он уже переселился в рай, я поведал тебе эту историю».

Рассказ 9. Ходжа Хасан Муаддаб, бывший особым хадимом нашего шейха, рассказал, что вначале, когда наш шейх прибыл в Нишапур и произносил проповеди, и люди сразу обратились (т. е. стали прислушиваться—М. К.) к нему, то у него появилось множество муридов и ему жертвовали [много] добра. И в то время предводителем каррамитов был уstad Абу Бакр Исхак Каррами (32), а главой асхаб ар-рай (33) и рафизитов (34)—кази Са'эд (35). Каждый из них имел много сторонников и решительно отвергал нашего шейха, и всех суфиев считал врагами. И наш шейх постоянно на минбаре произносил стихи и приглашал на угощение, так что на одно приглашение тратил свыше тысячи динаров и все время совершал сама. А они сильно противились этому. Шейх был беспечен и продолжал свое дело. Тогда они сели и написали жалобу. Имамы асхаб ар-рай и каррамиты написали, что: «Сюда прибыл человек из Мейхене и притязает на тасаввуф, и проповедует, и во время проповеди на минбаре произносит стихи, и не приводит тафсиры и хадисы. Постоянно шлет приглашения на угощение и повелевает [организовывать] сама, и молодые люди танцуют и едят лузине (36), жареную курицу и разнообразные фрукты, а он говорит, что он—захид (37). Но это—не образ жизни захидов и не обычаи суфиев. Народ разом обратился к нему и сбился с пути, и большая часть простолюдинов впала в

смуту. Если не будут приняты меры, то вскоре проявится общая смута». Они послали это обращение в Газну к султану и из Газны [им] написали ответ на оборотной стороне обращения: «Имамы–предводители шафиитов и ханифитов [должны] сесть и расследовать его действия (положение); и будет разъяснено ему то, что соответствует шариату, и [затем] исполнено [в отношении] его» (38).

Это повеление прибыло в четверг, и те, кто отвергали [шейха], обрадовались, сели вместе и сказали: «Завтра–пятница, в субботу мы созовем собрание и повесим шейха со всеми суфиями на перекрестке». С этим все согласились и приняли решение, и слух об этом распространился по городу. И то таифа, которое было убежденным сторонником шейха, огорчилось; суфии опечалились, и ни у кого не набралось мужества, чтобы сказать [об этом хоть] слово шейху. Но ни при каком случае шейху ничего не надо было говорить, потому что все, что происходило, он сам видел и узнавал [благодаря] проницательности и [способности] к чудесам.

Ходжа Хасан Муаддаб сказал: «Когда в этот день мы совершили вечерний намаз, шейх позвал меня и спросил: «Эй Хасан! Сколько [здесь] есть суфиев?–Я сказал–Сто двадцать человек, [из них] восемьдесят странников (39) и сорок проживающих [здесь]–сказал [он]–Что ты завтра дашь им на завтрак?–Я сказал–То, что укажет наш шейх–сказал [он]–Завтра следует перед каждым положить запеченую [баранью] голову и принести много измельченного сахара, чтобы посыпали на [бараньи] мозги, и перед каждым положи также ратл (40) халвы халифати (41) и розовую воду; и принеси много алоэ и розовой воды, чтобы мы возжигали алоэ и разбрызгивали на присутствующих (на них) розовую воду, и принеси отстиранный в прачечной карбас (42), расстели скатерть в пятничной мечети, чтобы те, кто злословят о нас в [наше] отсутствие воочию увидели бы, чем кормит пречистый и всевышний Господь из–за занавеса сокрытого любимцев порога величия».

Хасан сказал: «Когда шейх сделал такое распоряжение (указание), во всей казне и в ханаке не было даже [куска] хлеба

и во всем Нишапуре я не знал никого, у кого бы я отважился [попросить] хотя бы один серебряный дирхем, потому что все были обеспокоены этим слухом (43), и не хватало также смелости спросить (сказать) шейха о том, откуда раздобыть средства. Я вышел от шейха, солнце садилось. Я стоял растерянный в квартале Аданикубан и не знал, что делать. Наступило время заката, солнце стало совсем желтым и садилось. Люди закрывали двери дуканов и направлялись домой. Наступило время вечернего намаза и стало темно. Какой-то человек бежал с конца базара, чтобы добраться домой, потому что было [уже] поздно. Он увидел меня, стоявшего в растерянности, и сказал: «Эй Хасан! Что случилось, что ты стоишь в такой растерянности?» Я рассказал ему о случившемся, [о том], что шейх изволил такое-то указание, и сейчас сложилось такое-то положение и совсем не известно, [что делать]. И если нужно постоять до утра, я постою, потому что мне не с чем вернуться. Тот молодой человек распахнул рукав и сказал: «Просунь руку ко мне в рукав». Я просунул руку к нему в рукав и взял пригоршню того, что было у него в рукаве. Я хорошо взгляделся-[это] было золото. Я вернулся довольный, принялся за дело и подготовил все, что повелел шейх, и ты сказал бы, что моя пригоршня была в меру слов шейха, потому что все получилось и ни на один дирхем не было ни уменьшено, ни увеличено (44).

В ту ночь дело было сделано, на рассвете я пошел, взял карбас и расстелил скатерть в соборной мечети, и [расставил] на ней все, как указывал шейх. Шейх прибыл со всеми асхабами, [все расселись] и множество народа наблюдало, стоя у них над головой. Сообщили кази Са'эду и устаду Абу Бакру Исхаку Каррами, что шейх устроил для суфиев угощение в соборной мечети. Кази Са'эд сказал: «Пусть сегодня повеселятся и съедят запеченные головы, потому что завтра их головы будут клевать вороны». А Абу Бакр Исхак сказал: «Пусть сегодня смажут маслом [свои] животы, потому что завтра смажут маслом веревку (балку) виселицы [для них]». Весть об этом дошла до ушей суфиев, все опечалились, огорчились.

Когда поднялись из-за скатерти и вымыли руки, шейх сказал: «Эй Хасан! Следует тебе отнести садждаде суфиев в максуре (45) вслед за кази Са'эдом, потому что сегодня мы будем молиться [стоя] за ним, и мы желаем [молиться] с ним». И кази Са'эд был хатибом (46). Хасан сказал: «Я отнес садждаде в максуре вслед за кази Са'эдом и расстелил сто двадцать садждаде в два ряда, так что ни для кого больше не было места. Вошел кази Са'эд и поднялся на минбар, и прочел хутбу в порицание [тасаввуфа], и сошел с минбара, и совершил намаз. Когда он произнес приветствия (47), шейх поднялся и не остался на дополнительные молитвы, и ушел. Когда шейх уходил, кази Са'эд обернулся [вслед ему]. Шейх также посмотрел на него, с пренебрежением. Тот сразу потупился, и шейх ушел, и все ушли с шейхом. Когда вернулись в хануку, шейх сказал мне: «Эй Хасан! Отправляйся в Чахарсу-йи керманийан (48), там [есть] изготовитель как (49), выставяющий [на продажу] хорошие как; возьми десять манов как с белым кунжутом и фисташками и пойдя дальше. Там [есть] продавец мунакка (50), возьми у него десять манов мунакка, очисти их, оберни в два куска камфарной материи (51), положи на голову, пойдя к устаду Абу Бакру Исхаку и скажи, что сегодня вечером следует разговляться этим».

Хасан сказал: «Я встал и пошел в Чахарсу-йи керманийан. И нашел там все так, как и повелел шейх. Согласно указанию шейха, я взял там две вещи: как и мунакка и отправился к дому Абу Бакра Исхака, и испросил разрешения [войти]. Когда я вошел, то поздоровался и передал приветствие шейха, и сказал, что шейх говорит: «Сегодня вечером следует разговляться этим». Когда он (т. е. Абу Бакр-М. К.) увидел это, то побледнел, на мгновение прикусил палец, удивился, и усадил меня, и сказал, чтобы позвали хаджиба Абу-л-Касимака (52). Пришел хаджиб, [он] сказал [ему]: «Пойди к кази Са'эду и скажи, что от обязательства, которое было между нами о том, что завтра с этим шейхом суфиев мы проведем диспут и затем накажем его, я отказываюсь, а ты поступай как знаешь. Если он спросит зачем, объясни, что вчера вечером я пожелал соблюсти пост. Сегодня я сел

на осла и поехал в пятничную мечеть; я добрался до Чахарсу-йи керманийан и увидел в дукане изготовителя как выставленные им хорошие как. Мне захотелось [отведать их]. У меня промелькнула мысль о том, что когда я вернусь с намаза, скажу, чтобы купили как в дукане этого изготовителя как, и сегодня вечером я буду разговляться ими. И когда дальше я увидел мунакка, то сказал, что этот мунакка будет очень вкусен с тем как, и надо взять немного и его. Когда я приехал домой, то [обо всем] забыл. Это желание (состояние) только промелькнуло у меня, и я ничего не говорил [о нем], и никто не знал о нем. И вот сейчас я вижу эти два [лакомства] из тех двух мест, которые я хотел. Шейх послал [их и передал], чтобы сегодня вечером я разговлялся этим. С тем, у кого мысль [проникает] в сердца рабов всевышнего Бога до такой степени, [у меня] не может быть [никакого] диспута».

Хаджиб Абу-л-Касимак отправился, передал послание, вернулся и сказал, что кази Са'эд говорит: «И я тоже тотчас послал к вам человека с таким важным [сообщением], что сегодня [шейх] совершал намаз, [стоя] за мной. Когда он произнес приветствия, то встал и не произнес дополнительных молитв. Я повернулся вслед ему, захотел его обидеть и сказать, что это за образ жизни захидов и обычаи суфиев, что в пятницу ты не производишь дополнительных молитв и, тем самым, проявить жестокость и безрассудство. Шейх презрительно посмотрел мне в глаза; пожелал, чтобы моя желчь превратилась в воду. Мне показалось, что он сокол, а я воробей, и что в тот же миг он уничтожит меня. Сколько я ни старался, не смог сказать [ни] слова. Сегодня он показал мне свою силу (угрозу) и власть. Мне нет до него никакого дела. К тебе обратился султан, ты знаешь [как говорить] с ним. Мы [всегда] были твоими сторонниками, а главным был ты». Когда хаджиб Абу-л-Касимак произнес эти слова, Абу Бакр Исхак повернулся ко мне и сказал: «Пойди и скажи вашему шейху, что Абу Бакр Исхак Каррами с двадцатью тысячами сторонников, кази Са'эд с тридцатью тысячами людей и султан со ста тысячами людей и семистами пятьюдесятью боевыми слонами подготовились к битве; выстроили правый и левый фланги, центр и [запасные войска, стоящие] с обеих сторон, и возжелали раз-

бить тебя. Ты [же] десятью манами как и изюма смешал все их ряды и разбил правый и левый фланги, центр и запасные войска. Теперь ты оставайся (знай) со своей верой, а мы остаемся со своей верой». «Вам—ваша вера, мне же—моя вера!» (53).

Хасан Муаддаб сказал: «Я вернулся и пришел к шейху, и рассказал о случившемся. Шейх повернулся к асхабам и сказал: «Со вчерашнего дня вас охватила дрожь, вы подумали, что для вас промаслят веревку. Надо быть, [таким], как Хусейн Мансур Халладж, потому что в познании хала, подобного ему, не было никого на востоке и западе в его эпоху, чтобы для него промаслили бы веревку. Вережку промасливают для отважных людей, а не для трусов». Затем он повернулся к каввалу и сказал: «Принеси бубен и произнеси этот стих:

На поле [сражения] будь со щитом и колчаном,
Не будь мятежным для себя, а будь мятежным для нас,
Будь временами хоть водой, хоть огнем,
[Главное] - живи весело и среди [всего] будь весел».

Каввалы произнесли этот стих, и все асхабы пришли в волнение, а восемнадцать человек надели ихрам (54), произнесли лаббейк (55) и были сброшены хирки (56).

На следующий день кази Са'эд со всеми своими родственниками пришел поприветствовать шейха и попросил прощения, и сказал: «Эй шейх! Я зарекся [преследовать] тебя и отказался от этого». Кази Са'эда из-за того, что он был красивым, называли луной Нишапура. Шейх произнес этот стих:

Ты сказала, что являешься луной Нишапура и дворца,
О луна Нишапура! Нишапур принадлежит тебе.
То, что принадлежит тебе—твое и то, что наше—тоже
принадлежит тебе,
[Почему] же не говоришь нам, зачем [нужна] вражда?

Когда эти стихи были произнесены языком шейха, кази Са'эд упал шейху в ноги, и все отказались (очистились) от вра-

жды и встали, [испытывая] радость. После этого никто не осмеливался во всем Нишапуре сказать [что-либо] о недостатках суфиев.

Рассказ 10. В Нишапуре была женщина, ее звали Иши Нили (57). Она было очень почитаема, благочестива, и из большого рода. Жители Нишапура дружили с ней и благословляли ее праведность и отречение от мирского. Сорок лет она не выходила из дому и не посещала хамам. У нее была кормилица, которая и прислуживала ей. Когда наш шейх Абу Са'ид прибыл в Нишапур, и слух о нем распространился по городу, что [мол] из Мейхене прибыл шейх, и он творит чудеса и проповедует, и каждому, у кого среди присутствующих (всех) промелькнет [вдруг] какая-то мысль, он отвечает, то в один из дней Иши сказала кормилице: «Вставай и отправляйся на проповедь к шейху, и запомни [те] слова, что он говорит, чтобы передать [их] мне, когда вернешься». Кормилица пришла на проповедь к шейху. Шейх говорил. [Однако] кормилица не смогла запомнить его слов, и [тогда] шейх произнес этот стих:

У меня было полтора данга, [но] на одну
хабба (58) меньше,
Я купил два кувшина с вином,
[но оказалось] чуть меньше.
На моем барбате (59) не осталось ни самой
тонкой струны, ни толстой.
Кому ты говоришь о дервишестве и печали из печалей !?

Когда кормилица вернулась, Иши спросила, что сказал шейх? Та запомнила этот стих [и] произнесла. Иши сказала: «Встань и вымой рот (60), разве это слова захидов и ученых?» Кормилица встала и вымыла рот.

И у этой Иши был такой обычай, что она готовила для людей лекарство для глаз и всем его давала. В ту ночь она заснула, и увидела во сне нечто ужасное. Она вскочила и в тот же миг у нее заболели оба глаза. Хотя она приготовила лекар-

ство, лучше не становилось. Она прибегла к помощи (покровительству) всех врачей, но не обрела исцеления. Двадцать дней и ночей она кричала от этой боли. Однажды ночью она уснула и увидела во сне, что если хочешь, чтобы глаза твои поправились, иди и получи одобрение мейхенского шейха и познай его дорогое сердце.

На следующий день Иши положила в мешочек тысячу фатхийских дирхемов, дала кормилице и сказала: «Отнеси шейху. Когда шейх закончит проповедь, положи его перед шейхом, ничего не говори и возвращайся». Кормилица пришла к шейху, поздоровалась с ним и положила серебро перед ним. По традиции, когда шейх заканчивал проповедь, то какой-нибудь мурид ставил перед ним высушенный хлеб и зубочистку. Шейх съедал тот хлеб и ковырял зубочисткой [в зубах]. [Как раз] шейх ковырял зубочисткой, [когда] кормилица положила перед ним это серебро. Когда она хотела вернуться, шейх сказал: «О кормилица! Подойди и возьми эту зубочистку и дай своей госпоже, и скажи ей, чтобы взболтала этой зубочисткой воду и промыла той водой свои глаза, чтобы ее внешние (т. е. обычные—М. К.) глаза обрели исцеление. И пусть удалит из сердца и груди отрицание и вражду с этим таифа, чтобы и ее внутренние глаза также обрели исцеление».

Кормилица пришла и [изложила] все Иши. Иши выполнила указание шейха, обмакнула зубочистку в воду и промыла той водой свои глаза. В тот же миг она обрела исцеление. На следующий день она встала, взяла все, что имела из драгоценностей, украшений и одежды, принесла шейху и сказала: «Эй шейх! Я покаюсь и устранила из груди отрицание и вражду—шейх сказал - Да будет [это] благословенно! Отведите ее к матери Абу Тахира, чтобы она надела на нее хирку». И шейх повелел ей избрать служение этому таифа, чтобы стать желанной в обоих мирах. Иши поступила, согласно указанию шейха, и надела хирку, и занялась услужением женщинам этого таифа (т. е. женщинам—суфиям—М. К.), и лишилась всего, что имела из украшений, вещей и другого имущества, и на этом пути достигла степени величия и стала предводителем суфиев Нишапура.

Рассказ 11. Рассказывают, что когда наш шейх Абу Са'ид прибыл в Нишапур, то в течение года он оставался там, проповедовал, и дела шли [своим чередом]. В течение этого времени уstad имам Абу-л-Касим Кушейри не виделся с нашим шейхом и не признавал его. И за это время семьдесят человек из муридов уstadа пришли к нашему шейху и стали служить ему. И тот, кто приходил на проповедь к шейху и видел то состояние и чудеса шейха, переходил к нему на услужение. Одним из них был Абу Наср Хорзи (61), который постоянно говорил имаму, чтобы тот в конце концов хоть раз пришел и посмотрел на этого человека, и послушал его речения. Наконец, через год уstad имам удовлетворил [его просьбу] и сказал: «Завтра идем».

На рассвете [после] той ночи уstad имам встал с уже [принятым] решением и пошел в отхожее место. Когда он облечился, то взялся поверх одеяния за свою плоть и посреди худжры (62) совершил истибра (63) и сделал несколько шагов, как это принято. Но братья за плоть поверх одеяния не принято, так как когда ты берешься за полы одеяния [и поднимаешь его], то оголяются срамные части тела, а принято так, чтобы ты взялся за плоть, [просунув руку] под одеяние, чтобы не оголилась ни одна из срамных частей, даже если ты находишься один; в соответствии с хадисом, который Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, изволил в своем завещании, известном и правильном (64): {«Стыдитесь тех, кто видит вас, а вы не видите их»}. Затем он пришел, разбудил служанку и сказал: «Вставай и почисти уздечку и бляшки на седле [козня]». Когда он сказал эти слова, то пошел совершать омовение. Затем утром он прибыл на меджлис к шейху.

Шейх начал речь, как было заведено. Уstad имам смотрел и видел его власть [над людьми] и способность проникать в мысли. У него у самого промелькнула мысль [о том], что этот человек не превосходит меня в [проявлении] милости, в муамала (65) мы равны, как же он обрел такое положение? Шейх тотчас повернул лицо к нему и сказал посреди [своей] речи: «Эй уstad, этот хадис (т. е. состояние—М. К.) ищут не

тогда, когда ходжа, не по обычаю схватив свою плоть ходит взад вперед посреди худжры и [затем] будит служанку и [говорит ей] встань и почисти уздечку и бляшки на седле—в тот миг следует очистить сердце, а не уздечку и бляшки. Этот хадис ищут в то время, когда ходжа занимается этим вопросом». Устад имам разволновался и лишился чувств. Когда шейх сошел с минбара и подошел к устату имаму, то оба взяли друг друга в объятия. Устад имам отказался от того непризнания шейха и между ними наладились отношения.

Рассказ 12. Рассказывают, что когда непризнание между устатом имамом и нашим шейхом устранилось, [все равно] внутри у устада имама было предубеждение (вражда) [против] сама, которого постоянно хотел шейх, так как у устада имама вначале не было веры в сама. Однажды устад имам проходил возле ханаки, а в ханаке проводили сама и у суфиев было приятное времяпровождение, и проявилось состояние [возбуждения], и они танцевали, и шейх участвовал вместе с ними [в сама]. Устад посмотрел на это. У него промелькнула мысль [о том], что в мазхабе [установлено] так, что тот, кто вращается в танце, его свидетельство не слышат и [не принимают], и справедливость он делает тщетной. Эта мысль пронеслась у устада имама, и он ушел. На следующий день шейха отводили на какое-то угощение, а устад имам куда-то шел. На перекрестке они встретились и поздоровались. Шейх сказал: «О устад, где ты видел нас, сидящими в ряду свидетелей и [дающими свидетельство?】» (66). Устад имам понял, что эти слова—ответ на ту мысль, которая вчера вечером промелькнула у него. И то предубеждение внутри у устада имама также исчезло.

Рассказ 12. Рассказывают, что однажды устад имам проходил мимо ханаки нашего шейха. Наш шейх распорядился, чтобы проводили сама. У нашего шейха было состояние [восторга], всем было приятно и каввал произносил этот бейт:

Если ради кумира станешь гебром, не стыдно.
Пока не станешь гебром, кумир не станет
твоей возлюбленной.

От того бейта в сердце у устада имама возникло неприятие шейха, и он сказал себе: «Если все бейты каким-то образом можно истолковать и оправдать, [то] этот бейт из числа тех, которые никак нельзя [оправдать], а шейху от этого бейта стало приятно». Это неприятие возникло у него в сердце, [но] он не проявил его и ушел. После этого, дня через два уstad имам пришел к нашему шейху. Когда они сели, шейх повернулся к уstadу имаму и сказал: «Эй уstad!

Если ради кумира станешь гебром, не стыдно?
Пока не станешь гебром, кумир не станет
твоей возлюбленной?»

В вопросительной форме порядок слов приводил к [такому] смыслу, что тебе самому не стыдно стать гебром ради кумира и [разве] пока не станешь гебром, кумир не сможет стать твоей возлюбленной? Когда уstad имам слышал способ истолкования этого бейта—[он сам] с таким воображением и знаниями, которые были у него на этом пути и долгим размышлением над этим бейтом, [так] и не смог его истолковать и ничего не пришло ему на ум—решил, что сама для шейха дозволено и [является] его неоспоримым [правом]. Втайне он дал обет, что впредь не станет отрицать ни одно действие шейха. После этого каждый день либо он приходил к шейху, либо шейх отправлялся к нему.

Рассказ 14. Старец Абу Ахмад (67) был хранителем тайн устада имама, да освятит Аллах их дух, и был почитаемым человеком. Он сказал: «Однажды ночью, [ближе] к утру у устада имама родился мальчик. Уstadу втайне сообщили об этом, и пока никто из обитателей ханаки устада не знал [об этом]. Уstad имам еще никак не назвал его и из его родственников и близких ни у кого не было сведений [об этом]. [В это время] кто-то взялся за кольцо на двери ханаки. Уstad имам сказал: «Это шейх Абу Са'ид». Открыли дверь—[это] был шейх. Он вошел и сказал уstadу имаму: «Нам сообщили, что у вас родился сын; у нас оставалось имя и мы даруем это имя

ему». Он назвал его Абу Са'идом. И в благодарность за это уstad имам трижды дал угощение, а ходжа Амр (68), который был зятем уstadа имама и был знатным и богатым человеком, в благодарность за это устроил сорок угощений».

Рассказ 15. Ходжа Абу Бакр Муаддаб (69), да помилует его Аллах, сказал, что однажды наш шейх Абу Са'ид вел проповедь в Нишапуре и посреди речи сказал: «Уstad имам опаздывает». И дважды повторил: «Странно, странно». Некоторое время он говорил и опять сказал: «Я беспокоюсь об уstadе имаме, так как вчера ночью ему нездоровилось». Когда он произнес эти слова в дверь вошел уstad имам; народ поднял шум. Шейх повернулся к уstadу имаму и сказал: «О уstad имам! Вчера вечером мы не были неосведомлены о тебе. О посещении тебя я передам в следующем рассказе: однажды сидел некий дехкан (70) и какой-то земледелец принес ему ранние огурцы. Дехкан взял то, что [полагалось] по счету в дом, дал каждому по одному [огурцу], а один дал гуламу, стоявшему [рядом]. Дехкану же самому ничего не досталось. Гулам выказал [свое] уважение, взял и стал есть. Ходже также захотелось. [Он] сказал [гуламу]: «Дай и мне кусок». Гулам отрезал кусок [огурца] и дал хозяину. Когда дехкан поднес его ко рту, то он оказался горьким. Сказал [хозяин]: «Эй гулам! Как такой горький огурец ты поедает с таким наслаждением?— Ответил гулам—Я столько лет ел сладости из рук хозяина, что из-за одного горького огурца не могу привести отговорку, чтобы отвергнуть его! Эй уstad:

Разве можно обижаться на любимую
из-за каждой вещи,
Ибо эта любовь такова, [что] иногда [приносит] радость,
а иногда печаль.
Если унизит повелитель, унижение не будет пороком,
А если вновь приласкает, станет тот
жар страдания, холодом.
Сотню добрых [дел] из-за одного плохого
нельзя забыть.

Если думаешь о колючке, не сможешь съесть хурму.
Она сердится, ты проси прощения,
Каждый новый день, нельзя найти
другую возлюбленную».

Устад, когда услышал эти слова, вскричал, стал перека-
тываться с боку на бок и кричал, пока не лишился чувств. Ко-
гда шейх закончил проповедь, народ разошелся и шейх также
направился домой, суфийские шейхи приблизились к устаду,
[спрашивая] что случилось вчера вечером? Устад сказал:
«Удивительное дело! Вчера вечером во время вирда я [почув-
ствовал] себя нездоровым и по этой причине я был встрево-
жен, и сказал, что пойду в пятничную мечеть, совершу омове-
ние в водоеме, пойду к могилам шейхов и прочту вирд. Когда
я вошел в пятничную мечеть, подошел к водоему, положил
саджжаде на арку, снял одежды и вошел в воду, некто прибли-
зился, нагнулся, взял мою одежду и обувь и ушел. По этой
причине меня охватили огорчение и печаль. Я выразил слова-
ми свое недовольство, вышел из воды и раздетый пошел в ха-
наку, надел другую одежду и сказал: «То [мое] намерение надо
завершить». С мыслью о поклонении [могилам] я и вышел.
Когда я добрался до пятничной мечети, то споткнулся о ка-
мень и упал. Нога повредилась и мой дастар упал. Кто-то по-
дошел, схватил (украл) дастар и ушел. Я остался в изумлении,
повернул лицо к небу и сказал: «О Боже! Если Тебе не нужен
Абу-л-Касим, [смилуйся], он не может вынести Твоих поще-
чин и ран, и этот вирд и [стремление] Абу-л-Касима к покло-
нению были ради Тебя, так как Тебя нельзя забыть (оста-
вить)». На всем свете никто не знал о моем состоянии. И вот
сегодня шейх говорит, [что] мы вчера вечером были с тобой и,
если он осведомлен об этой тайне, то как много позорных ве-
щей он знает о нас».

Рассказ 16. Я слышал от ходжи Абу-л-Футуха Газайери
(71) и шейха Абу Бакра Джанару (72), которые говорили, что
каждый день [во время] вечернего намаза в ханаке шейха в
Нишапуре, в квартале Аданикубан убирали и чистили скамью,

бывшую там, подметали [вокруг] и стелили на нее ковер, и шейх садился на нее, и старики садились перед шейхом, а молодые стояли на ногах, выстроившись в ряд, и то место было чистым, открытым и приятным.

Однажды шейх сидел таким образом, [затем вдруг] поднял голову и сказал: «Хотите увидеть соглядатая у порога Бога? Вот он идет, посмотрите на этого человека». Все посмотрели, [но] никого не увидели. В этот миг в квартале появился уstad имам. Когда он приблизился, то поздоровался и прошел. Шейх посмотрел ему в след и сказал: «Уstad [он и есть] уstad».

Рассказ 17. Рассказывают, что уstad имам Абу-л-Касим Кушейри, да помилует его Аллах, однажды ночью подумал про себя и сказал: «Завтра я пойду на проповедь к шейху Абу Са'иду и спрошу у него, что такое шариат и что такое тарикат, и [посмотрим], что он скажет». На следующий день он пришел на проповедь к шейху и сел. Шейх начал речь и [еще] до того, как уstad имам спросил, шейх сказал: «О тот, кто хочет спросить о шариате и тарикате, знай, что мы все знания о шариате и тарикате привели в одном бейте и вот он:

Пришла весть от Друга, что приведи
в порядок дело—вот шариат,
Вынеси вперед любовь сердца и убери
с дороги болтовню — вот тарикат».

Имам ал-харамейн Абу-л-Маали Джувейни (73), да помилует его Аллах, сказал, что все, что мы прочли в книгах, и написали, и сочинили—и [по этой причине] испытали множество хлопот—султан тариката и шариата шейх Абу Са'ид изложил в этом одном бейте.

Рассказ 18. Ходжа Абу-л-Футух Газайери, да помилует его Аллах, поведал, что дочь устада Абу Али Даккака госпожа Фатима, бывшая женой устада имама Абу-л-Касима Кушейри, попросила разрешения у устада имама Абу-л-Касима пойти на проповедь к нашему шейху Абу Са'иду. Уstad имам воспротивился этому и не разрешил. Поскольку она несколько раз

[просила], уstad, [наконец], сказал: «[Хорошо], я дал разрешение, но ты прикройся и накрой голову тем, что на языке нишапурцев (74) зовется навне, то есть старым ночным платком, чтобы никто не догадался, кто ты». Госпожа Фатима так и поступила; накрыла голову старым платком, скрытно пришла на проповедь к нашему шейху и уселась среди женщин на крыше. В тот день уstad имам не пришел на проповедь. Когда шейх начал говорить, то посреди речи привел рассказ, из [принадлежащих] Абу Али Даккаку, и сказал: «Сейчас часть из его семьи здесь и [эта] часть, принадлежащая ему, присутствует и слушает [нас]». Когда госпожа Фатима услышала эти слова, ее охватило волнение, она лишилась чувств и упала с крыши. Шейх сказал: «О Господи! Не так явно» (75). Там, где была, она повисла в воздухе, пока женщины не протянули руки и не втащили ее опять на крышу. Когда она вернулась домой, [то] рассказала [все] уstadу имаму.

Рассказ 19. Я слышал от шейха зайн ат-таифа Омара Шавкани, который сказал, что слышал от имама Ахмада Малекана (76), который сказал: «Однажды наш шейх Абу Са'ид с уstadом имамом Абу-л-Касимом Кушейри и большой группой суфиев (77), да освятит Аллах их дух, направились на базар Нишапура. У дверей какой-то лавки была выставлена пареная репа. Один [из] дервишей увидел ее и, вроде бы, захотел отведать. Наш шейх своей пронизательностью прознал [про это], и натянул поводья [лошади] в том месте, [где в это время] находился, и сказал Хасану: «Пойди в лавку того человека и сколько там есть свеклы и репы [все] купи и принеси». А в том месте была мечеть. Шейх вошел в ту мечеть с уstadом имамом и всеми суфиями. Хасан направился в ту лавку, купил сколько [в ней] было репы и свеклы и принес. Огласили приглашение, дервиши приступили к еде и шейх присоединился к ним; а уstad имам не присоединился и в сердце воспротивился этому, так как мечеть находилась посреди базара и была открыта [в его сторону] (вперед). Он говорил себе: «[Посмотри на них]—едят на улице и базаре (78)». Уstad имам не протянул руки, [чтобы взять еду], а шейх, как было принято у него, ничего не

возражал и считал это недопустимым. После этого, через два-три дня шейх вместе с устатом имамом и всеми суфиями отправились на угощение. На том угощении было много блюд и была приготовлена разнообразная еда. Когда расстелили скатерть, там оказалось еда, которая возбудила аппетит устада имама, но она была далеко от него. Руки устада не доставали до той еды, он стеснялся попросить ее и поэтому был сильно расстроен и озабочен [этим]. Шейх повернул лицо к нему и сказал: «Эй уstad! Тогда, когда дают, не кушаешь, а когда хочешь (нужно), не дают». Уstad покаялся в том, что произошло и был проучен.

Рассказ 20. Шейх Абу Наср (79) поведал [услышанное] от Хасана Муаддаба, который сказал: «Однажды в Нишапуре уstad имам Абу-л-Касим Кушейри, да помилует его Аллах, снял хирку с какого-то дервиша (80), доставил ему много страданий и выгнал из города по той причине, что тот дервиш посматривал на ходжу Исмаилака Даккака, а этот Исмаилак был братом супруги устада имама. Якобы, тот дервиш потребовал у какого-то мухибба, что сегодня ночью тебе надо приготовить угощение, позвать каввалов и привести Исмаилака, чтобы сегодня ночью он побеседовал бы с нами и мы выразили бы ему свою любовь, так как мы уже сгораем [от любви к нему]. Тот мухибб в ту ночь исполнил желание того дервиша и провели сама. На следующий день весть об этом дошла до устада имама, он наказал того дервиша, снял [с него] хирку, разлучил [со всеми] и выгнал его из города».

Когда весть об этом доставили в ханаку нашего шейха, [то] дервиши огорчились. Никогда и ни при каком случае [они] ничего не говорили шейху и не сообщали ему ни о каком происшествии, [да] и не нужно было сообщать, так как он сам [все] видел и знал благодаря [своей] проницательности и чудотворству. Итак, шейх позвал Хасана Муаддаба и сказал: «Сегодня вечером тебе следует приготовить хорошее угощение со всеми блюдами и множеством запеченых [бараньих] голов, принести в большом количестве лузине, позвать всех [суфиев] города, позвать устада имама и зажечь много свечей». Хасан

Муадаб сказал, [что] пошел и приготовил все, что повелел шейх, сообщил устаду имаму и привел всех [суфиев] города. Когда вечером прибыл уstad имам, шейх усадил его рядом с собой на тахт, а суфии сели в три ряда перед тахтом шейха, по сто человек в каждом ряду. Мы расстелили скатерть, а сахиб – и суфра (81) был ходжа Абу Тахир. Он был очень красив, одет в короткую джуббу и кружился вокруг скатерти, словно [мотылек] вокруг свечи. Когда наступил черед сладостей, я положил перед шейхом и уstadом имамом большую чашу с лузине. Немного поев, они отставили [ее]. Шейх сказал: «О Абу Тахир! Подойди, возьми эту чашу и походи к тому дервишу, Абу Али Туршизи (82). Возьми эту лузине, съешь половину сам, а [другой] половиной накорми с рук (положи в рот) того дервиша». Ходжа Абу Тахир взял чашу с лузине в свои руки, направился к тому дервишу и, оказывая ему уважение, сел перед ним на колени. Затем он взял кусок лузине, съел половину, а другую половину вложил в рот тому дервишу и проделал подобное с оставшейся [лузине]. Тот дервиш возопил, порвал свою хирку, и, произнося лаббейк, выбежал из ханаки, и продолжал бежать и кричать.

Шейх сказал ходже Абу Тахиру: «О Абу Тахир! Мы направили (посвятили) тебя на услужение к тому дервишу; иди и возьми его посох и кувшин, и иди вслед за ним, и служи ему, и там, где он остановится, растирай его, [чтобы снять его усталость], пока он не дойдет до Каабы». Абу Тахир взял посох и кувшин того дервиша и направился за ним. Абу Али оглянулся и увидел ходжу Абу Тахира, который бежал за ним. Он остановился и, когда ходжа Абу Тахир добежал до него, спросил: «Куда ты идешь?» – Абу Тахир ответил – Отец послал меня на услужение к тебе» – и рассказал о случившемся. Абу Али вернулся, пришел к шейху и сказал: «Эй шейх! Ради Бога заведи Абу Тахира от меня». Шейх позвал ходжу Абу Тахира назад; тот дервиш выказал уважение [шейху] и ушел.

Когда Абу Али ушел, шейх повернулся к уstadу имаму и сказал: «Эй уstad! Дервиша, которого половиной лузине можно вывести из города и направить в Хиджаз, зачем надо

было обижать, снимать с него хирку и позорить. Это мы сделали (случилось) ради тебя, а иначе уже четыре года, как этот дервиш испытывал привязанность (бедствовал) к Абу Тахиру, и мы не открывали этого ему (83), и, если бы это не было связано с тобой, мы бы и не сказали никому». Устад имам встал, покаялся и сказал, что произошла ошибка, и мы каждый день вновь должны учиться суфизму у тебя». Всем суфиям стало приятно и всех охватило [радостное] состояние.

Рассказ 21. Рассказывают, что когда у устада имама признание [шейха] и вражда [к нему] сменились дружескими отношениями и единением [с ним], он попросил нашего шейха [о том], что тебе следует один раз в неделю проповедовать в моей ханаке. Шейх удовлетворил [его просьбу] и один раз каждую неделю проповедовал там. Однажды [как раз] наступила очередь проповеди шейха. В ханаке устада имама покрыли ковром курси (84), пришли люди и расселись. Вошел шейх Абу Абдаллах Баку (85), чтобы расспросить [о здоровье] устада имама. Когда расселись и расспросили друг друга [о здоровье], Абу Абдаллах Баку сказал: «Что это? - Устад имам сказал - Шейх Абу Са'ид будет проповедовать, сядь, чтобы услышать-Абу Абдаллах сказал-Я его не признаю, то есть не верю [в него]-устад имам сказал-Я тоже был таким, пока не увидел то, что было истиной. Ты также садись, чтобы увидеть». Шейх Абу Абдаллах сел, устад имам сказал: «Послушай, этот человек читает мысли, [надо], чтобы ты совсем не двигался и ничего не думал, так как он тут же прознает [про это]». Затем пришел наш шейх Абу Са'ид и вошел на курси; чтецы прочли [аяты] из Корана, и шейх произнес молитву. Когда он начал говорить, Абу Абдаллах Баку скрытно втянул воздух и тихо сказал себе: «Как много воздуха в Дизбаде!» (86). Он даже еще не успел подумать над сказанным, как наш шейх Абу Са'ид повернулся к нему и сказал: «Да, Дизбад-место, [где] рождается ветер». Он произнес эти слова и [вернулся к своей] речи. Устад имам сказал шейху Абу Абдаллаху: «Что ты сделал? - Он сказал - Сделал то-то-устад имам сказал- Разве я не сказал

тебе ничего не делай, так как этот человек проникает во все мысли и действия?!».

Когда шейх стал говорить с жаром и шейх Абу Абдаллах увидел то состояние шейха, его власть [над людьми] и [способность] проникать в мысли, то подумал про себя, что сколько хаджжей я совершил в отрешенности от мирского (87), сколько видел шейхов и служил им, и уже девяносто с лишним лет состою на услужении у шейхов, и служу им с детства, в чем причина того, что все это (т. е. такие способности—М. К.) проявляется в этом человеке, а в нас ничего не проявляется? Наш шейх тотчас повернул к нему лицо и сказал: «Эй хаджа!

Ты таков и твоя судьба такова и такова,
[А] я другой (такой), и моя судьба такая и такая.

Да благословит Аллах Мухаммада и весь его род». Он провел рукой по лицу, сошел с курси и подошел к уstadу имаму и шейху Абу Абдаллаху Баку. Когда они сели, наш шейх Абу Са'ид сказал уstadу имаму: «Скажи этому хадже, чтобы он развеселился—шейх Абу Абдаллах сказал—Я развеселюсь тогда, когда каждый четверг ты будешь приходить в мою хануку поприветствовать меня и после этого я стану радоваться—шейх Абу Са'ид сказал—Я не смогу этого сделать, пожелай что-нибудь другое—шейх Абу Абдаллах сказал—У меня [только] это желание—шейх Абу Са'ид сказал—Многие шейхи и знатные люди смотрят на тебя (88), мы идем к этим взорам, а не к тебе». Когда наш шейх произнес эти слова, начался всеобщий плач и послышались вопли, и шейх Абу Абдаллах также много плакал, и то непризнание нашего шейха и вражда [к нему], бывшие у него внутри, устранились, и [он] очистился, и все, обрадовавшись, поднялись.

Их (т.е. Абу Са'ида—М. К.) состояние было таково, что пошли они [путем] правды и этого проявления лицемерия и [стремления] к разладу у них не было. Несомненно, от тех правильных слов, которые они произносили, проявилась такая

радость и чистота, [а также] по причине [его] прямоты и искренности на пути веры. И в наше время от тысяч слов, которые мы произносим с благосклонностью и любезностью, не наступает ни капли спокойствия, потому что [все в них] смешано с лицемерием, раздорами и подобострастием, и все является [именно] этим. Пречистый и всевышний Господь да пробудит нас от сна беспечности до [наступления нашей] смерти и проявит милость к нам в следовании искренности и придерживании обычаев (условий) предшествующих шейхов.

Рассказ 22. Рассказывают, что когда в душе у шейха Абу Абдаллаха Баку, исчезла та вражда к нашему шейху, то он каждый раз приходил поприветствовать нашего шейха, и много сидел [у него], и [они] беседовали. Однако внутри у шейха Абу Абдаллаха было все же великое предубеждение против сама и танцев нашего шейха, и порой он проявлял его на людях.

Однажды ночью шейх Абу Абдаллах спал. И увидел во сне, как Хатеф (89) говорит ему: «Вставайте и танцуйте ради Аллаха». Он проснулся и сказал: «Нет силы и могущества, кроме как у всевышнего и великого Аллаха. Это был беспокойный сон, который явил мне шайтан». Он заснул в другой раз и опять увидел во сне, как Хатеф говорит ему: «Вставайте и танцуйте ради Аллаха». Вновь он проснулся и произнес: «Нет силы и могущества, кроме как у всевышнего и великого Аллаха»—и совершил зикр, и прочел две—три суры Корана, и заснул в третий раз, и увидел все тот же сон. Поскольку [это случилось] трижды, он понял, что это не может быть ни чем иным, кроме истины. Утром он встал и понял [также], что этот сон он видел по причине того предубеждения, какое было у него против танцев нашего шейха. Он пришел в ханаку нашего шейха, чтобы навестить его. Когда он подошел к двери ханаки нашего шейха, наш шейх произнес внутри ханаки: «Вставайте и танцуйте ради Аллаха». Шейх Абу Абдаллах Баку развеселился, и то предубеждение против сама и танцев, которое было у него, устранилось.

Рассказ 23. И однажды в это же время шейх Абу Абдаллах Баку пришел навестить нашего шейха. Шейх сидел на ло-

же из подушек (чахарбалеш), облакотившись, словно султан. Из –за этого у шейха Абу Абдаллаха возникло предубеждение. Поскольку вражда промелькнула в мыслях у шейха Абу Абдаллаха, шейх повернулся к нему и сказал: «Ты не смотри на ложе, а смотри на нрав и характер». Когда наш шейх показал ему этот тонкий смысл, что доверие находится внутри человека, а не снаружи, так как { поистине, всевышний Аллах не смотрит на ваши лица и на ваши дела, а смотрит только на ваши сердца и на ваши намерения }, то благодаря этим кратким словам шейх Абу Абдаллах раскаялся в том предубеждении и дал себе слово, что после этого ни в чем не [станет] возражать нашему шейху.

Рассказ 24. Имам ал–харамейн Абу–л–Маали Джувейни сказал: «Когда шейх Абу Са’ид прибыл в Нишапур, мой отец был сильно настроен против него, так что никто в его присутствии не мог говорить о нашем шейхе. Однажды утром, когда мы совершили намаз и аурад, отец сказал мне: «Оденься, чтобы мы пошли навестить шейха Абу Са’ида Абу–л–Хейра». Я удивился этим его словам. Вдвоем мы дошли до ханаки шейха. Когда мы вошли в дверь ханаки, шейх Абу Са’ид сказал: «Входи о «друг Бога», к «любимому Богом». Я удивился и этим словам. Мой отец вошел.

Шейх был один в келье. Он позвал муридов, что идите и поднимите нас. Наш шейх к концу жизни с трудом мог самостоятельно подняться. Два человека должны были взять его за локти и поднять с места. [В свое время], совершая воздержания и рвения, он много свешивался, [будучи привязанным] за ноги в колодец; по этой причине [теперь] он большей частью сидел на тахте, чтобы каждый раз, когда он хотел встать, он бы выбросил [вперед] с тахта обе ноги и, оперевшись руками на тахт, встал бы без чьей–либо помощи. Двое из его муридов подбежали и подхватили шейха. Шейх обнял моего отца, и они сели и [целый] час разговаривали. Когда прошло некоторое время, вошел уstad имам Абу–л–Касим Кушейри, и добрый час они говорили, [затем] уstad имам поднялся и ушел. Отец посмотрел вслед за уstadом имамом Абу–л–Касимом. Шейх

Абу Са'ид приблизил рот к уху моего отца и что-то сказал на ухо моему отцу. Отец [нагнулся] и поцеловал шейха в бедро.

Мое удивление от этого возросло еще больше. Затем мой отец встал, и мы вышли наружу. Когда мы пришли домой, я спросил у отца: «Сегодня я удивился трем вещам (положениям): первое-то, что ты был так настроен (отрицал) против шейха Абу Са'ида, [но] сегодня утром беспричинно повелел мне встать, дабы мы навестили шейха Абу Са'ида; второе-когда мы пришли к нему, он сказал: «Войди «о друг Бога», к «любимому Богом»; третье-когда устад имам вышел, ты посмотрел ему вслед, шейх сказал что-то тебе на ухо, ты поцеловал его в бедро. Мой отец сказал: «Знай, что вчера ночью я видел во сне, как я проходил через величественную святую местность и чистое, приятное место. Я увидел шейха Абу Са'ида в этом месте, который читал проповедь и множество людей сидело [вокруг]. Я из-за глубокого непризнания, которое было в моем сердце против него, отвернулся от того места. [В это время] Хатеф подал голос: «Ты отворачиваешься от того, кто находится в чине «любимого Богом» на земле». Когда я услышал эти слова, меня охватило человеческое самолюбие, [и] я сказал себе, что, если он в чине «любимого Богом», то в каком чине я?—Послышался голос, что: «Ты в чине «друга Бога». Я проснулся; от того непризнания шейха, которое было у меня в сердце, ничего не осталось, а только вместо каждой вражды, возникло тысячекратное [чувство] дружбы «Если бы ты издержал все, что есть на земле, то не смог бы слить воедино их сердца, однако Аллах соединил их ...» (90). Сегодня я сказал тебе, что пойдём навесить его. Когда мы вошли, он сказал: «Войди о «друг Бога», к «любимому Богом» - и показал [тем самым], что он [своей] пронизательностью и чудотворством осведомлен о том, что я видел вчера ночью во сне. Когда устад имам встал, я посмотрел ему вслед, и у меня промелькнула мысль, что если шейх обладает чином «любимого», а я чином «друга», то какой чин у устада имама? Шейх приблизил рот к моему уху и прошептал (сказал): «Чин «собеседника всевышнего Бога»(91). Я от этих

слов шейха, его способности проникать в мысли и осведомленности о сердцах рабов всевышнего Бога, позабыл о себе, нагнулся и поцеловал благословенное бедро шейха». Я сказал отцу: «Как я смогу узнать об особенностях (состоянии) тех чинов?» Мой отец [в ответ] сообщил мне с достоверным иснадом хадис о том, что Посланник Божий, да благословит его Аллах и приветствует, говорит, что {улемы моей уммы, подобны пророкам израильтян}(92). После этого каждый день отец шел приветствовать шейха или посылал меня».

Рассказ 25 . Рассказывают от лица амида Хорасана (93), который сказал: «Причина моей привязанности к шейху Абу Са'иду и его детям заключалась в том, что вначале, когда я прибыл в Нишапур, я был [простым] воином. Я остановился в Дар-и азра (94) и меня называли хаджиб Мухаммад. Каждый день по утрам я проходил мимо ханаки шейха Абу Са'ида Абу-л-Хейра, заглядывал в нее и видел его. Один из дней (тот день) стал благословенным для меня, и я счел [его] предзнаменованием. Однажды ночью я подумал [о том], что завтра пойду поприветствовать шейха и что-нибудь отнесу ему. Я взял тысячу серебряных дирхемов из тех серебряных [монет] в то время только отчеканенных, [из расчета] тридцать дирхемов равных одному динару. Я завернул эту тысячу дирхемов в лист бумаги, чтобы когда наступит утро, пойти на приветствие к шейху и положить перед ним это серебро. В этом доме я был один, и никого не было со мной, когда я думал про это, и я никому не говорил об этом. Затем у меня [в мыслях] пронеслось, что этого серебра много, хватит и пятисот дирхемов. Я разделил пополам серебро и разорвал пополам бумагу, и пятьсот дирхемов положил под подушку, а другие пятьсот дирхемов оставил как есть. Утром я встал, совершил намаз, взял то серебро, направился к шейху и поздоровался с ним. И дал то серебро ходже Хасану Муаддабу. Хасан тихо сказал на ухо шейху, что хаджиб Мухаммад принес неполновесные монеты (95). Шейх сказал: «Да будет благословенно [его деяние]. Но он не все принес и половину положил под подушку. У Хасана есть долг в тысячу дирхемов; он должен все дать Хасану, чтобы

Хасан избавился от долга». Амид сказал: «Когда я услышал эти слова, то [почувствовал себя] неловко, и тотчас послал слугу, чтобы он принес остальное и дал Хасану. Затем я сказал: «Эй шейх! Прими это от меня—шейх взял мою руку и сказал—Все кончилось, иди с миром». Амид сказал: «После этого никто не властвовал надо мной, и я жил с миром. Если появлялись расходы, то они были мне по силам, и никогда не знал я никаких забот, и с каждым днем мое дело процветало. Когда я возвращался, шейх посмотрел мне вслед и сказал—как много дел за спиной у этого человека».

Рассказ 26. Абу Са'ид Хашшаб (96) сказал, что он был доверенным хадимом нашего шейха Абу Са'ида и что: «Однажды наш шейх вышел из ханаки в квартале Аданикубан, чтобы пойти в хамам. [В это время] проезжал амид Хорасана, накинув кожаную попону на коня и надев габа и рида (97). Тогда он еще не был амидом Хорасана и его называли хаджибом Мухаммадом. Когда он посмотрел на нашего шейха, то сразу же спешился. Шейх сидел на небольшой скамейке у ханаки. Амид подошел, проявил [свое] уважение, и сказал: «Дозволено ли мне говорить?—Шейх сказал—Говори—амид сказал—Мне надо, чтобы шейх отвел бы в своем сердце место для меня—шейх сказал—[Мы уже] сделали это ».Он проявил уважение и ушел. Шейх направился в хамам и рассказал эту историю мне. Я не смог сдержаться и сказал: «Эй шейх! Тот человек сказал такие слова и ты удовлетворил его просьбу. Что у него за чин такой?—Шейх сказал—Между ним и всевышним Богом есть тайна, не удивительно, если он найдет то, что ищет».

С того дня его дела пошли в гору. Через некоторое время после этого мы направились к ходже Абу-л-Фатху [внуку] шейха (98). Он сказал: «Однажды я находился у шейха, а амидом Хорасана в то время был Ахмад Дехестани (99), и этот хаджиб Мухаммад был его хаджибом. Они пришли навестить нашего шейха. Хаджиб Мухаммад шел впереди. Это был нежный молодой человек.Он подошел к шейху и проявил уважение.Шейх сказал: «Входи ходжа амид Хорасана—хаджиб Мухаммад сказал—Амид Хорасана сейчас придет». И Ахмад

Дехестани, который был амидом Хорасана, вошел вслед за хаджибом Мухаммадом. Шейх сказал: «Нет, амид Хорасанаты. Он—собака, и собаки разорвут его». И шейх не оказал никакого внимания Ахмаду Дехестани. Он повернулся и вышел. И как раз в ту неделю Ахмада Дехестани убили и разорвали на части, а хаджиб Мухаммад стал амидом Хорасана. Он занял (воссел) [эту должность] и взял харадж (100) с Хорасана, и всегда говорил с гордостью, что я - назначенный шейхом Абу Са'идом на должность амида Хорасана».

Рассказ 27. Ходжа имам Абу-л-Фатх Аббас (101) сказал, что: «Я с отцом отправился в Исфахан к Низам ал-Мулку, да помилует его Аллах. Когда мы вошли к Низам ал-Мулку, отец вознес за него молитву. Низам ал-Мулк сказал: «Эй ходжа имам! Все, что я обрел, обрел благодаря шейху Абу Са'иду Абу-л-Хейру—отец мой спросил—Каким образом?—Ответил он—Однажды я был в Нишапуре. Выехав на неказистой лошади, я спешился затем в квартале Аданикубан. Кто-то подошел сзади и сказал: «Тебя зовут—я спросил—Кто зовет?—Сказал [он]—Зовут сюда». Я повернулся, вошел в ханаку, и увидел шейха Абу Са'ида Абу-л-Хейра. Он [стал] расспрашивать меня. А я ранее [уже] бывал у него в Мейхене, [чтобы проявить свое] почтение, и рассказ об этом будет приведен в нужном (своем) месте. Затем шейх взял мою руку и сказал: «Ты будешь хорошим человеком». Я проявил почтение и вернулся. На следующий день я пришел на проповедь к шейху и сел, укрывшись за колонной, так что шейх меня не видел. Шейх произносил речь. Когда он завершил проповедь, то сказал: «У Хасана есть долг». А у меня был красивый пояс, такой, [который] украшает молодых. Я расстегнул тот пояс и протянул [его]. Шейх сказал Хасану Муаддабу: «Принеси тот пояс». Хасан отнес пояс шейху. Шейх взял его и набросил пряжку пояса на палец. Несколько раз он провел [другим] пальцем по ней и сказал: «Не пройдет много времени, как перед тобой четыре тысячи человек повяжут пояса (102), и в том числе четыреста поясов будут из золота». Сегодня я (т. е. сам Низам ал-Мулк—М. К.) произвел смотр и четыре тысячи человек служат мне, и

в том числе четыреста из них имеют золотые пояса, не больше и не меньше. И все, что я обрел, я обрел благодаря ему, и по этой причине я—гулам суфиев всей вселенной».

Рассказ 28. В Мерве жил старец, которого звали Мухаммад Абу Наср Хабиби. Он был из числа шейхов Мавераннахра. В то время, когда Бугра-хан (103) задумал истребить суфиев Мавераннахра, люди [из числа] их шейхов скрытно прибыли в Мерв, и этот Мухаммад Абу Наср был среди них. Он не видел нашего шейха Абу Са'ида, так как в то время, когда он прибыл в Мерв, шейх находился в Нишапуре. В Мерве [в тот период] был имам, и звали его Абу Бакр Хатиб. Он был [из числа] учеников имама Каффала и видел шейха на уроках Каффала. По какому-то делу он решил направиться в Нишапур. Мухаммад Абу Наср пришел к нему и сказал: «Я слышал ты решил направиться в Нишапур, у меня есть просьба [к тебе]—сказал [тот]—Какая?—сказал [Мухаммад]—Это вопрос, который ты задашь шейху Абу Са'иду и привезешь ответ. Но надо, чтобы он не знал, что этот вопрос задал я. И ничего не говори ему обо мне (моем деле)—имам Абу Бакр сказал—Что это за вопрос?—сказал [Мухаммад]—Спроси у него: проявления уничтожаются?—[Абу Бакр] сказал—Я не могу это запомнить. Напиши на бумаге». Он написал, дал [Абу Бакру] и наказал, что не говори шейху обо мне».

Абу Бакр Хатиб сказал: «Я прибыл в Нишапур и остановился в караван-сараяе. Тотчас пришли два суфия и спросили, кто имам Абу Бакр Хатиб, [прибывший] с караваном из Мерва? Я подал голос, что [это] я. Они подошли ко мне и сказали: «Шейх Абу Са'ид шлет приветствие и говорит: «Мы не спокойны из-за того, что ты остановился в караван-сараяе. Тебе следует прийти к нам—я сказал—Позвольте я пойду в хамам, помоюсь, а затем приду». От того приветствия и послания я пришел в [восторженное] состояние, ибо точно знал, что так быстро никто [не мог] известить его. Обо мне и моем состоянии он узнал сам, не иначе как благодаря пронизательности и чудотворству. Я сразу пошел в хамам, помылся и когда вышел, увидел тех самых двух дервишей, стоящих у дверей хамама с

алоэ и розовой водой. Они сказали: «Шейх послал нас при-служивать тебе». Я вместе с ними направился к шейху выка-зать уважение. Когда шейх увидел меня, то сказал:

«{Приветствие счастливому и посланному им,
Приятно лицо пославшего для любви
лица принявшего}».

Я поздоровался, он ответил и сказал: «Если ты считаешь послание того старца несущественным (104), [знай], что его речи дороги нам. И пока ты не прибыл из Мерва, мы считали все [твои] стоянки» (105). Имам Абу Бакр Хатиб сказал: «Я сожалею (огорчен)». Затем шейх сказал: «Принеси, что у тебя с собой. И что сказал тот старец» Абу Бакр Хатиб сказал: «В тот миг все мои знания позабылись от величественного вида шейха. Я сказал: «Эй шейх! Я не помню. Я записал его слова на бумаге, и она в кармане [моей] дорожной одежды–шейх сказал–Ты помнишь «сходства и различия» (106) и не помнишь вопроса старца?» От этих слов я еще больше огорчился. Шейх сказал: «Если я скажу тебе, ты вспомнишь [его во-прос?]–Я сказал–Если будет на то воля шейха–шейх сказал–Вопрос такой: возможно ли уничтожение проявлений?–Я ска-зал–Да, все так, как сказано языком шейха–шейх сказал–Если я сейчас скажу ответ, то тебе следует сразу же возвращаться. Поэтому заканчивай [свои] дела и, когда пойдешь, я скажу от-вет». Пока я был в Нишапуре, я каждый вечер приходил к шейху, он оказывал мне почести и проявлял свое уважение. Когда я захотел вернуться, то пришел к шейху и сказал: «Дай ответ на вопрос того старца–шейх сказал–Скажи тому старцу: «[ничего] не шадящее и не оставляющее» (107). Суть не оста-ется, разве останутся ее проявления ?» (108) Абу Бакр Хатиб сказал: «Я протянул голову вперед, ибо не понял и сказал: «[Да]соизволит шейх разъяснить–шейх сказал–Это нельзя разъяснить языком факихов; запомни этот стих и передай ему:

Моя плоть вся стала слезами и глаза полны слез.
В любви к Тебе надо жить без плоти.

От меня не осталось и следа (проявления),
откуда эта любовь?
Поскольку я весь стал Возлюбленным,
кто же влюбленный?

Я сказал: «Эй шейх! Прикажи, чтобы где-нибудь записали [это]». Он повелел Хасану Муаддабу, чтобы тот записал и дал мне. Когда я прибыл в Мерв, тотчас пришел к старцу Мухаммаду Хабиби. Я сказал: «О старец! Ты послал нас к султану, перед которым все тайны вселенной разложили на лотке». И рассказал ему историю того, что произошло, и передал ответ на его вопрос. Когда он услышал этот стих, то вскрикнул и упал без чувств. Два человека подняли его и отнесли домой, а на седьмой день он умер, да помилует его Аллах».

Рассказ 29. Рассказывают, что в то время, когда наш шейх Абу Са'ид находился в Нишапуре, там был имам [из числа] асхабов Абу Абдаллаха Каррама (109). Его называли Абу-л-Хасаном Туни (110) и он категорически отвергал нашего шейха. Его непризнание доходило до такой степени, что каждый раз, когда в его присутствии заходил разговор о нашем шейхе, он проклинал шейха, и до тех пор, пока наш шейх находился в Нишапуре, он из-за чрезмерного отвержения не ходил в квартал Аданикубан, в котором был наш шейх и его ханака.

Однажды наш шейх Абу Са'ид сказал: «Оседлайте коня, чтобы мы поехали навестить ходжу имама Абу-л-Хасана Туни». Все суфии и муриды искренне возражали шейху, поскольку он собрался (ехал) навестить того, в чьем присутствии нельзя было говорить о нем [самом] и, если он слышал его (т. е. шейха-М. К.) имя, то проклинал его. Шейх сел [на коня] и поехал, и все муриды [также] пошли, проявляя уважение к шейху. По пути некий рафизит вышел из дома и увидел шейха и всех [его сопровождавших]. Он проклял шейха. Люди хотели избить его, но шейх сказал: «Успокойтесь, возможно за это проклятье к нему [проявят] милосердие - все сказали-Как проявят милосердие к тому, кто прокликает подобного тебе?»

Шейх сказал—Не дай Бог! Он проклинает не нас. Он думает, что мы на ложном [пути], а он - на правильном. Он проклинает то ложное ради Бога». И тот человек стоял и слышал то, что сказал шейх. Тотчас он упал под ноги коня шейха и сказал: «Эй шейх! Я раскаялся, на правильном [пути]—ты, а я—на ложном. Ты разьясни (изложи) ислам, и я заново стану мусульманином». Шейх сказал муридам и асхабам: «Видите, какое имеют воздействие проклятия, которые [шлют нам во имя] всевышнего Бога!»

Когда направились дальше, Хасан Муаддаб отправил вперед дервиша, чтобы он сообщил имаму Абу-л-Хасану Туни, что шейх Абу Са'ид идет приветствовать его. Тот дервиш ушел и передал эту весть. Имам Абу-л-Хасан Туни произнес проклятие шейху и сказал: «Какое у него дело к нам, ему надо отправиться в церковь христиан, так как его место там». Как раз было воскресенье, когда тот дервиш вернулся к Хасану Муаддабу и рассказал о том, что случилось. [А] шейх [уже] сам знал о случившемся, [но все же] сказал: «О Хасан, что произошло, и где был тот дервиш?» Хасан рассказал о том, что произошло. Шейх сказал: «[А] что сказал пир?—Хасан сказал—Он говорит, что ему надо пойти в церковь христиан». Шейх повернул поводья коня и сказал: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного; надо сделать так, как изволит пир». И направился к церкви христиан. Когда он добрался до церкви, то [здесь] собрались христиане и занимались своим делом. Когда они увидели шейха, то все собрались вокруг него и [стали] смотреть на него, [пытаясь выяснить], зачем он приехал. Перед церковью они соорудили навес и, нарисовав лики Исы и Марьям, повесили на стене церкви (111) внутри навеса (112) и, повернувшись к ним лицом, поклонялись им. Шейх пренебрежительно посмотрел на те изображения и сказал: «Говорил ли ты людям: «Поклоняйтесь мне и моей матери как двум богам, помимо Аллаха?»; ты ли говоришь примите меня и мою мать как богов?» (113) Если Мухаммад и религия Мухаммада истинны, то тогда поклоняйтесь пречистому и всевышнему Господу». Когда шейх произнес эти слова, оба изображения тот-

час упали на землю, так что лики их (т. е. Исы и Марйам–М. К.) повернулись в сторону Каабы. Когда христиане увидели это, то раздались их крики, и сразу же сорок человек разорвали свои зуннары (114), и стали мусульманами, и надели муракки. Те люди, которые находились на услужении шейха, пожертвовали одежды, чтобы они, поскольку стали мусульманами и совершили омовение [во имя] ислама, надели бы те муракки. Шейх повернулся ко всем и сказал: «Тот, кто следует указаниям пиров, будет таким, и все это произошло благодаря благословию указания того пира».

Шейх направился в ханаку, и те, кто стали мусульманами, все вместе пошли с шейхом. И сообщили весть имаму Абу–л–Хасану Туни о том, что произошло с шейхом, и что он сказал. Имама Абу–л–Хасана охватило [восторженное] состояние и он сказал: «Принесите тот кусок дерева» - то есть мухаффу (115)–«усадите меня в него и отнесите в ханаку шейха Абу Са’ида». Его усадили в мухаффу и отнесли. Когда он добрался до ханаки шейха, сказал: «Вынесите меня из мухаффы». Его вынесли из мухаффы и он [двигался] ползком от двери ханаки и вопил, пока не добрался до тахта (116) шейха. Он упал в ноги шейху, издавал вопли, и у всех наступило [восторженное] состояние. Он надел хирку, шейх и все [присутствующие] одобрили это, и он раскаялся в том непризнании [шейха] и вражде [с ним], и молил о прощении за то, что произошло, и стал муридом и приверженцем нашего шейха.

Рассказ 30. Рассказывают, что в то время, когда наш шейх Абу Са’ид находился в Нишапуре, то однажды группа дервишей [из числа] муридов нашего шейха проходила по базару. [А] из Туса прибыла группа каввалов и проводила сама на базаре. Когда та группа (т. е. дервиши–М. К.) добралась до ханаки, дервиши пришли к шейху и сказали: «Эй шейх! Прибыли чтецы Корана и каввалы из Туса и проводят сама; нам надо послушать их голоса». Шейх сказал Хасану Муаддабу: «Пойди на базар Нишапура и посмотри, кто [там] приветливее других, и скажи ему, что прибыли чтецы Корана, и дервиши хотят услышать их голоса. Приготовь все необходимое для их

стола, чтобы сегодня вечером наши асхабы насладились (отдохнули) бы голосами тех чтецов». Хасан Муаддаб вышел, покрутился по нишапурскому базару и опять пришел к шейху. Шейх сказал: «Что ты сделал?—Сказал [он]—Я прошел по всему Нишапуру и не увидел никого приветливее тебя». Когда шейх услышал эти слова он снял фараджи (117) и сказал: «Эй Хасан, отнеси это в лавку нашего Абу Джа'фара и скажи, что они (т. е. шейх—М. К.) говорят, чтобы ты дал пятьдесят динаров и мы сегодня вечером приготовили бы ава (118) для всех, и придут чтецы Корана из Туса, и люди будут слушать их голоса, и чтобы, когда появится муджахиз (119), они (их сердца) были бы свободны от долга тебе (120)». Хасан сказал: «По указанию шейха я пошел в лавку Абу Джа'фара и сказал ему то, что было велено - Абу Джа'фар сказал - Эй Хасан, ты свидетельствуешь, что языком шейха было сказано: наш Абу Джа'фар—я сказал—Завтра в день Страшного суда я поручусь, что языком шейха было сказано: наш Абу Джа'фар». Абу Джа'фар вытащил пятьдесят динаров, завернул в бумагу, дал мне, вернул мне фараджи шейха и сказал: «Иди к шейху». Когда я вернулся и принес шейху то, что он дал, то Абу Джа'фар пришел вслед за мной, принес еще пятьдесят динаров и отрез футе (121), [который нес] на голове гулам. Он положил [это] перед шейхом и сказал: «То, что я послал с Хасаном было сделано по вашему указанию, а то, что принес я сам—[это] благодарность за то, что было сказано вашим языком: наш Абу Джа'фар, и [я прошу] чтобы ваши люди на это золото приготовили бы еще одно угощение и разрезали бы футе [для своих нужд], ибо нашим покровителем в день Страшного суда будет это слово (т. е. наш Абу Джа'фар—М. К.)».

Рассказ 31. В то время, когда наш шейх Абу Са'ид находился в Нишапуре, Хасан Муаддаб, который был хадимом нашего шейха, у каждого здесь взял что-то в долг и потратил на дервишей. Если что-то [из еды] запаздывало, то они начинали просить. Однажды все [суфии] подошли к дверям ханаки, и шейх сказал Хасану Муаддабу: «Скажи, чтобы они вошли». Хасан вышел и привел их. Когда они вошли, то проявили поч-

тение к шейху и сели. [В это время] ребенок–разносчик прошел возле ханаки и прокричал: натеф (122). Шейх сказал: «Приведите того разносчика». Его привели. Шейх сказал: «Вытащи все, что у тебя есть». Он все вытащил, положил перед шейхом и суфиями, и они поели. Затем тот ребенок–разносчик сказал: «Надо [заплатить] золотом–шейх сказал–[Оплата] уже появляется». Прошел час. Он попросил еще раз. Шейх сказал: «Появляется». Он попросил в третий раз, шейх дал тот же ответ. Тогда ребенок сказал: «Устад обкрадывает меня». Сказал это и стал плакать. В тот же миг кто–то вошел в дверь ханаки, положил перед шейхом мешочек с золотыми монетами и сказал: «Это послал такой–то и говорит, что помяни меня в [своих] молитвах». Шейх сказал Хасану Муаддабу: «Возьми и раздай среди этих просителей». Хасан взял золото, все раздал и отдал также золото за натеф того ребенка. Ничего не осталось, и ничего не требовалось, [все] сравнялось (123). Шейх сказал: «Это золото было заковано в слезы этого ребенка».

Рассказ 32. Ходжа Хасан Муаддаб сказал: «У нашего шейха Абу Са’ида в Нишапуре был мурид по имени Абу Амр Хоску . Он был богатым человеком и главой торговцев Нишапура. Он позвал меня и сказал: «Я с головы до ног стал муридом шейха и прошу тебя [по поводу] всего, что нужно шейху, обращайся ко мне; если это и будет много, не бойся». Хасан сказал: «Однажды шейх семь раз посылал меня к нему по разным делам, и он все исполнял. На восьмой раз солнце уже садилось, [и] он сказал: «О Хасан! Пойди к Абу Амру Хоску и принеси розовую воду, алоэ и камфару». Я пошел и устыдился того, что пришел к нему. Он закрывал дверь лавки и взгляд его упал на меня. Он сказал: «О Хасан! Что случилось, что ты так поздно пришел?–Я сказал–Эй устад! Я стыжусь того, что так много сегодня приходил–он сказал–Что изволил шейх, ибо я–гулам его повелений–я сказал–Нужна розовая вода, алоэ и камфара». Он открыл дверь лавки и дал все, что я хотел и сказал мне: «Зачем ты стыдишься этих ничтожных [вещей], чтобы обратиться ко мне? Завтра за тысячу динаров я заложу кара-

ван–сарай и хамам, чтобы ты потратил их и обратился [вновь] ко мне с более значительной просьбой». Хасан сказал: «Я обрадовался и сказал про себя, что избавился от этого нищенского унижения и просьб». С большой радостью я пришел к шейху и положил перед ним розовую воду, алоэ и камфару. Шейх посмотрел на меня порицающим взглядом и сказал: «Эй Хасан! Выйди и очисти себя от мирской суеты, чтобы мы разрешили тебе [вновь] сесть возле суфиев». Хасан сказал: «Я вышел, встал у дверей ханаки, разделся (124), покаялся, молил о прощении, много плакал, терся лицом о землю и [затем] вновь вернулся. В ту ночь шейх не разговаривал со мной. На следующий день он отправился на проповедь. Каждый день посреди своей речи он поворачивал лицо к Абу Амру Хоску. В этот день он не посмотрел на него. Когда шейх закончил проповедь, Абу Амр Хоску подошел ко мне и сказал: «Эй Хасан! Что случилось с шейхом, что сегодня он не посмотрел на меня?–Я сказал–Не знаю». И рассказал ему то, что произошло вчера. Абу Амр подошел к тахту шейха, поцеловал тахт шейха и сказал: «Эй любимец судьбы! Наша жизнь и существование находятся перед твоим взором, [но] сегодня ты совсем не смотрел на нас. Что мы совершили [плохого], чтобы покаяться за это и попросить прощения?–Шейх сказал–Нас с высочайшей вершины переносишь в глубины земли и запираешь [здесь]. Если хочешь быть приятным нашему сердцу, преврати ту тысячу динаров в наличность, чтобы стало ясно тебе, что представляет собой то количество [денег] по сравнению с величиной нашего великодушия». Устад Абу Амр ушел и в тот же миг принес два мешочка с деньгами, из каждого вытащил пятьсот нишапурских динаров и положил перед шейхом. Шейх сказал: «О Хасан! Возьми это и купи коров и баранов. [Из мяса] коров приготовь харисе (125), а [из мяса] баранов душистую с шафраном зирба (126); и приготовь также много лузине, и разожги днем тысячу свечей, и принеси много алоэ и розовую воду, и завтра накрой скатерть в Башангане–и это селение на окраине Нишапура, очень приятное [на вид] и является оно местом гуляний (зрелищ) для жителей Нишапура–и

провозгласи в городе, и скажи, что тот, кто нуждается в еде, [без того чтобы просить] об одолжении в одном доме или [проявлять] вражду в другом, пусть приходит». Хасан сказал: «Я все приготовил и послал глашатая в город. Две тысячи человек или больше пришли в Башанган, и шейх пришел со всеми и усадил за скатерть и знатных, и престолюдинов, и своими благословенными руками окропил их розовой водой, и возжег алоэ, и люди [стали] есть.

[Между тем] один из тех, кто не признавал нашего шейха, [находясь] среди народа, подумал про себя: «Что [же] такое делает этот человек, [ведь] эта тысяча свечей, зажженных днем, [просто] расточительство». Шейх же, пройдя через собравшихся, подошел к нему и сказал: «Эй доблестный муж! Устрани из груди непризнание и вражду, ибо все, что ты делаешь на пути истины, совсем не расточительство, а если хоть один серебряный дирхем ты тратишь на свои страсти, то [это] есть расточительство». Этот человек упал шейху в ноги, раскаялся, стал муридом шейха и пожертвовал ему все имущество, что имел».

Хасан сказал: «Когда они закончили, шейх вернулся и было потрачено на угощение все, что имелось. Я взял все скатерти и карбас и пришел в город. Когда наступила ночь, шейх улегся, позвал меня и сказал: «Эй Хасан, посмотри, что осталось в хранилище, ибо нам не спится». Я обыскал все хранилище, ничего не нашел, вернулся и сказал: «Я ничего не вижу— он сказал—Посмотри получше и посмотри также в карбасе». Я вышел, посмотрел в карбасе и [даже] встряхнул [его]. Кусок сухого хлеба выпал из карбаса. Я отнес его шейху. Шейх сказал: «Иди и [пусти его] в расход, чтобы мы заснули». Я пошел и израсходовал его, чтобы шейх заснул».

Обычай всех шейхов был таков, что они тратили в тот же день то, что появлялось, и малое, и многое и не оставляли ничего на завтра; согласно сунне Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует, который вошел в келью Билала Хабешы (127), да будет доволен им Аллах, и увидел полкуса сухого хлеба, положенного на расколотый кувшин. Он сказал: «О Би-

лал! Что это?—Тот сказал—О Посланника Аллаха! У меня был кусок сухого хлеба. Половиной его я разговлялся вчера вечером, а половину оставил на сегодняшний вечер». Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «{Потрать, эй Билал, и не бойся остаться обездоленным [из-за] престола [Господа]}».

Рассказ 33. И в то время, когда наш шейх Абу Са'ид находился в Нишапуре, много приходило к нему муридов всякого рода; некоторые были благовоспитанны, а некоторые нет. И однажды один [из них] зарекся [совершать свои поступки. И дело было так]. Он был очень неотесанным крестьянином, обутым в пару обуви, полную шипов, [годную для хождения] по горам; так что каждый раз, [когда] он шел к ханаке, доносился неприятный звук и, [кроме того], он все время хлопал дверью о стену и совершал грубые поступки, от которых огорчались суфии, и к тому же они изнемогали от шума, [издаваемого] им.

Как-то раз шейх позвал того дервиша и сказал: «Следует пойти в Дармийун». И это ущелье среди гор Нишапура и Туса. Когда направляются из Нишапура в Тус, дорога проходит через это ущелье. По тому ущелью протекает ручей (вода) и впадает в реку Харв-и Нишапур (128). Шейх сказал: «Когда войдешь в ущелье, пройди немного, [увидишь, что] там есть большой камень; у края ручья следует совершить омовение и два раката намаза на том камне, и жди, пока к тебе не подойдет [один из] наших друзей. Передай ему наш привет». И сказал [еще] несколько слов дервишу: «Скажи ему, что он наш дорогой друг и семь лет беседовал с нами».

Тот дервиш, горя нетерпением, пустился в путь. И весь путь думал про себя, что я иду посмотреть на святого из святых и поклониться ему или одному из тех сорока человек, которые являются осью вселенной, и порядком, и опорой дел людей (129), чтобы его благословенный взгляд упал на меня и дело религии и мира обустроилось бы благодаря той благодати. Когда он пришел туда, куда указал шейх, то исполнил все, что тот велел. Некоторое время он находился [здесь]. [Затем]

послышался треск на той горе, так что гора от страха перед тем звуком содрогнулась. Тот дервиш оглянулся и увидел черного дракона; такого, что ничего большего он не видел и не слышал. Все [пространство] между двумя горами было заполнено его туловищем. Когда взгляд того дервиша упал на него, то в нем [от страха] не осталось ни души, и все конечности его настолько ослабли, что сколько бы он ни хотел, не мог двинуться; и он потерял сознание и упал. Тот дракон осторожно приблизился к тому камню. Повернул морду в сторону того дервиша, затем смиренно положил голову на камень да так и остался.

Когда прошло [какое-то] время, дервиш немного пришел в себя и увидел, что он (т. е. дракон—М. К.) удобно устроился и совсем не двигается. Не помня себя и, [испытывая] сильный страх, он проговорил: «Шейх послал привет». Тот дракон [начал] тереться мордой о землю и проявлять смирение, и слезы потекли из его глаз. Дервиш, когда увидел его плач и смиренность и то, что он не собирается убивать его, понял, что шейх послал весть именно ему и послал его (т. е. дервиша—М. К.) [также] к нему. То, что сказал шейх, он передал ему. Дракон проявил большое смирение, терся мордой о землю и столько плакал, что то место, куда он положил голову, намокло. Когда дервиш кончил говорить, тот дракон покинул (возвратился) его. Когда он скрылся из виду, дервиш пришел в себя, [однако затем опять] упал и лишился чувств, и потребовался добрый час, [прежде чем] он вновь пришел в сознание, поднялся и кое-как, медленно спустился с той горы. Когда он прошел немного, то сел, взял камень, вытащил и переломал все те железные [шипы], которые были на его башмаках, и тихо пошел до ханаки. Он так [тихо] вошел в ханаку, что никто не узнал о его приходе и так поздоровался, что его голос асхабы слышали с трудом.

Когда шейхи увидели его состояние, они захотели узнать, кто был тот пир, к которому шейх послал того дервиша и полдня беседы [с которым] и услужения ему, оказали такое воздействие на него, которое не смогли бы оказать [на его] исправле-

ние и перевоспитание воздержания, рвения, а также назидания сострадательных пиров, захидов и вождей, осуществляемые [на протяжении] нескольких жизней. Спросили у него, к кому послал тебя шейх? Он рассказал обо всем; все удивились. Шейхи спросили об этой истории у нашего шейха. Наш шейх сказал: «Да, он семь лет был нашим другом, и мы испытывали радость и удовлетворение от бесед друг с другом». В общем, с того дня никто никогда [больше] не видел грубых действий [со стороны] того дервиша и не слышал [от него] громкого голоса. И от тех грубых поступков в нем ничего не осталось. Одним взглядом шейха он стал благовоспитан и учтив.

Рассказ 34. Устад Абд ар-Рахман, (который был чтецом Корана нашего шейха), сказал, что однажды наш шейх проводил проповедь в Нишапуре. На этой проповеди присутствовал некий алид (130). У него промелькнула мысль о том, что родословную имеем мы, а могуществом и величием обладает шейх. Шейх тотчас повернул лицо к тому алиду и сказал: «О сеид! Следует [обрести] лучше этого и следует [обрести] лучше этого (131)». Затем он обернулся ко всем и сказал: «Знаете, что говорит этот сеид? Он говорит, что родословную имеем мы, а могущество и величие – там. Знай, что Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует, то, что обрел, обрел благодаря [духовной] связи [с Богом], а не родству, так как Абу Джахл (132) и Абу Лахаб (133) также были из этого рода. Вы сберегли (довольствовались) свое благодаря происхождению от того старшего, а мы потеряли все свое из-за [духовной] связи с тем старшим (134) и все еще не сберегаем (что-либо). Поэтому тот старший от того могущества и величия, которые имел, выделил нам долю и показал, что путь к нашему хазрату заключается в [духовной] связи, а не в родословной».

Рассказ 35. Мой предок шейх ал-ислам Абу Са'д, да помилует его Аллах, сказал, что однажды наш шейх Абу Са'ид произносил проповедь в Нишапуре. [На проповеди] присутствовал некий сведующий ученый муж. Он подумал про себя, что слов, которые произносит этот шейх, нет в семи частях Корана (135). Шейх тотчас повернул лицо к тому ученому мужу и ска-

выходило из его нутра [наружу]. Ему говорили, что шейх Абу Са'ид говорит: «Если весь мир будет залит чистой кровью, мы [все равно] не выпьем ничего, кроме дозволенного».

Однажды кази Са'эд сказал себе: «Сегодня я испытаю этого человека». И повелел, чтобы принесли двух одинаковых жирных ягнят, так что их невозможно было отличить. Одного из них оценили, исходя из дозволенного (халал), а другого—недозволенного (харам). Каждого украсили на один и тот же манер, поджарили одинаково, положили на два подноса и накрыли. И затем [кази Са'эд] сказал: «Я иду приветствовать шейха. Когда я войду и немного посижу, вы внесите этих поджаренных [ягнят] и положите перед шейхом Абу Са'идом, дабы увидел я сможет ли он [своим] чудотворством отличить дозволенное от недозволенного?» Когда кази Са'эд пошел к нашему шейху, его люди, как было велено, положив на головы [подносы] с ягнятами, понесли их. Когда они добрались до перекрестка, их нагнали пьяные тюркские гуламы. Они вытащили плети, сильно отхлестали людей кази Са'эда, [затем] схватили того ягненка, который был недозволенным, и ушли. Они (люди кази Са'эда—М. К.) вошли в дверь ханаки, принесли одного ягненка и положили перед шейхом. Кази Са'эд гневно посмотрел на них, и внутри у него закипела желчь. Шейх повернул лицо к кази Са'эду и сказал: «Эй кази! Падаль—для собак и собаки—для падали. Недозволенное унес употребляющий недозволенную пищу, а дозволенное досталось употребляющему дозволенную пищу; ты не выпускай желчь». Кази Са'эд переменился в своем настроении, раскаялся в том отрицании, которое сидело у него внутри [в отношении] чудотворства нашего шейха, попросил прощения у шейха и вернулся от шейха, уверовав [в него].

Рассказ 37. Наш шейх находился в Нишапуре. Некий купец принес шейху мешок с алоэ и тысячу нишапурских динаров. Шейх повелел Хасану Муаддабу приготовить угощение и ту тысячу динаров, как это было заведено у шейха, потратить на это угощение. Растопили печь и шейх повелел, чтобы сразу тот мешок с алоэ положили в печь и подожгли. Шейх

сказал: «Я делаю это с тем, чтобы наши соседи получили свою долю от этого аромата». И повелел принести множество свечей, чтобы разожгли их днем.

И также в то время в Нишапуре был мухтасиб (139), очень властный и сторонник асхаб ар-рай, и категорически отрицавший шейха и суфиев. Он пришел в ханаку и сказал шейху: «То, что ты делаешь, что это? Это [же] расточительство разжигать свечи днем и разом возжигать все алоэ в печи; кто делает такое? И это [к тому же] недопустимо по шариату— шейх сказал—Мы не знали, что это недопустимо. Иди и потуши те свечи». Мухтасиб пошел, чтобы потушить свечи; дунул и огонь попал на лицо, и волосы, и одежду мухтасиба, и большая часть его конечностей обгорела. Шейх сказал:

«На каждую свечу, которую возжигает Бог,
[Если] кто-то подует, то обожжет усы».

Мухтасиб упал шейху в ноги и покаялся.

Рассказ 38. В Нишапуре был шейх Абу-л-Касим Рубахи (140) из числа именитых суфиев; и был [он] предводителем десяти человек из известных суфиев. Они (т.е. эти суфии—М. К.) были муридами устада имама Абу-л-Касима Кушейри. Когда наш шейх прибыл в Нишапур, они пришли на проповедь к шейху, и все десять встали перед шейхом и вошли [затем в число] муридов шейха. И этот шейх Абу-л-Касим Рубахи сказал, что долгое время я просил у всевышнего Бога: «О Господь! Покажи мне чин шейха Абу Са'ида». Ночи я проводил так, молил и рыдал, пока однажды не увидел во сне Посланника, да благословит его Аллах и приветствует, с перстнем с бирюзой на пальце правой [руки]. Он сказал мне: «Ты хочешь узнать чин шейха Абу Са'ида?—Я сказал—Да, о Посланник Аллаха!» Он показал мне палец и сказал: «Подобен [он] драгоценному камню в перстне». Я [невольно] вскрикнул и проснулся. На следующий день я пришел на проповедь к шейху, сел в сторонке. Шейх посреди речи обернулся ко мне и

сказал: «Какова была история о том перстне?» Я вскричал, лишился чувств и [затем меня] охватил восторг».

Рассказ 39. Жил некий дервиш в Нишапуре и у него было большое влечение к мирским благам. Постоянно он что-то собирал и к собранным запасам испытывал великую алчность. Однажды ночью [в его жилище] проник вор и унес все, что было в доме; остались лишь муракка, бывшая на нем, и наличность, зашитая в нее. На следующий день он встал сильно огорченный, никому ничего не сказал и пришел на проповедь к шейху. Шейх посреди речи повернул лицо к тому дервишу и сказал:

«Да, о возлюбленная, вчера ночью
я был на твоей крыше.
Ты сказала вор, но это был не вор, а-я».

Тот дервиш вскричал и положил перед шейхом оставшуюся наличность. Шейх сказал: «Следует [быть] таким дервишем, чтобы вам ничего не давали (т.е. не было бы у вас имущества—М. К.)».

Рассказ 40. Я видел рукой ходжи Абу-л-Бараката (141) [написанное], которое гласило (который сказал): «Я слышал от ходжи Исмаила Аббаса (142), который сказал: «Абу Осман (143) был из числа почитаемых людей Нишапура, и он поселился в квартале Мулгабад. Когда шейх Абу Са'ид прибыл в Нишапур, он стал муридом нашего шейха, организовал проповедь шейха в своей ханаке в Мулгабаде и попросил его раз в неделю читать проповедь в его ханаке. Шейх принял [его просьбу]. [Как-то раз] после того, как шейх произнес проповедь, Абу Осман сказал: «Однажды ночью во сне я увидел, что шейх произносил проповедь в моей ханаке и владелец шариата Мухаммад Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, сидел на его проповеди с одной стороны минбара, и шейх не смотрел на него. У меня промелькнула мысль [о том, что] удивительно, что шейх не смотрит на владельца шариата. Шейх тотчас повернул лицо ко мне и сказал: «{Это не время

смотреть на посторонних, это время поиска и открытия}. Когда он закончил проповедь и довел [речь] до конца, то повернул лицо в сторону владетеля шариата, да благословит его Аллах и приветствует, указал на него и сказал—«Тебе и тем, кто жил до тебя, было внушено через откровение: «Если ты будешь поклоняться другим Богам, помимо Аллаха, то тщетны будут твои деяния в этом мире...» (144). Да благословит Аллах Мухаммада и весь его род.—И провел рукой по лицу и сошел с минбара. Я проснулся».

Рассказ 41. Абу Бакр Мухаммад бин Ахмад ал-Ваиз ас-Серахси (145) сказал: «Я после смерти нашего шейха Абу Са'ида сочинил касыду, прославил в ней шейха и ту величественную гробницу, и святой мешхед. И в той касыде я произнес эти два бейта:

Поэтому сказал: «Тот, кто сказал, что
у истины было местопребывание
Сомневался в том, что ты пребывал
в [каком-то одном] месте».
[Но] ради народа Бог явил тебя в [определенном] месте,
Ибо народ не способен увидеть то, что снаружи
(т.е. вне этого места—М. К.).

Когда я прочел эту касыду над могилой шейха в присутствии сыновей и муридов шейха, то шейх Абд ас-Самад [бин Мухаммад] бин Хасан ал-Гиланси ас-Суфи ас-Серахси, который был [из числа] доверенных муридов шейха и из асхаб-и ашаре (146) и [также] присутствовал, сказал мне: «В подтверждение этих двух своих бейтов выслушай рассказ». Затем на могиле нашего шейха в присутствии всех сказал: «Я был в Нишапуре на услужении у шейха. Однажды ночью во сне я увидел, что шейх сидел в таком месте, которое не было привычно ему, как место для сидения. Я сказал шейху: «Эй шейх! В чем причина того, что ты сидишь не на своем месте?—Шейх сказал—Я на своем месте». Я в другой раз обращаюсь к шейху: «Эй шейх! Ты сидишь не на своем месте, к добру ли?—Шейх

сказал—У меня нет [определенного] места, [ни] внизу, ни [места] наверху, ни справа, ни на севере, ни [в какой-либо] другой стороне. И то, что мы сидим в [каком-то одном] месте—это ради пользы людей и ради того, чтобы их потребности были обеспечены нами и дело их наладилось благодаря нам». Я проснулся, встал и занялся аурядом. Утром я уже сидел на проповеди, когда шейх вышел из кельи и сел на скамью и, как было заведено у него, на мгновение наклонил голову вперед, затем поднял ее и сказал: «О Абд ас—Самад! Подойди и расскажи нам тот сон, который ты видел вчера ночью, так как видел». Я удивился этому, поскольку никому не рассказывал об этом сне. Я протянул лицо (голову) к уху шейха, начал тихо рассказывать на ухо шейху и старался, чтобы никто не услышал. Я пока еще не начал говорить о [самом] сне, когда шейх подал голос и сказал: «Говори громко, чтобы люди услышали, что у нас нет [определенного] места; мы сидим ради них и удовлетворения потребностей народа, а иначе нам не нужно места». Я вскрикнул, [стал] плакать, затем повысил голос и рассказал тот сон людям. Когда они слышали его, тоже заплакали, и [их] охватил восторг. И сейчас эти два бейта после смерти шейха были произнесены твоим языком в подтверждение того случая».

Рассказ 42. Хасан Муаддаб сказал: «Однажды шейх в Нишапуре закончил проповедь, и люди разошлись. Я стоял [наготове, чтобы] услужить шейху, как было заведено. У меня скопился большой долг. Мысли (сердце) мои были заняты тем, что [все] просили [о еде], но ничего не было известно; и мне надо было, чтобы шейх сказал об этом (т. е. что делать—М. К.), а он не говорил. [Но вот] шейх указал, что посмотри назад. Я посмотрел и увидел какую-то старуху, входившую в дверь ханаки. Я приблизился к ней, она дала мне мешочек с деньгами, тяжелый и сказала: «Здесь сто золотых динаров; отнеси шейху и скажи, чтобы он помолился о моем деле». Я взял, обрадовался и сказал [себе], что сейчас же верну долги. Я отнес мешочек шейху и положил [перед ним]. Шейх сказал: «Не клади сюда, возьми его и пойдешь на кладбище Хира; там есть полуразру-

шенное чартаги (146а). Войди в него; там спит один старик. Передай ему наш привет, отдай это золото ему и скажи, когда оно закончится, дай знать и мы скажем, чтобы дали еще; и мы здесь, пока ты не вернешься».

Хасан сказал: «Я пошел туда, куда указал шейх и вошел [в чартаги]. Увидел старика, очень слабого и спавшего, положив тамбур (147) под голову. Я разбудил его, передал приветствие шейха и дал то золото ему. Тот человек вскричал и сказал: «Отведи меня к шейху». Я спросил, как его самочувствие? Старик сказал: «Я таков, как ты видишь, и мое занятие—играть на тамбуре. Когда я был молодым, люди очень хорошо принимали меня и в этом городе, не было [такого] места, где бы ни находились вместе два человека и я не был бы третьим. У меня есть множество учеников. Но сейчас, когда я состарился, никто не справлялся (не звал) обо мне до сегодняшнего дня, [когда] я терплю нужду. И я не знаю никакого другого занятия. Меня выгнали из дома и сказали, что мы не можем тебя содержать и поручи нас Богу. Я не знал куда идти; пришел на это кладбище, заплакал от горя и помолился всевышнему Господу, что о Боже! Я не знаю никакого ремесла, не обладаю молодостью и силой, все мое существо отвергли. [Даже] дети и жена выгнали меня, и теперь остались [только] я и Ты, Ты и я. Сегодня вечером я стану Твоим музыкантом, чтобы Ты дал мне хлеба. До [самого] раннего утра я что-то играл и плакал. Когда слышался призыв к намазу, я обессилел, упал и спал до тех пор, пока ты не пришел».

Хасан сказал: «Вместе мы пришли к шейху, и шейх сидел на том же месте. Тот старик упал шейху в ноги и покаялся. Шейх сказал: «О достойный! Из-за нужды, бедности и одиночества ты оставался (дышал) в руинах. [Но] это не прошло попусту. Иди и говори с Ним и трать эти деньги». Затем он повернул лицо ко мне и сказал: «Эй Хасан! Никогда и никто не понес ущерба в деле всевышнего Бога; это появилось для него (т. е. старика—М. К.), появится и для тебя». Хасан сказал: «На следующий день, когда шейх закончил проповедь, пришел кто-то и дал мне двести золотых динаров, что [мол] отнеси

[их] шейху. Шейх повелел [мне] возместить долг; и тем самым я (мое сердце) избавился от долга».

Рассказ 43. И также Хасан Муаддаб рассказал, что: «Некогда из-за суфиев у меня в Нишапуре скопился большой долг, и мы ждали, что изволит шейх. И ему самому ничего не следовало говорить, потому что он сам был осведомлен о мыслях [людей]. Однажды мы совершили утренний намаз и шейх сказал: «Эй Хасан! Принеси чернильницу и бумагу—я сказал—Аллах велик». Чернильницу и кусок бумаги я отнес шейху. Шейх написал:

Всюду, куда пойдешь, есть два быка и осел,
Будь ты в Мерве или в Герате.

[Затем] он сказал мне: «Возьми это и выйди в дверь ха-наки; иди направо и дай тому, кто встретится тебе». Я сделал так, как повелел шейх. Навстречу мне попался молодой человек и поздоровался. В ответ я передал приветствие шейха и дал ему тот [кусок] бумаги. Он поцеловал его и приложил к глазам. Было темно, он не смог прочесть, и мы пошли, пока не достигли дверей хамама. Тот молодой человек вошел в него и прочел написанное. У него было какое-то затруднение (присшествие) и он сказал мне: «Эй Хасан! Ты можешь отвести меня к шейху?» Я отвел его к шейху. Он произнес приветствие, положил перед шейхом сотню золотых динаров, мешочек мускуса и немного (долю) алоэ. Шейх сказал: «Освободи свое сердце (т. е. будь спокоен—М. К.), ибо цель твоя будет достигнута здесь (т. е. затруднение разрешится—М. К.)». Тот молодой человек вышел, сказал мне: «Пойдем со мной». Я пошел с ним. Мы вошли в караван-сарай, и он дал мне еще сто динаров и сказал: «Потрать на долги шейха и если мое затруднение будет разрешено здесь, я дам еще сотню динаров—Я спросил—В чем твое затруднение?—Сказал он—У меня есть партнер в Булгаре (148) и еще один партнер в Нахрвале (149); вот уже три года, [как мы работаем]. Вчера вечером ко мне прибыл гонец из Мерва [с известием], что один партнер приехал в Мерв. Я ре-

шил поехать в Мерв. [Но] ночью прибыл другой гонец [с известием], что другой партнер приехал в Герат. Я всю ночь думал поехать мне в Мерв или в Герат. На рассвете мне запало в душу, что утром я пойду к шейху Абу Са'иду, отнесу ему сто динаров золотом, немного благоуханий и спрошу у него пойти ли мне в Мерв или в Герат, и пойду туда, куда он укажет. Утром я направлялся к шейху, и ты вышел мне навстречу, и дал мне бумагу. Теперь, когда устами шейха было сказано, что здесь твое затруднение разрешится и проявится избавление, я жду, что получится».

Было время полуденного намаза, когда я находился на базаре, и увидел того молодого человека, и он сказал: «Тот партнер, который был в Герате, приехал». [Затем] мы совершили послеполуденный намаз. Я [вновь] пошел на базар ради суфиев, чтобы купить им [продукты] к столу и [вновь] увидел того молодого человека, который бежал [ко мне]. Он сказал: «Эй Хасан! Прибыл [и] партнер, который был в Мерве. И вот я пришел, разыскивая тебя». И дал мне еще сто динаров. Я пришел к шейху и рассказал о случившемся. Шейх повелел: «Эти триста динаров отдай [в счет] долга и впредь не отрицай того, что то, что вкушает братство [суфиев], не подпадает под долг, потому что уплачивающий [его]—всевышний Господь».

Рассказ 44. Хасан Муаддаб сказал: «Несколько дней в ханаку совсем не приносили мяса. Я не знал причину этого, а у всех была потребность в мясе. Однажды наш шейх произносил проповедь [и затем] сказал мне: «Эй Хасан! Поднимись и подойди к тому молодому человеку»—и указал пальцем. Я подошел к тому молодому человеку. Шейх сказал: «Эй молодец! Те полновесные монеты, которые у тебя в поясе, динар и хабба, отдай ему!» Тот молодой человек, протянул руку к поясу и отдал мне монеты. Я взял их и принес шейху.

Шейх повелел мне: «Пойди в квартал Асприс (150), [там] у молодого мясника есть откормленный молоком ягненок; он затратил усилия, [чтобы вырастить его]. Купи его на этот динар, [затем] идите вместе с ним к мусорной яме и бросьте его в ту яму, чтобы собаки измазали [свои] пасти в его

жире (т. е. съели его—М. К.)» . Я пошел, но внутри себя противился тому [решению], так как уже сколько дней в ханаке не было мяса, а шейх посылал [мясо] откормленного молоком ягненка собакам. Когда я пришел в Асприс, я увидел [все] так, как говорил шейх, и купил [тушу] того ягненка. Я сказал: «Я возьму его за пять с половиной дангов—тот мясник сказал—Я не отдам его и за динар». Я отдал ему те монеты, купил того ягненка, взял с собой того молодого человека (т.е. мясника—М. К.) и бросил [тушу] собакам. Народ смотрел с удивлением (не принимая этого). Тот молодой человек начал плакать и сказал: «Отведи меня к шейху. Я отвел его к шейху. Он упал в ноги шейха и сказал: «Я раскаялся». А я стоял перед шейхом. Шейх сказал мне: «Эй Хасан! Вот уже четыре месяца этот молодой человек заботится о том ягненке. [Но] вчера вечером он сдох. И этому человеку стало жалко его выбрасывать. Мы же не допустили, чтобы та падаль досталась людям и какой-нибудь мусульманин съел ее. Этот человек добился своего (151) и те собаки также измазали свое брюхо в жире. Почему же ты был против [этого моего действия]? Эти люди (т. е. суфии—М. К.) чисты и едят только здоровую (чистую) [пищу]. И то, что [предназначено] им, [все равно] появится». Тот молодой человек, который дал золотые монеты, все еще сидел. Он был оцеводом (152) и у него было много овец. Он вскочил на ноги и сказал: «Эй шейх! У меня есть неоскверненные бараны, я дам двадцать трехлетних баранов для суфиев—шейх сказал—Все это надо было, чтобы, во-первых, собаки измазали бы [свои] пасти в жире, [во-вторых], этот человек добился бы своего и, [наконец], вы получили бы дозволенное мясо».

Рассказ 45. И в то время, когда наш шейх Абу Са'ид находился в Нишапуре, то муэдзин мечети Мутарриз (153) однажды ночью до рассвета читал на минарете Коран. А по соседству [проживал] больной тюрок. Тому тюрку был приятен голос того муэдзина. Он много проплакал и, когда наступил день, он послал человека, позвал муэдзина и сказал: «Это ты вчера ночью читал Коран с минарета?—Тот сказал—Да—сказал тюрок—Прочти еще раз». Муэдзин прочел пять аятов, тюрок

заплакал и дал тому муэдзину две полновесные золотые монеты. Когда муэдзин вышел от тюрка, то пришел на проповедь к шейху. Шейх держал речь. [В это время] в дверь мечети вошли два псаря и попросили что-то у шейха. Шейх повернул лицо к муэдзину и сказал: «Те две монеты, которые сейчас дал тебе тюрок, передай этим двум лицам». Муэдзин задумался: «Ведь тюрок дал золото только мне и рядом (здесь) никого не было. Откуда узнал [об этом] шейх?» Он пребывал в таких размышлениях, [когда] шейх сказал: «Не думай много, так как для воды, вытекающей из бани, нужна помойная яма» (154). У муэдзина поднялось настроение и он отдал им золото, вот и все.

Рассказ 46. Хасан Муаддаб сказал: «Однажды в Нишапуре наш шейх сказал мне: «Выйди в правую сторону и [походи] вокруг и тому, кто встретится тебе, протяни руку и скажи: положи сюда все, что имеешь». Я, по указанию шейха, вышел и пошел; увидел гебра, подошел к нему и протянул к нему руку. Он [между тем] поверял [свою] тайну всевышнему Господу и сказал: «Да, я стану мусульманином, отведи меня к шейху». Я отвел его к шейху, он сказал: «Эй шейх! Разъясни мне ислам». Он обратился [в ислам], отдал шейху все, что имел, и суфии потратили [это]».

Рассказ 47. Однажды в Нишапуре шейх Абу Са'ид позвал Хасана Муаддаба и сказал: «Следует пойти к накибу (155) и сказать [ему], чтобы он приготовил угощение для суфиев». А он был шихной, очень жестоким [человеком], врагом шейха и не признавал суфиев. Хасан сказал: «Я пошел и всю дорогу говорил себе, что в Нишапуре нет никого более жестокого, чем он и как это все будет [выглядеть]? Я направился к нему и увидел, что он избивал кого-то палкой, и люди издалека наблюдали. Я остановился пораженный; внезапно взгляд накиба упал на меня [и] он сказал: «Что делает здесь этот суфий?» Кто-то подошел и спросил у меня. Я подошел к нему, передал ему приветствие шейха и сказал: «Шейх говорит, что тебе надо приготовить угощение для суфиев». Он с издевкой произнес несколько слов, затем протянул руку, [взял] мешочек с серебром, бросил мне и сказал: «Разве шейх хочет устроить угощение недозволенным

(харам) серебром? Скажи своему шейху, что это серебро я забрал у этого человека ударами палкой». Я взял серебро и пришел к шейху. Шейх сказал: «Иди и купи мяса и приготовь все, что нужно для угощения». Дервиши удивились и отнеслись отрицательно [к этому]. Я пошел и купил то, что было нужно. Поскольку наступило время обеда, я накрыл стол. Шейх протянул руку и начал есть, а остальные, все также отрицая, [все же] присоединились [к нему].

На следующий день шейх произносил проповедь. Во время проповеди поднялся молодой человек, подошел к шейху, заплакал, поцеловал ноги шейха и сказал: «Эй шейх! Я раскаялся; прости меня, так как я предал вас и получил [за это] подзатыльник»—и положил перед шейхом мешочек с серебром. Шейх сказал: «Скажи им, какое ты совершил предательство—сказал он—Отец, умирая, позвал меня и дал мне два мешочка с серебром и завещал мне, что после моей смерти, отнеси это серебро шейху, чтобы он потратил его на дервишей. Когда отец мой умер, иблис сбил меня с пути, и я сказал, что потрачу [это] на себя прежде, чем дам шейху, так как это мое законное наследство. Шихна же по навету схватил меня, [наказал] сотней ударов [палками] и взял у меня один мешочек с серебром. Я все еще был там, когда пришел твой хадим, передал твоё послание, и шихна отдал то серебро ему, и это было ваше серебро. А сейчас я принес и другой мешочек и прости меня за то, что я совершил - шейх сказал—Эй молодец! Не терзай себя, так как то серебро досталось [в конце концов] нам, а тебе было предопределено то, [что случилось]». После этого он повернулся ко всем и сказал: «Все, что достается этому братству, не бывает иначе, как дозволенным (халал)». Весть об этом дошла до шихны, он пришел к шейху, упал ему в ноги, раскаялся, отказался от насилия, стал муридом и уверовавшим в шейха и в это таифа, и люди избавились от его притеснения.

Рассказ 48. Рассказывают, что в то время, когда наш шейх Абу Са'ид находился в Нишапуре, два известных человека сказали друг другу, что мы должны испытать шейха, что-

бы выяснить, [сможет] он [своим] чудотворством узнать [что-то] или нет. Они сказали: «Мы пойдем к шейху, возьмем у него что-нибудь и дадим ему харисе (156). [Так] они сговорились друг с другом, пришли к шейху и сказали: «Эй шейх! По соседству с нами живет девушка без отца и без матери. Мы выдали ее замуж и все, что ей было нужно у каждого мы попросили для нее в качестве подарка. Сегодня ее дело наладилось, и сегодня вечером мы отведем ее в дом мужа. От шейха [нам] нужна свеча, чтобы в свете, [данном] шейхом, мы отвели бы ее в дом мужа и чтобы то (т. е. шейха–М. К.) благословение проявилось в их судьбе». Шейх позвал Хасана Муаддаба и сказал: «Принеси две большие свечи и дай им, так как они дают дорогое [по цене] харисе». Они, когда услышали эти слова, то поразились и приложились (терлись) лицами к ногам шейха, и раскаялись в том непризнании [его], и встали перед шейхом, [готовые] служить ему, и остались среди суфиев, и стали хорошими людьми.

Рассказ 49. Рассказывают, что наш шейх в Нишапуре занемог. Привели лекаря, чтобы он осмотрел шейха. И тот лекарь был гебром. Когда он пришел к шейху и сел, то захотел положить руку на его пульс. Шейх позвал Хасана Муаддаба и сказал: «О Хасан! Принеси ножницы, подстриги ему ногти и усы, заверни в бумагу и дай ему, ибо не в их обычае выбрасывать [их]; и принеси воды, чтобы он вымыл руки». Тот гебр удивился, но у него не хватило смелости противоречить ему. Когда исполнили то, что изволил шейх, лекарь положил руку на руку шейха. Шейх высвободил (повернул) руку, [сам] взял лекаря за руку, немного продержал [ее] и затем отпустил. Лекарь встал, чтобы уйти. Пока он шел до двери ханаки, то все оглядывался. Шейх подал голос: «Сколько раз ты оглядываешься, чтобы тебе не позволили уйти». Гебр вернулся, подошел к шейху и стал мусульманином. И все его родные обратились в [ислам] благодаря бараке (157) взгляда шейха.

Рассказ 50. Старец Абу Салех Дандани был муридом шейха Абу Са'ида. Он все время находился на услужении у нашего шейха с ножницами в руках. Каждый раз, когда взгляд шейха

падал на свою одежду и он видел на ней ворсинку, то пальцем приподнимал ее, чтобы Абу Салех тотчас ножницами удалил бы ее. Шейх был так сосредоточен на Том хазрате, что не хотел столько раз смотреть на одежду, чтобы не быть порицаемым [из-за этого] Тем хазратом. Он [также] постоянно подстригал усы шейха. Некий дервиш сказал: «Я сказал старцу Абу Салеху научи меня подстригать усы». Он засмеялся и сказал: «Эй дервиш! Нужно знание семидесяти ученых мужей, чтобы суметь подстричь усы дервиша. Это дело не такое легкое».

Этот старец Абу Салех сказал: «У шейха к концу жизни оставалось не больше одного зуба и каждый вечер, когда он заканчивал еду за столом, он брал у меня зубочистку иковырял вокруг того зуба. А во время мытья рук он ополаскивал его водой и сплевывал. Однажды вечером, когда шейх взял зубочистку, у меня пронеслась мысль, что у шейха нет зубов и ему не нужна зубочистка, зачем каждый вечер он берет ее у меня. Шейх повернул голову, посмотрел на меня и сказал: «[Это есть] выполнение сунны и просьба [о получении] милости, так как Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, изволил: {«Да помилует Аллах тех из моей уммы, кто [совершает] омовение и [использует зубочистку во время] еды»}».

Рассказ 51. Рассказывают, что в то время, когда наш шейх находился в Нишапуре, он послал ходжу Алейка Даразра (158), который был [из числа] муридов шейха и [которому] шейх доверял, и ходжу Хасана Муаддаба по важному делу в Мейхене. Ходжа Алейк сказал: «Когда мы достигли Нугана (159), Хасан сказал, что давай пойдем к ходже имаму Музаффару Хамдану». И этот ходжа имам Музаффар был великим человеком. Ходжа Алейк сказал: «Я сказал, что шейх послал нас в Мейхене, и мы не можем [свернуть с пути] и пойти в другое место. Хасан много просил, но никакого толку не было. Мы направились в Мейхене, и то дело, которое поручил нам шейх было исполнено. Мы вернулись. Когда мы [вновь] добрались до Нугана, Хасан сказал: «Я иду к ходже имаму Музаффару и ты должен пойти (согласиться) со мной. А если не пойдешь, то я отправлюсь один и увижусь с ним». Я согласил-

ся с ним, так как знал, что он не остановится. Когда мы вошли, ходжа имам Музаффар проявил к нам почтение. Когда мы расселись, он начал говорить. Ходжа Хасан Муаддаб слушал ту хорошую речь. И сердце его тянулось к его словам. Ходжа имам [между тем] закончил ту речь и начал другую. Хасан подумал про себя, что останется здесь. Когда ходжа имам Музаффар закончил речь, я сказал: «То, что ты говоришь в конце, наш шейх произносит в начале». Ходжа имам Музаффар огорчился, а Хасан пришел в себя. Мы встали и вышли от него. Когда мы пришли к себе, Хасан поделился со мной, какая у него возникла мысль [и сказал, что] когда ты произнес те слова, то моя мысль осталась [в прошлом] и я понял, что ошибся. Когда мы прибыли в Нишапур и вошли в дверь ханаки, взгляд шейха упал на нас. Он повернул лицо к Хасану Муаддабу и сказал: «Тот человек наполнил бы суму твоих речей (160), если бы Алейк не перевернул (т. е. опустошил–М. К.) бы ее». Хасан упал на землю и попросил прощения».

Рассказ 52. В то время, когда наш шейх находился в Нишапуре, заболел ходжа Абу Мансур Варгани (161), бывший везиром султана Тогрула (162). Когда он находился при смерти, то позвал нашего шейха и устада имама Абу–л–Касима Кушейри, да помилует их Аллах, и сказал: «Я любил вас и много потратил денег ради вас, сейчас у меня к вам есть одна просьба. Когда я умру, вы оба великих человека придите к моему телу и столько [затем] оставайтесь на моей могиле, чтобы я с вашей помощью справился бы с вопросами» (163). Оба приняли его [слова]. Когда он скончался, наш шейх и уstad имам стояли во главе того дела (164). Когда они пришли на кладбище, могила еще не была готова. Уstad имам сказал шейху: «Могила еще не готова и солнце печет. Ты будь здесь, чтобы я проводил людей». Для шейха расстелили у изголовья могилы саджжаде и шейх сел. Когда могилу наконец приготовили и ходжу Абу Мансура похоронили, и насыпали сверху землю, шейх поднялся и сказал: «Завершилось» - и ушел. Когда он подошел к уstadу имаму, уstad имам сказал: «А как же завещание, которое он сделал?–Шейх сказал–Не было нужды ни в

чем». Люди [стали] расспрашивать о том завещании. Устад имам сказал: «Эй шейх! Как же [все] прошло?–Шейх сказал– Прибыли посланники и начали спрашивать. Один из них сказал другому: «[Разве] не видишь, кто у изголовья его могилы?» Сказал это и оба вернулись, и мы также ушли».

Рассказ 53. Ибрахим Инал (165) был младшим братом султана Тогрула и был шихной Нишапура. Он был очень плохим [человеком] и был большим тираном. А наш шейх находился в Нишапуре. И в то время, когда наш шейх был в Нишапуре, жители Нишапура на каждой проповеди просили шейха произнести в отношении его молитву. Но шейх не произносил молитвы, а говорил: «Все будет хорошо». Однажды шейх произносил проповедь. Ибрахим пришел на проповедь к шейху и много плакал. Когда шейх закончил проповедь, Ибрахим Инал подошел к тахту шейха и встал [перед ним]. Шейх сказал: «В чем дело?–Сказал [он]–Прими меня–[шейх] сказал–Нельзя–сказал [он]–Мне надо–сказал [шейх]–Нельзя». И сказал так Ибрахим трижды. Затем шейх пристально посмотрел на него и сказал: «Твое богатство исчезнет (уйдет)–сказал [он]–Возможно – сказал [шейх]–Душа твоя уйдет–сказал [он]–Возможно–сказал [шейх]–Твой эмират исчезнет–сказал он–Возможно–сказал [шейх]–Принесите чернильницу и кусок бумаги». Хасан Муаддаб принес чернильницу и бумагу. Шейх написал на той бумаге: {«Ибрахим–из наших [людей]; это написал Фазлаллах бин Абу–л–Хейр ал–Мейхени»}. Ибрахим Инал взял тот кусок бумаги, поцеловал, положил [к себе] в пояс и вышел в дверь.

В ту же ночь он отправился в сторону Ирака, остановился в Хамадане и поднял бунт. Султан Тогрул отправился, сразился с ним и схватил его. [Ибрахим] был младшим братом и послал ему такую весть: «Я знаю, что ты захочешь убить меня. Моя просьба к тебе состоит в том, что когда убьете меня, [то найдете] у меня в мешочке записку, написанную шейхом Абу Са'идом Абу–л–Хейром; положите ее мне в руку и опустите меня в могилу, потому что шейх предупреждал меня об этих трех событиях и я

сказал, что возможно [они сбудутся]. Когда его записка будет со мной, то завтра я прикоснусь к нему».

Рассказ 54. Рассказывают, что однажды наш шейх шел откуда-то со всеми суфиями, как это было у него заведено, и добрался до квартала Аданикубан. В квартале находился какой-то мясник. Когда шейх со всеми прошли [мимо] него, тот старик-мясник сказал себе: «Эй, [несчастные] их матери и жены! Горстка шутов; посмотри на их головы и шеи, словно курдюки» - и грязно обругал шейха и суфиев, но никто не услышал. [Только] шейх благодаря пронизательности прознал про это. Он сказал Хасану Муаддабу: «Эй Хасан! Приведи того старика». Хасан вернулся и сказал тому человеку: «Идем, ибо шейх зовет тебя». Тот человек испугался и шел, весь трясясь [от страха]. А шейх [тем временем] послал одного суфия к Хасану и велел передать, что: «Отведите его в хамам». Хасан послал того старика в хамам и пришел к шейху. Шейх сказал: «Иди на базар, принеси [оттуда] нежное полотно, пару обуви, льняной табаристанский дастар и возьми двух суфиев, чтобы они помассировали его в хамаме». Хасан тотчас послал двух суфиев в хамам, чтобы они услужили тому старику и сразу же сам пошел на базар и принес то, что указал шейх. Шейх сказал суфиям: «Быстро сшейте рубаху и штаны, [которые носят] суфии». Все собрались и за час сшили. Шейх сказал Хасану: «Иди, надень на того старика, дай ему сто дирхемов и скажи: говори то же, что ты говорил. Когда у тебя не останется денег и ты все потратишь, приходи еще и возьми». Хасан пошел и сделал так, как велел шейх. Старик начал плакать, пришел к шейху, покаялся, стал муридом шейха и уверовавшим в суфиев.

Рассказ 55. Ученый муж Абу Бакр Шавкани (166) сказал, что мой отец ученый Мухаммад сказал, что: «В то время, когда я в поисках знания находился в Нишапуре, то в это [же самое] время в Нишапуре был и наш шейх Абу Са'ид, и я каждый день, когда освобождался от занятий, приходил на услужение к шейху и был у него до вечернего намаза. Когда мы совершали вечерний намаз, я возвращался в медресе. Однажды я пришел к шейху, поздоровался и сел. Шейх приподнял уго-

лок садждаде, вытащил из под него горсть изюма [сорта] тайефи и сказал: «Суфиям было сделано приношение (футух), его поделили (тарсус); мы вашу долю положили сюда, на каждого [пришлось по] семь: семь, семь, семь». Нас в медресе в одной комнате было не больше двух товарищей. А шейх произнес три раза семь. Я выказал [свое] почтение и вышел от шейха. По пути в медресе пересчитал изюм: [все]го была двадцать одна виноградина, то есть трижды по семь, как и указал шейх. Когда я вошел в медресе, то [оказалось], что к моему товарищу приехал брат из Ирака и сидел в моей комнате. Я вошел, расспросил его [о том о сем] и разделил изюм, как и повелел шейх. Каждому досталось по семь».

Рассказ 56. Ходжа имам Абу Али Фармади (167), да помилует его Аллах, сказал, что: «В начале своей молодости я находился в поисках знания в медресе Сарраджан в Нишапуре. Прошло некоторое время и по городу распространился слух о том, что из Мейхене прибыл шейх Абу Са'ид Абу-л-Хейр и проповедует, и среди людей проявляется его чудотворство, и жители Нишапура и имамы всех мазхабов уверовали в него. Я пошел, чтобы увидеть его. Когда я увидел его, то влюбился в него. И любовь к этому таифа возросла в моем сердце. Целый день я ожидал, что шейх выйдет и начнет проповедовать, и я смогу его увидеть. [Втайне от шейха] я стал [одним] из служивших ему и полагал, что он не знает про меня. Однажды в медресе я сидел в своей келье. В сердце у меня возникло желание увидеть шейха. [Но] еще не наступило время, когда шейх, как обычно, выйдет наружу. Я хотел потерпеть, но не смог; встал и вышел. Добравшись до перекрестка, я увидел шейха, идущего с большой толпой, и невольно пошел вслед за ними. [Выяснилось], что шейха сопровождали на угощение. Когда дошли до дома хозяина, шейх со всеми вошел; я также вошел и уселся в углу, так что он меня не видел. Когда приступили к сама, у шейха поднялось настроение, его охватил восторг и он порвал одежду. По завершении сама он снял одежду и ее перед всеми разорвали [на куски]. Шейх отделил один рукав с украшением, положил его и сказал: «О Абу Али Туси,

где ты?» Я не ответил. Он опять подал голос, я опять не ответил и сказал [про себя], что шейх не знает меня и не видит. Может быть, кого-то из муридов шейха зовут Абу Али Туси. Шейх в третий раз позвал, но я опять не ответил. Все закричали, что он зовет тебя. Я встал и подошел к шейху. Шейх взял тот рукав и украшение, дал мне и сказал: «Ты для нас, как рукав одежды и украшение [на нем]». Я взял тот [кусок] одежды, проявил [свое] уважение к шейху, положил [рукав] на почетное место и постоянно приходил навестить шейха; и мне [во время] пребывания у шейха много [раз] являлось сияние (168) и охватывал хал.

Когда шейх выехал из Нишапура, я отправился к устату имаму Абу-л-Касиму Кушейри и рассказал ему о состоянии, которое появлялось у меня. Он сказал: «Иди, о сын, и займись изучением наук». И каждый день то сияние увеличивалось. Два-три следующих года я занимался изучением наук, пока однажды я не вынул калам из чернильницы, и он не оказался белым. На следующий раз оказалось то же самое, и трижды я опускал калам в чернильницу и вынимал его белым (169). Я встал, пошел к устату имаму и рассказал ему о случившемся. Устад имам сказал: «Поскольку наука воздержалась от тебя, ты также воздержись от нее и будь при деле, и займись муамала». Я пошел и перенес одежду и книги из медресе в ханаку и занялся услужением устату имаму.

Однажды устад имам один направился в хамам. Я пошел и натаскал в хамам несколько ведер воды. Когда устад имам вышел из хамама и совершил намаз, [то] сказал: «Кто принес воду в хамам?» Я сказал себе, что, наверное, я совершил глупость и промолчал. Он опять спросил, но я опять не ответил. Когда он спросил в третий раз, я сказал: «Я-Устад имам сказал-Эй Абу Али! Все, что Абу-л-Касим обрел за семьдесят лет, ты обрел одним ведром воды». После этого некоторое время я был занят [духовными] рвениями у устада имама. Однажды у меня возник хал, так что я «растворился» в нем. На следующий день я поведал устату имаму о том происшествии, он сказал: «Эй Абу Али! Предел нашего знания не простирает-

ся далее этой [черты]; ко всему, что [находится] дальше этого места, мы не знаем дороги».

Я подумал про себя, что мне нужен пир, который отвел бы меня дальше этого места и то состояние [бы мое] усилилось. Я слышал имя шейха Абу-л-Касима Гургани. Я поднялся и направился в Тус, однако не знал, где он живет. Когда я добрался до города, то спросил о его жилище. [Мне] сказали, что он обитает в квартале Косар (170), в мечети, вместе с общиной своих муридов. Я отправился и вошел в ту мечеть. Шейх Абу-л-Касим сидел здесь; я совершил два раката намаза тахийат (171) мечети и приблизился к шейху Абу-л-Касиму. Он [сидел], опустив голову. [Но] затем поднял голову и сказал: «Подойди, о Абу Али, [посмотрим], что у тебя есть (172)?» Я поздоровался и сел. Рассказал ему о своем затруднении. Шейх Абу-л-Касим сказал: «Да, да будет благословенно начало твоих [дел]! Пока еще ты не достиг какой-либо ступени, но если ты пройдешь обучение, то достигнешь большого положения». Я сказал себе: «Вот мой пир». Долгое время я оставался у него. Шейх Абу-л-Касим после того, как за этот период повелел мне совершить [различные] воздержания и рвения, [выказал] свое одобрение и [поручил] проведение проповедей. Свою дочь он выдал за меня, и дело мое пошло в гору».

И хотя это изложение было далеко от целей книги, так как цель наша заключалась ни в чем ином, как [только] в описании случая, связанного с ним и нашим шейхом и передачей хирки ему (173), но поскольку [уже] речь зашла о начале его (т.е. Абу Али-М. К.) жизни, то мы не захотели оставить этот рассказ и эту речь [неоконченными].

И ходжа имам Абу Али Фармади сказал: «В то время, когда я находился у шейха Абу-л-Касима и был занят воздержаниями и рвениями, а шейх Абу-л-Касим пока [еще] не поручал мне проведение проповедей, шейх Абу Са'ид прибыл из Мейхене в Тус, и я пошел выразить [свое] почтение ему. Когда я выразил [свое] почтение и поздоровался, шейх ответил и сказал: «Эй Абу Али! Скоро о твоём сладкоречии заговорят». Не прошло много [времени], как шейх Абу-л-Касим повелел мне про-

ведение проповедей, и через некоторое время [ристалище] слов открылось для меня, так что я прославился».

Рассказ 57. Ходжа имам Абу Наср Айази (174) сказал: «Я находился в Нишапуре у ходжи имама Абу Мухаммада Джувейни (175) для изучения фикха. Долгое время [я обучался] и много приложил усилий для освоения различных отраслей [этой] науки и изучения расхождений (хелафи) [в мазхабах и самих] мазхабов. [Тогда то] я и услышал, что из Мейхене прибыл шейх Абу Са'ид Абу-л-Хейр и произносит хорошие речи, и много совершает чудес. Для наблюдения [за этим] и получения сведений я пошел на его проповедь. Когда я увидел его лицо, [то] от властности его взгляда, чистоты его хирки (176) и лица внутри (в сердце) у меня появилось уважение к нему. Когда он начал говорить, то его слова оказали на меня такое воздействие, что я сказал про себя: «Хотя я и достиг высокой степени в науке, но во имя всевышнего Бога, у меня нет [другого] выхода и путь к всевышнему Богу тот, о котором говорит этот человек. Мне также надо вступить на этот путь и пребывать в беседах и в услужении у шейха». Сразу же шейх подал голос с минбара, что: «Следует вступить». Я удивился словам шейха: о чем это он говорит (177)? В сердце у меня возникло сомнение [и я подумал], что это произошло случайно. Когда шейх приступил к другому [вопросу], то вновь у меня пронеслось то же самое, и эта мысль овладела мной. Шейх опять сказал: «Это дело не терпит промедления». Поскольку это чудо повторилось, то сомнение устранилось.

Когда шейх завершил проповедь, я встал и направился в медресе, чтобы собрать вещи и прийти к шейху. Я стал собирать вещи, [в это время] кто-то сообщил ходже имаму Абу Мухаммаду Джувейни, что положение такое-то, и он тотчас пришел ко мне и сказал: «Куда ты идешь?» Я рассказал ему [о случившемся]. Он сказал: «Я не удерживаю тебя от услужения и от бесед с шейхом и не запрещаю тебе общение с дервишами. Но ты присутствовал на проповеди шейха и видел величественного человека, красноречивого, обладающего чудотворством. Это его чудотворство оказало влияние на тебя. И ты то

состояние счел (обнаружил) выше своих знаний. Если ты полагаешь, что сможешь стать шейхом Абу Са'идом, ты ошибаешься, так как ты не знаешь о тех воздержаниях и рвениях, которые он совершил. Мы знаем, что он совершил, прежде чем обрел эту степень. И если даже сто человек совершат те же воздержания, что и он, то [все равно] всевышний Господь не даст им того, что дал ему. И из-за этого корыстолюбия ты отказываешься от своих знаний. Ты лишишься знаний и не достигнешь его состояния». Когда я по совести оценил его слова, то [все] было так, как он говорил. Та убежденность в правоте шейха осталась, [но] я продолжил обучение и постоянно навещал шейха, и извлекал пользу [от общения] с ним, и он проявлял милость ко мне, и я успокаивался возле него».

Рассказ 58. Устад Исмаил Сабуни (178) сказал, что: «Однажды ночью я спал; когда наступило время подниматься, то, как было заведено каждой ночью, я встал для совершения традиционного вирда. Однако моя низменная душа проявила леность и глаза мои вновь закрылись. [В это время] какая-то кошка подбежала к моему изголовью и пролила кувшин с водой, стоявший возле моего изголовья. Я произнес: «Нет силы и могущества, кроме как у Аллаха» - и опять проявил бездеятельность, и не встал. Я [опять] заснул. [На этот раз] с крыши упал камень и попал в таз, стоявший посреди дома. Обитатели дома вскочили, [полагая], что [в дом проник] вор. Мой сон нарушился, и я занялся вирдом. На следующий день я пришел на проповедь к шейху. Шейх проповедовал. Посреди речи он повернул лицо ко мне и сказал: «Когда раб всю ночь спит и поздно встает, то повелевают мыши и кошке, чтобы они пришли и сцепились бы друг с другом у его изголовья и сломали бы его кувшин с водой, чтобы он проснулся бы и сказал: нет силы и могущества, кроме как у Аллаха; и повелевают вору, чтобы он бросил камень в его жилище и чтобы попал бы он в таз. И обитатели дома сказали бы, что [это] вор, но им сказали бы, что не было вора, а был Нами посланный, чтобы разбудил его и чтобы хоть на мгновение он поговорил бы с Нами». Стих:

О моя луноликая! Вчера ночью я был
на [крыше] твоего дома.
Ты сказала: вор, [но] это был не вор, а был я.

Я упал в обморок и понял, что при любом случае шейх осведомлен о нас».

Рассказ 59. Ходжа Абу-л-Фатх [внук] шейха сказал, что: «Старец Муса сказал, что однажды наш шейх Абу Са'ид сказал мне в Нишапуре: «Иди вперед (т. е. начни—М. К.) и соверши два раката намаза, чтобы мы последовали тебе и произнеси каждое славословие [Аллаху], которое есть в Коране». Старец Муса сказал: «Я растерялся и подумал, как я могу совершить такую молитву». [Однако], по указанию шейха, я начал. Когда я произнес такбир (179), то каждое славословие, которое было в Коране, «полилось» с моего языка. Когда я совершил намаз, шейх сказал: «Эй Муса! Мы были немощны в выражении благодарности всевышнему Богу. Ты исполнил эту нашу обязанность; да дарует тебе блага всевышний Бог».

Рассказ 60. Абу Бакр Мукаррам (180) сказал: «В Нишапуре был кийа (181), который все время следил [за тем], что делал шейх. Однажды нашему шейху принесли корзину алоэ и тысячу золотых динаров. Шейх сказал Хасану Муаддабу: «Приготовь для суфиев зирба и халву». У шейха был такой обычай, что если кто-то приносил что-нибудь шейху, то он тратил это при нем и в его присутствии же съедали [приготовленное]. Шейх повелел, чтобы эту корзину с алоэ всю разом положили в огонь; распространился великий аромат и шейх сказал: «Чтобы получили долю наши соседи от этого аромата». Тот алоэ положили в огонь и приготовили очень обильный стол с несколькими видами угощения и распространился сильный аромат. Пришел этот кийа, чтобы осудить шейха. Сказал он: «В такое время, когда [кругом] ты видишь неурожай и трудности, что это за расточительство?» Когда он приблизился к тахту шейха, то проявил неблагоразумие, [стал] напирать на шейха и произносил угрозы, а шейх молчал и асхабы огорчились. [Вдруг] шейх поднял голову, посмотрел на

него и сказал: «Согнись». Кийа оказался согнутым. Шейх сказал: «Согнись еще ниже». Он сильно сгорбился да так и остался. В полном изумлении он вернулся и уселся в мечети, находившейся возле ханаки. Шейх повелел одному дервишу, чтобы тот присматривал за ним и утешал его. Два с половиной года он прожил в таком мучении, а после этого обрел смерть». Вот почему ученые и великие люди говорили, что с шейхами и обладателями халов не следует проявлять дерзость и наглость, и, кроме как в определенное время и с уважением, не следует к ним приближаться, так как они пребывают в разных состояниях. Если они пребывают в состоянии габза и посмотрят яростно на кого-то, то уничтожат его, да избавит Аллах от этого.

Рассказ 61. Ходжа Исмаил Мукаррам (182) сказал, что: «Однажды в Нишапуре я шел по дороге, шейх Абу Са'ид попался мне навстречу. Я поздоровался. Он ответил. Когда он проехал, я пустился за ним и смотрел на его ноги и стремена [его лошади]. Мне подумалось о том, что хоть бы шейх дал мне указание, чтобы я поцеловал ему ноги. Когда эта мысль пронеслась у меня в голове, шейх тотчас остановил лошадь, чтобы я догнал его. [Затем] шейх вынул ногу из стремени и протянул мне. Я поцеловал ему ногу. Шейх погнал лошадь, и я также пошел».

Рассказ 62. Рашид ат-таифа («праведность таифа») Абд ал-Джалил (183) сказал, что: «У шейха Абу Са'ида в Нишапуре был один мухибб, дервиш из Гянджруда (184); и он постоянно приходил к шейху. Из мирского имущества у него был виноградник, откуда исходила его и его детей сила (185). Однажды он пришел к шейху и сказал: «Надо, чтобы шейх и его асхабы пришли в этот виноградник—шейх сказал—Не следует». Он неоднократно приходил и высказывал эту просьбу, и говорил эти слова, но шейх не принимал их и не соглашался. И вот однажды он пришел к шейху и сказал: «Эй шейх! У меня есть мечта, чтобы хоть раз шейх и асхабы пришли в этот виноградник и нарвали бы винограда». Шейх много просил [не настаивать], но толку не было. Он сел на коня и асхабы пошли за ним. Виноградник был маленький, винограда было мало, а на-

рода–много. Дервиши поели виноград. Какой–то дервиш положил [затем] в рибате (186) посреди садждаде две кисти винограда с зелеными листьями, бывшие лучше других, и прикрыл виноград теми листьями, так что никто не увидел [этого]. Когда они поели винограда и вышли, тот человек посмотрел на виноградник и не увидел винограда. Кто–то сказал: «Да дарует Бог изобилие–тот человек сказал–Изобилие этого года разом закончилось». Когда шейх и [его] люди ушли, тот человек вошел в виноградник, но не увидел никакого винограда. Он разозлился на виноградник, повернулся, вышел из него и закрыл дверь. Ту зиму он не входил в виноградник и не приходил к шейху. На следующий год, когда поспело время работать [в винограднике], и люди были заняты обрезанием лозы, этот человек подумал про себя, что то, что я делаю–пустое. Надо обрезать эту лозу и от того, что я в ярости от лозы, я ничего не добьюсь. Если я провинился, то сделал это [сам]. Он встал, пошел в виноградник и обошел виноград. В углу виноградника в рибате он увидел оставленный [кем–то] садждаде. Он взял его, раскрыл и увидел две грозди винограда, [словно] только что положенные в него и прикрытые свежими зелеными листьями. Он очень обрадовался, взял их, положил на поднос и отнес к султану Сури (187), который был его султаном. Султану понравилось [это], и он повелел, чтобы поднос его наполнили золотом. Тот дервиш очень обрадовался и понял, что это–благодать благословенной поступи шейха и его асхабов. И он раскаялся в том гневе, который испытал. Он вернулся домой, взял десять золотых динаров и пришел к шейху просить прощения из–за того, что был охвачен гневом. Когда он вошел в дверь ханаки, взгляд шейха упал на него и [он] сказал: «Если бы Сури не встретился тебе, то самое лучшее в тебе (188) исчезло бы». Тот дервиш упал шейху в ноги и покался в том, что произошло.

Рассказ 63. В то время, когда наш шейх Абу Са'ид находился в Нишапуре и устраивались те великолепные угощения, и сама, и шейх постоянно велел готовить для всех разнообразную еду, подобную жирным курам [на вертеле], лузине и

халве, к шейху пришел некий чтец Корана, его противник и сказал: «Эй шейх! Я пришел, чтобы провести с тобой челле (189)». Тот бедняга о начале жизни шейха и тех сорокалетних воздержаниях шейха совершенно не имел представления. Он полагал, что всю свою жизнь шейх провел таким образом. Он подумал про себя, что проучу шейха голодом и опозорю перед народом и [затем] появлюсь я [сам]. Когда тот противник произнес эти слова, шейх сказал: «Да будет так (благословенно)!»

Он расстелил садждаде, и тот противник также расстелил садждаде рядом с шейхом. Оба сели. И тот противник [во время разговления] ел так, как едят те, кто держат челле. А шейх—ни много и ни мало, а [вообще] не ел и не разговлялся. Каждый день утром, когда светлело, шейх [оказывался] более крепким, плотным и краснощеким, [чем он] и все время повелевал устраивать под [своим] присмотром угощения с [разнообразной] едой; всем давал вкусную пищу и совершали сама, и шейх все также танцевал и состояние его было таким же, ни малых ни больших изменений [оно] не претерпело. А его противник с каждым днем становился слабее и тоще, выглядел [все] более желтым и бессильным. И каждый раз, когда шейх повелевал накрыть перед ними скатерть для суфиев, и тот противник видел на ней вкусную еду, то на него, словно оказывало влияние еще одно челле. Наконец, он так ослаб, что с трудом мог встать на обязательный намаз. От той вражды (т.е. враждебного отношения к шейху—М. К.) он испытал сожаление и понял, что он ничего не знал.

Когда закончились сорок дней, шейх сказал: «То, о чем ты просил, мы исполнили. [А] теперь тебе также следует сделать то, что говорим мы». Тот противник не понял, [что имел в виду шейх] и сказал: «Да будет [на то] воля шейха—шейх сказал—Сорок дней мы провели, и не ели пищу, [но] ходили в отхожее место, [а] теперь мы проведем [еще] сорок дней и будем есть, [но] не будем ходить в отхожее место». Тому противнику ничего не оставалось, как сказать: «Да будет [на то] воля шейха» - а про себя он подумал, что это невозможно, и никакой человек не сможет это совершить. Шейх повелел и принесли

еду для освидетельствования, и шейх начал есть, и тот противник также имел аппетит, [разыгравшийся] за сорок дней. Он поел на славу. Прошел час. Ему захотелось справить малую нужду. Некоторое время он терпел, а шейх смотрел и был беспечен и спокоен. Тот не стерпел, упал шейху в ноги и покался в каждом своем непризнании [шейха]. Шейх же сказал: «Бисмиллах! [А] сейчас иди в отхожее место». Тот противник пошел. Когда он вернулся, шейх сказал: «Теперь ты садись (т.е. будь—М. К.) возле нас и живи так, как хочешь, пока мы не исполним то, о чем говорили». Тот противник все также сидел возле шейха, а шейх сорок дней и ночей провел так, как и говорил. С ним и со всеми остальными, как было им решено, ел пищу и совершал сама, и танцевал, и жил так, как было заведено, и не шел в отхожее место. Когда тот противник понаблюдал за тем состоянием [шейха], то понял, что далеко [отстоит] от пределов возможностей подобных людей. Он попросил прощения за прошлое, стал муридом шейха и находился возле шейха.

Рассказ 64. В Нишапуре был некий мухтасиб из асхабов Абу Абдаллаха Каррама, и он решительно не признавал нашего шейха. Однажды он взял какую-то одежду, чтобы дать отбельщику постирать [ее]. Он прошел мимо [места] проповеди шейха. Шейх произносил речь. Мухтасиб подумал про себя, что сейчас я вернусь и скажу, что им надо делать. Он пошел, отдал одежду отбельщику и дал ему один серебряный дирхем. Отбельщик сказал: «Дай столько, чтобы хватило [хотя бы] на ушнан (190) и мыло, об оплате за мой труд я уже отказался». Мухтасиб [в ответ] несколько раз сильно ударил его плетью. Старик заплакал, а мухтасиб [тем временем] вернулся. Между тем шейх все еще [продолжал] проповедовать. Он вошел в дверь ханаки шейха и сказал: «До каких пор будет это лицемерие и себялюбие?—Шейх сказал—Ходжа мухтасиб! Что надо сделать?—Сказал он—Не надо проповедовать и читать стихи—шейх сказал—Мы сделаем так, как хочет твое сердце. Но, ходжа мухтасиб, утром не надо было совершать то дело: брать одежду и нести ее отбельщику, и давать ему один серебряный дирхем, чтобы он сказал—дай полностью

цену мыла, а от оплаты за труд я отказался—и бить его плетью, чтобы тот старик с разбитым сердцем и с заплаканными глазами не направился бы в пустыню, огорченный и измученный, и не бояться, что от вздохов страдания из груди того старика будет нанесен тебе ущерб. Сейчас же следует постирать твою одежду; принеси и дай ее Хасану, чтобы он постирал и надушил ее розовой водой, и отослал тебе, чтобы мусульманство не пострадало бы из-за тебя и не совершился бы грех». Мухтасиб вскричал, упал в ноги шейху и раскаялся в том непризнании [его] и вражде [с ним].

Рассказ 65. Ходжа Абу-л-Фатх Айази (191) сказал, что слышал от ходжи Хусейна Ганадусти (192), который сказал: «Я был в Нишапуре на проповеди шейха Абу Са'ида. Шейх держал речь. Во время проповеди у меня промелькнула мысль о Серахсе и о матери. Шейх тотчас повернул ко мне лицо и сказал:

{«Поспеши к матери ласковой и нежной,
Всегда стенающей и проливающей слезы
в разлуке с тобой»}.

Я вышел с проповеди шейха, сразу же направился в Серахс и нашел свою мать в [состоянии] смертельной болезни. Она была в агонии. Я успел и увидел ее; на следующий день она скончалась. Я понял, что явилось причиной того, что шейх изволил: «Поспеши».

Рассказ 66. Однажды наш шейх Абу Са'ид вел проповедь в Нишапуре. На меджлис пришел некий купец и подумал, что когда шейх закончит проповедь, он возьмет его домой. Он приготовил зирба и сахарную халву, чтобы поднести шейху, [когда он придет]. Шейх посреди проповеди повернул лицо к тому купцу и сказал: «Иди, о благородный человек, и тот котел с зирба и халву, которые ты приготовил для нас, дай носильщику, чтобы он взял и понес. Там, где он уставший [остановится, пусть] там и положит [их]».

Купец ушел и положил котел на спину носильщика; [тот] понес и оставил [его] там, где устал. Этот купец вошел в дверь того дома, который был ближе [всех], и подал голос. Ка-

кой-то старик подошел к двери дома и сказал: «Если у тебя есть зирба и сахарная халва, [то] входи». Тот купец сказал: «Вот чудно! Это более необычно, чем чудеса шейха». Он спросил у старика, откуда тот узнал, что у него есть зирба и сахарная халва? Старик сказал: «Вот уже несколько дней мы не находили пищу. Младенец в колыбели с усердием вознес молитву, что о всевышний Бог! Дай Своей милостью моему отцу, матери и братьям зирба и сахарную халву. Его молитва была принята, а шейх Абу Са'ид прознал про это и послал».

Рассказ 67. Шейх Абу-л-Хасан Санджари (193) сказал, что я слышал от шейха Абу Муслима Фариси (194), который сказал, что: «Когда в Нишапуре наступила смерть шейха Абдар-Рахмана Сулами, я вознамерился отправиться в Мейхене посетить шейха Абу Са'ида; и это было [время] начала его деяний. Когда я прибыл в Мейхене, я пошел к шейху, и он был в мечети. Он оказал мне уважение и сказал одному дервишу: «Посмотри, есть ли что-нибудь, чтобы он поел». Дервиш ушел, вернулся и сказал: «Я ничего не нашел—шейх сказал—{Вот [стоимость] нищеты, о бедняк! }» Итак, я остановился у него. Когда прошло несколько дней, я подумал о возвращении. Я попросил шейха написать своей благословенной рукой что-нибудь для меня. Я принес ему бумагу и калам, и шейх написал своим почерком:

{Облако вражды (усилия) от луны любви рассеялось,
И засверкал утренний луч из мрака сокрытого.
Тихо заваял ветерок прощения,
Прелесть встречи [его] поспешила из сердца}.

Он дал мне эту бумагу. Я взял и попрощался с шейхом. Когда я возвращался, шейх сказал: «Ты зришь, как они уставились на тебя, но они не видят [оком прозрения]» (195). Я вернулся и пришел в Парс (196) и много времени прошло с тех пор.

[Затем], когда один дервиш из наших асхабов, которого звали Мухаммад Кухийан, вознамерился посетить шейха Абу Са'ида в Хорасане, я сказал ему: «Когда доберешься до шейха, передай ему мой привет и скажи шейху: «Ты зришь, как они

установились на тебя, но они не видят [оком прозрения]». Тот дервиш пошел и посетил [шейха]. Когда он вернулся, то сказал: «Когда я прибыл в Нишапур, шейх Абу Са'ид был там. Я подошел к нему и поздоровался; шейх сказал: «Ва алейком ас-салам, «Ты зришь, как они установились на тебя, но они не видят [оком прозрения]»».

Рассказ 68. Устад имам Исмаил Сабуни сказал: «Однажды, когда шейх Абу Са'ид находился в Нишапуре, я пошел навестить его. Я подумал про себя, что когда мы с шейхом были в Серахсе у устада имама Абу Али Захира, то каждый день оба учили у него хадисы, [и] какой же из этих хадисов я [сейчас могу] вспомнить, и в каком он джузве, и сколько джузвов мы написали. Я думал об этом. Когда я вошел к шейху и поздоровался, шейх поднялся и обнял меня. Когда я сел, шейх сказал: «О устэд! Из тех хадисов, которые мы слышали и помним от устада Абу Али Захира в Серахсе, какой является первым в первом джузве?—Я сказал—Пока я не посмотрю джузв, я не буду знать—шейх сказал—Первый хадис этот: {любовь к мирскому (миру)—начало всех ошибок }». Затем [шейх] сказал: «Какой второй хадис?—Я сказал—Не помню—шейх сказал—Второй хадис этот: { оставь то, что вводит тебя в сомнение ради того, в чем нет сомнения }». Затем шейх сказал: «Какой третий хадис?—Я сказал—Я не помню—шейх сказал—Третий хадис этот: { был Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, который ничего не припас на завтра }» .

Устад Исмаил сказал: «Когда шейх произнес эти хадисы, я вспомнил, что [все] так и [есть], как сказал шейх; и я понял, что та мысль, которая промелькнула у меня в пути, он явил мне своим чудотворством, что, [дескать, вот] о чем ты думал по дороге ко мне. И я твердо уяснил, что шейх полностью осведомлен о наших тайнах».

Рассказ 69. Шейх Исмаил Сави (197) сказал, что: «Наш шейх находился в Нишапуре, и я никогда не пропускал его проповеди. Шейх во время проповедей произносил много стихов и по этой причине в моем сердце постоянно возникало [чувство] непризнания [его]. Однажды он посмотрел на меня и

сказал: «{ Мы возлюбили друг друга и все мы поем (т.е. радуемся—М. К.)}. Это я говорю в ответ на твою ненависть». [После этого] то непризнание во мне устранилось. На следующий день я пришел на проповедь к шейху. Чтец произнес: «Таким же образом Мы в откровении дали тебе по Нашему велению Коран. Ты не знал, что такое писание и вера» (198). Шейх повторил эти слова и сказал: «Ты не знал, ты не знал». От этих слов что-то возникло во мне. С трудом я удержал себя и не возразил шейху.

Когда я пришел домой, меня охватил озноб. У меня пронеслась [мысль о том], чтобы отправить что-нибудь шейху. На следующий день озноб прошел, и я пожалел [о пронесшейся мысли]. Когда миновало несколько дней, я [вновь] пришел на проповедь к шейху, набросив на себя келим (199). Некий дервиш на проповеди шейха попросил одежду. Шейх посмотрел на меня и сказал: «Да пребудет благоденствие на тебе, если ты дашь этот келим и не пожалеешь, как в тот день». Я вскричал и отдал дервишу всю [свою] одежду».

Рассказ 70. И в то время, когда наш шейх Абу Са'ид находился в Нишапуре, как-то в субботу утром он вышел вместе со всеми суфиями и пошел по дороге. [Навстречу] шел некий еврей, набросив на голову накидку, надев хорошие одежды и направляясь в синагогу. Издалека он увидел шейха, идущего [вместе] со всеми. Пречистый и всевышний Господь дал ему зрение, чтобы увидел он величие шейха и свою приниженность. От стыда он пробежал перед шейхом. Шейх пошел следом за ним. Сколько ни шел тот еврей, шейх шел следом, пока тот еврей не достиг конца улицы и не нашел дороги, чтобы пойти дальше. Поневоле он остановился (встал) и повернулся лицом к стене, чтобы шейх не увидел [его лица], а он шейха. Шейх дошел до него, положил свою благословенную руку на его голову и сказал:

«С погонщиком верблюдов не следует говорить
недружелюбно,
Ибо родня ему чужбина и хождение ночью.

О несчастный! Да продлит Аллах твою жизнь! Как ты [чувствуешь себя] и каково твое состояние? Можешь ли ты жить без Него?» Шейх сказал эти слова и вернулся. Когда шейх ушел, еврей вскричал и побежал следом за шейхом и громко кричал: {«Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад—посланник Аллаха»} (199). Когда он добежал до шейха, то упал ему в ноги, затем пришел с шейхом в ханаку и стал хорошим мусульманином благодаря бараке благословенного взгляда шейха.

Рассказ 71. Рассказывают, что когда наш шейх Абу Са'ид прибыл в Нишапур, то много евреев и христиан стали мусульманами благодаря (руками) шейху, [тогда как] следовало, чтобы [хоть] кто-то стал мусульманином с помощью всех имамов Нишапура. В особенности это касалось шейха имама Абу Мухаммада Джувейни, у которого это желание [все время] увеличивалось. Вакилем (201) у него был еврей, он постоянно призывал его [принять] ислам и говорил: «Надо, чтобы ты благодаря мне стал мусульманином, и [тогда] я всю жизнь обеспечивал бы твои потребности». Но еврей не соглашался. Однажды в тайне он сказал ему: «Если ты станешь мусульманином, я дам тебе одну треть своего имущества». Тот еврей сказал: «Не дай Бог, чтобы я продал свою веру за мирские [блага]». После этого он [вновь] настойчиво упрашивал [его] и сказал: «Если ты станешь мусульманином, я дам тебе половину своего имущества - еврей сказал - Я не продаю веру за мирские блага». Он сказал в третий раз: «Если ты станешь мусульманином, я дам тебе две трети своего имущества». Он вновь не согласился. Шейх Абу Мухаммад потерял надежду [на него].

Как-то раз случайно Абу Мухаммад проходил по кварталу Аданикубан и этот вакил был с ним. В тот день был черед проповеди шейха, и у дверей ханаки собралась огромная толпа. Шейх Абу Мухаммад зашел на проповедь шейха. Тот вакил также сказал себе: «Давай—ка я тоже войду в мечеть и послушаю речь этого человека; что он [такое] говорит, что собралась такая толпа, чтобы послушать его речь и в чем причи-

на такого приема его среди народа? У меня нет [особых] примет, чтобы шейх признал во мне еврея, и я также увижу, что это за человек». Когда шейх Абу Мухаммад вошел, тот вакил тоже тайком вошел вслед за ним и скрытно сел за колонной. Когда шейх начал говорить, то повернул лицо [в сторону] той колонны, за которой находился тот вакил, и сказал: «Эй человек! Покажись из-за той колонны и встань». Тот еврей сколько ни старался не смог удержать себя и непроизвольно встал на ноги, и подошел к шейху. Шейх сказал ему: «Скажи—сказал [он]—Что сказать?—Сказал [шейх]—Скажи:

Я был гебром, а теперь стал мусульманином,
Я был изменником по вере, а теперь стал покорным вере
(т.е. встал на верный путь—М. К.)».

Тот еврей произнес эти слова. Шейх сказал: «Иди к ходже имаму Абу Мухаммаду Джувейни, чтобы он научил тебя мусульманству и скажи ему: «Разве ты не знал, что дела зависят от времени; когда подошло время, то нет нужды отдавать треть имущества или половину или две трети» (202). Когда шейх Абу Мухаммад услышал эти слова, его настроение поднялось, и он раскаялся в том, чего желал, и испытал сожаление.

Рассказ 72. Абу Наср Ширвани был добрым человеком и из знаменитых купцов; он имел огромное богатство и проживал в Нишапуре. Поскольку дела нашего шейха Абу Са'ида в Нишапуре пошли в гору, и все жители Нишапура стали сторонниками шейха, то Абу Наср Ширвани также стал из числа уверовавших в него и притязал на преданность ему. Каждый раз [когда] он приходил навестить его, то видел воочию его чудотворство и его преданность возростала. Однажды наш шейх со всеми суфиями направился в хамам квартала Аданикубан, так как у шейха было так заведено, что большей частью он посещал тот хамам. В тот день шейх надел джуббу из румской [парчи] (203), а на голову повязал дорогой дастар, который ему принес один мурид. Когда шейх вошел в дверь хамама, то там стоял цирюльник. Прибежал банщик и принес шей-

ху изар, который был чище [других], выразил ему почтение и, проявив смирение, стоял, [готовый] услужить ему, пока шейх не начал мыться. Тот цирюльник, увидев как встречают шейха и какие ему оказывают почести банщик и все остальные, спросил у банщика, когда шейх и другие вошли в хамам: «Кто это? - банщик сказал—Его зовут шейх Абу Са'ид Абу-л-Хейр; он суфий, и обладает чудотворством, и он почитаем». А тот цирюльник был из числа отвергающих это таифа. Он сказал: «Если он совершает чудеса, то пусть он даст мне эту джуббу, [что] на нем и этот дастар, потому что я хочу жениться и с меня требуют калым и [оплаты] свадебных расходов, чтобы отдать за меня девушку, а у меня ничего нет».

Поскольку прошло некоторое время и подоспел час подстричь шейха, то цирюльник подошел к шейху. Шейх сказал: «Эй молодец! Запомни три вещи, [сказанные] нами: первое, когда ты хочешь подстричь кого-то, вымой руки и бритву; второе, сперва подстригай волосы справа; третье, волосы и грязь, которые ты убрал с головы, держи так, чтобы никто их не увидел». Тот цирюльник исполнил все, что изволил шейх. Когда он подстриг волосы шейха, шейх сказал Хасану Муаддабу: «Дай этому молодому человеку ту нашу джуббу и дастар, чтобы он возместил свои свадебные расходы». Тот молодой человек упал в ноги шейху и расплакался.

Хасан Муаддаб сказал: «Я подошел, чтобы отдать ему одежду и по пути подумал, что у шейха нет другой одежды, а он отдает еще и эту. Он останется неприкрытым в хамаме». Когда я отдал ему одежду и опять вошел в хамам в сомнениях и нерешительности, шейх сказал: «Эй Хасан! Пока нам не скажут, мы не скажем вам. Иди к выходу из хамама, так как Абу Наср Ширвани ждет тебя». Хасан сказал: «Я вышел, увидел Абу Насра Ширвани, который входил в дверь хамама и нес хорошее одеяние, завернутое в молитвенный коврик. Он сказал мне: «Эй Хасан! Шейх здесь?—Я сказал—Да, здесь; он отдал свою одежду цирюльнику и остался раздетый в хамаме—Абу Наср сказал—Хвала Аллаху! Я сейчас читал Коран, положив [его] перед собой [на] подставку. Меня сморил сон; во сне

кто-то приблизился ко мне и сказал: «Вставай, эй Абу Наср, так как шейх Абу Са'ид находится в хамаме в Аданикубан, и отдал свои одеяния и остался раздетым. Иди и отнеси ему одежду». Я открыл глаза и сказал: «Возможно, это [лишь] воображение». Я продолжил читать Коран. Вновь мои глаза закрылись. Я увидел во сне того же человека, который вновь сказал мне те же слова. Я опять не воспринял [их]. Сон одолел меня, я притянул подушку, положил на нее голову. Когда я заснул, тот же человек подошел и грозно крикнул на меня: «Эй Абу Наср! Ты притязает на верность шейху, [но] три раза мы сказали тебе, отнести одежду шейху, так как он остался раздетый в хамаме, а ты проявляешь беспечность. Если ты промедлишь, мы вытянем из тебя жилы». Я от страха вскочил со сна, приготовил эту одежду и принес.

Абу Наср сел у двери в хамам, а я вошел. Шейх совершил омовение и вышел. Я подошел к нему. Шейх вышел из хамама (204) и надел одежду. Абу Наср положил перед шейхом запечатанный мешочек со ста динарами. Шейх сказал: «Это следует дать банщику, чтобы по случаю женитьбы его ученика, он [смог бы] купить (приготовить) сладости». Мы дали золото банщику, и шейх ушел. Абу Наср ушел вместе с шейхом и прибыл в ханаку к шейху и все, что имел из имущества и владений, все потратил на суфиев, и пока шейх находился в Нишапуре, он находился на услужении у шейха.

Когда шейх прибыл из Нишапура в Мейхене, то верхнее одеяние зеленого цвета, принадлежащее ему, он дал шейху Абу Насру и сказал: «Следует пойти в свой вилайат (205) и поднять там наше знамя» (206). Шейх Абу Наср встал и, по указанию шейха, прибыл в Ширван (207), построил ханаку, которая стоит и сейчас (208) и известна [благодаря] ему, и ту одежду шейха положил там, и стал пиром и мукаддамом (209) суфиев того вилайата. И ныне также то одеяние шейха находится на месте, положенное в той ханаке, и каждую пятницу, когда совершают намаз, хадим обители подвешивает на высоком месте одеяние шейха в той ханаке, и все люди приходят из пятничной мечети в ту ханаку, совершают паломничество к

тому одеянию, а затем [уже] идут домой. Никто из жителей города (210) не пренебрегает этим паломничеством. Если наступает голод, [разражается] холера или [другое] несчастье в том вилайате, то это одеяние шейха, положив на голову, уносят в степь, и все люди выступают, просят заступничества у того одеяния и молятся во имя почтения к тому одеянию (211). Пречистый и всевышний Господь совершенством Своей милости и из почтения к шейху устраняет то несчастье от [жителей] и доводит их до их целей. Жители того вилайата то одеяние называют терйак–и муджарраб (212) и безмерно дружат с потомками шейха. Ныне благодаря баракке помыслов шейха и твердого (хорошего) доверия людей к этому таифа, свыше четырехсот известных ханак появилось в том вилайате, и дервиши находят в них покой благодаря баракке помыслов и взглядов нашего шейха.

Рассказ 73. Этот рассказ основан (собран) на многих ривайатах. Некоторые [из них] сообщены ходжой Абу Тахиром, некоторые–ходжой Хасаном Муаддабом и некоторые–ходжой Абу–л–Фатхом, да помилует их всех Аллах. Они рассказали: «Однажды в ханаке нашего шейха в Нишапуре, в присутствии нашего шейха Абу Са'ида проводили сама. Во время сама ходжу Абу Тахира охватило восторженное [состояние], и в тот же миг он стал произносить перед шейхом лаббейк и взял ихрам для [совершения] хаджжа. Когда они закончили сама, ходжа Абу Тахир вознамерился отправиться в странствие в Хиджаз и испросил разрешения у шейха. Шейх сказал людям: «Мы также согласны идти». Почитаемые люди и шейхи, которые присутствовали, сказали: «Зачем это нужно шейху?–Шейх сказал–В ту сторону было притяжение» (213). Большая группа суфиев и муридов шейха пошла с шейхом. Когда они вышли из Нишапура, шейх сказал: «Если не наше присутствие, тот дорогой человек не сможет вынести этих трудностей». Люди все спросили друг у друга, о ком он говорит эти слова, но не поняли и пошли [дальше]. Когда они дошли до Харакана (214), кто–то сообщил шейху Абу–л–Хасану

Харакани, что завтра шейх Абу Са'ид будет здесь. Шейх Абу-л-Хасан обрадовался этим словам.

У шейха Абу-л-Хасана был сын по имени Ахмад (215). Отец все время присматривал за ним, и он был, [словно] Йусиф у [своего] отца (216). В ту ночь, когда шейх Абу Са'ид прибыл в Харакан, Ахмад сочетался браком с девушкой. Это была первая брачная ночь. Но внезапно Ахмада схватили, отрубили голову и бросили перед дверью кельи отца. Во время призыва к намазу шейх Абу-л-Хасан вышел из кельи и ногой [случайно] коснулся той головы. Он позвал мать сына, чтобы та принесла светильник. Она принесла светильник, и он увидел голову сына. Шейх Абу-л-Хасан сказал: «О любимец отца! Что ты такое сделал и чего не сделал из того, что надо было сделать?» Затем он привел несколько человек, чтобы обмыли Ахмада и завернули в саван; он так его и оставил, чтобы прибыл шейх Абу Са'ид, но шейх прибыл поздно.

В утреннее время пришел некий дервиш; шейх Абу-л-Хасан спросил: «Где шейх Абу Са'ид? - Тот дервиш сказал: - Вчера вечером они сбились с пути, а не то он хотел прийти ночью». Шейх Абу-л-Хасан закричал на него и сказал: «Замолчи, ибо они (т.е. шейх-М. К.) не сбиваются с пути. Была некая земля, самая обездоленная из всех государств. И вот желание [этой земли увидеть] их поступь стало издавать стоны, [обращаясь] к Богу, что о Боже! Направь ко мне поступь друга из Своих друзей, чтобы завтра я возгордилась бы перед другими землями. Просьбу (стремление) этой земли удовлетворили (сделали дозволенной) и послали дорогих людей, чтобы они попросили того великого человека, и затем отвели его в эту землю, и [благодаря] его присутствию эту землю одарили (дали халат), но до его прибытия (в его отсутствие) отрезали голову моего сына».

Когда тот дервиш услышал эти слова, он вернулся и передал их шейху. Шейх сказал: «Аллах велик». Шейхи и суфии поняли, что это те [самые] слова, которые он говорил у ворот Нишапура (217). Когда наш шейх Абу Са'ид прибыл в Харакан, он вошел в ханаку, а в ханаке шейха Абу-л-Хасана была

комната, [используемая как] мечеть, и шейх Абу-л-Хасан находился в ней. Шейх Абу-л-Хасан поднялся, дошел до середины комнаты навстречу шейху и здесь они обнялись. Шейх Абу-л-Хасан, да помилует его Аллах, сказал: «Такую рану (боль) смазывают таким бальзамом, и жертвой для такой поступи подобает такая, как Ахмад» (218). Затем шейх Абу-л-Хасан взял за руку шейха Абу Са'ида, что [мол] садись на мое место. Наш шейх не сел, и оба они сели посреди комнаты, и оба заплакали. Шейх Абу-л-Хасан сказал шейху Абу Са'иду: «Дай мне совет - шейх Абу Са'ид сказал-Тебе следует говорить». С шейхом Абу Са'идом находились чтецы Корана. Он дал указание, чтобы читали Коран. [Стали] читать Коран и суфии много плакали и издавали вопли, и оба шейха [тоже] много плакали. Шейх Абу-л-Хасан бросил чтецам хирку со своего места.

Затем шейх Абу-л-Хасан сказал: «Впереди [у нас] дело (219) и дорогие [наши] ждут». Вынесли тело, совершили намаз и похоронили. Все горевали, и суфии вернулись к себе. Затем суфии поспорили с чтецами, что эту хирку надо отдать нам, чтобы мы разрезали ее на куски. Хадим шейха Абу-л-Хасана передал эти слова ему, и он сказал: «Эту хирку признайте их (т.е.чтецов – М.К.) бесспорной [вещью], а я вам дам другую хирку, чтобы вы ее разорвали».

Затем подготовили для шейха Абу Са'ида отдельную комнату, чтобы он расположился в ней и оставался там в уединении. Шейх Абу-л-Хасан наставлял своих людей по одному, что будьте прилежны, так как этот человек-любим страной и осведомлен обо всех, [смотрите] не осрамьтесь. Шейх Абу Са'ид на этот раз три дня и три ночи был с шейхом Абу-л-Хасаном и в течение этих трех дней и ночей ничего не говорил. Шейх Абу-л-Хасан приглашал его к разговору, а шейх Абу Са'ид говорил: «Нас привели для того, чтобы мы слушали; тебе следует говорить». Затем шейх Абу-л-Хасан сказал: «Ты-наша просьба у всевышнего Бога (220). Мы просили у всевышнего Бога, чтобы он послал друга из Своих друзей и мы сказали бы ему об этих тайнах. Ты-это та наша просьба. Я был

старым и немощным, не мог прийти к тебе. А у тебя были сила и величие, тебя привели к нам. Тебя не отпускают в Мекку, так как ты дороже того, чтобы тебя отвели в Мекку (221). Каабу приносят к тебе, чтобы она совершила таваф вокруг тебя и в том нет воли шейха» (222).

В этом путешествии мать ходжи Музаффара (223) была с шейхом. Каждый день утром шейх Абу-л-Хасан приходил к ее жилищу, здоровался и говорил: «Фагире (224), как ты себя чувствуешь? Будь бдительна и неусыпна, ибо ты беседуешь с Истиной. Здесь не осталось человеческого, здесь не осталось души, здесь все-божественное (истинное), здесь-все божественное».

И [как-то] днем во время уединения шейха Абу Са'ида шейх Абу-л-Хасан пришел к двери его комнаты, поднял занавес и сказал: «Есть ли позволение мне войти?—шейх Абу Са'ид сказал—Войди». Шейх Абу-л-Хасан попросил его: «Не поднимай голову с подушки, оставайся так как есть, чтобы я вошел». Он вошел, сел перед шейхом Абу Са'идом, поджав под себя ноги, и сказал: «Эй шейх! У меня такие страдания, что пророки бессильны их вынести, и если я сделаю хоть один выдох из этих страданий, то небо и земля не смогут его претерпеть». Затем он приблизил к шейху [свое] горестное лицо (голову), и они тихо заговорили, и оба заплакали, и я (225) не знаю и не слышал, что говорили [об этом]. Затем шейх Абу-л-Хасан сунул руку под рубаху шейха Абу Са'ида, приложил ее к его груди и сказал: «Я прикасаюсь к вечному свету».

Однажды прибыл кази той области на поминки к шейху Абу-л-Хасану. Сказали ему: «Шейх Абу Са'ид здесь—сказал он—Тогда я войду и поздороваюсь с ним—шейх Абу-л-Хасан сказал—О ученый муж! Слушай и будь внимательным». Кази вошел и поздоровался. Он увидел шейха, спящего на ложе из подушек, словно султан, и дервиша, обхватившего ноги шейха и растиравшего их. Кази сказал: «Я подумал про себя, где здесь нищета? И этот человек в такой неге, как может быть пиром нищих? Это падишах, а не суфий и дервиш. Когда эта мысль промелькнула у меня, шейх Абу Са'ид тотчас поднял голову с подушки, посмот-

рел на меня и сказал: «О ученый муж! {Того, кто созерцает Истину, разве можно назвать нищим?}» Кази, [услышав это], вскричал и упал без чувств. Пришли [люди], подняли его и вынесли. Шейх Абу-л-Хасан сказал [ему]: «Не сказал ли я вам, что вы не выдержите взгляда падишахов-ученый муж сказал - Я раскался [в своих мыслях]». И вновь лишился чувств и на протяжении дня и ночи оставался в таком [положении]. Шейх Абу-л-Хасан вошел к шейху Абу Са'иду и сказал: «Эй шейх! Ты глянул грозно, взгляни же милостиво». Шейх Абу Са'ид протянул к нему (т.е. к кази-М. К.) руку, кази тотчас пришел в чувство и ему стало лучше.

Шейх Абу-л-Хасан сказал: «О шейх! Мы видим, что каждую ночь Кааба совершает таваф вокруг твоей головы, зачем тебе нужно идти к Каабе? Откажись (возвращайся), потому что тебя привели для того, чтобы ты понял нас. Теперь ты совершил хаджж и прошел [через] пустыню горя Абу-л-Хасана. Ты услышал лаббейк его нужды, входил в келью его Арафата, видел бросание камней его дыхания (226); видел [Ахмада сына] Абу-л-Хасана, [ставшего] жертвой своей красоты и совершил намаз [по случаю] жертвоприношения над его (Абу-л-Хасана-М. К.) Йусифом; ты слышал горестные вопли страдающих, откажись, потому что если было бы не так, как сейчас, то Абу-л-Хасан не остался бы в живых. Ты-любимец вселенной-шейх Абу Са'ид сказал-Мы направимся в Бистам и совершим паломничество и вернемся-шейх Абу-л-Хасан сказал - Ты совершил хаджж и совершишь [также] умру» (227).

Итак, шейх Абу Са'ид после того, как три дня оставался там, направился в Бистам (228). Он прибыл в Бистам и там есть возвышенность, откуда видна гробница шейха Байзида Бистами. Когда взгляд шейха Абу Са'ида упал на эту гробницу, он встал и добрый час стоял, опустив голову, затем поднял ее и сказал: «Каждый, кто что-то потерял, здесь ему отдадут [это]». Затем он посетил Бистам. [Описывая] как он стоял у изголовья могилы Байзида Бистами, Хасан Муаддаб сказал: «Я стоял за спиной шейха Абу Са'ида, шейх некоторое время стоял у могилы шейха Байзида, опустив голову, затем поднял

ее и сказал: «Это место чистых людей, а не место оскверненных». Сутки он провел в Бистаме. Оттуда он направился в Дамган (229) и следующие три дня был в Дамгане; здесь сделали приготовления к дороге, потому что с шейхом было сто суфиев. Взяли также внаем верховых животных, потому что с ним были и старики, чтобы выехать в ту сторону. Они совершили послеполуденный намаз, и проводили сама до ночи, и каввал произносил эти стихи:

Послышался голос: «Взгляни, это моя возлюбленная.
Я сам знаю, о ком печаль—мое дело.
Триста роз на лице моей возлюбленной.
Я встану и сорву, ибо мое дело—срывание роз».

У шейха было две лошади. Одна была его верховая лошадь, а на другую навьючивали поклажу шейха и на нее сажался кто-нибудь [из] дервишей. Шейх послал кого-то к каввалу и передал (сказал): «Та лошадь, которая выючная—принадлежит тебе». Совершили вечерний намаз. Он (Абу Са'ид—М. К.) попросил обувь, лошадь и вышел к двери ханаки. Он сказал ходже Абу Тахиру: «Отведи суфиев в Салве (это селение в сторону Хорасана), веди [их] туда». И погнал лошадь, но [до этого] сказал ходже Абу Тахиру: «Вы все [затем] возвращайтесь, а завтра идите по нашим следам».

Хасан Муаддаб пошел с шейхом, а также стремянный и еще один дервиш. Когда они достигли ворот, то ворота были закрыты и на них был навешен замок, а ключ находился во дворце эмира города. Страж у городских ворот сказал: «Надо пойти и принести ключ из дворца эмира». Шейх все еще пребывая в мыслях о [проведенном] сама, вскричал и сказал Хасану: «Потяни замок». Хасан потянул замок, дужка его выскочила и ворота открыли; они вышли наружу, и страж закрыл [за ними] ворота. Когда они выехали в степь, то их положение оказалось тревожным, и не было лунного света в ту ночь. Хасан сказал: «В сердце у меня возник страх—шейх сказал—Скажи что-нибудь». То есть скажи стих. Хасан сказал: «У меня про-

пал голос. Эти бейты на арабском вспомнились мне, я их прочел мысленно (беззвучно). Шейх пустился в сама, начал вскрикивать; и эти бейты таковы:

{Полная луна обещала мне ночью встречу.
Не успела она исполнить обещание, как я сделал
пожертвование.

Я сказал: О госпожа моя, почему не влияет
Ночь на красоту светлого дня.
Сказала она: Я не могу изменить свою судьбу,
Таково предписание появления полных лун}».

Прошло некоторое время от ночи. Шейх успокоился и сказал: «Принеси что-нибудь съестное». Но у нас ничего не было из еды. Перед нами [вдруг] возникла крепость. Я сказал: «Я пойду и принесу что-нибудь оттуда—он сказал—Иди и принеси». Я направился к воротам крепости и постучал. Кто-то поднялся на стену [и сказал]: «Что тебе нужно?—Я сказал—Мы путники, нам надо что-нибудь поесть». Они спустили вниз дастар. Я завернул в него немного [денег]. Они вытянули его наверх, завязали в дастар три ячменных хлеба и отправили вниз. Я взял их и пошел довольный за своими, пока не догнал их. Шейх спросил: «Принес?—Я сказал—Принес». Я преломил хлеб и дал ему кусок. Он взял [точно] также [еще] три куска, съел и ничего не сказал, но затем молвил: «Остальное съеште вы».

Когда наступила полночь, он сказал: «Вздремнем немного—Я сказал—Воля ваша». Мы направились в сторону от дороги. Шейх спешился. Ни у кого из нас не было садждаде, чтобы расстелить [его для] шейха. Мы сняли чепрак [с лошади] и бросили на землю, чтобы шейх прилег. Он положил голову возле меня, а ноги протянул к тому дервишу и на какое-то время прикорнул. С наступлением дня мы вновь пошли и остановились в доме старосты селения. Шейх сказал: «Скажи старосте, что ночью придут гости». Затем он совершил омовение и немного отдохнул. К вечернему намазу прибыли дервиши, все собрались, и староста приготовил угощение. Ту ночь

они провели там, шейх ничего не сказал, только то, что: «Вы устали и испытываете трудности».

Утром следующего дня совершили намаз и закончили аурад. Солнце [уже] взошло. Шейх сел и усадил всех. Затем повернул лицо к ходже Абу Тахиру и сказал: «До этого места мы добрались, сопровождая тебя. То, что касалось нас, закончилось. Подождите, больше нам не следует идти. В чем [теперь заключается] твое намерение? –Ходжа Абу Тахир сказал – Поскольку шейх исполнил свое намерение, то и наше исполнилось в согласии с ним–шейх сказал–Аллах велик! Теперь наше дело завершилось». Он расспросил по одному всех и сказал: «Тот, кто думает направиться в ту сторону (230), пусть идет, а тот, кто остается с нами, пусть возвращается. Каждый волен поступать по–своему (ни у кого нет никакой вины)». И каждый высказал то, о чем думал. Затем тот, кто хотел в Хиджаз, отправился туда. [Перед этим] он сказал [им]: «Наденьте паафзар». Он сделал приготовления для них в дорогу и с добрым сердцем проводил их. [Затем] позвал старосту и сказал: «Нам нужно место, [где есть] зелень». У старосты был сад, там он организовал хорошее угощение и отвел туда шейха с [его] людьми, и они приятно провели тот день.

На следующий день они выехали оттуда в [места, которые] называют Ардйан и Нушабад. Это были два селения; ниже их было [еще одно], в котором они спешили. [Оно] расположилось у пустыни, распростершейся в сторону Сабзевара (231). Шейх не думал [вновь] направляться в сторону Бистама и Харакана, чтобы у них (т.е. у Абу–л–Хасана–М. К.) не было хлопот. В этом селении они наняли ослов, за некоторых заплатили и расстелили скатерть на дорогу, потому что четыре–пять дней надо было находиться в пустыне. С шейхом была большая толпа людей.

Шейх Абу–л–Хасан узнал о прибытии шейха и его намерении миновать Харакан. Он послал трех дервишей. Они пришли в то селение после ночного намаза. Они (т.е. люди шейха–М. К.) думали, что направятся в пустыню на рассвете, [когда] приведут ослов. Все дервиши прилегли, и шейх также

лег, но бодрствовал. Хасан Муаддаб занимался делами и сновал туда сюда. Послышался тихий голос у двери. Хасан подошел, открыл дверь и увидел трех дервишей, которые вошли, готовые служить. Хасан усадил их. Шейх подал голос и сказал Хасану: «Подойди». Хасан подошел к шейху. Шейх спросил: «Кто те, кто вошли?—Ответил [он]—Дервиши из Харакана—спросил шейх—Что они говорят?—Ответил он—Я не спросил—шейх сказал—Зажги свечу и принеси». Хасан взял свечу и поставил перед шейхом. Шейх сказал: «Позови их». Дервиши подошли к шейху и передали привет шейха Абу-л-Хасана. Наш шейх сказал: «{ И привет ему от нас }». Затем наш шейх сказал им: «Что изволил шейх Абу-л-Хасан?—Они сказали—Он сказал, что во имя того Бога, который даровал тебе это величие, не проходи [мимо Харакана], пока не увидишься со мной—Наш шейх сказал—Да будет на то его воля». Затем наш шейх сказал Хасану Муаддабу: «Дай им что-нибудь поесть и двух человек сразу же отправь обратно, чтобы они прибыли к тому пиру и его сердце успокоилось бы, а один человек (т.е. третий дервиш—М. К.) пойдет вместе с нами, и если придут люди, давшие [нам] внаем ослон, то попроси у них прощения и дай им наши дорожные мешки». Хасан сказал: «Погонщики ослон пришли ночью, я дал им мешки и не запросил с них обратно деньги за наем; наши припасы на дорогу были в тех мешках, я их не тронул, ибо шейх на этот счет не дал никаких указаний». А суфии не знали [обо всем] этом и полагали, что на следующий день отправятся в сторону пустыни.

Когда шейх направлялся в сторону Бистама и Харакана, то к нему прибыл некий ученый из Бистама. Оба, [будучи] верхом, встретились по дороге и погнало лошадей. В тот день у шейха было чрезмерно хорошее настроение (время), и он произносил стихи на арабском языке. Тот ученый сказал: «В тот день больше тысячи бейтов было произнесено устами шейха». [А между тем] дервиши по дороге спорили с Хасаном, что дай нам что-нибудь поесть. Он сказал: «Еда была в дорожных мешках, я их дал погонщикам ослон—они сказали—Разве ты им не оставил деньги за наем?—Хасан сказал—Шейх не говорил

затребуй обратно деньги и возьми из мешков что-нибудь для них (т.е. дервишей-М. К.)». Так они разговаривали, когда шейх проехал мимо них и спросил: «В чем дело?—Хасан сказал—С дервишами идет такой разговор, что зачем надо было просить прощения у владельцев вьючных животных, если мы и так оставили им деньги и припасы на дорогу?—Шейх сказал—Следовало просить прощения у них, потому что всевышний Господь явил им милость, но для них она не стала полной (не завершилась), ибо они хотели пребывать в беседах с вами и ступать вместе с вами. Поскольку этого блага они не удостоились (не завершилось), то все, что было помимо этого, все было ничто рядом с этим. [Поэтому] непременно у них следовало просить прощения».

В тот день в пути у шейха было очень хорошее настроение, потому что он направлялся в Бистам. Устами нашего шейха было произнесено: «Если кто-то осведомлен об этом, то пусть придет сюда и ради этого времени (232) воздаст [должное] Богу и не удивительно, если великий и всемогущий Бог вернет ему [то, что он воздал]». И шейх направился в Бистам, посетил [могилу Байазиды], оттуда направился в Харакан, прибыл к шейху Абу-л-Хасану и оставался там три последующих дня.

Однажды шейх Абу-л-Хасан посреди беседы спросил у шейха Абу Са'ида: «В вашем вилайате была невеста?—Шейх сказал—Была и за невестой было много наблюдающих, которые были приятнее невесты, но среди них и трон, и венец, и блистание достались только одному». Шейх Абу-л-Хасан вскричал и сказал: (мисра) «Повелитель всех, ты увидел в кубке свое состояние».

Однажды шейх Абу-л-Хасан сидел с шейхом Абу Са'идом, и все [суфии] присутствовали. Шейх Абу-л-Хасан повернулся лицом к собравшимся и сказал: «В Судный день приведут всех великих людей и для каждого поставят корси ниже престола Бога. И раздастся голос народу, чтобы говорили о Господе, а для шейха Абу Са'ида поставят корси, чтобы он от Господа говорил Господу и его посреди не было бы» (233).

Когда прошло три дня, на четвертый день шейх Абу Са'ид попросил указания [у шейха Абу-л-Хасана]. Шейх Абу-л-Хасан сказал: «Идите горной дорогой в сторону Джанашка (234), потому что на этой дороге село сменяется селом и дервишам будет легко». И шейх Абу-л-Хасан также сказал: «Мне нужно тридцать муридов, чтобы десять находились бы при тебе до Нишапура, десять доставляли бы мне сведения о тебе и еще десять доставляли бы тебе сведения обо мне до тех пор, пока не доберешься до Нишапура». Шейх Абу-л-Хасан с детьми и со всеми [своими людьми] вышли попрощаться с шейхом Абу Са'идом, и во время расставания шейх Абу-л-Хасан сказал шейху Абу Са'иду: «Твоя дорога заключается в басте и радости (раскрытии), а наша дорога—в кабзе и печали. Теперь ты возрадуйся и живи весело, пока мы будем горевать, и мы оба выполняем Его повеление (дело)». Затем шейх Абу-л-Хасан послал с шейхом Абу Са'идом всех людей, сколько у него было, и до Джаджарма (235) с каждой стоянки они доставляли ему сведения о нем.

На следующий день после отъезда шейха Абу Са'ида, в ханаке шейха Абу-л-Хасана собрали подстилки и взяли молитвенные коврики. В том месте, где молился Хасан Муаддаб, под подстилкой нашли бумагу с чем-то [завернутым в нее]. Отнесли шейху Абу-л-Хасану и сказали: «Мы нашли бумагу и что-то в ней—он сказал—Что?—Они сказали—Не знаем—он сказал—Посмотрите». Они раскрыли бумагу—это было золото. Он сказал: «Под чьей это было подстилкой?—Сказали—Под подстилкой Хасана Муаддаба хадима шейха Абу Са'ида—сказал он—Взвесьте». Взвесили: потянуло на двадцать золотых динаров. Он сказал: «Посмотрите, каков наш долг?» Выяснили, что долг составлял двадцать динаров. Шейх Абу-л-Хасан сказал: «Возместите долг, ибо наш долг был его долгом, а его долг—нашим долгом».

[Между тем] шейх Абу Са'ид по дороге добрался до какого-то селения и там остановились. Шейх Абу Са'ид сказал Хасану: «Пойдем в хамам». У шейха был такой обычай, что каждый раз, когда он шел в хамам, он относил туда десять серебряных

дирхемов фатхи (236). И Хасан все время при себе имел кое-какие [деньги], чтобы заплатить за наем и припасы на дорогу. [То есть], если в чем-то была нужда, то Хасан Муаддаб имел деньги и по указанию шейха тратил их. И вот, когда Хасан готовил серебро для хамама, он не увидел той бумаги с золотом, которая затерялась в Харакане. Сердце его сжалось. Шейх увидел это и сказал: «Что случилось, эй Хасан!—Он сказал—У меня было кое-что, но потерялось—шейх сказал—Там, где потерялось, потерялось ради нашего спокойствия». На следующий день из Харакана пришла весть, что там кое-что нашли, и как этим распорядился шейх Абу-л-Хасан, и как поступили. Когда шейх Абу Са'ид услышал, что сделал шейх Абу-л-Хасан, то произнес: «Все так, как он сказал (т.е. все верно—М. К.)». И муриды шейха Абу-л-Хасана, как и было им велено шейхом Абу-л-Хасаном, находились при шейхе Абу Са'иде до Джаджарма. Из Джаджарма шейх Абу Са'ид возвратил их [назад] и сказал: «Мы отсюда идем в Нишапур; передайте от нас привет шейху Абу-л-Хасану и скажите ему, что держи сердце с нами (т.е. помни о нас— М. К.)».

Когда шейх Абу Са'ид добрался до вилайата Курви (237), то все пришли в какое-то село и захотели там остановиться. Наш шейх спросил: «Как называют это село?—Сказали—Калаф (238)—шейх сказал—Не следует останавливаться». Добрались до другого селения. Наш шейх сказал: «Как называют это село?—Сказали—Дарбанд—он сказал—Оковы (239) [нам] не нужны». Добрались до следующего села. Наш шейх сказал: «Как называют это село?—Сказали—называют Ходашад (240)—наш шейх сказал—[Нам] нужно в Ходашад, следует быть радостными». Там они и остановились. [В селе] имелась ханака. Тотчас пришел хадим и встретил их, как полагается, проявил почтение и сразу же зарезал баранов и сказал: «Пока что-то приготовят будет поздно». Он распорядился, чтобы сразу же пожарили джигарбанд (241) и принесли шейху. Шейх сказал: «Первым делом следует поесть печень—хадим сказал—Да будет долгой [жизнь] шейха! Я добавил [в еду] и кусочек сердца». Шейху понравилось и он сказал: «Если добавлено и сердце, то будет вкуснее, сам Абу Са'ид ищет сердце».

Тот день провели там, а на следующий день направились оттуда в Нишапур.

Когда прибыли в Нишапур, некоторые из суфиев говорили: «Когда шейх прибыл в Харакан, то тот его вакт, речи и состояния прервались и достигли [конца]». Эти слова они говорили потому, что когда шейх добрался до Харакана, то за то время, что он был там, ничего не говорил, по той причине, что говорил шейх Абу-л-Хасан: «Ты-наша потребность, так как мы попросили у всевышнего Бога, что пошли нам друга из Своих друзей, чтобы мы рассказали ему об этих Твоих тайнах». Поскольку нашего шейха отвели туда (т.е. в Харакан-М. К.) по этому важному делу, то он и не говорил; и [еще одна] причина этого [состояла] в том, что шейх Абу-л-Хасан приглашал нашего шейха к беседе и говорил: «Скажи слово, дай мне наставление-а наш шейх говорил-Вам следует говорить. Нас же привели слушать». Поскольку у тех суфиев не было сведений об этом, они и говорили такие слова. Эти слова передали нашему шейху, наш шейх сказал: «Тот прах возжелал нас, когда мы прибыли туда, в том прахе стали прахом (242) и достигли цели. Великие люди сами не рассказывают [о своих делах]». Наш шейх изволил дать такой ответ на те высказывания (возражения) [суфиев]. И если в действительности обдумать эти слова, то тот смысл, который [здесь] излагался, станет ясным. Вот, что дошло до нас о поездке шейха в Харакан и возвращении в Нишапур.

Рассказ 74. Ходжа Абу-л-Фатх [внук] шейха, да помилует его Аллах, сказал, что отъезд нашего шейха в Мейхене в последний раз был связан с тем, что двое из муридов нашего шейха выясняли отношения друг с другом и оба были из [числа] доверенных [муридов] шейха. А у нашего шейха было так заведено, что когда между двумя дервишами возникала ссора, шейх оставался безучастным (отмалчивался) до тех пор, пока они [не выговаривались] и не освобождали сердца от злобы. Когда он видел (знал), что их нутро очистилось (т.е. они сказали, что хотели-М. К.), тогда говорил он, и между ними достигалось согласие. Когда таким образом шейх поговорил [в по-

следствии] и с [теми двумя], то [и между ними] установился мир.

Уже некоторое время, как дети и внуки нашего шейха от мала до велика все находились в Нишапуре и должны были отправиться в Мейхене. Когда возникла эта ссора дервишей, шейх сказал ходже Абу Тахиру: «Собирайся (встань) и подготовь все для детей в дорогу, так как мы тоскуем и [хотим] поехать в Мейхене». Ходжа Абу Тахир взял [деньги] в долг и все приготовил для них. И взяли сорок ослов для поклажи и [позвали] сорок дервишей, чтобы каждый был рядом с одним грузом и следил за ним. Он повелел также [взять] восемь дервишей, чтобы с каждой стоянки они приносили шейху известие о том, что [все] благополучно. Жители Нишапура оказали необходимую помощь, по причине, [о которой говорили] так: «Все его люди и сыновья уйдут, у шейха не останется дел, и он будет свободен; он обратится к нам, и мы увидим его лучше и больше, а он увидит нас».

В тот день, когда он хотел их отправить, он сел на лошадь, надев фараджи и муздавадже (243), доехал до ворот Шухнан, остановился там, и одну за другой поклажу проносили перед ним, а он спрашивал: «Чья это? Кто будет находиться здесь? И кто из дервишей будет с этой поклажей?» Он подзывал того дервиша и, не терпя возражений, говорил ему: «Смотри, как вести себя и будь бдителен!» [Это повторялось] до тех пор, пока всю поклажу не провели перед шейхом. Последним, кто прошел перед шейхом, был ходжа Абу-л-Фатх; он сказал: «Мне было лет семнадцать-восемнадцать. Я подошел к шейху, и он спросил: «Который осел и поклажа твои?—Я сказал—Эй шейх! У меня нет осла и поклажи—он спросил—Ты пойдешь пешком?—Я сказал—Эй шейх! Да—Он сказал—Не сможешь идти—я сказал—Благодаря старанию шейха я пойду». Среди всех шейх опустил голову и сказал: «Передай привет матери и скажи, чтобы оберегала детей, так как мы на четвертый день сделаем так, что будем с вами, иншаллах». Я припал к ногам шейха, повернулся и пошел».

Ходжа Абу-л-Фатх сказал: «Я до этого мига был участником события, но когда шейх приехал в Мейхене, то продолжение рассказа я услышал от хадимов шейха». Ходжа Абу-л-Фатх сказал: «Отец мой Абу Тахир не пришел с нами, он возвратился с шейхом оттуда, где происходило прощание, и направился в город Нишапур». Когда шейх добрался до ханаки, то в тот день он не проводил проповедь, так как было уже поздно. На следующий день шейх вышел для [проведения] проповеди, а дети шейха, [как правило], садились на проповеди справа от его тахта, вокруг шейха. И у шейха был такой обычай, что он выходил из дома вместе с появлением солнца, и всегда было так, что как только всходило солнце, шейх выходил из дома. В этот день, когда шейх вышел, взгляд его упал на то место, где сидели дети и он сказал: «Наши дети-куски нашей печени (244). Мы не можем видеть это место без них. У Абу Тахира есть долг, следует вернуть его долг, чтобы мы пошли следом за ними» (т.е. за детьми-М. К.). Когда шейх произнес эти слова, муриды и жители Нишапура опечалились и сказали: «Мы совершили большую ошибку. Мы сказали, что его занятость устранилась, и теперь он не будет вспоминать о них». В тот [же] день они предприняли меры для возвращения долга шейха. И шейх должен был выполнить данное обещание. Долги были возвращены, и дела наладились. Поскольку все припасы были приготовлены, то решили отправиться. Все почитаемые люди, имамы и дервиши города Нишапура пришли с просьбой [остаться]. Но толку не было. Когда отъезд был уже близок, то с [этой же] просьбой пришли шейх Абу Мухаммад Джувейни и устад имам Исмаил Сабуни. Оба дошли до дверей ханаки, проявляя уважение друг к другу, и каждый говорил другому: «Иди ты [первый] к двери». В конце концов оба взяли за руки и вошли.

Наш шейх сидел на тахте напротив двери ханаки. Они вошли и поздоровались. Наш шейх усадил их с той и другой стороны [от себя], и все трое протянули головы [друг к другу] и высказали много тайн так, что никто не понял, о чем они говорили. И они много говорили и очень просили, чтобы шейх,

может быть, примет [их просьбы] и отложит отъезд. Но никакой пользы не было, шейх не принял [их просьбы]. Поскольку они много толковали, шейх сказал: «Да, здесь и там есть просители и [обращающиеся] с просьбой. Мы сами сдались, чтобы посмотреть, кто одержит верх (чья рука окажется жирнее)». Последнее их слово нашему шейху было таким: «Эй шейх! Во всяком случае Мейхене—это деревня и нам жаль, что ты будешь в Мейхене». Наш шейх сказал: «Вы жалеете, что мы будем в Мейхене, мы же жалеем вас, [как живущих] в этом мире, так и [пребудущих] в том». Они устыдились и поняли, что шейх не останется, простились и вернулись. Шейх завершил дела, и они поехали. [Но еще до отъезда], когда седлали лошадь, шейх вышел, положил ногу на скамью, бывшую у дверей ханаки, и сказал обитателям ханаки: «Мы оставляем эту обитель такой, как нашли [впервые] и не завладели ни кирпичиком». Затем он сказал:

«Птица села на гору и взлетела,
Посмотри, что прибавилось и что уменьшилось
от той горы».

Муриды и все [остальные] обрели [здесь] благоденствие. [Они] и сказали: «Эй шейх! Некоторое время эта обитель была украшена твоей красотой. Теперь назначь [на свое место] кого-нибудь, чтобы когда придет сюда странник, он не остался бы без внимания». Шейх сказал: «Пусть держат дверь ханаки открытой и [ее саму] подметенной и чистой, и светильники зажженными, и отхожее место чистым с большим количеством комьев земли [для очистки]. Каждый, кто придет [сюда], принесет пропитание с собой. Мы не оставили вам никакого имущества. Всевышний Бог пошлет все, что нужно». И было так, как повелел шейх. Никогда у этой ханаки не было никакого имущества, и всегда народу в этой ханаке было больше, чем в других ханаках Нишапура; и та ханака постоянно была самой благоденствующей и [большой] по приношениям среди всех ханак Нишапура благодаря бараке слов шейха и его благосло-

венным помыслам. [Это продолжалось до тех пор], пока в период невзгод, [связанный с правлением] гузов, город Нишапур и ханака не были разрушены.

Когда шейх тронул лошадь, и они проехали несколько шагов, то шейх сказал дервишу, который шел возле его стремени: «Возвращайся; в ханаке, в прихожей есть кости, возьми их и выброси». И все имамы, и шейхи, и почитаемые люди, и дервиши Нишапура пришли проститься с шейхом. Они [вновь] много упрашивали (говорили) его и последнее слово шейха им было таково:

«Туда, где у меня была встреча с Тобой,
Пойду туда и повернусь лицом к стене (245)».

Затем наш шейх попрощался со всеми и направился в сторону горной тропы, [ведущей] в Зошк (246). Когда он достиг Сандуг–и шекасте (247), лошадь шейха оступилась [и упала]; одно бедро шейха оказалось под боком лошади и повредилось. Расстелили подстилку и уложили на нее шейха. Четыре дервиша взяли за углы подстилки, понесли шейха по тропинке и положили в том каменном доме.

[Между тем] из Туса пришел какой–то дервиш; глаза шейха остановились на том дервише. Он подозвал дервиша и сказал: «Откуда ты идешь?–Сказал он–Из Туса–сказал шейх–А куда идешь?–Сказал он–В Нишапур–сказал шейх–Иди к ханаке суфиев и передай им наш привет, потому что они много нам говорили, что не надо ехать. И скажи им, что это лошадь оступилась [и упала], а не мы [упали] и [неправильно, что] теперь они считают это за чудо» (248).

И шейха по тропинке понесли в сторону Туса, потому что он не мог сесть на лошадь. И устак Абу Бакр в Тусе был [еще] жив. Он призвал людей из Дих–и ханегах, которое называют [также] Рафиган, и сказал, что в этом году я не возьму с вас хараджа, чтобы вы отнесли на руках мухаффу с шейхом в Мейхене. Подготовили мухаффу и отнесли шейха на руках в

Мейхене. В Мейхене несколько дней он проболел, а затем поправился.

Рассказ 75. Рассказывают [со слов] Абу-л-Фазла Мухаммада бин Ахмада Арефа Нугани (249), который сказал: «Наш шейх Абу Са'ид направлялся из Нишапура в Мейхене. Когда мы подошли к горе, то с нами вместе был один человек. Он вроде бы подумал про себя: «Что это за люди? Они едят количе (250), халву, вкусную еду, а говорят, что мы суфии». Шейх благодаря [своему] чудотворству прознал про его мысли. [И произошло это] по той причине, что не следовало, чтобы тот человек пребывал в том мнении, которое он вынес в отношении этого таифа и в его вере проявился бы какой-нибудь изъян. Он позвал того человека и сказал: «Зайди за эту гору и принеси нам весть [о том, что находится там]». Тот человек встал [с того места, где сидел] перед шейхом, пошел за ту вершину и увидел там огромного дракона. Он испугался, убежал и пришел к шейху еле живой, ослабший. Шейх сказал: «Что ты видел?» Тот человек рассказал [о случившемся]. Шейх сказал: «Этот дракон долгие годы был нашим другом. Тот человек упал шейху в ноги и раскаялся в том отрицании [шейха] и испытал сожаление».

Рассказ 76. Рассказывают, что наш шейх Абу Са'ид направлялся из Нишапура в Мейхене. В пути сделали привал и дервиши что-то поели. Когда они закончили трапезу, то улеглись. Когда подошло время намаза, муэдзин издал призыв к молитве. Дервиши совершили омовение и исполнили [необходимые] предписания. Муэдзин произнес икама, и все встали на намаз. Один из дервишей продолжал спать, от усталости он не проснулся на призыв. Когда же все приступили к обязательной молитве, то он постеснялся встать. Хотя он и проснулся, но от стыда притворился спящим (все также спал) и слушал, когда все разойдутся, чтобы встать. [В это время] появился вор, чтобы украсть кое-какую одежду. Когда он увидел, что все заняты намазом, и находятся далеко от одежды, а вещи без присмотра, он решил унести что-нибудь. Когда он подошел к вещам, то тот дервиш не спал. [Но, притворившись спящим], он

[затем] взял камень и кинул в того вора. Вор понял, что кто-то остался (бодрствует) с вещами. Он убежал и ничего не смог унести. И никто не знал об этом, ибо [все] стояли на намазе спиной к вещам. Когда произнесли приветствия (251), то увидели того дервиша, все также спящим. Стали его порицать и укорять, что [мол]: «Посмотрите на этого, не совершающего намаз». Шейх сказал: «Нужен был не совершающий намаз, чтобы сохранилась ваша, совершающих намаз, одежда». Никто не понял, о чем говорит шейх. Когда подошли к одежде, то узнали о случившемся. Они поняли, что когда шейх говорил, то благодаря [своему] чудотворству он имел в виду то, что если бы тот дервиш не продолжал спать, то вор унес бы одеяния и все остались бы без одежды. Они раскаялись в том порицании.

Рассказ 77. Рассказывают [со слов] моего предка шейх ал-ислама Абу Са'да, да помилует его Аллах, который сказал: «Однажды наш шейх Абу Са'ид вел проповедь. Посреди речи он сказал: «{Улемы-наследники пророков}. [И] мы скажем, согласно этому хадису, что в этот миг некто идет в Мейхене, кого любит всевышний Бог и Его Посланник, и он любит Бога и Посланника. То есть-это те слова, которые Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, сказал в отношении амир ал-муминина Али бин Абу Талиба, да будет доволен им Аллах; и мы говорим эти слова, согласно [сохранению] наследия пророчества». Прошло некоторое время. [Шейх] сказал: «О Абу Тахир! Ты хадим дервишей; встань и встреть нашего Йахйу». Ходжа Абу Тахир встал, и все встали [вместе] с ним. С улицы вошел дервиш в запыленной, изношенной одежде с сумкой и кувшином, [перекинутыми] через плечо. Шейх все так же оставался на тахте. Когда взгляд Йахьи Мавераннахри (252) остановился на шейхе, он выразил свое почтение и, [склонившись, шел] до края скамьи, находившейся возле святого мешхеда. Тахт шейха находился на скамье.

Когда он подошел к скамье, шейх указал ему: «Садись». Он сел на землю. Глаза всех [присутствующих] смотрели на него, из-за того, что он был, [словно] в обмороке. Когда шейх

закончил проповедь, то сказал: «Следует совершить омовение». Йахйу отвели к воде, чтобы он совершил омовение. Шейх повелел, чтобы отнесли ему одежду, и он надел ее. Три дня он оставался у шейха. И каждый день присутствовал на проповеди шейха. Шейх посреди речи поворачивал к нему лицо и начинал новую речь. Йахйа каждый раз проявлял к нему уважение. На четвертый день он встал на ноги и сказал: «О шейх! У меня промелькнула мысль». То есть мысль о хаджже. Шейх сказал: «Да будет она благословенна! Доставь наш привет тому всесвятому [месту]». Он выказал уважение и пошел. И он пытался, пока [мог] видеть шейха. Затем пошел [уже], как обычно. Шейх указал [своим] детям и всем, чтобы пошли проститься [с ним]. Дети и все [присутствующие] поднялись и пошли. Ходжа Абу Бакр Муаддаб, который был адибом детей шейха сказал, что шейх сказал мне: «Поскольку твои ученики ушли, то и ты иди и постарайся ступать по его (т.е. Йахйи–М. К.) следам». Я заспешил, добрался до него и ступал [за ним] след в след. И последним, кто вернулся [с места] прощания с ним, был я».

На следующий год, в то же время шейх сказал посреди проповеди: «Встречайте нашего Йахйу». Ходжа Абу Тахир со всеми [людьми вышли] встретить его [и шли] до ворот. Подошел Йахйа с сумой и кувшином, [перекинутыми] через плечо. Когда он увидел детей шейха, то проявил к ним [свое] почтение и так же, [проявляя] почтение, дошел до края скамьи [шейха]. И шейх был на своем тахте. Он подошел и поцеловал руку шейха. Шейх также поцеловал его в голову и лицо. Он сел и шейх сказал: «О Йахйа! Дары такого всесвятого [места] нельзя укрывать. Все, что ты принес, следует положить среди всех и дать им долю (пользу) [от этого]». Йахйа поднял голову и сказал: «О шейх! Мы пошли, и услышали, и увидели, и нашли, но не было там Друга–шейх вскрикнул, затем повернул лицо ко всем и сказал–За пределами правдивости этого человека нет другой правдивости. Услышьте от него». Затем сказал: «Эй Йахйа! Такие дары не бывают без благодарности; следует заняться принесением благодарности за них. Сегодня

вечером для всех следует приготовить хорошее мавизва, галле-йи газар и халву фанид с шафраном» (253).

Хасан Муаддаб и ходжа Абу Тахир встали и пошли, думая о том, где [все] это можно достать в Мейхене и как приготовить. [А] [присутствующих] людей было больше ста человек. Хасан сказал: «Мы добрались до базара и здесь [услышали, как] кто-то один сказал другому: «Хадим шейха суфиев, которого ты искал, пришел». Тот человек подошел к нам, поздоровался и сказал: «Мы прибыли из Пушанг-и хари (254); [у нас] был большой караван. По дороге на нас напали разбойники. Я дал обет, что если я избавлюсь от них, то один харвар мавиза я дам суфиям Мейхене. Теперь идите и возьмите [его]». Мы вместе с ним пришли в караван-сарай, чтобы унести мавиз. [В это время] подошел другой [человек], поздоровался и сказал: «Я также дал обет». И он дал нам десять манов фанида. Пришел еще один и сказал: «Я также дал обет». Он дал нам один золотой нишапурский динар, и мы вернулись оттуда. Мы увидели ходжу Хамуйе, который был раисом Мейхене и муридом шейха. Он спросил у нас: «Где вы были?» Мы рассказали ему. Он также дал сто манов хлеба. В тот же час мы пришли к шейху и приготовили те угощения, по указанию шейха. В тот вечер угощения были готовы и расстелена скатерть. И Йахйа три дня оставался [здесь] и [затем] ушел в Мавераннахр».

Рассказ 78. Шейх Абу Амр Бишхани был сильно почитаем и тридцать лет жил вблизи Мекки. Он говорил, что: «Согласно этому хадису—{правая рука для верхней части тела, а левая рука для нижней части тела }, вот уже тридцать лет моя правая рука не опускалась ниже пупка и моя левая рука не поднималась выше пупка, кроме как по обычаю». И у него было много осмотрительных поступков, подобных этому. Он сказал: «Когда молва о шейхе Абу Са'иде достигла Мекки, то жители Мекки из [числа] пиров и шейхов сказали: «Нам нужен кто-нибудь, кто сообщит [о том], что это за человек». Затем сказали: «Для этого дела нужен опытный, ученый, благочестивый и сведущий в хале человек». Все согласились [с выбором для этого дела] шейха Абу Амра. Затем его попросили: «Ты

должен пойти в Мейхене и, разобравшись, принести нам сведения о делах шейха Абу Са'ида, [чтобы мы поняли], что это за человек».

Шейх Абу Амр пришел в Тус, а из Туса, пока прибыл в Мейхене, то [в пути] семнадцать раз совершил омовение. На каждое мирское воспоминание, которое проносилось у него, он совершал омовение. Когда он достиг окраины Мейхене, прозвучал призыв к молитве, были соблюдены предписания, и муэдзин ждал указания шейха, чтобы произнести икама. Шейх сказал муэдзину: «Подожди, ибо подходит набожный человек и известно, откуда он идет, и куда идет, и к кому идет, и когда он подойдет, люди [начнут] молитву».

Шейх Абу Амр, когда находился в одном фарсанге от Мейхене, снял обувь. Шейх сказал детям и асхабам: «Снимите обувь и встречайте его, так как ни одна нога дороже его [ноги] не ступала на землю Мейхене». Все встретили [его]. Шейх Абу Амр прибыл, выполнил обычай (255) и проявил [свое] уважение к шейху. [Они] совершили со всеми намаз, сели и в уединении поговорили друг с другом. Три дня и три ночи шейх Абу Амр находился у нашего шейха. Затем он попросил разрешения возвратиться в Мекку к шейхам. Наш шейх сказал: «Следует пойти в Бишхан (256), так как ты—наш наиб в том вилайате. В разлуке с тобой деревья вилайата Нисы зачахли и о твоём [величии] бьют в барабаны на четвертом небе». Шейх Абу Амр, согласно указанию шейха, направился в сторону Бишхана.

Когда он прощался с нашим шейхом, наш шейх Абу Са'ид дал шейху Абу Амру три зубочистки, которые выстрогал своими благословенными руками, и сказал: «Если одну из них захотят за десять динаров, не продавай; если захотят за двадцать динаров, не продавай, а если захотят за тридцать динаров...» здесь он остановился, и шейх Абу Амр простился с нашим шейхом и пошел. Когда он добрался до Бишхана, то здесь, где сейчас его ханака, была худжра, превращенная [затем] в ханаку. Абу Амр остановился в той ханаке и люди Бишхана и области Нисы сблизилась с ним. И он каждый четверг в

той ханаке читал Коран. Его муриды, люди из села (т.е. из Бишхана–М. К.) собирались [здесь], и все известные [люди] из близлежащих к Бишхану сел [также] испытывали желание [послушать его]. Когда заканчивалось чтение, он просил кувшин с водой и промывал в той воде одну из зубочисток, из тех, что дал ему шейх Абу Са'ид и ту воду относили к больным из вилайата. И пречистый и всевышний Господь баракой обоих шейхов давал исцеление больным.

В то время в Бишхане был некий раис, которого постоянно беспокоили боли в животе. Однажды ночью у раиса Бишхана вновь [началось] то недомогание, и от боли он стал беспокоен. Ночью [же] он послал человека к Абу Амру, [велел передать], что: «Говорят у тебя есть палочка, которую ты промываешь и посылаешь ту воду больным; они пьют и получают исцеление. Пошли немного той воды [и] мне». Шейх Абу Амр промыл одну из тех зубочисток и послал ему ту воду, и он выпил. Тотчас он обрел исцеление. На следующий день утром он пришел к шейху Абу Амру и сказал: «Я слышал, что у тебя есть три такие щепки, а у меня все время эта боль; согласишься ли ты продать мне одну?–Шейх Абу Амр сказал–А за сколько ты купишь?–Раис сказал–За десять динаров–[шейх] сказал–Она стоит больше–[раис] сказал–Двадцать динаров–[шейх] сказал–[Она] стоит больше–он сказал–Тридцать динаров–[шейх] сказал–Стоит больше». Раис замолчал и уже не прибавлял [цену]. Шейх Абу Амр сказал: «Наш ходжа шейх Абу Са'ид остановился на этой [цене]». Затем он дал ему одну зубочистку, взял тридцать динаров, построил ту худжру и заложил основу той ханаки, которая сейчас стоит, на то золото. И тот повелитель (т.е. раис–М. К.), пока был жив, хранил ту зубочистку. Когда подступила его смерть, он сделал завещание и ту зубочистку сломали, и вложили ему в рот, и похоронили его. А те две другие зубочистки, которые были у Абу Амра, он завещал, чтобы после его смерти, положили в его саван. И те две зубочистки, согласно его завещанию, находятся вместе с шейхом Абу Амром в его благословенной могиле.

Рассказ 79. Ходжа Абу-л-Касим Заррад (257) был одним из доверенных муридов нашего шейха Абу Са'ида; [в свое время] он странствовал и совершал [также] рвения и воздержания. Он сказал: «Из Куфы мы с шейхами решили отправиться в хаджж. Когда мы вышли [в путь], некоторые сказали, что мы идем без средств, другие сказали, что мы идем, уповая [на Бога], а я сказал [себе]: «Эй Абу-л-Касим! Иди, [соблюдая] бдительность (бидари), и иди как захочешь». Я решил, что если [хотя бы] один шаг я не сделаю, [соблюдая] бдительность, то вернусь. Таким образом я прошел пустыню. Когда я вернулся и пришел к шейху Абу Са'иду, то ту ночь я провел в мечети шейха и совершал намаз, стоя за шейхом, так что припадал лицом туда, куда ступал шейх. Когда наступила ночь, я совершил омовение. Внутри себя я обнаружил свет, которому обрадовался. Когда наступил рассвет, я совершил еще одно омовение. Тот свет удвоился. Я очень обрадовался и сказал: «Я обрел то, что искал». Когда утром вышел шейх и я направился к нему, воображая [нечто] про себя и [исходя] из того вечернего случая, шейх сказал: «Ты скажешь или мы скажем?— Я сказал—Если скажет шейх, то будет лучше—он сказал—В том, что видят в пути (258), нет ничего [особенного]. Это из [числа] благодати омовения, о котором Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «{ Омовение за омовением есть свет за светом }». Это есть свет омовения. Не следует гордиться этим». Я пришел в себя и раскаялся в том, что вообразил».

Рассказ 80. В то время, когда род Сельджука выступил из света Бухары, и пришел в Хорасан, и обосновался в Теджене Баварда (259) и Мейхене, и вокруг них собралось множество народа, [который] захватил большую [часть] Хорасана по причине беспечности султана того времени Мас'уда [к делам] государства и его склонности к пороку—и это известная история и наше намерение не заключается в ее пересказе, а цель наша заключается в упоминании [деяний] нашего шейха; и если мы эту известную историю станем излагать, то книга растянется и выйдет за пределы нашей цели—то султан Мас'уд, которого называли Сури (260), направил им послание с угрозой. Они написали в

ответ: «Это дело всемогущего и великого Бога; будет так, как хочет Он». Наш шейх Абу Са'ид знал о том [деле благодаря своей] проницательности. Затем оба брата Чагры и Тогрул (261) прибыли в Мейхене на поклонение к шейху и для проявления своего почтения к [нему]. Шейх сидел со всеми суфиями в мешхеде. Они подошли к тахту шейха, поздоровались, поцеловали его руку и встали перед шейхом. Шейх, как обычно, на мгновение опустил голову, затем поднял ее и сказал Чагры: «Мы дали тебе Хорасан», а Тогрулу сказал: «Мы дали тебе Ирак». Они проявили [свое] почтение и вернулись.

После этого султан Мас'уд собрал войско и пошел на них войной. Когда он достиг Мейхене— в то время Мейхене было благоустроено и [жило] в нем много народа и, как говорят, в караван—сараяе, известном как [караван—сарай] Идриса у подножия ограды было подвешено сорок капанов (262)— жители Мейхене взобрались на крепостную стену, и наш шейх сопровождал их. Султан осадил крепость. На протяжении сорока дней они бились. И в Мейхене был сорок один лучник, которые попадали стрелой в то место, куда целились и совсем не совершали промахов. Эти люди убили и ранили многих именитых [воинов] из войска султана.

Хасан Муаддаб сказал: «Однажды ночью в крепости мы совершили ночной намаз. Шейх позвал меня и сказал: «Следует пойти в Бадане. (И это село в двух фарсангах от Мейхене). Передай привет такой—то старухе и скажи ей, что тот кувшин с маслом, который ты отложила для нас, дай мне». Меня спустили веревкой с крепостной стены и я [оказался] среди них (т.е. врагов—М. К.), [но] выбрался в ту сторону (т.е. Бадане—М. К.), так что никто меня не видел. Я обрадовался и взял у той старухи кувшин с коровьим маслом. На рассвете я уже был у подножия стены и меня веревкой втащили на крепостную стену. Утром, когда мы закончили намаз, шейх у двери мечети воссел на корси и повелел, чтобы посреди улицы приготовили жаровни и поставили большие медные котлы. В каждый налили немного масла и вскипятили. И никто не знал, в чем заключается намерение шейха. Люди воевали, [но вот] во

время сражения прозвучали речи о мире и заключили мир. Раис Мейхене вышел из крепости и ему [в знак уважения] оказали почести. Он вернулся, вывел [из крепости] тех сорока одного человека, и султан повелел, чтобы у каждого из сорока одного человека отрубили правую руку. [Затем] они пришли и опустили отрубленные руки в то масло, а шейх плакал и слезы лились из его глаз; шейх сказал: «Мас'уд отрубил руку своего государства».

Когда султан повелел [совершить] это наказание, он тотчас снялся с места и направился в сторону Мерва. И Сельджуки (род Сельджука), когда получили известие о прибытии султана, отправились с Теджена в Данданакан Мерва (263) и укрепились [здесь]. Когда султан добрался туда, [то они] сразились и разбили Мас'уда, и государство перешло от семьи Мас'уда к роду Сельджука; Чагры-бек воссел на падишахство в Хорасане, а Тогрул-бек [воссел] на падишахство в Ираке, как указал наш шейх.

И во время проповеди устами нашего шейха было сказано, что однажды этот Тогрул направлялся в Мейхене и остановился в той пустыне. Его подушкой было седло, а ковром-войлочный потник. Кого-то [из его людей] послали в село, [велев передать], что мы люди, попавшие сюда (264), и из-за трудностей, [выпавших нам], мы ваши [вынужденные] гости; пошлите нам немного муки. Послали. После этого он выехал оттуда и направился в Серахс. Часть из его [сторонников] находилась в Серахсе. Он сказал: «Сперва я начну со своих». Каждого, кто приходил к нему, он [заставлял] спешиться и забирал лошадь. Другие покорились ему. Затем Сури отправил письмо, [спрашивая]: «Зачем вы делаете это; вы вынуждаете нас прийти и схватить вас». Он послал ответ: «Это дело зависит не от нас и не от вас, а от всемогущего и великого Бога. Будет так, как Он хочет». Мы сказали: «У этого человека мирское государство станет больше, раз его устами были сказаны такие слова». Теперь он захватил Хорасан».

Рассказ 81. Хасан Муаддаб, да помилует его Аллах, сказал, что: «Однажды наш шейх Абу Са'ид находился в пути. Он

управлял лошадью, а я, как обычно, держался за его стремя и шел. Наш шейх тихо, про себя говорил: «Я стар, слаб и немощен, окажи милость и прости». Пока шейх говорил эти слова, лошадь шейха оступилась, упала и шейх упал с лошади. Но не было никакого вреда и ранения [для него]. Он сказал: ««Хвала Аллаху» и «Веление Аллаха предопределено к исполнению» (259). Затем он совершил благодарственный поклон. Когда он поднял голову, то сказал: «Хвала Аллаху, что падение с лошади мы пережили (оставили позади)». Я понял, что в тот миг, когда шейх тайком молился, он предвидел ту беду, которая нагрянула. Он молился, чтобы та беда оказалась легка и миновала [не нанесла ему вреда]».

Рассказ 82. Мой предок шейх ал-ислам Абу Са'д сказал: «Я слышал от своего отца ходжи Абу Тахира [сына] шейха, который сказал, что в Мейхене жил старик, который был братом моей матери; его звали Шабуйи. Он был престарелым, { маленького роста, с густой бородой } и был дервишем, обремененным большой семьей. Он постоянно был занят добыванием [средств для семьи] и никогда не пропускал проповедей шейха. Он был беспокойным стариком, с печалью [в сердце]. Однажды на проповеди шейха его охватил хал. Когда шейх закончил проповедь, и присутствовавшие ушли, старик Шабуйи сел. Шейх понял, что дичь подвешена за горло (266). Он сказал: «Эй старик! Что с тобой?—Сказал [старик]—Я не могу идти—шейх сказал—Должно было случиться [так]». На следующий день шейх сказал: «Завяжите кушак старику Шабуйи, подверните ему рукава, дайте ему метлу, чтобы он подметал в мечети». Тот старик взял метлу и пошел. Раис Мейхене ходжа Хамуйе сидел перед шейхом. Он сказал, что я подумал [о том, что] если это дело сделает молодой [человек], то будет лучше. Шейх прознал об этом [благодаря своей] проницательности и сказал: «О ходжа! У этого старика проявилась тяга к старчеству (267), а если ты не пройдешь дороги, то не достигнешь цели». Глаза старика Шабуйи наполнились слезами и он сказал: «О шейх! Я стар, немощен и обременен семьей; если [дело] станет за моим прохождением [пути], то прими меня не до-

шедшим [до цели]. Ты–[самый] могущественный во вселенной, ты способен сделать что–то ради этого старика». Слезы выступили из глаз шейха, на мгновение он опустил голову, затем поднял ее и сказал: «Положи метлу, ибо [твое дело] завершилось (т. е. мы приняли тебя–М. К.) ».

Мой отец ходжа Абу Тахир сказал, что в полуденный намаз пшеницу дервишей отвозили на мельницу. Было время невзгод и начало выступлений (дел) туркменов, и пустыня иногда была беспокойной. Ходжа Абу Тахир сказал: «Я пришел к шейху и сказал, что пшеницу дервишей везут на мельницу, кого из дервишей мне послать с пшеницей на мельницу?–Шейх сказал–Старика Шабуйи». Я вышел и послал старика Шабуйи с несколькими дервишами на мельницу. Когда они пришли на мельницу, закрыли дверь мельницы и перемололи пшеницу в муку, то к двери мельницы подошли туркмены и постучали в дверь. Дверь не открыли. Старик Шабуйи зашел за дверь и подпер ее спиной. [В это время] какой–то туркмен пустил стрелу в щель в двери. Она пронзила спину старика Шабуйи и вышла из груди. В тот же миг он скончался. [Тело] его положили на осла, привезли в Мейхене и опустили на землю у дома шейха. Наш шейх вышел и увидел белую бороду старика, [окрашенную] красной кровью. Шейх много проплакал, сел возле его головы и сказал: «Среди них есть и такие, которые исполнили свой обет, есть и такие, для которых срок его исполнения еще не наступил...» (268). Потом он долго просидел (проявил заботу) у его тела, а на следующий день произнес проповедь над его могилой. Раис Мейхене ходжа Хамуйе сказал: «На проповеди шейха у меня пронеслась мысль [о том], что означало убийство этого старика?» Шейх [благодаря своей] проницательности и чудотворству прознал про нее. Он повернул лицо в мою сторону и сказал: «Эй ходжа!

Что ты смотришь столько вокруг поля,
Здесь дыхание дракона и раны слонов.
Если каждый, кто придет, отдаст всего себя
[ради встречи],

[То] что сделают слуги, [стоящие] вокруг
дворца султана».

Да благословит Аллах Мухаммада и весь его род.

Рассказ 83. Рассказывают, что в Мавераннахре были великие пиры и шейхи. Они постоянно [устраивали] собрания и [вели] хорошие беседы о тарикате. И во времена нашего шейха Абу Са'ида там находилась группа великих пиров. Один [из них] был их мукаддамом, и был очень почитаемым и любимым пиром, и у него было множество муридов. И по количеству муридов он имел еще и мухиббов из [числа] мирян и обитателей базара, и каждый вечер все они были гостями [одного из] мухиббов. И каждый мухибб за своим жилищем построил комнату для собраний и отхожее место, так что для тех людей - [это] было добрым [делом]. У них было так принято, что когда они совершали ночной намаз и заканчивали аурад, то садились на садждаде и в размышлениях ту ночь проводили до утра. А ранним утром, когда заканчивали намаз, то пир (т.е. мукаддам—М. К.) [садился], прислонившись [к стене] и начинал разговор, и давал ответ каждому, у кого той ночью возникало затруднение [в том или ином вопросе] или появлялась какая-то мысль. То, что следовало сказать, он говорил. А прислуживал той группе некто по имени Имран; он был человеком пылким и искренне любящим.

Однажды ночью у этого Имрана посреди размышлений пронеслась такая мысль, что: «Удивительное дело! Если я ищу Его, говорит: «О презренный, куда ты спешишь? Полагаешь, что достигнешь меня?» А если не ищу, Он говорит: ««Стремитесь же обрести прощение Господа вашего...» (269). А если ищу кого-то, помимо Него, то говорит: «Ты—язычник» А если я отворачиваюсь от Него, то говорит: «Ты—вероотступник». В этих раздумьях он провел ночь. Рано утром пир пришел на беседу и дал ответы на затруднения всех муридов. Когда подошел [черед] Имрана, он поднялся, изложил свое затруднение и сказал: «Эй шейх! У некоего [человека] возникло желание поиска [Бога] и [всю] жизнь он проводит (вращается) в том поиске: его жизнь проходит то в

послушании, то в рвениях, то в услужении и поклонении и в том [желании] поиска, которое возникло, нигде никакого смысла не проявляется, в чем причина этого?» Пир опустил голову, ибо у него не было никакого ответа на это затруднение. Он много думал и, наконец, поднял голову и сказал: «О Имран! Потерпи до пятницы, когда придут все шейхи и каждый по этому поводу выскажет [свое] мнение. Возможно, что ответ станет ясен».

В пятницу собрались пиры вилайата. И Имран задал [свой] вопрос. Каждый высказался по поводу того затруднения. Но ничего не прояснилось и спрашивающий не получил лекарства (т.е. ответа—М. К.). И все высказывания противоречили друг другу. День подошел к концу, и никто не дал ответа на вопрос Имрана. И все пиры замолчали. Спрашивающий вскричал и сказал: «Жизнь я провел с этим желанием. Сегодня пахлаванами этого пути я увидел вас. Я порвал свой занавес (270) и показал свою боль, так как считал вас лекарями на этом пути. [Но] вы оставили нас с этой болью [наедине] и наш занавес [остался] разорванным». Все вскричали, и ту ночь все провели, размышляя о том [вопросе] и положив до утра головы на [свои] колени. Когда настал день, то каждый сказал о том, что привиделось ему той ночью. Однако лекарство так и не нашлось. Мукаддам тех шейхов сказал: «Лекарство от этой боли находится не у нас, а у человека, который появился в Хорасане. Его называют Абу Са'идом Абу-л-Хейром. Надо пойти туда и попросить ответа у него. И мы не разойдемся, пока не получим (не дойдет до нас) ответа на этот вопрос».

Имран встал и отправился в путь. Он шел, не помня себя, так что [даже] не вспоминал о еде. И те люди (т.е. пиры—М. К.), у которых было [это] искреннее желание, также пребывали в подобном [состоянии]. Они не считали возможным, пока не устранить то затруднение, заняться чем-нибудь. Когда Имран достиг Мейхене, было раннее утро, и шейх вел проповедь. Когда Имран подошел ближе, и взгляд шейха остановился (упал) на нем, то он сказал от всей души: «Здравствуй и подойди, эй Имран, мы сегодня сидим (т.е. находимся—М. К.) здесь ради тебя». Имран проявил почтение и встал поодаль. Шейх сказал:

«Подойди ближе, ибо ты пришел издалека». Имран подошел к шейху. Шейх сказал: «Эй дервиш! Состояния не одинаковы по [своим] атрибутам (сифат). Ты ищешь Его [Самого] или ищешь (т.е. просишь—М. К.) что-то от Него? Сто двадцать с лишним тысяч пророков искали у Него; пока не появился Мухаммад Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, никто не искал Его [Самого]. Первым, кто искал Его [Самого] был Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует, и всевышний Бог по этому поводу выразил ему благодарность: «... взор его (т.е. Мухаммада) не отрывался от происходящего и не переходил границы дозволенного» (271). Если ты ищешь Его, то { поиски отвергнуты и дорога закрыта }, а если ты ищешь у Него, то разве тебе не достаточно того, что [Он] разрешил тебе говорить о Нем и сидеть с его [близкими] людьми; других Он погрузил в сон, а тебя держит у [Своего] порога, другие занимаются поисками постороннего, а тебя занял услужением Себе и Своим друзьям?—Имран сказал - О шейх! [Разве] Он не всемилостивый?—Сказал шейх—[Да], { всемилостивый тот, кто дарит раньше прощения и милует прежде просьбы о прощении }. О Имран! Возвращайся, ибо люди [пребывают] в ожидании». Имран выразил ему почтение и вернулся. Все завопили и большинство лишилось чувств, и шейх плакал. Кто-то сказал: «О шейх! Что делать нам, грешникам?—Сказал шейх—О доблестный! Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, говорит: {Аллах и Его ангелы прощают тех, кто признает свои грехи»}.

[Между тем] Имран [вернулся и] направился к пирам; они все так же сидели. Имран рассказал о случившемся, [о том], что сказал шейх, увидев меня и какой дал ответ, [не дожидаясь] моего вопроса. Все пиры вилайата Мавераннахра, которые сидели [там], встали и поклонились в сторону Мейхене в знак почтения к положению нашего шейха.

Рассказ 84. Рассказывают, что некий дервиш отправился из Ирака к нашему шейху Абу Са'иду. Когда он добрался до Мейхене, то шейх находился в Бадане. А Бадане—это селение в двух фарсангах от Мейхене. Тот дервиш не остановился в Мейхене и направился в Бадане. В пути он встретил шейха и

выразил [свое] почтение, и поцеловал ногу шейха, и положил руку на бедро шейха, и шел возле стремени шейха. И он спросил у шейха: «Эй шейх! В чем заключается право пира над муридом? И в чем обязанность (право) мурида перед пиром?» Шейх в тот момент ничего не ответил и вернулся в Мейхене.

На следующий день он вышел, чтобы произнести проповедь. Сначала он сказал тому дервишу: «Следует надеть паафзар и направиться в Газну к такому-то шейху и следует сказать [ему], что нужно сто золотых динаров для оплаты долга дервишей и два мана алоэ». Тот дервиш тотчас надел паафзар, пошел в Газну, доставил послание нашего шейха, взял золото и приятное благоухание (т.е. алоэ–М. К.) и вернулся. Когда он достиг Герата, то вместе с каким-то гератским дервишем они пошли в хамам. В хамаме был красивый мальчик (272). Взгляд того дервиша остановился на нем. Он сказал [о нем] тому гератскому дервишу. Тот сказал: «Нужно кое-что (т.е. деньги–М. К.), чтобы сегодня ночью мы взяли его домой и уединились с ним». Тот дервиш дал два золотых динара. Гератский дервиш [все] организовал и того мальчика подготовили. Тот дервиш пришел, они что-то поели и уединились. Когда тот дервиш собрался [овладеть] тем мальчиком, он [вдруг] увидел шейха Абу Са'ида, вошедшего с другой стороны (угла) дома и закричавшего на дервиша: «А ну! Прочь от этого действия». Дервиш вскричал и лишился чувств.

Когда он вновь пришел в себя, сразу же попросил паафзар и отправился в Мейхене. Когда он пришел в Мейхене, шейх проповедовал. Тот дервиш подошел к шейху, как был в паафзар. Когда шейх увидел его, то сказал: «Право пира над муридом состоит в том, что когда [он] тебе укажет, то по его указанию ты идешь в Газну для избавления дервишей от долга, а обязанность мурида перед пиром состоит в том, что если ты совершаешь ошибку в том пути, [то подчиняешься, когда] он удерживает тебя от недостойного [поведения]». Тот дервиш упал на землю, покался, молил о прощении и пребывал возле [него].

Рассказ 85. Ходжа Алейк Даразра сказал: «Я находился в Нишапуре. У меня возникло желание увидеть шейха. Я надел

в Нишапуре паафзар и пошел. Через сутки я пришел из Нишапура в Мейхене. Когда я дошел до окраины Мейхене, то захотел совершить омовение (273) и после омовения войти в Мейхене, проявить [свое] почтение шейху. Когда я достиг воды, я увидел какого-то подходившего дервиша. Я еще не снял паафзар, [как] тот дервиш сказал: «Шейх говорит, чтобы ты пришел в том [виде], как есть». Ходжа Алейк сказал: «Я пошел к шейху в том [виде], как был». Шейх сидел на скамье у святого мешхеда. Он сказал: «Принесите корси, чтобы он здесь же снял паафзар». Принесли корси и положили перед шейхом. И здесь же перед шейхом взяли [мои] паафзар. Шейх сказал: «Дайте мне его паафзар». Дали ему. Шейх поцеловал их, положил на голову и сказал: «Велик тот, кто хотя бы один шаг сделает ради этого хадиса» (274). И затем сказал: «И не воображай, что [раз] ты пришел, то мы поразились».

Рассказ 86. Рассказывают, что однажды наш шейх Абу Са'ид вел проповедь. В это время пришел один из его противников, сел за колонной мечети и стал смотреть. Он увидел шейха, сидящего на тахте, подложившего четыре подушки и говорившего о явленных чудесах. Тот человек тайком стал наблюдать за шейхом. Вдруг шейх повернул лицо в [сторону] той колонны и сказал: «Эй человек, сидящий за колонной в мечети! Выкинь из сердца отрицание и подойди сюда». Тот человек вышел из-за колонны, вскричал и сказал: «Что это за владычество [такое]?– Шейх сказал–Нет, ты ошибся, все это–[из-за] отсутствия власти». Все вскричали, а тот человек раскаялся в том отрицании [шейха] и стал муридом нашего шейха.

Рассказ 87. Ходжа Абу-л-Фатх [внук] нашего шейха сказал: «Поскольку я вырос, находясь возле шейха, и видел те деяния шейха, и слышал о его воздержаниях, которые он вначале совершал, и думал, что эти деяния–плод тех рвений, то у меня [однажды] промелькнула мысль о том, что я тайком буду [совершать] воздержания и вести благопристойную жизнь. Я сказал себе, что начало этого–предусмотрительность в еде, ибо пречистый и всевышний Господь повелел пророкам – «О посланники! Вкушайте [наилучшую] пищу и вершите добро»

(275). Поскольку доброе дело—итог дозволенной еды, то для меня благоразумней есть то, что я добуду своими руками и не есть хлеб суфиев. Но я не знал никакого ремесла. По соседству с шейхом, в нашей махалле проживал некий человек, работавший на мельнице (276); его звали Амуре. Я пошел к нему. Тайком я выучился у него плести сосуды (277) для выжимания масла. И каждый день в полдень, когда у шейха был полуденный сон и асхабы [также] укладывались ко сну, я скрытно уходил в поле, приносил дух (278), сплетал сосуды и продавал, а на эти деньги покупал ячмень, собственными руками на ручной мельнице перемалывал его в муку и сам же выпекал [хлеб]; постоянно я соблюдал пост, а во время разговления садился вместе с суфиями за скатерть, тайком доставал из рукава один ячменный хлеб [из той муки], подкладывал под [общий] хлеб, чтобы никто не видел, и ел [только] его. За скатертью я сидел далеко от шейха, чтобы он не видел [всего] этого. Я совершал омовения, дополнительные намазы и увеличивал воздержания. Поскольку никто не знал о моем деле, то я думал, что шейх [также] не знает о нем. И так как шейх ничего не говорил мне по этому поводу, мое предположение усилилось.

Однажды шейх направлялся из Мейхене в Нишапур. Когда он прибыл в Тус, то там был некий алид, которого звали сеид Абу Талиб Джа'фари (279). И шейх очень любил его, так что, где бы он ни был, шейх, кроме как с ним, не ел пищу. После Туса он прибыл в Нуган вместе с сеидом Абу Талибом. [Здесь] оба они сели на тахт и [стали] есть. В Нугане же был некий захид. Когда он услышал, что шейх прибыл в Нуган, он пришел поприветствовать шейха. Когда захид поздоровался, шейх ответил, [однако] не оказал ему внимания. Тот захид сильно опечалился, потому что должен был удостоиться почести среди тех людей.

[Все так же] опечаленный он вышел от шейха. Сеид Абу Талиб сказал: «Эй шейх! Ты совсем не проявил внимания к этому нашему захиду—Наш шейх сказал—Не надо захида, не надо захида, не надо захида!» Затем он сказал: «О сеид! Не разговаривай с отшельниками (280), так как они—доносчики у

Господнего порога. По их наущению Он наказывает людей, но по их словам не освобождает. И этот народ [доставляет] беспокойство людям». Затем он повернул лицо ко мне и сказал: «Если пойдешь туда, смотри, не совершай их дело! Ты будешь прахом перед тем порогом. То есть когда ты отправишься в загробный мир, не говори, что я [из числа людей] шейха, потому что ты вступаешь в отшельничество (захеди), [но] поступаешь самовольно, не подчиняясь шейху».

Ходжа Абу-л-Фатх сказал: «Когда шейх произнес эти слова, я упал на землю и от ужаса перед теми словами лишился чувств. Я рыдал и молил о прощении, пока шейх не смилостивился надо мной. Затем он сказал: «Отступишь от того (т.е. от своих мыслей—М. К.)—Я сказал—[Уже] отступился». Все спросили у меня: «Что это было?» Я рассказал им о своем состоянии. Все удивились тому, что [все] это время никто не знал о [моих] тех мыслях (состоянии), кроме шейха, благодаря его чудотворству».

Рассказ 88. Ходжа Абу-л-Касим Хаким (281) был большим человеком в Серахсе. И имел некоторое количество муридов; все они были почитаемыми людьми. Когда молва о нашем шейхе Абу Са'иде достигла Серахса и каждый день слух о его деяниях стал доходить до них, то им очень захотелось узнать, до какой степени дошло состояние шейха (282). Однажды они сидели и говорили о шейхе. Один сказал: «Он—великий человек». Другой сказал: «У него дом за горой», то есть он—деревенский житель, а деревенские люди—никто. Йахйя Торк (тюрк) (283) был почитаемым человеком. Он сказал: «Говорить о том, кого вы не видели, не ваше дело. Я пойду в Мейхене и посмотрю, кто он такой. Йахйя [решил] отправиться в Мейхене. Все пришли с ним проститься и сказали: «Погляди хорошенько, что это за человек, что такой слух о нем добрался до нас».

Йахйя пришел в Мейхене. Было раннее утро. Шейх прознал о нем. Когда он вошел в дверь мечети, взгляд шейха упал на него. Он сказал: «Здравствуй, эй Йахйя! Пришел посмотреть на нас [с пренебрежением], а теперь вынужден посмот-

реть с изумлением. Нельзя держать дервишей в оковах (т.е. в неведении—М. К.). Что сказали тебе те благородные люди в тот миг, когда ты шел сюда? - Йахйа сказал - Пусть шейх скажет - шейх сказал - Разве они не сказали тебе: посмотри, что это за человек?—Он сказал—Да—[шейх] сказал—Ты увидел?—Он сказал—Увидел—[шейх] сказал—Что ты скажешь им?—Он сказал—Все, что скажет шейх—[шейх] сказал—Иди и скажи, что я увидел человека, у которого не был завязан мешок (284) и у которого не было размолвки с его народом». Йахйа вскричал и лишился чувств. Когда он вновь пришел в себя, то встал, выразил почтение [шейху] и вернулся. Когда он пришел к Абу—л—Касиму Хакиму и ко [всем] остальным, то рассказал о случившемся и о том, что видел. Всех охватил восторг и [наступило] приятное время [для них]. Все разом повернулись в сторону Мейхене и поклонились величию и славе деяний шейха.

Рассказ 89. Рассказывают, что когда наш шейх Абу Са'ид вознамерился [отправиться] в Мерв, ходжа Али Хаббаз был хадимом суфиев, а пир Абу Али Сийах (285) был пир—и джам (286). Когда они услышали о прибытии шейха, пир Абу Али пришел к ходже Али Хаббазу и сказал: «Прилетает та птица—тот сказал—Да—он сказал—Заберет корм, [находящийся] передо мной и тобой». Некоторое время они говорили [между собой]. Затем сказали: «Надо все устроить и пойти встретить его».

Ходжа Али сделал хорошие приготовления, так что [даже] для собак махалле купили двух жирных ослов и зарезали. Его слуга сказал: «Для чего это?—Сказал он—Для того, что прибывает такой падишах, [и надо, чтобы даже] собаки махалле насытили бы (смазали маслом) свои желудки». Затем они вышли встречать шейха. Шейх хотел остановиться в рибате Абдаллаха [бин]Мубарака (287), [но] пир Абу Али Сийах сказал: «Мы [каждый] год охотимся (прислуживаем) на тысячу сов, чтобы сокол попал [в наши силки]; теперь, когда [нам] попался такой сокол, мы не позволим, чтобы он остановился в другом месте - наш шейх сказал - Следует проявить благородство [и не говорить так], потому что все—соколы и нет никаких сов—

Абу Али сказал—Шейх явил нам нас самих и если [было бы] не так, то мы бы погибли».

Затем наш шейх въехал в город, прибыл в ханаку и воссел здесь на тахте. Старцы сели перед ним, а молодые встали [за ними, выстроившись] в ряд. Шейх начал беседу. У ходжи Али Хаббаза, [увидевшего это], разыграла честь. Затем пришел пир Абу Али Сийах со всеми своими [людьми]. Он посмотрел и увидел нашего шейха, сидящего на тахте. Он увидел его [вид, внушающий] страх и его могущество; молодые стояли перед его тахтом, [выстроившись] в ряд, а старики с почтением сидели перед его тахтом. У пира Абу Али Сийаха пронеслась мысль [о том], что: «Если люди увидят его и услышат его речь, и увидят его [вид, внушающий] страх, и его власть, то наш вилайат уйдет [из рук], и люди уйдут» (288). Шейх тотчас повернул лицо к ходже Али и сказал: «Эй ходжа! Выйди на ваш базар, там пекут хорошие шабаты (289); принеси один хороший шабаты, похожий на твое лицо». Ходжа Али выбежал наружу и тотчас принес хороший шабаты. Шейх взял тот шабаты, повернул лицо в сторону пира Абу Али Сийаха и сказал: «Мы Мерв и его вилайат продали вам за этот шабаты. И этот шабаты мы тоже [затребовали] ради вашего дела» (290). И дал ему тот шабаты.

И наш шейх сразу же выехал из Мерва (291) и нигде не останавливался. Они много просили, что: «Пусть шейх немного повременит, мы накроем скатерть». [Но] шейх сказал: «Мы направляемся в рибат Абдаллаха [бин] Мубарака». Он не задержался и прибыл в рибат Абдаллаха [бин] Мубарака. Ходжа Али Хаббаз раскрыл скатерть в поле (292) и когда встали из-за скатерти, шейх [уже] направился в сторону Мейхене.

Рассказ 90. Мой отец, Нур ад-Дин Мунаввар, да помилует его Аллах, поведал, что я слышал от ходжи Абу-л-Фатха [внука] шейха, который сказал: «Однажды наш шейх Абу Са'ид [сидел] на скамье возле святого мешхеда и проповедовал. Посреди проповеди он сказал: «Ветерок веет из высшего рая, и он не может [проявляться], иначе как в поступи дервишей»—и продолжил речь. [Затем] опять сказал те же слова и

опять продолжил [свою] речь. Трижды он сказал так. Ходжа Хасан Муаддаб и ходжа Абд ал-Карим (293) и все суфии встали. Они поняли, что прибывают дервиши.

Когда шейх повторил [эти слова] три раза, они решили пойти в сторону Сардабе (294). Шейх [же] указал направо и сказал: «Следует пойти так». Они пошли, согласно указанию шейха. Дервиши шли со стороны Мерва. Когда они увиделись с ними и обнялись, то возвратились и вновь пришли к шейху. Шейх сказал: «Эй Хасан! Принеси их паафзар». Хасан взял их паафзар и принес шейху. Шейх взял их у Хасана, поднял над головой и сказал:

«Тот, на кого следует надеть шапку и увести,
Это тот, кто великого [человека] почитает
за ничтожного».

Да благословит Аллах Мухаммада и весь его род. Он провел рукой по лицу и закончил проповедь, и все вскричали».

Рассказ 91. Ходжа Абу Бакр Муаддаб был адибом сыновей шейха и доверенным муридом нашего шейха. Он сказал: «Я был в Мейхене у шейха. Однажды весной пошел сильный дождь. [А] в Мейхене, когда идет дождь, то поднимается вода. [Во время] вечернего намаза наш шейх вышел наружу и сам сказал: «Призываю [вас] плыть». Мы все пошли. И я был адибом сыновей шейха. Мы шли перед шейхом до берега реки. Шейх остановился там и сказал: «Плывите». Все прыгнули в воду, а я стоял перед шейхом и смотрел на шейха. На мне были надеты чистые одежды и так я стоял, пока не подошел сзади Хасан Муаддаб. Он просунул голову между моими ногами, поднял меня [на плечи] и понес к берегу реки; [там он] бросил меня в воду. Вода накрыла меня, а я не умел плавать. [Между тем] вода унесла мой дастар и обувь. А вся моя одежда намокла. Я потерял сознание и не помнил ни себя, ни [окружающего] мира. Меня вытащили из воды и опрокинули вниз головой. Когда из горла у меня пошла вода, я немного пришел в себя (295). Шейх же [в это

время] говорил: «Призываю к молитве над телом». Меня принесли и положили перед шейхом. Шейх расстелил садждаде над моим лицом, и все суфии стояли, выстроившись. Шейх произнес надо мной четыре такбира молитвы по успешему. Потом присел на корточках, приподнял уголок садждаде с моего лица и сказал мне: «О Абу Бакр! [Теперь] после смерти встань и скажи слово!» Когда он произнес эти слова, то встал. Шейха посадили на осла и он уехал. Я, обвязанный мейзаром (296), также пошел с шейхом и оставил всех там. Шейх приехал домой и в тот вечер не выходил наружу.

На следующий день утром он вышел и сел на тахт, чтобы произнести проповедь. До того, как начать речь, он сказал Хасану Муаддабу: «Встань». Хасан поднялся, шейх сказал: «Следует надеть паафзар и отправиться в Балх. За двенадцать дней пройди этот путь и за двенадцать дней вернись, и один день будь в Балхе. На двадцать пятый день тебе следует быть здесь. Абу Амр Хоску из Нишапура находится там. Передай [ему] наш привет и скажи, что нужно три мана хорошего алоэ для скатерти суфиев и сто динаров [для погашения] долга; возьми и принеси». Хасан пошел. Когда он добрался до Зардакдага (297), то здесь царило (было) время туркменов, [совершавших] набеги (298). Туркмены схватили Хасана, сильно избили и обвинили (унизили) в том, что ты–лазутчик. Сутки они держали его в оковах и распяли с помощью четырех гвоздей (299). Хасан сказал: «В том холоде, [испытывая] лишения, я запачкал себя. В полночь я попросил заступничества у шейха и сказал [про себя]: «Эй шейх! Помоги мне». Когда я произнес это, в тот же миг предводитель туркменов вышел из дома и развязал мне руки и ноги. Он отправил меня в большой шатер и послал горячую воду, чтобы я помылся. И послал также мне мои одеяния, чтобы я оделся, а [затем] отвел меня в свой шатер и спросил: «Кто ты? Скажи мне–я сказал–Я ученик захида из Мейхене, которого называют шейхом Абу Са'идом–он сказал–Что он за человек?» Я рассказал о [шейхе и его] качествах. Он сказал: «Пира с такими качествами, о которых ты говоришь, сейчас я видел во сне, вытацившем меня и сказавшем

мне, что отпусти того человека, а не то в тот же миг я снесу тебе голову. Я тотчас пришел и освободил тебя». Он сразу же вернул мне паафзар, мои пожитки, отпустил меня и сказал: «Иди, куда хочешь».

Я направился в Балх, [но] Абу Амр Хоску [уже] отбыл в Газну. Я вернулся и на двадцать пятый день рано утром, как изволил указать шейх, я достиг окраины Мейхене. Рано утром шейх, [находясь] на минбаре, сказал: «Пришел Хасан, встречайте его». Все дети шейха и суфии встретили меня в поле. И я вместе с ними пришел к шейху. Шейх сказал: «Здравствуй, эй Хасан! Ты будешь говорить или мы скажем?—Я сказал—[Если] скажет шейх, будет лучше—он сказал—Мы знали, что ты не увидишь Абу Амра, но ты пошел и в пути тебя схватили туркмены, и заковали в оковы, и избили, и мучили, и ночью тебя распяли, и ты просил нашего заступничества, и мы пришли и освободили тебя, и ты пошел в Балх, и не увидел Абу Амра—я сказал—Эй шейх! Если ты знал, что так будет, почему [же] ты хотел мучений для этого несчастного?—Он сказал—Эй Хасан! Таковую необузданность, которая в тот день сбросила Абу Бакра в воду, мы не могли бы усмирить. Нужна была дубина туркменов, чтобы устранить ту необузданность».

Рассказ 92. Рассказывают, что наш шейх Абу Са'ид однажды отправился в Серахс и остановился в ханаке пира Абу-л-Фазла Хасана, да помилует его Аллах. Хадимом ханаки в то время был некто по имени Абу-л-Хасан. И в ханаке ничего не знали [о прибытии шейха]. Абу-л-Хасан подумал про себя: «Что мне делать и что предпринять? Прибыл такой великий человек с таким большим количеством и [такими] хорошими людьми, находящимися в его распоряжении. Где я раздобуду [хоть] что-нибудь, чтобы потратить на них?» Хадим сказал: «Когда эта мысль пронеслась у меня, шейх подозвал меня и сказал: «Эй Абу-л-Хасан! Подойди». Я подошел к шейху. Шейх сказал: «Следует пойти на базар в лавку такого-то менялы и сказать, что Абу Са'ид говорит, что отсчитай тридцать динаров и дай [мне]». Я пошел и сказал меняле. Тотчас меняла отсчитал тридцать золотых нишапурских динаров и дал мне. Я

принес их шейху. Шейх сказал: «Возьми и потрать». Я взял и потратил. На следующий день шейх сказал: «Эй Абу-л-Хасан! Пойди к тому [же] меняле, возьми еще тридцать динаров и потрать». Я сделал так, как изволил указать шейх. На третий день шейх сказал: «Эй Абу-л-Хасан! Иди туда же и возьми тридцать динаров отдельно и десять динаров отдельно. Тридцать динаров потрать, а на десять динаров найми ослов до Нишапура». Хадим сказал: «Я пришел и сказал меняле, что дай тридцать динаров отдельно и десять динаров отдельно - меняла сказал-Что это [означает], так как ты каждый день [до этого] так не говорил-Я сказал-Шейх направляется в сторону Нишапура. Если завтра ты с меня затребуешь золото, то [лучше] поднимайся [сейчас] и потребуй золото до того, как он уйдет». Меняла вместе со мной пришел к шейху. Суфии [уже] надели паафзар и нагрузили поклажей ослов. Меняла встал перед шейхом. Шейх ничего не сказал, сел на лошадь и поехал, а меняла шел следом за шейхом, пока тот не выехал из ворот. Меняла опечалился.

Когда шейх и все выехали из ворот и достигли дороги на Нишапур, мы увидели караван, [шедший] из Нишапура. Впереди каравана шел человек. Когда он приблизился ко всем, то поздоровался и спросил: «Кто это?-Сказали-Это шейх Абу Са'ид Абу-л-Хейр». Тот человек подошел к шейху и поздоровался. Шейх ответил и тотчас сказал: «Те сто динаров дай этому человеку» - и указал на менялу. Человек вытащил золото и отдал меняле. Меняла взял и наш шейх сказал: «Ты достиг цели ? (300)-меняла сказал-Достиг-шейх сказал-Иди-меняла сказал-Я не смогу уйти от тебя; прими меня [к себе]-шейх сказал-Приняли». И дело менялы в обоих мирах наладилось, и мы расстались (вернулись) с шейхом».

Рассказ 93. Кази Сейфи (301) был из [числа] надежных казиев Серакса. Он был из числа асхаб-и рай и противником всех суфиев, и в особенности сильно он отрицал нашего шейха. И в то время, когда наш шейх Абу Са'ид прибыл в Серакс и некоторое время оставался там, чтобы [оттуда] направиться в Нишапур, он был казием вилайата Серакса. Он был очень

богат и почитаем. Неоднократно он подстрекал кого-то и соглашался на большие суммы, чтобы уничтожить нашего шейха. [Однако] ни у кого не хватало храбрости [даже] допустить эту мысль и наш шейх был свободен.

[Так продолжалось] пока однажды кто-то не принял предложение, и кази согласился с [обусловленной] суммой и некоторую [часть] дал ему наличными. Однажды они решили, что в такой-то день он скрытно чем-нибудь ударит шейха. В этот день шейх проповедовал, и в этот же день был черед проповеди кази Сейфи. С минаретов города провозгласили, что кази Сейфи на такую-то тему произнесет проповедь, присутствуйте [на ней]. Когда наш шейх услышал голос глашатая, то сказал: «Приготовьтесь, чтобы мы провели намаз над телом кази Сейфи». Люди удивились, что: «Кази Сейфи здоров и крепок, и проповедует, а шейх говорит, что проведем намаз над его телом». Когда шейх произнес эти слова, то вернулся к своей проповеди, а кази Сейфи пошел в баню совершить омовение и затем уже выйти и пойти на проповедь. А несколькими днями ранее он некоего крестьянина, который поклялся развестись [с женой], но затем передумал, разлучил с женой, некоторое время продержал в темнице, забрал все приданое [его жены] и [затем] выпустил. Тот крестьянин приехал в город, принес кузнецу серп, наточил его и решил поехать в деревню. [И как раз в это время] кази Сейфи вышел из бани и направлялся на проповедь. Крестьянин повстречался с ним у бани и увидел, что он был один. В сердце он затаил злость на него. Он ударил серпом и вспорол живот кази Сейфи. Тот сразу же упал и умер. Пронесся слух о том, что кази Сейфи убили. А шейх все так же вел проповедь. Люди удивились [тем] словам шейха. Шейх сказал:

«Он приказал нам, [но] кто он был для нас.
Мы [же] приказали ему, кто он был для властелина».

Рассказ 94. Шейх Омар Шавкани сказал, что ходжа Мухаммад, отец ходжи имама Ахмада Малекана Шавкани в мо-

лодости носил габа и шапку (302). Однажды наш шейх Абу Са'ид сидел, а он проходил перед шейхом, все также [надев] шапку и габа. Взгляд шейха остановился на нем, и он сказал: «Тот молодец в том габа–одолженный» (303). Эту весть доставили ему (т.е. молодому человеку–М. К.), и он сказал: «[Все] так, как сказал шейх и уже давно этот вопрос (смысл) меня беспокоит».

Не прошло много [времени], как он зарекся (304), выстроил здание ханаки и потратил много добра на шейха и это таифа. [Долгое] время он проявлял к ним почтение, сорок суфиев поселил в своей ханаке в Шавкане (305) и находился в их распоряжении, [тратя на них] свое личное имущество. И купол и минарет пятничной мечети Шавкана соорудил [именно] он. [Дело было так]: у него была комната наверху его дома, которую он заполнил пшеницей. Деньги на расходы и постройки он давал оттуда (306) и говорил про себя: «Этой пшеницы не хватит на эти строения (т.е. купол и минарет–М. К.)», поскольку знал, сколько пшеницы он собрал в той комнате. Но оба эти строения были закончены, а пшеница все еще оставалась. Он сильно удивился, так как был уверен, что потраченное им из той пшеницы, было в несколько раз больше того, что он собрал в той комнате. И [вот] он послал кого–то в ту комнату, [наказав ему], что в ней есть пшеница, высыпь ее наружу, [чтобы выяснить] сколько ее. Тот человек пошел в ту комнату, и [здесь] было очень много пшеницы. Его (т.е. того молодого человека–М. К.) удивление от этого возросло, поскольку той пшеницы, которая имелась [в наличии], было больше, чем он когда–то собрал в комнате. [Имущество], которое он потратил на [эти] строения, было бесчисленно, а тот человек все еще высыпал пшеницу наружу. [Наконец], терпение его иссякло, и он спросил: «Сколько еще пшеницы осталось в комнате?» Тот человек сказал: «Эй ходжа! Комната все еще полна пшеницы».

Он был не в силах сохранить [в тайне] это чудо. Для своих сыновей он держал некоего адиба. Он пришел к тому адибу, и это был Абд ал–Малик бин Шадан ал–Мугри из Туса. Он рассказал о случившемся тому адибу. Адиб заплакал и ска-

зал: «Не удивительно; это чудо того шейха, муридом которого ты являешься. И он наставил тебя на этот путь и повиг к этому служению. Если бы ты не сказал мне об этом, то сколько бы ты и твои дети и дети твоих детей ни расходовали из той комнаты, [все равно] хватило бы до Судного дня [благодаря] баракке указания шейха и его чистому взгляду».

Рассказ 95. И от него же я слышал, что он сказал: «Когда шейх направлялся в Тус, он шел по пути в Сардабе и пожелал остановиться в селении, которое называют Утар (307). Вперед пошел какой-то дервиш, чтобы предупредить жителей селения, что прибывает шейх Абу Са'ид и посмотреть есть ли там ханака, чтобы шейх и все [его люди] остановились [в ней]. А если нет, то определили бы место для пребывания шейха и всех [остальных]. Когда он пришел туда, то увидел, что там не было никакой ханаки, поскольку жители того селения все занимались разбоем и были аййарами (308) и мятежниками.

В том селении жил [также] некий учитель, совершивший хаджж и [бывший по натуре] мирным человеком. Его средства [состояли] из тех денег, которые он собрал, обучая детей Корану. Когда он услышал, что прибывает шейх, то он пошел к нему. И он взял с собой того дервиша и сказал ему: «Здесь живут разбойники и мятежники, и нет никакой ханаки, и имущество всех жителей этого селения—запретное (харам). [Но] в селении есть я—мирный человек, и мое имущество—дозволенное (халал). И больше вы никого не найдете, у кого был бы хоть один дозволенный серебряный дирхем или от кого шел бы [хотя бы] запах добродетели».

Когда они направились в поле и прошли немного, то повстречали шейха. Учитель сказал: «Эй шейх! Я пришел, так как услышал, что благополучно прибывает шейх; а люди в этом селении—разбойники и мятежники, и во всем селе нет ни одного дозволенного серебряного дирхема, разве что у меня, ибо я беру их, обучая детей Корану. И в этом селении нет ханаки, и [вы] не найдете ни одного добродетельного человека, кроме меня, так как я—чистый человек и хаджи. И сейчас я хочу, чтобы шейх остановился в моем доме—шейх сказал—Мы

остановимся в доме раиса деревни—учитель сказал—Недурно! Он сам хуже всего села. Он глава всех разбойников и воров и его серебро—самое запретное. Он постоянно пьет вино и во всем его доме не найдется чистого ковра, чтобы шейх сел на него». Шейх не обратил внимания на эти слова.

И сразу же побежал другой дервиш и известил главу селения, что прибывает шейх Абу Са'ид и остановится в твоём доме. Глава тотчас вскочил и отправил людей в мечеть, чтобы принесли чистые ковры и расстелили. А сам он побежал в дом сильно обеспокоенный, поскольку не имел ничего дозволенного, чтобы поставить перед шейхом и суфиями. У него была мать, древняя старушка, которая сказала: «Что случилось с тобой, чем [ты] так обеспокоен? Вбегаешь и выбегаешь отсюда?—Он сказал—Прибывает шейх Абу Са'ид Абу-л-Хейр и остановится в моём доме. Такой падишах оказывает мне такую честь, а я во всем своём владении, сколько ни думаю, не [могу найти] (не знаю) и не вижу ничего дозволенного, чтобы угостить его этим; [вот] от чего я растерян». Его мать была добродетельной женщиной. Она протянула руку и сняла с нее пару браслетов, дала сыну и сказала: «Возьми, потому что это—из дозволенного наследства моей матери, а та получила их в наследство от своей матери, и шейх идет в твой дом, [уже зная благодаря своей] прозорливости об этом дозволенном куске». Раис взял их и потратил на угощение шейха и его асхабов, и от тех слов матери что—то упрочилось в его сердце.

Когда он увидел шейха и услышал слова шейха, то раскаялся благодаря ему [в содеянном], и большинство жителей того села благодаря шейху раскаялись в тех порочных делах. И тот раис тайком прикидывал, что из той суммы денег, которую он выручил за браслеты матери, сколько тратится на шейха и суфиев и станет ли она меньшей или большей (309). И никому не говорил об этом. Как раз, когда эта сумма была потрачена, шейх повелел: «Седлайте лошадь». Сколько раис и люди ни просили, чтобы он изволил остаться еще на два—три дня, и чтобы асхабы отдохнули, шейх сказал: «Все кончено, вы—из [числа] наших людей». И шейх уехал и через некоторое время

после этого Низам ал–Мулк купил это селение и завещал сыновьям устада Абу Ахмада, которые со стороны матери являются потомками (детьми) нашего шейха; и так все и осталось благодаря бараке слов нашего шейха.

Рассказ 96. Я слышал от Омара Шавкани, который сказал: «Был некий дервиш в Ажджахе по имени Хамза; он занимался ремеслом, был муридом нашего шейха и очень дорогим [ему] человеком, любящим, горячим, беспокойным и страстным. Каждый день, когда наступал черед проповеди нашего шейха, рано утром он приходил из Ажджаха так что в то время, когда шейх выходил из кельи, чтобы произнести проповедь, Хамза поспевал туда. Когда шейх заканчивал проповедь, Хамза возвращался, шел в Ажджах и никогда не пропускал проповедей шейха. И был он дервишем, обремененным большой семьей, и шейх проявлял к нему благосклонность.

Однажды он шел в Мейхене на проповедь к шейху и у него была спрятана в поясе полновесная золотая [монета]. Когда он достиг окраины Мейхене, то подумал про себя, что если этот золотой я возьму с собой на проповедь к шейху и если кто–то что–нибудь попросит у шейха, то в любом случае шейх прознает, что у меня в поясе и скажет, что отдай этому дервишу, и я, по указанию шейха, должен буду отдать, и мои дети останутся без ничего. [Поэтому] тот золотой он вытащил из пояса, спрятал под крепостной стеной Мейхене и пришел на проповедь. Когда шейх начал говорить и дошел до середины [проповеди], то посреди речи повернул лицо к Хамзе и сказал: «Эй Хамза! Вставай, так как тот полновесный золотой, который ты спрятал под крепостной стеной, в этот самый миг унесит вор». Хамза встал и пришел туда, где спрятал золотой. Он увидел человека, который рылся в том месте и был близок к золотому, и [уже] наступало время, когда он найдет и унесет его. Хамза подоспел, взял тот золотой, принес и положил перед шейхом. И после этого случилось так, что он не мог вынести того, чтобы не находиться возле шейха. Он забрал свой скарб и детей и полностью переехал в Мейхене. И пока шейх был жив, он находился в Мейхене. А когда шейх умер, он вер-

нулся в Ажджах, и могила его находится там. И это почитаемая [нами] и благословенная могила».

Рассказ 97. Низам ал-Мулк соорудил ханаку в городе Исфахане и назначил хадимом той ханаки сеида Мухаммада, который был ученым алидом и суфием. И было так заведено, что каждый год из всех прилегающих мест (окрестностей вселенной) в той ханаке собирались улемы, сеиды, суфии и асхаб-и хаджат и арбаб-и эдрарат (310). Когда наступал месяц раджаб, Низам ал-Мулк призывал сеида Мухаммада и приказывал, чтобы тот сообщал о нуждах каждого в отдельности и затем повелевал [выплатить необходимые для жизни] средства и вспомоществования каждому, [в той мере], которую он заслужил, так что все в месяце рамазане доставляли домой назначенные средства и занимались благодарственными молитвами.

В один из годов месяц раджаб подошел к концу, но никто не получил предназначенного, и закончился месяц ша'бан, но Низам ал-Мулк [не велел] обеспечить для кого-то средства, и наступил месяц рамазан, но никто никого из [тех] людей не искал и не говорил [о них]. Но вот все разом заговорили, и каждый говорил свое. Часть говорила: «На Низам ал-Мулка нашла печаль». Некоторые говорили: «Может быть, кто-то злословил о нас». Когда месяц рамазан подошел к концу и наступал месяц шаввал, то однажды ночью Низам ал-Мулк послал кого-то и велел передать сеиду Мухаммаду: «Когда встанешь из-за скатерти, приведи к нам тайно десять человек из [числа] почитаемых имамов и суфиев, поскольку у нас есть разговор к ним и случай, о котором мы расскажем».

Сеид Мухаммад сказал: «Когда я встал из-за скатерти, я выбрал десять человек из шейхов, и во время ночного намаза мы пошли к Низам ал-Мулку, думая о том, что будет. Когда мы вошли, то Низам ал-Мулк сидел в [том] месте, [где совершал] намаз, и перед ним стояла свеча. Мы поздоровались. Он оказал нам большие почести, а затем сказал: «Знайте, что в начале своей молодости я был занят поисками знания, но это дело (т. е. учеба-М. К.) не получалось так, как я хотел, потому

что домашние, и друзья, и родственники отвлекали меня от обучения. Я сказал отцу: «Надо, чтобы ты отправил меня для учебы в Мерв, так как там у меня не будет никого, кто отвлекал бы меня, и это дело продвинется лучше». Отец согласился; послал со мной гулама, [дал] осла и сказал: «Когда доберешься до Ажджаха, попроси караванщиков, чтобы на один день ради тебя они сделали остановку, а ты пойдешь в Мейхене к шейху Абу Са'иду Абу-л-Хейру, прояви ему [свое] почтение и послушай, что он скажет. И запомни это и иди туда, куда он велит и, молясь, проси у него помощи». Когда караван добрался до Ажджаха, я попросил их (т.е. караванщиков –М. К.), что сделайте сегодня остановку, чтобы я пошел и засвидетельствовал [свое] почтение шейху Абу Са'иду. Они согласились. Я с гуламом направился в сторону Мейхене. Когда я увидел Мейхене, то все пространство [вокруг] я обнаружил синим оттого, что здесь находилось множество суфиев, одетых в синее (311), и вышедших из Мейхене, и усевшихся повсюду. Я удивился тому, как это может быть, чтобы столько суфиев разом пришли в поле и так расселись, рассеявшись [по нему]. Когда я приблизился к ним, и они [еще] издали увидели меня, то все встали, повернули лица в мою сторону и по одному подходили ко мне, здоровались, обнимали меня и возвращались [на место]. Я спросил их в чем дело и почему они вышли в поле? Они сказали: «Да будет для тебя радостная весть, так как утром, когда мы совершили намаз, шейх сказал: «Каждый, кому нужно увидеть молодого человека, который будет пользоваться мирскими благами и обретет счастье в загробном мире, [пусть] встречает его на ажджахской дороге». Мы все вышли встретить тебя.

Тотчас от их слов (этого рассказа) мной овладело восторженное состояние; я много проплакал и шел, проявляя ко всем [свое] почтение, пока не дошел до шейха. В таком же [состоянии] меня отвели к шейху, я выказал ему почтение, поздоровался и поцеловал руку шейха. Шейх посмотрел на меня и сказал: «Да будет благословенно [твое] приветствие, эй сын! Главенство в мире бесспорно [принадлежит] тебе. Ты будь при деле, так как

дело ищет тебя. На этом пути, которым ты идешь, тебе ничего не оставили, но скоро ищущие знания [благодаря] тебе достигнут [своих] целей (312). Обещаешь ли ты нам, что будешь хорошо обращаться с этим таифа?—Я сказал—Честью, которая оказывается благословенными словами шейха, я обещаю, что стану прахом под их ногами»—и много проплакал.

Шейх опустил голову, и я все так же стоял, проявляя к нему почтение. Затем шейх поднял голову и сказал: «О сын, ты все еще стоишь?—Я сказал—Эй шейх! У меня есть вопрос к тебе—он сказал—Говори—я сказал—В конце этого дела, о котором изволил говорить шейх, есть ли какой—нибудь знак, чтобы я занялся приготовлением к нему, когда он проявится?—Шейх сказал—Есть; то время, когда у тебя заберут удачу, станет временем конца твоей жизни». Затем Низам ал—Мулк заплакал и сказал: «О великие! Хасан (313) с начала месяца раджаба опять каждый день намеревался, как было принято ежегодно, доставлять всем содержание, [необходимые] средства и продовольствие и обеспечивать потребности всех, но пречистый и всевышний Господь не даровал ему удачу. Вот уже три дня и три ночи я не продвинулся дальше этого места, и каждую ночь до наступления утра я молюсь; плачем и стенаниями я прошу у пречистого и всевышнего Господа, что о Боже! Даруй Хасану еще раз удачу, чтобы он совершил благодеяние в отношении Твоих рабов. И я знаю, что это—конец моей жизни, как было предсказано благословенными словами шейха. Завтра, когда вы совершите праздничный намаз (314), ты, сеид Мухаммад, должен привести всех к двери казны и изложить нужды каждого, чтобы из казны выдали наличными на нужды всех и обновили в диване [все] эдрар—наме (315), так как не следует, чтобы у Хасана настолько не осталось бы жизни, что каждый не успел бы добраться до своего вилайата [и получить положенное ему]».

Сеид Мухаммад сказал: «На следующий день провели праздничный намаз и султан снялся [со своего места], а Низам ал—Мулк задержался на три дня; и я, как он повелел, устранил нужды всех, взял наличными золото из казны и обновил эд-

рар–наме . На четвертый день ходжа Низам ал–Мулк отправился вслед за султаном и, когда добрался до Нехавенда, то нечестивцы убили его, да помилует его Аллах, и все лишились его милосердия».

Рассказ 98. Ходжа Абу Али Фармади, да помилует его Аллах, сказал: «Когда я направился к шейху Абу–л–Касиму Гургани, и он повелел мне [совершить] различные рвеня и воздержания, и я стал благовоспитан и учтив, и проявился [для меня] свет [истины], и побратал он меня с шейхом Абу Бакром Абдаллахом, то послал нас в Мейхене к шейху Абу Са’иду. Когда мы прибыли в Мейхене и выполнили [необходимые по такому случаю] обычаи, шейх повелел Хасану Муаддабу, чтобы тот принес тряпку. Он (т.е. шейх–М. К.) протянул ее мне и приказал удалить пыль со стен, а Абу Бакру Абдаллаху приказал сложить по порядку обувь дервишей. Три дня мы выполняли это поручение. На четвертый день шейх сказал: «Следует пойти к шейху Абу–л–Касиму». Мы пришли к шейху Абу–л–Касиму.

Когда прошло некоторое время, и оба шейха переселились под покровительство милости всевышнего Господа, я стал красноречивым [оратором], и у меня появились муриды, и появилось также признание. Молва о моем добром имени распространилась по всей вселенной. А у шейха Абу Бакра Абдаллаха при всем его величии никогда не было известности среди народа и о нем не упоминали. Однажды шейх Абу Бакр Абдаллах сказал, что шейх Абу Са’ид приказал Абу Али вытереть тряпкой пыль со стен, и [теперь] всю жизнь тряпкой речений истины он очищает пыль греха со стен сердец рабов всевышнего Господа. А нам приказал сложить по порядку обувь дервишей и вот на всю жизнь мы остались у порога (316), и никогда никто не упоминал о нас, и никто нас не узнал».

Рассказ 99. Эмир Мас’уд Банджар был из числа великих султанов и эмиров и среди асхабов окрестных [мест] не было никого выше него. Однажды у шейха Абу Са’ида образовался долг, [сделанный им] ради дервишей. Он послал [к эмиру] Хасана Муаддаба, [велев передать], что у нас есть некоторый долг, [сделанный] ради дервишей, следует освободить наше сердце от него.

Хасан отправился к нему и передал послание шейха. Он проявил много уважения [к словам шейха] и согласился, [сказав], что я освобожу дорогое сердце шейха от этого долга.

После этого через несколько дней Хасан вновь отправился туда и попросил [обещанное]. Но он [стал] морочить ему голову. Хасан ходил еще несколько раз, но он [лишь] извинялся. Когда [это дело] перешло все границы, шейх написал на клочке [бумаги] этот бейт, дал Хасану и сказал: «Отнеси это Мас'уду и дай ему:

Если ты не выполнишь (не доведешь до конца)
то, что сказал,
То стань хоть львом, не спасешься от нас».

Хасан отнес [записку] и дал ему в руки. Когда он прочел, то пришел в ярость и сказал: «Что это?» Он помучил Хасана, [затем] прогнал его [от себя] и вернул ни с чем. Хасан пришел к шейху и рассказал о том, что произошло.

У Мас'уда Банджара было так заведено, что постоянно он держал гурийских собак (317), крупных и в большом [количестве]. Так что каждого, кого они хватали, тотчас раздирали и убивали. Днем их держали на цепи, а по ночам отпускали, чтобы они кружили вокруг его шатра.

Когда обиженный Хасан пришел к шейху и рассказал обо всем, шейх ничего не сказал. В ту ночь Мас'уду захотелось тайно пройти вокруг лагеря и шатров [своей] свиты, как это принято у правителей, [чтобы послушать], кто что говорит и делает. В полночь он поднялся, натянул на себя какой-то тулуп, растрепал волосы, чтобы никто не узнал его. А все особенно приближенные его люди, гуламы и его окружение спали. Он вышел из шатра и, когда прошел несколько шагов, то собаки не узнали его, потому что он [надел тулуп], шерстью наружу. Они накинулись на него и вмиг растерзали. [Хотя] он и закричал, и тотчас гуламы услышали [крик] и выбежали наружу, но пока добрались до него, собаки убили его.

Рассказ 100. Шейх Абд ас–Самад [бин] Мухаммад [бин Хасан ал–Гиланси] ас–Суфи ас–Серахси, да помилует его Аллах, рассказал, что: «Я некоторое время отсутствовал на проповедях шейха. Однажды ночью я выразил сожаление, что польза от [прослушивания] тех проповедей минует меня. Когда я прибыл в Мейхене, наш шейх проповедовал. Когда его взгляд остановился на мне, он сказал: «Эй Абд ас–Самад! Ты совсем не сожалей, потому что если даже ты на десять лет скроешься от нас, то и тогда мы не скажем больше одного слова. И это слово можно написать на этом ногте, и он указал на ноготь большого пальца. И это слово: {Убей страсть, а не то...}. Когда шейх произнес это слово, я вскричал и лишился чувств».

Рассказ 101. Рассказывают, что однажды в Мейхене у суфиев несколько дней не было мяса. Прошло больше недели, как Хасану не удавалось [достать] мяса, а все хотели мяса, но не проявляли [своего желания]. Как–то наш шейх встал, и все пошли с ним, и вышли из ворот, ведущих на мервскую дорогу. Он поднялся на вершину [холма] Загал, который находится в начале мервской пустыни и о котором уже упоминалось (318). Каждый раз, когда у шейха [наступало состояние] кабза, он направлялся туда.

Когда шейх поднялся на ту вершину, остановился и задержался [там] на некоторое время, то из пустыни появилась газель, повернула голову в сторону шейха, подошла к нему, упала на землю и стала [биться] на земле. У шейха из глаз пошли слезы, и он сказал: «Не надо, не надо!». А та газель все также перекатывалась по земле. Затем шейх повернул лицо ко всем и сказал: «Знаете, что говорит эта газель? Говорит, что я пришла, чтобы пожертвовать собой ради асхабов и чтобы наступило избавление для ваших сердец. А мы говорим ей, что не надо: у тебя есть детеныши. Но она настаивает». Шейх очень много плакал, и асхабы вопили, и [некоторые] лишились чувств. А та газель все также перекатывалась по земле. Тогда шейх сделал знак Хасану и сказал: «Забери ее в лавку мясника Саида и скажи, чтобы он заколол острым ножом эту газель,

согласно обычаю, и приготовь сегодня вечером что-нибудь [из еды] для суфиев». Хасан сделал так, как указал шейх, и в ту ночь суфии насытились мясом той газели.

Рассказ 102. Абу Али Фармади, да помилует его Аллах, сказал, что: «Одно время я находился на услужении у шейха и направлялся из Туса в Мейхене. С шейхом находилось множество людей. По дороге мы приблизились к какой-то горе. Появилась огромная змея, которую люди называют драконом, и повернула к нам голову. Мы все сильно испугались и убежали. А шейх все так же был на лошади и оставался [на месте]. Та змея подползла и стала извиваться под ногами лошади шейха, а мы издали наблюдали. Шейх слез с лошади, и тот дракон извивался на земле перед шейхом. Я был к шейху ближе всех. Шейх на мгновение промедлил, а затем сказал: «Ты утомился, возвращайся». Тот дракон уполз, и повернул в гору.

Все вновь пришли к шейху и сказали: «Эй шейх! Что это было?—Шейх сказал—Несколько лет мы вели с ним беседы на этой горе, и со стороны друг друга мы видели раскрытие [смыслов]. Сейчас он узнал, что мы проходим отсюда и приполз, чтобы обновить обязательство (319) и {красота обязательства происходит от веры}».

Затем шейх сказал: «Каждый, кто идет по пути [доброго] нрава, то все встречается ему, согласно [его] нраву, как [это] было с Ибрахимом, да благословит его Аллах. Его путь был [путь доброго] нрава и, поэтому огонь, из-за его нрава, отступил перед ним».

Рассказ 103. Как-то наш шейх вел проповедь. Во время проповеди некий дервиш поднялся и попросил один ман мяса. На проповеди шейха находился какой-то тюрок, который сказал: «Я дам». Когда шейх закончил проповедь, тот дервиш подошел к шейху и выразил ему почтение. Шейх сказал: «Эй дервиш! Что ты будешь делать с мясом, о котором просил?—Дервиш сказал—Я приготовлю шурпу (320)—шейх сказал—Зачем ты сказал «шур» (321), ты поднял смятение».

Итак, тюрок дал мясо, и дервиш понес его в дом. Когда дервиш вошел в дом, то увидел чужого мужчину, сидевшего с

его женой, [что было] недостойно. Он не смог сдержать себя, вытащил нож и изрезал того мужчину и [свою] жену на куски, оставил там мясо и убежал.

Рассказ 104. Я видел написанное рукой имама Ахмада Малекана, да помилует его Аллах, что какую-то женщину на проповеди шейха в Мейхене охватило [восторженное] состояние, и она бросилась с крыши. Шейх сделал знак, и она повисла в воздухе. Женщины [с крыши] протянули руки и втянули ее на крышу. Затем они посмотрели и увидели, что подол ее одежды держался на слабом гвозде.

Рассказ 105. Я видел написанное рукой Ашрафа Абу ал-Имана (322), да помилует его Аллах, что некий портной и ткач из [числа] противников нашего шейха Абу Са'ида водили дружбу и, когда садились вместе, то целый день говорили, что дело этого шейха вовсе не стоящее. Однажды они сказали друг другу: «Этот человек притязает на чудотворство; давай мы оба пойдем к нему, если шейх узнает, чем мы оба занимаемся и в чем [состоит] наше ремесло, то мы выясним, что он прав (323) и то, что он делает-стоящее». Оба, [испытывая] неприязнь, подошли к шейху. Когда шейх посмотрел на них, то сказал:

Небом [определены в качестве] ремесленников двое:
Один из них портной, а другой-ткач.

Указав на портного, [шейх] сказал: «Этот не шьет [ничего], кроме габа для правителей». Затем он указал на ткача и сказал: «А этот не ткет [ничего], кроме черных паласов» (324). Оба они устыдились, упали шейху в ноги и раскаялись в своем непризнании [его].

Рассказ 106. Ходжа имам Имад ад-Дин Мухаммад Абу-л-Аббас Садид (325), да помилует его Аллах, поведал: «Мне было семь лет, когда я слышал от своего отца, да помилует его Аллах, который сказал, что госпожа Махак, дочь ходжи Хамуйе, бывшего раисом Мейхене, рассказывала: «Однажды наш шейх Абу Са'ид вел проповедь в Мейхене возле святого мшехеда, да благоустроит его Аллах. В тот день наш шейх надел

красную накидку и повязал на голову белый дастар, а его лицо покраснелось. Он держал речь, и я наблюдала за ним.

Я подумала про себя: «Есть ли у пречистого и всевышнего Господа во [всем] мире раб, подобный нашему шейху и лучше него? Когда эта мысль пронеслась в моем сознании, шейх повернул лицо ко мне и сказал: «О Мах! Не думай о том, о чем думаешь. Если хочешь узнать, смотри, чтобы увидеть». Он указал на то дерево, которое находится возле святого мешхеда, да благоустроит его всевышний Аллах. Я посмотрела [и] увидела молодого человека, стоящего под тем деревом, черного, высохшего и слабого в противоположность шейху. [Он] был сильно взволнован и слушал речь шейха.

Я посмотрела на него и подумала про себя, что разве уместно [здесь] указание шейха посмотреть на него. Я размышляла над этим, когда шейх сказал: «Мах! Очнись (326)». Я пришла в себя. Шейх сказал: «Для пречистого и всевышнего Господа один волосок того, кого ты видишь, дороже и этого, и другого мира, и всего, что имеется и в этом, и в другом мире. Посмотри, и не думай больше о том, о чем думаешь, поскольку у Господа есть рабы, и одного Он создал по цвету павлина, а другого по цвету вороны».

Рассказ 107. И также ходжа имам Имад ад-Дин Мухаммад сказал: «Однажды шейх Абу Са'ид вел проповедь. Вошел ходжа имам Хасан Самарканди (327) и [стал] слушать речь шейха. Он подумал про себя: «Что это за речь, которую произносит шейх?» Шейх тотчас повернул лицо к нему и сказал: «Ты пятнадцать раз произнес наизусть «Сахих» (328), каков последний хадис в «Сахихе»? Ходжа имам Хасан, который пятнадцать раз произнес наизусть «Сахих», растерялся. Сколько он ни думал, не вспомнил. Наш шейх сказал: «{ Два слова легкие на языке и тяжелые по значимости (весу) и любимые Всемилолюбивым: «Слава Ему и хвала Ему» и «Слава великому Аллаху»}. Ходжа имам Хасан сильно устыдился и был побежден. Когда он вышел, то сказал: «Пятнадцать раз я произнес наизусть «Сахих», и сколько раз ни читал, и сколько ни старался, но этот хадис не вспомнил».

Рассказ 108. И также ходжа имам Имад ад-Дин Мухаммад сказал, что он слышал от своего предка устада Абу Бакра Нугани (329), который сказал: «Однажды наш шейх Абу Са'ид, ходжа Хамуйе и я сидели в мечети в Мейхене. Вошел некий юноша из Хотана (330) и сказал: «Кто старший в Мейхене?» Шейх указал на ходжу Хамуйе. Тот юноша сказал: «Разъясни ислам» (331). Ходжа Хамуйе сделал знак шейху, чтобы [он] разъяснил [юноше] ислам. Я сказал: «Не заставляйте его столько ждать и освободите его от оков—Шейх сказал—Ты разъясни ему ислам». Я разъяснил ислам, и тот юноша [тотчас] стал мусульманином.

Затем я сказал ему: «Что произошло [с тобой]?—Он сказал—Нас было двое братьев. Из Хотана мы направлялись в Табаристан (332) по торговым [делам]. Ночью во сне я увидел, что мне сказали: вставай, иди в Мейхене и стань мусульманином с помощью старшего в Мейхене. Я проснулся и думал об этом. Когда мы перешли на эту сторону реки (воды) (333), мое сердце охладело к торговле и поиску мирского (т.е. мирским делам—М. К.), и этот хадис (т.е. то, что я увидел во сне—М. К.) подействовал на меня. [Мысль] о мусульманстве стала сладка для меня, и мне стало ясно, что тот сон был истиной. Я сказал брату: «Ты можешь [сам] управиться с товаром и золотом». Я покинул всех, ушел, пришел к вам и стал мусульманином.

Шейх повернул лицо ко мне, ибо я благодаря учености говорил (т.е. дал разъяснение—М. К.), и сказал: «Ты избавил нас от затруднения (334); обучи его Корану так, чтобы его намаз был правильным и обучи его правилам очищения (тахарат) (см. №484)». Я обучил того юношу [Корану] до суры «аз-Зуха» (Утро). Ходжа Хамуйе же, отправившись домой, послал шейху то, что носил из [одежды]: дастар, дорраз (335), рубаху, изар, пояс, сапоги, ранин (336) и сказал: «Возьмите это для обрезания [юноши]». Шейх позвал Хасана Муаддаба, отдал ему те вещи, чтобы он продал их и устроил угощение для дервишей. Тому юноше сделали обрезание и он стал из числа добрых людей».

Рассказ 109. Ходжа Абд ал-Карим был доверенным хадимом нашего шейха Абу Са'ида. Он сказал: «Однажды какой-то дервиш усадил меня, чтобы я написал ему что-нибудь из рассказов [о] нашем шейхе. В это время кто-то подошел и сказал, что меня зовет шейх. Я пошел. Когда я добрался до шейха, он спросил: «Что ты делал?—Я сказал—Какой-то дервиш попросил несколько рассказов о шейхе; я писал [их]—шейх сказал—Эй Абд ал-Карим! Не будь записывающим рассказы, а будь таким, чтобы о тебе рассказывали».

В этих словах есть несколько полезных [вещей]: одна та, что шейх [своей] проницательностью узнал, чем занимается ходжа Абд ал-Карим; вторая—его наставление [о том], кем надо быть; третья то, что он не хотел, чтобы записали рассказы о его чудотворстве и распространили вокруг, и он стал бы известен. [Это то], о чем упомянул возносящий молитву в начале книги, что шейхи скрывали свои способности (деяния).

Рассказ 110. В Ажджахе был некий дервиш, его звали Хамза Саккак. Он был муридом нашего шейха и о нем уже упоминалось. Каждый день, когда наступал черед проповеди шейха, он приходил в Мейхене. Когда шейх заканчивал проповедь, Хамза, кроме четверга, возвращался. В этот день, когда он выходил с проповеди, он оставался. До пятницы [находился] в распоряжении шейха и шел в пятничную мечеть. Совершив пятничный намаз, он возвращался. Этот Хамза был очень дорогим [для шейха] человеком и пылким [по натуре]. Он был, словно потерявшим покой. В то время все суфии имели свои закутки в [помещении] молельни шейха и сидели там.

Однажды в полдень этот Хамза пришел в молельню шейха и поднял шум. Он с такой силой ударил дверью молельни о стену, что все дервиши обиделись и огорчились. Шейх узнал об этом и вышел наружу, [хотя] обычно наш шейх в это время не выходил. Когда шейх вышел, и все увидели шейха, то разволновались и пожаловались на Хамзу, что он их беспокоит.

Шейх повелел, чтобы позвали Хамзу. [А] Хамза ушел на базар. Пошли и позвали его к шейху. Когда Хамза пришел к

шейху, шейх сказал: «О Хамза! Дервиши жалуются, что ты побеспокоил их и проявляешь неучтивость, что ты скажешь в ответ?—Хамза сказал—О шейх! Поскольку они не могут вынести ношу Хамзы, то пусть снимут одежду носильщиков, поскольку эту одежду носильщиков предназначили для перенесения грузов». Настроение у шейха поднялось. Он вскричал и сказал: «Скажи еще [раз]». Хамза сказал еще. Шейх опять вскричал и сказал: «Скажи еще». Хамза сказал в третий раз. Шейх опять вскричал. Затем шейх приказал Хасану Муаддабу: «Принеси сахар». Хасан принес поднос с сахаром. Шейх своими руками посыпал его на голову Хамзы и все так же вскрикивал и говорил: { «Тот, кто не выносит притеснений [других], должен снять одежду носильщика» }.

Рассказ III. Рассказывают, что когда наш шейх Абу Са'ид добрался до Абиварда, [то] захотел миновать его. В Абиварде находился некий ариф (337), давший обет. Он пришел к шейху и попросил у него задержаться здесь на несколько дней, чтобы и этим людям досталось бы добро [деяний] шейха и благословение шейха осталось бы здесь. Шейх принял [просьбу] и на протяжении тридцати дней оставался там.

Каждый день утром тот ариф приносил один золотой динар, давал его Хасану Муаддабу и говорил, чтобы тот потратил его на еду (скатерть) для дервишей. Хасан тратил то золото, но люди противились этому действию, и каждый говорил об этом [свое], а шейх, по своему обыкновению, ничего не говорил. Когда тридцать дней закончились, шейх сказал: «Закончились, теперь мы пойдем». Подвели лошадь. Наш шейх, ради того чтобы те люди, которые возражали, не направились бы в ад с плохой мыслью и чтобы устранились сомнения у всех, сказал, [обращаясь] ко всем: «Позовите того арифа». Позвали арифа. Когда он пришел, шейх сказал: «Эй молодец! То золото, которое ты тратил на пропитание дервишей, откуда оно?—Ариф сказал—Эй шейх! Когда мой предок преставился, от него осталось ожерелье, на котором было тридцать золотых бусин. Оно досталось мне в дозволенное (халал) наследство. Каждый день одну бусину из него я продавал за динар и тра-

тил на пропитание дервишей. Сегодня те бусины закончились, и шейх решил уехать». Когда ариф произнес эти слова, то возражения всех устранились, и их преданность нашему шейху увеличилась.

Рассказ 112. Ходжа имам Абу Асим Айази имел двух сыновей. Он попросил своего брата ходжу имама Абу Насра Айази, взять их к тому пиру, то есть к шейху Абу Са'иду Абу-л-Хейру, чтобы его взгляд упал бы на них и чтобы он прочел для них молитву. Они пошли. Когда они пришли к нашему шейху Абу Са'иду, он еще издали увидел их и сказал: «Господь принял и вырастил ее прекрасно» (338); послание прибыло, и мы узнали, что всевышний Господь обоих хорошо вырастит».

Знай, что рассказов о чудесах нашего шейха больше, чем [может] вынести это сочинение (собрание). И поскольку [перед нами] стоит условие о краткости и сжатости [изложения], то мы настолько и сократили его после того, как были затрачены предельные усилия в выправлении иснадов и [установлении] правдивости рассказчиков и осуществлены подробные и осторожные разыскания. И все, что было бы рассказано больше пределов сокращенного, закончилось бы утомлением и унынием [читателя]. И если кто-то ради пользы станет читать его (т.е. сочинение—М. К.), то одной сотой его будет достаточно.

Да дарует пречистый и всевышний Господь удачу в выслушивании истины и искреннем осуществлении дела, и да не прервет благо его изречений, состояний и деяний для нас и всего ислама до Судного дня. Во имя Мухаммада и всего его рода, да благословит их всех Аллах.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

О РАССКАЗАХ, ЗАКЛЮЧАЮЩИХ [В СЕБЕ] ПОЛЬЗУ, И О НЕКОТОРЫХ РАССКАЗАХ О ШЕЙХАХ, КОТОРЫЕ ДЛЯ ПОЛЬЗЫ БЫЛИ ПРОИЗНЕСЕНЫ ЕГО БЛАГОСЛОВЕННЫМИ УСТАМИ

Рассказ 113. Рассказывают, что однажды наш шейх Абу Са'ид был в отхожем месте. Когда он приступил к истибра, то позвал Хасана Муаддаба и сказал: «Подойди, сними это одеяние с нас, [продай] и приготовь сладости для дервишей». Хасан подошел, по указанию шейха, и сказал: «Что случилось бы, если бы ты подождал, пока не закончишь омовение и выйдешь?—Шейх сказал—Нельзя, чтобы шайтан сбил [тебя] с пути». В эту минуту он показал ему (т.е. Хасану—М. К.), что когда по поводу чего-то у тебя появилась благая мысль, то надо поторопиться и в своей жизни не впадать в заблуждение, поскольку [даже] великие шейхи с их раскрытием [тайн] и пророки с совершенством своего состояния не были защищены от лукавства шайтана «До тебя, если Мы посылали посланника или пророка, шайтан обязательно пытался смутить его [противоположным]. Но Аллах сводит на нет то, чем соблазняет шайтан. Потом Аллах являет свои знамения ...» (339).

Рассказ 114. Во времена нашего шейха Абу Са'ида был некий дервиш, который выполнял все неприятные (грубые) поручения и тяжелую работу, где бы она ни была. Однажды он месил глину, и руки и ноги его были в глине. В таком [виде] он прервал работу, пришел к шейху и сказал: «Эй шейх! Все эти тяжелые работы я не могу исполнять ради Бога. Я жду, чтобы шейх сказал, что ты молодец и в одобрение оказал бы помощь, [чтобы] стало [мне] приятно». Шейху понравились эти слова; он улыбнулся прямо к тому дервишу и сказал: «Так и сделаем!». После этого каждый раз, когда он видел, что этот дервиш работает, он проявлял одобрение и высказывал ему похвалу. Тому дервишу становилось приятно, и с [новой] силой он выполнял свою работу.

Рассказ 115. В то время, когда наш шейх Абу Са'ид находился в Тусе, как-то он сидел с ходжой имамом Абу-л-Хасаном Руги (340) и беседовал. И у шейха было какое-то трудное дело. Они беседовали, когда вдруг затруднение шейха разрешилось. В тот момент шейх изрек: «Хвала Аллаху, Господу миров, [ибо] наши дела-[дела] Бога (т. е. предопределены Богом-М. К.)». Ходжа имам Абу-л-Хасан Руги сказал: «Эй шейх! А [разве] наши дела строгают плотник Абу Али?—Наш шейх ответил—Нет, [но] в вашем деле вы присутствуете и говорите, что я сделал так-то, и делаю так - то, и надо сделать так; то есть ваше дело также божье, [но] вы присутствуете в нем и говорите, что вы есть, а в нашем деле нас нет».

Рассказ 116. Однажды в Нугане ходжа имам Музаффар Хамдан сказал: «Наши отношения (дело) с шейхом Абу Са'идом подобны мере с просом. Одно зерно в нем—шейх Абу Са'ид, а остальное—я». Там же присутствовал один из муридов шейха Абу Са'ида. От возмущения он встал, надел паафзар, пришел к шейху и пожаловался на то, что услышал от ходжи имама Музаффара. Шейх сказал: «Иди и скажи ходже имаму Музаффару, что и то одно [зерно] также ты, а мы—ничто».

Рассказ 117. Наш шейх Абу Са'ид находился в Тусе. Когда он выезжал оттуда, [то] уstad Абу Бакр выехал с ним, [чтобы проводить его] и проститься. Сколько шейх ни [старался] вернуть его, он не возвращался. Шейх сказал: «Следует вернуться». Уstad Абу Бакр сказал: «Эй шейх! Я не вернусь без гостинца—шейх сказал—Откажись от пути действия и избери путь предопределения » (341).

Рассказ 118. У нашего шейха умер маленький сын, а шейх его сильно любил. Когда усопшего отнесли на кладбище, наш шейх своими руками положил его в могилу. Когда он поднялся из могилы, слезы лились из его благословенных глаз, и он говорил:

Надо видеть уродливое и считать его красивым,
Надо пить отраву и считать ее сахаром.

Я проявил своенравие и не знал,
Что от затягивания туже, становится петля.

После этого умер и другой маленький сын нашего шейха и устами шейха было сказано, что обитатели рая попросили у нас [что-нибудь] на память, и мы послали им два дастамбуя (342), которые и были нашей долей.

Рассказ 119. В то время, когда наш шейх Абу Са'ид был в Нишапуре, он как-то сказал: «Следует оседлать лошадь, чтобы мы выехали в село». Оседлали лошадь, шейх сел, и много людей, [проявляя] почтение к шейху, пошли [с ним]. Они достигли селения возле Нишапура. Наш шейх спросил: «Как называют это село?—Сказали [ему]—Дар-и дуст («Дверь друга»)). Наш шейх спешился и тот день провел в нем. На следующий день все муриды сказали: «Эй шейх! Пойдем—шейх сказал—Надо много пройти, чтобы добраться до двери друга. Поскольку мы уже добрались сюда, куда нам идти отсюда?» Итак, шейх сорок дней оставался там, и дела наладились. Затем большинство жителей того села благодаря шейху дали обет, и все жители села стали муридами шейха.

Рассказ 120. Однажды наш шейх Абу Са'ид сделал [себе] кровопускание. Он сказал Хасану Муаддабу: «Смотри, эй Хасан! Какой ты видишь ее?» Устами Хасана было произнесено:

«Обитатели мира делают кровопускание—идет кровь,
Ты пускаешь кровь—наружу выходит твоя любовь».

Шейх сказал тому, кто сделал кровопускание: «Завяжи [ее]». Руку шейха тотчас перевязали и больше он не пускал кровь.

Рассказ 121. Однажды наш шейх Абу Са'ид произносил проповедь в Нишапуре. В дверь ханаки шейха вошел ходжа Абу Али (343). И оба они до этого не видели друг друга, хотя между ними и велась переписка. Когда он вошел в дверь, наш шейх повернул к нему лицо и сказал: «Пришел знаток мудрости». Ходжа Абу Али вошел и сел. Наш шейх начал речь. Затем он

завершил проповедь, сошел с тахта и направился домой. Ходжа Абу Али пошел с шейхом. Они заперли дверь дома, и три дня оставались друг с другом наедине, и беседовали, и никто не знал о чем, и никого не было возле них, разве что кто-то, кому они разрешили, и не выходили они наружу, кроме как для совершения намаза [вместе] с людьми. После трех дней и ночей ходжа Абу Али ушел. Ученики спросили у ходжи Абу Али: «Что ты думаешь (нашел) о шейхе?»—[Он] сказал—То, что я знаю, он видит». И когда суфии и муриды шейха пришли к шейху, то спросили у шейха: «Эй шейх! Что ты думаешь об Абу Али?»—Шейх сказал—Все, что мы видим, он знает».

И у ходжи Абу Али к нашему шейху возникла привязанность, и он постоянно приходил к нашему шейху и видел чудотворство шейха. Однажды он вошел в дверь ханаки шейха. Шейх сказал, что оседлайте лошадь, чтобы мы посетили Зандарзан. А это—местечко возле Нишапура на горе, известной как пещера Ибрахима Адхама (344), да помилует его Аллах, и там его келья, в которой долгое время он совершал поклонение. Когда ходжа Абу Али вошел, наш шейх сказал: «Мы намереваемся (думаем) посетить Зандарзан—ходжа Абу Али сказал—Мы [также] пойдем с тобой». Оба они пошли, и множество суфиев и муридов шейха и учеников Абу Али отправились с ними.

На дороге, по которой они направлялись, лежал камыш (344а). Шейх повелел, чтобы его подняли. Когда они приблизились к келье, шейх сошел с лошади и взял камыш. Они добрались до места, где находился гранит. Шейх тем камышом, который держал в руке, ударил о тот гранит, и в том месте, куда ударила благословенная рука нашего шейха, камыш вошел в камень. Когда ходжа Абу Али увидел это, то упал шейху в ноги и поцеловал ему ноги, и никто не знал, что творилось внутри у ходжи Абу Али, когда шейх явил ему это чудо.

Ходжа Абу Али стал муридом нашего шейха и было мало дней, когда он не приходил к нашему шейху. После этого [случая] в каждую книгу, которую он сочинял о науке мудрости, подобно «Ишарат» (345) и другим, он включал по этому

поводу подробную главу в подтверждение чудотворства святых и во славу деяний суфиев и сочинил также отдельные трактаты в описание их степеней и особенностей (качества) поведения на пути тариката и хакиката, как это известно.

Рассказ 122. В то время, когда ходжа Хасан Муаддаб, да помилует его Аллах, показал в Нишапуре [свою] привязанность к шейху и был в распоряжении шейха, и пожертвовал ради шейха всем, что имел из имущества, и шейх определил его на услужение дервишам, и он был занят этим важным [делом] и оказывал эту услугу, и шейх постепенно и в мягкой [форме] повелевал ему [совершение] воздержаний и побуждал к [выполнению] того, что являлось условием этого пути, внутри у ходжи Хасана все еще оставалось что-то от того [стремления] к главенству (хаджеги).

Однажды шейх позвал ходжу Хасана и сказал: «О Хасан! Следует взять коваре (346), пойти в Чахарсу-йи керманийан, купить всю требуху и потроха, которые найдутся [там], положить в эту коваре, взять ее на спину и принести в ханаку». Хасан положил на спину коваре и пошел; и то дело казалось ему очень трудным. Но его надо было выполнить, согласно указанию пира, так как {шейх среди своих людей, подобен пророку среди уммы}. Он пришел в Чахарсу-йи керманийан, купил всю требуху и потроха, которые увидел, положил в коваре и взвалил ее на спину; вся кровь и нечистоты с них полились на его одежду и спину; и он каждый миг умирал от стыда перед людьми, которые еще недавно видели его в дорогом платье, богатым, [имевшим] гуламов и [любившим] роскошь, а сегодня узрели в таком виде. Для него отказ от главенства был очень трудным. И для всех людей он таков; как говорит Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует: «{Последняя вещь, которая выходит из головы праведных—любовь к главенству}». И сама цель шейха в этом повелении заключалась в том, чтобы остаток [стремления к] главенству и любовь к роскоши, которые все еще находились внутри у Хасана, вышли бы из него.

Когда Хасан взвалил на спину ту коваре и в таком виде пронес через Чахарсу–йи керманийан в ханаку в квартале Аданикубан, а это была половина пути от крытого базара города Нишапура, вошел в дверь и встал перед шейхом, шейх сказал: «А [теперь] это, таким же образом, следует отнести к воротам, [где расположен квартал] Хира, чисто промыть проточной водой и вновь принести». И это была другая половина пути от крытого базара (347). Хасан направился к воротам, [где находился квартал] Хира, промыл ту требуху проточной водой и вновь принес. Когда он добрался до ханаки, от того стремления к главенству и любви к роскоши у него ничего не осталось. Он вошел свободный [от этих чувств] и довольный. Шейх сказал: «А теперь это следует отдать на кухню, чтобы сегодня вечером для асхабов приготовили шакамбевай (348)». Хасан отдал ту коваре на кухню и принес [все] необходимое, чтобы повар занялся [едой].

Видя, как сильно Хасан страдал [во-время] того испытания (воздержания), шейх позвал его и сказал: «Теперь следует совершить омовение, надеть, как это принято, чистую одежду, направиться в Чахарсу–йи керманийан, а оттуда до ворот, [где находится] Хира, и спрашивать у всех людей базара видели ли они мужчину с коваре требухи на спине?» Хасан пошел по указанию шейха и от того [места], где он купил требуху, и до того [места], где он ее промыл и принес обратно, у каждого лавочника и каждого, кто его видел, спрашивал. И ни один не сказал, что я видел такого человека или, что тот человек был ты.

Когда Хасан вернулся к шейху, тот сказал: «Эй Хасан! [Только] ты [сам] видишь себя, а иначе ни у кого нет желания видеть тебя. Это твоя страсть, которая возвеличивает (украшает) тебя в твоих глазах, ее следует покорить и дать хороший нагоняй и, пока ты не устранишь ее, не оставляй ее. И так воздай ей (займи ее обязанностями), чтобы она позабыла бы (не интересовалась) о себе». Хасан, когда увидел это, полностью выбрался из оков [стремления к] главенству и любви к роскоши и стал свободным. Повар же приготовил шакамбевай, и в тот вечер расстелили скатерть, и положили на нее ту еду; шейх

и все суфии сели за скатерть, шейх сказал: «Эй асхабы! Ешьте, поскольку сегодня вечером вы едите кушанье из [стремления к] главенству Хасана».

Рассказ 123. Однажды кто-то пришел к нашему шейху и сказал: «Эй шейх! Я пришел, чтобы ты открыл мне какую-нибудь из тайн Господа—шейх сказал—Возвращайся [к себе] и приходи завтра». Тот человек ушел. Шейх повелел, чтобы в тот день поймали мышь, положили ее в коробку и накрепко закрыли ее. На следующий день тот человек вновь пришел и сказал: «Скажи то, что обещал». Шейх повелел, чтобы ту коробку дали ему и сказал: «Смотри, не открывай эту коробку». Тот человек взял коробку и пошел. Когда он направился домой, его охватило желание [посмотреть] что за тайна спрятана в этой коробке? Он очень старался обуздать себя. Но не стерпел, открыл коробку, мышь выпрыгнула из нее и убежала. Тот человек пришел к шейху и сказал: «Эй шейх! Я попросил тебя о тайне Бога, а ты вместо этого дал мне мышь в коробке—шейх сказал—Эй дервиш! Мы дали тебе мышь в коробке, но ты не смог уберечь ее, [если же] мы откроем тебе тайну пречистого и всевышнего Бога, как ты сможешь сохранить ее?»

Рассказ 124. Наш шейх [обычно] вызывал супругу каждого мурида, который женился, и говорил: «Сделай три вещи: всего, что твой господин приносит в дом из продовольствия, утвари и тому подобного ты [в своих] расходах не превышай и не расходуй так, как [это делают] женщины, которые прядут [нити] и ткут холст (349). И без разрешения мужа не распоряджайся ими, поскольку от этого заканчивается благоденствие. И не допускай [появления] в своем доме паутины, чтобы в ней не поселялся шайтан, и наши муриды не становились бы сотоварищами шайтана. И каждую пищу, которую ты хочешь приготовить и все, что хочешь положить в котел из мяса, зерна и других [продуктов], сначала промой, а затем положи в котел. И эти три вещи, [сказанные] нами, запомни, чтобы к тебе приходило благо».

Рассказ 125. Однажды наш шейх Абу Са'ид совершал омовение. Он послал дервиша, чтобы тот принес воды, [но]

дервиш запоздал. Люди, которые присутствовали [при этом], выразили свое негодование и возмущение тем, что: «Такой близкий путь, почему он опаздывает?» Когда тот дервиш вернулся, шейх, увидев их возмущение, сказал: «Та вода, которой нам следовало совершить омовение, еще не появилась (вышла) [в тот момент] в ручье. Этот дервиш ждал, чтобы та вода появилась в ручье. Когда та вода пошла, он подоспел, взял ее и принес. Вы не возмущайтесь».

Рассказ 126. Ходжа имам Абу Бакр Сабуни (350) был сотоварищем нашего шейха в медресе в Мерве. Когда положение шейха достигло [высокой] степени, то однажды ходжа имам Абу Бакр Сабуни пришел к шейху и сказал: «Эй шейх! Мы оба находились в одном медресе, вместе обучались и в том, что учили были сотоварищами. [Но] всевышний Господь довел тебя до такой высокой степени, а я все так же остался на этой [ступени] учености, в чем причина этого?—Шейх сказал—Ты помнишь как в такой-то день учитель задиктовал нам этот хадис: { [одно] из благ ислама для человека [заключается] в отказе от того, что ему не подходит }, и мы оба записали [его]. Когда ты пошел домой, что ты сделал [с ним]?—[Абу Бакр] сказал—Я выучил и отправился в поисках следующего—шейх сказал—Мы же так не поступили. Когда мы пошли домой, то все то, что для нас не было обязательным, мы убрали от себя и устранили из сердца мысль о нем, а то, что было неизбежным, мы взяли и подчинили той мысли свое сердце, и это есть хадис (351) пречистого и всевышнего Господа; как Он известил: «Отвечай Мухаммад: «Аллах ниспослал Писание». Потом предоставь им упиваться собственным пустословием» (352). Неизбежным для тебя являюсь Я, стань слугой неизбежного для себя (353). «Нет Бога, кроме Него. Так избери же Его покровителем» (354).

Рассказ 127. У нашего шейха спросили в Серахсе: «Эй шейх! Кто есть утонченный (зариф) человек?—Шейх ответил—В вашем городе—Логман—сказали ему—Аллах преславный! В нашем городе нет никого более взлохмаченного и грязного, чем он—шейх сказал—Вы ошибаетесь. Утонченный человек бывает

чист, и чист тот, кто ни с чем не связан. А никто во всей вселенной не связан [с чем-то], не [имеет] отношения [к кому-то] и не чист более, чем он, поскольку он не связан ни с чем: ни с этим миром, ни с тем и ни с низменной душой».

Рассказ 128. Нашему шейху сказали, что: «Такой-то ходит по воде-он сказал-[Это] нетрудно. Лягушка и зяблик также ходят по воде-сказали [ему]-Такой-то летает по воздуху-сказал [он]-коршун и муха также летают по воздуху-сказали [ему]-Такой-то в один миг перемещается из города в город-шейх сказал-Шайтан также в одно мгновение перемещается с востока на запад. Такие вещи не многого стоят. [Настоящий] человек тот, кто садится и встает среди народа, и ест, и спит, и покупает, и продает, и на базаре среди народа заключает сделки, взвешивает что-то, смешивается с народом, но ни на миг не забывает о Боге».

Рассказ 129. Однажды в Мейхене муэдзин провозгласил призыв к намазу, произнес икама и уже было близко к тому, что минует время [совершения] намаза, а шейх все еще не выходил из дома, хотя обычно [он делал это] ежедневно. Муэдзин несколько раз приходил к дому шейха и произносил икама, чтобы протянуть до крайнего времени [начала] намаза. Наконец, шейх вышел, муэдзин произнес икама, совершили намаз и шейх сел. Шейхи и асхабы спросили: «Эй шейх! Что-нибудь случилось, что сегодня шейх поздно вышел наружу?» Шейх сказал-Мир ухватил нас за подол [одежды] и говорил, что все вещи получили долю от тебя, и нам также полагается доля от тебя. Мы много старались, настойчиво просили, но он не выпускал из рук нашего подола. Когда [уже] время намаза проходило, мы направили к нему (по его делу) Муфаззала (355), и он убрал руки с нашего подола». После этого мир поддержал ходжу Муфаззала и его детей, и ни у кого из детей шейха не было ничего от мира сверх меры, а дети ходжи Муфаззала все были с имуществом и богатством.

Рассказ 130. Однажды наш шейх Абу Са'ид достиг окраины Туса. Люди попросили его о проповеди. Шейх принял [их просьбу]. Утром в ханаке устада поставили тахт. Люди

пришли и расселись. Когда появился шейх, чтецы прочли [отрывки] из Корана. Пришло множество народа, так что нигде не оставалось места. Муарриф (356) встал и сказал: «Да простит его Бог, если каждый сделает шаг дальше того, где находится». Шейх сказал: «Да благословит Аллах Мухаммада и весь его род—и провел рукой по лицу и сказал—Все, что мы хотели сказать, и говорили все пророки, он сказал; да простит его Бог, если каждый сделает шаг дальше того, где находится». Когда он произнес эти слова, то сошел с тахта и в тот день больше не проповедовал, и на этом закончил.

Рассказ 131. Наш шейх Абу Са'ид сказал, что сто пиров из [числа] пиров говорили о тасаввуфе, и первый говорил то же, что и последний. И выражения были различны, а смысл один: { тасаввуф есть отречение от принуждения (такаллуф) }. И нет никакого принуждения для тебя хуже твоей самости, поскольку когда ты занялся собой, то отстал от Него.

Наш шейх сказал: «Шейхи и пиры говорили: то, что подобает людям, не подобает Богу и то, что подобает Богу, не подобает людям».

Однажды наш шейх читал Коран и в конце прочитал [только] аяты рахмат и оставил то, что было аятами азаб (357). Некто сказал: «Эй шейх! Так нарушается порядок Корана— шейх сказал—

Саги! Ты подай кубок, а ты, мутриб, (358) играй на руде,
Чтобы я выпил сегодня, ибо наступило

время нашего веселья.

Есть вино, и есть дирхемы, и есть тюльпаноликие

кумиры,

Нет печали, а если и есть, то она—удел сердец врагов».

Затем он сказал: «То, что принадлежит нам, все это радостные вести и отпущение грехов, зачем мы хотим их испортить?» У того дервиша что-то пронеслось в сердце, и шейх сказал: «{вопреки желанию Абу ад-Дарда}» (359). И наш шейх часто произносил это выражение.

Наш шейх сказал: «Васити (360) сказал: {связь сотворенного с сотворенным, подобно связи узника с узником} ». Наш шейх сказал: «Некто спрашивающий попросил у пира, что скажи что-нибудь; тот сказал: «От неба и до земли в Его власти каждая крупинка, и каждое имеющееся знание не раскрывает (не достигает) и крупинки бытия Бога. Говорить [что-то] тому, что есть ничто, невозможно, так как слова не дойдут до него».

Наш шейх сказал: «Тот пир, которому сказали скажи слово, сказал: «{ Кроме Аллаха ни в чем нет истины }», о чем же говорить?».

Наш шейх сказал: «Сахл бин Абдаллах (361) сказал: «Отвратительно, если кто-то надевает хирку дервишей и тоска по хлебу насущному остается в его сердце, и не знает он того, что { пропитание рабов зависит от Аллаха и оно определяется Его милостью }».

Наш шейх сказал: «Мы находились в Табаристане у шейха Абу-л-Аббаса Кассаба, да помилует его Аллах, когда к нему пришли суфии и каждый с нуждой и просьбой о чем-то. Когда наступила ночь, шейх Абу-л-Аббас сказал: «О Господи! Каждому что-то нужно, а мое «нужно» - [это то], что мне ничего не нужно. У каждого есть желание, а мне не нужно желаний, мне нужно то, чтобы меня не было».

Рассказ 132. Однажды в Нишапуре наш шейх проповедовал с минбара. Когда он разгорячился и у него наступил приятный хал, то посреди речи он сказал: «{В [моей] джуббе, кроме Аллаха, нет [никого]}», и поднял указательный палец из-под джуббы, надетой на себя; в том месте, где была его благословенная грудь, его благословенный палец вошел в джуббу, [проткнув ее] (362). И множество шейхов, имамов и почитаемых людей, таких как шейх Абу Мухаммад Джувейни, уstad имам Абу-л-Касим Кушейри и уstad имам Исмаил Сабуни, да освятит Аллах их дух, а также другие шейхи и имамы, упоминание о которых затянется, присутствовали [при этом]. Он сказал эти слова, и никто не воспротивился этому и ни у кого в сердце не проявилось возражения; состояние у всех бы-

ло таково, что они не помнили себя, и в согласии с шейхом все [сняли] и оставили свои хирки. Когда он закончил проповедь и сошел с тахта, ту джуббу шейха и хирки шейхов разорвали [на куски]. Все шейхи согласились с тем, чтобы кусок джуббы нашего шейха со стороны груди [размером] в один гяз (363), на котором остался след его благословенного пальца, не разрывали и оставили [как есть с тем], чтобы в любое время каждый человек (те, кто приходят и уходят) [мог] поклониться ему. Этот кусок [размером] с гяз так и оставили с подкладкой и ватой, [находящейся между подкладкой и лицевой стороной]. И его оберегал (был он в руках) ходжа Абу-л-Фатх [внук] шейха и его дети. И с окраин вселенной те, кто приходили на паломничество к [гробнице] нашего шейха в Мейхене, когда завершали поклонение его святой гробнице, то приходили поклониться тому куску [джуббы] и другим [приметам] и следам, сохранившимся от него и видели место, [оставленное] тем пальцем; пока во время периода невзгод, [вызванного нашествием] гузов, та святыня вместе с другими его дорогими святынями не исчезла.

Рассказ 133. В Нишапуре был некий дервиш, которого звали Хамза ат-Тураб. Однажды с присущей ему скромностью он написал нашему шейху записку и в начале записки смиренно написал «{прах его ног}». Наш шейх на обороте записки в ответ написал этот бейт и послал ему:

Если ты прах, то я стал прахом твоего праха,
Когда я стал прахом твоего праха, я очистился.

И предок этого возносящего молитву, ходжа Абу Са'д рассказывает, что люди полагают, что бейты, которые были произнесены во время речей шейха его благословенными устами, принадлежат ему, но это не так, поскольку он был настолько погружен в свое состояние при созерцании Истины, что у него не возникало желания [облекать] мысли в стихи. В течение всей его жизни, кроме этого одного бейта, который он написал в ответ на записку Хамзы, и этих двух бейтов:

О душа! На земле Хаберана нет колючки,
У которой не было бы дела до меня и до моей судьбы.
При благосклонности и ласке твоей красоты
Мне не стыдно пожертвовать и сотней тысяч душ.

Он больше [ничего] не сочинил. И все остальное, произнесенное его устами, было то, что он усвоил у своих пиров.

Рассказ 134. Наш шейх сказал: «Я слышал это от Абу-л-Касима бин Башара бин Мухаммада Йасина в Мейхене », а он был великим пиром и был первым пиром нашего шейха. Шейх сказал: «Однажды он сказал нам: «О Абу Са'ид:

Человек должен быть сострадательным и
приветливым (364) (улыбающимся),
Но это вовсе [не означает], что таких людей много».

Однажды наш шейх держал речь и сидели [перед ним] старцы и почитаемые люди. Один из этих людей громко заплакал, так что собравшиеся были сильно обеспокоены тем плачем, и в сердце у них появился страх. Наш шейх грозно посмотрел на того человека и сказал: «{Если хочешь говорить так, как сказал я, сиди так, как сидишь, ибо растет тот, кто непоколебим и побеждает тот, кто избрал для себя терпение }». Затем он промолвил: «{Я слышал, что Укба бин Амр (365) сказал, что Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Когда закончится безнравственность человека и он станет повелителем своих глаз, то пусть плачет с [их помощью] сколько захочет }».

Затем он сказал:

«{Если и стоит между нами Китайское море (366),
Я полагаю, что это мираж, не имеющий следов.
Если позовем тебя к себе и ад будет между нами,
То легким станет в страсти к тебе погружение
в огонь ада}».

И также наш шейх сказал: «Однажды к пиру Абу-л-Фазлу Хасану пришел некий человек и сказал: «Эй шейх! Вчера ночью во сне я видел тебя мертвым и уложенным в гроб-пир Абу-л-Фазл сказал-Замолчи! В том сне ты видел себя, а они (т. е. суфии-М. К.) никогда не умирают, [ибо] {тот, кто живет с Аллахом [в душе], никогда не умрет}»».

Рассказ 135. Рассказывают, что однажды некий дервиш совершал омовение, [когда] туда вошел шейх; тот дервиш мыл руки и говорил: «{О Боже! Дай мне книгу моих деяний в правую руку (367)}-наш шейх спросил-Эй дервиш! [И] что ты сделаешь? И что ты прочтешь тогда из той книги? Не следует так говорить, ибо ты не выдержишь [этого]-дервиш сказал-Эй шейх! А как мне сказать?-Наш шейх сказал-Скажи: { О Боже! Смилуйся и прости }»».

Рассказ 136. Баба Хасан, да помилует его Аллах, был пишнамазом (368) нашего шейха Абу Са'ида, и во времена шейха руководство над суфиями он исполнял по его (т.е. шейха-М. К.) обычаю. Однажды он совершал утренний намаз. Когда он произнес кунут (369), то сказал: «{О Боже, благословенный и всевышний! О Господь! Благослови Мухаммада! }» и совершил земной поклон. Когда он произнес приветствия, наш шейх сказал: «Почему ты не произнес благословение роду [Мухаммада] и не сказал так: {О Боже! Благослови Мухаммада и род Мухаммада?}-Баба Хасан сказал-[Среди] асхабов (370) существуют разногласия [по поводу того] следует ли в первом ташаххуде (371) и кунуте произносить благословение роду Мухаммада или нет, и я не произнес из-за предосторожности перед теми разногласиями-наш шейх сказал-Мы же не находимся (идем) [в таком] окружении, чтобы там не было рода Мухаммада».

Рассказ 137. В то время, когда наш шейх прибыл в Нишапур, со [всех] сторон [проявлялось] его непризнание, [в том числе со стороны] устада имама Абу-л-Касима Кушейри, о котором уже сообщалось ранее, и других почитаемых людей. Когда уstad имам пришел на проповедь к шейху, то оставил то непризнание, но иногда внутри у устада имама в силу челове-

ческих особенностей проступало немного вражды к шейху. Однажды уstad со всеми [людьми] и с нашим шейхом выехали на улицу. На этой же улице оказалась чужая собака и собаки, [обитавшие] в том квартале, разом начали лаять, набросились на ту собаку, ранили ее и прогнали из того квартала. Шейх натянул поводья [лошади] и сказал: «Абу Са'ид в этом городе чужой и не следует с ним поступать по-собачьи (372)». Та вражда и непризнание полностью устранились внутри у имама, и он сам уяснил, что непризнание и вражда происходят от [злой] природы человека. После этого между уstadом имамом и нашим шейхом воцарился мир, который никогда не воспринимал вражду.

Рассказ 138. Ходжа Абд ал-Карим из Нишапура, бывший доверенным хадимом нашего шейха, сказал: «Я был ребенком, когда отец привел меня к шейху Абу Са'иду на услужение. Когда мой отец вернулся, а я стоял, [готовый] служить шейху, то он посмотрел на меня и сказал: «Принеси ту вещь, которая упала посреди ривака» (373). Я пошел, поднял [ее] и принес шейху. Шейх сказал: «Как это называют на вашем языке?—Я сказал—Щепка—[он] сказал—Знай, что [и этот] мир и тот мир—щепка на этом пути. Пока не уберешь ее с пути, не достигнешь цели, поскольку старший во вселенной (374), да благословит его Аллах и приветствует, сказал так: «{Низшая из них—устранение с пути мучения (375)}»; низшая степень из степеней веры—это то, что уберешь щепку с пути. Затем [он] сказал: «Все, что не [принадлежит] Богу—ничто, и тот, кто не [принадлежит] Богу—никто. Там, где есть ты—все ад, а там, где тебя нет—все рай (376)».

Рассказ 139. Один мурид из [числа] муридов нашего шейха пришел из Ирака в Мейхене к шейху, чтобы [выразить свое] почтение и принес ему много хорошей одежды. Всю дорогу он думал про себя, что [вот] я несу шейху такую хорошую и изящную одежду, и шейху [это] очень понравится, и он будет мне признателен, и по этой причине проявит ко мне внимание. Когда тот дервиш был [на расстоянии] одного фарсанга

от Мейхене, наш шейх сказал: «Оседлайте коня». Оседлали коня, шейх сел на него и все пошли [с ним].

Шейх выехал в поле. Когда он добрался до дервиша, тот укрепился в [своем] мнении и предположил, что шейх выехал, чтобы проявить к нему внимание ради тех одеяний. И по этой причине в сердце у него увеличилась любовь к мирскому. Тот дервиш подошел и упал шейху в ноги. Шейх сказал: «Достань одежды, которые ты привез для нас». Тотчас он достал те одеяния из поклажи, положил их перед шейхом, стал раскрывать одно за другим и предлагать шейху. Шейх повелел, чтобы здесь же эти одеяния разорвали на куски и на каждый колючий кустарник повесили по куску. [Потом все] ушли. Тот дервиш сильно огорчился.

Шейх этим действием показал дервишу, какую цену имеет для него мирское. И, что его (т. е. дервиша—М. К.) предположение по поводу одежды, было [лишь] влечением к мирскому. И этому таифа не следует ни погружаться в этот мир и ни оглядываться на тот. Сердце того дервиша благодаря этому поступку охладело к мирскому и, когда он пришел в Мейхене, то остался на услужении у шейха, получил воспитание [в духе тасаввуфа] и стал [из числа] почитаемых [людей] этого таифа.

Рассказ 140. Однажды в Мейхене прибыл некий дервиш и, как и был в паафзар, пришел к нашему шейху и сказал: «Эй шейх! Я много странствовал и ходил, но не успокаивался и не видел успокоившегося—шейх сказал—Совсем неудивительно! В странствиях, которые ты совершал, ты искал свою цель. Если бы тебя не было в этих странствиях и на мгновение ты покинул бы себя (377), то и ты успокоился бы и другие успокоились бы. Темница человека—это бытие человека. Когда он выходит из темницы, то обретает покой».

Рассказ 141. В Тусе жил некий алид, которого называли сеид Хамза. Его жилище находилось возле рудбарских ворот. Наш шейх очень любил его, и он был также сильно привязан к шейху. Он был щедрым человеком. Каждый раз, когда наш шейх приезжал в Тус, он поселял его в своем жилище, и шейх удовлетворял его просьбу (378), так как помнил о нем.

Однажды наш шейх прибыл в Тус и потребовал сеида Хамзу. Сказали [ему]: «Шейх не сможет его увидеть, поскольку вот уже сорок дней и ночей он занят распутством: беспрестанно пьет вино, и дает вино гуламам и служанкам, и всех раздел догола, и пьяными усадил [вместе]—наш шейх сказал—Удивительно! У такого порога и греха должно быть не меньше этого». Больше он ничего не сказал и совсем не возражал.

Когда сообщили сеиду Хамзе, что прибыл шейх Абу Са'ид, он тут же оставил [свое занятие] и на следующий день пришел к шейху. Шейх, как обычно, приветил его, не рассказал о том, что слышал, не отрекся от него и мнение, которое он имел о нем, совершенно не пострадало.

Рассказ 142. В то время, когда наш шейх прибыл в Нишапур, шейх Абу Абдаллах Баку находился в ханаке шейха Абу Абд ар—Рахмана Сулами. Пиром этой ханаки после шейха Абу Абд ар—Рахмана был он. И это Баку есть село в вилайате Ширвана (379). Этот Абу Абдаллах Баку каждый раз разговаривал с нашим шейхом, возражая [ему], и спрашивал нашего шейха о тарикате, и шейх давал ответ.

Однажды он пришел к шейху и сказал: «Эй шейх! Есть несколько вещей, которые мы видим в тебе и которые не совершали наши пиры—наш шейх сказал—Пусть ходжа скажет, что это за вещи—он сказал—Одна [из них] та, что молодых ты сажаешь со стариками и младших в делах ты равняешь со старшими и совсем не проводишь при размолвках различия между младшими и старшими; во—вторых, разрешаешь молодым [участвовать] в сама и танцах и, в—третьих, хирку, которой лишается дервиш, ты иногда изволишь вновь вернуть тому дервишу и говоришь: {дервиш (факир) более достоин своей хирки, [чем кто—либо еще] }, и наши шейхи такого не совершали».

Шейх сказал: «Есть еще что—нибудь?—Сказал он—Нет—тогда шейх сказал—По поводу младших и старших: никто из них в наших глазах не младший; и в отношении каждого, кто ступил на путь тариката, хотя он и молодой, мнение стариков должно быть таким: то, что нам дали в течение семидесяти лет, допус-

тимо, чтобы ему дали за один день. Если появится такое убеждение, никто не покажется [в чьих-то] глазах младшим. По поводу танцев молодых во время сама: душа молодых не свободна от вожделения, [но] отсюда не следует, что их вожделение победит или вожделение одержит верх над всеми частями [их тела]. Если они хлопают в ладони, то выходит [наружу] вожделение их рук и, если они поднимают ноги, то уменьшается вожделение в их ногах. Когда таким образом вожделение в их конечностях слабеет, они могут уберечь себя и от других грехов. Когда все вожделения скапливаются—и не дай Бог, [чтобы] они оставались во грехе—их огонь во время сама спадает, прежде чем [быть направленным] на что-то другое.

И по поводу хирки: та хирка, которая отделяется от дервиша, принадлежит всем, и сердца всех заняты его хиркой. Ту хирку [затем] набрасывают на его голову ради всех и снимают со своего сердца груз хирки того дервиша. Если их руки тотчас не доходят до другой одежды, то [считается], что дервиш не возвратился к своей [прежней] хирке, а напротив, его дервиши дали ему свою хирку и этим освободили свои сердца от нее. Значит он находился под опекой помыслов всех, и эта хирка не была уже той самой хиркой, [которой он лишился] (380)—шейх Абу Абдаллах сказал—Если бы мы не увидели шейха, то не увидели бы суфия (381)».

Рассказ 143. И в это же время однажды шейх Абу Абдаллах Баку важно сидел, скрестив ноги, на проповеди нашего шейха Абу Са'ида. Взор нашего шейха упал на него. Затем шейх проявил к кому-то [свое] расположение во время проповеди и сказал добрые слова. Тот человек сказал шейху: «Да отведет тебе Господь [место] в раю!—Шейх сказал—Не следует, нам не следует в рай с горсткой хромых, увечных и дервишей. Там не будет [никого], кроме хромых, слепых и немощных. Нам надо в ад, в котором уже есть Джамшид, Нимрод, Фираун, Хаман (382), [будет] ходжа, и он указал на шейха Абу Абдаллаха и мы, и указал на себя». Шейх Абу Абдаллах расстроился, [но] пришел в себя, понял, что проявил большую неучтивость и раскаялся. Когда шейх сошел с минбара, он подошел к

нему, подтвердил его [способности], попросил о прощении и после этого никогда подобным образом не садился.

Рассказ 144. Старец Хубба Дарзи был [из числа] доверенных [людей] нашего шейха. Однажды он сшил одежду для нашего шейха. Наступило время послеобеденного сна, и шейх прилег. Ходжа Абд ал-Карим, который был доверенным хадимом шейха, сидел у изголовья шейха с опахалом в руке и обмахивал нашего шейха. Вошел старец Хубба с одеждой шейха в руках. Ходжа Абд ал-Карим сказал: «Разве сейчас время для этого (383)?—Старец Хубба сказал—Туда, куда помещаешься ты, мы тоже вместимся (384)». Ходжа Абд ал-Карим оставил опахало и несколько раз ударил его. Когда он дал ему семь оплеух, шейх сказал: «Достаточно». Старец Хубба вышел и пожаловался ходже Наджжару (385). Когда после вечернего намаза шейх вышел [наружу], ходжа Наджжар сказал шейху: «Молодые поднимают руку на старых? Что скажет шейх [по этому поводу]?—Наш шейх сказал—Рука ходжи Абд ал-Карима—наша рука». После этого также никто не сказал ни слова.

Рассказ 145. В то время, когда наш шейх Абу Са'ид произносил проповедь (а несколькими днями ранее между устатом имамом [Абу-л-Касимом Кушейри] и неким дехканом на мельнице, находившейся в селении Хусейнабад, разгорелся спор: тот дехкан притязал на мельницу, а устат имам говорил: «Она—моя»), какой-то чтец Корана произнес: «Кому надлежит властвовать в тот день? (386)». Наш шейх сказал: «Для меня—это ясно (верно), сделай ясным и для устада имама, который говорит, что мельница Хусейнабада—его».

Рассказ 146. Рассказывают, что однажды в Нишапуре наш шейх проходил через какую-то махаллу и с ним все суфии [числом] свыше ста пятидесяти человек. Неожиданно какая-то женщина сбросила с крыши золу, не зная о том, что кто-то проходит. От той золы немного попало на одежду шейха. Шейх не обратил на это внимания и совсем не расстроился. [Но] все [присутствующие] пришли в смятение и сказали: «Взломаем этот дом». И [уже] собирались сделать это, как наш

шейх сказал: «Успокойтесь, для того, кто заслуживает огня, ограничились золой; следует произнести множество благодарностей». Всех охватило восторженное [состояние], они много плакали и вопили.

Рассказ 147. Рассказывают, что однажды наш шейх направился в свой дом. [Здесь] он увидел госпожу Фатиму, которая была дочерью ходжи Абу Тахира и [приходилась] внучкой шейху. Она наматывала нить на клубок, [но] конец нити утерялся и не находился. Наш шейх сказал: «О Фатима! Каждый раз, когда конец нити теряется и ты хочешь вновь найти его, прочти этот аят: «Не уподобляйтесь той женщине, которая распустила свою пряжу после того, как скрутила нити (387)». Госпожа Фатима прочла этот аят и сразу же нашла конец нити.

Рассказ 148. Однажды в Нишапуре наш шейх Абу Са'ид сел верхом [на лошадь] и направился куда-то со всеми [суфиями]. Он достиг дверей какой-то церкви. Случайно [в тот день] было воскресенье, и все христиане собрались в церкви. Некоторые [из его людей] сказали: «Эй шейх! Надо, чтобы они увидели тебя». Шейх тотчас слез с лошади. Когда он вошел в церковь и все вошли [вслед за ним], то христиане приблизились к шейху, проявляя ему [свое] почтение и прославляя своими поклонами (станом).

Когда шейх и все остальные сели, христиане, проявляя почтение, преклонили колени смирения перед шейхом, много плакали, молили его, и [многих] охватил восторг. С шейхом находились чтецы Корана и один [из них] сказал: «Эй шейх! Есть ли дозволение прочесть аяты?—Шейх сказал—Следует прочесть». Чтецы [стали] читать Коран. Те люди все разволновались, вскричали и много плакали. У всех проявилось состояние хала. Когда они вновь пришли в себя, шейх встал и вышел. Кто-то сказал: «Если бы шейх сделал знак, то все сняли бы зуннары—шейх сказал—Мы же их не надевали [на них], чтобы мы же и сняли».

Рассказ 149. Однажды в Нишапуре наш шейх Абу Са'ид проповедовал в ханаке в Аданикубан. Посреди речи он сказал: «От двери ханаки до подножия [скамьи] (388) рассыпан жем-

чуг, почему вы не собираете его?» Все посмотрели вокруг, полагая, что поднимут рассыпанный жемчуг. Не увидев его, они сказали: «Эй шейх! Где он, мы не видим его—сказал он—[Это] служение, служение».

Рассказ 150. Однажды, когда ходжа Абу Тахир, старший сын нашего шейха был ребенком и ходил в школу, дети принесли в дом шейха его дощечку для писания, как это было принято у них (389). Ходжа Хасан Муаддаб пришел к шейху и сказал: «Дети принесли дощечку ходжи Абу Тахира—шейх спросил—До какой суры он дошел?—Хасан сказал—До суры «ал — Баййина» («Ясное знамение») — шейх сказал Хасану—Предложи им фрукты». Хасан принес фрукты и дал детям. Шейх спросил: «Кто старший [из вас] в вашей школе?» Указали на одного ребенка. Шейх сказал ему: «Скажи учителю, чтобы впредь не посылал детей с сурой «ал-Баййина» (Ясное знамение) на дощечке, а посылал их с дощечкой, [на которой записана] сура «Разве не раскрыли Мы?» (390).

Рассказ 151. В Нишапуре жила некая старуха, имевшая худжру рядом с ханакой нашего шейха. Она постоянно стучала в пустую ступку, чтобы досадить дервишам. Дервиши жаловались на нее шейху, но шейх ничего не говорил. Однажды старухи не было в худжре и дервиши сказали: «Эй шейх! Мы пойдем и вскроем крышу ее худжры, чтобы она занялась ею и не беспокоила нас». Шейх ничего не сказал. Они пошли и вскрыли крышу ее худжры. Пришла старуха, посмотрела, увидела крышу худжры вскрытой и сказала: «Жаль, что такой большой человек, а упрек такой маленький».

Рассказ 152. Рассказывают, что наш шейх Абу Са'ид был в хамаме в Нишапуре. [А в это время] шейх Абу Мухаммад Джувейни пришел поприветствовать нашего шейха в ханаку. Сказали [ему]: «Шейх в хамаме». Он также решил [пойти]. Когда он вошел [в хамам], то сел перед шейхом. Шейх спросил: «[Чем] хорош этот хамам?—Он ответил—Тем, что в нем шейх—шейх сказал—Следует [сказать] лучше—он сказал—[Пусть] шейх скажет—шейх сказал—Потому что здесь с тобой лишь изар и ведро [с водой], да и они не принадлежат тебе».

Рассказ 153. Ходжа Абу-л-Фатх [внук] нашего шейха, да помилует его Аллах, сказал: «Однажды из Ирака прибыли люди и привезли нашему шейху фараджи, очень хорошую, с каймой на суфийский манер. Когда ее положили перед шейхом, шейх сказал: «Набросьте ее [нам] на спину». Набросили ее на спину шейха. [В это время здесь] находилась кошка, которая постоянно крутилась возле шейха и всегда была перед ним. Она поднялась, покружилась вокруг шейха и [затем] помочилась на ту фараджи». Наш шейх сказал: «Мы думали показаться в суфийской одежде и на мгновение стать суфием, но эта кошка помочилась на наше суфийство. Возьмите эту фараджи и отдайте Абу-л-Фатху, так как суфий-он». Ту фараджи сняли с шейха и передали ходже Абу-л-Фатху, и ходжа Абу-л-Фатх неизменно с гордостью говорил об этом.

Рассказ 154. От нескольких благородных людей в Нишапуре я слышал, что в то время, когда наш шейх Абу Са'ид находился там, то все асхабы, [придерживающиеся] других [убеждений], и имамы мазхабов стали муридами шейха, и их отрицания его превратились в его признание и веру в его слова (состояние). Кази Абу Бакр Хири (391) был из числа великих имамов и из числа тех четырех Абу Бакров, о которых шейхи говорили, что: «В земле Нишапура покоятся четыре Абу Бакра, и тот, кто ради них воздаст [должное] и обратится за помощью к преславному и всевышнему Господу, то все его просьбы будут удовлетворены».

Однажды этот кази Абу Бакр сделал приготовления для гостей, позвал всех имамов, [придерживавшихся] различных [мазхабов], и позвал нашего шейха. Когда все собрались, то приступили к [обсуждению различных] вопросов, как это в обычае у имамов и ученых мужей. [Затем] разговор перешел (закончился) на выяснение превосходства мазхабов. Каждый из выдающихся имамов мазхаба выступил (говорил) с разъяснением [в пользу] своего мазхаба, и каждое таифа уцепилось за доказательства и доводы истинности своего мазхаба и ложности [других] мазхабов, так что разговор затянулся и не находил решения, и даже не было никакого перерыва [в словах].

[Наконец, самые] почитаемые [среди] имамов остановились на том, чтобы обратиться (сделать судьей) к священному (маджид) Корану, благой (карим) Книге, и согласно «...ни чего-либо влажного или сухого, о чем бы не было сказано в ясной книге (392)», по поводу каждого мазхаба открыть полный Коран, поскольку то, что выпадет в почитаемой Книге не может быть [ни чем иным], кроме ниспосланного откровения, и никто не найдет возможность [воспринять] его с укором или вмешаться в него.

Принесли полный Коран. Все имамы, [представляющие] различные [мазхабы], выразили согласие [с принятым решением] и сказали кази Абу Бакру: «Ты открой полный Коран—он сказал—Это моя Книга (393), и есть вероятность того, что кто-то скажет, что я пометил [нужные] страницы». [Тогда] стали указывать поочередно на каждого, пока все не согласились с тем, что Коран надо дать шейху Абу Са'иду, поскольку он—человек, владеющий халом. И, когда чудесность и неподражаемость Корана (иджаз ал—Куран) соединится с чудотворством шейха, тогда из смысла священной Книги проступит то, что не может быть [ничем иным], кроме истины, и это будет из числа мухкаматов, а не муташабихатов (394), которые нуждаются в истолковании или в смысле которых может проявиться различие.

Итак, когда полный Коран дали шейху Абу Са'иду, он взял его и сказал: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного, [посмотрим], опирается ли на что-нибудь шафиитский мазхаб и истинен ли он?» Он открыл [страницу, указал на] седьмую строку справа и показал всем эту [часть] Корана. Первые слова седьмой строки были эти: «Они станут спрашивать тебя: «Правда ли все это?» Отвечай: «Конечно, клянусь моим Господом! (395)» Когда прочли этот аят, все удивились этому чуду и сказали: «Теперь все ясно. На этом и закончим (сократим)». И больше не открывали Коран по поводу других мазхабов.

И в этом рассказе есть несколько полезных [вещей]. Одна из них та, чтобы ты знал, что шафиитский мазхаб истинен, согласно смыслу священного Корана; однако это не означает,

чтобы ты уверовал будто другие мазхабы ложны, никогда [этого не будет]. И другая [польза] это то, чтобы ты знал, если возникнет какой-то важный религиозный [вопрос] или ты захочешь узнать какое из двух дел правое и должно быть совершено и какое ложное и не должно быть совершено, то в этом случае допустимо открывать полный Коран. [Это возможно] по той причине, что в этом собрании все имамы мазхабов, почитаемые религиозные [деятели] и имамы суфиев были едины (собраны) и согласны с этим велением; это были ходжа имам Абу Мухаммад Джувейни и его сын имам ал-харамейн, кази Са'эд, Али Сандали (396), Абу Бакр Исхак [Каррами], уstad Исмаил Сабуни, уstad имам Абу-л-Касим Кушейри и другие выдающиеся имамы и почитаемые религиозные [деятели], упоминание о которых затянется. Каждый из них в [своем] мазхабе был наставником мира, и никто из них не воспротивился этому и не настаивал на том, что не следует [открывать Коран].

И еще одна полезная [вещь]—это то, что ко всем делам надо приступать с правой стороны, особенно к важным религиозным вопросам, согласно хадису (397) обладателя шариата, да благословит его Аллах и приветствует. И, [наконец], еще одна польза заключается в том, что предпочтительнее избирать нечетное число, в соответствии с этим хадисом {поистине, всевышний Аллах не [имеет] пары и любит не [имеющего] пары} (398).

Каждый рассказ из этих рассказов, который был изложен и излагается, также заключает в себе множество полезных [вещей], но если углубиться в разъяснение каждой, то это послужит причиной растягивания повествования и утомления {свободному достаточно указания} (399).

Рассказ 155. Рассказывают, что в то время, когда наш шейх Абу Са'ид направлялся из Нишапура в Мейхене, то [по дороге], выйдя из Туса, он прибыл в Дарзав-и ноубахар (400). Наш шейх скакал один [впереди], а все дервиши отстали. Это было начало времени туркменов, и Хорасан был небезопасен. К шейху приблизились несколько туркменов. Они захотели

забрать лошадь шейха. Шейх сказал: «Что это [и] что вам нужно?—Туркмены сказали—Слезай—шейх сказал—Нас сюда посадили четверо человек, потерпите немного, чтобы нас сняли и лошадь—ваша». Пока они так разговаривали, все [дервиши] подоспели. Шейх сказал: «Снимите нас [с лошади]». Шейха сняли с лошади. [Но] туркмены, увидев всех, стали уходить. И пока все снимали шейха с лошади, те всадники туркменов ускакали еще дальше. Шейх сказал: «Отдайте эту лошадь им—сказали дервиши—Эй шейх! Нас много, и мы ничего им не дадим—шейх сказал—Не следует [так делать], поскольку мы сказали, что эта лошадь—их; отдайте им».

Сделали так, как указал шейх. Туркмены [вернулись], взяли ту лошадь и ушли, забрав ее с собой. Шейх с людьми пришли в село Харв—и Джабали (401). К вечернему намазу пришли все туркмены, привели лошадь шейха, привели еще одного коня, очень красивого, попросили у шейха много извинений и сказали: «Эй шейх! Эти юноши не знали, [что делали]. Не обижайся на нас и на них. Ты проявил свое величие, а они не увидели этого». Шейх не принял коней. Они же много говорили, упрашивали, что может быть, шейх примет их коня. Но он не взял и не взял также свою лошадь. Он проявил учтивость и сказал: «Мы дали эту лошадь им и не вернемся к тому, от чего отказались. Когда шейх произнес это, те туркмены все приняли обет и обрили волосы [в знак этого]. В тот год все они совершили хаджж и стали добродетельными [людьми] благодаря бараке шейха.

Рассказ 156. Как-то , когда наш шейх находился в Нишапуре, то [здесь] у некоей старухи была худжра над ханакой нашего шейха (402), так что она целый день [могла] видеть шейха. Она постоянно посещала проповеди устада имама Абу—л—Касима Кушейри и никогда не приходила на проповедь нашего шейха. И не слышала его речей. Ей сказали: «Эй старая! Весь день ты видишь шейха и столько наблюдаешь его явное чудотворство, но никогда не присутствуешь на его проповеди и не ищешь святости в его благословенных словах, а появляешься на проповеди устада имама. Видишь ли ты там

то, чего не видишь здесь, возможно ли такое?» Старуха заплакала от горя и сказала: «Что мне делать? Это не в моих силах (руках). Устада имама мне показали. А шейха Абу Са'ида мне не показывают».

Рассказ 157. Рассказывают, что однажды наш шейх Абу Са'ид вел проповедь в Нишапуре. В тот день в руках у шейха был небольшой платок. Посреди речи он сказал: «Нужно взять за этот платок триста нишапурских динаров, поскольку у Хасана есть триста динаров долга». Некая старуха подала голос, что: «Я дам—сказали ей—Эй старая! Откуда ты возьмешь триста нишапурских динаров?—сказала [она]—Я знаю [откуда]. Когда шейх произносил эти слова, я подумала: то, что я принесла из своего дома в дом мужа, и то, что дал мне муж, я подсчитала и вышло триста динаров; я их отложила на нужды шейха—шейх сказал—Да будет благословенно [это дело]». Платок через Хасана Муаддаба он послал той старухе. Хасан взял платок и отнес старухе. Шейх сказал: «Эй Хасан! Спроси у этой старухи, какую молитву нам произнеси за нее?» Хасан спросил у старухи: «Какую молитву произнести шейху за тебя?—Старуха сказала—Молитву за довольство [сердца]». Хасан сказал это шейху. Шейх засмеялся и сказал: «Эй простодушная! Почему ты не захотела молитвы за [обладание] высоким саном и венцом, за [обладание] землей и имуществом? Что ты погналась за [сердечным] довольством? Вот уже семьдесят лет, как мы [сидим в углу], обхватив колени, но от этого хадиса (т. е. тасавуфа—М. К.) еще ни один запах не донесся до нас».

Рассказ 158. Однажды наш шейх в Нишапуре сидел в своей ханаке, и его пришел навестить сеид Аджал Нишапури (403) и сел возле него. [В это время] вошел шейх Абу-л-Аббас Шагани (404). Шейх усадил его выше сеида Аджала. Сеид Аджал был раздосадован этим, в нем разыгралась вражда. Шейх же повернул лицо в сторону сеида Аджала и сказал: «Вас любят, но любят ради Мустафы, и их (т. е. Абу-л-Аббаса—М. К.) любят, но любят ради Бога».

Рассказ 159. Рассказывают, что наш шейх однажды в Нишапуре сел на лошадь, и вместе с суфиями, которые находились

при нем, отправился на базар. [В это время здесь] проходила группа раздетых молодых людей, на которых были надеты [лишь] кожаные штаны (405). А одного они вели [с собой], схватив за шею. Когда они поравнялись с шейхом, шейх спросил: «Кто это?—сказали—Эмир игроков—шейх спросил у него—Как ты обрел это эмирство?—Тот ответил—Эй шейх! Честным проигрыванием и проигрыванием в пух и прах—шейх вскричал—Честно проигрывай и проигрывай в пух и прах и будь эмиром!»

Рассказ 160. Ходжа Али Тарсуси был пекарем (406) нашего шейха и за скатертью был сотрапезником нашего шейха. Шейх обучал его правилам и обычаям приема пищи. Однажды вечером ходжа Али очищал миску (407), и шейх сказал: «Что это? Вроде из-за сильного голода (желания) ты хочешь проглотить эту миску?» На следующий вечер, когда расстелили скатерть, ходжа Али сел на другое место. Шейх сказал за скатертью: «Я не вижу ходжу Али, где он?—сказали—Эй шейх! Он сидит у нижнего конца скатерти—шейх сказал, [обращаясь к нему],—Иди сюда, лучше мы понесем твоё бремя, чем другие».

Рассказ 161. Ходжа Абу-л-Фатх, [внук] шейха, да помилует его Аллах, сказал, что к нашему шейху пришел Хаджегак Сангани (408). Он был изящным молодым человеком. И был одет в хорошие одежды. А шейха в это время отводили в гости и у шейха было так заведено, что он скакал позади всех. Хаджегак шел впереди и разглядывал себя. Шейх сказал: «Ходжа! Не иди впереди». Хаджегак остановился. Когда он [вновь] сделал несколько шагов, шейх сказал: «Не иди сзади». Хаджегак пошел справа от шейха и сделал несколько шагов. Шейх сказал: «Не иди справа». Хаджегак пошел слева от шейха и сделал несколько шагов. Шейх сказал: «Не иди слева». Хаджегак обиделся и сказал: «Эй шейх! Как же мне идти?—шейх ответил—Эй ходжа! Ты разберись в себе (409) и иди прямо». Затем шейх произнес этот бейт:

«Пока твоя суть с тобой, какое тебе дело до этих слов,
Ибо эта живая вода — для человека, измученного
[мирским]».

Хаджегак вскричал, упал шейху в ноги, покаялся, произнес лаббейк, отправился в Хиджаз и стал из [числа] почитаемых [людей].

Рассказ 162. И также ходжа Абу–л–Фатх [внук] шейха, да помилует его Аллах, сказал, что наш шейх [как–то] прибыл из Нишапура в Мейхене. И множество [людей] было с ним. Однажды, [взобравшись] на скамью возле священного мешхеда, он проповедовал; перед ним сидело бесчисленное количество народа, и наступило умиротворение. [Вдруг поднялся] шум, раздались крики и возгласы пьяных. И по соседству с шейхом жил человек, которого звали Ахмад Бушаре. По вечерам в своем доме вместе с другими он занимался никчемными делами, а по утрам [они] пили вино и производили большой шум.

[Между тем] суфии и простолюдины возмутились, и среди народа раздались крики, что [мол] пойдем и обрушим на их головы дом. Шейх присутствовал при этом разговоре. Он сказал: «Хвала Аллаху! Их ложное [дело] так их заняло, что они не вспоминают о вашем истинном [деле], а вы так ясно видите истину, и разве она вас не занимает так, чтобы вы не вспоминали об их ложном [деле]?» Люди закричали, много плакали и отказались от того задуманного дела. Тот день прошел, и шейх [больше] ничего не сказал. Ходжа Абу–л–Фатх сказал: «На следующий день я стоял перед шейхом. Этот Ахмад Бушаре, пристыженный, проходил перед шейхом. Шейх ничего не сказал, пока Ахмад не поравнялся с ним. [Затем] шейх сказал: «Здравствуй, мы не воюем. Мы для тебя хорошие соседи. Тот великий (410) много завещал о соседях. Если когда–нибудь к тебе придет гость, ты прояви добрососедство, чтобы мы также оказали тебе помощь, не будь чужим». Когда шейх произнес это, Ахмад упал шейху в ноги и сказал: «Эй шейх! Я обещаю тебе, что [впредь] никогда не совершу подобного дела». Он раскаялся, стал муридом шейха и стал из [числа] добрых людей.

Не прошло [после этого] много времени, как шейх переселился из этого мира. Перед этим он каждому что–то заве-

шал. [В тот момент] этот Ахмад встал на ноги и сказал: «Эй шейх! Я стар и еще не видел света [истины], а ты уходишь, что мне делать?–Шейх ответил–Не занимай сердце этим (т. е. не думай об этом–М. К.), поскольку каждый, на кого упадет свет этой свечи (т.е. тасаввуфа–М. К.), то наименьшая вещь, которую всевышний Бог сделает для него, будет то, что Он помилует его».

Рассказ 163. Ходжа Абу–л–Фатх, [внук] шейха, да помилует его Аллах, сказал, что наш шейх по средам ходил в хамам, и шейх Абу Мухаммад Джувейни, да помилует его Аллах, приходил туда, и в хамаме с шейхом они вели беседы. Однажды в хамаме шейх сказал Абу Мухаммаду Джувейни: «Эй ходжа! Для чего [нужен] этот покой и отдых в хамаме?–Шейх Абу Мухаммад сказал–Люди приходят (бывают) сюда разбитые и уставшие, они выливают на себя горячую воду и успокаиваются–наш шейх сказал–Следует [сказать] лучше–шейх Абу Мухаммад сказал–Люди за неделю становятся грязными, обросшими, не выполняют предписаний [по соблюдению чистоты]; когда они приходят в хамам, то подстригаются, удаляют грязь, моются, облегчаются и отдыхают–шейх сказал–Следует [сказать] лучше–шейх Абу Мухаммад сказал–Лучше (больше) этого я не знаю, а что думает шейх?–Шейх сказал–Нам кажется, что встретились два противника, а хамам [несмотря на это] предоставляет столько покоя». Шейх Абу Мухаммад заплакал и сказал: «То, что явно для шейха, не [видно] никакому созданию».

Рассказ 164. Наш шейх однажды вел проповедь. И на ней присутствовал один из сыновей шейха Абу–л–Хасана Харакани, да помилует его Аллах. Посреди речи шейх сказал: «Те, кто отрешились от себя и вышли чистыми из своей [сути] со времен пророчества и до наших дней, достигли веры. Если хотите, мы их всех перечислим. И из тех, кто очистился от своей [сути], был отец этого ходжи» - и он указал на сына шейха Абу–л–Хасана Харакани.

Затем сказал: «Устами шейха Абу–л–Хасана Харакани было сказано, что улемы уммы согласны в том, что преславно-

го Бога следует познавать разумом. Абу-л-Хасан, когда взглянул [глазами] разума, то увидел себя на этом пути незрячим, и пока Бог не даст ему зрение и не покажет путь, он не прозреет и не познает [Его]. Многих мы взяли за руку и, [минуя] заносчивость разума, наставили на истинный путь».

Рассказ 165. Мой отец Нур ад-Дин Мунаввар, да помилует его Аллах, поведал, что наш шейх [как-то] в Нишапуре куда-то направлялся. Он дошел до квартала Харб. Здесь он увидел разукрашенные дуканы, полные базилика и хороших фруктов. И то место было очень приятным, так что во всем Нишапуре не было места более приятного и разукрашенного, чем оно. Шейх сказал: «Как называют это место?—Сказали ему—Это начало квартала Харб («Война»)–наш шейх молвил—Недурно! У того, у кого начало квартала «Харб» таково, то, посмотри, каким будет у него начало квартала Сулх («Мир»).

И также мой отец, да помилует его Аллах, поведал, что однажды наш шейх захотел провести проповедь. Когда он вышел, сел на тахт и чтецы прочли Коран, то [выяснилось], что пришло множество людей. [Стали его спрашивать]. Каждый из задававших вопросы, спрашивал [все] о новых [вещах], и спрашивали о множестве различных тем, а шейх наблюдал и молчал, пока все не спросили. Наконец, шейх сказал:

«Если я из-за этого (так) откажусь от друга,
То хватит для меня друзей в Баварде, Нисе и Тусе.

Да благословит Аллах Мухаммада и весь его род» - и провел рукой по лицу, и сошел с тахта, и в тот день больше ничего не говорил.

Рассказ 166. И также мой отец, да помилует его Аллах, сказал, что в начале деяний нашего шейха, когда еще жители Мейхене не признавали его, раис Мейхене ходжа Хамуйе привел из Серакса толкового ученого мужа для отпора шейху, чтобы он проповедовал и давал фетву (411) . Однажды тот ученый муж пришел на проповедь к шейху. Некто спросил у нашего шейха: «Насколько может быть прощена кровь блохи? И

сколько дозволено молиться за нее?—Наш шейх сказал—Имамом [в вопросе] крови блохи является ходжа имам (412)—и указал на того ученого и сказал—Такого рода вопросы задавайте ему, а [когда] спрашиваете у нас, то спрашивайте о Нем».

Рассказ 167. Рассказывают, что каждую пятницу наш шейх посылал Хасана Муаддаба к ходже Хамуйе, поскольку тот был раисом Мейхене и стал муридом нашего шейха, слал ему сообщение и общался (говорил) [с ним таким образом]. Ходжа Хамуйе гордился подобным вниманием и от такой мелочи [как то], что сердце шейха «смотрит» на него, оживал. Однажды в пятницу зимой было очень холодно, а у шейха и у всех остальных ничего не было [из еды и теплых вещей]. Но он все — таки позвал Хасана Муаддаба и сказал: «Иди к ходже Хамуйе, передай ему привет и скажи, что сегодня холодный день». Даже в такой день, [как видно из] этих слов, его внимание к ходже Хамуйе не ослабло и, по его мнению, не следовало, чтобы он обиделся, что, [мол], шейх в холода не вспомнил о нас.

Рассказ 168. Однажды наш шейх вел проповедь и посреди речи сказал: «Придет время, когда никто не сможет и года усидеть в ханаке, не сможет и пяти месяцев спокойно провести в келье и не найдет и пяти дней покоя в мечети. Это время [уже] подготовили (скрутили) [для нас]».

И также наш шейх сказал: «К некоему старцу вошел юноша и сказал: «Эй старик! Скажи мне что—нибудь—старец на мгновение опустил голову и подумал, затем поднял голову и сказал—О юноша! Ты ждешь ответа?—юноша сказал—Да—старец сказал—Все, что презренной преславной Истины, не заслуживает того, чтобы говорить о нем, а то, что есть преславная Истина не поддается словам. {Поистине, всевышний Аллах выше того, что описывается описанием и напоминает поминанием}».

Рассказ 169. В то время, когда наш шейх Абу Са'ид был в Нишапуре, то однажды вечером всех вместе с шейхом взяли в гости в ханаку Сандуги. Когда они что—то поели и совершили ночной намаз, то занялись сама. А та ханака была расположена по соседству [с домом] сеида Аджала Хасана. Когда сама было в самом разгаре, и у суфиев наступил хал, и они стали танцевать,

то у сеида Аджала Хасана от криков и танцев суфиев пропал сон. Он спросил у своих слуг: «Что случилось?»—Сказали [ему]—Шейх Абу Са'ид находится в ханаке Сандуги, его пригласили. Сейчас они совершают сама, и суфии танцуют».

А сеид Аджал Хасан был [человеком], категорически отвергающим шейха и суфиев. Он сказал: «Они мешают нам спать. Заберитесь на крышу ханаки и сбросьте на их головы кирпичи». Слуги сеида Аджала забрались на крышу, расковыряли кирпичи на крыше и стали бросать кирпичи и их обломки на головы суфиев. Асхабы пришли в смятение, а каввалы и чтецы Корана замолчали. Шейх сказал: «Что случилось?»—Сказали [ему]—Похоже на то, что пришли люди сеида Аджала Хасана и бросают сюда кирпичи—шейх сказал—Принесите то, что они сбросили». Все кирпичи собрали, положили на лоток и принесли шейху. Слуги сеида Аджала наблюдали с крыши за тем, что будет делать шейх с кирпичами, которые собрали. А он брал по одному те обломки кирпичей, которые были перед ним, целовал, прикладывал к глазам и говорил: «Все, что исходит от святости пророчества, хорошо и дорого [для нас] и его следует хранить в сердце и душе. Не плохо, что эти куски кирпичей обрушились на нас, ведь мы нарушили сон такого дорогого человека. Нам следует направиться в квартал Аданикубан». Шейх тотчас встал, сел на коня, и все суфии обеих ханак пошли [с ним]. Они взяли светильники, понесли [с собой], и каввалы [все] также произносили [стихи] по пути, пока они не пришли в ханаку квартала Аданикубан. В ту ночь состоялось хорошее сама, и они приятно провели ночь.

Когда слуги сеида Аджала Хасана вошли в его дом, плачущие и огорченные, то сеид Аджал подумал, что суфии обидели или избili его слуг и спросил: «Что произошло с вами, что вы так плачете?»—Сказали ему—Не спрашивай, что произошло—сеид Аджал сказал—Быстро расскажите, что произошло—сказали—Эй сеид! Каждый кирпич и камень, которые мы сбросили в ханаку, положили, по велению шейха, на лоток и отнесли ему, он их брал по одному, целовал, прикладывал к глазам и говорил, что это досталось от святости пророчества,

это дорого нам и приятно и неплохо, что эти куски обрушились на нас, поскольку мы нарушили сон такого дорогого человека».

Когда сеид Аджал Хасан услышал эти слова, то [испытал] сильное сожаление от того поступка, который приказал [совершить]. Он сказал: «Что же случилось [затем]?—Сказали—Тотчас они встали, и все пошли в ханаку квартала Аданикубан». Сеид Аджал был печален в ту ночь, а то непризнание суфиев и вражда [к ним] все исчезло (вышли наружу) в его душе. Той ночью он замкнулся в себе, пребывал в той печали, совсем не спал и говорил: «Хоть бы еще раз настал день, чтобы я пошел извиниться перед шейхом».

На следующий день на рассвете он встал, приказал, чтобы оседлали лошадь, и взобрался на нее, чтобы поехать извиниться перед шейхом. А наш шейх также на рассвете повелел, чтобы оседлали лошадь, сел на нее и со всеми суфиями поехал [просить] извинения у сеида. Оба встретились на перекрестке в Нишапуре, обняли друг друга и стали расспрашивать [друг друга] о здоровье. И просили прощения друг у друга, и каждый говорил другому: «Тебе следует вернуться, чтобы мы приехали к тебе просить прощения». Сеид Аджал Хасан сказал: «Если мое извинение будет принято, то шейху надо вернуться и направиться в ханаку, чтобы я пришел в ханаку, попросил прощения у шейха и у всех остальных и покался бы—наш шейх сказал—Повеление сеида Аджала правильное». Оба они вернулись, прибыли в ханаку квартала Аданикубан, и затем оба великих [человека] попросили прощения друг у друга; и оба великих [человека] и все остальные [в тот момент] были искренни и радостны.

[Затем] сеид Аджал сказал: «Если наши извинения приняты шейхом и не отвергнуты, то шейху сегодня вечером надо прийти к нам домой, чтобы я удостоверился [в том], что мои извинения приняты». Шейх согласился и в тот вечер отправился к сеиду Аджалу. Он приготовил царское угощение, как это и было принято в том щедром и великом роду. В тот вечер все обитатели обеих ханак находились там на услужении у

шейха. Провели сама, и время прошло хорошо, и у сеида Аджала возникла большая привязанность [к шейху]. В начале было полное отрицание шейха, а в конце—безграничная привязанность. Привязанность сеида Аджала Хасана к нашему шейху достигла такой степени, что во время пребывания нашего шейха в Нишапуре, он истратил на нашего шейха тридцать тысяч нишапурских динаров.

Рассказ 170. Рассказывают, что однажды на проповеди нашего шейха некий дервиш встал на ноги и завел длинную историю. Наш шейх сказал: «Эй достойный! Сядь, чтобы я научил тебя кое-чему». Тот человек сел, и шейх сказал: «Чего ты хочешь добиться рассказыванием столь длинной истории? Когда ты захочешь сказать что-то, скажи, что говорить правду—[это] доверие, говорить ложь—предательство и у меня есть нужда в такой-то вещи—тот человек сказал—Я так и сделаю, а сейчас позволишь ли мне сказать, чему я научился?—Шейх сказал—Говори—тот человек [вновь] встал и сказал—Говорить правду—доверие, а говорить ложь—предательство, и я нуждаюсь в фараджи шейха—шейх сказал—да будет благословенно [то, чему ты научился]». Он снял с себя фараджи и дал ему.

Когда проповедь закончилась, и шейх сошел [с тахта], и люди разошлись, муриды нашего шейха подошли к тому человеку и [захотели] купить у него фараджи шейха за сотню динаров, но он не продал. Они прибавили [цену], пока она не достигла тысячи динаров. Они купили [фараджи] у него за тысячу динаров и принесли ее шейху. [Но] шейх не принял [ее] не набросил [на себя]. Фараджи он [вновь] дал тому дервишу, оставил ему [также] деньги и не разрешил, чтобы [их] взяли у него.

Рассказ 171. Однажды наш шейх вел проповедь в Мейхене, а Хамза Ажджахи Кардгар был муридом нашего шейха, и шейх все время помнил о нем. Каждый день, когда наступала очередь проповеди шейха, Хамза на рассвете приходил из Ажджаха . [Как раз] в то время, когда наш шейх выходил [из дому], он приходил в Мейхене и садился там, [где должна бы-

ла состояться] проповедь. Прослушав проповедь шейха, он возвращался и шел в Ажджах.

Однажды Хамза запаздывал, а шейх спрашивал о нем, поскольку он был очень печальным (413) и страстным дервишем. Посреди проповеди Хамза подоспел, шейх повернул лицо к нему и сказал: «Войди Хамза, войди Хамза, войди Хамза!» и произнес этот стих:

«Лицами [красавиц] ты разрисовал весь дом,
И благодаря ликам наших пьянящих красавиц
ты сделал его, словно пламя.
Ты в шесть раз увеличил нашу радость и ликование,
Да будет приятным твое веселье, ибо ты сделал
приятным наше время.

[Вслед за этим] на проповеди шейха раздались крики и многих охватил восторг.

Рассказ 172. Наш шейх в начале [своих] деяний однажды пребывал в [состоянии] кабза. Из Мейхене он решил направиться в Серахс; как это было принято у него каждый раз, когда им овладевало [состояние] кабза, он отправлялся на могилу пира Абу-л-Фазла Хасана. После смерти пира Абу-л-Фазла, также как и при его жизни, он шел к нему.

Когда наш шейх направлялся в Серахс, его нагнал Логман Серахси и сказал: «Эй Абу Са'ид! Куда ты идешь?—Сказал [Абу Са'ид]—Мое сердце разбито, я иду в Серахс—Логман сказал—Когда прибудешь в Серахс, эй Абу Са'ид, передай от нас привет властелину Серахса» (т.е. Абу-л-Фазлу-М. К.).

Рассказ 173. Наш шейх (как-то) сказал, что мы были в Серахсе у Абу-л-Фазла Хасана. Некто вошел и сказал: «У Логмана появились [признаки] болезни, он обессилел и сказал, чтобы его отнесли в рибат Бурджа. Вот уже три дня, как он находится там и ничего не говорит. Только сегодня он произнес: «Скажите пиру Абу-л-Фазлу, что Логман уходит и говорит, что есть ли какое указание [ему]?» Пир Абу-л-Фазл, ко-

гда услышал эти слова, встал и сказал: «Пойдем туда». Вместе с [другими] людьми мы пошли туда.

Когда Логман увидел его, то улыбнулся. Пир Абу-л-Фазл сел у его изголовья. Он смотрел на пира, тяжело дышал и совсем не шевелил губами. Один из присутствующих сказал: «Нет бога, кроме Аллаха—Логман улыбнулся и сказал: «Эй достойный! Мы отдали харадж и взяли барат, а остальное ищем (имеем) в таухиде (414)—тот дервиш сказал—Надо думать о Боге в предсмертный час—Логман сказал—Ты повелеваешь мне вопить у Его порога?» Пиру Абу-л-Фазлу понравились эти слова [и] он сказал: «Так и есть».

Через мгновение дыхание [Логмана] прервалось, [но] он все так же смотрел на пира и никаких перемен в его взоре не произошло. Среди присутствующих начался спор. Некоторые говорили: «Умер», а некоторые говорили: «Еще нет и взор его все еще не потух». Пир Абу-л-Фазл сказал: «Все кончено, но пока мы сидим [перед ним] он не закроет глаз, поскольку друзья не закрывают глаза на друзей». Затем пир Абу-л-Фазл поднялся, и Логман, да помилует его Аллах, закрыл глаза.

Рассказ 174. Рассказывают, что когда наш шейх Абу Са'ид прибыл в Кайен (415), там его [неоднократно] приглашали на угощения. Однажды нашего шейха позвали в гости. Когда шейх появился там, кто-то сообщил ходже имаму Абу Са'иду Хаддаду (416), а он был из [числа] почитаемых людей [своего] времени, что он [также] должен присоединиться [к гостям]. Абу Са'ид Хаддад сказал: «Я сорок лет не ел ничей хлеб, кроме своего». Эти слова (весть) передали шейху. Шейх сказал: «Аллах пречистый! Мы уже пятьдесят с лишним лет не ели [ни] свой хлеб и ни чей-либо хлеб». То есть то, что ели, принадлежало Господу, и видели мы [все] от Него, и знали, что [все] принадлежит Ему.

Рассказ 175. В то время, когда наш шейх был в Кайене, там находился и другой имам, весьма почитаемый. Его звали ходжа имам Мухаммад Кайени (417). Когда наш шейх прибыл туда, он пришел поприветствовать шейха и большую [часть] времени проводил у него. На каждый прием, куда отводили

шейха, он сопровождал его, присутствовал там и оставался на сама.

Однажды после угощения проводили сама. У нашего шейха наступил хал, и все [остальные] также пребывали в том состоянии, и наступило приятное время. [В этот момент] муэдзин провозгласил призыв к полуденному намазу, а шейх все также пребывал в хале, и остальные, находясь в [состоянии] ваджда (418), танцевали и вскрикивали. И [вот] посреди этого [общего] состояния имам Мухаммад Кайени сказал: «Намаз! Намаз!–Наш шейх сказал–Мы [и] совершаем намаз» - и [все] также [продолжали] танцевать. Имам Мухаммад оставил их и отправился на намаз. Когда шейх вернулся в [обычное] состояние, то произнес: «С того места, откуда восходит солнце, и до того места, где садится, оно не светит (падает) ни для одного человека более почитаемого и ученого, чем Мухаммад Кайени, однако к этому хадису (т. е. тасаввуфу– М.К.) [даже] он не имеет отношения [ни] на волосок».

Рассказ 176. Рассказывают, что наш шейх Абу Са'ид [как –то] сидел в Нишапуре со всеми почитаемыми людьми, [такими] как уstad имам Абу–л–Касим Кушейри, шейх Абу Мухаммад Джувейни, уstad Исмаил Сабунни, да помилует их Аллах. Каждый из них говорил о том, какие вирды [произносит] по ночам и каким зикром занимается. Когда очередь дошла до нашего шейха, у него спросили о его вирде по ночам. Наш шейх сказал: «Мы всю ночь говорим: О Боже! Дай на завтра суфиям что–нибудь вкусное из еды, чтобы они поели». Они посмотрели друг на друга и сказали: «Эй шейх! Что это за вирд?–Наш шейх сказал–Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «{Всевышний Аллах помогает рабу до тех пор, пока раб помогает брату мусульманину}»». [После этого] все они признали, что вирд нашего шейха лучше (совершеннее), и нет никакого вирда выше.

Есть одна тонкость в этом рассказе, которую показал им шейх: вирд, который произносите вы и тот намаз, который совершаете, вы совершаете ради воздаяния в загробном мире и обретения (поиска) степеней [в этом мире], и все это ваш удел.

Если вы ищете добра, [то] и его хотите для себя. А вся наша судьба, и аурат, и угощения предназначены и используются для поиска (желания) блага для других, и значит это лучше [ваших дел]. Как указано одним из великих шейхов (419), говорившим в своих молениях: «О Господи! Органы и части моего [тела] во время Судного дня раздели так, чтобы ими заполнились семь кругов ада и [больше] ни для кого не осталось бы [там] места. А затем—каждое страдание, которому ты хочешь подвергнуть всех Своих рабов, определи для моей низменной души, чтобы я совершил правосудие над своей низменной душой и не видел ее достигшей своей цели и чтобы все Твои рабы избавились бы от мучения». Вражда этого таифа со своей низменной душой и их милосердие к созданиям всевышнего Аллаха и его рабам было таким.

Рассказ 177. Имам ал-харамейн Абу-л-Маали Джувейни сказал, что однажды его отец шейх Абу Мухаммад Джувейни сказал ему: «Вставай и отправляйся к Абу Са'иду Абу-л-Хейру и запомни все, что скажет шейх, чтобы передать мне». Я пошел к шейху. Шейх спросил у меня: «Что ты учишь?—Я сказал—Хелафи—шейх сказал—Не нужно хелафи! Не нужно хелафи (420)! Нужно согласие» Я вернулся, пришел к отцу и передал то, что было сказано языком шейха. Мой отец сказал: «Впредь не учи хелафи, а учи мазхабы и фикх». Я последовал тому указанию, и мои научные дела достигли этого уровня.

Рассказ 178. Рассказывают, что наш шейх [как-то] направлялся в Герат, и с ним было множество людей, в том числе чтецы Корана. Когда они достигли селения Рейкар (это селение в десяти фарсангах от города Герата), то там находился человек, весьма почитаемый и обладавший чудотворством. Его звали шейх Абу-л-Аббас Рейкари (421). У него был брат, почитаемый и счастливый (с доброй судьбой) человек, и они все время были вместе. У них имелся загородный дом, как принято у жителей Герата, и они жили в нем. Каждому из суфиев, кто добирался туда, они давали приют, оказывали вни-

мание и исполняли обычаи гостеприимства, [но] они являлись противниками сама.

Когда наш шейх прибыл туда, они разместили его в своем доме и тотчас приготовили угощение. Когда поели, шейх сказал: «Произнесите стих—шейх Абу-л-Аббас сказал—У нас не было условлено присутствовать на сама». [Тогда] наш шейх сказал каввалу: «Давай, скажи стих». Чтецы шейха произнесли стих. И у них (т. е. у Абу-л-Аббаса—М. К.) не было возможности что-то сказать. [Между тем] наш шейх пребывал в [состоянии] хала, и наступило приятное время. Он встал, начал танцевать, и все, кто находился с шейхом, присоединились к нему. [А] шейх Абу-л-Аббас внутренне протестовал [против этого]. Наш шейх взял его за руку и притянул к себе, чтобы и он присоединился к танцу. Но тот отказался. Наш шейх сказал: «Взгляни». Шейх Абу-л-Аббас посмотрел вокруг. Все деревья, горы и строения он увидел присоединившимися к шейху. Шейх Абу-л-Аббас также непроизвольно стал танцевать, взял за руку брата и сказал: «Давай, о брат, танцуй, поскольку мы не можем справиться с этим человеком». Оба брата пустились в пляс, и то непризнание [ими шейха] устранилось, и после этого они не отрицали сама и постоянно хотели [совершать] сама. И сейчас еще тот дом стоит на [своем] месте, и люди, которые приходят туда, посещают [его], так как нога нашего шейха ступала там, и шейх в нем останавливался и отдыхал.

Поскольку шейх тот день провел в этом доме, то в Герат он направился только на следующий день. Когда он добрался до города, то сказал: «В этот город вошло мусульманство, однако безбожие не вышло [из него]». Когда он вошел в город, то направился в ту ханаку, где находился его дядя (422). [Затем] вернулся оттуда и пришел в дом кази Герата, вошел и сел [здесь]. Кази сообщили об этом; он прибежал босой (423), уселся, поджав под себя ноги, и сказал: «Эй шейх! Молви что-нибудь—наш шейх сказал—{Любовь к мирскому—начало всех ошибок}». И больше этого ничего не сказал и поднялся; кази

много рыдал и молил его, чтобы хоть на мгновение шейх задержался, но он не сделал [этого] и вышел.

На дороге, по которой он ехал, один из жителей Герата взялся за [торока седла] шейха и шел, [проявляя] к нему [свое] почтение. Он спросил у шейха: «Эй шейх! Что ты скажешь по [поводу] этого аята «Он–милостивый, который утвердился на небесном троне » (424)?–Наш шейх сказал–В нашем Мейхене есть старухи, которые помнят, что был Бог и не было никакого трона».

Затем наш шейх пошел, чтобы выйти из ворот, и добрался до одного квартала. Здесь был открыт большой колодец с водой и, как у них (т. е. гератцев–М. К.) принято, его называли Ха–йи Йагуб (425). У колодца стоял какой–то человек и звал: «Эй Гоухар!» - и кричал. Поскольку он много вопил, из дома вышла старая женщина, с черным, покрытым оспой лицом, с большими зубами и наделенная качествами, [заслуживающими] порицания. Шейх и все посмотрели на эту старуху. Наш шейх сказал: «Такому морю подобает такая жемчужина (426)». И направился к воротам, которые называют воротами Дарсаре. Он дошел до ворот, там был некий человек, который что–то сказал, от чего шейх обиделся. Устами нашего шейха были сказаны слова, свидетельствующие о том, что у этих ворот не будет [никакого] строения, как это есть у других ворот. С тех пор и до сегодняшнего дня [в отличие] от того, что у каждого [из] ворот города Герата расположены здания, базары, дворцы и красивые высокие дома со множеством людей, поселившихся в них, возле тех ворот нет зданий, и никто не проживает [там].

Затем наш шейх вышел из города и множество людей [также] вышло, чтобы повидаться и попрощаться с шейхом. Наш шейх обернулся и сказал: «{О жители Герата! Я вижу вас в благополучии и боюсь за вас}». И пошел, и больше ничего не сказал, и ни на мгновение больше не задержался в городе Герате, и расстелил скатерть в поле.

Рассказ 179. От [лица] нескольких почитаемых людей и детей шейх ал–ислама Абдаллаха Ансари передают, что шейх

ал-ислам сказал: «В начале молодости, когда я стремился к этому хадису и хотел, чтобы у меня наступило «раскрытие» («гошайеш») (427), я совершал воздержания, посещал пиров тариката и почитаемых людей веры, искал этот хадис и просил у них содействия усердием и молитвой. И также, несмотря на все это, [в ту пору] я сквернословил и каждый раз непроизвольно что-то срывалось у меня с языка, и внутри я питал отвращение к этому и отвергал это, но сколько ни старался [ругань] с моего языка не исчезала. [Это продолжалось до тех пор], пока я не прибыл в Нишапур, и шейх Абу Са'ид Абу-л-Хейр находился там. Я с этой мыслью (428) отправился посетить его. Он сидел, с ним был какой-то мурид, который обваливал вареную репу в сахарной пыли и подавал ему, чтобы он ел.

Я вошел и у шейха в руке была репа: половину [ее] он съел, а другую держал в руке. Когда я вошел, то эту [вторую] половину он своей рукой положил мне в рот. С того момента никогда уже брань не срывалась с моего языка, а также то, что не следовало [говорить]. Слово истины раскрылось для меня. И все, что теперь говорится моим языком, происходит [благодаря] той половине репы Абу Са'ида, которую он своей рукой положил мне в рот, [а также] бараке его взора и руки».

Рассказ 180. Рассказывают, что у нашего шейха Абу Са'ида в Мейхене из-за суфиев [образовался] долг в пятьсот нишапурских динаров. Однажды он сказал Хасану Муаддабу: «Оседлайте лошадь, чтобы мы отправились в Эстева к Абу-л-Фазлу Фарати (429), так как этот долг сможет покрыть [только] он». Оседлали лошадь, наш шейх сел [на нее], и все выступили с шейхом. Один дервиш пошел раньше и сообщил Абу-л-Фазлу Фарати, что шейх направляется к нему с мыслью о [покрытии] долга и [сообщил также] о том, что было сказано им в Мейхене.

Абу-л-Фазл Фарати вышел, чтобы встретить шейха, оказал ему почести, с большим уважением приютил шейха и три дня оказывал ему хорошее гостеприимство с обильным угощением. [В течение] этих трех дней он перед шейхом был на ногах, не садился и не уклонялся от служения ему. На чет-

вертый день прежде, чем шейх сказал что-то или сделал указание по этому поводу (430), он вытащил пятьсот нишапурских динаров, дал Хасану и сказал: «Это на [покрытие] долга шейха». И отсчитал (взвесил) еще сотню динаров, дал ему и сказал: «А это для скатерти (т. е. припасов–М. К.) на дорогу». И [затем] дал еще сто динаров и сказал: «А это на гостинцы шейху».

Хасан Муаддаб пришел и рассказал об этом шейху. Наш шейх сказал: «Эй Абу-л-Фазл! Какую молитву [произнести] за тебя?–сказал Абу-л-Фазл-Ту, какую изволит шейх-шейх сказал–Помолиться мне, чтобы всевышний Господь забрал твое богатство (431)?–Сказал он–Нет, о шейх! Так как если [не это] богатство, то благословенная поступь шейха не добралась бы сюда, и мы не оказали бы служения шейху и были бы не в силах [обеспечить] покой вашего сердца–наш шейх сказал–О Боже! Не оставляй его без богатства, сделай богатство его дорожным припасом, а не бременем для него». Барака молитвы шейха дошла до него и его детей. Абу-л-Фазл стал из числа почитаемых [людей], его руками было совершено много добродетельных [поступков], и дети его достигли высоких степеней в религиозной и мирской [жизни] и стали знаменитыми людьми Хорасана.

Рассказ 181. В то время, когда наш шейх был в Нишапуре, однажды он сказал Хасану Муаддабу: «Вставай и приведи каввала, чтобы он сказал что-нибудь для нас». Хасан Муаддаб вышел наружу, обошел весь город, долго искал, но никого не нашел. Когда он отчаялся, ему указали на молодого человека в кабаке. Он пошел его звать, но тот оказался пьяным. Хасан вернулся к шейху и сказал: «Эй шейх! Я обошел весь город и искал, но никого не нашел, кроме молодого человека в пьяном состоянии–шейх сказал–Приведи его [в том состоянии], как он есть». Хасан пошел и привел его к шейху, как он был [пьяным].

И [уже] само требование шейхом того молодого человека послужило причиной его счастья. Тот молодец вошел в хануку [в таком виде], что даже не помнил себя. Когда он подо-

шел к шейху, то шейх сказал: «Эй молодец! Скажи стих». Тот молодой человек с грехом пополам произнес стих и, как это [привычно] для пьяных, там же и заснул. Шейх сказал: «Дайте ему хорошо выспаться». Ему дали хорошо выспаться, а шейх дал свою джуббу, чтобы набросили на него. Некоторое время тот молодец спал, но [затем] проснулся, вскричал и сказал: «Где я?» Хасан подошел к нему и сказал: «В ханаке Абу Са'ида Абу-л-Хейра, и тебя позвал шейх, чтобы ты прочел стих».

Плача и причитая, он вскочил и падал в ноги каждому суфию по отдельности, пока не приблизился к шейху. Он целовал ему руки и ноги и говорил: «Я дал обет». Шейх возложил на его голову свою благословенную руку и послал его в хамам. Тот молодой человек сказал цирюльнику: «Обрей мне голову». Цирюльник состриг его волосы, а шейх послал свою одежду в хамам, и тот молодой человек надел ее и пришел в ханаку. [После этого] тридцать лет он прислуживал дервишам, остался среди этого таифа и стал [одним] из почитаемых [людей] этого таифа благодаря бараке благословенного взора шейха.

Рассказ 182. [Это относится] к тому времени, когда наш шейх Абу Са'ид находился в Нишапуре и ходжа Абу Тахир был вместе с ним. Ходжа Абу Тахир сказал: «Однажды шейх повелел: «Оседлайте коня». Оседлали коня, шейх сел [на него], и все отправились с шейхом. Шейх ехал по дороге, и мы шли с ним. Посреди базара какая-то пьяная певица, с открытым лицом и разукрашенная, как это в их обычае, нагнала нашего шейха. Все закричали на нее и сделали ей знак, чтобы она удалилась с дороги. [Но] шейх сказал: «Оставьте ее в покое». Когда эта женщина приблизилась к нашему шейху, шейх произнес:

«Наряженным и опьяненным приходишь на базар,
О друг, не боишься (432) быть охваченным [любовью]».

У той женщины возникло [состояние] хала, она много проплакала, вошла в [находящуюся] поблизости мечеть, позвала одного из муридов шейха. Шейх сказал: «Войди и [посмотри] в чем дело?» Тот дервиш вошел. Та женщина сняла с себя все, что у нее было из [дорогих] одеяний и украшений, золота и жемчугов и, положив на кусок ткани, дала тому дервишу и сказала: «Отнеси это шейху и скажи ему, что я дала обет, пусть устремит на меня [свои] помыслы». Тот дервиш принес шейху то, что послала эта женщина и передал то, что она сказала. Шейх сказал: «Да будет благословенно [это дело]!» И повелел, чтобы тотчас здесь же потратили на белый хлеб, жаркое, халву и благовония все, что послала та женщина.

Шейх вместе со всеми направился в поле. В городе огласили [приглашение к угощению], и множество простого народа пошло следом за шейхом. Все направилась в поле, а суфии подумали, что это приглашение и для них. Когда пришли носильщики и принесли еду, шейх повелел, чтобы все [это] положили перед народом и сказал людям: «Ешьте». А суфиям не разрешил присоединиться. Шейх с суфиями стояли в стороне и наблюдали. И он повелел [также], чтобы то алоэ и благовония положили в огонь. От благовоний пошел аромат, и дым поднялся в воздух, и для шейха наступило приятное время; он вскрикивал и говорил: «Все, что приносится ветром, уносится дымом и ветром же». Когда простолюдины частью съели ту пищу и частью забрали, так что ничего не осталось, и все разошлись, наш шейх прибыл в город; та певица осталась [верна данному] обету и стала [одной] из числа добродетельных женщин благодаря бараке благословенного взора шейха».

Рассказ 183. Ходжа Абу-л-Фатх [внук] шейха, да помилует его Аллах, сказал, что в то время, когда наш шейх Абу Са'ид находился в Нишапуре, вали Нишапура был Сайф ад-Доула (433). Он был из числа великих султанов. Однажды он пришел в ханаку навестить шейха, много проплакал, оказал [много] почестей шейху и сказал: «Надо, чтобы ты усыновил меня (434)–шейх сказал–Эй Ибрахим! Ты захотел высокой степени и не следует, чтобы ты не смог постоять за нее–сказал

[Сайф ад-Доула]—С баракой помыслов шейха, иншаллах, я смогу постоять [за нее]—шейх сказал—Ты ручаешься (принимаешь от нас то) за то, что не будешь насильничать, [будешь] хорошо относиться к мусульманам, укротишь войско, чтобы оно не угнетало подданных и избереешь путь справедливости?—сказал [он]— Я ручаюсь—наш шейх сказал—Мы приняли тебя в [качестве] сына». После этого Сайф ад-Доула выказал [свое] почтение, вышел и с того момента начал проявлять справедливость и добро, так что прославился в Хорасане и Ираке справедливостью и похвальным характером; его доброту, правосудие и благородство приводили в пример [благодаря] величю благословенного взора нашего шейха.

Рассказ 184. В то время, когда наш шейх Абу Са'ид был в Нишапуре, то однажды он провел проповедь в ханаке устада имама Абу-л-Касима Кушейри, а [затем] поехал в свою ханаку, находившуюся в квартале Аданикубан. По пути ему повстречался Ибрахим Инал, брат султана Тогрула. Увидев нашего шейха, он сошел с коня, склонил голову и проявил к нему уважение. Шейх сказал: «Опусти ниже». Он опустил голову ниже, а шейх продолжал говорить, [чтобы он опустил голову], пока он не склонил голову к земле. Тогда шейх сказал: «[Теперь] все ; бисмиллах, садись на коня». Он сел, а шейх поехал и прибыл в ханаку.

[Между тем] у какого-то дервиша пронеслась [мысль о том], что это может значить, что шейх повелел Ибрахиму Иналу проявить к нему [такое] уважение? Наш шейх повернулся к тому дервишу и сказал: «Эй дервиш! Разве ты не знаешь, что каждый, кто здороваётся с нами, делает это ради Него? Наша форма—[лишь] кибла приближения создания (435) и цель преславного Господа. Нас самих посреди этого нет, и каждое служение, которое совершается ради Него, чем более смиренно [оно], тем оказывается ближе к [тому, чтобы быть] принятым. И стало быть мы повелели Ибрахиму Иналу [проявить] служение Господу, а не себе». Затем шейх сказал: «Каабу превратили в киблу всех мусульман, чтобы люди поклонялись Ему, а самой Каабы нет посреди [этого]». Тот дервиш упал на

землю и понял, что сознание не каждого может постичь то, что делают пиры, и не следует противиться ни внешне, ни внутренне тому, что они делают, поскольку это не может быть [ничем иным], кроме истины.

Рассказ 185. Согласно правильному ривайату от ходжи имама Абу Али ал-Османи (436), да будет доволен им Аллах, говорится, что он слышал от нашего шейха Абу Са'ида, который сказал, что однажды он увидел во сне Мустафу, да благословит его Аллах и помилует, с венцом на голове, опоясанного и амир ал-муминина Али, да будет доволен им Аллах, стоящего у него над головой, и Абу-л-Касима Джунейда и Абу Бакра Шибли, да освятит Аллах их души, сидящими перед ним. Он поздоровался и спросил: «{О Посланник Аллаха! Что ты скажешь о святых Аллаха?}» Посланник, да благословит его Аллах и помилует, сказал: «{Этот из них, и этот из них, и ты последний из них и, когда ты уйдешь, никто не вспомнит после тебя этих}. И указал на каждого из них}».

Составитель этой благословенной книги говорит, что он слышал в Тусе от величайшего имама Изз ад-Дина Махмуда Илбаши (437), который сказал: «Я слышал в молодости от имама Абд ар-Рахмана (438) в медресе, который сказал, что слышал от своего отца ходжи имама Абд ал-Карима Ажджахи, который сказал, что слышал от шейха Абу Са'ида, который сказал: «Однажды я увидел во сне Мустафу, да благословит его Аллах и приветствует, который сказал нам: «О Абу Са'ид! Подобно тому, как я Мухаммад был последним из пророков, ты последний из всех святых. После тебя [уже] не появится никакой [другой] святой». И снял перстень со своего благословенного пальца и дал мне».

Рассказ 186. Однажды наш шейх Абу Са'ид проповедовал в Мейхене. Посреди проповеди пришел дервиш из Мавераннахра и сел перед тахтом шейха. В тот день, [когда] наш шейх закончил проповедь, дервиш проявил к шейху [свое] уважение. Он провел [здесь] три дня. Каждый день, когда наш шейх проповедовал, тот дервиш приходил и усаживался перед тахтом шейха, а шейх поворачивал к нему лицо и говорил ему

добрые слова. На четвертый день посреди проповеди тот дервиш [вдруг] вскричал, вскочил на ноги и сказал: «Эй шейх! Мне надо узнать, что ты за человек и что [представляешь из себя]?–Шейх сказал–Эй дервиш! Наш мешок не завязан (439) и у нас нет войны с божьим созданием». Тот дервиш сел.

Когда наш шейх закончил проповедь, тот дервиш надел паафзар и пошел в Мавераннахр. Когда он прибыл туда, то там находились почитаемые шейхи; у них было принято, чтобы они садились в круг, и каждый по кругу (в этой манере) говорил и приносил этим пользу [остальным]. Когда тот дервиш сел в тот круг–и говорят, что там было больше трехсот благочестивых людей и каждый высказывался–и очередь дошла до него, ему сказали: «Что у тебя есть и что ты принес из Хорасана?–Он сказал–Я видел некоего пира в Мейхене, который говорил хорошие речи. Я не смог их запомнить, но я спросил у него, что он за человек и каково его положение. Он ответил, что его мешок не завязан и у него нет войны с божьим созданием». [Услышав это], все пиры разом встали, повернули лица в сторону Хорасана, поклонились [в знак] уважения к деяниям шейха и сказали так: «Надо поклониться такому человеку, в котором ничего не осталось от него [самого], и все является истиной».

Рассказ 187. В то время, когда наш шейх направился в Нишапур, то здесь на протяжении [целого] года уstad имам Абу–л–Касим Кушейри не виделся с нашим шейхом и не признавал его. Все, что происходило с шейхом, приходили и рассказывали уstadу имаму и все, что происходило с уstadом имамом, так же рассказывали нашему шейху. И каждый раз, когда уstad имам Абу–л–Касим из–за непризнания шейха, которое было у него в душе, что–то говорил о нем, то это сообщали шейху, а наш шейх ничего не говорил.

Однажды языком уstadа имама было сказано: «[Все это] не больше того (440), что Абу Са'ид любит пречистого и всевышнего Господа, а пречистый и всевышний Господь любит нас. Разница [также] в том, что на этом пути мы являемся слонном, а Абу Са'ид–комаром». Весть об этом сообщили нашему

шейху. Наш шейх сказал человеку, [сообщившему это]: «Иди к уstadу имаму и скажи, что этим комаром также являешься ты, а мы—ничто, и нас самих посреди [всего окружающего] нет». Тот дервиш пришел и передал те слова уstadу имаму. Уstad имам с тех пор обязался ничего плохого не говорить о нашем шейхе и не говорил. Затем, [когда он] пришел на проповедь шейха, та его вражда сменилась на согласие и дружбу. И сам этот рассказ был записан [как раз] в то время.

Рассказ 188. В то время, когда наш шейх был в Нишапуре, один из почитаемых имамов заболел. Наш шейх пришел навестить его. Когда шейх сел и стал расспрашивать его, то вошла группа вакилей того имама. Один [из них] сказал: «На такое—то поле нужно столько—то семян», другой сказал: «В таком —то владении нужно построить строение», и еще один сказал: «В такой—то сад нужен садовник». Имам, будучи больным, отвечал каждому и распоряжался как кому поступить и полностью погрузился [в это дело]. Когда он поправился, то направился к шейху, чтобы извиниться перед ним. Наш шейх сказал: «Ходжа имам [свою] смерть следует встретить лучше (441)». Тот имам опомнился, понял, что шейх прав и сказал: «Туда, куда [достигают] взор и поступь шейха, наш взор не доходит», и покаялся в случившемся.

Рассказ 189. Однажды, когда наш шейх был в Нишапуре, он направился на кладбище Хира, [со стороны квартала] Дарзакийе. Он добрался до гробниц шейхов и увидел группу людей, распивавших в этом месте вино и бивших в бубен. Суфии заволновались и хотели проучить, наказать и избить их. Но шейх не разрешил. Когда шейх приблизился к ним, то сказал: «Господь также как в этом мире веселит их сердца, да развеселит их и в том мире». Те люди все поднялись, упали в ноги коня шейха, вылили вино, сломали сазы (442), раскаялись [в своем поступке] и стали хорошими людьми благодаря баракке благословенного взора нашего шейха.

Рассказ 190. [Как—то] наш шейх Абу Са'ид направлялся в Мервалруд (443). Когда он достиг Багшура (444), то нашел это место очень неприятным, однако жители его были боль-

шей частью почитаемыми людьми с добрым нравом, и большинство [их] были имамами и людьми знания и благочестия. И говорят, что в Багшуре находилось свыше трехсот богобоязненных, благочестивых людей, а простолюдины в той местности все были чистыми людьми. Рассказывают, что когда кто-то из чиновников султана хотел в том городе развратничать, то простолюдины и знать того города сразу же собирались и говорили, что они не согласны, чтобы кто-то в их городе развратничал или совершал грех, или, чтобы их дети знали, что можно развратничать. И вражда [с чиновниками] зашла далеко, но они так и не согласились и не позволили совершать [такие поступки].

Когда наш шейх прибыл туда, то сказал: «Этот город—ад для [обитателей] рая» и отправился оттуда в Мервалруд. И кази Хусейн (445) увидел шейха и стал его муридом, и шейх несколько дней оставался там.

[Между тем] какой-то дервиш совершил обрезание своему сыну, и наш шейх со всеми суфиями направились туда. Когда немного поели, то совершили сама, и для нашего шейха наступило приятное время, и в таком же состоянии он сел [на лошадь] и поехал в ханаку. Все суфии пошли с шейхом. Каввалы пели и произносили стихи, и так они въехали в центр города. Люди выступили против этого, пошли к кази Хусейну, рассказали о том, что сделал шейх, и проявили свою вражду [к подобным действиям] и непризнание [их]. Кази Хусейн написал что-то нашему шейху и послал ему, что, мол, у людей возникла такая неприязнь, и они выступают против таких поступков. Наш шейх [в ответ] на обороте записки Хусейна написал этот бейт и послал [ему]:

Талисманом стал плохой нрав у той красавицы,
А не то сглазили бы ее люди.

Кази Хусейн, когда увидел этот бейт, то заплакал, и непризнание [шейха] исчезло у людей.

Рассказ 191. Рассказывают, что когда наш шейх направился в Мерв и произошел тот случай с пиром Абу Али Сийахом и ходжой Али Хаббазом, как об этом было изложено выше, то шейх выехал из ханаки. Некий ходжа по [причине] преданности [шейху] пустился с ним в путь. Когда шейх добрался до двери его дома, ходжа взял [лошадь] нашего шейха за узду и стал умолять его войти в его жилище, чтобы благодаря бараке его благословенной поступи это жилище стало священным.

Поскольку он много упрасивал, что шейху надо войти в его жилище, шейх спешился и вместе со всеми вошел в его дом. В том доме была большая колонна и множество балок упиралось в нее, так что большая часть тяжести этого здания приходилась на эту колонну. Когда шейх увидел эту колонну, он сказал: «{Благодаря равновесию ты переносишь то, что переносишь}». Когда эти слова были произнесены языком шейха, тот ходжа сказал: «Да, эй шейх! Я много потратился на эту колонну и много перегнал повозок и претерпел трудностей, пока мы перевезли эту колонну сюда. И во всем нашем городе нет подобной колонны—наш шейх сказал—Хвала великому Аллаху! Где мы и где этот человек (446)?» И как стоял, так и вышел оттуда, и сколько ни упрасивал тот ходжа, шейх не сел и в Мерве также никуда [больше] не поехал и не остановился, а прибыл в рибат благословенного Абдаллаха, спешился там и оттуда прибыл в Мейхене.

Рассказ 192. Ходжа Абу-л-Фатх, да помилует его Аллах, сказал, что в то время, когда наш шейх был в Нишапуре, то однажды для него сшили шаровары. Их смочили в воде, постирали и бросили на веревку сушиться. Но шаровары исчезли, и каждый говорил: «Кто мог проявить такую наглость [в отношении] одежды шейха, и кто осмелился на это?». [Суфии] спорили, а шейх сидел в углу под сводом ханаки и ничего не говорил.

Перед шейхом сидел какой-то старец, и шейх очень любил его и приблизил к себе. Суфии сказали: «Будем искать [среди] пожитков, побеспокоим и обыщем всех и посмотрим у кого [они]?». Начали с того старца, который сидел перед шей-

хом. Просунули руки под его [одежду] и обнаружили надетые на нем шаровары шейха. Когда шейх увидел это, то повелел: «Вынесите его пожитки на улицу». Пожитки того старца положили снаружи у двери ханаки, и тот старец вышел, и с того момента, как он вышел из ханаки шейха, [больше] никто его никогда не видел. Из суфиев этой ханаки и других никто [в дальнейшем ничего] не сообщил (указал) о нем.

Рассказ 193. Рассказывают, что для нашего шейха Абу Са'ида некий купец из Нишапура привез служанку тюрчанку, и та служанка прислуживала шейху. Та служанка была правильных (хороших) убеждений и испытывала большую потребность [в Боге]. Она хорошо прислуживала шейху и [относилась к нему] с большой любовью и заботой. Он отдал ее ходже Абу Тахиру. Но она пришла к шейху, заплакала и сказала: «Эй шейх! Я никогда не думала, что ты удалишь меня от услужения себе—шейх сказал—Абу Тахир—часть нас [самих]; мы уже стары и ты должна служить ему. Мы не удаляем тебя от служения себе, но ты должна стать его женой». Тогда та служанка пошла к ходже Абу Тахиру и находилась с ходжой Абу Тахиром. Но душой она все также продолжала служить шейху (447). У нее было (появилось) большое потомство, и на пути религии она стала удивительным [явлением], и у нее были добрые деяния, так что однажды наш шейх сказал ей:

«Тому, кто привел тебя из Туркестана
Скажи: пойди и приведи другую, подобную мне».

И говорят, что та служанка была матерью ходжи Абу-л-Фатха, [внука] нашего шейха.

Рассказ 194. Этот [рассказ] приводится в речениях нашего шейха Абу Са'ида, который сказал, что мы шли, чтобы добраться до Кухистана (448). И прибыли в пределы Баста (449). [Здесь] находилось село, которое называли Тораг. Там мы спешились и сказали: «Был здесь кто-нибудь из пиров?—Сказали нам—Был человек, которого называли Дад». Мы при-

шли к могиле того пира, поклонились ей и обрели полное спокойствие.

[К нам] вышли люди из [числа] жителей деревни, мы сказали: «Нужен кто-нибудь, кто видел Дада, чтобы мы расспросили его—сказали—Есть древний старик, который видел Дада». Мы послали человека [за ним]; тот старик-горбун пришел, мы спросили [его]: «Эй старик! Ты видел Дада?—Сказал он—Я был ребенком, когда видел его—сказали мы—[И] что тогда ты услышал от него?—сказал он—Я был не на той ступени, чтобы постичь его речи, но одно его высказывание я помню—мы сказали—Скажи, что ты помнишь—сказал он—Однажды прибыл некий дервиш (450), приблизился к нему, поздоровался и сказал: «Я сниму паафзар, о шейх, чтобы обрести покой возле тебя, поскольку я много бродил по свету и не нашел покоя и не видел также нашедшего покой—Дад сказал [ему]—О несведущий! Почему же ты не прервал [связи] со всеми, чтобы и ты успокоился и все создания успокоились бы с тобой». Мы сказали: «Вот совершенные слова, сказанные тем пиром. И лучше этих слов нет. Но ты устал, возвращайся к себе».

Затем наш шейх повернул лицо к одному из [своих] людей и сказал: «{Это все только твоя низменная душа; если не убьешь ее, она убьет тебя, если не нанесешь ей вреда, она навредит тебе, если не займешь ее [чем-то], она займется тобой}». Затем шейх сказал: «{Соединение создания с созданием [не происходит], кроме как движением к нему, и нет соединения создания с Создателем, кроме как [проявлением] терпения, а терпение умерщвляет низменную душу и страсть}». «И они будут сражаться во имя Аллаха, убивая и погибая, в соответствии с истинными обещаниями от Него, [данными] в Торе, Евангелии и Коране. И кто же надежнее в своем обете, чем Аллах? Радуйтесь же сделке, которую вы заключили с Ним, ибо именно это и есть великий успех» (451).

Рассказ 195. Наш шейх Абу Са'ид сказал, что однажды некий дахрит (452) проходил мимо [людей], окружавших Абу-л-Хасана Нури (453). А тот вел речь об Истине. На языке суфиев [Бога] называют Истиной (Хакк) и на каждом языке

(454) Его называют по-разному: некоторые называют Его Милостивым (Рахман), ибо нужен им [от Него] хлеб насущный, некоторые называют Милосердным (Рахим), ибо жаждут они рая, и некоторые называют Властелин (Малик), ибо нужно им высокое положение. И каждый называет Его тем именем, в чем испытывает нужду. А суфии называют Его Истиной, так как они, кроме Него, ни к чему не стремятся и ни на что не смотрят и стало быть их название [подразумевает больше] чистоты, чем другие, когда они говорят Истина.

Тот дахрит сказал Абу-л-Хасану Нури: «Ты говоришь Истина, в чем тут смысл—сказал [Нури]—В том, что Он не оскверняет создания обильной скверной, и Он Сам чище всех». И наш шейх сказал: «Он—Пречистый (Субхан), то есть чист от всех недостатков и [чище] того, что о Нем говорят, думают и воображают. У Бога девятьсот девяносто девять имен в Коране, Торе, Евангелии, в Псалтыри, и Его величайшее имя — Пречистый. Если ты сказал Пречистый, [значит] сказал все. А если не говоришь Пречистый, то [значит] ничего не говоришь. Все скрыто в этом имени. Когда ты произносишь его, то все раскрывается, и грехи исчезают. [Это напоминает] те же четки старух, в которых тысяча бусин, и одну, больше других, ставят во главе. Ее называют муэдзин. Если она оборвется, то все [бусины] рассыпятся. [Точно] также, если ты произнесешь Пречистый, то обретешь все. Следовательно, надо стараться во множестве произносить Пречистый. И все, что Он создал, говорит: «Пречистый Аллах». Однако ты из-за беспечности [своей] не слышишь этого в сердце. Услышь от соловья, который перепевает на тысячу ладов: «Пречистый Аллах», а ты не слышишь. И всевышний Бог говорит: «Нет ничего, что не славило бы Его хвалой, но вы, о неверные, не понимаете их словословия» (455).

Рассказ 196. Наш шейх Абу Са'ид сказал посреди проповеди, что нас видели во сне мертвым, с завязанным подбородком (456) и говорящим. [И] кто-то [в тот момент] обратился к людям, что не говорите, а если говорите, то говорите так, [как он].

Шейх сказал: «Когда ты умрешь, Он останется». И затем: «{Раб умер, а Он [как] не исчезал, так и не исчезнет }».

Рассказ 197. Один чтец Корана произнес перед шейхом этот аят: «Воистину, тот, кто сделал для тебя обязательными предписания Корана, непременно возвратит тебя туда, куда все возвращаются» (457). Наш шейх сказал: «Толкователи по поводу смысла этого аята сказали: {хочет этим покорить Мекку}. А мы говорим, что он здесь не клянется покорить Мекку, а хочет этим встречи с братьями)».

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

О ПОЛЬЗЕ, КОТОРАЯ БЫЛА ВЫСКАЗАНА УСТАМИ АБУ СА'ИДА

Наш шейх сказал: «Омар бин ал-Хаттаб (458) спросил у Ка'болахбара (459), какой стих тот нашел в Торе короче других?—Ка'б сказал—Я нашел в Торе, что пречистый и всевышний Господь говорит: «[Знайте что], кто искал Меня, нашел Меня, а кто искал [кого-то], кроме Меня, не нашел Меня (460)» и рядом было написано: {долго длилось их желание к встрече со Мной, и Я больше стремлюсь к встрече с ними}».

Наш шейх сказал, что Байазид Бистами сказал: «Всевышний Господь—единственный; Его следует искать в одиночестве, а ты ищешь Его с пером и бумагой, когда же ты найдешь Его?»

Наш шейх сказал: «{Сказали некоторые мудрецы: «В этот мир ты пришел плачущим, а люди смеялись, постарайся, чтобы ты умирал смеющимся, а люди бы плакали (461)}»; бейт:

Там, где рассказывают о Тебе, я смеюсь,
И, смеясь, изводится моя душа [по Тебе].

Наш шейх сказал, что Шибли сказал: «Каждый, кому сообщили [хотя бы] частичку о знании таухида, становится бессильным перенести [даже] мошку из-за тяжести того, что возложили на него». Наш шейх сказал:

«[Но] когда я крепко возлюбил Тебя,
Из леса [стала] выгонять меня [даже] хромая лисица».

Наш шейх сказал: «Самые достойные слова о таухиде произнес Пророк, да благословит его Аллах и приветствует:

«Чист тот, кто не проложил своей натуре [никакой другой] дороги для познания Его, кроме бессилия в познании Его (462)».

Наш шейх сказал, что Йусиф бин ал-Хусейн (463) сказал: «Каждый, кто попал в море таухида, каждый день испытывает все большую жажду и никогда не утоляет ее, ибо испытывает он жажду к истине, а она не бывает (поселяется), кроме как в Господе».

Наш шейх сказал, что Джунейд, да помилует его Аллах, сказал: «Тот таухид, который верен в отношении суфиев, [заключается] в разделении преходящего и вечного, и покидании отчизны (ватан) (464), и прерывании любви (465), и оставлении того, что есть знание и незнание, [чтобы] вместо всего этого была бы Истина».

Наш шейх сказал: «К Зу-н-Нуну Мисри (466) подошел какой-то человек и сказал: «Помолись за меня—Зу-н-Нун сказал—Если у тебя в познании сокрытого есть прошлое (т. е. опыт—М. К.), согласно таухиду, все молитвы для тебя уже бывшие (т. е. известны—М. К.), а если нет, то разве спасут утопающего крики и вопли наблюдающих».

Если я эту Твою любовь сохраню до могилы,
Я закричу, но [и тогда] от Тебя увижу лишь благо.

Наш шейх сказал, что у ходжи Абу-л-Хасана Пушанджи (467) спросили: «Что такое вера (иман) и упование (таваккул) [на Бога]?—Он сказал—Это то, что ты ешь [то, что] перед тобой, спокойно разжевываешь кусок [пищи] и знаешь, что то, что [принадлежит] тебе, не закончится».

Наш шейх сказал, что Абу Абдаллах ар-Рази (468) сказал: «Однажды холод и голод одолели меня, я заснул, услышал голос Хатефа, который сказал: «Ты что думаешь поклонение [Богу]—это [есть] намаз и пост? Подчинение себя предписаниям всевышнего Бога лучше намаза и поста».

У нашего шейха спросили, что такое тасаввуф? Он сказал: «Тасаввуф [есть] также многобожие—Сказали—Эй шейх! Почему?—Сказал он—Потому что тасаввуф означает хранить

сердце ради «помимо» и «кроме Него», а «помимо» и «кроме Него» - нет».

Наш шейх сказал, что однажды Джунейд сидел с группой фукара и беседовал о благах и милостях преславного Господа. Некий дервиш произнес: «Хвала Аллаху—Джунейд сказал—Произнеси славословие полностью, так как это сказал пречистый и всевышний Бог. Скажи: «Хвала Аллаху—Господу [обитателей] миров»—дервиш сказал—Кто эти «обитатели миров», что их нужно упоминать [вместе] с Ним?—Джунейд сказал—Когда ты так говоришь, то говоришь полностью; скажи: «Хвала Аллаху—Господу [обитателей] миров», поскольку [в этом случае] ты приближаешь переходящее к вечному и переходящее разрушается и не остается возле вечного».

Наш шейх сказал: «Шибли часто говорил «Аллах, Аллах, Аллах». Спросили у него: «В чем причина того, что ты все говоришь «Аллах» и не говоришь «нет бога, кроме Аллаха»—он ответил—Мне стыдно, если я помяну Его в форме (языком) отрицания, и боюсь, что [во время] произнесения «нет бога», если наступит смерть, я не доберусь до «кроме Аллаха».

Наш шейх сказал: «Нет бога» - путь этого хадиса, а «кроме Аллаха» - конец этого хадиса. Пока кто-то не укрепит-ся [на стоянке] «нет бога», не достигнет—«кроме Аллаха».

Наш шейх сказал: «Муавийа бин Абу Суфйан (469) сказал: «Там, где достаточно плети, я не поручу дело мечу; и если между мной и всем народом будет волосок, то он никогда не оборвется, потому что если они потянут за него, я отпущу, а если они отпустят, то я потяну».

Наш шейх сказал: «В «Калиле и Димне» (470) сказано, что с могучим султаном никто не справится, и никто не вынесет его [никаким другим способом], кроме подчинения ему. [Это] напоминает траву, которая всякий раз, как ветер одерживает победу, вверяет себя ему, чтобы он пригнул ее к земле. В конце концов она обретает избавление, а крепкие деревья, которые не подчиняются (т. е. не пригибаются к земле—М. К.) он вырывает с корнем.

И когда ты видишь льва и боишься его, то перед ним опустишь (перекатись) на землю и прояви смирение, чтобы спастись, так как лев, хотя он и велик, но [в то же время] великодушен. И не обманывайся слабым врагом, так как сильная лошадь избегает слабой мошки, а бывает, что и погибает от нее. И огонь так не разжигает запал, как вражда разжигает племя (471). И упрек, [высказанный открыто], лучше внутренней ненависти. И рана, [нанесенная [другом]—советчиком, лучше приветствия врага, обучающего дурному».

Наш шейх сказал: «Притча о воспитании дурака, напоминает воду, [достигающую] корня колоквинта: чем больше он впитывает воды, тем горше становится».

Наш шейх сказал: «Умный тот, кто собирает все мнения, когда у него возникает дело и смотрит на них «прозорливостью сердца», чтобы выбрать то из них, которое правильное и отбросить другие. [Это напоминает то], как если у кого-то потерялся динар в земле и, если он смышлен, то соберет всю землю с этого участка и просеет через мелкое решето, чтобы обнаружился динар».

Наш шейх сказал: «У некоего араба был сын, [но] он умер. Араб все сокрушался. Сказали [ему]: «Потерпи, так как всевышний Господь обещал терпеливым воздаяние—сказал он—Есть ли подобный мне, кто смог бы стерпеть [проявление] могущества пречистого и всевышнего Бога. Клянусь Аллахом стенания от Его деяний приятней Ему, чем терпение, так как терпение делает [человека] жестокосердным».

Наш шейх сказал: «Шибли рассказывает, что однажды было два друга, и некоторое время они общались друг с другом в пути и дома. Затем как-то они должны были плыть по морю. Когда их корабль достиг середины моря, один из них подошел к борту корабля, [но внезапно] упал и стал тонуть. Друг бросился за ним в воду. Тогда бросили якорь, и ныряльщики кинулись в воду и вытащили их невредимыми. Когда прошло немного времени, они успокоились и друг, первым [оказавшийся в воде], спросил у другого: «Ну допустим, я упал в воду, тебе-то что до этого, что ты бросился в воду?»—[Тот

другой] сказал—Я в тебе был скрыт от себя и подумал, что я—это ты».

Наш шейх сказал, что у одного халифа была двоюродная сестра, к которой он был привязан сердцем. Однажды оба они сидели на краю колодца. В это время перстень халифа упал в колодец. Та девушка, [увидев это], сняла свое кольцо и [тоже] бросила в колодец. Халиф спросил у девушки: «Почему ты так поступила?—Сказала [она]—Я [уже] испытала разлуку. Поскольку между нами есть [узы] соединения и привязанность, я не захотела, чтобы твой перстень оказался в страхе одиночества. Я сделала свое кольцо ему близким другом».

Наш шейх сказал:

О ты, чье лицо, словно [ясный] день довода
муваххидов (единобожец),
О ты, чьи волосы, словно ночь могилы еретиков,
О я, превосходящий всех влюбленных,
Как и ты, заслуживающая предпочтения в красоте,
словно «кад» (472) в словах,
Мекканец гордится Каабой, а египтяне—Нилом,
Христианин—[своим] епископом, а алид—предком,
А ты гордись теми своими двумя черными глазками,
Которые появились из—за покрывала
над двумя щечками.

Наш шейх сказал: «Какой—то подросток остановился у [дверного] кольца [дома] Шибли и произнес: «О Абу Бакр! Забери меня от меня [самого] и меня укрой от меня [самого], затем меня верни мне, чтобы я стал Им в том [состоянии], как я есть, а Он—мною—Шибли сказал—Откуда у тебя взялись эти слова, что ослепили тебя (473)?—Подросток сказал—Разве [можно] обрести такое [состояние], о Абу Бакр, чтобы не видеть Его?!» И затем он убежал от него».

Наш шейх сказал:

«{Когда ты увидел меня, увидел Его,
А когда увидел Его, ты увидел меня (474)}».

Наш шейх сказал: «Йахйа [бин] Муаз Рази говорит: «Пока жаждающий пребывает в поиске, говорят ему, что тебе нет дела до воли (ихтийар), так как ты не являешься эмиром над своей волей; когда же этот раб [оказался в состоянии] фана, говорят, если Ты хочешь, откажись от него. Если избереешь нас—Твоя воля над нами, если откажешься—Твой отказ также [распространяется] на нас. Твоя воля—наша воля, и Твое дело—наше дело.

Сегодня, когда любимая ответила (появилась)
на мою любовь,
То у порога эмира надо потребовать
коня для меня (475).

Наш шейх сказал: «Сахл бин Абдаллах говорит: «Самая трудная завеса (хиджаб) между Богом и рабом—это притязание (да'ва)».

Наш шейх сказал, что Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «{Тот, кто не принимает извинение виновного, который приходит с извинением, будь то правда или ложь, не будет пить из моего водоема}».

Наш шейх сказал, что Абдаллах бин ал-Фарадж ал-Абид (476) говорит: «За сутки одним разом я сосчитал для себя четырнадцать тысяч благ—сказали [ему]—Как ты считал?—Сказал [он]—Я считал свои вдохи за сутки—[это] составило четырнадцать тысяч вдохов».

Наш шейх сказал, что Мухаммад бин Хошнам (477) говорит: «Врач, который дает тебе горькое лекарство, чтобы ты выздоровел, более сострадательный, чем тот, кто дает тебе халву, чтобы ты заболел. И каждый соглядатай, который повелевает тебе предосторожность, чтобы ты был в безопасности, более сердечен, чем тот, кто дает тебе безопасность, после которой ты впадаешь в страх».

Наш шейх сказал: «Некий падишах спросил у [своего] везира: «Когда человек становится благородным (шариф)?—сказал [везир]—[Тогда, когда] в нем проявляются (собираются) семь качеств—спросил [падишах]—Какие это [качества]?—

Сказал [везир]–Первое–высокие помыслы свободных [людей], второе–застенчивость девушек, третье–сдержанность рабов, четвертое–щедрость влюбленных, пятое–наказание, [осуществляемое] падишахами, шестое–знание и опыт старцев, седьмое–врожденный ум».

Наш шейх сказал: «Абу Джа’фар Кайени (478) говорит: «Я слышал от своего отца, который сказал, что люди гордятся четырьмя вещами, но не понимают их [истинного значения]: знатность, богатство, знание и воздержание (вара). Они полагают, что знатность–от происхождения, однако сама знатность–[это прежде всего] хорошая натура, согласно тому, как говорит Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, «{знатность человека–красота его природы}»; и полагают, что богатство–[это обладание] большим имуществом, но богатство–[это] богатство сердца, а знание–[это] свет, который Бог направляет в сердце раба. И полагают, что воздержание–[это] оставление роскоши, [приведение] себя в [состояние] сосредоточенности и [придание] лицу кислого [выражения], но [по сути] воздержание–[это] воздержание от недозволенного ради пречистого и всевышнего Бога и отказ от недостойного».

Наш шейх сказал: «У одного араба была служанка по имени Зухра. Как–то сказали ему: «Ты хочешь стать амир ал–муминином [при условии], что твоя служанка умрет?–Он сказал–Не хочу, потому что и Зухра умрет, и дела уммы [все равно] будут пребывать в беспорядке и волнении».

Наш шейх сказал: «Какой–то дехкан сказал своему вакилу: «Купи мне осла не слишком большого и не слишком маленького, чтобы выдерживал бы меня на спусках и подъемах и не оказывался бы бессильным при затруднениях, и проходил бы через камни, и терпел бы, если закончится трава, и если я давал бы ему много [корма], то приумножал бы [его]– вакил сказал–О ходжа! Я не видел таких качеств, кроме как у Абу Йусифа ал–Кази (479). Попроси у своего Бога, чтобы он превратил бы для тебя Абу Йусифа в осла».

Наш шейх сказал: «Некий человек из иудеев подошел к амир ал–муминину Али, да будет доволен им Аллах, и сказал:

«О амир ал-муминин! Кто был нашим преславным Богом, и каким был Он?—Краска сошла с лица амир ал-муминина Али, да будет доволен им Аллах, и он сказал—Был Бог без атрибута «быть» и без «каким» и был таким, как был всегда, и нет предваряющего для Него, и Он предваряет всех предшествующих; [Он]—беспредельный и бесконечный; все пределы, кроме Него, прерываются и исчезают, ибо Он—предел пределов. Ты понял, о иудей, или нет?—Иудей сказал—Свидетельствую, что на земле пропащий каждый, кто скажет что-нибудь, кроме этого: {свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха и Мухаммад—Посланник Аллаха}».

Наш шейх сказал: «Сеид ат-таифа Джунейд говорит, да помилует его Аллах: «Ты не услышишь запаха таухида, пока не будет Его повеления тебе и, если ты не исполнишь повеление, то этот хадис (480) потребует для себя полного правосудия».

Наш шейх сказал: «Однажды из пустыни явился некий дервиш. Он много голодал. С ним был друг. Они прибыли в Куфу и пришли в финиковую рощу. Тот дервиш испросил разрешения [поесть фиников]. Владелец рощи сказал: «Иди, поднимись на пальму, ешь, сколько захочешь, и [вдобавок] забери [с собой]». Тот дервиш забрался на пальму, а его друг сел под ней. [Внезапно] нога дервиша соскользнула, он упал с пальмы, колючка с нее вонзилась ему в живот и разорвала [кожу] вплоть до груди. Тот дервиш посмотрел, увидел разорванным свой живот и сказал: «Хвала Аллаху, что я не умер, а [иначе] не увидел бы, что [не достиг] своей цели. Голодный желудок, разодранный живот и лопнувшее терпение—тебе и этого мало». Наш шейх сказал: «Во всех случаях вы сами являетесь себе врагами».

Подошел его друг, чтобы перевязать ему живот. Он воспользовался его [помощью] и произнес этот бейт:

«{Сегодня, кроме меня [самого], никто не поможет мне
(не поднимет подол моей [одежды])

Ночь моя является днем, а день—ночью}».

Дервиш сказал: «Здесь не осталось никакого предательства» (481). Наш шейх сказал: «За предательство рабов извинение просит милости (красоты) и дара у Господа. В твоём прощении–проявлении Его божественности, а в твоих мучениях–проявлении твоей вины».

Наш шейх сказал, что Сари Сакати, который был дядей Джунейда, да освятит Аллах их дух, [как–то] захворал. Джунейд пришел навестить его и поднял опахало, чтобы обмахивать [больного]. Сари сказал: «Эй Джунейд! Огонь [пылает] быстрее, чем [дует] ветер–Джунейд спросил–Как это?–Сари сказал–«...рабе–невольнике, который не способен что–либо совершить...» (482) - Джунейд сказал–Дай мне наставление–сказал Сари–{Не занимайся, кроме общения с Аллахом, общением с другими}–Джунейд сказал–Если бы я услышал это ранее, то и с тобой не стал бы говорить».

Наш шейх сказал: «{Всевышний Аллах ниспослал откровение Давуду: «О Давуд! Скажи Моим рабам, [что] Я не создал их, чтобы получать пользу от них, а создал их, чтобы они получали пользу от Меня}».

Наш шейх сказал: «Абу Бакр Каттани (483) был почитаемым человеком и сведущим. Он совершил много рвений и предостаточно тех, кто не [сумел] достичь его степени. Одно из его рвений заключалось в том, что он тридцать лет просидел под водостоком Каабы и за эти тридцать лет, будь то днем или ночью, достиг (сделал) очищения (тахарат) (484) только раз в утреннее время. Это было трудно, поскольку он ни в одну из ночей не спал, и сна [у него] вообще не было [во время] его сидения там.

Однажды некий пир появился из ворот Бани шайба (484а) с грозным [видом], в наброшенной рида. Он подошел к Абу Бакру, поздоровался и сказал: «О Абу Бакр! Почему ты не идешь туда, где макам Ибрахима (485), так как люди собрались [там] и слушают хадисы Посланника, да благословит его Аллах и приветствует, и ты тоже услышал бы [их]». [А] пришел туда почитаемый пир, знающий достоверные хадисы и растолковывал их. Абу Бакр поднял голову и сказал: «Эй

шейх! Кто передает [хадисы]?—Сказал он—Абд ар—Раззак Сан’ани (486), и передает он их от Ма’мара (487), [а тот] от Зухри (488), [а тот] от Абу Хурайра (489)—сказал Абу Бакр—Эй шейх! Ты привел длинный иснад. Но все, что там рассказывают с иснадом и [приводят] хадисы, мы здесь [и так] слышим, без иснада—спросил [он]—От кого ты слышишь?—Сказал [Абу Бакр]—{Сердце поведало мне о моем Господе}—тот пир сказал—По какой причине [ты так считаешь]?—сказал Абу Бакр—По той причине, что ты—Хизр—Хизр сказал—До этого времени я полагал, что у Бога нет [такого] святого, которого бы я не знал, пока я не увидел шейха Абу Бакра Каттани. Он узнал меня, а я не узнал его».

Наш шейх сказал: «Устад Абу Али Даккак пришел в Мерв к Абу Али Шабуйи, и мы [также] находились в Мерве. И пир Шабуйи помнил «Сахих» Бухари и был мухаддисом, и мы знаем «Сахих» Бухари благодаря ему. Пир Шабуйи был полностью сведущ по поводу этого смысла (490), и устада Абу Али к этой беседе подтолкнул он. Пир Шабуйи сказал ему: «Расскажи нам об этом смысле—устад Абу Али сказал—Эта слово для нас закрыто и не раскрывается (491)—сказал Шабуйи—Уместно будет (дозволено) нам высказать свою потребность (нийаз) (492), чтобы благодаря нашей потребности для тебя раскрылось бы это слово. Тот смысл—огонь, а потребность—[это то, что] сгорает». Устад Абу Али согласился с этим. Организовали его проповедь. Но с минбара его речь не получалась, поскольку люди не были сведущи (не были ее приверженцами) [по поводу этого смысла. В это время] в дверь мечети вошел пир Шабуйи. Устад посмотрел на него, и речь его полилась (открылась). Когда проповедь закончилась, пир Шабуйи сказал: «Ты тот же, каким был, а это были мы» (493).

Наш шейх сказал: «Но все же следует, [чтобы имелась] потребность, поскольку нет у раба пути к Богу ближе, чем потребность. Если она попадет на гранит, то пробьет [дорогу] роднику. Вот в чем суть. И пребывает она с дервишами, и это—милость Бога, которую Он оказывает им».

Наш шейх сказал: «Однажды летом во время полуденного сна в самую жару я увидел пира Шабуйи, который шел в пыли. Я сказал: «О шейх! Куда ты идешь?—Сказал он— Недалеко отсюда есть ханака и в ней дервиши, и я читал, что каждый, кто в полуденный сон окажется среди дервишей, то в течение дня на него сто двадцать раз снизойдет милость [Бога], особенно в это время. Сейчас я иду, чтобы, может быть, из тех милостей и я обрел бы долю».

Наш шейх сказал: «Войдите в их [среду] и «привяжите» себя к их любви». Мисра:

Покажи себя влюбленным, хоть ты и удручен.

Наш шейх сказал: «Сари Сакати сидел на базаре в Багдаде, и у него был один дуکان, и ничего не было в том дуکانе для продажи. На двери дуکانа висел занавес, а он находился внутри и совершал намаз. Каждый день он совершал двенадцать тысяч ракатов намаза. Однажды кто-то с Джабал ал-Лукама (494) прибыл увидеться с ним. Согласно указаниям, он пришел на базар и подошел к двери его дуکانа. Поднял тот занавес, поздоровался и сказал Сари: «Такой-то пир из Джабал ал-Лукама передал тебе привет—сказал [Сари]—Он ушел отсюда. Уход в горы—не такое уж мужество. Мужественный человек должен на базаре, посреди людей быть занятым Богом. И ни на миг сердцем не быть свободным от Него».

Наш шейх сказал, что шейх Абу-л-Аббас Башар (495) сказал: «Каждый мурид, который совершит (постарается) хотя бы одно услужение, [надлежащее выполнить] дервишу, [добьется] лучшего для себя, чем [в результате совершения] ста дополнительных ракатов намаза, а если он уменьшит свою еду [хотя бы] на кусок, то это будет лучше для него, чем всю ночь [совершать] намаз».

Наш шейх сказал: «Некий дервиш много кружил [по миру] и странствовал, но не успокоился, не обрел покоя. Он опечалился, заснул под колючим кустарником, натянув на голову палас. [Затем] ему стало лучше, он поднял лицо к небу и

сказал: «О Господи! Ты со мной в этом паласе, а я столько лет ищу Тебя в пустыне» (496).

Наш шейх сказал, что однажды Джунейд вышел из дома наружу и увидел расстроенного ребенка. Ребенок сказал: «Эй шейх! Доколе мне ждать (497)?»–Джунейд сказал–А [разве] ты условился со мной о встрече?–Сказал ребенок–{Да, от Вращающего сердцами я попросил, чтобы Он повернул твое сердце в мою сторону}–Джунейд сказал–Ты сказал верно, какое будет указание [мне]?–Мальчик сказал–Я пришел, чтобы ты дал ответ на то, что говорится: «{Когда борешься со страстями низменной души, боль превращается в лекарство}» - Джунейд сказал–Да, эти болезни убивают создание. Если оно противится страстям, то его болезнь обретает исцеление».

Наш шейх сказал, что Муртаэш сказал: «Я совершил столько хаджей, не имея средств, без продовольствия, без выючных животных, без чего-либо [вообще]. [А до того] я не понимал, что все это было [связано] со страстями низменной души–Спросили–Почему?–Сказал он–Потому что однажды мать сказала мне: «Вытащи ведро воды [из колодца]». Я вытащил и огорчился; понял, что все это я сделал из-за страстей низменной души» (498).

Наш шейх сказал, что Суфйан Саури (499) говорит: «Если тебе говорят { ты хороший человек} и тебе это нравится больше, чем когда тебе говорят {ты плохой человек}, знай, что ты все еще плохой человек».

Наш шейх сказал: «Однажды какой-то ткач достиг должности везира. Каждое утро он вставал, брал ключ, открывал дверь одной комнаты, в одиночестве входил туда, некоторое время проводил там, а затем выходил и шел к эмиру. Эмиру сообщили о том, что он делает. Эмир пожелал узнать, что в той комнате. Однажды внезапно вслед за везиром он вошел в ту комнату. Он увидел в той комнате клубок [нитей], как это заведено у ткачей, и везира, поставившего ногу на этот клубок. Эмир спросил у него: «Что это?–Везир сказал–О эмир! Все то богатство, что есть у меня, все [оно]–от эмира, но мы не забыли и [о том, кем были] в начале. Мы были вот этим (т.е.ткачем

– М.К.). Каждое утро мы напоминаем себе об этом, чтобы не возгордиться». Эмир снял перстень с пальца и сказал: «Возьми и надень на палец; до сих пор ты был везиром, а теперь ты–эмир».

Наш шейх сказал: «Байазид льва превратил в верховое животное, а эфу сделал плеткой, но когда приходил на намаз, говорил: «{О Господи! За покровом Твоим мы скрыты и, если уберешь покров, то мы опозоримся}»».

Наш шейх сказал: «Как–то уstad Абу Али Даккак вел проповедь и разгорячился, и люди были довольны. [В это время] какой–то человек сказал: «Эй уstad! Все это я вижу, но где же Бог?–Сказал [он]–Откуда мне знать, я тоже из–за этого [пребываю] в стенаниях–сказал [тот]–Раз не знаешь, то не говори–сказал [Абу Али]–А что мне говорить?»

Наш шейх сказал: «Байазиду сказали, что ты говоришь тот, кто идет странствовать, идет ради Бога, и [в то же время], что Он с ним; зачем тогда он идет, если цель достигается не сходя с места?–Сказал Байазид–Есть земли, которые вызывают к всевышнему Господу о том, что о Боже! Покажи нам какого–нибудь святого из своих святых и озари наши глаза приходом друга. Поэтому всевышний Господь предначертывает странствие, чтобы цель тех земель была достигнута».

Наш шейх сказал: «В Мерве был некий ученый муж, которого называли «ученым друзей». Он никогда не выходил из дома. Однажды он вышел из дома и сел в мечети. Кто–то принес кое–что [из еды] и положил перед ним. Он протянул руку, [взял] и стал есть. Он ел помаленьку, когда [вдруг] появилась собака, бросилась на него и схватила за подол [одежды]. Тот ученый муж сказал: «Это в их правилах, и этого мне для тебя не жалко. Я знаю, кто тебя послал и кто вынудил тебя к этому, но я не знаю пожалеют ли тебя те другие, несведущие или нет» (500). Через некоторое время подошел муэдзин и ударил ее палкой. Собака начала выть. Ученый повернул к ней лицо и сказал: «Вот видишь, я же сказал тебе, что мне не жалко этого для тебя, но чего я не знал–это другие пожалеют тебя или нет. Другу ничего не жалко для друга».

Наш шейх сказал: «Некий ученый в Самарканде сказал одному пиру, что напиши мне что-нибудь об этих речениях. Сказал тот: «Вот уже тридцать лет, как я завяз на одной фразе «...кто удерживал себя от пагубной страсти» (501) и пока не разобрался с ней» (502).

Наш шейх сказал: «В Судный день Иблиса призовут на суд. Скажут ему: «Всех этих людей ты сбил с пути—скажет [он]—Нет, но я пригласил их. Они не должны были принять мое приглашение—скажут [ему]—То, [что было], прошло. Теперь поклонись Адаму, чтобы спастись». Суд станет кричать: «Ну же, поклонись, чтобы и мы и ты избавились бы от этих тягот». Он заплачет и скажет: «Если бы [все] было по моему желанию, то я поклонился бы в первый же день. Он говорит: «Поклонись», но не хочет [этого]. Если бы хотел, то я поклонился бы в тот же день».

Наш шейх сказал, что когда мы пришли к Абу Бакру Каттани, то попросили [его] поведать нам какой-нибудь хадис. Он раскрыл джузв и изложил нам хадис о том, что у преславного Бога есть два войска. Одно—на небесах, и все [воины в нем] одеты в зеленые одежды, а другое—на земле, и это войско Хорасана. Сейчас то войско, [которое] на земле, [составляют] суфии, и они завоюют весь Хорасан.

Наш шейх сказал: «Некогда у одного из почитаемых [людей] обители (даргах) был сын и звали его Ма'шук Ахмадак. И ему был нужен кто-то, с кем он [мог] поговорить об Ахмадаке. Поскольку он никого не нашел, то пошел туда, где находились поденщики и сказал одному из них: «Эй молодец! Сколько ты хочешь [денег] за день [работы]?—[Тот] ответил—Три дирхема и [еще] дважды [в день] еду». Он привел того поденщика в дом и принес ему что-то вкусное, чтобы тот поел. Затем вытащил три серебряных дирхема, дал ему и сказал: «Садись здесь, чтобы я рассказал тебе об Ахмадаке, а ты послушал бы. Мое дело к тебе заключается [именно] в этом». Тот человек [слушал] некоторое время, а [затем] сказал: «Эй ходжа! Если у тебя есть другая работа [для меня], скажи, чтобы я выполнил [ее], так как уже поздно—сказал [тот]—Наша работа

для тебя заключается в том, чтобы мы рассказывали, а ты слушал и говорил: да».

Наш шейх сказал: «В том нашем селении был некий человек. Как-то раз он [стал] бахвалиться. У него убили лошадь. Тот другой (т.е. убивший—М. К.) сказал: «Мы возместим ущерб—тот человек сказал—Я ничего не хочу, кроме точно такой же лошади». Они стали воевать. С этой и с той стороны собрали людей и [сражались до тех пор], пока не была убита тысяча молодых людей, и жены их не стали вдовами, и дети сиротами, и дома не были разрушены. Все это произошло по причине бахвальства того человека».

Наш шейх сказал: «Махмуда Сабуктегина, да помилует его Аллах, кто-то из его [людей] увидел во сне и сказал: «Как чувствует себя султан?—Сказал [он]—Замолчи! Разве [здесь] место говорить о султанах. Я—никто, султан—Он, а это (503)—была ошибка—сказал [его человек]—Но все же каково твое состояние?—Сказал Махмуд—Меня здесь подняли на ноги и спрашивают до мелочей, что ты сделал, и у кого взял, и кому дал; казну унес кто-то другой, а томление, боль, скорбь и большое сожаление достались нам».

Наш шейх сказал, что Закарийа (504), да будет мир с ним, доверился тому дереву и сказал: «О Господи! Скажи этому дереву, чтобы дало мне место». Преславный и всемогущий Бог укорил [его] и сказал: «Ты укрылся в дереве и доверился ему; теперь увидишь сам, с чем столкнешься». Когда дерево приняло его, то уголок от его рида остался снаружи. Пришли [преследователи] к тому дереву, увидели [его] и сказали: «Он—внутри этого дерева». [Срубили дерево, затем] принесли пилу, приложили к дереву и, начав с верхушки, стали пилить вдоль его, пока не дошли до головы Закарийи. Когда дошли до его головы, он не выдержал и вздохнул. [Раздался] глас (сказали): «Замолчи! Ты доверился дереву, а теперь вздыхаешь. Если бы ты доверился нам, то мы оберегли бы тебя и вне дерева. Сейчас ты жалуешься и кричишь, замолчи. Если подашь голос или еще раз вздохнешь, мы перевернем мир». В конце концов у бедняги не осталось сил подавать голос и он терпел».

Наш шейх сказал: «Как-то один человек сказал другому: «Приходи, я приглашаю тебя в гости—сказал [тот] другой—Хорошо—[первый] сказал—Кого ты хочешь, чтобы позвал тебя на сама?—Сказал тот—для начала дай мне попробовать немного этого вина». Он дал ему немного, и это количество вина разве-селило того человека, и в конце концов он сказал хозяину: «Если ты дашь мне еще два кубка этого вина, то мне уже не нужно никакого зазывалу на сама, я сам проведу сама для кого хочешь. Каждый раз, когда я пробую этого вина, семь органов [моего тела] слушают, и всюду я слышу сама «... и напоил их Господь напитком чистым» (505).

Наш шейх сказал: «Ветер в их (т. е. людей—М. К.) руках, а также в руках Сулеймана (506) «Сулейману Мы сделали под-властным сильный ветер» (507). Знай, что он (Сулейман—М. К.) захотел царства в сорок лет, [в то время], когда [следовало отправляться] в мир иной, и потому его солнцем завладеют (т. е. спросят с него—М. К.) в Судный день, что ты был царем. А до него другие пророки в сорок лет вошли в рай».

Наш шейх сказал: «Пиры говорили, что наш Бог любит бить, и убивать, и перебрасывать с одной стороны на другую, пока не приведет к упадку и не уничтожит, так что не останется и следа. Затем Своим вечным светом являет [Себя] (таджалли) над той чистой землей».

Наш шейх сказал: «Абу Хафс (508) работал кузнецом и бил молотом по железу, и [как-то] сказал ученикам, что стучите. Они несколько раз стукнули, и железо выровнялось (очи-стилось). Пир сказал: «Стучите [еще]—они сказали—Эй уstad! Куда нам стучать, [ведь оно] выровнялось и не осталось ника-кого изъяна». Абу Хафс завопил, бросил молот, отдал мас-терскую на разграбление и стал великим пиром» (509).

Наш шейх сказал, что Абу Бакру Сиддику (510), да бу-дет доволен им Аллах, сказали: «Кем бы ты хотел стать?—Сказал он—Тем, кого не создал всевышний Бог». Сказали: «О шейх! Что делать с тем, кого не создал всевышний Бог, так как он не ведает ни о чем?—Наш шейх сказал—Он создал его, [но не так] как вы полагаете, что Бог не создал его; Он его создал так,

что все эти атрибуты вложил в него и всего его очищает и отводит к ней, к чистоте, которую создал, словно корень [творения], и всех этих осквернений не было в нем».

Наш шейх сказал, что пир Абу-л-Хасан Харакани по этой причине говорил: «Суфий-не создание» (511).

Наш шейх сказал: «{Некий человек сказал Абдаллаху бин Мубарак: «Один иудей моими руками стал мусульманином, я разорвал его зуннар-Абдаллах сказал-Ты разорвал его зуннар, а что ты сделал со своим зуннаром?»}» Наш шейх сказал: «{ Сказали какому-то арабу: «Ты знаешь Господа [своего]?-Сказал он-Как же мне не знать Того, Кто сделал меня голодным, раздетым, лишенным всего и скитающимся по городам и [всем]? Он сказал это и развеселился}».

Однажды наш шейх вел проповедь. Посреди речи он повернул лицо к уstadу имаму Абу-л-Касиму Кушейри и сказал: «Не ты ли сказал, что уstad Абу Исхак Исфараини сказал, что { люди все в единении с Возлюбленной (женой)-суфии}?-Абу-л-Касим сказал-Да-шейх сказал-Послушайте, что он скажет [еще]».

Наш шейх сказал, что [как-то] я вошел к шейху Абд ар-Рахману Сулами. Когда я в первый раз увидел его, он сказал нам: «Я напишу тебе памятку своей рукой-я сказал-Напиши». Он написал своей рукой: «{ Я слышал, как мой предок Абу Амр бин Наджид ас-Сулами (512) говорил: «От Абу-л-Касима Джунейда бин Мухаммада Багдади я слышал, что он сказал: «Тасаввуф-это характер, и тот, кто выше тебя по характеру, тот выше тебя в тасаввуфе». И самое лучшее слово в толковании характера-это то, что сказал шейх, имам Абу Сахл ас-Саалуки (513): «Характер-это [внешняя] форма, [возникающая] из возражения}».

Наш шейх много раз рассказывал [о том], что какой-то старик сидел на корабле. Припасы его кончились, остался лишь сухой хлеб. Он поднес его ко рту, но не смог разжевать. Он разломал [его] и выбросил в море. Поднялась волна и поглотила его. Море сказало хлебу: «Кто ты?-Сказал [он]-Сухой

спросил: «Что это с вами?—Сказали ему—Это [все]—твоего сына и это его корабль, и все, что принадлежит ему, принадлежит тебе».

Ему подстригли волосы, надели на него дорогую одежду и сказали: «А теперь, что ты желаешь? Если хочешь поплывем дальше, а если хочешь, вернемся?—Сказал он—Вернемся». Все вернулись с ним и его тихо и спокойно привели в его дом. Наш шейх сказал:

Когда дело заходит в тупик (закрывается), все равно
затем решается (раскрывается).

И после каждой печали радость увеличивается.

Наш шейх сказал: «Однажды из Ажджаха пришел некий ученый и в мечети посреди села Мейхене, где квартал Навсар, вел проповедь. Когда проповедь подошла к концу, он возвысил голос и сказал: «Потом их возвратят к Аллаху—их истинному Владыке. Разве не Ему принадлежит приговор? Он самый быстрый в расплате» (517).

Однажды к нашему шейху пришел какой-то поэт и начал произносить стих:

«Чего желает это вращение времени от меня»

Шейх сказал: «Довольно, довольно, садись, поскольку ты начал с рассказа о себе и лишил стих прелести».

Наш шейх сказал: «Однажды Абу Хамид Дустан (518) шел со своим приятелем по дороге. Тот приятель [возле одного дома] сказал: «У меня здесь есть кое-кто; ты побудь здесь, а я войду в дом и отдам долг родственным связям». Абу Хамид сел, а тот человек вошел в дом и в ту ночь больше не выходил [оттуда. Между тем] той ночью пошел сильный снег. На следующий день тот человек вышел и увидел Абу Хамида, копошащегося в снегу. Снег сыпался с него. Тот человек сказал: «Ты все еще здесь?—Сказал [Абу Хамид]—Разве ты не сказал, что будь здесь, а друзья хранят преданность друзьям».

Наш шейх сказал, что калб ар-Рум (519) послал человека к амир ал-муминину Омару, да будет доволен им Аллах. Когда он прибыл, то стал искать его дом. Ему показали. Увидев дверь его дома, он удивился. Сказал про себя: «Что это за халиф, к которому меня послали?» Когда стал его искать, сказали: «Он на кладбище». Он пошел следом за ним, увидел его на кладбище, на песке, спящим на боку. Тогда этот посланный сказал: «Ты отдавал повеления и вершил правосудие, поэтому и спишь в безопасности, а наш правитель отдавал повеления, но поступал несправедливо, [поэтому] и держал стражников на крыше и [все равно] не спал в безопасности».

Наш шейх сказал: «Мы находились в Мерве; там была старуха, которую называли Бибик Сари. Она пришла к нам и сказала: «О Абу Са'ид! Я пришла за правосудием—наш шейх сказал—Говори—сказала [она]—Люди молятся о том, что ни на миг не предоставляй нас самим [себе], и вот уже тридцать лет, как я говорю, оставь меня на мгновение с собой, чтобы увидела я, откуда я [взялась] или, что я сама существую. Но этого еще не произошло».

Наш шейх сказал, что какой-то человек проходил мимо медресы Йахьи бин Муазы ар-Рази. А он читал проповедь людям и давал наставления. Тот человек сказал ему: «{Что за знание пути и что за незнание Господа пути}».

Наш шейх сказал, что пиру Абу-л-Фазлу Хасану сказали: «Помолись, чтобы пошел дождь—сказал он—Хорошо». В ту ночь пошел сильный снег. Сказали ему: «Что ты сделал?—Сказал он—Я съел тарине (520)». То есть поскольку мне стало холодно, мир также похолодал.

Наш шейх сказал, что пиру Абу-л-Фазлу Хасану сказали, что помолись за султана Махмуда, может быть он станет лучше, [как султан]. Он на мгновение задумался, а затем сказал: «Этот разговор мне кажется несущественным (мелким)». То есть узрейте Его самого [здесь] (521).

Наш шейх сказал, что Абу Хамзу Нури (522) увидели сильно встревоженным внешне, с отросшими волосами и в грязной одежде. Кто-то сказал: «Это внешнее волнение есть

доказательство внутреннего волнения—сказал [Абу Хамза]— {Всевышний Аллах избирает жилище [в сердцах], забирает их, удаляет от тел и освобождает их}.

Наш шейх сказал: «Абу-л-Хасан Нури сказал: «{Люди познания постигли лишь малое из малого, так как постигли они доказательство и путь, а Истина—за ними}».

Наш шейх сказал, что Увейс Гарани сказал: «{Кто возлюбил три вещи: нежную беседу, нежную пищу, нежную одежду, огонь [будет] ближе к нему «... более близки к нему, чем яремная вена» (523)} .

Наш шейх сказал: «Абу Йакуб Нахрджури (524) был почитаемым шейхом и при всем этом ни на миг не сокращал [время] поклонения и усердие и ни на миг не оставался веселым, а произнося молитвы хазрату Господу пречистому и всевышнему, он стонал; и воззвали к нему: «{О Абу Йакуб! Знай, что ты раб и будь спокоен}».

Наш шейх сказал: «Один дервиш вошел к Шибли и сказал: «О шейх! Если кто-то [пребывает] во сне, [находясь] на том пути (т. е. суфийском—М. К.), [этот] его путь преодолевается?—Шибли сказал—Если он спит под сенью чистосердечия (ихлас), то суть его сна—[то же] поклонение». Затем наш шейх сказал: «Слова Шибли [подразумевают] то, что Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «{Сон сведущего—поклонение}».

Наш шейх сказал, что: «На Мусу (525), да будет мир с ним, снизошло откровение о том, что скажи сынам Израилевым, что изберите лучших среди вас. Выбрали тысячу человек. Снизошло откровение, что из этой тысячи изберите лучших. Избрали сотню лучших. Снизошло откровение, что из этой сотни изберите лучших. Избрали десять человек. Снизошло откровение, что из этих десяти изберите лучших. Избрали трех человек. Снизошло откровение, что из этих трех человек, изберите лучшего. Избрали одного. Снизошло откровение, что скажите этому единственному, чтобы он привел самого плохого из сынов Израилевых. Тот попросил четыре дня срока и обошел всюду.

На четвертый день он пришел в один квартал и увидел [здесь] человека, прославившегося [своей] испорченностью и недостойным [поведением]. В нем проявлялись разного рода распутство и пороки, так что на него указывали пальцем. Он хотел забрать его, но [внезапно] у него возникла мысль о том, что нельзя ему явно приказывать, возможно, ему знают (есть) цену и доверяют. Как говорят люди, нельзя отвергать (перечеркнуть) его. И учитывая то, что люди избрали меня в качестве лучшего, нельзя заноситься. Поскольку все, что я ни сделаю, вызовет сомнения, пусть лучше эти сомнения [проявятся] в отношении меня. Он обвязал себе шею дастаром, пришел к Мусе и сказал: «Сколько я ни смотрел, не увидел никого, хуже себя». На Мусу снизошло откровение, что этот человек лучший среди них, но не потому, что послушания в нем больше, [чем в других], а потому, что он счел себя наихудшим».

Наш шейх сказал: «Абу Бакр Васити сказал: «Солнце просачивается сквозь щель [на стене] дома, и частички пыли становятся видимы (появляются) в его [свете] ; поднимается ветер и играет (переворачивает) пылинками посреди того света, разве вы боитесь этого?–Сказали–Нет–сказал [он]–Теперь все для раба–единобожца (муваххид) подобны пылинкам посреди того света, которыми играет ветер».

Наш шейх сказал: «Шибли сказал: «{Суфий не будет суфием, пока все создания не станут его семьей}». Наш шейх сказал: «То есть на всех он смотрит глазами сострадания и несение их ноши считает своим долгом, поскольку видит их пленение и беспомощность перед могуществом Господа и знает, что все находятся под воздействием предопределения и [Божьей] воли».

Наш шейх сказал: «{Абу Осман Магриби (526) сказал: «Создания–это формы и повеления [Его] могущества входят в них}».

Наш шейх сказал: «{Мухаммад бин Али ал–Кассаб (527) сказал: «[Прежде] тасаввуф был халом, затем он появился в виде речения. Затем и хал, и речь исчезли, осталось мошенничество}».

Наш шейх сказал: «{Я слышал от шейха Абу-л-Хасана Али бин Мусанна (528) в Астрабаде, который сказал, что в пятницу после молитвы я стоял возле Шибли в пятничной мечети Багдада. И вот некто, [бывший] в одежде суфиев (нищих), встал и сказал: «Что такое слияние (васл)?» Шибли повернулся к нему и сказал: «О спрашивающий о слиянии! Оставь два предела (стороны) и ты достигнешь его—спрашивающий сказал—О Абу Бакр! Что это за два предела?—Сказал [Абу Бакр]—Вершина их перед тобой и скрывает тебя от Аллаха—тот спрашивающий сказал—О Абу Бакр! Сообщи мне в разъяснение своих слов о вершине, что это за вершина? - [Шибли] сказал—Этот мир и загробный. Как говорит всевышний Господь : «Среди вас были приверженцы этого мира и были приверженцы мира будущего», а кто же ищет Аллаха?» (529). Затем Шибли сказал: «Когда ты сказал Аллах—вот Он Аллах, а когда замолчал, Он [все равно] Аллах. О Аллах, о Аллах, о Он, который Он и , кроме Него, никто не знает Его; хвала Ему, хвала Ему, единственный Он, без сотоварищей». Затем Шибли упал без сознания и [стал] дергаться, как дергаются здоровые (530). Потом его отнесли домой}».

Наш шейх сказал: «{Я слышал от Абу-л-Фазла Мухаммада бин Хасана (531), шейха своего времени в Серахсе, который говорил: «Прошлое не следует поминать, а будущее—ожидать. Доверять [следует лишь происходящему] сейчас. И это—атрибут покорности». Затем он сказал: «Истина покорности—в двух вещах: благо потребности во всевышнем Аллахе, и это [происходит] из сути покорности, и следование благу, [исходящему] от Посланника, да благословит его Аллах и приветствует, и это то, в чем нет выгоды и спокойствия для изменной души}».

Наш шейх сказал: «{Я слышал от Абу Али Факиха, который говорил: «Я слышал от шейхов, которые говорили, что тот, кто не видит себя во благе милостыни, более нуждается в милостыне, чем факир. Его милостыня [становится] напрасной». Затем Абу Али Факих сказал: «В иснаде от Абдаллаха бин Омара (532) я слышал о Посланнике, да благословит его

Аллах и приветствует, [который сказал], что: «Поднятая рука лучше опущенной, которая [есть рука] просящего (нищего)». Затем Абдаллах бин Омар сказал: «Руки бывают трех [видов]: рука Аллаха, [являющаяся] высшей, рука дарителя, [являющаяся] срединной и рука просителя, [являющаяся] низшей}».

Однажды наш шейх сказал: «{Сказал Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, что когда наступит день Страшного суда чистосердечие (ихлас) и многобожие (ширк) предстанут перед Господом миров. Преславный и всемогущий Аллах скажет чистосердечию: «Войдите ты и твои друзья в рай», а многобожию скажет: «Войдите ты и те, кто с тобой, в огонь». Затем Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, прочтет: «Те, кто предстанет в тот день с добрыми деяниями, будут вознаграждены большим, чем эти деяния, и не изведуют никакого страха. А те, кто предстанет с дурными деяниями, будут повергнуты в огонь со словами: «Так воздается вам по делам вашим (533)}».

Наш шейх сказал, что Утба (534) сказал: «{Маслама бин Абд ал-Малик (535) вошел к Валиду (536) и попросил его благословения тому, чего достиг, и тот дал согласие. Когда Маслама выходил, [Валид] сказал: «Зажгите свечу перед Маслама–сказал Маслама–Клянусь Аллахом, о амир ал-муминин, что сегодня ночью мы не сделаем ни шагу, кроме как в свете твоего согласия}».

Наш шейх сказал: «{Рассказывают [от имени] Сабита (537), что некая женщина ела, к ней подошел нищий и попросил что-нибудь, а из еды женщины не оставалось больше [одного] куска. Женщина дала его нищему. Затем подошел лев, схватил ее ребенка и унес. [В это время] она увидела [того] мужчину, который пошел за львом. Когда он настиг его, открыл ему пасть, вытащил из нее ребенка, вернул матери и сказал: «Кусок за кусок}».

Однажды наш шейх сказал с минбара: «{Давуд (538), да будет мир с ним, сказал: «О Боже! Где мне искать тебя, чтобы найти?» Всевышний Аллах послал ему откровение: «О глава рабов и путь захидов! В первом же шаге, который ты сделал,

покинул Меня, поскольку поиск счел нужным (видишь) со своей стороны, а не с Моей}».

Затем наш шейх сказал: «{Когда ты подумал, что обрел Его, тогда ты потерял Его, а когда ты подумал, что потерял Его, тогда обрел Его}».

Наш шейх сказал: «{Сказал Давуд Таи: «Однажды ночью я пошел на кладбище и услышал как кто-то (говорящий) сказал: «О горе мне! Разве не я творил молитву и держал пост?—Отвечающий ответил ему—Да, но когда ты уединялся с Господом, ты не уповал на Него}»». Затем наш шейх сказал: «{Того, кто делает всевышнего Аллаха следящим за тем, что западает ему в сердце, Аллах делает непорочным в его [наносящих] раны деяниях }».

Наш шейх сказал: «{Спросили у амир ал-муминина Али бин Абу Талиба, да будет доволен им Аллах,: «В чем смысл руку?—Сказал он—Мусульманин совершает руку и говорит в своем сердце, что если станут рубить ему голову, [все равно] он не отречется от [своей] религии и поклонения [своему] Господу}».

Однажды посреди речи наш шейх сказал: «{Некий мурид попросил шейха о молитве. Шейх сказал: «О сын! Выбор того, что ведет тебя в извечность, лучше вражды со временем, [в котором находишься]}».

Наш шейх сказал, что он слышал от Абу Али Факиха о том, что Раби'а (539) сказали: «{Как ты достигла того, чего достигла?—Сказала [она]—Частым [повторением этих] слов: «Я ищу Твоего покровительства от всего, что удерживает меня от Тебя, и от всех препятствий, [которые] уводят (запрещают) от Тебя». Наш шейх сказал: «Я слышал в Амуле от шейха Абу-л-Аббаса Кассаба, у которого спросили об [аяте] «Скажи: «Он—Аллах единый» (540). Сказал он: «Скажи—это занятие, Он—указание, а Аллах—слово; и смысл таухида—чист (т. е. свободен—М. К.) от слова и указания».

Наш шейх сказал, что Логман Серахси сказал: «Вот уже тридцать лет, как Султан истины захватил эту цитадель нашей

натуры, чтобы ни у кого не хватило смелости овладеть ею и сесть [в нее]».

Наш шейх сказал, что у устада Абу Али Даккака спросили о сама, и он сказал: «{Сама—это вакт; у того, кто не [участвует] в сама, нет [способности] слышать, а у того, у кого нет [способности] слышать, нет религии; как сказал всевышний Аллах: «... ибо им запрещено слушать Коран» (541) и «Они говорят еще: «Если бы мы слушались увещаний или постигали их, то не оказались бы среди обитателей ада» (542). Значит сама—вестник Истины и посланник Истины, прибывший, чтобы отвести людей Истины к Истине. Тот, кто с ее [помощью] слушает Истину, сливается с Истиной, а тот, кто слушает свой нрав—зиндик» (542а).

Наш шейх сказал, что однажды Аиша Садиге («Правдивая»), да будет доволен ею Аллах, пришла со свадьбы. Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «О Аиша! Как прошла свадьба? Хорошо ли было? Был ли [там] кто—нибудь, кто прочел для вас стихи?» (543).

Наш шейх сказал, что от того, что сама друзей [связано] с Истиной, они слушают с самым приятным лицом. И всевышний Бог говорит: «Так обрадуй же Моих рабов, которые прислушиваются к слову и следуют наилучшим из них» (544). Сама для каждого имеет цвет его судьбы. Кто—то слышит [благодаря ему] о мирском, кто—то о страстях, кто—то о дружбе, а кто—то о разлуке и соединении. А все тяготы и притеснения [связаны] с тем, чья судьба прошла в муках. И сама его [связано] с мучениями (545). А есть и те, кто [во время] сама слышит о познании. Каждый совершает сама [в соответствии] со своим положением.

Правильно сама того, кто слышит [во время его] о Господе. И это те, кого всевышний Господь предназначил для своих милостей «Аллах благоволит Своим рабам» (546): владеющий (тамлик) и особый (тахсис) раб Бога. При поклонении эти милости [также] особые, [поскольку] их (т. е. этих рабов—М. К.) слышание—от Господа к Господу.

Рассказ 198. У нашего шейха Абу Са'ида спросили: «У каждого пира был пир, кто был твоим пиром? И пиры [в результате] духовных рвений и воздержаний превратили себя в хилых и тощих людей, а твоя шея не влезает в ворот рубахи. И пиры совершали хаджж, а ты хаджж не совершил, в чем причина этого?» Шейх ответил: «Ты спрашиваешь, что у каждого пира был пир, а кто был твоим пиром, [отвечаю]—«... благодаря тому, чему научил меня мой Господь» (547)—и то, что ты спрашиваешь, что пиры из-за рвений превратили себя в хилых и тощих [людей], а твоя шея не влезает в ворот рубахи, [отвечаю], что для нас удивительно [не это, а то], как наша шея влезает в семь небес и земель, благодаря тому, что дал нам Бог. И то, что ты говоришь, что пиры совершали путешествие в Хиджаз, а ты не совершил хаджж, [отвечаю], что это недостаточно—оставить под ногами тысячу фарсангов земли, чтобы совершить паломничество к каменному дому. [Набожный] человек тот, кто сидит здесь и в течение суток несколько раз бейт ал-мамур (548) совершает таваф над его головой. Посмотри, чтобы увидеть». Посмотрели те, кто присутствовал и увидели.

Рассказ 199. Однажды в Нишапуре наш шейх шел на поминки. К нему направились муаррифы и пожелали громко возвестить о нем, как это в их обычае, и перечислить его титулы. Когда они увидели шейха, [встали] беспомощно и не знали, что сказать. Они спросили у муридов шейха: «Как объявить нам титул шейха?» Шейх, увидев их беспомощность, произнес: «Идите и возвестите, чтобы дали дорогу Никому сыну Никого». [Когда так и сделали], то все почитаемые люди повернули головы и увидели, что идет шейх. Всех охватил восторг и они заплакали.

Рассказ 200. Однажды наш шейх в Нишапуре проходил через какую-то махалла. Мусорщики здесь чистили отхожее место, относили нечистоты в бурдюках и сваливали в яму. Когда суфии добрались сюда, то отвернулись, зажали носы и побежали [прочь]. Шейх позвал их и сказал: «Эти нечистоты языком хала разговаривают с нами и говорят: «Мы те самые вкусные и ароматные кушанья, на которые вы тратили золото

и серебро, и жертвовали ради нас своей душой, и переносили трудности и лишения, которые невозможно описать, для того, чтобы заполучить нас; за одну ночь, когда мы беседовали с вами (т. е. во время трапезы—М. К.), мы приняли ваш цвет; почему вы убегаете от нас, зажав нос, ибо мы—ваш внутренний цвет и запах». Когда шейх произнес эти слова, все вскричали, многие заплакали и впали в состояние хала.

Рассказ 201. Рассказывают, что однажды ночью в Мейхене Хасан Муаддаб поставил светильник перед нашим шейхом и ушел. Шейх позвал его и сказал: «В чем причина того, что этот светильник сегодня ночью не дает такого яркого света, как каждую ночь?—Сказал [Хасан]—Не знаю—шейх сказал—Выясни». Хадим расспросил у мастера по светильникам, вернулся и сказал: «Прут, которым чистили светильники суфиев, положили в этот светильник—шейх сказал—Убери этот светильник от меня». Хасан убрал тот светильник, [стоявший] перед шейхом.

Рассказ 202. Талха бин Йусиф ал-Аттар (549) сказал: «Некоторое время я находился у шейха Абу Са'ида. Когда я [собрался] возвращаться, он сказал мне: «Когда ты отправишься в Багдад и у тебя спросят, кого ты видел и какую пользу приобрел, что ты скажешь? Скажешь, что видел лицо и бороду? (т. е. внешние проявления—М. К.)—Я сказал—[Скажу то], что изволит шейх—шейх сказал—Каждому, кто знает арабский, прочтешь этот стих:

«{Сказали: «Из Хорасана вышла газель,
По красоте которой, нет равных».
Сказали мы: «Не отрицайте ее прелести,
Ибо и солнце восходит из Хорасана}».

А тому, кто не знает арабского, прочтешь этот стих:

Зелени и раю весну несут от тебя,
[Ты] та, о которой несут воспоминания в рай.
В Китай несут рисунки и изображения твои,
В Иран несут все предсказания судьбы,
[связанные] с тобой.

Рассказ 203. Ходжа Абу-л-Фатх [внук] шейха сказал, что наш шейх был в Нишапуре. Однажды он шел в Башанган (550) и ходжа Абу Али Тарсуси был с нашим шейхом. Шейх в пути сказал: «{О Аллах! Направь меня к той малой [группе]}». Когда они прибыли в Башанган и спешились, ходжа Абу Али Тарсуси сказал нашему шейху: «На этом пути благословенным языком шейха часто произносилось: «{О Аллах! Направь меня к той малой [группе]}» - наш шейх сказал—Всевышний Бог говорит: «Но мало, кто из Моих рабов благодарен» (551). Мы хотим стать из [числа] тех людей, которые возносят благодарность за Его благодеяния».

Рассказ 204. Ходжа Абу-л-Фатх [внук] шейха сказал, что однажды каввал прочел нашему шейху этот бейт:

Я скроюсь в своей газели,
Чтобы поцеловать тебя в губы, когда прочтешь ее.

Наш шейх спросил у каввала, чей этот бейт? Сказал он: «Это сказал Омаре» (552). Шейх встал и с общиной суфиев пошел поклониться могиле Омаре.

Рассказ 205. Ходжа Абу Бакр Муаддаб сказал, что наш шейх Абу Са'ид тихо говорил с Хатибом Куфи (553). Затем он повернул лицо ко мне и сказал: «Ты слышал, о чем мы говорили?—Я сказал—Нет, о шейх!—Сказал он—Мы говорили: «{Беспомощность бывает двух видов—слабость в делах (т. е. невыполнение их—М. К.), когда возможно [их выполнить] и усердие в поиске [того], что [уже] утеряно». И в тот миг, когда шейх говорил эти слова, каввал прочел следующее мисра: «{Не давай пить втайне, когда можешь это делать явно}}».

Рассказ 206. В то время, когда наш шейх находился в Нишапуре, кто-то принес ему кувшин с водой и сказал: «Подуй сюда ради больного». Наш шейх подул на тот кувшин, взял его у того человека и выпил воду. Тот человек сказал: «Эй шейх! Почему ты так сделал?—Шейх сказал—Этот шербет никто не сможет выпить, кроме нас. Сейчас возвращайся, а завтра я вдохну в него [воздух] исцеления».

Рассказ 207. Однажды наш шейх был в хамаме. Ему прислуживал дервиш, растирал ему спину и смывал грязь с его рук, как это принято у банщиков. [Делал он это], чтобы тот видел, как он трудится. И вот во время этого служения он спросил у шейха: «Эй шейх! Что такое благородство?—Наш шейх тотчас сказал—Это, когда грязь человека не показываешь ему». Все шейхи и имамы Нишапура, услышав эти слова, согласились с тем, что никто по этому поводу не сказал лучше.

Рассказ 208. Наш шейх Абу Са'ид сказал, что в одном месте я увидел, [как было] написано о том, что каждый, кто в ночь на пятницу тысячу раз благословит Мустафу, да благословит его Аллах и приветствует, увидит его во сне. Мы совершили это в Мерве и увидели во сне Мустафу, да благословит его Аллах и приветствует. Перед ним сидела Фатима—йи Захра, да будет доволен ею Аллах и Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, возложил свою благословенную руку на ее счастливую макушку. Мы захотели подойти к Посланнику, да благословит его Аллах и приветствует, и он сказал нам: «{ Фатима, поистине, госпожа женщин вселенной}».

Рассказ 209. В то время, когда наш шейх был в Нишапуре, в течение года люди много говорили о звездочетах и об их предсказаниях. Простолюдины и знать обсуждали, что в этом году будет так—то и так—то. Однажды наш шейх проповедовал и собралось множество народа, поскольку [заранее] была назначена его проповедь. На ней присутствовали имамы и почитаемые люди. Наш шейх в конце проповеди сказал: «Мы сегодня будем говорить о предписаниях астрологии». Все люди приготовились слушать, что скажет шейх. Шейх сказал: «О люди! В этом году свершится все то, что возжелает всевышний Бог, также как в прошлом году все было так, как возжелал всевышний Бог; да благословит Аллах Мухаммада и весь его род». Он провел рукой по лицу, закончил проповедь и люди вскричали.

Рассказ 210. Однажды кто—то встал на проповеди нашего шейха и сказал: «Эй шейх! Произнеси молитву за меня—Шейх сказал:

О люди! Правосудие упразднилось во вселенной.
Проступок совершает он, а прощение
 надо просить мне».

Этот бейт много раз произносился благословенными устами нашего шейха.

Наш шейх сказал: «Если правда то, что повествуют об амир ал-муминине Али, да будет доволен им Аллах, то над мертвым он произносил пять такбиров во время намаза по усопшему. Из этих пяти-четыре такбира предназначались мертвому, а пятый-всем созданиям».

Рассказ 211. Однажды кто-то встал на проповеди нашего шейха, [стал] что-то просить у людей и говорил: «Я-нищий человек (факир)». Шейх сказал: «Не следует так говорить, а следует сказать, что я-бедный человек (гада), ибо нищета-это тайна из тайн всемогущего и преславного Бога».

Рассказ 212. В то время, когда наш шейх был в Нишапуре, то однажды он сидел в ханаке. К нему подошла некая девочка-алидка. И это было дочка дервиша. Отец и мать ее попрошайничали и умоляли людей [что-нибудь дать им]. Шейх усадил эту девочку перед собой и сказал: «О люди! Эта девочка-из [числа] детей вашего Пророка, на любовь к которому вы притязаете и возвышаете свои голоса, [когда] благословляете его. Сейчас предъявите доказательства своего притязания на любовь к ее предку, совершив добро [по отношению] к этому ребенку и его (т. е. Пророка-М. К.) потомству». Затем шейх снял одежду и дал той девочке, а люди, которые там были, все проявили согласие [с этим] и дали той девочке много добра, поскольку были они многочисленны и большей частью известными [людьми].

Рассказ 213. Ходжа Хасан Муаддаб, да помилует его Аллах, сказал, что, когда наш шейх был в Нишапуре, то имамы и шейхи, жившие в то время, такие как шейх Абу Мухаммад Джувейни, уstad Исмаил Сабун и уstad имам Абу-л-Касим Кушейри, да освятит Аллах их дух, и другие почитаемые люди

постоянно приходили к шейху, и [они] говорили друг с другом и расспрашивали друг друга [о чем-то].

Однажды они были у нашего шейха, и беседовали, и наш шейх завел речь, и они задавали вопросы нашему шейху, и шейх отвечал. Посреди беседы этот бейт был произнесен устами шейха:

Ни на вздох я не бываю несведущ
о твоём состоянии, о друг.
У меня есть вестники (обладатели сведений)
там, где ты.

Затем шейх повернул лицо к ним и сказал: «Где смысл этого бейта в Коране?» Они много думали и смотрели друг на друга. Но ничего не пришло им [на ум], чтобы сказать. [Тогда они] сказали: «Пусть шейх скажет—шейх сказал—Нам следует сказать?—Сказали—Да—шейх сказал—Пречистый и всевышний Бог говорит: «Или же они полагают, что Мы не ведаем их тайн и сокрытых переговоров? Напротив, [Мы внимаем им], и Наши посланцы (т. е. ангелы) находятся среди них и записывают [их беседы]» (554). Все удивились и сказали: «Тем, что приходит [на ум] шейху и [затем] проявляется, не обладает никто».

Рассказ 214. Хасан Муаддаб, да помилует его Аллах, сказал, что : « Однажды наш шейх Абу Са'ид вел проповедь в Нишапуре. Когда он закончил проповедь, я встал перед ним; и было принято так, что когда люди расходились, я стоял перед шейхом, [ожидавая] указаний шейха. Шейх сказал: «Эй Хасан! Ступай в город и посмотри, кто больше [всех] в этом городе считает нас врагом и больше [всех] отрицает наше дело. Подойди к нему и скажи, что дервиши неимуши и им нечего есть. Тебе следует издержаться [ради них]».

Я вышел от шейха в дверь ханаки. Размышляя [над сказанным], я обошел весь город и не нашел никого более отрицающего [шейха], чем Али Сандали. Я подумал [про себя], что нельзя чтобы это решение (мысль) было неправильным. Я в

другой раз с усердием обошел весь город. [Но] все мои мысли [были связаны] [только] с ним (т.е. с Али Сандали– М.К.). Я опять отверг их и в третий раз обратился мыслью во все концы города и с усердием обошел все закоулки. Вновь я остановился на нем. Поскольку мысль трижды сделала [одинаковый выбор], я понял, что он верен.

Я направился в его ханаку. Он сидел [здесь], и все его ученики были с ним. И он изучал [с ними] книгу. Я поздоровался, он высокомерно ответил, как это было в его обычае и сказал: «У тебя есть дело [ко мне]?–Я сказал–Шейх шлет привет и говорит, что нет никаких средств и следует поиздержаться ради дела дервишей». Он был человеком язвительным и [к тому же] насмешником; сказал он: «Это и есть твое важное и неотложное дело?! А я полагал, что ты пришел спросить о чем–то. Ступай, эй друг! У меня есть дело поважнее этого. [Ты думаешь] я дам вам что–нибудь, чтобы вы пустословили, кряхтели, танцевали и произносили этот бейт?:

«Наряженным и опьяненным ты приходишь на базар.
О друг, не боишься быть охваченным [любовью]».

Я вернулся, пришел к шейху и не хотел рассказывать ему о том, что произошло. Я сказал: «Он говорит, что сейчас из средств ничего нет и [неизвестно], что будет после–шейх сказал–Не следует тебе обманывать, а следует сказать то, что произошло». Я рассказал, что произошло на самом деле. Наш шейх сказал: «Следует еще раз пойти и сказать ему: наряженный убранством мира, опьяненный любовью к мирскому ты не боишься, что завтра на базаре Судного дня ты будешь схвачен на том узком пути, о котором всевышний Бог изволит [сказать]: «... веди нас прямым путем»? (555).

Я вернулся, пришел к нему и передал ему послание шейха. Он опустил голову и на некоторое время задумался, а [затем] сказал: «Ступай к такому–то хлебопеку и возьми у него сотню серебряных дирхемов. Раз вы можете так истолковать бейт (песню), то я не могу вам ничего сказать, и никто не

сможет противостоять вам; [но] смотри, не бери [себе] это за привычку и больше не возвращайся [сюда]».

Рассказ 215. Рассказывают, что однажды в Нишапуре наш шейх сидел в ханаке со всеми суфиями за скатертью и ел пищу. Посреди трапезы вошел ходжа имам Абу Мухаммад Джувейни и поздоровался. Наш шейх не ответил и не оказал ему внимания. Ходжа имам Абу Мухаммад Джувейни огорчился, обиделся и сел. Когда поели, убрали скатерть, вымыли руки, шейх встал, ответил на приветствие Абу Мухаммада Джувейни и сказал: «Салам—одно из имен всевышнего Господа (556), и мы [считаем] недозволенным произносить Его имя с оскверненным ртом». Шейх Абу Мухаммад Джувейни успокоился, [услышав ответ], и сказал: «Все, что следует из адаба шариата и тариката есть у шейха, и никто другой этим не обладает». И все суфии и шейхи, присутствовавшие [здесь], извлекли пользу из тех слов шейха. Вот почему, когда суфии оказываются в том месте, где все [сидят] за скатертью, не говорят салам, пока не закончат еду и не вымоют руки; [только] после этого они здороваются.

Рассказ 216. У нашего шейха Абу Са'ида была сестра, весьма почитаемая женщина, которую дети шейха называли Амме («тетя»), и в Мейхене она была известна под этим [именем]. Она была крайне аскетична и целомудренна, до такой степени, что если не было острой необходимости, она не выходила из дома. А когда она выходила из дома, то чадру и обувь потом оставляла за дверью дома, в помещении, построенном для этого дела. Она сшила также одежду для выхода. Ту одежду, которую она надевала дома, выносила и оставляла в том помещении, [затем] надевала одежду, чадру и обувь для выхода и шла [наружу] и, когда возвращалась домой, то чадру, и обувь, и одежду вновь приносила в то помещение и оставляла, и не вносила в жилище, чтобы пыль, которая садилась на одежду на улице, не оказалась у нее дома и чтобы не проникал в дом взгляд посторонних людей, [брошенный] на ту одежду. Каждый раз, когда наш шейх приходил к ней, то [после] его

ухода Амме мыла свое жилище и говорила: «Шейх пришел в наше жилище в той же обуви, в которой ходил по улице».

Как-то наш шейх был у Амме и вел с ней беседу. Амме сказала: «Эй шейх! Эти твои слова-слиток золота-шейх сказал-Если наши слова-слиток золота, то твое молчание-непросверленная жемчужина». Из своей комнаты Амме проделала щель в комнату шейха, так что она все время тайком видела нашего шейха, и разговаривала с шейхом, и, если у нее возникал вопрос или какая-то мысль проносилась у нее [в голове], то она спрашивала у шейха.

Однажды наш шейх сидел в своей комнате, а Хизр, да пребудет на нем благословение Аллаха, много беседовавший с нашим шейхом, в тот день пришел к нему, и они сидели одни в комнате и разговаривали. Амме подошла к той щели и поняла [благодаря] проницательности и чудотворству, что это Хизр разговаривает с шейхом. Втайне она наблюдала за ними и увидела, что Хизр отпил воды из кувшина нашего шейха, который стоял перед ними. Когда Хизр [после этого] встал [и вышел], то шейх [также] вышел за ним [следом]. Когда оба они вышли, тотчас Амме [спустилась] по крыше, вошла в комнату шейха и ради [обретения] благодати отпила воды из кувшина нашего шейха с того [самого] края, откуда выпил воду Хизр, и вышла. [В то время], когда шейх вновь вошел в свою комнату, Амме [уже] ушла в свою. Когда шейх вошел в комнату, то [благодаря] проницательности и чудотворству, он прознал про все, что она сделала, но ничего не сказал Амме. Он позвал хадима и приказал ему накрепко заделать ту щель, которая была в комнате Амме, так чтобы впредь Амме не могла видеть из своей комнаты комнату шейха.

Рассказ 217. Наш шейх сказал, что некто увидел во сне рай, в котором была расстелена скатерть и людей, [сидящих за ней]. Он захотел присоединиться к ним. [В это время] кто-то подошел, взял его за руку и сказал: «Это не твое место; эта скатерть для тех, у которых только одна рубаха, а у тебя их две, [так что] ты не можешь сесть с ними». Наш шейх сказал: «Сейчас дело дошло до того, что шьют синюю муракку, наде-

вают ее и полагают, что все дела наладились. Стоят возле того сосуда с синей [краской] и говорят: «Погрузи еще раз [муракку] в тот сосуд, чтобы она стала еще более синей. Думают так, что суфий—это муракка и все свои усилия затрачивают на нее, украшая и приводя ее в порядок и превращая в своего идола и кумира».

А в тот день, когда шейх говорил эти слова, для него сшили новую фараджи; он надел ее, и сев на тахт, произносил речь. Он говорил так: «На нас [только] теперь надели муракку после семидесяти лет (557), что прошли для нас в этой жизни и тех трудностей и бедствий, вынесенных на этом пути, [когда] день и ночь для нас были едины; после этого на нас надели муракку. Сейчас же каждый с легкостью шьет муракку и надевает на себя».

Наш шейх сказал: «Всевышний Бог говорит, что всем Мы сказали: «Говорите, что нет бога, кроме Аллаха», а тебе, о Мухаммад, говорим: «Так знай же, что нет бога, кроме Аллаха» (558); знай и смотри, что Он—един».

Как—то один человек из Мавераннахра присутствовал [на проповеди шейха] и прочел этот аят: «...адского огня, в котором горят люди и камни» (559). Наш шейх по поводу аятов азаб высказывался мало, [но] сказал он: «Поскольку камни и люди для Тебя [имеют] одну цену, то ад раскаляй камнями и не сжигай этих несчастных».

Рассказ 218. Рассказывают, что некто из Багдада прибыл в Мейхене к нашему шейху и спросил у шейха: «Эй шейх! Для чего пречистый и всевышний Бог сотворил эти создания? [Разве Он] нуждался в их сотворении?—Наш шейх сказал—Нет, но Он создал их ради трех вещей: первое, Он—всемогущ, нужен был смотрящий на это; второе, Его богатства неисчислимы, нужен был «питающийся» ими; третье, Он—всемиловит, нужен был грешник».

Рассказ 219. Однажды один дервиш подметал ханаку [в присутствии] нашего шейха. Наш шейх сказал: «О брат! Будь, словно мяч перед метлой и не будь, словно гора за метлой».

Однажды наш шейх со всеми суфиями добрался до дверей мельницы. Он придержал лошадь, на мгновение помедлил и затем сказал: «Вы знаете, что говорит эта мельница? Она говорит: «Тасаввуф—это то, в чем пребываю я: беру [нечто] твердое, возвращаю мягким и совершаю таваф вокруг себя. Странствовать [внутри] себя, чтобы удалить от себя то, что не следует [держать], лучше, чем топтать землю по миру». От этих слов всем стало приятно.

Рассказ 220. Рассказывают, что у устада Абу Салеха, который был чтецом нашего шейха, появились боли, так что он слег. Шейх позвал ходжу Абу Бакра Муаддаба, который был адибом его детей и повелел ему: «Принеси чернильницу, перо и кусок бумаги, чтобы я задиктовал для Абу Салеха хирз (560) и ты бы записал». Тот принес бумагу, чернильницу и перо. Шейх повелел ему написать:

Гурии выстроились, чтобы посмотреть
на мою возлюбленную,
Ризван (561) от удивления хлопнул в ладони.
Черную родинку нанесли на те щеки,
[подобные] метрифу (562),
[Так что абдалы] от волнения вцепились
в мусхаф (т.е. Коран— М.К.).

Ходжа Абу Бакр Муаддаб записал [это], и [бумагу] отнесли к уstadу Абу Салеху, и приложили к нему. Тотчас наступило исцеление, и в тот же день он вышел из дома, и тот недуг исчез.

Рассказ 221. Рассказывают, что один из шейхов при жизни (во время) нашего шейха Абу Са'ида, отправился со всеми суфиями на войну с неверными (газа) в вилайат Рума. Однажды, он шел в дар ал-харб (563), увидел Иблиса и сказал: «О проклятый! Что ты здесь делаешь, ибо сердце твое не нуждается в тех людях, которые находятся здесь?»—сказал он—Я попал сюда не по своей воле—сказал [шейх]—Как это?—Сказал [Иблис]—Я проходил через Мейхене и [уже] удалялся, [когда] из мечети вышел шейх Абу

Са'ид Абу-л-Хейр и направился к себе домой. По пути он чихнул и забросил меня сюда».

И также у нашего шейха спросили: «Эй шейх! Есть ли кто, днем совершающий намаз, а ночью занимающийся воровством?—Наш шейх сказал—[Если и есть], то не удивительно, что благо его дневного намаза пропадет (будет остановлено) из-за ночного воровства».

Один из пиров сказал нашему шейху: «Эй шейх! Я увидел тебя во сне и сказал: «О шейх! Что мне сделать, чтобы избавиться от этой низменной души?» Наш шейх сказал: «Не следует ничего делать в том смысле, что все уже сделано и [все] было. Ничего не следует начинать [вновь]. Если Бог [так] установил, Он окажет помощь, а если не установил, то не старайся, поскольку [все равно] не уменьшится и не прибавится ни на крупинку. Если Он установил так, то вовлечет тебя в поиск, и поистине [сначала] Он призовет тебя, а затем уже тебя также вовлечет в поиск».

Наш шейх сказал: «В хадисах сказано, что к Посланнику, да благословит его Аллах и приветствует, пришли люди и спросили, что такое дервишество? Одного из тех [людей] он позвал к себе и спросил: «Есть у тебя пять дирхемов?—Сказал [тот]—Есть—сказал [Пророк]—Ты не дервиш». Он позвал другого и спросил: «Есть у тебя пять дирхемов?—[Тот] сказал—Нет—сказал [Посланник]—Есть у тебя что-нибудь, стоящее пять дирхемов?—Сказал [тот]—Есть—сказал [Посланник]—Ты не дервиш». Позвал еще одного и спросил : «У тебя есть пять дирхемов?—Сказал [тот]—Нет—сказал [Посланник]—Есть у тебя что-нибудь, стоящее пять дирхемов?—Сказал [тот]—Нет—сказал [Посланник]—Ты имеешь сан на пять дирхемов?—Сказал [тот]—Имею—сказал [Посланник]—Ты также не дервиш». Позвал еще одного и сказал : «У тебя есть пять дирхемов?—Сказал [тот]—Нет—сказал [Посланник]—Есть у тебя что-нибудь, стоящее пять дирхемов?—Сказал [тот]—Нет—сказал [Посланник]—Ты имеешь сан на пять дирхемов?—Сказал [тот]—Не имею—сказал [Посланник]—Можешь ты достать пять дирхемов?—Сказал [тот]—Могу—сказал [Посланник]—Вставай, ибо ты не дервиш». Позвал он

следующего и сказал: «Имеешь ли ты хоть что-нибудь из всего этого?—Сказал [тот]—Нет—сказал [Посланник]—Если перед тобой появятся пять дирхемов скажешь ли ты, что они твои и у тебя есть доля в этом?—Сказал [тот]—Да не будет она меньше этого—сказал [Посланник]—Вставай, ибо ты не дервиш». Позвал следующего и сказал—Из всего того, что мы перечислили имеешь ли ты [хоть] что-нибудь?—Сказал [тот]—Нет—сказал [Посланник]—Если перед тобой появятся пять дирхемов у тебя не возникнет мысль о том, что тебе надо завладеть ими?—Сказал [тот]—Не возникнет, о Посланник Аллаха—сказал [Посланник]—А что ты сделаешь с ними?—Сказал [тот]—Они будут в распоряжении дервишей. У меня не будет никакой доли в них—Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал—Ты поистине дервиш. Дервиш должен быть таким, чтобы в нем не было тех [свойств]».

Когда Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал это, то другие заплакали и сказали: «О Посланник Аллаха! Все зовут нас дервишами, но дервишество—это то, что обозначил ты, кто же мы теперь?—Сказал [он]—Дервиш—этот, а вы все—его прихлебатели».

Наш шейх сказал, что однажды оса встретила муравья. Она увидела, как он тащит пшеничное зерно домой. Зерно перекатывалось, и муравей перекатывался вместе с ним. Он тащил его с большим усердием и ухищрениями. Люди наступали на него, утомляли и измучили его. Та оса сказала муравью: «Что это за тяготы и лишения, которые ты взвалил на себя ради одного зерна и ради этого презренного зерна терпишь такие унижения. Иди и посмотри с какой легкостью я питаюсь, и как я добываю без всех этих трудностей такие вкусные дары, и как я ем то, что приятнее и лучше всего и достойнее моих желаний».

Она взяла с собой муравья в лавку мясника, в то место, где было [повешено] хорошее и жирное мясо. [Оса] село на мясо, наелась досыта от того куска, который был нежнее [других], и приготовила также кусочек, чтобы забрать [с собой. Но в это время] подошел мясник, ударил ее ножом, рассек на две половинки и выбросил. [Половинки] осы упали на землю;

подоспел тот муравей, взял ее ножку, потащил, приговаривая: «Каждого, кто сядет, [не спрашивая], там, где хочет и куда [указывает] его желание, убьют так, что он не захочет [такой смерти], и желания его также не останется».

Рассказ 222. Ходжа Мус'ад сын ходжи имама Музаффа-ра Хамдана Нугани сказал, что однажды шейх Абу Са'ид сидел с его отцом, и они беседовали. Его отец сказал шейху Абу Са'иду: «Я не говорю о тебе, [как о] суфии (о твоём суфийстве), и не говорю также о тебе, [как о] дервише, но я говорю ты, [как] ариф, совершенен». Шейх Абу Са'ид сказал: «Будет так, как Он скажет» (564).

И ходжа Мус'ад сказал: «Сайене была моя бабушка. Она отвела мою мать Рахати к шейху Абу Са'иду в Нишапур. Матери моей было тогда двенадцать–тринадцать лет и с моим отцом еще не говорили о ее браке. Шейх спросил мою мать: «Как твоё имя?–Сказала [она]–Рахати–сказал [он]–Да будет оно благословенно! Теперь следует пригласить суфиев [на угощение]–сказала [она]–У меня ничего нет–сказал [он]–Займись нищенством–сказала она–Займись». И тут же сказала шейху: «Я [хочу] пригласить суфиев на угощение, дай мне что–нибудь». Шейх дал ей рубаху и рида. Она взяла их и отнесла в караван–сарай Микалидов. Там остановились [некие] мать и дочь. [Моя мать] сказала [им]: «Шейх Абу Са'ид попросил меня приготовить угощение для суфиев, я сказала, что у меня ничего нет, [а] он сказал, чтобы я занялась нищенством. Я попросила [милостыню] у него. Он дал мне эту рубаху и рида. Как по–вашему, сколько это стоит сейчас?» Дочь встала, вошла в комнату, принесла пару браслетов, стоимостью в шестьдесят динаров, положила передо мной (565) и взяла рида. Мать же принесла ожерелье также стоимостью в шестьдесят динаров и взяла рубаху. Обе [суммы денег] положили перед нами (т. е. Сайене и Рахати – М. К.).

Некоторое время мы просидели, а затем я сказала: «Эта одежда шейха разговаривает со мной, вы знаете об этом?–Они сказали–Нет–Я сказала–Она говорит: «Я ни в чём не обрету спокойствия. Здесь буду либо я, либо [чья–то] другая [одеж-

да]». Вы думали об этом?—Сказали они—Нет—я сказала—Надо посмотреть, что следует сделать». Они вошли в комнату, вынесли рубаху и рида, поцеловали [их], положили перед нами и сказали: «Вы более достойны их; браслеты и ожерелье [также] в вашем распоряжении». Мы встали, пришли к шейху, положили перед ним рида, рубаху, браслеты и ожерелье и сказали: «Приготовьте угощение для суфиев так, как считаете нужным». Шейх повелел, чтобы устроили угощение для суфиев и затем разорвали рида и рубаху шейха.

После этого случилось так, что Сайене прибыла в Нуган к ходже Музаффару, и они вдвоем беседовали. Сайене говорила о фана, а ходжа Музаффар о бака. Ходже Музаффару понравилась речь Сайене, и он сказал: «Тот, кто согласен с тобой, согласен с истиной, а тот, кто возражает тебе, возражает истине—Сайене сказала—Взгляни, в благодарность за это надо принести жертву, а у меня ничего нет. Я передаю тебе [заботу] о Рахати—ходжа Музаффар сказал—Я в этом смысле свободен (т. е. не думаю об этом—М. К.)». [Вот] уже десять лет, как жена ходжи Музаффара перешла под божье благословение, и десять лет при жизни жены у него не было потребности [в ком-то другом]. Через двадцать лет он возжелал Рахати и ходжа Мус'ад появился [на свет] от него благодаря бараке помыслов, расположению и взгляду шейха Абу Са'ида.

Рассказ 223. Абу —л—Фазл Мухаммад бин Ахмад ал—Ариф ан—Нугани сказал, что с шейхом Абу Са'идом в Нишапуре они выехали на кладбище Хира на похороны близкого [человека]. Когда они поравнялись с могилой Ахмада Таберани (566), конь шейха встал, и взгляд шейха остановился на могиле Ахмада Таберани. Некоторое время он пристально смотрел на эту могилу, затем тронул коня и сказал: «Шейх Ахмад Таберани говорил с нами, чтобы выслушать его слова, мы остановились».

Наш шейх сказал: «Я видел во сне себя, шейха Абу Али Даккака и устада Абу—л—Касима Кушейри, сидящими втроем. Раздался голос, что станьте и каждый совершите бадане (567). Я и уstad Али встали и исполнили это, а уstad Абу—л—Касим ста-

рался, стонал и плакал, [но] не смог встать, чтобы исполнить это. И если бы он сделал это, то в мире не было бы равного ему».

Рассказ 224. Рассказывают, что однажды наш шейх Абу Са'ид шел [по дороге. В это время] приползла огромная змея, [стала] извиваться у ног нашего шейха и выказывать [свою] близость к нему. С нашим шейхом был некий человек, и он удивился этому. Наш шейх сказал тому человеку: «Эта змея приползла поприветствовать нас. Хочешь чтобы и у тебя было так?—Тот человек сказал—Хочу—наш шейх сказал—Никогда у тебя не будет того, что ты хочешь» (568).

Рассказ 225. Наш шейх сидел у могилы шейха Байазиды Бистами. Он указал на могилу шейха Байазиды и сказал: «{Этот шейх сказал: «Поистине всевышний Аллах пожертвовал земле поступь святых, что же [еще говорят] эти завистники?» То есть {они с этим не согласны}}.

Рассказ 226. Однажды Ахмад Булис (569) пришел к нашему шейху. Когда он возвращался, то наш шейх послал к нему человека. Когда тот человек пришел, наш шейх спросил: «Что говорил в дороге Ахмад?—Тот человек сказал—Рассказывал о благах, дарованных всевышним Богом—шейх сказал—О каких благах? Эти блага [распределяются] по степеням. [Он имел в виду] блага, дарованные нам или блага, дарованные ему или блага, дарованные вам? То, что Он даровал нам—это самые большие и высшие блага, а те блага, что Он дал вам—это средние и все».

Затем он сказал: «Был некий пир, который никогда не подстригал волосы, так что скорпион устроил себе нору в его волосах и вывел детей» (570).

Рассказывают, что когда кто-то входил к нашему шейху, он говорил, что: «Входите, чтобы мы сказали вам о благодарности и признательности своему Богу, а в вашем городе [происходит такое]? За какие блага нам благодарить Его (571)? Сейчас в бессилии мы оказались (прислонились) здесь».

Рассказ 227. Рассказывают, что ходжа Али Хаббаз прибыл из Мерва в Мейхене, [чтобы] направиться [затем] в Барвард. Наш шейх Абу Са'ид сидел [в это время] в мечети, и

вместе с ним были ходжа Ахмад Наср и многие шейхи, и [все] они беседовали. Посреди беседы разговор зашел об одном из современников. Ходжа Али Хаббаз сказал: «Он—человек с высокими помыслами». Наш шейх сказал: «Совесть надо [иметь]. Ходжа, то, [что он делает] не называют высокими помыслами. Это называют себялюбием. Того, кто расходует средства на [свое] пропитание, называют себялюбцем, а не [человеком] с высокими помыслами. Обладатель высоких помыслов тот, кто не думает ни о чем, кроме всевышнего Бога».

Рассказ 228. Рассказывают, что однажды наш шейх сидел в мечети. [Здесь] на благословенную бороду шейха попала соломинка. Какой-то дервиш протянул руку, взял ту соломинку и выбросил в мечети. Шейх повернул лицо к нему и сказал: «О брат! Ты не боишься, [что из-за того], что ты сделал, всемогущий и всевышний Бог обрушит на землю семь небес и уничтожит ее? Всевышний Бог повелел [в том числе] тому лицу, которое ты считаешь (видишь) таким почтенным, расположиться на земле мечети «... пади ниц и ищи приближения» (572). Ты не считал возможным [оставить] эту соломинку в нашей бороде, а почему ты считаешь возможным бросать ее в доме Бога?»

Рассказ 229. Рассказывают, что в то время, когда наш шейх находился в Нишапуре, он направил послание устату имаму Абу-л-Касиму Кушейри о том, что: «Мы слышим, что у тебя есть вакфы (573), и ты [продолжаешь] завладевать [ими]; следует воздержаться от завладения [ими]». Устат имам послал ответ: «Вакфы в наших руках, [но] не в сердце». Наш шейх ответил: «Нам нужно, чтобы ваши руки были подобны вашему сердцу».

Рассказ 230. Устат Абд ар-Рахман, бывший чтецом Корана при нашем шейхе Абу Са'иде, сказал, что в то время, когда наш шейх находился в Нишапуре, некто вошел к нему, поздоровался и сказал: «Я чужестранец, пришел в этот город, и повсюду в городе идет молва о тебе; говорят [так], что здесь есть человек, в ком проявляется чудотворство. Покажи сейчас одно из чудес мне—наш шейх сказал—Мы были в Амуде у шей-

ха Абу–л–Аббаса Кассаба; некто по тому же поводу (случаю), что возник у тебя, пришел к шейху Абу–л–Аббасу и спросил о том же, [что и ты у меня], и попросил у него явить чудо.

Шейх Абу–л–Аббас сказал: «Видишь [того , кто перед тобой], и что это, если не чудо? Тот, кого ты видишь здесь, был сыном мясника, обучившийся занятию мясника от своего отца. Ему показали кое–что (574) и похитили его. Помчались с ним в Багдад к пиру Шибли. Тот помчался с ним из Багдада в Мекку, из Мекки в Медину, а из Медины помчался в Бейт ал–Мукаддас (Иерусалим). В Бейт ал–Мукаддасе показали ему Хизра и зародили в Хизре мысль о том, чтобы он принял его и побеседовал с ним. Вновь вернули его сюда и направили к нему мир, чтобы [люди] вышли из мест порока, возненавидели притеснения, раскаялись, пожертвовали свое добро, и со [всех] концов мира пришли бы страждущие и искали Его, [спрашивая] у нас. Разве может быть чудо больше этого?»

Затем тот человек сказал: «О шейх! Надо проявить чудо, чтобы я увидел его сейчас же–сказал [Абу–л–Аббас]–Посмотри хорошенько, разве это не Его милость, что сын мясника сидит во главе почитаемых [людей], и не опускается на землю, и эта стена не падает на него, и этот дом не обрушивается на его голову ; без добра и имущества он владеет вилайатом, и без орудий и ремесла он добывает хлеб засушенный и дает пропитание людям, разве все это не чудеса!?»

Затем наш шейх сказал: «О достойный! Между нами произошло то же, что между ним и тем нищим–этот человек сказал–О шейх! Я прошу у тебя чудес, а ты рассказываешь о шейхе Абу–л–Аббасе–наш шейх сказал–У каждого, кто всецело связан со Всемиловитым, все поступки являются чудом». Затем он улыбнулся и сказал:

«Каждый ветер, который добирается до меня
со стороны Бухары
Доносит аромат роз, мускуса и дыхание жасмина.
Овевая каждую женщину и каждого мужчину,
Тот ветер, словно дует из Хотана.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

О НЕКОТОРЫХ ВЫГОДАХ ИЗ ДУХОВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НАШЕГО ШЕЙХА И ОТРЫВКИ ИЗ ЕГО ПИСЕМ, И БЕЙТЫ, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ ЕГО УС- ТАМИ, НАСКОЛЬКО МЫ СОЧЛИ [ВСЕ ЭТО] ВЕРНЫМ И, ПО ВОЗМОЖНОСТИ, ИСПРАВИЛИ ИХ (576)

Наш шейх Абу Са'ид Абу-л-Хейр сказал: «Важна встреча сердцем, а не разговор языком» (577).

«Тому же, кто страшился предстать перед Господом своим, кто удерживал себя от пагубной страсти ...» (578), пока не сдержишь свои страсти, не избавишься от них. Нельзя довольствоваться тем, что сказал: «Нет бога, кроме Аллаха» и стать мусульманином. «Большая часть их не верует в Аллаха без того, чтобы не поклоняться, помимо Него, другим божествам» (579); сказал [Абу Са'ид]: «Они веруют на словах, но большей частью они те, в чьих сердцах многобожие» (580).

Преславный и всемогущий Бог говорит: «Я не прощаю многобожия «Воистину, Аллах не прощает, когда поклоняются другим божествам, кроме Него, а все иные грехи, помимо этого, прощает, кому пожелает» (581). «Все, что помимо многобожия, Я прощу, кому пожелаю». И семь органов твоего тела наполнены сомнением и верой в других богов. Надо устранить эту веру в других богов из сердца, чтобы успокоиться.

«Тот, кто не верует в идолов, а верует в Аллаха...» (582), пока не станешь неверным (кафир) своим страстям, не станешь верным (мумин) Богу. Идол (т. е. неверие—М. К.) каждого—его страсти, те страсти, которые отдаляют тебя от всевышнего Бога и говорят: «Такой—то с тобой поступил дурно, а такой—то поступил хорошо». Все указывают дорогу к созданию, но все это—многобожие; ничто [не зависит] от создания, а все [зависит] от Него. Это следует так понимать и так следует говорить. Когда ты [так] говоришь, то на этом следует стоять и следует проявлять твердость; и твердость [должна] заключаться в том, что когда ты сказал «один», не говори уже «два», а создание и Бог—[уже] есть два.

Некто пришел к Посланнику, да благословит его Аллах и приветствует, с тем, чтобы он сказал ему слово о мусульманстве и чтобы оно было сутью, и он ухватился бы за него. Сказал Посланник: «Скажи: я уверовал в Аллаха и твердо стой на том» (583).

И говорит в этом аяте: «Воистину, те, которые говорят: «Наш Господь—Аллах» - твердо стоят на этом ...» (584); смысл этого аята в том, что не кружитесь, подобно лисице (585), чтобы каждый раз заглядывать в новое место, ибо такая вера не правильна. Веруйте так, чтобы сказать: Аллах и утвердиться в этом. А утвердиться—это значит, что когда ты сказал Бог, ты [уже] не говоришь о каком-либо создании и не думаешь [о нем], поскольку это так и нет [по сути] создания. Сколько можно говорить о них. Наблюдая и говоря, ты смотри и говори о существующем, которое никогда не станет несуществующим. И люби того, кто не станет, подобно тебе, небытием, когда ты уйдешь в небытие; и чтобы ты тоже существовал и никогда не исчезал.

Наш шейх сказал: «Распри и сомнения—это неверие, и зреть другого, [кроме Аллаха]—многобожие, и быть приятного [нрава]—обязанность».

Сказали нашему шейху: «Некто покался, но нарушил покаяние—наш шейх сказал—Если бы его покаяние было искренним, он никогда не нарушил бы его».

Наш шейх постоянно говорил: «Ты—беспомощен»; и также он говорил: «Не ищи безупречной возлюбленной, ибо не найдешь».

Наш шейх сказал: «Тысячи друзей может быть мало, а одного врага может быть много».

Наш шейх однажды во время молитвы сказал: «О Господи! Смилуйся, ибо имеет [он] такое положение и не спрашивай, ибо есть [у него] изъян» (586).

У нашего шейха спросили: «Его люди в мечети?—Ответил он—И в кабаке тоже».

Наш шейх сказал: «То, что мы обрели, [обрели] благодаря бодрствованию по ночам, [отсутствию] вражды и непри-

знания в груди и безжалостностью в [отношении к своему] имуществу».

У нашего шейха спросили: «Что такое суфийство?—Сказал [он]—Оставляешь то, что имеешь в голове, отдаешь то, что имеешь в руках и не избегаешь того, что идет к тебе».

Наш шейх сказал: «Все, что отвлекает тебя от Аллаха, для тебя—несчастье (587) и разговор с ним—[заслуживает] порицания».

Наш шейх сказал: «В течение суток ты совершаешь тридцать тысяч выдохов; каждый выдох, который не направлен [в сторону] Бога, издает зловоние; он такой оскверненный, что ангел отворачивает от него нос».

Наш шейх сказал: «Время твое расположено между двумя твоими вдохами (588): один—[уже] прошедшее, а другой—[еще] не наступившее». Затем он сказал: «Вчерашний день ушел, а где же завтрашний? День—это то, что сегодня (589), {время—разящий меч}».

Наш шейх сказал: «Тасаввуф—это две вещи: смотреть в одну сторону и одинаково жить» (590).

Наш шейх сказал: «{Аллах и все, и страсть только к Нему, и отрешенность от себя (дыхания)}».

Наш шейх сказал: «{[Тому], кто искренне стремится к Нам, следует Нам воздать [ему должное]}. Всякий, у кого намерение пройти по этому пути более твердое (правильное), этот путь станет для него более сверкающим».

Наш шейх сказал: «{Зикр есть забвение всего, кроме Него}».

Наш шейх много говорил: «{Или будь чистым иудеем или не лукавь (не играй) с Торой}».

Наш шейх сказал: «{Полное успокоение души—в покорности, а беды ее—от действий}».

Наш шейх сказал: «Такому—то пиру сказали: «Произнеси молитву за нас—сказал он—{Выбор предназначенного тебе в извечности лучше противодействия времени}. Стих:

как следует сократить разговор—это сказать один [Бог] и довольно».

Наш шейх сказал: «Бог говорит: «...самый уважаемый Аллахом среди вас—наиболее благочестивый» (592). Самый дорогой среди вас—наиболее воздержанный. Воздержание есть воздержание от своей сущности (593); вот почему [говорят], что когда ты воздержался от своей сущности, ты достигаешь Его. «И это—путь Господа твоего, ведущий прямо» (594). Вот мой путь, все остальное—слепота. Это путь не постящегося, и не вставшего на намаз, и не отшельника, и не совершающего земной поклон (саджид), и не совершающего поясной поклон (раки). Это путь воздерживающегося от себя. Когда он исполнит это, тогда скажет: «И это—путь Господа твоего, ведущий прямо». Вот мой путь, если ты хочешь [знать] о моем пути».

Наш шейх сказал: «{Тасаввуф – истинное название, когда заканчивается он (т. е. суфийский путь—М. К.), то [вот] Он—Аллах}»; сказал [он]: «Дервишество – истинное название; когда оно достигает предела и заканчивается, то здесь, кроме Бога, ничего не остается» (595).

Сказал [кто-то]: «Однажды некий дервиш почтительно стоял перед нашим шейхом, так, как стоят [во время] намаза. Наш шейх сказал: «Хорошо ты стоишь, с почтением, так как стоят на намазе, но было бы лучше, если бы тебя не было».

Наш шейх сказал: «Все, что не от Бога—ничто, и кто не [принадлежит] Богу—никто».

Наш шейх сказал: «Всюду, где твоя суть—ад, и всюду, где тебя нет—рай».

Наш шейх сказал: «Завеса (хиджаб) между рабом и Богом—это не небо, и не земля, и не арш, и не курси (596). Твоя завеса—[это] твоя суть и бахвальство. Убери ее—и ты достиг Бога».

Наш шейх сказал: «Четыре речения из четырех Книг всевышнего Бога избрали для выполнения дела: из Торы—{кто довольствуется малым, насыщается}, из Евангелия—{кто избирает уединение, обретает покой}, из Псалтыри—{кто избирает молчание, спасается} (597) и из Корана—«Для того, кто уповает на Аллаха, достаточно Его как покровителя» (598).

Наш шейх сказал: «Тела людей покрывались оспой (т. е. они страдали–М. К.), [они] вместе усердствовали и предавались [поискам]; прошли годы, но даже запаха этого хадиса (599) они не обрели».

Спросили у нашего шейха: «Эй шейх! Куда нам прикладывать руки во время намаза?–Наш шейх сказал–Прикладывайте руки к сердцу, а сердце–к всемогущему и преславному Господу».

Однажды наш шейх сказал: «Все наездники добрались до квартала Байазиды, остановили [лошадей] и сказали: «Скажите Байазиду : выйди, чтобы увидеть искусство верховой езды» (600).

Спросили у нашего шейха: «Когда избавится раб от своих потребностей (байист)?–Шейх сказал–Тогда, когда его Бог избавит его. Это не зависит от усилия раба, а зависит от милости всевышнего Бога, от его блага и помощи. Сперва [Он] вызывает в нем потребность в этом хадисе, затем открывает ему дверь покаяния, а затем бросает его в духовные рвения, чтобы раб усердствовал. Некоторое время он упивается этим своим усердием, полагая, что он идет куда–то или делает какую–то работу. После этого он вновь становится беспомощным и не обретает покоя, ибо он не чист, а загрязнен.

Затем, когда он понимает это, то раскаивается в тех послушаниях, которые он вообразил, [происходящими по его желанию], и понимает, что все зависело от божьей помощи и от Его милости, а не от усердия раба; и выявление в этом его усердия было бы многобожием. Когда появляется [понимание] этого, то покой входит в его сердце. [Тогда] для него раскрывают дверь уверенности, чтобы он шел некоторое время и брал что–то у каждого, и проявлял покорность, и терпел унижения, и твердо уяснил, кто повелевает всем этим. Тем самым сомнение в его сердце устраняется. И затем перед ним раскрывают дверь любви, чтобы в той любви он также немного проявил себя, и чтобы в той любви проявилось бы бахвальство перед людьми, и чтобы он перенес (принял) бы осуждение из–за того бахвальства. И осуждение–это то, чтобы он не боялся того, что

повстречается ему [на пути] любви к всевышнему Богу; и [надо], чтобы он не думал об осуждении, чтобы в нем проявилось убеждение, что я люблю, и [чтобы] в том [убеждении] он также некоторое время шел, терпел поражение, но не успокаивался бы. И чтобы знал, что Бог любит его и держит его для того, чтобы он возлюбил Бога и знал, что Бог проявляет к нему милость. Все это происходит благодаря Его любви и милости, а не из-за нашего усердия.

Когда он увидит это, то успокоится. Тогда для него раскроют дверь таухида, чтобы он узнал, увидел и объяснили бы ему, чтобы он понял, что дело зависит от всемогущего и преславного Бога {бытие вещей—от милосердия Аллаха}. И понял бы тогда, что все—это Он, и все—от Него, и все—к Нему. И это—воображение, которое Он вложил в создания, их испытания и беды, и заблуждение (601), которые Он гонит к ним Своим могуществом, ибо могущество—Его атрибут.

Раб вникает в Его атрибуты и узнает, что Бог—Он, и слышимое (то, что есть весть) становится явно для него, и видит он [то, что можно] наблюдать, и созерцает он деяния Бога. Затем он полностью понимает, что не достигнет Его, чтобы сказать: «Я» или «мое». На этой стоянке у раба возникает бессилие и потребности его устраняются, раб становится свободным и спокойным. И тогда раб хочет того, чего хочет Он. Желание раба исчезает, и раб освобождается от своих потребностей, и в обоих мирах успокаивается и обретает покой. Все—Он, а ты—никто.

Теперь ты говоришь: «Я—никто». Но если хоть на кончик волоса не продвинешься, ты начинаешь вопить. Сначала нужно дело, а затем знание, чтобы знал ты, что ничего не знаешь и знал, что ты—никто. Это не так легко можно узнать, и это не приходит с обучением и внушением, и это нельзя вышить иголкой и связать веревкой. Это—божий дар, который Он жалует, кому пожелает и дает отведать на вкус кому пожелает. Нужно обучение [со стороны] всевышнего Господа «... благодаря тому, чему научил меня мой Господь» (602), «Милостивый научил [Мухаммада] Корану (603)». {Затем шейх сказал: «Притяжение [возникло] от

Господа к созерцанию сути и тогда знание стало сущностью, сущность–раскрытием, раскрытие–свидетельством, свидетельство–бытием; и речь превратилась в немоту, а жизнь–в смерть; и прервалось выражение, и исчезло указание, и устранилась (очистилась) вражда, и фана достигло совершенства, и укрепилось бака, и прошли тяготы и страдания, исчезли вода и земля, и тот, кто был вечным, остался в той вечности, в то время, когда не было времени}». «Спроси: «Как вы думаете, кто даст вам родниковую воду, если вдруг вода у вас уйдет [под землю]?» (604).

Наш шейх сказал: «Люди страдают оттого, что дело требуют раньше [положенного] времени».

Наш шейх сказал: «Всевышний Господь всюду Свое повеление превращает в смысл (природу) обязанностей создания, и благодаря великодушию и милости [Своей] прощает [ему] вину в отношении Себя, и не допускает ее [нахождение] в сути (среди обязанностей) создания, потому что милосердие–атрибут Господа, а бессилие и немощность–атрибут создания». Затем [он] произнес этот бейт:

«Да, так поступают великодушные, как сделал это шах.
Он посмотрел в сторону раба глазами величия».

Однажды наш шейх посреди речи обратился к кому–то и сказал: «Все ужасы происходят от низменной души. Если ты не убьешь ее, она убьет тебя; если ты не покоришь ее, она покорит тебя и сделает своим подчиненным».

Однажды наш шейх провозгласил с минбара: «{Если после меня кто–то спросит у вас на чем основывалось [учение] вашего шейха, скажите на четырех принципах: повелении времени, указании тайны, приношении сокрытому [и на] власти истины».

Однажды на проповеди у нашего шейха спросили: «{О шейх! Что такое искренность (сидк) и каков путь к Аллаху?}– Наш шейх ответил–{Искренность–это вклад Аллаха, [хранящийся] у рабов, нет в нем доли низменной души, так как ис-

кренность—путь к Господу и Аллах не хочет, чтобы у обладателя низменной души был путь к Нему».

Наш шейх сказал: «Если [даже] кто-то достигнет высшей ступени в макамах и осведомится о сокрытом, но поскольку у него не было пира и устада, из него ничего не получится и вред каждого состояния, лишенного духовных рвений и знания, больше, чем его польза».

Однажды наш шейх сказал на проповеди, что тасаввуф—это величие в смирении, могущество в дервишестве, божественность в рабстве, сытость в голоде, прикрытость в наготе, свобода в неволе, жизнь в смерти и сладость в горечи. Тот, кто ступил на этот путь, но не идет по этому пути, [придерживаясь] этих убеждений, с каждым днем становится все более растерянным».

Наш шейх сказал: «Человеку следует заниматься двумя вещами: устранить то, что удерживает его от Бога и обеспечить покой [хотя бы] одному дервишу. Если таким образом он проявит [свою] преданность [Богу], то достигнет цели, а если нет, то пребудет в растерянности. И ни в религии, ни в мирской [жизни не успокоится]».

У нашего шейха спросили сколько путей от создания к Создателю? Согласно одному ривайату, он сказал: «Больше тысячи путей», а согласно другому ривайату, он сказал: «По количеству каждой частички созданий есть пути к Создателю. Но нет пути к Создателю ближе, лучше и легче того, чтобы обеспечить покой сердцу мусульманина. И мы шли этим путем, и избрали его [среди других], и я завещаю это всем».

Некий дервиш спросил у нашего шейха: «Эй шейх! Где нам искать Его?—Наш шейх сказал—А где ты Его искал, что не нашел? Если хотя бы один шаг искренности ты сделаешь на пути поиска, то увидишь Его во всем, на что помотришь».

Наш шейх сказал: «Тот раб, которого отведут в ад, издали увидит свет. Спросит он, что это за свет? Скажут [ему], что свет такого-то пира. Он скажет, что в мирской [жизни] я любил этого пира. Ветер донесет эти слова до ушей пира. Тот почитаемый [станет] говорить, заступаясь за того грешного перед хазра-

том Господом пречистым и всевышним. И всевышний Бог по заступничеству того почитаемого освободит грешного».

Спросили у нашего шейха: «Почему некоторых из [Своих] друзей Он показывает, а некоторых скрывает?—Наш шейх сказал—Того, кого любит всевышний Господь, [Он] скрывает, а того, кто любит всевышнего Господа, [Он] показывает».

У нашего шейха спросили: «Кто такой суфий?—Сказал [он]—Суфий тот, кто одобряет то, что совершает Господь, чтобы и Господь одобрил то, что он совершает».

Наш шейх сказал: «Богатые люди богаты миром, а богатые загробной жизнью богаты печалью (андух)» (605).

Наш шейх сказал: «Пиры Мавераннахра сказали, что неверие—жилище опьянения [мирскими благами], а вера—жилище печали».

Наш шейх сказал: «Печаль есть ограда для защиты Богом раба от несчастий».

Наш шейх сказал: «Люди мира—добыча Иблиса, [попавшая] в силки вожделения, а люди загробного мира—добыча Господа, [попавшая] в силки печали. Сказал всевышний Аллах: «Не ликуй в самообольщении, ибо Аллах не любит кичливых» (606). {И сказал Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует: «Поистине, всевышний Аллах любит все печальные сердца}}».

Наш шейх сказал: «Если кто—то вспоминает о каком—то важном деле, его следует сказать сперва всевышнему Господу, затем следует сказать тому, кто из сокрытого проходит в том воспоминании, и себя не следует видеть посреди [этого]».

Наш шейх сказал какому—то дервишу: «Все, что следует сказать среди этого таифа, ты скажи, чтобы не осталось [оно] невысказанным, и все, что следует сделать, сделай, чтобы не осталось [оно] несделанным».

Я видел написанное рукой ходжи Абу — л — Бараката: «Я слышал от пира Абу Бакра Даруни (607), который сказал, что слышал от пира Абу—л—Хасана Фарузи (608), который сказал, что слышал этот хадис от шейха Абу Са'ида Абу—л—Хейра, что Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, сказал:

«{Кто возлюбит [какую-то группу] людей за их дела, будет смешан с ними и ему зачтется за их счет, хотя он и не совершал их дел}».

Наш шейх сказал: «{Богатство-любимое утомление, а нищета (факр)-неприятный покой}». Шейхи и ученые мужи согласились, что никто по этому поводу не сказал лучше и лаконичнее.

Рассказывают, что когда появлялся [на свет] каждый сын и внук [из семьи] шейха, его приносили к шейху, чтобы он произнес ему в ухо призыв к намазу. Шейх приближал рот к его уху и говорил ему на ухо вместо призыва к намазу: «Должен быть [приверженцем] этого хадиса».

Наш шейх сказал: «{[Если] кто посмотрит на создание глазами создания, вражда между ними затянется, а [если] кто посмотрит на него глазами Истины, то ею успокоится}».

Наш шейх сказал, что Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «{Поистине, первые из моей уммы, кто постучат в двери рая-это факиры, и большинство людей рая из моей уммы-беззащитные, и худшие из моей уммы, которых потащат в огонь-ущербные (побежденные) }». Сказали: «О Посланник Аллаха! Кто такие ущербные?-Сказал Посланник, да благословит его Аллах и приветствует-Те, кто не насыщаются, когда едят, и не довольствуются, собрав [богатство] ».

Наш шейх сказал: «{Тот, кто не обучился адабу устадом-праздный человек. И во всех случаях и временах, если он не будет [спутником] знания и результатов духовных рвений, то будь он хотя бы и выдающимся человеком, вреда в этом для него больше, чем пользы. И если человек достигнет высших степеней и макамов, так что раскроются ему из сокрытого [какие-то] вещи, но не будет у него [при этом] мукаддама и устада, то из него, безусловно, ничего не получится}».

У нашего шейха спросили на проповеди: «{О шейх! Что такое тасаввуф}?-Наш шейх сказал-{Тасаввуф-это терпение при [наличии] господства, и согласие, и покорность предначертаниям судьбы}».Затем он сказал: «{Ни для кого не проявилось состояние более почетное и высшее, чем то, суть [ко-

торого] терпение при господстве, и согласие, и покорность предопределениям всевышнего Аллаха и Его повелениям».

Наш шейх сказал: «Каждое сердце, в котором нет тайны, [посланной] Господом, и нет тайны с Господом, и нет слушания слов Господа, таково, что в том сердце нет чистосердечия, и каждое сердце, в котором нет чистосердечия, нет для него спасения никоим образом». Затем он сказал: «Есть хадис о Посланнике, да благословит его Аллах и приветствует, который сказал: «{Когда наступит день Страшного суда, чистосердечие и многобожие предстанут перед всевышним Господом. Всевышний Аллах скажет чистосердечию: «Войди ты и твои друзья в рай», а многобожию скажет: «Ты и те, кто с тобой, войдите в огонь». Затем Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, прочел: «Те, кто предстанет в тот день с добрыми деяниями, будут вознаграждены большим, [чем эти деяния], и не изведуют никакого страха. А те, кто предстанет с дурными деяниями, будут повергнуты в огонь [со словами]: «Так воздается вам по делам вашим}» (609). Затем он сказал: «{ Ищите чистосердечия, ибо спасение в этом мире и в том, [состоит] в чистосердечии». Сказал посланник, да благословит его Аллах и приветствует: «О Муаз (610)! Очисти свою религию и [тогда] малой части твоих деяний будет достаточно}».

Наш шейх сказал: «{Сведущий тот, кто обладает чистосердечием, а тот, в чьем сердце нет чистосердечия, в его религии и шариате нет знания}». Кто-то спросил: «О шейх! Что такое чистосердечие?—Сказал шейх—Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Чистосердечие—это тайна из тайн Господа в сердце и душе раба, на которую направлен [Его] чистый взгляд, и помощь в познании той тайны [приходит] от чистого взгляда Пречистого, и та помощь—хранитель той тайны. И муваххид стал муваххидом [благодаря] этой тайне». Кто-то спросил: «Эй шейх! В чем заключается эта тайна?—Сказал он—Есть благоволение из [числа] благоволений Господа, как [Он] сказал: «Аллах благоволит Своим рабам» (611), и то благоволение происходит от милости и милосердия всевышнего Господа и не приобретается по-

ступками раба. Вначале в его сердце вызывает потребность (нийаз) [в любви], привязанность и тоску. Затем [Он] взирает на ту потребность и тоску Своей милостью и милосердием, вкладывает в то сердце благоволение, {о котором не осведомлен ни [один] из близких ангелов и ни [один] из посланных пророков}; и то благоволение называют сирраллах «тайной Аллаха», и это есть чистосердечие. И всевышний Бог сказал Посланнику Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, чтобы он передал людям: «Скажи Мухаммад: «Да возрадутся люди милосердию и милости Аллаха!» Это лучше земных благ, которые они накапливают» (612).

Наш шейх сказал: «{Тот, кто живет низменной душой, его жизнь уйдет с его духом, а тот, кто жив чистосердечием и искренностью, он жив сердцем, и [Он] перемещает его из жилища в жилище}». Затем он сказал: «{ Чистосердечие—это то, что не напишут те два ангела, и ни один человек не осведомлен о нем}».

Наш шейх сказал: «Тот, кто жив низменной душой, умрет с приходом смерти, а тот кто жив чистосердечием и искренностью, никогда не умрет, и [Он] перемещает его из жилища в жилище» (613). Затем шейх сказал:

«{О возлюбленная, клянусь Тем, чьим рабом я являюсь,
И совершающие хаджж и то, что охватывается

Арафатом (614), Его

Я не желаю, кроме тебя, никакой возлюбленной,
Доверься моим словам, ибо благородные заслуживают
доверия.

Если выше меня и будет земля, и ты позовешь меня,
Я отвечу на твой голос, если даже кости мои рассыпятся
(истлеют).

Когда я вспоминаю тебя, о чарующая,
Моя печень разрывается и увеличивается томление
[по тебе]}».

После этого настроение у шейха поднялось, он вскричал и произнес:

«Когда я умру и пройдет двадцать лет,
Ты полагаешь, что могила моя будет лишена любви?
Если положишь руку на могилу, [чтобы выяснить]
кто в ней,
Послышится голос [оттуда]: как моя возлюбленная?»

Затем шейх сказал: «Возлюбленная муваххидов есть та чистая тайна, и та тайна останется и не исчезнет, поскольку, на взгляд Господа, та тайна непоколебима, а Господь—правдив. Она чиста [от того, что выпадает] на долю создания. И [лишь] в этой форме—бренна (615). Тот, с кем есть эта тайна—жив (хай), а тот с кем нет—живущий (хейван), и между хай и хейван—большая разница.

Однажды наш шейх провозгласил с минбара: «{Кто жив Богом, никогда не умрет}».

Наш шейх сказал: «{ Если ты хочешь, чтобы Господь занял место в твоём сердце, очисти своё сердце от [всего] иного, [кроме Него], потому что ангел не входит в дом, где есть суеверия и [домашняя] утварь, а входит в пустой дом, где нет никого, кроме Него, и тебя тоже нет там с Ним. Так как говорится}: мое местопребывание—вне дома».

Наш шейх сказал: «Наше преимущество над вами заключается в том, что вы говорите с нами, а мы говорим с Ним. Вы слышите от нас, а мы слышим от Него, вы с нами, а мы—с Ним».

Наш шейх сказал: «{Истина рабства—в двух вещах: благо нужды в Аллахе—и это из внутренних состояний [человека]—и благо следования Посланнику, да благословит его Аллах и приветствует, и это то, в чем у низменной души нет доли и покая}». Затем он сказал: «Блажен тот, у кого за всю жизнь будет [хоть] один чистый выдох, и тот выдох будет против низменной души. У того, у кого побеждала низменная душа, не было выдоха, а был лишь печной дым, выходящий из его природы; а когда низменная душа оказывается покоренной и побежденной светом ислама, тогда им (формой) совершаются чистые полные выдохи, подобные утреннему ветерку, проносящемуся над цветником. Когда тот ветерок достигает каждого

больного, тот получает реальное успокоение, и он (ветерок–М. К.) становится причиной его исцеления».

Наш шейх сказал: «{Тасаввуф–это воля Создателя в создании, без [самого] создания}». Затем он сказал: «Эта изменчивость, непостоянство и смятение–все от низменной души. Там, где обнаруживается воздействие лучей Истины, там не бывает ни суматохи, ни коварства, ни изменчивости, ни непостоянства «{ [в существовании] с Аллахом нет ужаса, и нет покоя с низменной душой}». Затем он сказал:

«Человек должен быть сострадательным
и приветливым,
Но это вовсе [не означает], что таких людей много».

У нашего шейха спросили: «{Что такое футувва (616)}?–Сказал он–{Сказал Пророк, да благословит его Аллах и приветствует : «[Когда] желаешь своему брату того же, что и себе}». Затем сказал: «{Истина футувва заключается в том, чтобы прощать людям то, в чем они пребывают (617). И тот, кто общается с фитйан, [не будучи приверженцем] футувва, вскоре опозорится».

Наш шейх сказал: «Каждому, кому Он нужен, следует прийти сюда, чтобы почувствовать Его аромат; и те проповеди–проповеди знания, а эта–проповедь истины. Они ищут в ней венца, и славы, и величия и заблуждаются, ибо, кроме истинного Бога, [их нет ни у кого] «... величие целиком во власти Аллаха» (618).

Наш шейх сказал: «{Поистине у всевышнего Аллаха [на протяжении] целого дня триста шестьдесят взглядов на сердце раба, чтобы увидеть смотрит ли сердце раба на Него. Когда Он видит его томление [по Нему], Он увеличивает его и оказывает почтение [Своим] приумножением и сиянием, и притягивает его сердце к Себе. И тот, в ком нет притяжения свыше, его дело не упорядочивается, и не налаживается его положение; как говорили шейхи: «Притяжение со стороны Господа лучше всех действий демонов и людей}».

Затем он сказал: «Притяжение лучше усилия: пока не было притяжения, не было и усилия, а пока не было усилия, не было и видения».

Затем он сказал: «{Кто ищет Его в рабстве, не найдет, а кто ищет в Нем, найдет}».

Затем он сказал: «{Если расстелит ковер [Своего] величия и милости, то даст место (впустит) на краю из его краев грехам первых и последних. И если проявится [хоть] один источник из источников щедрости Господа, то грешники [станут] добродетельными}».

Затем он сказал: «Дервиши не они (619), если бы были они, то они были бы не дервишами. Их (т. е. дервишей–М. К.) название характеризует их. Каждый, кто ищет путь к Господу, должен пойти к дервишам, так как они в Нем».

Наш шейх сказал: «{Порви со всем, пока оно не станет для тебя всем}». Затем он сказал:

«{Память о ней сдерживает меня и щедрость ее
[ведет] меня к алчности,
И Истина удерживает меня от этого и того.
Ни щедрость и ни память пленяют меня,
Достаточно мне того, когда сердце зовет тебя}».

У нашего шейха спросили: «{О шейх! Каков путь}?– Шейх сказал–{Искренность и приветливость. Искренность с Господом и приветливость с людьми. И шейхи согласились с тем, что благородство заключается в [проявлении] терпения к оплошностям друзей. Человек не властвует, если только не будет в нем двух качеств: разочарования в том, чем обладают люди и беспечность к тому, что [идет] от них}».

Наш шейх однажды сказал какому–то муриду: «Я не вижу тебя достигшим цели, ибо того, кого лишили цели, прогнали в дверь. И откажись от того, кого оставили [пребывающим] в своих желаниях (в том, что ему нужно и не нужно), ибо он стал несчастьем для себя и других (народа)». Затем он сказал: «У каждого человека есть нужда [в чем–то], а наша нужда

[заключается] в том, чтобы у нас не было имущества». Затем он сказал: «Однажды мы были у шейха Абу-л-Аббаса Кассаба, и он вел беседу. Посреди его речи было использовано такое выражение: «У каждого есть нужда, а нужда Абу-л-Аббаса [заключается] в том, чтобы у него никогда не было бы нужды [в чем – то] (т. е. был бы он свободен от всего – М. К.)».

Некий дервиш спросил у нашего шейха: «О шейх! Что эта за пылкость (горение) в этих сердцах?–Наш шейх сказал– Это называют пламенем потребности, и всевышний Бог создал два пламени: одно–живое пламя и одно–мертвое пламя. Живое пламя–это пламя потребности, которое Он вложил в грудь Своих рабов в этом мире, чтобы их низменная душа сгорела. И это пламя яркое; когда сгорает низменная душа, тогда пламя потребности превращается в пламя страсти, и то пламя страсти никогда не умирает ни в этом мире, и ни в том мире. И это то пламя, о котором Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «{Когда Аллах желает блага рабу, Он вкладывает свет [огня] в его сердце–Сказали–О Посланник Аллаха, в чем приметы того света?–Сказал он–Отдаленность от жилища тщеславия, возвращение в жилище вечности и готовность к смерти до ее ниспослания}»–тот спрашивающий сказал–О шейх! Если [Он] дарует ту чистую встречу (дидар), то пламя страсти утихает?–Наш шейх сказал –

Нельзя извлечь пользу [только] от созерцания луны

Та встреча увеличивает жажду, а не насыщает, потому что также, как Он сокрыт сегодня, завтра, когда увидит Его [ищущий], Он также скроется. Вращение [вокруг] Его атрибутов недопустимо. Каждый, кто увидит Его, увидит согласно степени своей веры; то был свет веры, который превратил (привел) сердца в глаза, чтобы [каждый] тем светом веры узрел Его великолепие и красоту, согласно степени видения своей веры.

И мертвое пламя–это пламя ада, и пламя мрака, и ужаса. Того, кто не сгорает в живом пламени, Он сжигает в мертвом

Если мурид повинуется пиру, это, [словно] то же, что он повинуется Богу «Кто покорился Посланнику, тем самым покорился Аллаху» (624), {и шейх среди своих людей, подобен пророку среди уммы}}».

Наш шейх сказал: «{Воздержись от бесед с плохими [людьми] и не отделяйся от Бога разговорами с добродетельными}. Не разговаривай с плохими [людьми] и не довольствуйся также разговорами с добродетельными» (625).

Наш шейх сказал: «Для беседы [с Богом] есть условия. Самая лучшая одежда, которую надевает раб—[это] одежда скромности, и нет украшения у раба лучше, чем украшение скромностью. И ничто не превращает раба в любимого [Богом], кроме как скромность {того, кто проявляет скромность ради Аллаха, Аллах возвышает}. Скромность—это повиновение (разбитость), сложение головы на этом пути и не проявление [себя] в делах. И нет несчастья хуже для раба на [этом] пути, чем горделивость (такаббор). Горделивость есть спесивость и самохвальство; ведь сказал Иблис, да пребудет на нем проклятье: «Я лучше его» (626). Одним [проявлением] самохвальства обесценилось его повиновение [на протяжении] тысячи лет. И говорят, что Иблис прохаживается по базарам и говорит: «О жители городов и деревень! Остерегайтесь проявлять самохвальство и не говорите «я» и смотрите, что стало со мной из-за самохвальства». Горделивость и величие—Его атрибуты. И тот, кто станет равняться с Богом, и пререкаться [по этому поводу], и проявлять горделивость, ему переломают шею и заставят покориться».

Наш шейх сказал: «{Тасаввуф, [полученный] внушением, подобен зданию на навозе}}». Затем он сказал: «Это не такое дело, которое можно привязать к кому-то веревкой или сшить иглой (627). И это [не такое] дело, для которого [оказывается] достаточно слов: пока не порежешь, кровь не пойдет. Этого дела можно достичь (прожить) потребностью; нужна потребность».

Наш шейх сказал: «Кто согласен с нами [в отношении] этого пути, он для нас свой, хотя и отстоит от нас на [целые]

стадии; а тот, кто нам не товарищ в этом деле, он для нас никто, хотя он и наш родственник. Ты со мной и между нами есть [общие] стоянки». Затем он сказал: «Наступила нехватка благочестивых, наступила нехватка благочестивых».

Каждый раз, когда он видел какой-то караван, то говорил: «Кто-нибудь из наших сторонников был с вами, одетым в изодранную одежду?» И затем говорил всем своим людям: «Наши сторонники—это те, у которых в обоих мирах нет никакого дела» (628).

Наш шейх сказал: «Повеление времени—верно, и фирман (указ) сокрытого—верен». Затем сказал:

«Кудри твои черны, ты стал источником мускуса,
Оттого, что много искал, ты весь стал им».

Наш шейх сказал: «Всем этим созданиям легко, поскольку они имеют дело с «Милостивым, Милосердным», а нам хуже, поскольку мы имеем дело с «Могущественным, Господствующим» (629). Затем он сказал:

«У близких [к Нему]—больше изумления,
Ибо знают они о султанском правлении».

Наш шейх сказал: «Хотя мы и делаем [свое дело], но этим мы не можем сравняться могуществом с Богом».

Наш шейх сказал: «Во всяком деле нужен помощник, и на этом пути также нужны помощники, чтобы указывать путь к Истине и оказывать помощь там, где ты обессилишь, хотя твой помощник и есть всевышний Бог, а это [лишь] указание [как поступить]».

Наш шейх сказал: «Мы взираем с востока на запад; подобно тому, как вы смотрите на поднос и видите все, что на нем, мы тоже смотрим есть ли кто, охваченный где-то этим хадисом (т. е. тасаввуфом—М. К.) и видим, что нет ([все] закончилось), и если во всем мире есть кто-то или какая-то

группа, охваченная этим, то обязательно для нас направиться (ползти) туда».

Наш шейх сказал: «{Сказал пророк, да благословит его Аллах и приветствует,: «Моя умма разделилась на семьдесят с лишним групп; одна из них—спасена, остальные пребудут в огне}». Наш шейх сказал: «{То есть в огне [своих] низменных душ}».

Чтец [Корана] Абд ар–Рахман бин Абу Салех, бывший чтецом нашего шейха, сказал, что однажды во время сама наш шейх находился в состоянии хала, вскрикивал и танцевал [среди] всех присутствующих, [вставших] в круг. Когда он сел и успокоился, а мы молчали, шейх сказал: «Семьсот пиров высказались о сути тасаввуфа, но самые полные и наилучшие слова—это «{использование времени [происходит] в том, что подобает ему}» (630).

Наш шейх сказал: «{Тасаввуф был страданием, а стал каламом}».

Наш шейх сказал: «{Рассмотрение явлений, [как происходящих] от создания—заблуждение, поскольку это не создание, а корзина, полная отбросов}».

Наш шейх сказал: «Приверженцы (люди) правил в [своей] жизни мертвы, а приверженцы истин в [своей] смерти живы».

Наш шейх сказал: «Было время я всюду ходил, по горам и пустыням, и этот хадис преследовал нас; мы искали Бога в горах и пустынях, иногда находили, а иногда не находили; сейчас мы стали такими, что не находим себя, поскольку все—Он; нас нет в том смысле, что был Он, и нас не было; и Он будет, а нас не будет; и сейчас мы [даже] не можем сказать себе, что существуем мы или мы есть кто–то, но притязаем на созерцание [Бога], тасаввуф или отшельничество. Тот, у кого нет ничего и нет даже имени, разве можно его как–то назвать? И [предположить], что у него есть что–то? Это само [по себе] недопустимо».

Наш шейх сказал: «Каждый отшельник, который отрицает сама дервишей, есть праздный [человек] на пути познания Истины».

Однажды в Мейхене наш шейх вел проповедь. И в том месте проходил караван. Шейх сказал: «Благополучие этому каравану!». И в том месте проходила [также] собака. Шейх сказал: «Благополучие этой собаке! Завтра на Судном дне она удостоится почести собаки асхаб ал-кахф, так как слышала она эти слова».

У нашего шейха спросили в Нишапуре: «Эй шейх! Есть ли какая-то примета в мире, чтобы раб узнал по ней доволен ли им всевышний Бог или нет?—Наш шейх сказал—Есть. Следует присмотреться к тому состоянию (качеству), в котором пречистый и всевышний Бог держит раба. Если раб из-за этого (т. е. своего состояния—М. К.) доволен Богом, то следует знать, что и Бог им доволен, а если он не доволен, то следует знать, что и Бог не доволен этим рабом».

Наш шейх сказал: «Всюду, где поминают Абу Са'ида, люди (сердца) веселятся, поскольку с Абу Са'идом от Абу Са'ида ничего не осталось».

У нашего шейха спросили: «Как происходит, что можно увидеть Истину и нельзя увидеть дервиша?—Наш шейх сказал—Потому что всевышний Бог есть бытие и бытие можно увидеть, а дервиш есть небытие и небытие нельзя увидеть».

Наш шейх сказал: «О мусульмане! Поистине, знайте, что вас не оставят без ноши; если ты понесешь груз Истины, то сейчас достигнешь покоя и завтра [будешь] отдыхать, а если нет, то возложат на тебя напрасные [дела], чтобы не отдыхал ты ни в этом мире и ни в том».

У нашего шейха спросили о смысле этого аята «А поминание Аллаха—самое главное» (631). Сказал [он]: «Смысл [стоит] в том, что поминание Богом своего раба важнее, так как раб не может поминать Его, пока сперва Он не помянет раба. Важнее то, что Бог поминает раба и помогает рабу, чтобы и раб помянул Бога. Если хорошенько взглянешь, Он поминает [Самого] Себя, и раб—никто посреди этого. Раб много ходит, странствует по миру и полагает, что есть покой без Него. Но нигде нет покоя. И куда бы ты ни шел, если нет Его, нет и по-

говорил: «... и даруй мне такую власть, которая после меня не будет приличествовать никому» (636).

У нашего шейха спросили: «Что такое богатство (довлат) (637)?—Наш шейх сказал—По этому поводу много сказано; мы говорим: «Богатство—это доброе явление». Когда оно появляется—это означает извечную благосклонность (инайат) {инайат – превосходит в начале, [а] вилайат проявляется в конце}. Все отметины создают в этом мире, а сердцам [Он] дал отметину в извечности, как изволит: «Мы отмечены красотой [веры] в Аллаха, а кто же превосходит Аллаха красотой веры?»» (638).

{Страсть к тебе было первое, что я узнал в страсти.
И сердце не забывает первую возлюбленную}.

Это богатство не из тех, что можно обвязать веревкой или зашить иглой, или оценить по количеству; если его нет, то нет.

То, что пришло [само], пришло красивым.
Знаешь [ли] ты, что то, что пришло [само], не бывает
таким, как принесенное».

На проповеди шейха кто-то встал на ноги и сказал: «Эй шейх! К какому тадбиру (639) нам [прибегнуть]?—Сказал шейх—{Тадбир при уме [приводит] к разрушению, а тадбир в любви—к притворству}. И нет [большой] ошибки и [ложного] суждения больше того, что в отношении друга и своего Бога ты осуществишь тадбир [вместе] с врагом; тадбир есть атрибут низменной души, а низменная душа есть враг. Если [все же] ты хочешь прибегнуть к тадбиру, то надо сделать это расторопно. От начала и до конца мира не было и не будет создания более великого, чем Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, осуществляя тадбир, [думая] о нем, и посмотри, что он говорил. Следуй этому и будь далек от всего, что он запретил.

Длинную речь следует сократить,
И друга, учащего дурному, следует избегать.

Твой друг, учащий дурному—это твоя низменная душа «Разве ты не видел того, кто избрал своим богом низменное желание» (640). Пока ты с [самим] собой, никогда не обретешь успокоения {твоя низменная душа—твоя темница, если ты выйдешь из нее, то попадешь в вечный покой}».

Однажды один дервиш спросил у нашего шейха: «Эй шейх! Что такое разум?—Наш шейх сказал—{Разум—орудие рабства}. Разумом нельзя открыть (найти) тайны божественности, потому что он—преходящ, а у проходящего нет пути к вечному».

Один дервиш сказал нашему шейху: «О шейх! Помолись за мое дело—наш шейх сказал—Да не будешь ты достоин какого—либо дела, поскольку если ты стал достоин какого—то дела, то ты остался в его оковах, и оно превращается в хиджаб [между] тобой и Богом. Правило рабства заключается в небытии. Пока [хотя бы] частичка подтверждения (исбат) [твоего бытия] сохраняется в твоих качествах, хиджаб остается; подтверждение—атрибут Бога, а отрицание (нафи)—атрибут раба. Муса, да будет мир с ним, сказал: «... пошли Харуна» (641). Он (Муса—М. К.) не бежал от посланничества, но обрел вкус отрицания. Говорил [он]: «Оставь и нас в этом небытии, ибо мы пресытились своим существованием и много перенесли тягот». Сказали [ему], что посланничеству подобает отрицание естества. Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, говорил то же самое в пещере Хира: «О Джабраил, оставь нас такими же беспомощными». [Но] сказал: «Читай». И Мухаммад, да благословит его Аллах и его род, говорил: «Я не читающий (642). Здесь есть великие и приверженные земным благам [люди], чего Ты требуешь от наемного [работника] Хадиджи и сироты Абу Талиба (643)?». Бейт:

Не принесет тебе пользы сидение дома.

Подол твоей [одежды] следует привязать к моему.

Наш шейх сказал: «Падишахи не продают раба (644), вы постарайтесь стать рабом. Когда Он принял вас в рабство и [дал]

услышать обращение: «О рабы Мои» (645), то ваше дело миновало сравнение (кийас) и [личную] инициативу (гасарруф)».

Кто-то спросил: «О шейх! Лишается ли раб рабства грехом?—Наш шейх сказал—Если он был рабом, то нет; наш отец Адам, да будет мир с ним, был рабом, но не лишился рабства у Бога из-за греха. Будь Его рабом и будь там, где хочешь. {Вынужденный грех лучше высокомерного послушания}. Адам явил (принес) свою нужду, а Иблис—высокомерие «{если не были бы они грешниками, милость Аллаха утерялась бы}».

Однажды наш шейх произносил речь. Сказал он: «Кивните головой [в знак подтверждения] этих слов и, когда в Судный день спросят у вас, кто вы такие—скажите: кивающие [в знак подтверждения] его (т. е. шейха—М. К.) слов близкие [люди], чтобы в тот момент с вас сняли оковы».

У нашего шейха спросили об этом аяте: «Твой Господь [Мухаммад] создает, что пожелает, и избирает, кого пожелает» (646). Шейх сказал: «Следует [быть] избранным Богом, следует быть подобающим Богу и устраивающим (украшенным) [Его]. Воля (выбор) раба в дело не идет, мы не можем говорить без Него, у нас ничего не получается, конечно же, не получается. Для нас лучше, чтобы нас не было. Если возникает притяжение, то раб украшается тем притяжением, и шлифуется усердием, и оказывается достоин созерцания. Когда он становится видящим, то становится и слышащим и тогда ему говорят: «Скажи [Мухаммад]: «Да возрадуются люди милосердию и милости Аллаха!» Это лучше [земных благ], которые они накапливают» (647). Нам сказано: «{Это лучше, о Ибн Абу-л-Хейр}»; мы вам говорим: «{Это лучше, о потомки Абу-л-Хейра}».

Каждый кичится чем-то: одни—этим миром, другие—тем миром, некоторые—чинами, а некоторые—благими делами. Мы же говорим вам, что достаточно того, чтобы всего этого не было; был Он, и есть, и будет.

Абу-л-Касим Башар Йасин в Мейхене наставлял старых женщин этому зикру: «О Ты, о все—Твое и о все—от Тебя, {единственный—Ты, без сотоварища для Тебя}». И все это то, что говорит всевышний Бог: «Это лучше [земных благ], кото-

рые они накапливают». О мусульмане! Чужим (648) стал тот, кто вдохнул (имеет) запах этого или кто насытился своей сущью. Слово, которое говорится (раскрывается), говорится для [удовлетворения] потребности того, кто чувствует аромат и пленен [страстью к Богу]. Должна быть потребность, должна быть потребность. Потребность—это то, что возникает. Желание (хаст) не идет в дело. Желание—это мгновение, а не потребность (649), которая возникает при любви. Когда она появилась, то все охвачено любовью. Поэтому они (т. е. шейхи—М. К.) говорили о том, что потребность—это магнит, притягивающий к себе тайны истины».

Наш шейх сказал: «Всевышний Бог, прежде чем сотворил эти тела, создал в течение четырех тысяч лет души, держал их при Себе (в близком месте) и затем пролил на них свет. И Он знал какую долю обрела каждая душа от того света, и по количеству той доли проявлял к ним ласку, пока они в том свете не успокоились и не были выпестованы. Те, кто в этом мире общаются и привязываются друг к другу, и здесь между ними есть близкие [отношения], и здесь любят друг друга, их называют друзьями Бога. Они [полагают], что ради Бога любят друг друга. И тогда каждый, кто ищет Бога, в том поиске доносит до друга [свой] запах. Те души узнают друг друга по запаху, подобно лошадям. Если одна находится на востоке, а другая на западе, то они находят близость и утешение в рассказах друг о друге. И если одна попадает в первый век, а другая в пятый, то эта последняя обретает пользу и утешение только в словах первой. Это сообщество украшено милостью всевышнего Господа. Ничем они не отступают от Бога: ни несчастьем, ни добром, ни чудотворством, ни деяниями. А тот, кто довольствуется чем—то из перечисленного (этого смысла), он—лжец (650), поскольку чудотворство, и деяния, и состояния, и степени—все это не [приметы] божественного, а удел раба, и если раб довольствуется этим, то он становится поклонником [своей] судьбы».

Наш шейх сказал: «О мусульмане! Когда же вы будете стыдиться, [произнося] «я» и «мы». Не делайте того, о чем не

сможете сказать в Судный день. Не говорите здесь того, что для вас в тягость. Это самохвальство истребляет людей. Это самохвальство—древо проклятия. Первым, кто сказал «я» был Иблис, и это слово «я» стало для него деревом проклятия. В каждого, произносящего «я», попадает плод того дерева. И с каждым днем он отстоит все дальше от всевышнего Бога. Джабир бин Абдаллах (651) постучал в дверь худжры Посланника, да благословит его Аллах и приветствует. Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Кто там?—Джабир сказал—{Я}». Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, встал, подошел, чтобы открыть дверь, и сказал: «{Я есть я, но я не говорю, что я—[это я]}». Поскольку он питал отвращение к самохвальству и твердо стоял на том, то сказал [ему]: «Теперь по Нашему указанию скажи: «Скажи [Мухаммад]: «Таков мой путь. Я и мои последователи зовем вас к Аллаху согласно убеждению» (652).

Наш шейх сказал: «{Не питайте отвращение к смутам, ибо в них—урожай для лицемеров}».

Нашего шейха спросили о толковании этого хадиса: {задуматься на мгновение лучше, [чем] поклонение в течение года}. Наш шейх сказал: «Задуматься на одно мгновение о своем небытии лучше поклонения в течение года с мыслью о своем бытии».

У нашего шейха спросили о сама. Наш шейх сказал: «{Сама—это живое сердце и мертвая низменная душа}».

Наш шейх сказал: «Мы проводим проповедь не имея (без) знания, а угощение [организуем] не имея денег».

Наш шейх сказал: «Сколько раз было так, что мы искали Истину; иногда было так, что находили, а иногда не находили. Сейчас мы в таком [состоянии], что сколько ни ищем себя, не находим: все мы стали Им, ибо все—Он.

В расспросах я провел годы:
Почему это так, а то—этак.
Когда проснулся спящий человек,
То с пробуждением легче стала [его] боль.

Наш шейх сказал: «Человеку нужно все, чтобы ему не нужно было ничего». Один из почитаемых людей истолковал это так, что человеку нужно все, чтобы он побывал везде и все испытал и чтобы сердце его больше не желало (смотрело) ничего.

Наш шейх сказал: «Тот, кто хорошо думает о себе, не знает себя. И тот, кто плохо думает о Боге, не знает Бога».

Наш шейх сказал: «{Если бы не было прощения любимых вещей всевышним Аллахом, Он не подверг бы греху свое любимое создание}, то есть Адама, да будет мир с ним».

У нашего шейха спросили о [таком высказывании]: «{ Кто познал Аллаха, у того язык онемел (устал)}—наш шейх сказал—{То есть из-за незнания (враждебности), [бывшего ранее] в создании. Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, был самым знающим из созданий, и язык его не уставал}».

У нашего шейха спросили о [хадисе]: «{кто познает себя, познает Господа}». Наш шейх сказал: «{Кто познает себя в небытии, познает Господа в бытии}».

Наш шейх сказал: «{Из преимуществ нищего над богатым [одно заключается] в том, что каждый в [случае] смерти и в Судный день желал бы стать нищим, и это состояние искренности, и никто не хочет быть в это время богатым}».

У нашего шейха спросили в чем толкование «великую помощь» (653). Наш шейх сказал: «Врагов—двое: один внутри рубахи, другой—снаружи. Каждый раз, когда ты покоряешь того, кто снаружи рубахи, это называют {завоеванием победы}, а каждый раз, когда ты одерживаешь верх над тем, кто внутри рубахи, это называют «великую помощь»; это и есть толкование «великой помощи».

Наш шейх сказал: «То, что подобает созданию, не подобает Богу, а то, что подобает Богу, не подобает созданию».

Наш шейх сказал: «Суть зилла в том, что Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, принес нам зилла оттуда, от Друга. Теперь зилла надо брать в домах друзей, а не в домах чужаков».

Наш шейх сказал: «Усилием можно приумножить усилие, но нельзя прибавить хлеба насущного, ибо он дается милостью, а не усилием».

Наш шейх сказал: «Ташить гору волоском легче, чем вернуться (выступить) к самому себе».

Наш шейх сказал: «{Кто искренне ведет себя с Аллахом, на того пишут указ [на управление] вилайатом».

Наш шейх сказал: «Люди говорят, что им (т.е. самому Абу Са'иду–М. К.) приятно, и они [пребывают] в покое; если бы они видели, что мы терпим, они все выбежали бы и убежали [от мира]».

Наш шейх сказал: «Это не тот див, который убегает, [услышав] «нет силы и могущества, кроме как у Аллаха» (654). Он жальщий и нападающий (прыгающий)».

У нашего шейха спросили: «{Что такое плохой и худший из плохих}?–Шейх сказал–{Плохой–ты и худший из плохих–ты}, и ты не знаешь об этом».

Наш шейх сказал: «Пречистый и всевышний Господь не имеет страха, когда сто тысяч обладателей низменной души приносит в жертву одному обладателю сердца».

Наш шейх сказал: «После семидесяти с лишним лет мы поняли смысл этого бейта:

О люди! Правосудие устранилось из мира,
Проступок совершает он , а извиняться надо мне».

Наш шейх сказал: «Сулейман сказал: «Господи! Прости меня и даруй мне такую власть...» (655); ему дали такую власть. Когда он увидел несчастье [этой] власти и понял, что она причина удаленности, а не причина близости к хазрату, то сказал: «... которая после меня не будет приличествовать никому».

Наш шейх сказал: «Когда мурид достиг пути отрешенности (таджрид), то [даже обладание] властью Сулеймана не имеет для него значения, а если он не достигает отрешенности, то [даже] ткань, свисающая с [его] рукава (656), [является] для

него имуществом. Вот почему Омар [бин ал –] Хаттаб срезал ножом на базаре свисавшую часть рукава».

Наш шейх сказал: «{Подобает, чтобы для тебя это была [божественная] благодать, а [не только] молитва}».

У нашего шейха спросили [об аяте]: «И когда опустилась над ним ночь...» (657). Наш шейх сказал: «Ночь есть ночь сокрытия, а день–день сияния».

Наш шейх сказал: «{Все, что происходит от страсти и тщеты, это низменная душа, а все, в чем есть покой–от Господа; это дыхание [Господа]}».

Наш шейх сказал: «{Когда всевышний Аллах создал разум, то поставил его перед собой и спросил: «Кто Я!» [Разум] растерялся; [тогда Он] осветил его светом единства и спросил: «Кто Я?–Сказал [разум]: «Ты–Аллах, нет бога, кроме Тебя». Не было у разума пути к познанию Его, кроме Его [Самого]}».

У нашего шейха спросили, что такое «познание» (марифат)? Сказал он: «Это то, когда наши дети говорят: высморкайся и затем расскажи нам».

Наш шейх сказал: «{Близость бывает трех видов: близость с точки зрения расстояния, и она невозможна; близость с точки зрения знания и силы, и она необходима и близость с точки зрения милости и милосердия, и она допустима}».

Наш шейх сказал: «Твое время–это твое дыхание между двумя вздохами: один–это прошедшее и другой–[еще] не наступившее. [Но] вчера уже ушло, а где же завтра? День–это сегодняшнее, и сегодня есть этот миг, и этот миг есть это дыхание, и дыхание есть это время».

Наш шейх сказал: «Отбельщик стирает в течение недели одежду, но [она] не получается хорошей. Когда он станет стирать с [божьим] благоволением, то скажет [одежде]: «Я не предаю тебя и не отнесу к твоему делу небрежно. Если ты должна быть хорошей, то будь; я еще раз пойду к воде, но стирка протянет уже две недели. Зато получится такая ткань, что каждый, кто посмотрит на нее, скажет: «Отлично мастер, отлично мастер»».

Однажды наш шейх посреди речи сказал: «{Те, кто много молятся и произносят зикр, считают то, что сберегли у Аллаха; если бы они сосчитали то, что у них от Аллаха, успокоились бы}». Затем сказал: «{Сказал Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует: «Воздержитесь от общения с мертвыми.–Сказали–О Посланник Аллаха! Кто такие мертвые?–Сказал он–Обитатели мира; те, кто рождены в благоденствии». Затем сказал [Посланник], да благословит его Аллах и приветствует: «Воздержитесь от благоденствия, ибо рабы Аллаха не [из числа] благоденствующих}»».

Наш шейх сказал посреди проповеди: «{Жизнь–в знании, и покой–в ма’рифате, и вкушание (заук)–в зикре, и воздаяние за таухид–взгляд на всевышнего Аллаха в раю, и воздаяние за исполнение Его повеления–рай, и воздаяние за воздержание от запретного–избавление от огня». Затем шейх прочел: «О люди! Вы нуждаетесь в Аллахе, а Аллах [ни в чем] не нуждается, и Он–хвалимый. Если захочет, Он погубит вас и создаст новое творение. И это вовсе не трудно для Аллаха}» (658).

Наш шейх сказал: «{Когда Аллах создал души, то непосредственно [сделал] их слушающими, и слова Свои прямо довел до их слуха, и сказал: «Я создал вас, сообщите Мне [свои тайны] и Я сообщу вам [Свои], и если не сделаете этого, то помолитесь Мне, и Я помолюсь за вас, и если не сделаете этого, то поговорите со Мной и расскажите Мне, и если не сделаете этого, то услышите от Меня». Затем великий шейх, да будет доволен им Аллах, прочел: «И когда они слышат то, что ниспослано Посланнику, видно, как их глаза наполняются слезами по причине того, что они узнают из истины» (659). Затем сказал: «Слова всевышнего Аллаха–старинный и особый атрибут; это не буква и не звук, они слышимы из–за [своей] сути. Если Он доводит [ее] до слуха Своего раба без помощи букв и звуков, это называется беседа и разговор (мукаламат и мухатабат). И если [Он] считает [нужным показать] ему то, что по необходимости (к месту) сотворил [из слов], на что указывают выражения и буквы или прочие доказательства, это называется сообщением (мусаррат). И если [Он] создает в его сердце

смысл [Своих] слов, это называется молитвой (мунаджат). И [одно из] условий [обретения такого] блага есть следование знанию необходимости того, что [все это]—из слов Аллаха. И то, что ясно (пришло) из слов: сообщение, молитва, беседа—[дано] в этом смысле. Но, что касается откровения и внушения (вахй и иха), [это то], когда слова в душе [возникают] посредством одного из посланников».

Наш шейх сказал среди проповеди: «{Двигайтесь к Аллаху, [это] движение прекрасно, и движение к Аллаху [присходит] в помыслах, а не шагами}».

Наш шейх сказал: «{Кто непосредственно познал Аллаха, его рабство несменяемо, а кто познал с [чьей-либо] помощью, рабство его [ради познания Господа] сменяемо}».

Наш шейх сказал: «{Будь слугой у одного порога, чтобы [все] двери открылись тебе и служи одному господину, [чтобы все] выи склонились пред тобой}».

Наш шейх сказал: «{Не спеши [и] достигнешь, ибо это Господь, и спешка не подобает Ему}».

У нашего шейха спросили о смысле этого хадиса: «{Всевышний Аллах не смотрит на ваши лица и ваше имущество, но смотрит на ваши сердца и дела}». Наш шейх сказал: «{Цена каждого человека—его сердце, ибо лица—перламутр, а сердце—жемчуг; и властители не смотрят на перламутр, а смотрят на жемчуг, а жемчуг—разный. Цена каждого человека в его сердце, и конец всех людей—сердце, и сердце взирает на милость и милосердие [Божье]. Так сказал всевышний Господь: «Это—милость Аллаха. Он дарует ее, кому пожелает...» (660), «Он одаривает Своим милосердием, кого пожелает}» (661).

Наш шейх сказал: «{[Этот] мир—ваши образы, и тот мир—ваши образы, и все, что в обоих мирах—ваши образы, и повеление [находится] за именами и образами. Макамы—это видимые действия, а состояния (ахвал)—это действия скрытые; таухид и ма'рифат [находятся] за видимым и скрытым. Раб не достигнет духа таухида и чистоты ма'рифата, кроме как ручательством, вниманием и благосклонностью всевышнего Аллаха и праведностью}».

Наш шейх сказал: «{Сама нуждается в сильной вере, ибо всевышний Аллах сказал: «Ты можешь заставить слушать только тех, кто верует в Наши знамения...» (662). Значит сама—пища душ и исцеление форм, и сама принадлежит идущим по пути [тасаввуфа], и тот, кто не идет по пути, не овладевает сама изучением}».

Наш шейх сказал: «{Если хочешь найти [Его], ищи в обращении к [Его] столпам}».

Наш шейх сказал: «{Невредимость—в покорности, а несчастье—в делах (принятии мер)}».

Наш шейх сказал: «{Кто возлюбит этот мир, путь в загробный мир станет ему запрещен, ибо сказал Пророк, да благословит его Аллах и приветствует: «Любовь к мирскому—начало всех прегрешений}».

Наш шейх сказал: «{Кто обретет покой в чем—либо, кроме всевышнего Аллаха, то и гибель его будет в том}».

Наш шейх сказал: «{Кто разговаривает со своей низменной душой, тот скрылся от своего повелителя; возвращение его [происходит] к низменной душе, ибо первое преступление праведных—разговор с низменной душой}».

Наш шейх сказал: «{Никто не найдет покоя, пока в поступках не уподобится покойникам, ибо всевышний Аллах создал людей стесненными, не [имеющими какого—либо] выхода (уловки); и счастливейший из людей тот, кому Аллах явил ничтожность средств его [спасения] }».

У нашего шейха спросили: «{Эй шейх! Что такое шариат, и что такое тарикат, и что такое хакикат}?—Наш шейх сказал—{Шариат—[это] действия в действиях, тарикат—[это] нравственность (ахлак) в нравственности, а хакикат—[это] состояния в состояниях. И тот, чьи действия не [закключаются] в рвениях и следовании сунне, в том нет нравственности для [божественного] наставления (хидайат) и тариката. А тот, в ком нет нравственности для [божественного] наставления и тариката, у того нет сил (состояния) для хакиката, и прямоты, и управления}».

Наш шейх сказал: «{У того, чья жизнь [связана] с низменной душой, [эта] жизнь его заканчивается с уходом духа, а тот, чья жизнь [связана] с принятием [Бога] и искренностью—жив и перемещается из жилища в жилище. Разве ты не слышал, что сказал Посланник, да благословит его Аллах и приветствует: «О обитатели вечности и постоянства! Вас создали для вечности, а не для тленности, и вы перемещаетесь из жилища в жилище».

Наш шейх сказал: «{Всевышний Аллах ниспослал откровение одному из пророков: «Ты полагаешь, что любишь Меня, [но] если ты любишь Меня, то устрани из своего сердца любовь к миру, ибо любовь к нему и любовь ко Мне не совместимы (не собираются)}}».

Затем наш шейх сказал: «{Раб не оставил ради Аллаха ни одну вещь без того, чтобы Аллах не дал ему лучшую взамен. И у того, чья жизнь не [направлена] к Аллаху и ни ради Аллаха, нет числа его смертям}}».

Затем некто спрашивающий сказал: «{О шейх! В чем покой}?—Наш шейх сказал—{Покой [заключается] в отделении сердца от всех желаний, поскольку сказал всевышний Аллах: «... и дали им явное превосходство над другими тварями» (663). [То есть] дали превосходство им в том, что явили им пороки их низменных душ. И так сказал Посланник, да благословит его Аллах и приветствует: «Когда Аллах желает блага рабу, то являет ему пороки его низменной души}}». Затем наш шейх сказал: «{И основа пороков низменной души—в любви к миру, [и] так сказал Посланник, да благословит его Аллах и приветствует: «Тому, кто отрекся от мира, Аллах вселяет в сердце мудрость и этим развязывает ему язык, и показывает ему пороки мира, и боль, и лекарство. И каждый, кто говорит «нет бога, кроме Аллаха», тот признал Аллаха и не дозволено, чтобы [после] признания, он проявил неповиновение [Ему]; и каждый, кто в этом мире не наслаждается упоминанием Аллаха и Его повелением, не насладится в загробном мире встречей с Ним и Его раем}}».

Наш шейх сказал: «Нет ничего лучше того, что мы говорим. Но если бы нам не следовало этого говорить, было бы лучше».

Однажды у нашего шейха находились почитаемые люди. Один из них сказал: «Мы делаем все, что говорим—наш шейх сказал—А мы [поступаем] вопреки этому: мы делаем то, что думаем».

Наш шейх сказал (бейт):

«Когда ты исчез, то стал существовать, о кумир.
Если стал прахом, то очистился, несомненно.

Пока человек не освободится (не исчезнет) от качеств [рода] человеческого, он не будет существовать».

У нашего шейха спросили о любви, наш шейх сказал: «{Любовь—это силки Истины}».

Наш шейх сказал: «Не знаешь, и не знаешь, что не знаешь, и не хочешь знать, что не знаешь».

Наш шейх часто говорил: «О Боже! То, что от нас доходит до Тебя—это «помилуй Аллах », а то, что от Тебя доходит до нас—это «слава Аллаху».

Наш шейх читал Коран и каждый раз, когда доходил до аята, в котором [давалась] клятва, говорил: «О Боже! Доколь будет эта Твоя слабость».

Наш шейх сказал: «Каждое сердце, в котором есть любовь к миру—«рассеянно» (параканде), а «рассеянному» сердцу не подобает ни польза, ни вред».

У Хасана Басри, который был почитаемым [человеком среди] табиун (664), однажды кто-то спросил: «{Как ты и каково твое состояние} ?—Хасан сказал—О брат мой! Вот уже тридцать лет, как мы заперли дверь своего дыхания и сидим, ожидая [Его] повеления».

Наш шейх сказал: ««Рассеянность» сердца произошла от любви к [этому] миру и, пока есть в нем любовь к миру, сердце никогда не соберется [в единое целое], и Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «{Любовь к мир-

скому есть начало всех прегрешений}». Она, [словно] войско, сидит в жилище сердца и не позволяет, чтобы что-либо другое вошло в жилище сердца». Затем наш шейх сказал:

«Я хочу прийти к тебе в гости, о возлюбленная,
Скрытно и в тайне от завистников.
Освободи свое жилище и следуй за гостем,
Не усаживай кого-то с нами в жилище».

Затем наш шейх сказал: «Исчерпывающее слово есть то, которое сказал Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует: «{Блажен раб, чьи заботы Аллах объединил в одной, и тот, у кого заботы умножаются, ему все равно, в какой долине его уничтожит Аллах}». Затем сказал: «{Все, что отвлекает тебя от Аллаха, приносит тебе несчастье}». Все, что есть твой мир, [есть] твое несчастье и «рассеянность», а все, что есть твоя «рассеянность», [есть] неосознание (отставание) тобой этого смысла в этом и в том мире». Затем наш шейх сказал: «Пир Абу-л-Касим Башар Йасин был из почитаемых [людей] Мейхене и часто повторял эти бейты:

«Кто оказался жив в Нем и ради частички [Его],
кто умер в нем!?
Ты не обрешь жизнь от Него, пока
не умрешь (унесешь) из-за частички [Его].
Ты хочешь лучших макамов, но ноги твои запачканы.
Скупость помыслов, боюсь, не соразмеришь с Ним.

Нашему шейху сказали: «Эй шейх! Сколько мы ни прибегаем к тадбиру, не достигаем этого смысла—шейх сказал—{Тадбир есть уничтожение}. Тадбир—дело неосведомленных, и нет разбойника большего, чем тадбир». Они (т. е. шейх—М. К.) сказали: «{Ищи Аллаха в отказе от тадбира, ибо тадбир на этом пути есть заблуждение}». Затем он сказал: «Самый глупый из людей (созданий) тот, кто в отношении своего друга осуществляет тадбир [вместе] с врагом; этот тадбир происходит от скудости познания (ма'рифат). Был некий пир, который

много раз произносил эту молитву: «{О Боже! Я жалуясь Тебе из-за скудости познания [Тебя]}».

Затем он сказал: «Саида Суфийе (665) была из [числа] благочестивых [женщин] этого тариката, и шейх Абу Абд ар-Рахман привел ее [имя] в «Табакат-и насакат» (666). [Как-то] группа [людей] этого таифа, [чтобы приобщиться к] святости (табаррук) [той женщины] вошла в дверь ее худжры поприветствовать ее; и сказали они: «Произнеси для нас молитву—сказала она—Раби'а говорит: «{Аллах отрежет от вас все, [что] отрезает вас от Него}».

Затем наш шейх сказал: «{[Облаченный] фальшью [человек] прикрыт своим тадбиром и во всех делах отрезан от [своих] притязаний}».

Наш шейх в конце своей жизни сказал: «Мы видели во сне Абу-л-Фазла Хасана и сказали: «Мы убрали (удержали) руки (т. е. отступились—М. К.) от друзей—сказал он—Хороших друзей ты имел в то время, когда их имел, но еще лучше убрать от них руки, как ты сейчас сделал !»

Наш шейх сказал: «{ Паломничество с [любовью] в сердце [совершенное] единожды лучше постоянного с ненавистью в сердце}».

Наш шейх сказал: «Ты раб того, в оковах чего находишься».

Затем сказал: «Пока кто-то видит свою чистоту и муамала ,он говорит: «{Ты и я}»; но когда взгляд его падает на Его милость и милосердие, он всему говорит: «{Ты, Ты}», тогда его рабство становится истинным». Затем он сказал: «Пир Абу-л-Касим Башар Йасин часто повторял этот стих:

«Если я эту любовь к тебе донесу до края могилы,
Я издам вопль, но от тебя увижу лишь
умение [кокотничать]».

Наш шейх сказал: «{Тот, кто не видит себя во благе милостыни, нуждается в милостыне больше нищего (факир). [Но] его милостыня бесполезна}».

«Ты диковинная возлюбленная, о хорасанская
возлюбленная,
[А] я—слуга хорасанских диковин».

Затем сказал: «Большая завершенность, совершенство и превосходство есть в шариате. Когда Он останавливает Свой пречистый взгляд на ком-то, то нищета того превращается в богатство, а богатство в нищету. Человечество—зеркало божественности. Он не смотрел на все то, что сотворил, кроме Адама {поистине, всевышний Аллах не смотрел на мир со [дня его] создания из-за гнева на него}». Когда он подошел к разговору о людях, то сказал: «{Поистине, всевышний Аллах не смотрит на ваши лица, а смотрит на ваши сердца}». Для сотворения всей вселенной достаточно было повеления, которое [Он] произнес: «Возникни! - и творение возникает» (668), когда [Он] дошел до человека, то отказался от повеления и сказал: «... сотворил Своей мощью» (669). И это касалось формы. Когда же [Он] дошел до духа, то сказал: «... и вдохну в него от Моего духа» (670).

Наш шейх сказал: «Если ради Исмаила с небес послали жертву, то в Судный день для сброда (аубаш) из уммы Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, [тоже] пошлют «жертву»: «{Приведут неверных и скажут: «О мусульманин! Вот твоя жертва из огня}».

Наш шейх сказал: «Не стремись к тому, кто может общаться (сидеть) с кем угодно, и слышать речь от кого угодно, и есть, и спать с кем угодно, поскольку его душа отдана в руки шайтана».

У нашего шейха спросили: «О шейх? В чем суть привязанности (ирадат)?—Шейх сказал—В том, чтобы его (любящего—М. К.) желание проявилось. И есть разница между желанием и проявлением. В желании возникает сомнение: захочет сделать, а не захочет не сделает. А в проявлении ни на волосок нет сомнения (дороги). Желание—это часть, а проявление—это целое. [Сначала] появляется влечение (джазбат), вспыхивает молния (барг) благодаря (старанием) притяжению (кешеш),

затем проявляется усилие (кушеш), затем превращается [оно] в свободу (хурр) от мира (владения) и становится одним взглядом (назар) и одним помыслом (химмат)».

У нашего шейха спросил какой-то дервиш: «О шейх! Что такое рабство?—Наш шейх сказал—Аллах создал тебя свободным, будь свободным (671)— сказал дервиш—О шейх! Вопрос [ведь] о рабстве—шейх сказал—Разве ты не знаешь, что пока ты не будешь свободным от обоих миров, не станешь рабом [Господа]?» Затем он произнес этот стих:

«Поскольку не сладили свобода и любовь,
Я стал рабом и отложил в сторону свое желание (672).
После этого, поскольку есть у меня Друг
Дозволено, чтобы устранились разговоры и вражда».

У нашего шейха спросил какой-то дервиш: «Что такое футувват ?—Наш шейх сказал—Следует быть обладателем высоких помыслов, чтобы можно было с ним говорить о футуввате, с бахвалом нельзя говорить о футуввате». Затем он сказал: «{Заблуждение обладателя высоких помыслов есть послушание, а послушание бахвала есть [его] заблуждение}». Футувват, и отвага, и тонкость, и изящество—это растения, которые произрастают в саду притяжения, а в саду усилия есть продолжительные намазы, и посты, и голодания, и бодрствования по ночам, и множественная милостыня. Все, что подтверждает усилие, уничтожает притяжение».

Однажды наш шейх сказал: «{Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, в ночь мираджа увидел группу ангелов целиком в свете, и перед ними [был] свет, и позади них—свет, и над ними—свет, и под ними—свет. Сказал он: «О Джабраил! Кто они?—Сказал (Джабраил)—Они—группа, которая не знала никого, кроме Аллаха}».

Однажды наш шейх сказал: «{Я слышал, что сеид Джа'фар бин Мухаммад ас – Садик сказал: «Я не видел ничего лучше скромности богачей перед нищими и лучше того—отстранение нищего от богача из-за обеспеченности [его] все-

могущим и преславным Аллахом}». Затем чтец прочел: «Но величие—у Аллаха, Его посланника и верующих...» (673).

Однажды наш шейх сказал: «{Предел нашего величия [заключается] в потребности во всевышнем Аллахе и покорности перед Ним, ибо Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Если Аллах возжелает блага рабу, то наставит его на покорность души}».

У нашего шейха спросили: «{Нищета совершеннее или богатство}?—Наш шейх сказал—{Совершеннее] отсутствие нужды во всем}». Затем сказал:

«{Когда мы двинемся ночью и ты [будешь] впереди нас,
То достаточно будет провожатым для наших верблюдиц
поминание Тебя}».

Однажды наш шейх сказал: «{Как можно познать Творца [с помощью] сотворенного или как может познать имеющее продолжительность [во времени] то, в чем нет [временной] продолжительности}».

Наш шейх однажды посреди речи сказал: «{Я слышал, что сеид Джа'фар бин Мухаммад ас — Садик сказал: «Довольствование Аллахом [означает] не желать Ему замены и не отходить от Него, и кто говорит «нет бога, кроме Аллаха», несомненно, признает Аллаха, и не дозволено ему признавать кого—то другого и [тем самым проявлять] непокорность [Аллаху]. И тот, кто непокорен Ему и не наслаждается Его поминанием и Его повелением в этом мире не будет наслаждаться, лицезрея Его и в раю в том мире}».

Наш шейх сказал: «Первое имя, которое дают тому, кто следует по пути Истины—имя мурида. И приводят тысячу условий (вещей), которым должен соответствовать (нужны) мурид, чтобы его [так] назвали: первое—это то, что его существование не [должно быть] таким, как у [других] людей; также как он сменяет (переворачивает) одежду, все вещи тоже [предстают для него] противоположными [тем, что есть] у людей. Его разговор также не должен быть таким, как у [других] лю-

дей, и поступь не такой, как у [других] людей, и общение не такое, как у других [людей], и еда и сон не такие, как у [других] людей; и сколько бы ты ни говорил подобных слов, конца им не видно».

У нашего шейха спросили: «Кто такой истинный (мухаккак) пир и кто такой настоящий (подтвержденный) (мусаддик) мурид—Наш шейх сказал—Приметы истинного пира—самая малость, [а именно] : это десять вещей, которые должны быть [представлены] в нем, чтобы он был «правильным» в [поступках] пиром:

- первое—видеть цель, чтобы мог иметь мурида;
- второе—пройти путь, чтобы мог указать [этот] путь;
- третье—быть благовоспитанным и вежливым, чтобы [проявлять] учтивость;
- четвертое—быть щедрым, чтобы мог пожертвовать имуществом ради мурида;
- пятое—не нуждаться в имуществе мурида, поскольку нельзя его пускать в дело для себя (на своем пути);
- шестое—мог давать наставление знаком (ишарат), а не высказывать (ибарат) [его];
- седьмое—воздействовать мягкостью, а не [прибегать] к грубости и сердиться;
- восьмое—сначала исполнять самому то, что повелевает;
- девятое—сначала воздержаться самому от той вещи, от которой он удерживает;
- десятое—мурида, которого он принимает ради Бога, не отвергать ради его характера.

Когда пир будет таким и будет украшен этими качествами (нравом), то мурид станет [ни кем иным], кроме как настоящим и идущим [по пути], поскольку то, что является муриду—это качества пира, проявляющиеся перед муридом».

Наш шейх сказал: «Наименьшее, чем должен [обладать] настоящий мурид—это десять вещей, которые мы перечислим, и эти десять [вещей] должны быть [представлены] в нем, чтобы ему подобало муридство:

- первое—надлежит быть сообразительным, чтобы

постигать знаки пира;
второе—быть послушным, чтобы повиноваться пиру;
третье—быть острым на слух, чтобы понимать слова пира;
четвертое—быть сведущим, чтобы видеть величие пира;
пятое—быть правдивым, чтобы правдиво сообщать то,
что сообщает;
шестое—быть верным обещанию, чтобы исполнять все,
что говорит;
седьмое—быть свободным [от всего], чтобы мог
оставить то, что имеет;
восьмое—быть надежным, чтобы мог хранить тайны;
девятое—быть слушающимся советов, чтобы принимать
наставления пира;
десятое—быть доблестным, чтобы мог на этом пути по-
жертвовать дорогой жизнью. Если мурид украшен этими каче-
ствами, путь для него завершится легче, и цель пира в тарика-
те в отношении его будет достигнута быстрее, иншаллах».

Однажды наш шейх говорил о притязующих на обычаи и правила [суфиев] и сказал: «Сначала правилом было то, что-
бы люди (суфии—М. К.) прибегали к принуждению, затем то
принуждение превращается в обычай, затем тот обычай стано-
вится натурой, а затем та натура становится истиной». Затем
наш шейх сказал Абу Бакру Муаддабу: «Вставай и принеси
чернильницу и бумагу, чтобы мы продиктовали (сказали) раз-
дел о правилах [поведения] и обычаях обитателей ханаки, [и
ты бы записал]». Когда принесли чернильницу и бумагу, наш
шейх сказал: «Запиши. И знай, что среди правил [поведения] и
обычаев обитателей ханаки есть десять вещей, являющихся
обязательными, согласно традициям асхаб—и суффа, да будет
доволен ими Аллах. Обитателей ханаки потому называют су-
фиями, что они чисты и следуют деяниям ахл—и суффа. Но те
десять вещей, которые они считают для себя обязательными
(674), были [определены] в согласии с Книгой всевышнего Бо-
га и сунной Мустафы, да благословит его Аллах и приветству-
ет:

первое—это, чтобы хранили одежду в чистоте, поскольку сказал [Он]: «Очисти одежды свои» (675) и постоянно были опрятными (676), поскольку сказал: «В ней—люди, которые любят очищаться, поистине Аллах любит очищающихся» (677);

второе—чтобы сидели в мечети или у гробницы, поскольку сказал: «В них славят Его и по утрам, и по вечерам» (678);

третье—чтобы первым делом совершали с народом намаз, поскольку сказал: «... и будь в числе тех, кто бьет челом» (679);

четвертое—чтобы много молились по ночам, поскольку сказал: «Бодрствуй и часть ночи, творя молитву в дополнение [к пяти обязательным]...» (680);

пятое—чтобы на рассвете много молились и просили прощения [у Бога], поскольку сказал: «а уже на заре они молили о прощении» (681);

шестое—чтобы по утрам читали Коран сколько смогут и не разговаривали, пока не взойдет солнце, поскольку сказал: «...а также [совершай] утреннее чтение молитвы, ибо утреннюю молитву слушают [ночные и дневные ангелы]» (682);

седьмое—чтобы между вечерним и ночным намазами занимались вирдом и зикром, ибо сказал: «а также среди ночи возноси хвалу и при закате звезд» (683);

восьмое—чтобы принимали нуждающихся [в помощи] и слабых, и тех, кто примкнул к ним, и заботились о них, ибо сказал: «Не прогоняй тех, кто взывает к Господу своему и утром и вечером, стремясь к Его благоволению» (684);

девятое—чтобы без согласия друг друга ничего не вкушали, ибо сказал: «О вы, которые уверовали! Соблюдайте заветы» (685);

десятое—чтобы не отлучались, не испросив дозволения друг у друга, ибо сказал: «Когда они общаются с Посланником по какому—либо делу, то пусть не уходят, пока не получат дозволения» (686).

И после этого их досуг [должен быть посвящен] трем занятиям: или обретению знания, или вирду, или принесению

кому–то покоя или блага. Значит тот, кто любит это братство и помогает им, чем может, будет сотоварищем в милости и воздаянии им, ибо сказал: «И ответил им их Господь: «Воистину, Я не пренебрегу ни одним деянием, совершенным кем–либо из вас, мужчиной или женщиной, [ведь] одни из вас [происходят] от других» (687).

И пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «{Кто возлюбит [какую–либо] общину, [тот] из ее [числа]}»; и будут среди того братства [те], которых описал Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует: {достаточно [тех], кто в запыленных лохмотьях, и, если они дадут клятву Аллаху, [Он] ее примет; и один из них Бара бин Азиб} (688). И опять же всевышний Бог сказал о них: «Таковы идущие по правому пути благодаря щедрости и благоволению Аллаха. Аллах ведь–знающий, мудрый» (689). И да благословит Аллах Мухаммада и весь его род.

Наш шейх сказал: «Каждый, кто увидел нас и проявил доброе усердие в отношении наших детей, муридов и семьи, завтра пребудет под шатром нашего заступничества и не лишится нашего заступничества».

Наш шейх сказал: «Мы попросили у всемогущего и преславного Бога соседей слева и справа, спереди и сзади, и всевышний Бог склонил их к нашему делу». Затем наш шейх сказал: «Наши соседи–Балх и Мерв, и Нишапур, и Герат. А о тех, кто здесь разговор [не идет]».

И также наш шейх сказал: «О тех, кто вокруг нас, не следует ничего говорить, поскольку тот, кто сел на осла и один раз проехал до конца этой улицы или тот, кто прошел мимо нашего дома или проходит, или тот, на кого падает свет нашей свечи, то наименьшее, что сделает для него всемогущий и преславный Бог–это то, что смилостивится над ним и простит его».

ПРИЗЫВЫ АБУ СА'ИДА

Рассказ 231. Ходжа Абу Тахир [сын] нашего шейха сказал, что однажды ходжа Абу Мансур Варгани пришел навеситить нашего шейха Абу Са'ида и сказал: «О шейх! Укажи мне путь–шейх сказал–Держись того пути, который повелел тебе всевышний Господь–спросил [Абу Мансур]–Что это за путь?–сказал шейх–Тот [путь], что Он повелел–«... и следуй путем тех, кто обратился ко мне», (690) не сказал {и следуй путем тех, кто обманулся}. Он сказал следуй за теми, кто остался с нами и не сказал следуй за теми, кто пошел по пути вредительства и стал наносящим ущерб в этом и в том мире–спросил [Абу Мансур]–О шейх! С какими припасами идти мне этим путем?–сказал [шейх]–Постоянно говори: «{О Надежда надеющихся, о Мечта мечтающих, не лишай меня надежды и не обрывай мою мечту; о Милосерднейший из милосердных, умертви меня мусульманином и соедини с добродетельными}»».

Рассказ 232. И также ходжа Абу Тахир [сын] шейха сказал: «Однажды султан Тогрул послал кого–то и позвал ходжу Абу Мансура Варгани, который был его везиром. Тот сказал: «Я еще не совершил утреннего намаза и не могу прийти». Тот, кто приходил, вернулся, пошел к султану и передал ему то, что сказал ходжа Абу Мансур. Султан ничего не сказал. Когда ходжа Абу Мансур закончил аурад, то пришел к султану. Султан сказал: «Эй ходжа! Каждый раз, когда у меня к тебе возникает дело и я зову тебя, говорят, что он читает Коран или совершает намаз, и мое дело не удастся». Ходжа Абу Мансур сказал: «[Все] так, как изволит султан ; но знай, что я раб Бога и твой слуга. Пока я не исполню повеление всевышнего Бога и не исполню условия Его рабства, я не приступлю к служению тебе. Если ты найдешь везира, который не был бы рабом всевышнего Бога, а был бы полностью твоим слугой, я уйду и

возвращусь домой—султан сказал—Конечно, я не найду такого слуги, который не был бы рабом Бога и у меня нет претензий к тебе. Ты совершай любое поклонение Ему, какое знаешь, а затем уже приходи по моему делу».

Когда ходжа Абу Мансур вернулся от султана и пришел домой, то весть об этом кто-то сообщил нашему шейху. Шейх сказал: «Оседлайте коня, чтобы мы [отправились] поприветствовать его». Когда шейх вышел из дома, Хасан Муаддаб послал вперед дервиша, чтобы тот предупредил Абу Мансура, что шейх Абу Са'ид идет приветствовать [его]. Когда шейх добрался до ворот жилища ходжи, то стражник сказал Хасану Муаддабу: «Скорей входите, ибо как только весть о приезде шейха дошла до ходжи, он встал посреди дома и сколько ни говорят ему «садись», он говорит: «Не хорошо, если такой почитаемый [человек] ради нашего приветствия находится на ногах, а мы сидим». Когда шейх вошел в дом, он увидел его стоящим посреди комнаты и сказал: «В чем причина того, что ходжа стоит?—сказал [Абу Мансур]—Раз уж кто-то пришел и сообщил весть о приезде шейха, то мы не сочли дозволенным, если шейх стоит на ногах, а мы сидим—шейх сказал—О ходжа! Мы также не считаем дозволенным, чтобы в Судный день ты стоял на ногах, а мы сидели. Пока мы тебя не усадим, мы не сядем—ходжа сказал—Наше дело в обоих мирах свершилось».

Когда шейх уселся и поприветствовал его, он сказал: «О шейх! Этот султан—великий (691), и нельзя [быть] дерзким, поскольку он поступит решительно [с таким человеком]—наш шейх сказал—Когда отправишься к нему, прочти молитву ахзаб (692), составленную Посланником, да благословит его Аллах и приветствует. И каждый, кто направляется к султану и читает молитву ахзаб, у него не возникает печали и беспокойства, и он возвращается с осуществленным желанием. И молитва такова: «{О Боже! Я ищу убежища в Твоем святом свете и в величии чистоты Твоей и в благоденствии Твоего великолепия от всех несчастий и бед, от ночных и дневных напастей; [от всего], кроме тех [дел], что стучатся добром от Тебя. О милостивый Господь! Ты—посылающий дождь, мы ждем от Тебя

помощи, и Ты—наше прибежище, мы взываем к Тебе, и Ты—наша крепость, мы прибегаем к Твоему покровительству. О Тот, перед которым высокие выи склонились и согнули шею деспоты, прибегаем к Тебе от бедствий Твоих, и раскрытия покровов Твоих, и от забвения поминать Тебя, и от невознесения благодарности Тебе. Поминание Тебя—наш лозунг и хвала Тебе—наше покрывало во время сна и бодрствования, и покоя и движения, и странствия ночью и днем. Обласкай нас в шатре Своей защиты и возьми нас под Свое покровительство и благосклонность, которые приносят нам счастье по причине хорошего служения Тебе, о милостивый, милосердный. Нет бога, кроме Тебя ; Ты—единственный, без сотоварищей ; молим Тебя о прощении и раскаиваемся пред Тобой}».

Рассказ 233. Ходжа Абу Тахир рассказал, что в то время, когда наш шейх посылал его в Нису, он пришел к шейху. Шейх научил его этой молитве и сказал: «В пути произноси эту молитву и не проявляй небрежения к этому [делу]: {о Ласковый, о Заботливый, о Благочестивый, о Доказывающий, о Пречистый, о Милостивый, о Оказывающий помощь, о Высокий достоинством, о Вечный султан, о Доставляющий множество благодеяний и добра, мы ищем Твоего покровительства от лишений и обездоленности}».

Рассказ 234. Эта молитва, согласно достоверному ривайату, сохранилась от нашего шейха и произносилась во время утренних аурадов: «{Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, машаллах, не даруется во благо [никем], кроме как Аллахом ; во имя Аллаха, машаллах, и то, что у нас из благ, - от Аллаха ; во имя Аллаха, машаллах, нет силы и могущества, кроме как у Аллаха ; во имя Аллаха, нет никакого вреда Его имени на земле и на небесах, и Он—слышащий, знающий ; во имя Аллаха, [дарующего] исцеление ; во имя Аллаха, [обеспечивающего] довольство ; во имя Аллаха, прощающего ; во имя Аллаха, обладающего сильным положением великого доказывающего султана ; машаллах, ищем заступничества у Аллаха от шайтана «Мы ниспосылаем Коран как исцеление и милость верующим» (693); храни нас, о Живой, который не умирает;

мы отказались от всего, что желает нам плохого, и нет никого, кроме Тебя, и все мы цепляемся [за Тебя]} «уже ухватился за прочную вервь, которая не рвется. Аллах—слышащий, знающий» (694).

Рассказ 235. Эта молитва, согласно достоверному ривайату, также сохранилась от нашего шейха, и он произносил ее каждый день после утреннего намаза: «{Хвала Аллаху—Господу обитателей миров. Многочисленная, чистая и благословенная хвала, такая, как любит наш Господь и [бывает] доволен и такая, какая подобает Его щедрости, Его лику, величию и славе. И хвала Аллаху, хвала которому неисчислима и помощь которого нескончаема. И хвала Аллаху, который раскрыл для нас [красоту] последнего дня и повелел нам [совершение] счастливых деяний. И хвала Аллаху, хвала по количеству Его благодеяний и милости для нас и для всех созданий. И хвала Аллаху, хвала по количеству благодеяний Его созданий и их проступков, когда Он дал нам превосходство над всеми созданиями. О Боже! Тебе хвала за все Твои достоинства и все Твои блага нам и всем Твоим созданиям. И благословение Аллаха, и Его ангелов, и посланников, и всех созданий нашему Пророку Мухаммаду и его роду и приветствие им, и милость Аллаха, и [Его] благодать. И приветствие, приветствие хранителям. Да убережет Аллах от записывающих двух ангелов(695), сопровождающих (товарищей), свидетелей, справедливых ; да воздаст Аллах за меня обоим [этим] находящимся [здесь], щедрым. Пишите, да простит вас Аллах, и будет доволен вами обоими. Во имя Аллаха и клянусь Аллахом, и нет могущества и силы, кроме как у Аллаха. И свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Он—единственный, нет у Него сотоварищей. И свидетельствую, что Мухаммад Его раб и Посланник, и что рай—истина, и ад (огонь)—истина, и что «Судный час непременно наступит, потому что Аллах воскресит тех, кто покоится в могилах» (696). Я стал рабом, принадлежащим Ему. Я не имею сил привлечь к себе (своей душе) добро, что я желаю, и не могу оттолкнуть от себя зло, о котором был предупрежден. Я стал [частью] природы ислама и

словом чистосердечия, и [стал на путь] религии нашего Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, и народа отца нашего Ибрахима, приветствие ему, и [на путь] наследования им обоим и отсутствия связи с их врагами. О Боже! Я пребываю [под сенью] Твоего счастья и благоденствия и заверши на нас Свое счастье и благо. О Боже! Тобою я встаю утром, и Тобою [провожаю] ночь, и Тобою живу, и Тобою умру. Уповаю на Тебя и Тобою воскресну и нет могущества и силы, кроме как у всевышнего и великого Аллаха}».

Рассказ 236. И, согласно достоверному риваяту, рассказывают о нашем шейхе, что каждый день утром после обязательной молитвы он двадцать один раз повторял: «{О Боже! Благослови меня в смерти и в том, что после нее, и убереги меня от огня}».

Рассказ 237. Я видел написанное рукой ходжи шейха Абу-л-Бараката [следующее]: «Я слышал от ходжи Исмаила Аббаса, который сказал, что слышал от Мухаммада Арефа Нугани, который сказал, что слышал от нашего шейха Абу Са'ида, который сказал: «В хадисе о Посланнике, да благословит его Аллах и приветствует, сказано, что [однажды] в пятницу между полуденным и послеполуденным намазами, он совершил десять ракатов намаза по пять саламов в каждом ракате, с [произнесением] один [раз] фатихи и десяти [раз] кул хува Аллаху ахад («Скажи: Он-Аллах, единый») (697). Когда он закончил, то сто раз повторил: «{Пречистый Аллах, и хвала Аллаху, и помилуй Аллах, и каюсь Ему}».

Знай, что в обычае нашего шейха было то, что молитву за скатертью он доводил до конца. И молитва была такой: «{О Боже! Благослови для нас хлеб насущный, и мой хлеб из него обрати во благо. Прояви милость и подари нам все, о чем мы просили у Тебя из благ и то, что не просили. И приумножь [Своей] щедростью, ибо мы стремимся к Тебе}».

**ПИСЬМА НАШЕГО ШЕЙХА, НЕКОТОРЫЕ
ИЗ КОТОРЫХ ПРИВЕДЕНЫ [ЗДЕСЬ]
ДЛЯ БЛАГОСЛОВЕНИЯ**

Письмо было написано султаном Чагры нашему шейху рукой ходжи Хамуйе, который был раисом Мейхене и муридом нашего шейха, с просьбой к нашему шейху. [Султан] послал ходжу Хамуйе по этому важному [делу]. Наш шейх написал ответ: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Всемогущий и преславный Господь, да будет держать под Своим покровительством славного эмира, победоносного владетеля и не оставит его самому себе (698) и другим созданиям, и дарует ему то, в чем есть Его согласие и уберезет его Своей милостью от того, что заканчивается сожалением ; [да свершит это] Своим благодеянием и милосердием.

Письмо славного эмира, победоносного владетеля, да принесет ему Бог удачу в благих делах, было доставлено руками ходжи Хамуйе, да защитит его Аллах, прочитано и желание, содержащееся в письме, было воспринято. И [суть] высказанных доводов (извинений) была разъяснена ему (т. е. ходже Хамуйе—М. К.) и полностью понята им, и он сам все изложет и раскроет в объяснении и надеемся, что оно будет принято. И великий Господь Своей милостью да примет извинения славного эмира, победоносного владетеля, и устранил от него несчастья обоих миров, и сделает {Своим благодеянием и милостью} постоянной его удачу в том, в чем для него добро и избавление. {И поистине Он, находящийся близко и исполняющий просьбы ; хвала Аллаху, единственному и не имеющему сотоварищей, и благословение Мухаммаду и его роду}».

Рассказ 238. В то время, когда наш шейх Абу Са'ид находился в Нишапуре, к нему пришел один дервиш и сказал: «Я собрался идти в Мейхене». Шейх попросил чернильницу, бумагу и сказал: «Следует повременить немного, чтобы я написал кое-что Абу Тахиру». Затем он написал: «{Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Приветствие доброму Аллаху, осведомленному о большом и малом ; и Он—над всеми и, когда

возжелает, [проявит] могущество [вот] и все}». Он дал бумагу дервишу, чтобы он пошел и отнес ее.

Рассказ 239. Какой-то дервиш сказал нашему шейху: «Эй шейх! Я иду в Мервалруд, есть ли у тебя какое-нибудь поручение?—Наш шейх сказал—Подожди, пока я напишу кое-что кази Хусейну». И написал:

«{Я смотрю на нее, и она знает, что у меня на сердце,
И смотрит она на меня, и я знаю, чего она хочет,
и все}».

Рассказ 240. Одному из почитаемых людей пишет наш шейх по просьбе дорогого хатиба: «{Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Да пребудет приветствие всевышнего Аллаха, его милость и благодеяние со сведущим шейхом. И это достойнейший хатиб, да увековечит Аллах его достоинство среди обитателей дома знания и превосходства. Вознамерился он [прибыть] к его окружению [пространству] и ищет соседства с тенью его бараки. Надеемся на то, что снизойдет на стоянки подобный ему, благодаря милосердию, щедрости и совершенству Его, [вот] и все}».

Рассказ 241. Хатиб Ажджаха написал что-то нашему шейху. Наш шейх написал в ответ: «{Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Да увековечит Аллах мудрость написанного достойнейшим хатибом, адибом и дарует ему Аллах удачу во всем, что близко ему из религии и мира, из начала и конца; и из-за правильности его убеждений, [да поддержит] во всех измышлениях [против него]. И раскрылась чистота привязанности, и неудивительно, что это случается тогда, когда сердца становятся видимы и души светом истины лицезреются, да хранит Аллах его и уберезет от зла. Что касается усопшей, да озарит свет Аллаха ее могилу, и да будет обрадована она вестью о встрече с Ним; и я воспеваю короткую разлуку перед долгим воссоединением}».

{ Если все женщины станут, подобно той, которую
мы потеряли,
То женщины превзойдут мужчин}.

Рассказ 242. В Нишапуре скончался ходжа имам Мухаммад бин Абдаллах бин Йусиф ал-Джувейни. Наш шейх написал из Мейхене письмо почитаемым людям Нишапура по поводу оплакивания его: «{ Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Да пребудет приветствие Аллаха, Его милость и благодеяние над славным сеидом и [затем] говорим: «Воистину, мы принадлежим Аллаху, и, поистине, к Нему мы и вернемся» (699). Мы довольны Его предопределением, и покорны Его повелению, и возносим благодарность, [находясь] под Его господством, [вот] и все}».

Рассказ 243. В то время, когда наш шейх Абу Са'ид находился в Нишапуре, к нему пришел один дервиш, надевший паафзар и сказал: «Я иду в Мейхене, есть ли [у тебя] какое-либо поручение?—Шейх сказал—[Подожди], пока я напишу кое-что детям». Написал: «{Во имя Аллаха милостивого, милосердного

Ни один рисовальщик своим искусством и красками
за сотню лет
Не узнает как сделать и не сможет [сделать] того,
что делает один дождь.

[Храните] лицо улыбающимся (свежим), лоб открытым и [не пытайтесь] избавиться от гостя, вот и все».

Рассказ 244. Это письмо наш шейх написал из Мейхене факиху Абу Бакру Хатибу в Мерв: «{Во имя Аллаха милостивого, милосердного}. Непрерывно я поминаю молитвой и в мыслях единственного и самого достойного ученого [мужа], {да упрочит Аллах его силу и окажет помощь и сделает стойким в подчинении [Истине]}. Да не будем мы никогда лишены его, его детей и его родных, {да упрочит Аллах их покой}; и мы просим всемогущего Господа принять его и их всех под Свое заступничество, удовлетворить [их] делами обоих миров, даровать [им] лучшее и избранное, и не отрывать от Себя и от сотворенного Своей милостью, [ибо Он]—{лучший из исполняющих просьбы}. [Да] достигало бы непрерывно единствен-

ного и самого достойного ученого [мужа], {да упрочит Аллах его успех и стойкость}, успокоение и было бы в нем избавление ; есть необходимость и желание встречи, и я надеюсь вскоре настанет ее время. Да дойдут наши приветствия ему самому, и его детям, и друзьям, и всем, кто есть, от мала до велика, {если будет угодно всевышнему Аллаху. И Хасан Муаддаб, да упрочит Аллах его честь, уполномочен передать многочисленные приветствия. Хвала Аллаху и приветствия Его Посланнику Мухаммаду и его роду ; достаточно нам Аллаха и Он-лучший из помощников}.

**РАЗРОЗНЕННЫЕ БЕЙТЫ,
ПРОИЗНЕСЕННЫЕ УСТАМИ НАШЕГО ШЕЙХА
И НАЧИНАЮЩИЕСЯ ЭТИМ СТИХОМ,
СКАЗАННЫМ НАШИМ ШЕЙХОМ**

О душа! На земле Хаберана нет колючки,
У которой не было бы дела до меня и до моей судьбы.
При благосклонности и ласке твоей красоты
Мне не стыдно пожертвовать и сотней тысяч душ.

Шейх сказал:

Соглядатай есть у меня там, где находишься ты.
Ты или вся принадлежишь мне, или нарушаешь
[свое] обещание.

Шейх сказал:

У нас, кроме этого мира, есть другой мир.
Кроме ада и рая, есть другое место.
Беззаботность и влюбленность—наше богатство,
Воздержание же и отшельничество—другой мир.

Шейх сказал:

Мы—та же довга, тараф (700) и тарине
Сваренные сегодня или оставшиеся со вчерашнего дня.
Слава [правления] вилайатом не стоит унижения при
смещении [с этого поста],
Будь он для тебя хоть от Чача (701) до Медины.

Шейх сказал:

Я столько искал, чтобы найти приметы
той возлюбленной,
Что предположение затерялось в уверенности,

а уверенность—в предположении.
Ни в воображении моем ни в уверенности не было
Примет и добрым делом будет с ее стороны указание
[этих] примет.
Столько времени я лелеял свою любовь и полагал,
[Что] прославил себя, [говоря], что она—такова,
а я—таков.
В действительности же я увидел, что о ней у меня не
было [даже] представления.
Возлюбленной и влюбленным был я сам, вникни
в этот дастан.

Сказал:

Каждое сердце, на которое обращен Твой взор, о
Повелитель,
Приобретает значение, хотя оно ничтожно и [лишено]
достоинства.
Хотя оно само и было [лишь] маленькой травинкой,
Но, когда Ты посмотрел на нее, стало оно
гатфарским (702) кипарисом.
Каждое сердце, высокие помыслы которого
скрыты в земле,
Если Ты взглянешь на него, то помыслы его
поднимутся до небес.

Стих:

На пути единства нет ни безбожия, ни религии
Ступи на шаг и узрей путь.
О душа мира, ты избери путь ислама,
[Лучше] садись [рядом] с черной змеей, но с собой не
садись (703).

Однажды наш шейх посмотрел на дерево, стоявшее возле святого мешхеда, [увидел] пожелтевший лист и сказал:

У тебя пожелтевшее лицо [и] у меня пожелтевшее лицо.
У тебя из-за месяца мехр (704), а у меня из-за любви
к луноликой.

Когда каввал перед нашим шейхом произнес этот бейт:

Я стал поклонником красавицы, которая
имеет облик пери,
Она осуществляет пророческую миссию,
а не поступает легкомысленно.

Наш шейх сказал: «Не дай Бог! Не следует так говорить, а следует говорить так:

Она вызывает твое небытие, а не поступает
легкомысленно».

И также как-то каввал прочел в присутствии нашего шейха этот стих:

Не попутчик ты мне, выбери свой путь и иди.
Ты будешь невидим, а я—опрокинут.

Наш шейх сказал: «Не следует так говорить, а следует сказать:

Ты будешь невидим, а я—беззаботен.

Наш шейх сказал: «Сегодня вечером Ибрахим (705) прочел:

Был я и Он, и Он и я—вот это радость.

Я не работаю, не соблюдаю поста, не совершаю намаза,
Поскольку с тобой все мои ложные пределы
являются намазом,
Поскольку без тебя все пределы моего намаза—ложны.

Стих:

{Довольствуйся тем, что тебе хватает,
чтобы быть в покое,
И когда обретаешь достаточное, не требуй большего,
Ибо в пустом хлебе, без [другой] еды
И в чистой воде [содержится] достаток и
достаточность (707).
И каждое убранство для человека—украшение,
Но самое подходящее [из них]—украшение
непорочностью}.

Стих:

{Ради тебя возлюбил я детей иудейских,
Так что почти сам я стал иудеем.
Я молюсь и умышленно заменяю свою киблу твоей,
Узрей мою молитву, чтобы засвидетельствовать ее.
Ради любви к тебе в молитве обрел я истинный путь
К Торе Мусы и к Корану Ахмада (708).
Если бы не слова и ненависть недоброжелателей,
Я каждую субботу отдыхал бы с теми,
кто отдыхает (709).
И [для нас] попасть в огонь [в состоянии] любви—
быстрое [дело],
Если тот, кого мы желаем, счастлив в любви}.

Имам Исмаил Сави (710) сказал: «Я написал записку шейху Абу Са'иду и [попросил] пусть он простит, что некто поносил его. Шейх ответил, [что] простил и написал своей благословенной рукой на обороте записки:

Стих:

Эй саги! Принеси источник веселья,
Того вина, что сверкает, как кубадов венец (711),
Того вина, что [обладает] ароматом розы
и цветом яхонта,
Ибо замок на двери—печаль, а ключ к двери—радость.

Стих:

Нравится ей, когда я невесел.
Мне, побежденному ее радостью, подобает печаль.
Когда видит меня плачущим, смеется от радости.
Когда видит меня униженным, увеличивает кокетство.

Стих:

Кто—то сделал михрабом солнце, и камень, и дерево,
А я теперь сделал михрабом то красивое лицо.

Стих:

В темную ночь приподнимаешь покрывало
со своего лица.
Посмотрит на него незрячий и вновь найдет путь.
Я не вынесу пятидесяти дней, чтобы увидеть тебя.
О наш шах! Сделай эти пятьдесят [дней]
для меня пятью (712).
Не надо мне пяти или пятидесяти [дней],
я сейчас хочу тебя.
Я несведуц (713) и не знаю совершенно ничего.

Стих:

Там, где есть ты, не бывает следа печали,
Там, где тебя нет, сердце не радуется.

ОБ ОКОНЧАНИИ ЖИЗНИ НАШЕГО ШЕЙХА АБУ СА'ИДА

И она содержит три раздела:

раздел первый: о завещаниях шейха во время кончины ;

раздел второй: о его кончине и ее особенностях ;

раздел третий: о чудесах, некоторые из которых рассказывались во время [его] жизни его благословенными устами и которые проявились после его смерти и некоторых [явлениях], на которые он не указал, но которые видели в качестве чудес после его смерти.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ О ЗАВЕЩАНИЯХ ШЕЙХА ВО ВРЕМЯ КОНЧИНЫ

Рассказ 245. В конце жизни, когда смерть приблизилась к нашему шейху Абу Са'иду, он сказал: «Нас известили, что эти люди, которые приходят сюда, видят [лишь] тебя. Теперь Мы забираем тебя, чтобы люди, которые приходят сюда, увидели бы Нас. Это дело (т.е. тасаввуф–М. К.) распространится по земле будем мы или нет; это дело останется до Судного дня».

Рассказ 246. Наш шейх Абу Са'ид в конце жизни сказал, что появились ханаки и увеличилось [число] носящих мураку, но они являются завесой для этих людей (1), чтобы народ смотрел, и всех видел, и считал одинаковыми. И само это сообщество скрыто, чтобы у народа не было до них никакого дела.

Рассказ 247. Мой предок шейх ал-ислам ходжа Абу Са'д, [потомок] шейха сказал, что наш шейх в конце жизни на протяжении года каждый день, когда проповедовал, посреди проповеди говорил: «О мусульмане! Наступает [время] недостатка [веры] в Бога». И в конце проповеди, которую назвал прощальной и после которой [уже] не произносил проповедей,

обратился к собравшимся и сказал: «Если завтра вас спросят кто вы, что вы ответите?–Сказали–А что велит шейх?–Шейх сказал–Не говорите, что мы верующие, не говорите–мы суфии, не говорите–мы мусульмане, поскольку с вас потребуют доказательства всего того, что вы скажете, и вы окажетесь беспомощными, а говорите, что мы–младшие. Наши старшие впереди. Отведите нас к старшим, поскольку ответ младшего зависит от старшего. Старайтесь понять своих старших, поскольку если вас предоставят вам [самим], то много срама обнаружится в вас».

Рассказ 248. Однажды ходжа Абу Мансур Варгани, бывший везиром султана Тогрула, пришел к нашему шейху и сказал: «О шейх! Сделай мне наставление (завещание)–наш шейх сказал–{Первые стоянки рабов есть соблюдение предопределения Аллаха, а последние стоянки рабов есть соблюдение права верующих}. Твое дело сегодня–осуществление прав народа. Ты все время имей в виду эту обязанность (весть), так как завтра она будет защищающей тебя ; как сказал Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует: «{Никто из вас не вступит в рай, если только Он не проявит милосердие ко всем, как проявляет милосердие к Своим избранным}}». Этот весь народ–дети твоего государства. На всех смотри [с положения] сыновнего [долга], не обольщайся благами мира и скоплением людей [у твоего порога], поскольку люди–рабы своих нужд. Если ты проявишь внимание (верность) к их нуждам, они примут тебя, хотя у тебя и будет множество недостатков, а если не обеспечишь их нужды, они не проявят к тебе благосклонности, хотя и будешь ты очень умелым».

Рассказ 249. Наш шейх в конце жизни, [произнося] завещание, обратился ко всем и сказал: «Следует заниматься служением дервишам и следует подпоясаться для служения им. Не следует забавляться с детьми, не следует плутовать с молодыми, не следует лицемерить со стариками. Знание двух миров высказано в этих словах: «Воистину, мы принадлежим Аллаху, и, поистине, к Нему мы и вернемся» (2). Наступило время недостатка [веры] в Бога, недостатка [веры] в Бога, не-

достатка [веры] в Бога. Посмотрите на нас, поскольку эта речь нами завершается». И он провел рукой по лицу и закончил.

Рассказ 250. Наш шейх сказал на прощальной проповеди, что в детстве мы были у Мухаммада Анари и учились Корану. Когда мы завершили обучение, он сказал: «Следует пойти к адибу—мы сказали устаду—Прости нас—он сказал—Ты прости нас и запомни от нас эти слова: «Одно мгновение помыслов с Аллахом для тебя лучше, чем все то, что освещается солнцем». И мы вам также завещаем это. Не укрывайтесь от Господа».

Затем он сказал Хасану Муаддабу: «О Хасан! Встань». Хасан встал, шейх сказал: «Знайте, что мы не пригласили вас к себе, мы пригласили вас к вашему небытию. Достаточно Его бытия. Он создал вас для небытия. Если кто-то будет покорен людям и джиннам, то не станет противодействовать [тому], чтобы доставить кому-то успокоение. И Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, в завещание асхабам сказал: «{Изберите нрав Аллаха}». Мы говорим вам то же самое: держитесь пути Бога, узрейте всех в Боге, [через посредство] Бога смотрите на его создание ; {если] кто посмотрит на создание глазами создания, вражда между ними затянется, а [если] кто посмотрит на него глазами Истины, то ею успокоится}».

Рассказ 251. Наш шейх Абу Са'ид на прощальной проповеди обратился к ходже Хамуйе, который был раисом Мейхене и муридом нашего шейха, и сказал: «О ходжа! Тебя потому называют Хамуйе (3), чтобы ты опекал народ. Ты проявляй заботу к народу всевышнего Бога и проявляй заботу к нам, поскольку в пятницу нас принесут сюда, и это будет день нашего базара (4), и в этот день будет скопление народа, и [будут] те, кого видят и те, кого не видят (5). Ты храни свою веру и постарайся сразу доставить нас из этого жилища к могиле, поскольку великий перевал еще впереди».

Ходжа Наджжар сказал: «Эй шейх! Кто такие те, кого не видят?—Шейх сказал—О Ахмад! Знай, что трех из заместников Посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует,

которые главенствовали над джиннами, мы видели: Амра, и Бахра, и Агаба (6). И у Агаба был с нами разговор. После нашей кончины он будет находиться вблизи нашей могилы до времени его смерти. Кроме дня арафы и праздника Адха (7) он не будет отсутствовать. И многие джинны [благодаря] нашим словам обрели покой как в Нишапуре, так и здесь. И их привязанность сохранялась [благодаря] этим высказываниям. И на сама дервишей они стояли, [готовые] служить и, пока дервиши и вы будете совершать сама у нашей могилы, они будут приходить на услужение. Оберегайте их чистотой и в своих домах сожгите руту, чтобы джинны неверных сбежали от запаха руты. И прикажите, чтобы до послеполуденного намаза подмести, прибрали и очистили все оскверненные [места]. Во время нашей кончины, если услышите голос и не увидите никого, знайте, что это [они]. И знайте, что мы уходим и четыре вещи оставляем вам в наследство: подметание, умывание, поиск и беседа. Пока вы будете [соблюдать] эти четыре вещи, вода вашего источника будет струиться, посев вашей религии будет зеленым и свежим, и вы будете [пользоваться] всеобщим вниманием. И старайтесь, чтобы из этих четырех вещей (основ), для вас ничего не было бы утеряно, поскольку [пришел] конец [нашей] жизни. [Почти] ничего не осталось и то, что осталось, также уходит. Это дело нами завершилось, и нам исполнилась тысяча месяцев, и нет [для нас] счета после тысячи [месяцев] «Воистину, мы принадлежим Аллаху и, поистине, к Нему мы и вернемся» (8).

Рассказ 252. И на этой же проповеди наш шейх сказал: «Принесите бумагу, чернильницу и калам». [Затем] он сделал знак Абу-л-Хасану Араджу Абиварди-и он был писцом нашего шейха-и сказал «Пиши: {Во имя Аллаха милостивого, милосердного

Абу Тахиру Саиду бин Фазлаллаху, да очистит его Аллах и осчастливит, и [дарует] превосходство Своей милостью и благодеянием, Своей помощью и победой, и нет могущества, кроме как у Аллаха.

Абу-л-Вафа ал-Музаффару бин Фазлаллаху, да [дарует] ему Аллах победу, и поддержит его, и направит его, и [окажет] благо, и облегчит [ему путь], и нет могущества, кроме как у Аллаха.

Абу-л-Ала Насиру бин Фазлаллаху, да [окажет] помощь ему Аллах и [дарует] победу, и [окажет] поддержку, и благо, и [облегчит] ношу, и [приобщит] к адабу и знанию, и нет могущества, кроме как у Аллаха.

Абу Али ал-Мутаххару бин Фазлаллаху, да возвысит его Аллах и очистит его, и [облегчит] ношу, и [окажет] помощь, и [приобщит] к адабу, и [окажет] благо, и нет могущества, кроме как у Аллаха.

Абу-л-Бака ал-Муфаззалу бин Фазлаллаху (9), да [дарует] ему Аллах вечность и превосходство над многими созданиями, наибольшее превосходство, и нет могущества, кроме как у Аллаха}.

Детям Абу Тахира:

{Абу-л-Фатху Тахиру бин Са'иду, да раскроет ему Аллах [путь] и тому, кто с ним, и всем [остальным], и нет могущества, кроме как у Аллаха.

Абу Са'ду Ас'аду бин Са'иду, да осчастливит его Аллах и поддержит, и [проявит] щедрость, и направит, и нет могущества, кроме как у Аллаха.

Абу-л-Иzza ал-Муваффаку бин Са'иду, да дарует ему Аллах [удачу], и окажет помощь, и поддержку, и благо, и [проявит] доброту, и направит, и нет могущества, кроме как у Аллаха.

Абу-л-Фараджу ал-Фазлу бин Ахмаду Амери, да избавит его Аллах от забот и того, кто с ним, и нет могущества, кроме как у Аллаха.

Абу-л-Футуху Мас'уду бин Абу-л-Фазлу, да осчастливит его Аллах, и [дарует] превосходство, и раскроет ему [путь], и нет могущества, кроме как у Аллаха}».

Затем сказал: «Из этих десяти человек после нас, если [хотя бы] один останется, то останутся приметы и искание (10). Если же все они закроют лица покрывалом (т. е. умрут-

М. К.), то это дело (смысл) будет скрыто от народа». Затем сказал: «{Мы—ради Него и в Нем}».

Рассказ 253. Когда наш шейх произнес эти слова на этой проповеди, то на мгновение опустил голову, затем поднял ее, и слезы полились по дорогому лицу шейха, и все заплакали. Затем наш шейх сказал: «Наше сердце спросило у Господа, сколько осталось [времени] этому делу?—Пришел ответ, что—Аромат этого дела останется среди людей на сотню лет, после этого не останется ни аромата [его], ни следа. Если где—то и проявится [это] дело, то оно укроет лицо покрывалом, и поиски прервутся».

И, рассматривая это дело, мы увидели, что то указание, которое повелел шейх, исполнялось (закончилось) в [течение] этих ста лет. В том же месяце (11) началось проявление невзгод и тревог, и это достигло такой степени, что долгое время никто не мог пойти на поклонение к святому мешхеду в Мейхене. Люди совершали поклонение перед горой, в местечке, называемом Сарколе и [находящемся на расстоянии] одного фарсанга [от мешхеда], и уходили. Об этом как—то было сказано на проповеди его благословенными устами, что настанет время, когда никто не сможет прийти в Мейхене, чтобы совершить паломничество к нам, и скрытно в Сарколе поклонятся нам и уйдут. В течение этих ста лет, о которых говорил шейх, что: «Мы будем хадимом», никогда ни одно время намаза не было пропущено и не был нарушен совместный пятикратный намаз, и расстиланье скатерти (т. е. угощение —М. К.) по утрам и вечерам, и ежедневное утреннее чтение Корана возле его святой могилы, и ежедневное вечернее, до наступления сна и на рассвете, до наступления дня возжигание свечей, и созыв утренних и вечерних чтецов Корана, и пребывание всех суфиев [числом] больше ста, [включая] его потомков и муридов возле его святой могилы ; и никакой усталости и ущерба не было в том [деле], наоборот, каждый день по—новому проявлялись дары и блага, и с окраин мира каждый день почитаемые люди приходили к тому великому святому, и постоянно проводились сама, и у каждого в мире, у кого воз-

никало затруднение по поводу тариката, оно разрешалось тем святым и его потомками.

Того уважения, и благоденствия, и благополучия, которые в течение этих ста лет были у его детей и у жителей Мейхене, их сторонников, ни в одном месте никто не видел (указывал); и случилось так, как было сказано благословенными устами шейха: «Придет время, когда то, что [равно] дерамсангу, превратится в сир, и то, что есть сир, санет маном, и то, что есть ман, станет харваром (12), и то, что есть харвар, станет амбаром; то есть наше главенство будет таким, что от этого дела (хадиса), то есть нищеты, не останется даже запаха. Тогда произойдет то, что произойдет. Это будет продолжаться, пока не закончатся эти сто лет». И уже в том месяце от всего этого не осталось и следа, и от его потомков и муридов, кроме нескольких человек, [пребывавших] возле его святой могилы, [никого] не осталось, и все погибли от рук гузов так, что это невозможно описать. И [еще] некоторые оказались на окраинах мира, на чужбине, и все [затем] на той чужбине переселились под покровительство милосердия пречистого и всевышнего Господа. Сейчас вот уже тридцать четыре года (13), как у его святой гробницы нет ничего от тех церемоний, о которых упоминалось ранее, и все еще не появилось никакого просвета.

Мы надеемся на две вещи: одна – то, что было сказано благословенными устами нашего шейха [о том], что через пятьсот с лишним лет появится от нас (14) [такой], как мы, но не подобный нам, руками которого возродится это дело, и другая [вещь]—это то, что сохранилось предание от моего отца Нур ад–Дина Мунавара, да помилует его Аллах, который сказал: «Я слышал от ходжи Абу–л–Фатха, что наш шейх сказал: «Сто лет хадимом будем мы и сто лет наши потомки, а [вообще] это будет продолжаться тысячу лет». И передают от ходжи Абд ал–Карима, бывшего доверенным хадимом нашего шейха, который сказал, что наш шейх сказал: «Будет продолжаться до конца Судного дня». Наша надежда на обе эти радостные вести и на то, чтобы к концу жизни мы осознали счастье того, что несколько дней мы [сможем] отдохнуть у его святой

гробницы, и наша смерть наступит возле того святого, и наша могила будет по соседству с [могилами] предков. {О Боже! Обеспечь нам пропитание Своей милостью, и щедростью, и милосердием, о Живой, о Сушйй, о Обладатель величия и почета, о Милосерднейший из милосердных!}

Рассказ 254. Наш шейх Абу Са'ид на этой же проповеди повернул лицо к ходже Абд ал-Кариму и сказал: «Этот ребенок (т. е. ты сам-М. К.) хотел пройти этот путь, но о сын! Здесь, [куда] ты добрался, удержи свой шаг, не ищи большего, ибо не найдешь».

Рассказ 255. Наш шейх Абу Са'ид на этой же проповеди обратился к своему старшему сыну ходже Абу Тахиру и сказал: «О Абу Тахир! Встань!» Ходжа Абу Тахир поднялся. Шейх взял его за одежду, потянул к себе и сказал: «Тебя и твоих детей я посвятил дервишам, выслушай мое наставление; стих:

Ты хочешь влюбленности, чтобы сохранить (унести)
[ее] до конца,
Как много [при этом] надо одобрять неподобающее.
Надо видеть уродливое и считать [его] красивым,
Надо пить отраву и считать [ее] сахаром.
Я проявил своенаравие и не знал,
Что от затягивания ту же становится петля.

Затем он сказал: «Ты принял это наставление?—Сказал Абу Тахир—Принял—наш шейх сказал—Те, кто здесь, сообщите тем, кто отсутствует, что ходжа Абу Тахир—кутб (15); смотрите на него, как [смотрите] на великих [людей]. У суфиев было два ходжи: один—ходжа Али Хасан в Кермане (16) и другой—ходжа Али Хаббаз в Мерве, и третий ходжа суфиев—ходжа Абу Тахир, и после него не будет у суфиев ходжи». Это была [лишь] часть завещаний нашего шейха Абу Са'ида.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

О КОНЧИНЕ НАШЕГО ШЕЙХА АБУ СА'ИДА

Наш шейх в пятницу 27 раджаба 440 г.х. (6. 1. 1049) произносил проповедь. Концовку проповеди он завершил таким бейтом:

Как жаль, что следует готовиться в путь,
И это ложе любви следует разделить надвое.

Затем он сказал ходже Алейку, который был из Нишапура и был муридом нашего шейха: «Встань!» Ходжа Алейк встал, наш шейх сказал: «[Прямо] сейчас следует пойти в сторону Нишапура. За три дня ты дойдешь туда и за три дня вернешься, и полдня будешь там, так что в четверг к полуденному намазу вернешься сюда. Передай там наш привет пряльщику Маману и скажи: «Они (т. е. шейх–М. К.) говорят, что тот карбас, который ты отложил для [переселения] в тот мир, выдели для них». Алейк в тот же час отправился. Суфии пребывали в волнении до утра понедельника первого дня ша'бана, [после того], как шейх сделал эти завещания на проповеди. На проповеди же он обратился к ходже Абд ал–Кариму и сказал: «При нашей жизни ты заботился о нашем омовении и в бане оказывал нам служение; во время нашей кончины тебе также следует позаботиться о нас. Не ошибись, омывая нас, и будь товарищем Хасану, и знай, чтобы не было смятения [при этом], и соблюдай [все] условия и обычаи, ибо они (т. е. сам шейх–М. К.) являются их хранителем, и, если будут нарушены обычаи, они разъясят [это]».

Когда завещания закончились, и проповедь шейха подошла к концу, он сошел с минбара и сказал Хасану Муаддабу: «Оседлайте коня». Оседлали коня шейха. Шейх сел [в седло] и стал объезжать Мейхене, и прощаться с каждым уголком,

и деревом, и с каждым местом, где он пребывал в уединении и где совершал молитву, и прощался с каждым местом, которое [когда-то] видел.

И Хасан Муаддаб сказал: «Я шел у стремени шейха и думал, как мне служить и как поступить после смерти шейха, и я (сердце мое) был сильно занят долгами и думал об этом, когда шейх натянул поводья, повернулся ко мне и сказал:

«Разве ты разбираешься (искусен) в нашей душе, как
в ахвасских шахматах (17).

Если нам будет мат, то и для тебя игра закончится».

Я позабыл о себе [от изумления]. Шейх сказал: «Эй Хасан! Не занимай свое сердце долгами, ибо идет Абу Са'д Дустдада (18). Он прибудет в течение трех дней после нашей смерти и освободит тебя от долгов».

Те два предсказания сбылись, как и указывал шейх. Когда наступила смерть нашего шейха, то ходжа Хасан Муаддаб совсем не мог служить. После смерти нашего шейха дервишам служили ходжа Абу Тахир и его дети, как и было на то указание шейха. И [также] после смерти нашего шейха в течение трех дней из Газны прибыл Абу Са'д Дустдада и отдал долги шейха, так что рассказ об этом будет приведен в соответствующем месте.

Затем наш шейх вернулся в свой дом, слез с коня, вошел в дом, и он был немного печален. Все время сыновья и муриды шейха были с ним. У нашего шейха спросили: «Какой аят из Корана прочесть перед вашим телом?»—Шейх сказал—«Это будет [слишком] большим делом, а перед нашим телом следует произнести этот стих:

Какое дело в мире может быть лучше этого?
Друг направился к другу, возлюбленный к любимой.
То было все печалью, а это все—радость,
То все было разговором, а это—действие».

Так что, в тот день, когда выносили из дома тело шейха, чтецы, согласно указанию шейха, читали перед его телом этот стих.

И в тот же день у нашего шейха спросили: «На вашей гробнице написать «Свидетельствует Аллах...» (19) и аят ал-курси или аят «Благословен тот...» (20)—наш шейх сказал: «Это долгое дело, следует написать это кыт'а:

{Я молю тебя и даже завещаю, что когда умру, напиши
На моей надгробной плите, что это был влюбленный.
Возможно, какой-нибудь печальный путник,
знакомый с обычаями [любовной] страсти
Пройдет у моей могилы и поприветствует меня}.

И Кусаййир (21) произнес в отношении Иззы это кыт'а; следует записать и его. Кыт'а:

{О Изза! Клянусь тебе Тем, чьим рабом я являюсь,
И паломников у которого столько, сколько вмещает
[долина] Арафата.
Не желаю, да и нет, кроме тебя, возлюбленной.
Доверься моим словам, благородные заслуживают
доверия.
Если надо мной будет земля (т.е. буду в могиле) и ты
позовешь меня,
Отвечу тебе, если даже кости мои и истлеют.
И хотя помяну тебя, мое уединение не прервется.
Моя печень (т.е. жизнь)—ради тебя и увеличивается
томление [по тебе]}».

После кончины шейха оба эти кыт'а высекли на его надгробной плите в трех строках, каждые два бейта в одной строке.

И за два дня до кончины нашего шейха, когда все муриды и сыновья сидели перед ним, его благословенными устами было сказано [следующее]; наш шейх повернулся к ним и сказал: «{Блага Аллаха, до тех пор пока имеются (приобретают-

ся)–не замечаются, а когда исчезают, то познаются}». И последние слова, которые шейх сказал своим детям и муридам, были: «Будьте внимательны, чтобы не нанести вреда сердцам людей».

Ходжа Абд ал–Карим сказал, что: «В четверг [во время] полуденного намаза шейх открыл глаза и спросил у ходжи Абу Тахира: «Алейк пришел?–Тот сказал–Нет». Шейх закрыл глаза. Я встал и вышел. Прибыл Алейк. Я вошел в дом и сказал ходже Абу Тахиру: «Пришел Алейк и принес карбас». Ходжа Абу Тахир сказал [это] шейху. Шейх открыл глаза и спросил у ходжи Абу Тахира: «Что ты говоришь?–Ходжа Абу Тахир сказал еще раз: «Пришел Алейк и принес карбас–шейх сказал–Хвала Аллаху–Господу миров» и дыхание его прервалось. [Это произошло] четвертого ша’бана 440 г.х. в ночь на пятницу [во время] ночного намаза (ср. выше с. 90). Раздался вопль из сада и дома шейха, так что был слышен он во всем Мейхене, и, как и говорил [об этом] шейх, [люди] поняли, что это джинны, и посреди того шума [и вопля] услышали эти слова: «Жаль, как жаль, что ушел, и унес, и ничего не оставил народу». И так продолжалось до полуночи.

На рассвете мы занялись омовением [тела] шейха; и шейх говорил [до своей кончины]: «Половину этого карбаса используйте как мейзар, а половину набросьте нам на плечи, и заверните нас в наш вата (22), и не делайте [ничего] больше этого». Ходжа Абд ал–Карим сказал, что когда мы оборачивали шейха в саван, то присутствовали Абу Тахир и все сыновья шейха, и я стоял в ногах у шейха. Когда я посмотрел на шейха, шейх открыл глаза и указательным пальцем правой руки показал на свое бедро, так что все, кто там присутствовал, видели [это]. Я посмотрел [и увидел], что один уголок мейзара я не натянул на него и бедро шейха, со стороны, где были срамные части, осталось обнаженным. Я тотчас исправил [это]. И это [происшествие] явилось [подтверждением] тех слов, которые были сказаны шейхом: «Будь внимателен, чтобы соблюсти [все] условия и обычаи и, если будет [допущено] какое–либо

нарушение, то они (т. е. сам шейх—М. К.) являются их хранителем и разьяснят [тебе ошибку]». Я ошибся и он разьяснил.

Когда взошло солнце, [тело] шейха вынесли наружу, прочли молитву над ним, подняли тело и от дверей его дома понесли до мешхеда; до полудня тело оставалось [на руках тех, кто нес его] (в воздухе). Сколько люди ни старались, [но из-за столпотворения не могли] продвинуть его, пока ходжа Наджжар не сказал ходже Хамуйе: «Что повелел тебе шейх? Пришло время [исполнения] того [повеления]». Ходжа Хамуйе, согласно завещанию шейха, поднял палку и стал отгонять людей, и затем с большими усилиями тело принесли в мешед и захоронили.

И из числа чудес, которые мы наблюдали в связи с [его кончиной], было то, что имелся высокий тахт и было также другое курси, подобное подставке, которое устанавливали перед тахтом, чтобы шейх ставил на него ногу и усаживался на тахт. И этот тахт был таким высоким, что без подставки нельзя было взобраться на него с земли. Шейх произносил проповедь с этого тахта в Мейхене; и после кончины его омыли на этом тахте, в его комнате, находившейся в его доме напротив мешхеда. Тот тахт [затем] никогда не передвигали с того места, где омывали нашего шейха. И каждый раз, когда ремонтировали ту комнату, и обмазывали глиной землю [в ней], и обмазывали подножие того тахта, то как только прекращали работу, тотчас вся обмазка уходила в землю и на поверхности появлялась влажная почва. Неоднократно это опробовали. Однажды несколько раз укрепляли то место раствором, но тотчас [все это] ушло в землю, и та же влажная почва показалась [на поверхности]. И никогда то количество земли, на которое пролилась вода [во время] омывания [тела] шейха, не затвердевало.

И другое [из числа чудес]—это то, что когда наступила смерть шейха, то подставка к тахту и курси, на котором шейх совершал омовение, были положены на тахт, в том месте, которое упоминалось. Люди совершали паломничество [сюда] до [невзгод], связанных с гузами, которые разрушили Мейхене,

истребили всех детей, муридов шейха и население Мейхене и сожгли все, что горело (двери и древесину). [Тогда] этот тахт и оба курси исчезли. Никто из тех людей, кто попал к ним в плен, не сообщали [ничего] об этих трех вещах и не говорили, что мы видели этот тахт и [оба] курси сломанными или сожженными; многие [из тех], кто были в этой махалле и в этом доме и прибегали к покровительству этой благословенной гробницы, и постоянно оберегали и следили за тем тахтом и [обоими] курси, не видели никакого следа их поломки и сожжения и [ни на что] не указывали, кроме того, что однажды во время послеполуденного намаза они вошли в дом и увидели в той комнате тахт и курси в целостности и сохранности. На следующий день утром они вошли, и не увидели ничего, и не нашли никаких следов их поломки или сожжения, {и знание обо всех вещах у Аллаха}.

В этих событиях с гузами произошло и несколько более удивительных случаев, [связанных] с этой местностью: одно из них то, что когда султан-шахид (мученик) Санджар бин Малик-шах, да осветит Аллах его могилу, освободился из рук гузов (23) и прибыл в столицу-Мерв, этот возносящий молитву со всеми шейхами, кази и имамами Серахса направился из Серахса в Мерв для поздравлений [по случаю] прибытия султана и [выполнения] необходимых дел, [связанных] с гробницей шейха. Из родных и потомков шейха никого не было с возносящим молитву, поскольку все, кто еще остались [живы], были рассеяны и направились в Ирак. Когда [этот] возносящий молитву прибыл в Мерв, то раис Мейхене, да помилует его Аллах, по делам вилайата уже несколько дней, как находился там, но еще не видел султана. И ранее во всех случаях [по поводу] нужд того вилайата, кроме потомков шейха, [никто] не мог говорить. А если кто-то и говорил, то его не слушали. Раис, и амил, и шихна, и всякий, кто в том вилайате способен был исполнить какое-то дело, не мог его совершить, кроме как по указанию потомков шейха. И если кто-то притеснял кого-нибудь в том вилайате до такой степени, что старший среди потомков шейха писал, что «такой-то не нужен в Хаберане», и

ту записку дервиш относил в ставку [султана], то сразу же докладывали [об этом] султану, и писали указ о смещении [с должности] того человека.

Короче говоря, когда раис узнал о прибытии возносящего молитву, то обрадовался, тотчас пришел и сказал: «Вот уже несколько дней я жду одного из вас; теперь, когда ты прибыл, я увижу султана». На следующий день оба мы встретились наедине с султаном. Когда он увидел возносящего молитву, то поприветствовал его. Мы сели, и возносящий молитву прочел молитву. Султан Санджар, да осветит Аллах его могилу, сказал: «Мейхене—благословенное место и гробница шейха—это место, величественнее и дороже которого не может быть; когда один из грузов протянул руки к той гробнице и захотел ее обыскать (разворошить)—как это было принято среди них, когда в нескольких [завоеванных] местах, среди могил обитателей мира им на что—нибудь указывали, и они обыскивали те могилы и находили богатства, он захотел поступить также и обыскать ее—и когда он протянул руки к той могиле, тотчас превратился в камень, и свои же принесли тот камень в лагерь, и я видел тот камень». Возносящий молитву не слышал этот рассказ ни от кого, кроме как из уст султана Санджара, и {ответственность [за рассказ лежит] на нем}.

Затем султан повелел [выделить] тысячу харваров зерна для посевов в Хаберане и [еще] сто харваров в распоряжение святого мешхеда (24). Раис Мейхене умолял о коровах, но султан сказал: «Хорасан разорен, а у меня казна пуста. Надо восстановить положение выделенным количеством [средств]. Одну часть потратить на коров, а другую—на посев. Но для мешхеда дайте сто динаров наличными такому—то, чтобы часть он потратил на посевы и коров для мешхеда, а часть на [само] здание и угощение». Возносящий молитву взял то золото, вернулся в Мейхене, приготовил [все] для пахоты и послал человека во все концы, чтобы вернуть всех, кто остался в живых из детей и муридов шейха. Собралось пятьдесят человек. Все оживилось: и [организация] угощений, и [совершение] пятикратного намаза, и чтение Корана у могилы, и [воз-

жигание] свечей, и [деятельность] чтецов; и проявилась совершенная польза, и проходили приличествующие церемонии, и возносящий молитву всего себя посвятил служению, и из окрестных мест близкие и чужие потянулись к [могиле] того хазрата, и установилось спокойствие.

Между тем султан Санджар, да помилует его Аллах, скончался, и [на престол] воссел султан Махмуд (25). Произошла битва с гузами в Мерве (26), и еще раз войско султана было разбито, и обратилось в бегство, а гузы захватили [все], и на этот раз дела той местности разом расстроились, и наступило то, что наступило. Да явит свет пречистый и всевышний Господь своей милостью и дарует Своей щедростью всем жителям того вилайата в частности и жителям Хорасана в целом безопасность, справедливость и процветание, и обеспечит пропитание [жителям] Хорасана и всей вселенной Своим благодеянием и милостью.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

О НЕКОТОРЫХ ЧУДЕСАХ ШЕЙХА, КОТОРЫЕ ПРОЯВИЛИСЬ ПОСЛЕ [ЕГО] СМЕРТИ; О НЕКОТОРЫХ РАССКАЗЫВАЛОСЬ ВО ВРЕМЯ [ЕГО] ЖИЗНИ ЕГО БЛАГОСЛОВЕННЫМИ УСТАМИ И ОН [САМ] СООБЩИЛ О НИХ, И ОНИ ПРОЯВИЛИСЬ ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ, А О НЕКОТОРЫХ ОН НЕ СООБЩИЛ, НО ОНИ ПРОЯВИЛИСЬ ПО [ИСТЕЧЕНИИ] ВРЕМЕНИ

Рассказ 256. В начальный [период] жизни нашего шейха Абу Са'ида в доме у шейха занималась стряпней некая старуха. Ее прозвали Дада матбахи («кухонная служанка»), и у нее был сын по имени Абу Са'д. Каждый раз, когда мать поручала ему работу, то говорила: «Эй Дуст –и Дада! (27) Сделай такую–то работу». Однажды во время полуденного сна шейх прилег в своей комнате, и все суфии улеглись в мечети, и стояла страшная жара. Дада протянула кувшин Абу Са'ду и сказала: «Эй Дуст–и Дада! Принеси кувшин воды, чтобы я приготовила что–нибудь для шейха и суфиев». Абу Са'д взял кувшин и принес воды. Ноги у него были босые, а земля нагрелась. Его ноги обжигало, и из глаз лились слезы, но, взяв кувшин на спину, он принес воды. Когда он вошел в дверь дома шейха, шейх подал голос из комнаты: «Мы отдали Багдад Абу Са'ду Дуст–и Дада (28) и его сыновьям за этот кувшин воды». После этого люди называли его Абу Са'д Дустада, [благодаря] благословенным словам шейха.

После этого [случая] Абу Са'д вырос, [находясь] на услужении у шейха и достиг того положения, что стал [одним] из десяти [ближайших] асхабов шейха. Из [числа] муридов нашего шейха было десять человек, которых шейх называл асхаб–и ашаре («десять асхабов») и говорил: «У Посланника, да благословит его Аллах и приветствует, было десять друзей, которых он называл «асхаб–и ашаре». Нам также вслед за

Мустафой, да благословит его Аллах и приветствует, всемогущий и преславный Господь дал десять муридov и превратил их в наших «асхаб–и ашаре». И наш шейх говорил каждому, что после нашей кончины отправляйтесь в такое–то место; и они (т. е. эти люди–М. К.) и их сыновья прославились [затем] в том вилайате, и стали предводителями этого таифа в том вилайате. И с их помощью дела этого таифа наладились, и [все] обрели покой.

Затем как–то шейх в конце своей жизни позвал Абу Са’да Дустдада и сказал: «Мы не можем уйти из этого мира, ибо у Хасана Муаддаба накопились долги на три тысячи динаров, [которые он сделал] ради суфиев. Тебе следует пойти в город Газну к султану Газны (29), передать ему наш привет и сказать, что у нас долгов на три тысячи динаров; следует избавить наше сердце от них, ибо по этой причине мы не можем покинуть этот мир». Абу Са’д сказал: «Когда шейх произнес эти слова, тотчас у меня пронеслась мысль, что как я могу сказать эти слова султану, и откуда меня знает султан, и кто донесет эти слова до его слуха?» Когда эта мысль пронеслась у меня, шейх сказал: «Эй Абу Са’д! Будь спокоен, ибо мы эти несколько слов [уже] сказали ему, и он принял их».

Абу Са’д сказал: «Я тотчас [пошел], надел паафзар и пришел к шейху. Шейх сказал: «Эй Абу Са’д! Попрощайся с нами, ибо когда ты вернешься, то нас [уже] не увидишь, и, смотри, когда доберешься до Мейхене, не оставайся [здесь] больше трех дней и иди в Багдад, ибо мы передали тебе и твоим сыновьям Багдад в икта (30). Смотри, нигде не оставайся, кроме как в Багдаде, ибо там с твоей помощью для этого таифа настанет много покоя и разрешение [трудностей]».

Абу Са’д сказал: «Я много проплакал, упал в ноги к шейху, попрощался с ним и пошел в Газну. Когда я дошел до ворот Газны, испуганный и растерянный [от того], как я увижу султана и как смогу передать ему эти слова, то подумал про себя, что мне нужно поискать какую–нибудь мечеть возле дворца султана и остановиться в той мечети. И когда кто–то из приближенных султана придет [сюда] на намаз, я поделюсь с

ним этим поручением (словами), чтобы он довел его до слуха султана. С этой мыслью я вошел в город, шел, не помня себя, и не знал, куда иду. Пройдя добрую часть [пути], я дошел до обширной махалли и направился туда. Когда я прошел немного, то впереди на улице появились ворота большого, царственного дворца, напоминающего владения правителей и султанов. Вдоль ворот протянулись скамьи, и стояла густая толпа людей, положивших руки на пояса. Когда издалека появился я, то люди расступились, и я увидел приветливого слугу, сидевшего на [одной из] скамей. Завидев меня, он поднялся, подошел ко мне, обнял меня и сказал: «Эй шейх! Посиди здесь, пока я не выйду». Я сел. Он пошел в тот дворец, но сразу же вернулся и спросил: «Ты шейх Абу Са'д Дустдада мурид шейха Абу Са'ида Абу-л-Хейра из Мейхене?—Я сказал—Да, я—сказал [он]—Вставай и входи». Я встал, плача [от волнения], вошел во дворец султана и удивлялся, откуда они знают меня, и от кого слышали мое имя, и какое дело у султана ко мне. Тот слуга провел меня во дворец султана и отвел в какую-то комнату. Когда я вошел, то увидел в этой пустой комнате султана, сидевшего на ложе из подушек. Я поздоровался, султан ответил и сказал: «Ты Абу Са'д Дустдада?—Я сказал—Да—султан сказал—Вот уже сорок дней, как я увидел во сне шейха Абу Са'ида, и [поэтому] усадил этого слугу возле ворот дворца, ожидая твоего прибытия. Шейх поведал мне историю о долгах, и я согласился оплатить их. Теперь твой властелин вознаградит тебя, чтобы шейх [смог] покинуть [этот] мир». Когда я услышал эти слова, то изумился, издал вопль, много проплакал, и султан также много плакал. Затем султан повелел тому слуге, что отведи его, чтобы он снял паафзар. Прямо во дворце султана меня отвели в какую-то убранную комнату, подобающую правителям. Пришли слуги, сняли с моих ног паафзар и оказали мне [всяческие] почести, как это приличествует во дворцах правителей. В тот же день отвели меня в хамам и прислали к дверям хамама хорошие суфийские одеяния, а потом три дня держали меня в качестве гостя да так, что лучше этого не может и быть. На четвертый день утром пришел тот

же слуга и сказал: «Султан зовет тебя». Я встал и направился к султану. Отсчитали (взвесили) три тысячи золотых динаров и, положив [в мешочек], отдали мне. Султан сказал: «Это для [уплаты] долгов шейха». И дал мне еще тысячу динаров и сказал: «Это на урс для (31) шейха, чтобы ради нас на могиле шейха совершили урс». И дал мне еще тысячу динаров и сказал: «Это для тебя, чтобы ты привел в порядок свои паафзар, так как проделал большой путь». Затем сказал тому слуге: «Доставь его к хорасанскому каравану, который завтра отправляется в Хорасан, найми для него какое-нибудь вьючное животное до Хорасана и приготовь все необходимое для дороги. Поручи его старшим в том караване, и скажи, что он-наш залог у вас, доставьте его в целости и сохранности в Хорасан и прислуживайте ему в пути».

Я выказал [свое] уважение султану. Султан оказал мне честь, обнял меня, а слуга пошел со мной, поручил меня [кому следует] в хорасанском караване, приготовил все необходимое для дороги, нанял лошадь до Хорасана, попрощался со мной и вернулся. Я ехал, пока не достиг Хорасана, не испытыв в пути никаких хлопот. [Затем] направился в Мейхене, скорбя и плача из-за кончины шейха. Когда я достиг окраины Мейхене, все сыновья шейха, муриды и суфии встретили меня, согласно указанию шейха, который сказал Хасану Муаддабу, что после нашей кончины, в [течение] трех дней прибудет из Газны Абу Са'д Дустдада и избавит тебя от долгов».

В тот день, когда я прибыл в Мейхене, было утро четвертого дня после кончины шейха. Когда они увидели меня, то вскричали, и опять возобновился траур по шейху, и [людей] охватило возбуждение. Я вместе с ними пришел к могиле шейха, совершил поклонение, рассказал всем свою историю и, положив перед ходжой Абу Тахиром три тысячи динаров для [уплаты] долгов шейха, сказал: «Это для [уплаты] долгов шейха». И вручил [ему еще] тысячу динаров, которую султан дал для урса шейха, и положил [также] перед ходжой Абу Тахиром ту тысячу динаров, которую он дал для меня, и сказал: «Совершите на это ради меня урс для шейха», и ничего себе не взял.

В тот же день уплатили долги шейха и сделали приготовления для урса; на следующий день на золото султана совершили хороший урс, а на третий день засвидетельствовали урс ради меня и разорвали хирку шейха и хирки всех, кто дал согласие [на это]. На четвертый день, согласно указанию шейха, я собрался в Багдад, попрощался с муридами шейха и направился в сторону Багдада. В то время, когда я прибыл в Багдад, одна сторона реки (32) была благоустроенной, и я остановился [именно на этой стороне], в мечети. [В течение] нескольких дней я отдыхал, а затем завел разговор с одним другом о том, что мне надо здесь построить обитель для суфиев и служить им. Тот человек сказал: «Все мечети уже построены; иди в любую мечеть, которую пожелаешь, и служи [в ней], а если хочешь построить ханаку на этой стороне реки, то тебе это не удастся, поскольку здесь [живут] люди, не признающие [вас], а у тебя [к тому же] нет денег, сил и возможностей. [Мой] совет тебе заключается в том, чтобы ты написал халифу (33) и попросил у него под строительство обители место на той стороне реки».

Я написал записку амир ал-муминину о том, что я намереваюсь построить здесь для суфиев ханаку, и, что я—из Хорасана и из [числа] муридов шейха Абу Са'ида Абу-л-Хейра. Я прибыл из Мейхене, чтобы служить этому братству. Да будет [велено] отвести мне на той стороне реки такое место, чтобы я построил [там] обитель для этого таифа». Халиф собственноручно изволил подписать [повеление]: «Пусть возьмет на той стороне реки такое место, какое ему нужно, поскольку ему это безоговорочно [разрешено]». Я отправился и выбрал [часть] берега, отобрал [здесь] хороший участок, затем соломой отметил место примерно в две тысячи гязов и принялся [за дело]. Взяв корзину, я день и ночь кружил по руинам в Багдаде, и собирал куски обожженного кирпича, и, положив их в корзину на спине, приносил в то место, и высыпал посреди соломы, которой я пометил [участок].

[Я работал] до тех пор пока не пришло сообщение о том, что прибывает хорасанский караван. Я встал и отправился к

Нахравану (34) встречать хорасанский караван. Когда те, [кто были в караване], увидели меня, то оказали мне внимание и проявили [свое] расположение, поскольку большей частью [это] были те, кто видели меня на услужении у шейха и знали о моей близости к хазрату; они были муридами шейха, а некоторые также моими муридами. Я обратился к ним с просьбой [и сказал], что думаю построить здесь обитель для суфиев и что сейчас вы должны спешиться и остановиться здесь у меня, поскольку первыми странниками будете вы. В караване находилась группа суфиев, некоторое [число] купцов и множество [других] людей; все [они] приняли [мою просьбу] и пришли к согласию; они спешились на этом месте и разбили шатры. Я же встал, взял корзину и отправился побираться. Каждый день утром и вечером я расстилал скатерть, и пять раз произносил призыв к молитве, и вел молитву. А по утрам сообща (в кругу) мы читали Коран, и за то время, что они провели здесь, было [обретено] много пользы. Когда [же] они уезжали, увидев мою жизнь и одоблив мою деятельность (служение), то каждый проявил ко мне доброе отношение, и я обрел нечто хорошее.

Когда караван отбыл, я занялся зданием: возвел четыре стены ханаки, поставил дверь, завершил строительство большого, хорошего навеса, и хорошего общего зала, кухни, места для омовений, построил большое помещение для мечети, всюду повесил двери и заложил [также] основу других зданий и келий, так что возникло множество предположений о том, что это будет за место. [Между тем] прибыл сабег ал-хаджж (35) и сообщил, что вернулся (прибыл) [тот же] караван. Я встретил его у Евфрата и у тех же людей попросил, что, когда вы отправлялись в то благословенное путешествие, то по моей просьбе и для божьего одобрения спешились на месте моей будущей ханаки и до времени отъезда много приложили усилий, [помогая мне]; теперь нужно прийти и посмотреть на результат своих стараний. Они приняли [мою просьбу], также по взаимному согласию спешились и, когда увидели такое хорошее здание, удивились тому, как я за короткий срок построил его. Их доверие [ко мне возросло] в сто раз, а я по-

прежнему занимался нищенством и расстилал скатерть, и пять раз произносил призыв к молитве, и сам вел молитву, и с каждым днем увеличивал свое служение [им], так что во время отъезда каждый дал мне нечто хорошее [в смысле денег] и получилась [приличная] сумма.

Когда караван ушел, я [вновь] взялся за работу и [вновь] занялся зданием, и завершил [постройку] очень хорошей ханаки со всеми необходимыми помещениями, [включая] кельи, хамам, зал собраний, и разостлал красивые ковры, и приготовил кухонную утварь и принадлежности, и все [остальное,] что было нужно, и организовал возле ханаки базар с дуканами, и [возвел] караван-сарай, и другие [помещения], и хорошо прислуживал, и с окраин вселенной суфии направились в эту обитель, и по миру распространилась молва [о том], что Абу Са'д в Багдаде построил такую-то обитель для суфиев и служит в ней так, как никто в этом мире не служил. Большая часть населения Багдада стали моими муридами. И все время до слуха халифа доводили эти речи, так что однажды ночью, [когда] мы совершили ночной намаз, кто-то постучал в дверь ханаки. Я подошел и открыл дверь. Это был амир ал-муминин с несколькими своими приближенными такими, как устад ад-дар (управляющий дворцом), хаджиб ал-баб (камердинер), сахиб ал-махзан (казначей) и им подобными, пришедший навестить меня и осмотреть ханаку. Я проявил [свое] почтение, халиф вошел в ханаку, обошел ее и осмотрел помещения. Ему очень понравилось. Когда он вошел в залу собраний дервишей, то увидел избранную группу людей, превышающую пятьдесят человек, из шейхов и суфиев, сидевших на садждаде. Он поздоровался с ними и сел.

Я тотчас оказал ему столько гостеприимства, [сколько] требовалось по времени, затем сел и поведал ему несколько рассказов о чудотворстве шейха Абу Са'ида Абу-л-Хейра. Халифу было приятно [это слышать], он много плакал [из-за нахлынувших чувств] и стал муридом этого таифа. Там же он лично повелел управляющему дворцом, что в любое время,

когда к нашему дворцу пожалует Абу Са'д, и мы будем находиться в нем, не надо его заставлять просить о встрече и держать у ворот дворца. Тотчас, не извещая нас, его следует провести внутрь. Затем он повелел мне: «Эй Абу Са'д! Мы возложили на тебя [обязанность обеспечения] потребностей мусульман. Все, что является благом по твоему усмотрению, ты должен изложить нам, чтобы мы, в соответствии с твоим указанием, довели до конца то важное [дело]».

Когда халиф уехал, то на следующий день для приветствия я отправился в [его] дворец. Тотчас же, без промедления и разрешения, меня отвели внутрь дворца. Я очутился перед халифом, вознес молитву [за него] и попросил прощения за мою вчерашнюю вину. Амир ал-муминин оказал мне много почестей, повторил сказанное, возложил на меня заботу о [доведении до него нужд] народа. Когда я вышел от халифа, все удивились. Люди разом устремились ко мне, сообщая мне о [своих] нуждах, а я излагал их халифу, и он повелевал их устранять. Большая часть народа устремилась ко мне; они строили дома возле моей ханаки, так что то место в городе стало густонаселенным. С каждым днем росло уважение халифа ко мне, и увеличивалось его доверие. И [вот случилось] так, что халиф сказал: «Мы также с согласия шейха Абу Са'да Дустдада перенесем дворец на ту сторону реки». Халиф перенес дворец на тот берег реки, и все люди разом перенесли свои дома на тот берег, и город сразу же переселился сюда. А другой берег реки пришел в запустение. Я стал шейх аш-шуйухом Багдада и уважение ко мне в Багдаде было не меньше, чем уважение к халифу, благодаря баракке благословенного взгляда шейха».

И сейчас его сыновья являются шейх аш-шуйухами Багдада, и разрешение всех дел в Багдаде находится в их руках, [в том числе] и назначение халифа; так что каждого халифа, который хочет воссесть на престол, тот из сыновей, который старше других, берет за руку, сажает на трон и первым же и признает [его]. Затем [присягают] близкие люди халифа, затем

приближенные и эмиры, затем простые люди. [И это продолжается] до тех пор, пока весь народ не присягнет ему. В Багдаде решение всех дел совершается через детей шейха Абу Са'да Дустдада.

Рассказ 257. Я слышал от Ашрафа Абу-л-Имана, который сказал, что слышал от пира Мухаммада Абу Исхака (36), который сказал, что слышал от своего отца, что у нашего шейха Абу Са'ида был гнедой конь, который не позволял никому [другому] взобраться [на себя] из-за [своего] норова. Когда шейх хотел сесть на него, [конь] прижимался боком к скамье, чтобы шейх положил ногу [на нее], и взобрался на него. Когда шейх умер, конь стал необузданным, слезы катились из его глаз, он не щипал травы и не пил воды; семь дней и ночей тот конь находился в таком [состоянии], а на восьмой день сказали, что конь похудел, не пьет воды и не щиплет травы. Он идет к своей погребели, что делать? Сообщили об этом ходже Абу Тахиру. Абу Тахир сказал: «Надо его зарезать, чтобы дервиши смогли поесть что-нибудь из его [мяса]. И дадим также [мясо] людям». Того коня зарезали и с благословения разобрали [мясо] по кусочкам.

Рассказ 258. От пира, зайн ат-гаифа Омара Шавкани я слышал, что он сказал: «Однажды ходжа Абу-л-Футух, который был внуком нашего шейха от [его] дочери, сидел в ханаке в Шавкане с моим отцом; ходжа Абу-л-Футух рассказывал о кончине нашего шейха, [о том], что шейх за три дня до своей смерти сидел у себя дома, и все его дети и внуки расположились перед ним. Шейх был здоров. Он повернулся к ним и сказал: «Мы в четверг умрем. А в пятницу будет великое столпотворение, так что вы не сможете приблизиться к нашему телу». Затем он повелел, чтобы принесли шатер, взяли его за четыре угла, натянули в воздухе и сказал им: «Теперь войдите под этот шатер и представьте, что это наш труп». Все дети и внуки шейха поступили так, как повелел шейх. После этого в течение трех дней [все] произошло так, как указывал шейх. Когда вынесли тело шейха, то было такое скопление народа,

что сколько они, сыновья и внуки, ни старались подойти к телу шейха, не смогли». Он рассказывал об этом и плакал.

Рассказ 259. Шейх Абу-л-Касим Рубахи был муридом нашего шейха и был вожаком и мукаддамом десяти известных суфиев таких, как Абу Наср Хорзи, Ахмад Аданибаф (37) и подобных им. Он сказал: «Когда весть о смерти шейха достигла Нишапура, то уstad имам Абу-л-Касим Кушейри находился в Нишапуре и сказал: «Ушел тот, кто не был ничьим преемником, и никто не является его преемником». Затем он встал, направился в ханаку в квартале Аданикубан, сел [здесь] в трауре и руководил траурными [церемониями]. В тот день [во время] траура он сказал: «Поскольку мы видели шейха Абу Са'ида, то были и суфиями, и видели суфия; если бы мы не видели его, то прочли бы о суфийстве только в книгах».

Когда мы закончили оплакивание, и уstad имам совершил урс по шейху, то он послал Али Мухтасиба, который был его вакилом, к нам, этим десяти лицам, и велел передать: «Если [вашей] целью был шейх, то он умер; вы десять человек [до этого] были со мной, когда же появился шейх, то вы ушли к нему; сейчас, когда шейх умер, вы должны [вновь] вернуться ко мне—люди сказали—Дай нам срок, чтобы мы подумали». На следующий день утром он вновь пришел и спросил: «[Ну что], подумали?—люди замолчали, а мое терпение лопнуло, и я сказал им—Почему вы не отвечаете [ему]?—сказали они—А что нам сказать?—Я сказал—Позвольте мне ответить?—Сказали они—Ответь—я сказал—Передай от нас привет уstadу имаму и скажи, что у шейха Абу Са'ида было так заведено, что во время угощения миску еды, галйе и сладости из кухни передавали мне в качестве залла. Однажды было [организовано] угощение. Я положил [порцию] пицци в один рукав, взял в одну руку ракве (38) с едой и [еще] миску еды, а сладости, которые мне дал шейх, положил в другой рукав.

Стоял полуденный зной. Шейх прилег дома, и все спали. Я в таком виде выходил из ханаки. Когда я дошел до двери, то [завязки] на моих шароварах [развязались], они упали [с меня], и [в этот момент] я услышал голос шейха из кельи: «Помогите

Абу–л–Касиму». Тот же час я увидел какого–то суфия, который бежал ко мне и говорил: «Что случилось с тобой, что шейх повелел: помогите Абу–л–Касиму?» Я сказал, что шаровары мои [развязались] и упали. Тот дервиш протянул руку к моим ногам, [поднял] и завязал шаровары. Вот какого мы имели доброго пира. Если и ты так сможешь оберегать нас, мы придем к тебе, а если нет, то оставь нас в покое».

Али Мухтасиб вернулся, а на следующий день к нам пришел уstad имам, попросил у нас прощения и попросил [также], что пока я жив, не рассказывайте никому об этом. Мы согласились. Уstad имам ушел и собрался совершить паломничество к [могиле] шейха в Мейхене; и сорок человек из почитаемых [среди] суфиев [людей] примкнули к уstadу имаму, и пошли с ним. Когда они добрались до рибата Сарколе, то спешились. И это рибат, от которого до Мейхене два фарсанга. С ним были чтецы и уstad сказал им: «Прочтите этот стих шейха:

О душа! На земле Хаберана нет колючки,
У которой не было бы дела до мне и до моей судьбы.
При благосклонности и ласке твоей красоты
Мне не стыдно пожертвовать и сотней тысяч душ».

Чтецы произносили этот стих. Устада имама охватил восторг, и он сбросил хирку. Сыновей шейха известили о том, что прибывает уstad имам со всем нишапурским [братством суфиев], и примерно на [расстояние] одного фарсанга они выехали для встречи. Уstad имам вместе со всеми прошел пешком один фарсанг из рибата. На дороге они встретились. Чтецы [все] так же произносили [этот] стих, и все разом сняли свои хирки, и пришли к гробнице шейха, и дервиши опустились на землю, и многих охватил хал. После этого разорвали хирки; и один день уstad имам отдыхал.

Затем сыновья попросили устада имама, чтобы он произнес проповедь возле мешхеда шейха. Он не согласился, они много упрашивали, но [это], конечно, оказалось невозможным.

Он сказал: «Я не произнесу проповедь у мешхеда, но по вашей просьбе произнесу ее в пятничной мечети». Затем три дня поочередно от произносил проповедь в пятничной мечети и однажды посреди проповеди сказал: «{Мы возражали шейху Абу Са'иду в [некоторых] вещах и притесняли его, ибо тот, кто противопоставляет обладателя хала знанию, [совершает] притеснение}». Затем несколько дней он пробыл в Мейхене и вернулся».

Рассказ 260. В начальный [период] жизни нашего шейха некая праведница из [числа] знати Мейхене увидела во сне, что в то место, где сейчас находится мешхед нашего шейха, пришел Адам, да будет мир с ним, со всеми пророками, да будет мир с ними; так что она узнала [в них] Ибрахима, Йакуба, Мусу и Ису, да будет мир с ними. Когда-то это место было чьим-то жилищем; через некоторое время после этого [его] превратили в дом, затем его купил шейх и [сначала] там привязывали лошадь шейха. Затем наш шейх возвел тот (т. е. свой-М. К.) дом и построил мешхед, и поселился здесь, и суфии [также] поселились здесь. Когда наш шейх соорудил это строение и назвал его мешхедом, то с ним был ходжа имам Нур ад-Дин Машраги (39). Когда подступила смерть шейха, он повелел, чтобы его похоронили в том строении, т. е. в том месте, где сейчас находится его святая гробница. И та праведница сказала: «Это было [то самое] место, где я увидела пророков, и после сорока лет проявилось толкование моего сна, и [то место] стало усыпальницей этого великого человека».

Рассказ 261. Я слышал от Ашрафа Абу-л-Имана, который сказал, что слышал от шейха Хасана Джанару (40), который сказал, что слышал от ходжи Абу-л-Фатха, который сказал: «Мой отец ходжа шейх Абу Тахир в детстве ходил в школу. Однажды учитель ударил его так, что на теле остался след от удара. Плача, ходжа вернулся из школы и показал тот след шейху. Шейх отправил послание учителю, что: «Мы не хотим сделать из него чтеца [Корана] или имама. [Его] следует [обучить] так, как это необходимо для [совершения] намаза. И помни, что он из [числа] любимых Богом. Благословенный и

всевышний Господь взлелеял его [Своей] милостью. Не следует тебе проявлять к нему какую-либо грубость». А ходжа Абу Тахир считал школу врагом [для себя], больше, чем [считали] другие дети, с большой неохотой ходил в нее и все время искал повода, чтобы каким-нибудь способом избавиться от школы.

Однажды благословенными устами шейха было сказано, что: «Любое желание каждого, кто сообщит нам весть о прибытии дервишей, будет нами исполнено». На протяжении нескольких дней к шейху не приходил ни один странник, а он мечтал [увидеть] странника. [Между тем] ходжа Абу Тахир, когда услышал эти слова, тотчас поднялся на крышу, стал смотреть по сторонам и выжидать. Как раз в это время со стороны Туса показалась группа дервишей. Ходжа Абу Тахир довольный сошел с крыши и сказал шейху: «Эй шейх! Приближается группа дервишей-шейх сказал-Что же ты теперь хочешь?-Сказал [Абу Тахир]-Чтобы сегодня я не ходил в школу-шейх сказал-Не ходи-сказал [Абу Тахир]-Чтобы я не ходил этот месяц-[шейх] сказал-Не ходи-сказал [Абу Тахир]-Чтобы я никогда больше не ходил в школу-[шейх] сказал-Не ходи, но выучи наизусть и запомни «Инна фатахна» (41) и больше не иди в школу». Ходжа Абу Тахир обрадовался, а шейх протянул руку, сорвал ветку с того тутового дерева, которое стояло возле мешхеда, обвязал вокруг ходжи Абу Тахира, дал ему метлу и [сказал]: «Подмети это строение и мечеть». Ходжа Абу Тахир всюду подметал. Прибыли дервиши и исполнили [необходимые по случаю] прибытия обычаи. Они подошли к шейху, и шейх сказал им: «Как вам Абу Тахир?-Сказали они-Очень славный-шейх сказал-Сейчас мы посвятили его и его сыновей служению вам».

Итак, ходжа Абу Тахир заучил «Инна фатахна», но не знал Корана и так проводил жизнь. Когда шейх скончался и прошло несколько лет, то Низам ал-Мулк стал везиром султана Малик-шаха (42), а столица находилась в Исфахане. Низам ал-Мулк, как излагалось ранее, был муридом шейха, его сыновей и ради нашего шейха всех суфиев (43). И [как-то] ходжа

Абу Тахир из-за суфиев влез в долги, и возникла необходимость пойти в Исфахан к Низам ал-Мулку, поскольку это был такой долг, что, кроме него, никто не [смог бы] выплатить его. Ходжа Абу Тахир со всеми сыновьями и муридами шейха отправился к Низам ал-Мулку, а тот повелел организовать для него [прием] выше всяких описаний.

Как раз в это время от султана Газны (44) прибыл один алид. Он был ученым человеком, имеющим свое мнение, к тому же фанатичным и не признающим суфиев. Находясь здесь, он стал упрекать Низам ал-Мулка в том, что: «Ты даешь свое добро тем, кто не может совершить омовение, согласно правилу и не знает, как совершить два раката намаза, и не ведает, сколько существует обязательных молитв и сколько дополнительных, и лишен знания шариата. [Они] невежды, оболыщенные шайтаном». А Низам ал-Мулк говорил, что: «Не говори так, ибо они сведущие люди, и среди них нет никого, кто не владел бы знанием шариата в той мере, сколько это необходимо для мусульманства; их предводители-ученые мужи шариата и тариката, и, если цель знания заключается в действии, то [именно] они люди знания и действия, и [стоят] они выше тех улемов, которые не поступают согласно тому, что знают и говорят. И если знание не [заканчивается] действием, то, кроме споров и неприятностей, из него ничего не получится».

Одним словом, тот разговор между ними затянулся, и тот посланник Газны слышал, что ходжа Абу Тахир не знает Корана, а Низам ал-Мулк не знал [об этом]. Посланник Газны сказал: «Вы согласны с тем, что шейх Абу Са'ид является главой суфиев всего мира?»—Сказал [Низам ал-Мулк]—Да—сказал [посланник]—Вы согласны, что после него его сын является лучшим среди суфиев времени и что шейх сказал, что ходжа Абу Тахир—кутб?—Низам ал-Мулк сказал—Да—[тогда] посланник Газны сказал—Ходжа Абу Тахир не знает Корана—Низам ал-Мулк сказал—Знает—сказал [посланник]—Не знает—сказал—Низам ал-Мулк—Знает [и добавил]—Я позову его, а ты выбери суру из Корана, чтобы я сказал ему прочти, и он прочтет».

Позвали ходжу Абу Тахира. А он не знал, зачем его вызывают и пришел к Низам ал–Мулку вместе со всеми суфиями и сыновьями шейха. Когда они сели, Низам ал–Мулк спросил у посланника Газны: «Какую суру ему прочесть?–Тот сказал–Скажи, чтобы он прочел «Инна фатахна». Ходжа Абу Тахир начал «Инна фатахна», [всю] прочел ее, вскричал, и его и всех присутствующих охватил восторг, и они плакали. Когда он закончил «Инна фатахна», Низам ал–Мулк очень обрадовался, а посланник Газны сильно огорчился, что перед таким везиром и всеми показал [себя] лжецом. От огорчения он встал и вышел.

Затем Низам ал–Мулк справился у ходжи Абу Тахира о делах, [а также о том, что произошло]. Ходжа Абу Тахир сказал: «Знай, о великий везир, что я не знаю Корана» и рассказал всю историю от начала и до конца. Низам ал–Мулк сказал: «Оцени (взгляни) уровень того, кто предвидел [события] на семьдесят лет вперед и знал, что после его смерти начнутся нападки на одного из его сыновей». И после того, что произошло, он стал в тысячу раз более [преданным] муридом и много плакал. А ходже Абу Тахиру было меньше десяти лет, когда шейх повелел ему заучить наизусть «Инна фатахна»; и ему исполнилось сорок лет, когда наступила смерть шейха, и после смерти шейха он прожил [еще] сорок лет. Он умер в 480 г.х. (8. 1У.1087–27.111.1088).

Рассказ 262. В то время, когда наш шейх был занят [духовными] рвениями и воздержаниями и на один или два месяца исчезал из дома, и никто [не мог] его найти, ходжа Абу Тахир был ребенком, и сильно любил шейха, и каждый раз, когда шейх исчезал, он очень расстраивался и ходил по тем местам, где шейх молился, и разыскивал [его]. Однажды шейх исчез на несколько дней и не приходил домой. Ходжа Абу Тахир сильно переживал и очень хотел [видеть] шейха. Было лето, и стояла страшная жара. Однажды утром ходжа Абу Тахир поднялся и стал обходить окрестности (пустыня) Мейхене и места, где [обычно] молился шейх. И он побывал всюду, где находился какой–нибудь рибат, мечеть или кладбище, и где, как он

знал, мог уединиться шейх. Но нигде он не находил шейха. Днем стало очень жарко, и он сильно подустал. Во время полуденного намаза он подошел к двери старого рибата. Это был рибат, расположенный на дороге в Абивард, и бывший одним из мест, где молился шейх. Шейх много [времени провел] в том рибате в уединении и воздержаниях, и о некоторых [из них] излагалось в начале этого [сочинения].

Когда ходжа Абу Тахир подошел к двери этого рибата, она была заперта. Он постучал в дверь, и случайно шейх оказался там. Он подошел, открыл дверь и увидел ходжу Абу Тахира в том состоянии (т. е. уставшего—М. К.). Жара повлияла на него, и тысяча капель [пота] стекала по его лицу и волосам. От жары и усталости сознание покидало его. Когда он увидел шейха, то упал. Слезы потекли из глаз шейха, и он сказал: «О Абу Тахир! Что случилось и зачем ты пришел?—Сказал [Абу Тахир]—Эй шейх! Мне нужны вы—сказал [шейх]—Если тебе нужны мы, то в этом мире будешь с нами, и в могиле будешь с нами, и в Судный день будешь с нами, и в раю будешь с нами». Затем он протянул руки, обнял ходжу Абу Тахира и отшел в рибат. После этого ходжа Абу Тахир всегда был с шейхом до времени его кончины.

Когда наступила смерть Абу Тахира, то [другие] дети шейха не знали об этом разговоре, [а если и знали], то позабыли и хотели похоронить его на кладбище. Когда его омыли и хотели вынести [тело] наружу, то начался сильный дождь, и они задержались, чтобы дождь прекратился. [Но] с каждым часом он только усиливался. Три дня и три ночи [тело] ходжи Абу Тахира держали дома, [ожидая], что дождь прекратится или ослабнет, а дождь с каждым часом [все] крепчал. И когда [уже] они оказались бессильны [что-либо сделать], один из доверенных муридов шейха сказал: «Шейх [ведь] сделал указание, что в могиле ты будешь вместе с нами. Его надо похоронить рядом с шейхом, ибо это чудо есть не что иное, как [доказательство] слов шейха». Когда он сказал это, все припомнили те слова шейха и подтвердили их.

И был некто по имени Гатибе в квартале суфиев, по соседству с мешхедом шейха. Он занимался строительными работами (обмазыванием глиной), и могилу для шейха [в свое время] вырыл он. Позвали его и повелели вырыть могилу для ходжи Абу Тахира [сразу] за могилой шейха. Гатибе принялся за работу. Когда он закончил [рыть] могилу, то [стал] выправлять то место в могильной яме, где [должна была покоиться] голова. Он ударил заступом, и в основании могильной ямы отвалился ком земли, и открылось отверстие в могилу шейха. Гатибе вскричал, вновь положил тот ком на место и упал без чувств. Люди спустились в могилу, вытащили Гатибе и похоронили ходжу Абу Тахира.

Они еще не кончили засыпать могилу, как прекратился дождь, тучи рассеялись и появилось солнце. И для всех стало ясно, что тот дождь был чудом [проявления] слов шейха. А Гатибе сорок дней и ночей все так же находился без чувств и даже не открывал глаз, и ничего не говорил, и не было выяснено, что же он увидел. После сорока дней он присоединился к милости всевышнего Бога. Каждый говорил о том, что [же] он увидел [тогда] из чудес шейха. Однако устами Гатибе, который был [непосредственным] участником [этого] происшествия, никто не говорил, поскольку он сам [ничего] не мог сказать, и разум не вернулся к нему вплоть до его кончины. Поскольку [все] произошло так, а [достоверность] каждого сказанного слова [нельзя] выяснить, то возносящий молитву из предосторожности также воздерживается от приведения их.

Рассказ 263. Шейх Абу-л-Фазл Шами (45) был очень близким и почитаемым человеком и был одним из выдающихся шейхов суфиев. [Однажды] ночью во сне он увидел, что шейх Абу Са'ид вошел в ханаку, неся в руках поднос с сахаром. Подойдя [ко всем], он стал брать [сахар с подноса] и каждому давал его долю. Когда он дошел до шейха Абу-л-Фазла, то положил ему в рот все, что оставалось на подносе, так что его рот наполнился [сахаром]. От этой радостной картины он проснулся и обнаружил свой рот полным сахара. Тотчас он позвал слугу и приказал, чтобы принесли светильник и разбу-

дили всех; [все] уселись, шейх Абу–л–Фазл рассказал свой сон и раздал всем тот сахар. [Затем] он встал, совершил омовение, надел паафзар и сказал: «Призываю [вас] к паломничеству [на могилу] шейха в Мейхене». Все согласились [пойти]. Он пешком пришел из Бейт ал–Мукаддаса в Мейхене, и в то время ему исполнилось восемьдесят лет. Когда он прибыл в Мейхене, то несколько дней оставался [здесь]. А, возвращаясь, позвал всех детей шейха и сказал: «Я завещаю вам хранить уважение к этой гробнице и [этой] почитаемой могиле, ибо вы не знаете, чем обладаете и не различаете цену этого богатства». Он сделал еще множество наставлений по этому поводу, попрощался со всеми и вернулся в Бейт ал–Мукаддас.

Рассказ 264. Через несколько дней после кончины нашего шейха один из почитаемых людей увидел во сне шейха, сидящего на тахте и говорившего: «Каждый из вас, кто после этого подтвердит то, что происходило с нами, преуспеет [в делах] и достигнет цели. Не щадите головы и, смотрите, не отступайте». И еще кто–то из близких людей через долгое время после смерти шейха увидел его во сне, и он сказал: «Вы едите хлеб дервишей, но не выполняете их дела».

Рассказ 265. Передают от [имени] моего предка шейх ал–ислама Абу Са’да, который сказал: «Однажды мы пустились в путь с группой дервишей, и несколько дней и ночей шел дождь. Мы укрылись в одном пристанище, но и мы, и лошади остались без еды. И вот от уныния мною было сказано: «Что это ты делаешь?» В ту ночь я заснул и увидел во сне шейха, который сказал: «Эй Абу Са’д! Почему ты не говоришь таких слов, [благодаря] которым [вы] оказались бы под нашим заступничеством?» Я проснулся, молил о прощении и много проплакал.

Рассказ 266. Шейх Мехди Парузи (46) был очень близким и почитаемым человеком. Султан Санджар стал его муридом, и все его войско [также] стало муридами [шейха]. Его дела шли хорошо, и он был принят [влиятельными] людьми эпохи. Во времена моего отца Нур ад–Дина Мунаввара, да помилует его Аллах, который был служителем при гробнице шейха

и был пиром и предводителем потомков нашего шейха, он прибыл в Мейхене для паломничества к гробнице нашего шейха. Никто так не служил дервишам, как он (Нур ад-Дин-М. К.). И того признания, которое он обрел, [участвуя] при благоустройстве той благословенной гробницы и оберегая всех паломников, ни у кого не было. Одним словом, когда шейх Мехди совершил паломничество и в тот день отдохнул, и наступил вечер, и все закончили ужин и ночной намаз, и зажгли свечи мешхеда, как было принято каждый вечер, и чтецы прочли у могилы шейха Коран, и все суфии и [другие] люди [также] посетили могилу, он сказал: «Я думаю сегодня ночью остаться в мешхеде, у могилы шейха и бодрствовать [всю ночь], и заниматься богослужением».

Почитаемые люди и сыновья шейха сказали: «Это не принято, и после смерти шейха никто не может находиться здесь, поскольку шейх изволил указать, что день—для вас, а ночь—для другой общины, то есть ночью появляются джинны. И на протяжении всей ночи, когда двери мешхеда закрыты и повешен замок, тот, кто прислушается, услышит [такие] вещи и ощутит движение [такой] группы, что поймет и станет очевидным [для него], что указание шейха о том, что ночь—[это] черед джиннов, которые окажутся возле его могилы, [сухая] правда. По этой причине никто не может ночью находиться в мешхеде». Но сколько с ним ни говорили об этом, толку не было, и он сказал: «Непременно, эту ночь я проведу здесь». Поскольку много его просили и он не согласился, то служитель вышел [из мешхеда], забрал светильник, запер дверь снаружи, повесил замок и ушел.

Все суфии расположились на крыше, так как было лето, и [приготовились] ко сну. Они еще не заснули, как крики шейха Мехди охватили мешхед и [весь] квартал. Суфии сбежали с крыши и увидели шейха Мехди, сидящего у края ручья в квартале, возле двери хоузхане (47) для суфиев и опустившего обе ноги в воду. Они подняли его и пошли к дверям мешхеда. Двери были все так же заперты, а замок висел [на месте]. Его подняли на крышу и спросили: «Что случилось?—Шейх Мехди

сказал—Когда забрали свечи и закрыли двери мешхеда, я приступил к намазу и совершил несколько ракатов. [Затем] сел, опустил голову, чтобы немного поразмыслить. Я немного вздремнул и [почувствовал] прикосновение воды. Я открыл глаза и увидел себя посреди квартала, с обеими ногами, опущенными в воду, также как вы это видели. Ту ночь шейх Мехди проспал на крыше, а утром, когда служитель отпер двери мешхеда и зажег свечи, то вынес из мешхеда обувь шейха Мехди и отнес ему.

Несколько дней шейх Мехди оставался в Мейхене, а затем вернулся. Когда он прибыл в Нису, то шейхи Нисы спросили его: «Какими ты увидел (нашел) детей шейха?—Ответил [он]—Я увидел [их в] Мунавваровом сиянии». Эти слова он сказал о моем отце.

Рассказ 267. В шаввале 590 г.х. (1X. 1193) (48) мухаддис из Хорасана ходжа имам фахр ад-дин («гордость религии») Абу-л-Фатх Мухаммад бин Абу Бакр бин Мансур ал-Кази ал-Мейхени ас-Серахси, принадлежащий к числу имамов Хорасана и известный своим аскетизмом, знаниями и благочестием прибыл в Мейхене для паломничества к [могиле] нашего шейха. Он сказал: «Я видел во сне одного из пророков израильтян, и я точно знал, что это пророк, но не знал, который по имени. Я сказал ему: «Сделай мне наставление—сказал он—Наставляю тебя (да удостоишься ты) совершить паломничество к могиле шейха Абу Са'ида Абу-л-Хейра—я сказал—О посланник Аллаха! Что предпочтительнее: намаз и дополнительный пост или паломничество к [могиле] шейха?» Он замолчал и ничего не ответил. Поскольку он молчал, я тоже замолчал. Затем он сказал: «Паломничество к его могиле равно паломничеству к могилам пророков, да будет мир с ними». Я встал и прибыл для паломничества». И [затем] он с благословением надел хирку.

Рассказ 268. От тадж ал-ислама («венец ислама») Абу Са'да бин Мухаммада ас-Сам'ани (49) я слышал на проповеди, когда он сказал: «Мы с отцом находились в хаджже. Когда мы выполнили обряды хаджжа, отец сказал: «Давай посетим шейха Абд ал-Малика Табари» (50). Он был одним из великих

шейхов [своего] времени и его чудотворство было известно; так что ходжа Абу-л-Футух Газайери, да помилует его Аллах, рассказал, что слышал от одного из почитаемых суфиев, который сказал: «Однажды я сидел в Масджид-и Харам (51) перед шейхом Абд ал-Маликом Табари. Кто-то вошел в дверь мечети, по внешнему виду человек, но не такой, как нынешние люди, и спросил шейха Абд ал-Малика: «{Завтра мы пойдем к вождю}?–Шейх сказал–{Да}», и тот ушел.

[Здесь же] находился один дервиш, который спросил: «Эй шейх! Во имя уважения к Мустафе, да благословит его Аллах и приветствует, скажи, кто это был и что он сказал?–Шейх Абд ал-Малик ответил–Это был Хизр, да будет мир с ним; он спросил: придешь ли завтра, чтобы мы пошли в Медину?–Я сказал ему–Приду». И подобных чудес, явленных им, множество.

Тадж ал-ислам сказал: «Мы направились в ханаку в Мекке, разыскивая его (Абд ал-Малика–М. К.). И нам сказали, что он совершил намаз-и чашт (52) и пошел в мечеть Аиши; он выравнивает дорогу к мигату умры (53), поскольку там лежат крупные и острые (неприятные) камни, и он их размельчает, чтобы не поранились ноги совершающих хаджж. Мы пошли туда и встали вдали, за его спиной. Мы увидели его, одетого в муракку, подпоясанного, с засученными рукавами, сидящего на [одном] камне и положившего другой камень перед собой, и дробившего его киркой. Когда он полностью раздробил камень, то повернул лицо к нам. Мой отец поздоровался с ним, он ответил и сказал: «Подойдите ближе». Мы приблизились к нему, и мой отец сказал: «Я-из Хорасана, из Мерва, сын Музаффара Сам'ани-[он] сказал–Я знаю; ты прибыл в хаджж?–Отец сказал–Да-[он] сказал–Ты был в Мейхене?–[Отец] сказал–Был-[он] сказал–Посетил могилу шейха Абу Са'ида Абу-л-Хейра?–[Отец] сказал–Посетил–Абд ал-Малик сказал–Тогда, что ты делаешь здесь и зачем проделал столь длинный путь?» Сказал это и занялся своим делом. Мы выразили ему [свое] почтение и вернулись. Затем тадж ал-ислам сказал: «С тех пор, как я услышал эти слова, я обязался каж-

дый год, когда люди направляются в хаджж, совершать паломничество к могиле шейха».

Рассказ 269. И по другому иснаду этот же рассказ я слышал от своего двоюродного брата Насех ад-Дина Мухаммада (54), который сказал: «Я с райсом Мейхене направлялся в Серахс. Райс Мейхене сказал: «Пойдем поприветствуем ходжу имама Кабира Бухари» (55). Он был имамом, которого преславный эмир (56) привез из Бухары в Серахс для преподавания в своем медресе. Когда мы вошли и меня представили, как потомка шейха Абу Са'ида Абу-л-Хейра, он встал еще раз, обнял меня, оказал почести и сказал: «Я в молодости находился в Мерве у ходжи имама Мухаммада Сам'ани и изучал у него фикх. Ему случилось совершить путешествие в Мекку (т.е. хаджж – М.К.); он поручил меня муиду (57) и уехал. Когда он вернулся, мне надо было прочесть ему то, что я записал в его отсутствие. И на следующий день я пришел к нему. У него находились двое почитаемых имамов Мерва. Они сидели и разговаривали с ним. Ходжа имам Мухаммад Сам'ани рассказывал о своем хаджже и сказал: «Когда я прибыл в Мекку, то захотел навестить шейха Абд ал-Малика Табари ». И поведал этот рассказ, как он и был записан.

Рассказ 270. Хаким Мухаммад ал-Абиварди (58) сказал: «С нами был некий человек, очень аскетичный и набожный, и много [проявляющий] рвений. Он сказал: «[Как-то] на протяжении года я постоянно молился и со смирением и, стеля, просил всевышнего Господа, чтобы он наставил бы меня на [такое] действие, [благодаря] которому, я достиг бы степени шейха Абу Са'ида. Поскольку целый год я молился и совершал рвения с этой мыслью, то однажды ночью во сне я увидел, как Хатеф говорит мне: «Шейх Абу Са'ид поступал [в соответствии]с одним из хадисов Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует, пока не достиг той степени, которую ты видел».

Я проснулся и еще год молился, проявил множество рвений и со смирением и стенаниями просил всевышнего Господа, чтобы мне сказали, что это за хадис из хадисов Муста-

фы, да благословит его Аллах и приветствует, [в соответствии] с которым поступал шейх. [И вот] я увидел во сне, что кто-то говорит, что хадис таков: «{Соединись с тем, кто прервал отношения с тобой, и одари обделившего тебя, и прости притеснявшего тебя}». Я проснулся и понял, что просить о [достижении] степени шейха Абу Са'ида—это не мое дело и мне подобных, ибо мне понадобилось два года молений и воздержаний, чтобы сказали мне, [в соответствии] с каким хадисом он поступал. То дело, которое он сделал, я не смогу сделать.

Рассказ 271. Абу-л-Фатх Мухаммад бин Али ал-Хаддад (59) сказал: «Мой отец долгие годы служил шейху Абу Са'иду, и, когда наступила смерть шейха, он вернулся и поселился в [своем] доме. Каждый год дважды он совершал паломничество к [могиле] шейха в Мейхене, а я с ним посылая что-нибудь детям и муридам шейха и такой заботой проявлял свою привязанность к хазрату шейху. А мой отец постоянно приводил рассказы о шейхе и описывал его благословенный стан, лик и волосы.

Когда мой отец скончался, у меня возникла мысль о посещении [могилы] шейха Абу Са'ида. Когда я добрался до окраины Мейхене, то задержался [здесь] до наступления темноты. Ночью я вошел в Мейхене, совершил омовение и совершил два rakata намаза возле мешхеда; [затем] сел, опустил голову и сон сморил меня. Я увидел во сне шейха таким, как описывал [его] мой отец. Он сказал мне: «Не вертись вокруг наших детей и, если хочешь обучиться пути всевышнего Господа, отправляйся в Серахс к Бабуфеле (60)». Я проснулся, тотчас надел паафзар и направился в Серахс к Бабуфеле. Это был один из почитаемых муридов нашего шейха. Когда смерть подступила к шейху, он повелел ему отправиться в Серахс, в ханаку пира Абу-л-Фазла Хасана, да помилует его Аллах. Он так и сделал; им были совершены там [благие] дела, появилось много [новых] муридов и от него этому таифа была польза. Сейчас ту ханаку называют ханакой Бабуфеле. Я направился к нему на услужение и, будучи возле него, обрел много пользы на пути религии.

Когда он скончался, я направился к Абу-л-Касиму Кушейри, и он спросил меня: «Откуда ты идешь?» Я рассказал ему свою историю и то, что видел во сне шейха. Он заплакал, [услышав] о чудотворстве шейха, и сказал: «У меня тоже был случай с Бабуфеле. [Как-то] я отправился в Серахс по важному делу. Когда я добрался туда, то все имамы, почитаемые люди и суфии города и вилайата вышли встречать меня, кроме Бабуфеле, который не пришел. Я надеялся, что он придет поприветствовать меня, но он не пришел. Я обиделся на это. Ночью во сне я увидел Мустафу, да благословит его Аллах и приветствует, который сказал мне: «Ахмад Бабуфеле стоит за дверями, в которые ты еще [только]ходишь. Ты должен пойти поприветствовать его». Я проснулся и на следующий день, по указанию Мустафы, да благословит его Аллах и приветствует, пошел посетить Бабуфеле». И этот Мухаммад Хаддад стал [одним] из почитаемых [людей] этого таифа, согласно указанию шейха и руководству Бабуфеле, да помилует их Аллах.

Рассказ 272. Я слышал от преславного ходжи имама Захир ад-Дина Абу-л-Ас'ада Кушейри (61), который был внуком устада имама Абу-л-Касима Кушейри, что он сказал: «У меня в Нишапуре был долг в семьсот динаров, [который я сделал] ради суфиев. Я направился в военный лагерь. А войско находилось в Мерве. Когда я прибыл в Мейхене, то дети нашего шейха Абу Са'ида задержали меня на несколько дней, проявили [ко мне] много внимания и не позволяли, чтобы я уехал. Поскольку некоторое время я находился [там], то привел в порядок дела, чтобы отправиться в Мерв. Я надел паафзар и с этой мыслью вошел в мешхед. Когда мой взор упал на могилу шейха, я опустил голову и закрыл глаза. [В этот момент], будто все хиджабы раскрылись перед моими глазами, и я увидел воочию шейха, сказавшего мне: «То, что делаешь ты, сделал ли твой отец или сделал ли твой дед? Давай, возвращайся и останься, ибо там же будет достигнута твоя цель».

Я вышел и сказал: «Возьмите внаем лошадь до Нишапура». Я вновь вернулся в Нишапур и остался в ханаке. И все-

вышний Господь сделал так, что уже в том месяце от того долга в семьсот нишапурских динаров не осталось и данга. Все было выплачено. И в тот год было сделано столько пожертвований, превысивших расходы ханаки, что ни в один год у нас не было более изобильного житья, чем в тот, благодаря баракке помыслов и указанию нашего шейха Абу Са'ида.

Рассказ 273. Ходжа имам Абу-л-Маали Кушейри (62) сказал, что после кончины нашего шейха Абу Са'ида несколько лет в Нишапуре, в ханаке шейха устраивались угощения, и он с отцом и обоими [своими] дядьями: имамом Абу Насром (63) и имамом Абу Са'идом Кушейри (64) участвовал в них. И весь город, имамы и суфии присутствовали [здесь]. Фахр ал-ислам («гордость ислама») Абу-л-Касим Джувейни (65), сын имам ал-харамейна Абу-л-Маали также находился с ними. Это был высокомерный, отчаянный молодой человек, и он много беседовал с ними.

Его (т.е. Абу – л – Мали – М.К.) отец [как-то] сказал ему: «Не разговаривай много, поскольку суфии станут спрашивать нас-фахр ал-ислам сказал-Я подвергнусь осуждению всех суфиев [только] тогда, когда они достигнут ступени Джунейда». Он сказал эти слова и [продолжал] столько же говорить. [Однажды] в дверь ханаки вошел какой-то кот и, начав с [одного] конца, стал всех обнюхивать. Добравшись до фахр ал-ислама, он поднял ногу, помочился на него и вышел. Фахр ал-ислам опечалился и понял откуда «получил подзатыльник». Он встал, чтобы попросить прощения. Все указали на ходжу имама Абу Са'ида Кушейри, так как он был старшим [среди] всех. Когда он узнал, что произошло, то сказал: «Эту [просьбу] о прощении следует высказать возле мешхеда Абу Са'ида Абу-л-Хейра, поскольку это было [проявлением] его чудотворства. Это его ханака, и он [даже] через несколько лет после своей кончины надзирает за состоянием всех и, если кто-то совершает глупость, то, [смотри], как он дает ему нагоняй». Все присутствующие согласились с этим. Фахр ал-ислам отправился в Мейхене, много плакал и молил о прощении. И

всех охватил [там] хал, они завопили, разорвали хирки, и пережили приятное состояние.

Рассказ 274. Ходжа Насир сын нашего шейха Абу Са'ида заболел в Мейхене после кончины шейха. Через некоторое время он отправился к лекарю в Тус и несколько дней находился там. Немного поправившись, он однажды пошел на кладбище Сафаликан, чтобы поклониться могилам шейхов, да освятит Аллах их дух. Когда он вернулся, то ночью заснул и увидел во сне шейха Абу Са'ида, сказавшего ему: «Эй Насир!

Есть ли у тебя тибетский мускус или чистая амбра,
[Все равно], о друг, не обращай внимания
на другие запахи.

Ходжа Насир проснулся и тотчас решил отправиться в Мейхене. На следующий день на рассвете он вышел из Туса и прибыл в Мейхене, и в том же месяце скончался (достиг милости всевышнего Господа).

Рассказ 275. Имам Абу Бакр Мухаммад бин Ахмад ал-Ваиз ас-Серахси (66) сказал, что слышал от ходжи Ахмада Мухаммада Суфи (67), который сказал: «Один близкий дервиш из [числа] асхабов (т.е. обитателей-М. К.) моей ханаки после кончины шейха Абу Са'ида увидел его во сне и сказал ему: «Эй шейх! Ты в этом мире был сильно охоч до сама, каково сейчас твое положение?—Шейх повернул лицо к нему и прочел этот бейт:

Напевы Мосули (68) и звуки аргануна
Голос той возлюбленной сделал ненужными для меня».

Когда шейх произнес это, дервиш вскрикнул и проснулся. Мы спросили у него в чем дело, он рассказал нам, вот и все».

Рассказ 276. В то время, когда султан-шахид Санджар, да осветит Аллах его могилу, направился в Самарканд и неверные хатаи его разбили, и произошло столь великое событие, падишах справедливой вселенной хорезмшах Атсыз (69), да будет земля ему пухом, прибыл в Хорасан (70). Достигнув

Баварда, он вознамерился идти в Хаберан, поскольку предполагал разграбить его. Когда он находился в одном фарсанге от Мейхене в местечке, которое называют рибат Сарбала, и взор его упал на Мейхене, то конь, на котором он сидел, остановился. Он бил его плетью и приложил [много] усилий, но конь не сдвинулся с места. Он затребовал запасного коня, сел [на него], но и он не тронулся; сколько он ни старался, тот не ступил и шагу. [Тогда] он спешился и сел на мула, но и тот не сдвинулся. Падишах долго стегал его [плетью], но толку не было.

В то время везиром у него был иракский ходжа ас-Сабанди (71), да помилует его Аллах. Он сказал: «О падишах! Это место обозначают, как почитаемое и благословенное, и в этом месте покоится шейх, который был единственным во вселенной. То намерение (мысль), которое было у тебя в отношении этой местности, изволь сменить—[хорезмшах] сказал—Я [уже] сменил». Тотчас мул, на котором он сидел, двинулся [вперед], и у него возникла великая вера к нашему шейху. В тот же миг он определил своего доверенного джандара (телохранителя) в Мейхене на [должность] шихны и повелел ему: «Сообщи жителям этой местности радостную весть о том, что мы изменили то намерение, которое у нас было. Никто не позарится [даже] на кусочек вашего хлеба». И повелел [также] тому джандару: «Тебе следует так оберегать это селение, чтобы никто здесь не понес ущерба, [даже на одну] соломинку».

Чавуши (72) определили место стоянки войска, так чтобы никому не было нанесено ущерба. Когда он (т. е. хорезмшах—М. К.) спешился, то повелел глашатаю [объявить], что: «Этот вилайат—наша особая сокровищница, и мы не хотим, чтобы кто-то [здесь] хоть в чем-то потерпел ущерб». И повелел [также]: «В [течение] трех дней здесь будет [наше] местопребывание». Затем показались потомки шейха и суфии, и он принял их, и оказал им много почестей. Джамал ад-Дин Абу Рух, который был двоюродным братом этого возносящего молитву и глубоко изучил различные [отрасли] наук, произнес молитву и хорошие слова, и изложил множество [сведений] из жизни шейха, [рассказал] о его чудесах, воздержаниях и ду-

ховных рвениях. [Услышав это, хорезмшах] выпроводил всех и оставил Джамал ад-Дина, так как ему понравились его речи. После ночного намаза [хорезмшах] сразу же вместе с ним отправился посетить [могилу] нашего шейха. Когда он посетил могилу, то проводил Джамал ад-Дина с тем условием, чтобы утром он вновь прибыл к нему, и чтобы в эти три дня он все время находился бы с ним.

Когда он (хорезмшах—М. К.) вернулся в лагерь, и люди успокоились, то [вдруг] спереди [от] святыни появился огонь, и с каждым часом он становился все сильнее. Отблески его достигли небес, и все небо разом покраснело, будто в небе появился огонь. Поднялся сухой ветер и усилил огонь, так что вся, находящаяся возле Мейхене гора, и [все вокруг] на [протяжении] двух фарсангов были охвачены им. Казалось, что огонь движется к Мейхене. Крики и шум поднялись в лагере, хорезмшах проснулся и спросил: «Что случилось?» Ему рассказали о случившемся. Хорезмшах вышел из царского шатра, и увидел то ужасное явление, волнение и страх войска. Сразу же он вскочил на коня и произнес: «Шейх Абу Са'ид наслал на нас огонь». Он сказал это и погнал коня [во весь опор], и войско тут же пустилось вслед [за ним]. А никто из жителей Мейхене не знал о происшедшем. Они только видели тот огонь перед святыней, наблюдали за краснотой неба и испытывали страх. На следующий день утром от той многочисленной свиты, животных и войска (людей) вокруг Мейхене никого не осталось. Люди удивились [тому], как они ушли ночью, и никто не прознал про это и не слышал шума их передвижения.

Затем жители Мейхене полюбопытствовали (спросили), что это был за огонь. Выяснилось, что группа земледельцев, засеявшая у [подножия] той горы зерно, скосила его и была занята обмолачиванием и насыпанием его в кучу. Ночью они разожгли костер для выпечки хлеба, и [языки] огня [по неосторожности] одного из них попали на колосья, и ветер разнес его по тому месту, где косили хлеб. [В результате] все окрестности охватил пожар, и отблески его достигли небес. Но чудо шейха [в данном случае заключалось] в том, что посреди тако-

го огромного пожара, занимавшего площадь в один на два фарсанга в длину и ширину, находилось множество народа, животных и зерна, но никто, конечно же, не потерпел ущерба даже на зернышко. И все эти беды миновали Мейхене и весь Хаберан, и никому не было причинено никакого ущерба.

Рассказ 277. Аухад ат-таифа («единственный в таифа») Мухаммад бин Абд ас-Салам (73) был из [числа] почитаемых [людей] предка этого возносящего молитву в то время, когда произошло событие с гузами (т.е. нашествие–М. К.), и большая часть потомков нашего шейха погибла [во время] того события; в Мейхене из потомков нашего шейха сто пятнадцать человек были подвергнуты пыткам, сгорели и погибли от ран, [нанесенных] мечами, помимо тех, что после этого события в течение двух–трех месяцев умерли от холеры и голода, причинами которых также большей частью были они (т. е. гузы–М. К.). [Те] из жителей Мейхене, которые остались [в живых], были рассеяны и терпели лишения в других вилайатах. Через два–три года после этого [сюда] вернулись несколько дервишей, [заново] возвели стену, бывшую в Мейхене (74), поселились за ней, и от того укрепления до мешхеда было порядочное расстояние.

Этот аухад в то время жил по соседству с гробницей нашего шейха. Он сильно хромал и с трудом мог передвигаться. Когда во время бегства людей из Мейхене не было верховых животных, и те, кто спасались, ведя перед собой женщин и детей и, усадив на плечи [самых маленьких] детей, шли пешком, он был вынужден остаться там и нашел прибежище в мешхеде. С ним было трое–четверо слепых, одиноких и немощных людей. Когда народ ушел и они остались одни, всевышний Господь совершенством [Своей] милости и щедрости раскрыл перед ним и [теми] немощными врата пропитания и достатка, так что каждый, кто приходил на паломничество к святому мешхеду, делал им хорошие подношения. Когда весть об оставлении [жителями] Мейхене и положении этих немощных возле гробницы шейха распространилась по окрестностям, то смутьяны оставили свои набеги и намерения, а веря-

щие в них (т. е. в оставшихся—М. К.) сделали [им] столько пожертвований, что по его (т. е. аухада—М. К.) словам за всю жизнь у них не было времени лучше этого одного—двух лет, и они никогда не забудут его сладости и благополучия.

Когда люди вернулись и поселились в том укреплении, он все так же прислуживал у гробницы шейха, и [это продолжалось] свыше двадцати лет. Когда сюда прибывал какой-нибудь дервиш, то он прислуживал ему. Женщин он послал в укрепление, а сам оставался возле мешхеда. И сочинитель этих слов, спустя долгое время, прибыл туда и спросил [у него]: «За то время, что ты находился здесь, что ты видел из чудес шейха?—Сказал он—Нет того дня, чтобы не проявлялось бы для меня что-либо из его чудес, и невозможно их счесть. Но я поведаю тебе только о двух случаях, ибо каждое из этих чудес я видел [сам], рассказал [о них] людям и был не в силах скрыть их. После этого я больше не видел [ничего] подобного и понял, что если бы я сдержал эту тайну, то впоследствии наблюдал бы [еще] множество вещей больше тех [чудес]. Я раскаялся, но толку [уже] не было.

Одно [из них заключалось в] том, что летом я спал возле мешхеда и не шел в укрепление к детям. Однажды ночью я спал, и это была одна из «белых ночей» (75); от начала ночи и до [ее] конца было светло, и я, как это делал каждую ночь, закрыл двери мешхеда. Я только заснул, как сюда пришел кто-то из жителей Мейхене. Увидев меня спящим, он [тоже] заснул у мешхеда. Когда миновала половина ночи, я проснулся; изнутри мешхеда раздавался голос читающего Коран. Я прислушался, кто-то читал приятным голосом «Инна фатахна». Я удивился, так как закрыл двери мешхеда и каким же образом кто-то открыл эти двери и вошел в мешхед? Я встал и посмотрел, но двери мешхеда все так же были закрыты. [Между тем] луна дошла до середины неба, вся местность осветилась и внутри мешхеда, [словно] настал день от лунного сияния. Мне стало ясно, что это не что иное, как голос шейха и чтение [им] Корана. Меня охватил восторг и сколько я ни старался, не смог сдержать себя. Я стал будить того человека, который

спал там, и сказал [ему]: «Послушай, как через сто с лишним лет после смерти шейха, читают Коран». Когда я произнес эти слова, тот человек проснулся, [но] голос уже прекратился (скрылся за хиджабом), и ни я [больше] не слышал его, ни кто-то еще.

И второй [случай связан с] тем, что зимой, каждое утро, как это было заведено у меня, когда я приходил из укрепления к мешхеду, то приносил с собой к полудню что-нибудь поесть, поскольку от укрепления до мешхеда было большое расстояние и проходить [его] было утомительно. Однажды я ничего не поел и, когда тем вечером пришел домой, то съел что - то, что было приготовлено, и почувствовал [себя] плохо, и в том [состоянии] озноба меня хорошенько стошнило. На следующий день утром голод дал о себе знать, поскольку уже сутки я ничего не ел. Я взял кусок хлеба и несколько яиц, чтобы поесть их у мешхеда. Добравшись туда, я увидел дервиша, одетого в муракку и сидевшего у мешхеда, опустив голову себе [на грудь] и положив возле себя кувшин.

Когда мой взор упал на него, то из человеческого [бытия] во мне, [словно] ничего не осталось; от него ко мне передалось спокойствие, так что я не помнил себя. Я осторожно подошел к дверям мешхеда и открыл их. Услышав скрип дверей, он поднял голову. Я поздоровался. Он встал, ответил мне и обнял меня. Я сел и [стал] расспрашивать его, и, хотя он ничего не сказал, я понял, что он прибыл к вечернему намазу и что здесь никого не было, чтобы принять его, и он остался ни с чем (т. е. без еды и питья—М. К.), и всю ночь бодрствовал. Тотчас я поставил перед ним хлеб и яйца, [то есть] избрал путь подношения, и, [проявляя] единокровие с ним, тоже отведал немного еды, и проявил к нему почтение, и спокойно довольствовался наблюдением за ним, что [само] являлось отдохновением (пищей) для души.

Он поел что-то, вымыл руки, совершил омовение, два раката намаза, надел паафзар, попрощался со мной и ушел. В тот день я остался голодным, но от общения с тем дервишем не вспомнил о [своем] голоде. Когда к вечернему намазу я вернулся в укрепление, то дома приготовили нечто невкусное.

Я не смог это съесть, а [домашние] решили, что я уже что-то поел, [так что] в ту ночь я заснул, [будучи] сильно голодным.

На следующий день, как обычно, я направился к мешхеду, но по пути почувствовал такую слабость, что садился через каждые два-три шага. Когда я подошел к дверям мешхеда и открыл их, чтобы подмести по обыкновению мешхед, то там, где люди снимают обувь, напротив могилы шейха, увидел новый кувшин, полный воды и две белых [лепешки] хлеба, положенных на [горлышко] кувшина. Я протянул руку, тот хлеб был горячий, так что жар его передался моей руке. Я взял его, начал плакать и понял, что это не что иное, как чудо шейха, поскольку здесь не было никого, кто испек бы этот хлеб, и в селе никто не проживал. И если бы его откуда-то принесли, то он не был бы таким горячим. Я сел, съел этот хлеб, и за всю свою жизнь я не ел пищи вкуснее и не пил воды более холодной, сладкой и вкусной, чем эта.

И [еще] большее чудо [состоит] в том, что я два дня и две ночи был голоден и так насытился этими двумя легкими [лепешками] хлеба, что в [последующие] два дня совсем не хотел есть. Когда к вечернему намазу я пришел в укрепление и собрались люди, то терпение покинуло меня, и сколько я старался не говорить, не смог удержаться и сказал: «О люди, вы не занете, чем обладаете, не знаете цены и значения этой великой гробницы, не проявляете к ней почтения и по этой причине терпите все эти тяготы и беды». И рассказал эту историю. Присутствующие много плакали, а я впредь не видел ничего подобного, поскольку совершил недостойный [поступок] и не знал, что если бы я не рассказал об этих двух чудесах, то еще множество вещей открылось бы мне. Я испытал сожаление, но толку не было; его чудеса проявились для других и сосчитать их невозможно.

ВЫГОДА

Наш шейх сказал: «Счастлив тот, кто видел нас, и счастлив тот, кто видел того, кто видел нас». И так он сосчитал

семь человек; и в [этой цепочке] счастлив был [каждый], кто видел [предыдущего] и первый, кто видел его [самого].

ОКОНЧАНИЕ

Знай, что чудес, которые проявились после смерти нашего шейха, больше, чем может описать калам. Как рассказывали Абу-л-Фахр бин ал-Муфаззал, двоюродный брат и ал-Мунаввар бин Абу Са'д (76), племянник вашего покорного слуги, во времена гузов Мейхене было разрушено, и в селе никто не проживал. Те люди, которые остались, рубили на дрова тутовые деревья, росшие в махалле. Они оба (т. е. Абу-л-Фахр и ал-Мунаввар-М. К.) вместе с учениками пришли в махаллу суфиев и срубили дерево у мешхеда. Кроме них, в этой махалле никого не было. Словно дети, они проявили невоспитанность, шумели, а ученики стучали топором. По махалле разносились их крики и удары топора.

[Вдруг] они услышали голос из мешхеда: «Что это вы делаете?» Они обернулись, увидели румяного старца с белой бородой до пояса и с внешностью, как у их шейха, стоявшего в дверях мешхеда. Он закричал на них: «[Разве] не наступило время избавиться нам от вашей невоспитанности?» Когда их взор упал на него, то от страха перед ним они убежали и оставили там топор и [свою] одежду. И лишь после вечернего намаза, когда в той махалле появились люди, они пришли и забрали топор и одежду. И после этого они [никогда уже] не проявляли подобной невоспитанности.

И также его чудес столько, что описания их не может вместить эта книга. Это количество было приведено ради [обретения] благословения, и это была лишь капля в море. Как сказал Абу-л-Хусейн Малеки (77), он слышал от нескольких почитаемых шейхов, которые говорили: «Люди удивляются множеству чудес шейха и его [способности] проникать в мысли и [узнавать] о жизни рабов всевышнего Бога». И шейх Абу Са'ид говорил: «У обладателя чудес нет недостаточного положения у этого порога, ибо он по положению соглядатай и ясно,

какое положение может быть у соглядатая у порога падишаха. И у обладателя проницательности нет большой доли в вилайате, разве что, к примеру, один данг из каждых десяти динаров».

И шейх Абу Са'ид [также] сказал: «Старайся стать обладателем вилайата (78), чтобы всем был ты, и все, что есть, было твоим». Из этих слов шейха становится ясно, что чудотворство и [способность] проникать в мысли были ничто по сравнению с положением нашего шейха. Но в глазах простолюдинов они представляются значительным [явлением]. И [хотя] эта сторона жизни шейха не имела [для него] никакого значения, мы [все равно] не видим ничего, кроме [внешних] проявлений и то не полностью. Да дарует нам пречистый и всевышний Господь [способность] лицезрения и ясность ума.

Написавший (подготовивший) эти благословенные слова, возносящий молитву просит ради [общего] блага [тех, кто] станет читать это собрание [записей] и во время чтения этого черновика прознает об упущениях и ошибках, прикрыть глаза [повязкой] прощения и не воздерживаться от исправлений. И если от [описания] жизни и речений шейха [читателей] охватит хал, то пусть тогда не забудут [они] этого немощного и помянут доброй молитвой этого непокорного грешника. И если кто-то от этих благословенных речений и [описания] этой благородной жизни получит пользу, то не будет он небрежен к этому бедняге, иншаллах.

Пречистый и всевышний Господь, да не прервет ни при каком случае для нас и для всех людей ислама бараку этого падишаха религии и султана приверженцев несомненности, вождя людей тариката и наставника людей хакиката. И да сохранит нас в этом и в том мире в числе служителей того недосыгаемого хазрата и слуг того высокого порога и в Судный день подготовит нас к [нахождению возле] него, ибо как соизволил «ответ младшего зависит от старшего». И да будет заступником за наши ошибки и прегрешения, и да посвятит наши сердца Своей любви, а наши тела услужению Своим друзьям. И не оставит нас ни на миг и [даже] меньше того нам

[самим] и [другим] людям и дарует то, что неизбежно для нашей религии и для нас в этом и в том мире, [благодаря] служению Ему и Его дружбе, и Его святости, и любви во имя Мухаммада и его чистого, непорочного рода.

{Завершилась книга «Асрар ат-таухид фи макамат аш-шейх Абу Са'ид бин Абу-л-Хейр», да освятит Аллах его дорогой дух. И да благословит Аллах и приветствует пророка Мухаммада и весь его род}.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение и глава 1

1. Асхабы («сторонники»)–сподвижники Мухаммада, люди, тесно общавшиеся с ним или принимавшие участие в его походах; позже так стали называть всех, кто видел Мухаммада хоть раз, даже будучи ребенком. Особое значение асхабов в истории ислама определялось тем, что после смерти Мухаммада они оказались коллективным хранителем его учения (см. подробно Ислам: Энциклопедический словарь–М., 1991, с. 23). В тексте это слово иногда используется в отношении суфиев.
2. Ансары («помощники»)–жители Медины, заключившие в 632г. договор с Мухаммадом и признавшие его своим вождем и вероучителем. Ансары играли видную политическую роль, держались сплоченно и считали себя истинными хранителями веры (см. Ислам: Энциклопедический словарь, с. 21).
3. Коран / Пер. с арабск. и коммент.–М.–Н.О. Османова–Кум, Б.г., 15: 26. Далее мы ссылаемся на этот перевод Корана
4. Коран, 15: 29.
5. Имеется в виду, что в основе слов «инсан» («человек»)–«унс» («привязанность»)–«муанесат» («близкие отношения»)–лежат три буквы: алеф, нун, син.
6. Основу слова «мунис», означающего «интимный друг», составляют те же три буквы: алеф, нун, син, что и предыдущих слов, с которыми оно создает обций формально–смысловой ряд. И автор в данном случае обыгрывает его, говоря о «нужде человека в интимном друге».
7. Таифа («племя», «сообщество»)–здесь означает группу людей (это же значение на с. 89 перевода), далее употребляется в значении суфийское братство, орден.
8. Абид–отшельник, аскет, избравший делом своей жизни поклонение Аллаху.
9. Макам–«стоянка» на «пути» к Богу, определенный этап в духовном совершенствовании суфия. Количество стоянок варьировалось в разных суфийских братствах от семи до нескольких десятков. В своей знаменитой поэме «Мантик ат–тейр» («Беседа птиц») один из самых известных персидских поэтов–суфиев Фарид ад–Дин Аттар (род. в 1141/42г.) именуется эти стоянки «вади» - «долина» и дает описание семи долин. В данном случае слово «макам» может означать также «сан», «положение». Кроме того, «макам» используется также в значении «действие», «деяние» (см., например, настоящий перевод, с. 365). Этим значением слова мы и воспользовались, переводя его в названии сочинения, поскольку оно наиболее точно отражает замысел автора.
10. Мустафа–эпитет Мухаммада, означающий «Избранный».
11. Под «постоянным соединением», очевидно имеется, в виду постоянство духовной связи мусульман с Мухаммадом, восприятие его личности. В выражении «подпорки земли» содержится указание на аят 7 из 78 суры, где в качестве подпорок упоминаются горы.
12. Ахл ал–бейт–«люди Дома», «семья пророка». Мусульманскими авторами трактуется по–разному. Сунниты толкуют ахл ал–бейт расширительно, включая в него близких к Мухаммаду людей. Шииты ограничивают «семью пророка» Фатимой, Али, Хасаном, Хусейном и их потомками (см. Ислам: Энциклопедический словарь, с. 27).
13. Тарикат–мистический путь познания Бога, как правило, его второй этап.

14. Хакикат—третий этап мистического пути.
15. Эта формула употребляется очень часто после упоминания имени Абу Са'ида, однако в переводе она опущена для удобства читателя.
16. Иснад—цепочка передатчиков, при помощи которой устанавливалась достоверность предания, сообщения.
17. Имам—предстоятель на молитве, глава мусульманской общины.
18. Аутад («опоры») — чины в иерархии святых, следующие после кутба и нукаба; кутб («полюс», «ось») — высший чин среди святых.
19. Мухибб—означает «любящий», «друг». Так называли приверженцев шейхов, до получения ими статуса мурида—ученика, последователя шейха.
20. Хазрат—«величество», «высочество», «светлость»; титул, который употреблялся перед упоминанием Бога, а также имен Пророка Мухаммада, других пророков и святых, правителей
21. Имеются в виду дела и речи Абу Са'ида.
22. В тексте «Асрар ат—таухид» слово «хадис», означающее предание о словах и действиях Мухаммада, употребляется еще в нескольких значениях. В этих случаях мы приводим его перевод по контексту, а в круглых скобках оставляем написание «хадис».
23. Речь идет о нашествии огузов в 1153г. на Хорасан (см. предисловие).
24. В тексте—хабар («весть», «сообщение», «новость»). Автор использует оба слова: хадис и хабар в значении предания о словах и действиях Мухаммада. Но во избежании путаницы мы везде в переводе сохраняем слово хадис.
25. Этой фразой, возможно, пословицей, автор хотел подчеркнуть, что данные события продолжились и в одном конкретном месте так же, как и по всему Хорасану.
26. Пир—«старец»; суфийский наставник, духовный руководитель
27. Коран, 13: 41.
28. Коран, 43: 22.
29. Коран, 6: 90.
30. Мешхед—место погребения почитаемых людей, имамов, святых, религиозных деятелей
31. Имеются в виду сведения о жизни и деяниях шейха.
32. Суть этой фразы, возможно, пословицы, приведенной на арабском языке, заключается в том, что автор отвлекся от основного дела—непосредственно повествования.
33. То есть самому шейху.
34. Речь идет о сочинении «Халат ва соханан—и шейх Абу Са'ид Абу—л—Хейр».
35. Имеется в виду, что знание божественных тайн не дается каждому и сделка («муамала»), то есть истинное вступление на путь тариката и соответствующее поведение, являются таким же редким, как и красная сера («кибрит —и ахмар») и значение ее заключается, помимо прочего, в приобщении к поступкам и делам Абу Са'ида.
- 35а. В соответствующей литературе оно проходит как хадис (см. ук. хадисов).
36. Хирка—рубашка, одежда дервиша; символ его связи с суфийским братством и цепью его наставников.
37. Умма—религиозная община. В ходе арабских завоеваний и последующей исламизации покоренных народов термин умма стал обозначать все сообщество мусульман, а позднее и весь народ (см. подробно Ислам: Энциклопедический словарь, с. 242).

38. Речь идет о правителе гуридской династии Гийас ад-Дине Мухаммаде (1163–1203). Шафии Кадкани отмечает, что титул «гасим амир ал-муминин» («краса эмира правоверных») передавался в его роду, согласно традиции (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 471). «Амир ал-муминин» - титул халифов. В персоязычных источниках часто связывается с именем четвертого «праведного халифа», двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада Али бин Абу Талиба. В сочинениях он использован и перед именем имама Хусейна.
39. То есть все, что писала рука.
40. То есть по сравнению с сочинением «Халат ва соханан».
41. То есть оказывалось бессмысленным; ср. с русской поговоркой «ехать в Тулу со своим самоваром».
42. Сулейман – могущественный и мудрый царь (библейский Соломон). Его образ представлен и в Коране. По преданию, Сулейман благодаря перстню с именем Аллаха обладал властью над людьми и джиннами; он понимал язык животных и птиц, имел несметные сокровища. Здесь фраза означает то, что это не имело смысла, так как Сулейман все равно знал обо всем.
43. Адаб – правила вежливости, поведения, этикет. В средневековье понятие адаба толковалось и более широко, включая знание правил словопроизводства, стихосложения, письма, чтения, каллиграфии и др. На Востоке существовала также целая литература адаба, носившая воспитательный характер.
44. Сунна – поступки, высказывания, традиции и обычаи Пророка Мухаммада, получившие отражение в хадисах.
45. Коран, 54: 55.
46. Асхаб-и суффа (или ахл ас-суффа – «обитатели навеса») – бедные сподвижники Мухаммада, не имевшие в Медине пристанища и жившие под навесом мечети у дома Мухаммада, некоторые из них прислуживали ему. Одновременно там жило до 30 человек, а всего известны имена 93 человек из ахл ас-суффа. Впоследствии в суфийской литературе они превратились в образец благочестия и аскетизма, в самых ранних представителях суфизма (Ислам: Энциклопедический словарь, с. 30).
47. Аурад (ед. число – вирд) – молитвы; специальные постоянно произносимые молитвы суфийского братства.
48. Сама («слушание», «распевание») – коллективное радение с распеванием мистических стихов. Сама вошло в практику мистиков в 1Хв. первоначально как распевание стихов во время суфийских «бесед» – собраний («меджлис»), а затем к пению добавились танец и прыжки (Ислам: Энциклопедический словарь, с. 206).
49. Каввал – исполнитель песнопений, стихов во время сама.
50. В тексте, как правило, стих обозначается словом «бейт».
51. Вилайат – святость, пребывание под божественным покровительством, освящение, ниспосылаемое Богом (см. подробно Дж.С.Тримингэм. Суфийские ордены в исламе – М., 1989, с. 114–116; 118–121). В тексте также слово «вилайат» часто используется в значении «область».
52. Речь в данном случае не может идти о султани Махмуде Газневиде, так как он вступил на трон только в 998г. (т.е. на момент описываемого в сочинении события Абу Са'ид никак не мог быть мальчиком и ему уже исполнился бы 31 год). Может быть, имелся в виду какой-то другой шах по имени Махмуд или автор неверно привел имя

- правителя (об этом см. также Шафии Кадкани, ч. 2, с. 721; а также Бадр ад-Дин, с. 260).
53. Ниса–средневековый город; его развалины находятся на территории современного Туркменистана в 18 км. к северо-западу от Ашгабада.
 54. Улемы–собрательное название знатоков богословия, историко–религиозного предания и этико–правовых норм ислама, как теоретиков, так и практических деятелей в области традиционных форм образования, судопроизводства на основе шариата и исполнения обрядов (Ислам: Энциклопедический словарь, с. 239–240).
 55. Абу–л–Касим Башар Йасин был также знатоком хадисов и поэтом.
 56. То есть не было другого человека, которому была послана « святость» и который мог бы руководить дервишами.
 57. Под « концом дела», скорее всего, имелось в виду, что Абу Са'ид станет завершающим звеном в цепи святых (см. также Шафии Кадкани, ч. 2, с. 580; а также Бадр ад-Дин, с. 262).
 58. Адиб–образованный человек, сведующий в различных областях знания, хорошо знающий литературную и культурную традиции; здесь также–наставник, учитель.
 59. Хадис кудси (см. указатель хадисов). В тексте « Асрар ат–таухид» хадис приведен в несколько измененном виде.
 60. Возможно, имеется в виду от « изучения филологии», включая поэзию и арабский язык, поскольку дальше сообщается о том, что Абу Са'ид знал наизусть тридцать тысяч бейтов из джахилийской, то есть доисламской арабской поэзии.
 61. Мерв–один из крупнейших городов древности; располагался на Великом Шелковом Пути. В настоящее время его развалины находятся близ города Байрамали на территории современного Туркменистана.
 62. Абу Абдаллах ал–Хизри–имеется в виду Абу Абдаллах Мухаммад бин Ахмад ал–Марвази (ум. в 80–х годах Хв.), один из известных представителей шафиитского мазхаба, живший в Мерве.
 63. Ибн Сорайдж–имеется в виду Абу–л–Аббас Ахмад бин Омар Ибн Сорайдж Багдади (863–918), выдающийся факих (мусульманский правовед, знаток шариата), приверженец шафиитского мазхаба (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 641).
 64. Музанни–имеется в виду Абу Ибрахим Исмаил бин Йахйа Музанни (792–878), факих, приверженец шафиитского мазхаба (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 721).
 65. Шафии Муталлаби–речь идет об Абу Абдаллахе Мухаммаде бин Идрисе аш–Шафии (767–820), факихе, мухаддисе, основателе шафиитского мазхаба. Основное его сочинение–семитомный труд об основах фикха «Китаб ал–умм». В своих сочинениях Шафии стремился увязать самостоятельные правовые искания с традиционными нормами (см. Ислам: Энциклопедический словарь, с. 295; а также Ислам: Краткий справочник–М., 1983, с. 123).
 66. Хусри–имеется в виду Абу–л–Хасан Али бин Ибрахим ал–Хусри (ум. в 981г.), суфийский шейх и наставник. Худжвири отзываясь о нем так: « Это один из великих имамов среди суфиев, не превзойденный никем из современников. У него возвышенные изречения и прекрасные объяснения духовных материй» (Худжвири. Кашф ал–махджуб / Пер. с англ. А. Орлова, М., 2004, с.158).
 67. Байазид Бистами–речь идет об Абу Йазиде (Байазиде) ал–Бистами (ум. в 848г.)–известном персидском суфии, авторе учения, характеризующегося экстатическим

- восторгом и опьянением, любовью к Богу (см. подробно Ислам: Энциклопедический словарь, с. 42).
68. Абу Ханифа Куфи–Абу Ханифа ан–Нуман бин Сабит ал–имам ал–а'зам (699–767)– знаменитый мусульманский факих, мухаддис, основатель ханафитского мазхаба. Родился и умер в Куфе. С него начинается письменная традиция в исламском богословии. Ему приписывается первое записанное сочинение по исламской догматике «ал–Фихх ал–Акбар». Он составил также небольшой сборник хадисов (муснад). Абу Ханифа считается первым, кто применил методы казуистического исследования правовых вопросов таким образом, что стало возможным сближение схоластических разработок факихов с требованиями повседневной жизни (см. подробно Ислам: Энциклопедический словарь, с. 11).
 69. Джа'фар Садик–имеется в виду Абу Абдаллах Джа'фар бин Мухаммад (ок. 700–765)– шестой шиитский имам. Родился и умер в Медине. Продолжая семейную традицию в изучении религиозных наук (хадисы, тафсиры, фикх), Джа'фар Садик стал духовным главой «умеренных шиитов», которые создали необычайную популярность его знаниям и религиозному авторитету (см. подробно Ислам: Энциклопедический словарь, с. 60–61). Худжвири пишет, что: «Среди суфийских шейхов он отмечен проникновенностью своих речей и осведомленностью в духовных истинах; он написал снискавшие широкую известность книги, в которых трактовал вопросы суфизма» (Худжвири. Кашф ал–махджуб, с. 78).
 70. Это сообщение либо неверно, либо указывает на необходимость уточнения даты смерти Байазид Бистами. В источниках (например, Джамии. Нафахат ал–унс / Бе тасхих–и М. Тоухидипур–Техран, 1337, с. 56) и в соответствующей научной литературе (см. Дж. С. Тримингэм. Суфийские ордены в исламе, с. 7 и др.) в качестве даты его смерти приводится 874 или 875г. Еще одну дату указывает в своей монографии А. Д. Кныш. Это 848г. (см. А. Д. Кныш. Мусульманский мистицизм–М.–СПб., 2004, с. 77). Если учесть, что имам Джа'фар Садик скончался в 765г. и Байазид Бистами мог разносить воду будучи 10–12 летним мальчиком, то вторая дата–т.е. 848г. теоретически может быть принята в качестве времени его смерти (см. по этому поводу также Шафии Кадкани, ч. 2, с. 690–691).
 71. Коран, 22: 78.
 72. Абу ад–Дараварди–речь идет об Абу Мухаммаде ад–Дараварди (ум. в начале 1Хв.), знатоке хадисов. Он был выходцем из Хорасана (см. подробно Шафии Кадкани, ч. 2, с. 654).
 73. Малик бин Анас–Малик бин Анас ал–Асбахи (713–795), факих, мухаддис, основатель маликитского мазхаба (см. подробно Ислам: Энциклопедический словарь, с. 156).
 74. Абу Амр Бишхани–имеется в виду Абу Амр Ахмад бин Мухаммад бин Осман Бишхани Насави–один из суфийских шейхов XIв. (см. подробно Шафии Кадкани, ч. 2, с. 669–670).
 75. Бишр–и Хафи («Босоногий»)–речь идет о Бишре бин ал–Харисе ал–Хафи (ум. в 842г.), раннем представителе багдадской школы суфизма, родом из Мерва (см. подробно А. Д. Кныш. Мусульманский мистицизм, с. 57–58).
 76. Паафзар (или пайафзар)–специальная обувь, которую надевали во время длинных переходов и странствий.
 77. Коран, 71: 19.
 78. Абу Бакр Каффал Марвази–имеется в виду Абу Бакр Абдаллах бин Ахмад бин Абдаллах, известный как Каффал Марвази (ум. в 1026г.). Он был шафиитским факи-

- хом, жившим в Хорасане (см. подробно Шафии Кадкани, ч. 2, с. 647; а также Бадр ад-Дин, с. 268).
79. Все трое были шафиитскими факихами, а Абу Мухаммад Абдаллах бин Йусиф Джувайни (ум. в X1в.) был еще и выдающимся толкователем Корана и адибом; см. о нем также № 175 ко второй главе.
 80. Серахс—город к югу от Мерва.
 81. Абу Али Захир бин Ахмад ал-Факих умер в 999г.
 82. Мутазилиты—создатели первой в исламе теологической системы рационалистического направления (см. подробно Ислам: Краткий справочник, с. 82; а также Ислам: Энциклопедический словарь, с. 175).
 83. Хомайед Занджувийе—имеется в виду Абу Ахмад Хомайед бин Мухаллед (ум. в X1в.), хорасанский знаток теологии (см. подробно Шафии Кадкани, ч. 2, с. 698).
 84. Шахристан—небольшой городок возле Нисы.
 85. Фараве—городок к северу от Нисы.
 86. Абу Амр Фарати—имеется в виду Абу Амр Ахмад бин Убайй бин Ахмад ал-Фарати (X в.), улем и мухаддис, живший в Хабушане (см. подробно Бадр ад-Дин, с. 269).
 87. Эстева—местность близ Нишапура.
 88. Хабушан—городок к северу от Нишапура.
 89. Не ясно, о ком идет речь.
 90. Имеется в виду Абивард—город к северо-востоку от Хабушана между Нисой и Мервом.
 91. Тафсир—комментарий к Корану.
 92. Логман Серахси—суфийский подвижник.
 93. Ханака (перс. ханегах)—суфийская обитель.
 94. Абу-л-Фазл Хасан—имеется в виду Абу-л-Фазл Мухаммад бин Хасан Серахси, суфийский шейх и наставник. Худжвири называет его «святым человеком» (см. Худжвири. Кашф ал-маджуб, с. 162).
 95. Джузв—стопка исписанных листов или тетрадь. Как отмечает М. Шафии Кадкани, джузвами называли также хадисы, сообщенные кем-нибудь или посвященные какой-нибудь теме (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 491).
 96. То есть уже ничего другого для них не существовало.
 97. Коран, 6: 91.
 98. То есть мы не помнили себя.
 99. Пир—и сухбат («пир беседы»)—обучающий и готовящий к вступлению в братство наставник.
 100. Абу Наср Саррадж (ум. в 988г.)—признанный суфийский наставник, пользовавшийся большим влиянием в суфийских кругах; автор знаменитого труда «Китаб ал-пума фи-т-тасаввуф» («Книга о блистательном в суфизме»).
 101. Абу Мухаммад Абдаллах бин Мухаммад ал-Муртаэш (ум. в первой трети X в.)—один из почитаемых суфийских шейхов, живших в Багдаде.
 102. Джунейд бин Мухаммад Багдади—имеется в виду известный суфийский деятель, теоретик суфизма и проповедник Абу-л-Касим ал-Джунейд бин Мухаммад ал-Каварири ал-Хаззаз ал-Багдади (ум. в 910г.). Джунейд Багдади явился основоположником рационалистического направления или «учения о трезвости» в мусульманском мистицизме (см. подробно Ислам: Энциклопедический словарь, с. 68).

103. Сари Сакати (ум. в 867г.)—выдающийся суфийский подвижник, отличавшийся благочестием, завоевавший большую популярность своими проповедями и имевший множество последователей.
104. Ма'руф Кархи (ум. в 815г.)—представитель багдадской школы суфизма, пользовался большим влиянием среди жителей Багдада.
105. Давуд Таи—имеется в виду Абу Сулейман Давуд бин Насир Таи (ум. в 781г.)—известный суфий, родившийся и живший в основном в Куфе.
106. Хабиб Аджеми (ум. в 737г.)—суфийский подвижник, выходец из Ирака. Худжвири пишет, что: «Его покаянию (таубат) способствовал Хасан из Басры. Сперва Хабиб был ростовщиком, погрязшим в нечестии, но Бог даровал ему искреннее раскаяние и, благодаря Хасану, Хабиб обрел начатки истинной религиозности» (Худжвири. Кашф ал-махджуб, с. 88).
107. Хасан Басри—имеется в виду Абу Саид Хасан бин Абу-л-Хасан Йасар Басри (642–728). А. Шimmel называет его « патриархом мусульманского мистицизма» (А. Шimmel. Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Раппопорт–М., 1999, с. 32). Его авторитет был столь высок, что своим учителем его считали и традиционалисты, и рационалисты, и суфии (см. Ислам: Энциклопедический словарь, с. 275).
- 107а. Не ясно, что имеется в виду, поскольку нарушена связь с последующим изложением.
- 107б. Вузу – малое омовение, совершаемое перед молитвой; гусл – полное омовение всего тела (см. подробно А. Али – заде Исламский энциклопедический словарь – М., 2007, с. 86, 91). Подчеркивая состояние Абу Саида, автор отмечает, что перед молитвой он совершал не вузу, а гусл.
108. Ман—мера веса от 3 до 12 кг. В данном случае, как видно, автор преувеличил вес рубахи.
109. Зикр—непрерывное поминание имени Аллаха. «В суфизме зикр—духовное упражнение, ставящее целью достижение человеком ощущения постоянного Божественного присутствия» (А. Али—заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 124).
110. Хизр—пророк, согласно мусульманскому преданию, нашедший источник живой воды в царстве мрака, испивший из него и обретший бессмертие. Он покровительствует путникам и заблудившимся. Хизр является персонажем многих литературных произведений, в которых выполняет роль чудесного помощника, мгновенно перемещающегося в пространстве.
111. Не ясно, о ком идет речь.
112. Идрис—имя персонажа, упомянутого в Коране (см. Коран 19: 56); признается пророком.
113. Коран, 19: 57.
- 114 Фарсанг (или фарсах)—единица измерения пути, обычно равная 6 км.
115. Джарв и Тийаран—селения, располагавшиеся к востоку от Келата (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с.736–737). В. В. Бартольд пишет также о селении Шарг или Джарг в 4 фарсах от Бухары (см.В. В. Бартольд. Сочинения, т. 1–М., 1963,с. 150).Однако оно вряд ли могло быть Джарвом, поскольку находилось слишком далеко от места происходящих событий.
116. Речь идет о горе «Хезар масджед» (« Тысяча мечетей»). Ее название так и указывается в тексте, изданном Х. Бадр ад-Дином (см.с. 277). Правда, в самом предложе-

- нии у Х. Бадр ад-Дина содержится неточность, поэтому в данном случае мы и воспользовались вариантом Шафии Кадкани. М. Моин отмечает, что вершина этой горы, расположенной на севере Хорасана, предстает в виде колонн, которые издали напоминают минареты; далее он выдвигает предположение о том, что, возможно, по этой причине ее называют «Хезар масджед» (см. М. Моин. Фарханг-и фарси. Джелд-и шешом.—Техран, 1375, с. 2276). В тексте же приводится другая версия названия.
117. Речь, видимо, идет о сурах, потому что за два раката прочесть весь Коран невозможно. Ракат—комплекс повторяющихся действий, поз молящегося и произносимых им религиозных формул. Ракат является основой ежедневной пятикратной обязательной молитвы салат (перс. намаз). В зависимости от времени совершения намаз может включать различное число ракатов: утренний—2 раката, полуденный, после-полуденный, вечерний—4 раката, ночной—3 раката.
 118. Соджуд—земной поклон во время молитвы.
 119. Рибат—постоялый двор, обитель.
 120. В тексте М. Шафии Кадкани «по дороге в Абивард». Большой разницы здесь нет, поскольку речь идет об одной и той же дороге.
 121. Тус—город в Хорасане, располагавшийся в 24 км. к северо-западу от современного Мешхеда.
 122. Возможно, кладбище находилось недалеко от ворот, и поэтому рибат располагался на кладбище возле ворот Мейхене, как указано выше в тексте.
 123. Очевидно, имеется в виду утренний намаз.
 124. Указание на Коран; 112-й аят из суры ал-Ан' ам («Скот»).
 125. Имеется в виду произнесение вслух Корана.
 126. То есть отрешенность от всего внешнего. Худжвири отмечал, что «отсутствие» - это «отсутствие сердца по отношению ко всему, кроме Бога» (Худжвири. Кашф ал-махджуб, с. 246).
 127. Данг—шестая часть дирхема, мелкой серебряной монеты.
 128. Дастар—материя, которую обвязывали вокруг головы; чалма или головной платок.
 129. Джубба—широкая верхняя одежда, накидка.
 130. Абд ас-Самад—речь идет об Абд ас-Самаде бин Мухаммаде бин Хасане ал-Гиланси ас-Суфи ас-Серахси (X1 в.). Он был суфийским шейхом, сподвижником Абу Саида; был выходцем из Серахса.
 131. То есть не выходи за пределы видимого мира.
 132. Абд ар-Рахман Сулами—имеется в виду Абу Абд ар-Рахман Мухаммад бин Хусейн бин Мухаммад бин Муса Сулами (ум. в 1021г.)—признанный суфийский авторитет, мухаддис, комментатор Корана, историк суфизма. Он был одним из почитаемых хорасанских шейхов. Сулами—автор многочисленных суфийских трудов и комментариев к Корану. Его перу принадлежит знаменитое биографическое сочинение «Табакат ас-суфийа» («Разряды суфиев»), содержащее биографии 105 суфиев.
 133. Абу-л-Касим Насрабади—имеется в виду Абу-л-Касим Ибрахим бин Мухаммад бин Махмуд ан-Насрабади (ум. в 977/ 78г.). Он был суфийским наставником, выходцем из Нишапура и пользовался большой популярностью в Хорасане.
 134. Шибли—имеется в виду Абу Бакр Джа'фар бин Йунис (или Дулаф бин Джахдар) аш-Шибли (861–946). Он был известным суфием, учеником Джунейда Багдади. Шибли

- обладал обширными познаниями в области фикха; он также изучал и собирал хадисы, был последователем маликитского мазхаба.
135. Мухаммад Багир—речь идет о пятом шиитском имаме Абу Джа'фаре Мухаммаде бин Али бин Хусейне ал-Багире (677–732). Мухаммад Багир отличался большими познаниями в различных науках. Худжвири отмечал, что: «Он выделялся познаниями в области тайного знания и проникновенным толкованием коранических сур» (Худжвири. Кашф ал-махджуб, с. 78).
 136. Али бин Хусейн Зайн ал-Абедин (ум. в 713г.)—четвертый шиитский имам. Во время трагических событий в Кербеле в 680г. он единственный из сыновей имама Хусейна остался в живых, поскольку был болен и не принимал участия в сражении. Попад в плен, он не прекратил борьбы против Омейядов. Впоследствии он жил и умер в Медине.
 137. Хусейн—речь идет о Хусейне бин Али Абу Абдаллахе аш-Шахиде (626–680)—младшем сыне Али бин Абу Талиба от Фатимы, дочери пророка, третьем шиитском имаме. Имам Хусейн трагически пал в бою с халифскими войсками при Кербеле. Он был признан «величайшим мучеником», а Кербела стала одной из главных святынь и местом паломничества шиитов (см. подробно Ислам: Энциклопедический словарь, с. 285).
 138. Коран, 6: 62.
 139. Ухуд-гора, расположенная к северу от Медины, примерно в 5 км. 23 марта 625г. здесь произошло сражение между мусульманами, которых возглавлял Мухаммад и мекканцами. Потерпев поражение при Бадре, мекканцы жаждали отомстить мусульманам и собрали большое войско, насчитывавшее около трех тысяч человек. Войско же мусульман было намного меньше и составляло всего семьсот человек. Во время этого сражения погибло почти семьдесят мусульман, в том числе дядя пророка—Хамза, и около двухсот было ранено. Мекканцы же потеряли более двадцати человек. Мухаммад в этом сражении получил ранения.
 140. Абу Тахир—имеется в виду Абу Тахир Са'ид бин Фазлаллах, старший сын Абу Са'ида.
 141. Видимо, гвоздь был вбит в стену или дерево и шейх был привязан к нему так, чтобы оказаться головой вниз.
 142. Коран, 2: 137.
 143. То есть не увидишь ты, что есть истина, а что—вымысел.
 144. Фана—исчезновение личностных качеств суфия, его индивидуального «я»; своего рода «растворение» в Боге.
 145. Здесь имеется в виду, что муриды от других наставников приходили к нему и просили их принять.
 146. То есть Господь явил нам, что все может измениться.
 147. Коран, 41: 53.
 148. Кабз («сжатие»)—особое душевное состояние, несущее печаль; ему противопоставляется баст («расширение»)—радость, расширяющая сердце.
 149. Под выражением «весь Коран» («джам-и Коран») имели в виду тридцать частей, на которые делили Коран и которые объединялись в одном переплете.
 150. Коран, 21: 35.
 151. То есть, когда власть переместилась из Багдада, центра халифата, в Бухару.
 152. В данном случае под хадисом подразумевается учение суфиев.

153. Коран, 2: 245.
154. Абу-л-Аббас Кассаб-имеется в виду Абу-л-Аббас Ахмад бин Мухаммад бин Абд ал-Карим Кассаб (X в.), суфийский подвижник. Он был неграмотным, однако хорошо разбирался в суфийских и богословских вопросах и к нему нередко обращались за советом суфийские авторитеты; имел множество учеников. Худжвири пишет о нем: «Он был связан с ведущими шейхами Мавераннахра и был известен своими высокими духовными дарованиями, прозорливостью, многочисленными наглядными свидетельствами, подвижничеством и чудесами (Худжвири. Кашф ал-махджуб, с. 159–160).
155. Амул-здесь, скорее всего, имеется в виду город, находящийся в Табаристане, так как шейх говорит о том, что направился в сторону Абиварда и Нисы. Еще один город Амул, называвшийся также Амуйе, Амул Джейхуна или Амул аш-шатт («Амул на берегу реки»), был расположен к северо-востоку от Мерва, т.е. в противоположном направлении.
156. Ахмад Наджжар-возможно, речь идет о шейхе Ахмаде Наджжаре Самарканди, о котором Худжвири писал, что он «... жил в Мерве, был султаном своего века» (Худжвири. Кашф ал-махджуб, с. 172).
157. Не ясно, о ком идет речь.
158. Не ясно, о ком идет речь.
159. Возможно, также, что под этим подразумевались какие-то духовные дары.
160. В данном случае шейх обыграл название селения «Андарман». «Андар» по-персидски обозначает направление «в, внутрь», а «дар мандан» значит «попасть в беду».
161. Ахмад Наср (втор. пол. X-нач. XI вв.)-суфийский шейх, проживавший в Нисе.
162. Название кладбища-«Баракух» содержится в тексте М. Шафии Кадкани. В комментариях он указывает, что это кладбище находилось в Нисе, однако сведений о нем не осталось (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 733). В издании Хусейна Бадр ад-Дина «Баракух» дается не как название, а приведено в форме «бар ан кух» (см. с. 291)-«на той горе». Мы сочли вариант М. Шафии Кадкани более предпочтительным.
163. Абу Али Даккак-имеется в виду Абу Али Хасан бин Али бин Мухаммад бин Исхак (ум. в 1015г.), выдающийся суфийский наставник и признанный авторитет. Он был учителем многих известных суфиев, в том числе Кушейри, который к тому же приходился ему зятем.
164. В суфизме хал представляется как особое психическое состояние, как дар Всевышнего, вносимый в сердце пребывающего на «пути» («тарика») к Богу (см. Дж. С. Тримингэм. Суфийские ордены в исламе, с. 119; а также Фарханг-и лугат ва истилахат ва та'бират-и ирфани-Техран, 1983, с. 165).
165. Хадис приведен для подчеркивания мысли о том, что духовным наследием этих шейхов будут пользоваться последующие поколения суфиев.
166. Под «соколом тариката» подразумевается шейх Абу Са'ид. По тексту следует, что в это время он направлялся в Бисме.
167. Абу Осман Хири-имеется в виду Абу Осман Саид бин Исмаил ал-Хири (ум. в 910г.), суфийский шейх, выходец из Хорасана. А. Шimmel отмечает, что он «считается одним из великих духовных учителей своего времени, основателем суфизма в Нишапуре» (А. Шimmel. Мир исламского мистицизма, с. 49).
168. Проницательность в сочинении означает в основном способность читать мысли.

169. Коран, 28: 35.
170. Речь в данном случае идет о существующем знании, от которого отказался Абу Са'ид и мистическом познании, на которое намекал старик.
171. Залла–то, что гость забирал с собой от угощения, уходя домой.
172. Здесь под хадисом, видимо, имеется в виду приобщение к мистическому пути.
173. Речь идет об огромном труде Сулами «Хакаиқ ат–тафсир» («Истины толкования»), представляющем собой попытку воссоздания традиции мистического истолкования Корана и содержащем многочисленные высказывания и комментарии предшествующих суфийских авторитетов.
174. Коран, 6: 91.
175. По мнению М. Шафии Кадкани, под дуканом следует понимать каменную скамью (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 489–490). Однако в данном случае речь идет о лавке или другом помещении, скажем, палатке, ремесленной мастерской или месте, где обычно проводилось время.
176. Мы оставили в переводе слово «мейхенец», хотя в оригинале «балхец», так как в этом фрагменте текста проступает несоответствие с тем событием, которое приведено выше и которое упоминает отец шейха. На с. 76 перевода и с.295 оригинала ответ, содержащий фразу « тебе нельзя это знать, мейхенец» дает не отец, а сам Абу Са'ид, отвечающий на вопрос отца. Тем самым суть беседы шейха с отцом в настоящем, то есть во втором подобном эпизоде по забывчивости автора или по другой причине искажена (правда, можно предположить, что был еще какой–то эпизод, не вошедший в дальнейшем в текст), а перевод « мейхенец» хотя бы в какой–то степени помогает осмыслению общей ситуации.
177. Имеется в виду встреча с Богом.
178. Музаффар Хамдан–имеется в виду суфий Абу Ахмад ал–Музаффар бин Ахмад бин Хамдан (XI в.). К нему уважительно относился Абу Са'ид. Худжвири писал о нем: «Он был наделен красноречием и проникновенно рассуждал о растворении и пребывании в Боге» (Худжвири. Кашф ал–махджуб, с. 168).
179. То есть вновь возвращаться к тому знанию, от которого ты уже отказался.
180. Коран, 56: 24.
181. Речь идет о дополнительном намазе.
182. Абу–л–Хасан Харакани–имеется в виду Абу–л–Хасан Али бин Ахмад ал–Харакани (ум. в 1033 / 34г.), выдающийся персидский мистик и проповедник. Хотя он был неграмотным, однако его красноречие, оригинальные суждения и эмоциональные высказывания оказали большое воздействие на многих суфиев, считавших его своим учителем и наставником. Особенно сильное влияние он оказал на знаменитого суфия, мыслителя Абдаллаха Ансари, который стал одним из последовательных его муридов. Известны высказывания Абдаллаха об Абу–л–Хасане. Одно из них выглядит так: «Абдаллах был человеком пустыни, отправился он искать живую воду, внезапно добрался до шейха Абу–л–Хасана Харакани, увидел источник живой воды, он испил столько, что отрешился от себя и не стало ни Абдаллаха, ни шейха Абу–л–Хасана Харакани» (см. М. Д. Кязимов. Из истории суфийской мысли–Баку, 2001, с. 9).
183. Не ясно, какое место упоминается.
184. Имеется в виду, что все происходит от Бога.
185. То есть суфия, идущего по пути мистического совершенствования.

186. Первое выражение принадлежит Байазиду Бистами, а второе—одному из ранних мистиков и суфийских проповедников Мансуру Халладжу (858–казн. в 922).
187. Не ясно, о ком идет речь.
188. Абу Мухаммад Джарири—имеется в виду Абу Мухаммад Ахмад бин Мухаммад бин Хусейн Джарири (1X–X вв.), влиятельный суфий, который был сподвижником известного суфийского наставника Сахла Тустари (ум. в 896г.) (см. подробно Шафии Кадкани, ч. 2, с. 671).
189. Очевидно, просто гипербола, означающая, что шейх был приободрен и у него было возвышенное состояние духа.
190. То есть эти слова станут для него руководством, свидетельством этого пути.
191. Имеется в виду, что это не пустые или нелепые слова.
192. Абу Абдаллах Дастанани—имеется в виду Абу Абдаллах Мухаммад бин Али ад-Дастанани (ум. в 1026г), авторитетный суфий, обладавший обширными познаниями. Почти всю жизнь он прожил в Бистаме.
193. Шейх ал-ислам Абу Са'д—имеется в виду сын Абу Тахира, внук шейха Абу Саида, Абу Са'д бин Са'ид бин Фазлаллах (454 / 1062–507 / 1113) (см. Шафии Кадкани, ч. 1, с. 148).
194. Наиб—заместитель, представитель или наместник.
195. Коран, 46: 15.
196. Иахья бин Закарийя—пророк, сын Закарийи, евангельский Иоанн Креститель (см. подробно Ислам: Энциклопедический словарь, с. 120).
197. Иса бин Марйам—Иса сын Марйам, христианский Иисус, пророк, имя которого неоднократно встречается в Коране.
198. Коран, 19: 12.
199. Коран, 19: 29–31.
200. Коран, 76: 1.
201. Коран, 76: 2.
202. В тексте изложение идет от первого лица, а по сути должно идти от третьего, что мы и отразили в своем переводе.
203. Коран, 76: 1.
204. Коран, 46: 15.
205. Речь здесь идет о длительности хала, что по словам Абу Али Даххака, достигалось в редких случаях и происходило мгновенно.
206. Вакт (« время»)—« миг», « мгновение», взаимосвязанное с состоянием хала и означающее момент временного разрыва и обретение состояния, предвещающего мистическую встречу с Возлюбленным.
207. Эти слова, безусловно, противоречили исламской традиции и не могли быть приняты правоверными мусульманами (см. также Бадр ад-Дин, с. 314).
208. То есть преувеличенных сведений из жизни Абу Саида.

Глава 2

1. Табаран—городок, расположенный возле Туса или входящий в состав Туса. Некоторые средневековые источники указывают, что город Тус собственно состоял из двух частей: Табарана и Нугана (см. Ф. Карими. Зивийе: Шахрха-йи Иран—Шираз, 1386, с. 131–132). В.В. Бартольд отмечал, что название Тус носил в X в. целый округ с го-

- родами Нуганом и Табараном и деревней Сенабад (см. В.В. Бартольд. Сочинения, т. У11–М., 1971, с. 114).
2. Ма'шук–имеется в виду Мухаммад Ма'шук Туси один из видных суфийских шейхов X–XI вв. Худжвири, перечисляя хорасанских шейхов, писал о нем: «Шейх Мухаммад Ма'шук находился в высшем духовном состоянии и весь пылал любовью» (Худжвири. Кашф ал–махджуб, с. 172).
 3. Имеется в виду, что уважение и почести через некоторое время окажут и тебе.
 4. Возможно, речь идет об Абу Ахмаде ал–Музаффаре бин Ахмаде бин Хамдане (см. о нем № 178 к предыдущей главе).
 5. Не ясно, о ком идет речь.
 6. Не ясно, о ком идет речь.
 7. Речь идет о знаменитом везире Сельджукидов Алп–Арслана и Малик–шаха Абу Али ал–Хасане бин Али бин Исхаке ат–Туси (1018–1092), носившем почетный титул Низам ал–Мулк («порядок царства»). Свои политические взгляды он изложил в трактате «Сийасат–наме» («Книга об управлении»). Он основал также в различных городах медресе, получившие названия Низамийе, в том числе и самое известное в Багдаде в 1067г.
 8. Имеется в виду повелителя мира.
 9. Возможно, речь идет об Абу–л–Касиме Хашиме бин Мухаммаде бин Хасане (род. в 425 г.х. (1033 г.), которого некоторые авторы тазкире считали поэтом (см. Бадр ад–Дин, с. 321; Шафии Кадкани, ч. 2, с.678).
 10. На проповедях шейха, как об этом неоднократно упоминается в «Асрар ат–таухид», пожилые люди обычно сидели перед шейхом, а молодые стояли.
 11. Под целью здесь подразумевается Бог.
 12. Обычно, если во время сама или в состоянии хала суфии снимали или разрывали хирки, то они уже им не принадлежали. И для того, чтобы получить право надеть новую хирку они устраивали угощение.
 13. Абу–л–Касим Гургани–речь идет об Абу–л–Касиме Али бин Абдаллахе ал–Гургани (ал–Карракани) (ум. в 1076 г.) одним из знаменитых шейхов Хорасана. Худжвири отмечал, что «ему не было равных» и что «он был всесторонне образован» и «ему были открыты внутренние переживания начинающих» (Худжвири. Кашф ал–махджуб, с. 166–167).
 14. Имеется в виду обширность мира, в котором, несомненно, найдутся люди, подобные Абу Са'иду и Абу–л–Касиму Гургани.
 15. Хадим–обычно прислужник, а в ряде суфийских орденов–лицо, ведущее хозяйство в обители.
 16. Аданикубан или Аданикуйан–один из известных кварталов Нишапура.
 17. Абу Али Тарсуси (ум. в 875 г.)–суфийский шейх, основавший ханаку в Нишапуре.
 18. Изар–набедренная повязка или кусок материи, которым обертывались во время купания в бане.
 19. То есть проявил готовность служить.
 20. Абу–л–Касим Кушейри–речь идет об Абу–л–Касиме Абд ал–Кариме бин Хавазане ал–Кушейри (986–1072) выдающемся суфии и богослове. Он родился в Хорасане, в местечке Эстева. Кушейри был учеником и зятем Абу Али ад–Даккака, а после его смерти возглавил его общину. Кушейри–автор знаменитого суфийского труда «ар–

- Рисала ал-Кушайрия фи илм ат - тасаввуф» (« Кушейриев трактат о суфийской науке»).
21. То есть один шаг на пути к Богу подразумевает отказ от собственной сути.
 22. В данном случае Абу Са'ид обыграл слово « кама», которым называют растение, встречающееся в пустыне. Он применил слово « кама» не в своем основном значении, а в форме кам + ай, т.е. « кам айид» - « будьте малыми». И смысл фразы заключается в том, что надо считать себя маленьким, незначительным, тогда вы будете всем (см. также Шафии Кадкани, ч. 2, с.501).
 23. Хасан Муаддаб—один из самых преданных и доверенных муридов шейха Абу Са'ида. Он был очевидцем многих событий из жизни шейха. Его имя приводится и у Худжвири (см. Худжвири. Кашф ал-махдуб, с. 161).
 24. Указание на аят 50, суры 6 и аят 188, суры 7.
 25. Мухаммад Шавкани—речь идет об Абу Абдаллахе Мухаммаде бин Ахмаде бин Мухаммаде бин Али Шавкани Малеки (460 / 1067–542 / 1147). Он был праведным человеком, захидом (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 704), исполнял обязанности хадима ханаки Абу Са'ида. Он, а также его брат Омар бин Ахмад бин Мухаммад бин Али Шавкани Малеки, были современниками автора сочинения.
 26. Имеется в виду выезжать с товаром в другие города.
 27. Чомчом—род обуви с матерчатой подошвой. В основном ее носили беднота и дервиши.
 28. Икама—второй призыв на молитву, следующий непосредственно перед ее началом. В отличие от первого призыва (азан) икама состоит не из семи, а из восьми религиозных формул. Есть различия и в том сколько раз повторяется каждая формула в азане и икама.
 29. Очевидно, что незнакомец появился на следующий день во время послеполуденного намаза.
 30. Х. Бадр ад-Дин указывает, что это пословица (см. Бадр ад-Дин, с. 331).
 31. Рукава были настолько широки, что в них помещались разнообразные вещи: от книг до сладостей.
 32. Абу Бакр Исхак Каррами—речь идет об Абу Бакре бин Исхаке бин Мамшаде, возглавлявшем каррамитов Нишапура. Во время правления султана Махмуда Газневида он пользовался всяческой поддержкой и уважением (см. Бадр ад-Дин, с. 332).
 33. Асхаб ар-рай—« сторонники независимого суждения», общее название представителей одного из направлений законоведения У11–У111 вв. в противопоставление асхаб ал-хадис—« сторонники предания». Асхаб ар-рай получили это название за предпочтение решать правовые вопросы на основании собственного мнения (рай), а не на основании прецедента, извлекаемого из предания (Ислам: Энциклопедический словарь, с. 24).
 34. Рафизиты—так называли шиитов.
 35. Кази Са'эд—речь идет об Абу-л-Ала Са'эде бин Мухаммаде бин Ахмаде бин Абдаллахе (343 / 954–431/32 / 1039 / 40) знаменитом мусульманском ученом, законоводе, знатоке хадисов. Он имел большой авторитет в Хорасане и его учеником был сам султан Махмуд Газневид. Одно время он враждовал с Абу Бакром бин Исхаком Каррами (подробно см. Бадр ад-Дин, с. 333; а также Шафии Кадкани, ч. 2, с. 705–706).

36. Лузине—сладость, изготавливаемая из миндаля и сахара; своего рода миндальная халва.
37. Захид—аскет, отшельник.
38. То есть следует его наказать.
39. Имеются в виду странствующие (мусафир) дервиши, которые прибывали из разных мест и временно проживали в ханаке.
40. Ратл—мера веса, приблизительно равная 400 гр.
41. Халва халифати—высший сорт халвы; т. е. халва, подобающая шахам, халифам.
42. Карбас—бумажная ткань, производство которой было распространено по всему мусульманскому Востоку, но особенно славилось бухарское производство (см. Низам ал—Мулк. Сиасет—наме /Пер., введ. в изучен. памят. и перим. Б. Н. Заходера—М., 1949, с. 321). Эта ткань или полотно использовались в различных целях, в том числе в качестве скатерти.
43. То есть слухом о предстоящей казни.
44. То есть стоимость золота соответствовала тому, что попросил купить шейх.
45. Максуре—огороженное место в мечети, предназначенное для халифа, правителя, имама и других высоких чинов.
46. Хатиб—оратор, проповедник, читающий хутбу в мечети. Часто эта роль поручалась судьям (кази).
47. Имеются в виду приветствия в конце намаза.
48. Чахарсу—йи керманийан—один из крупных торговых кварталов Нишапура.
49. Как—сладкая сухая лепешка.
50. Мунакка—сорт очищенного изюма.
51. Как отмечает Х. Бадр ад—Дин, « камфарная материя» здесь может иметь два значения: либо белоснежная, либо пропитанная камфарой и стало быть благоухающая (см. Бадр ад—Дин, с. 337).
52. Не ясно, о ком идет речь.
53. Коран, 109: 6.
54. Ихрам—специальное одеяние паломников, состоящее из двух кусков белой материи. Так называют также особое состояние освящения.
55. Лаббейк—часто произносится во время хаджа и означает « слушаю и повинуюсь».
56. В момент наивысшего возбуждения суфии иногда разрывали или сбрасывали свои хирки (см. также № 12).
57. Иши Нили—она происходила из нишапурского рода Нили, представители которого прославились как врачи. Возможно, она была дочерью нишапурского врача, поэта и адипа Абу Сахла Са'ида бин Абд ал—Азиза Нили (353 / 964—420 / 1029) (см. подробно Бадр ад—Дин, с. 339, а также Шафии Кадкани, ч. 2, с.689—690).
58. Хабба—одна шестая часть данга.
59. Барбат—струнный музыкальный инструмент.
60. То есть ты осквернила свой рот, произнося эти стихи и поэтому его следует вымыть.
61. Автор допустил ошибку, поскольку Абу Наср Мухаммад бин Мансур бин Абд ар—Рахим Хорзи, о котором говорится, родился в 1066 г., то есть через 18 лет после смерти Абу Са'ида и не мог общаться с ним.
62. Худжра—комнатушка или келья, часто комнатка в медресе; здесь имеется в виду помещение отхожего места или перед ним.

63. Истибра–выжимание остатков мочи из мочеиспускательного канала мужчины; необходимое условие очищения тела от нечистоты (А. Али–заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 165).
64. Речь, видимо, идет вообще о собрании хадисов.
65. В данном случае словом муамала обозначается знание религиозных обязанностей и соответствующее поведение.
66. Перевод предыдущей фразы с арабского языка сделан самим автором. Далее в тексте подобные переводы с арабского встречаются несколько раз.
67. Абу Ахмад–речь идет об Абу Ахмаде Хасане бин Ахмаде бин Амираке, муриде и близком человеке Абу–л–Касима Кушейри. Он был также одним из доверенных людей амида Хорасана Абу Са'да Мухаммада бин Мансура (см. Бадр ад–Дин, с.344).
68. Ходжа Амр–речь идет об Абу Амре Абд ал–Вахабе бин Абд ар–Рахмане Сулами–двоюродном брате и зяте Абу–л–Касима Кушейри. Он пользовался уважением среди суфиев и писал стихи на персидском языке (см. Бадр ад–Дин, с.344).
69. Абу Бакр Муаддаб–речь идет об Абу Бакре Ахмаде бин Али бин ал–Хасане ал–Муаддабе ал–Бейхаки. Он был образованным человеком, собирал хадисы и был адибом сыновей Абу Са'ида (см. Бадр ад–Дин, с. 345).
70. Дехкан–земледелец, владелец деревни.
71. Абу–л–Футух Газайери–речь идет об Абу–л–Футухе Насре бин Хусейне бин Ибрахиме бин Нухе Газайери, знаменитом хорасанском теще Корана и знатоке музыки, обладавшем красивым голосом (см. Бадр ад–Дин, с. 346).
72. Не ясно, о ком идет речь.
73. Абу–л–Маали Джувейни–имеется в виду Абу–л–Маали Абд ал–Малик бин Абдаллах Джувейни (1028–1085)–видный представитель аш'аритского калама, учитель Газали. Он родился в селении Азавар, входившем в округ Джувейн, близ Нишапура. Изучал калам и усул под руководством Абу–л–Касима ал–Исфараини, а фикх–под руководством отца. Во время организованных сельджукским везиром ал–Кундури гонений на аш'аритов Джувейни бежал в Хиджаз и жил в Мекке и Медине (1058–1062), за что получил почетное прозвище имам ал–харамейн («имам двух священных городов»). От главного сочинения Джувейни по каламу «аш–Шамил» до нас дошла одна треть, а сохранившийся его сокращенный вариант «ал–Иршад» - представляет собой пособие для начинающих (см. подробно Ислам: Энциклопедический словарь, с. 68).
74. Речь идет о диалекте.
75. По мнению Х. Бадр ад–Дина, это, возможно, была какая–то поговорка (см. Бадр ад–Дин, с. 348).
76. Ахмад Малекан–имеется в виду Ахмад бин Али бин Мухаммад Малеки Шавкани (XI в.) знаменитый хорасанский знаток хадисов (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 686–687).
77. В тексте–мутасаввифы. Поскольку у автора сочинения это слово используется как синоним слова суфий, то мы в переводе оставили для удобства слово суфий. Что касается возможного различия между мутасаввифом и суфием, то такие авторитеты, как Кушейри считали мутасаввифов людьми, которые только пытаются стать суфиями (см. А. Али–заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 249).
78. Есть на базаре для людей, проповедующих отречение от мирского, считалось непроизвольным.
79. Имеется в виду Абу Наср Хорзи. Поскольку дата смерти Хасана Муаддаба нам неизвестна, то трудно сказать мог Абу Наср общаться с ним или нет (см. также № 62).

80. Хирку с дервиша снимали в случае совершения им неблагоприятных поступков.
81. Сахиб–и суфра–бувк. «хозяин скатерти», человек, который отвечал за организацию угощения и прием гостей.
82. Не ясно, о ком идет речь.
83. То есть не показывали того, что знаем об этом.
84. Корси–кресло, скамья, кафедра или возвышенное место.
85. Абу Абдаллах Баку–речь идет об Абу Абдаллахе Мухаммаде бин Абдаллахе бин Убайдаллахе бин Бакуйе Ширази (933/ 34–1050/ 51.), известном под прозвищем Баба Кухи, азербайджанском мыслителе и поэте, суфийском шейхе, знатоке хадисов. В молодости он много путешествовал, побывал во многих городах Востока, долгое время жил в Нишапуре. Здесь он познакомился с такими суфийскими шейхами, как Абд ар–Рахман Сулами, Абу–л–Касим Кушейри, Абу Са'ид. Он пользовался большим уважением в суфийской среде и после смерти Сулами возглавил его ханак. Последние годы жизни Баба Кухи провел в Ширазе в пещере на склоне горы и здесь же был похоронен. Его могила превратилась в место паломничества, ее посещал и великий поэт Хафиз. Баба Кухи–автор дивана, носящего суфийский характер и состоящего в основном из газелей. Он также написал биографию Мансура Халладжа и являлся автором нескольких еще не найденных сочинений, в том числе «Ахбар ал–арифин» («Сведения об арифак») (см. подробно Е.Э. Бертельс. Суфизм и суфийская литература, с. 279–300 ; а также С.Д. Рзакулизаде. Мировоззрение Баба Кухи Бакуви–Баку, 1978).
86. Вероятно, поговорка. Ее с иронией использовали в случае, когда кто–то занимался самовосхвалением или был слишком высокого мнения о себе. Дизбад–селение в окрестностях Нишапура (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 515).
87. То есть безо всяких средств и возможностей.
88. То есть ждут, что ты скажешь.
89. Хатеф–ангел–вестник. Как указывает Дж. Саджжиди: «Проповедник истины, сверкающий в сердце салика» (Дж.Саджжиди. Фарханг–и лугат, с. 495).
90. Коран, 8: 63.
91. Так называемые чины, о которых говорит Абу Са'ид, это фактически прозвания пророков: Ибрахима–Халилаллах («друг Аллаха»), Мусы–Калималлах («собеседник Аллаха»), а один из эпитетов Мухаммада был Хабибаллах («любимый Аллахом») и далее см. № 92.
92. То есть с помощью данного хадиса предпринята попытка обоснования правомерности применения этих прозваний к простым людям. Однако не ясно, как это связывалось с Мухаммадом. А использование его эпитета для обозначения Абу Са'ида вряд ли вообще было допустимо.
93. Амид–сборщик податей. М. Шафии Кадкани отмечает, что этот термин был распространен в Хорасане в основном на протяжении X1–X11 вв. (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 715).
94. Дар–и азра–квартал в Нишапуре, где селились в основном образованные люди, ученые, судьи.
95. Неполновесные в данном случае означает часть от целого, полновесного слитка, из которого чеканили монеты или же, возможно, что под полновесной монетой подразумевался золотой динар, а серебро соответственно принималось как «неполновесные монеты».

96. Абу Са'ид Хашшаб—речь идет об Абу Саиде Мухаммаде бин Али бин Мухаммаде бин Ахмаде бин Хабибе ас-Саффаре (381/ 991–456 / 1063), по прозвищу « Хашшаб» - « Продавец дров». Он был одним из близких людей и соратников Абд ар-Рахмана Сулами. Х. Бадр ад-Дин отмечает, что Мухаммад бин Мунаввар ошибочно причисляет его к хадимам Абу Саида (см. Бадр ад-Дин, с. 361).
97. Габа—мужская одежда с длинными рукавами; рида—накидка.
98. Имеется в виду сын Абу Тахира, внук Абу Са'ида. Он был одним из выдающихся суфийских шейхов, крупным улемом.
99. Не ясно, о ком идет речь.
100. Харадж—поземельный налог.
101. Не ясно, о ком идет речь.
102. То есть станут служить тебе.
103. Бугра—хан—имеется в виду Харун Бугра—хан, внук предводителя Караханидов Сатука Бугра—хана. Интересы Харуна сосредоточивались в Мавераннахре, где вследствие упадка Саманидов наступило безвластие. В 992г. Бугра—хан занял Бухару, а несколько лет спустя он и Махмуд Газневид окончательно сокрушили владычество Саманидов (см. К.Э. Босворт. Мусульманские династии / Пер. с англ. П.А.Грязневича—М., 1971, с. 158).
104. Поскольку ты не сразу явился к нам.
105. То есть с нетерпением ждали тебя.
106. По мнению М. Шафии Кадкани, речь в данном случае идет об одном из разделов науки о хадисах (илм-и хадис) либо разделе фикха, выявляющем и изучающем сходства и расхождения в мазхабах (илм-и хелафи—наука о расхождениях) (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 533, а также с. 911).
107. Коран, 74: 28.
108. Имеется в виду, что когда проступает Истина, то исчезает все. Это относится и к суфию—влюбленному , что находит подтверждение в следующих затем стихотворных строках.
109. Абу Абдаллах Каррам—имеется в виду Абу Абдаллах Мухаммад бин Каррам (806–869)—основатель ал-каррамииа (каррамиты), теологического направления, получившего распространение в центральных и восточных областях Багдадского халифата. Он учился в разных городах Хорасана, пять лет провел в Мекке, основал хануку в ал-Кудсе (Иерусалим). Бин Каррам имел много последователей. Каррамиты считали Бога субстанцией, акциденции которого составляют предметы материального мира (подробно см. Ислам: Энциклопедический словарь, с. 133–134).
110. Не ясно, о ком идет речь. Возможно, Абу-л-Хасан Туни имел отношение или даже был основателем одной из школ каррамитов, называвшейся тунийа.
111. Скорее всего подразумеваются иконы, повешенные на стену, поскольку дальше в тексте сообщается, что « изображения ... упали на землю».
112. Хотя в тексте « перед навесом», но в таком случае создается путаница.
113. Коран, 5: 116.
114. Зуннар—грубый волосяной пояс, который в средние века в мусульманских странах обязаны были носить для отличия иноверцы, в основном христиане.
115. Мухаффа—крытые сиденья для перенесения людей; обычно они крепились на вычурных животных.

116. Слово « тахт» вообще переводится, как « трон», « престол», но здесь, скорее всего, речь идет о сиденье, скамье либо каком-то возвышении.
117. Фараджи–особого рода верхнее одеяние, суфийская джубба.
118. Ава–пицца, которую, как правило, едят с хлебом, к примеру, похлебка или кислое молоко.
119. Муджахиз–человек, который доставлял товары купца из одного города в другой.
120. То есть, чтобы ты не требовал возвращения долга.
121. Футе–особый род ткани, из которого в основном шили одеяние для аскетов.
122. Натэф–род сахарной халвы.
123. То есть все долги были выплачены.
124. Обычно провинившийся суфий шел к дверям ханаки и стоял здесь, вымаливая прощение. «Разделся» - имеется в виду с непокрытой головой.
125. Харисе или халим–густой отвар, который готовили из крупноразмолотой пшеницы и мяса.
126. Зирба–тминная похлебка ; суп с тмином, мясом и уксусом.
127. Биалал Хабаши–имеется в виду чернокожий абиссинец Абу Абдаллах Биалал бин Раббах Хабаши (ум. в 640 или 642 г.). Один из первых мусульман, он был доверенным лицом и муэдзином пророка.
128. Не ясно, о какой реке идет речь. М. Шафии Кадкани указывает, что это река, протекающая возле селений Харв–и бала (« Верхний Харв») и Харв–и пайин («Нижний Харв») в окрестностях Нишапура (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 741).
129. Имеются в виду сорок святых–абдал, включенных в духовную иерархию суфиев и следующих после семи аббар.
130. Алид–так называли потомков имама Али бин Абу Талиба.
131. То есть обрести нечто лучшее, чем родословная.
132. Абу Джахл («отец невежества»)–один из влиятельных курайшитов из клана Махзумитов, яростный противник Мухаммада. Его имя было Амр бин Хишам ал–Мугира. Он жестоко преследовал пророка и первых мусульман в Мекке. Был убит в сражении при Бадре в 624 г. (см. подробно А. Али–заде. Исламский энциклопедический словарь–М., 2007, с. 17–18).
133. Абу Лахаб («отец пламени», «пламенеющий»)–прозвище Абд ал–Уззы бин Абд ал–Мутталиба (середина У1 в.–624 г.), дяди и одного из главных врагов Мухаммада в позднемекканский период его деятельности. Абу Лахаб–единственный из врагов Мухаммада, который назван по имени и проклинается в суре 111 Корана (см. подробно Ислам: Энциклопедический словарь, с. 9).
134. Под старшим подразумевается Мухаммад и шейх хотел сказать, что пожертвовал всем ради духовной близости с Мухаммадом.
135. Коран подразделяли на семь частей и каждую часть считали за 1 / 7 (йек соб’).
136. Коран 5: 67.
137. Коран, 53: 10
138. В варианте М. Шафии Кадкани–4000 лет (см. Шафии Кадкани, ч. 1, с. 102).
139. Мухтасиб–в средние века представитель власти, должностное лицо, следившее за соблюдением шариата, этических норм, а также правил купли–продажи на городском базаре и других местах.
140. Не ясно, о ком идет речь.
141. Не ясно, о ком идет речь.

142. Исмаил Аббас—имеется в виду знаменитый суфий Исмаил бин Али бин Аббас (XI в.). Он был муридом Абу-л-Касима Кушейри.
143. В варианте М. Шафии Кадкани следует Абу Осман Хири. Но это ошибка, на что указывает и сам М. Шафии Кадкани (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 664). Абу Осман Хири умер в 910 г. и не мог общаться с Абу Са'идом. Может быть, имелся в виду какой-нибудь другой Абу Осман.
144. Коран, 39: 65.
145. Не ясно, о ком идет речь.
146. Асхаб—и ашара («десять сподвижников») —имеются в виду десять ближайших сподвижников пророка (в том числе четверо «праведных халифов» - «ал-хулафа ар-рашидун»). Их еще называют ашара мубашшара («десять [получивших] благу весть»). Пророк при жизни обрадовал их вестью о том, что они станут обитателями рая (см. подробно А. Али—заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 58).
- 146а. Чартаги—Четырехарочное с куполом сооружение над могилой.
147. Тамбур—струнный музыкальный инструмент с длинным грифом и круглым корпусом.
148. Булгар—средневековый город, в X—XI вв. столица Болгарии Волжско—Камской. Его остатки находятся возле современного города Болгар в 140 км. к югу от Казани.
149. Нахрвале или Нахрвала (Анхарвала)—древняя столица Гуджарата, располагавшаяся к юго—западу от Дели.
150. Асприс—один из кварталов Нишапура. У Хусейна Бадр ад—Дина вместо Асприса приведен « базар кузнецов» (см. Бадр ад—Дин, с. 388). Однако вряд ли там могла находиться лавка мясника, поэтому в данном случае мы избрали вариант М. Шафии Кадкани, как более логичный.
151. То есть получил запрашиваемую цену.
152. В тексте слово «корд». Х. Бадр ад—Дин указывает, что оно может означать и « курд», и употребляться в значении «овцевод», как это имело место в то время (см. Бадр ад—Дин, с. 388).
153. Мечеть Мутарриз была одной из самых известных мечетей Нишапура. В ней одновременно могли молиться две тысячи человек. Она была основана в конце IX начале X вв. одним из улемов и подвижников по имени Абу Бакр Мухаммад бин Йахья бин Сахл Мутарриз (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 757).
154. Пословица, допускающая разные толкования. Однако здесь она использована не совсем удачно и, видимо, была рассчитана на следующее толкование: также, как для воды из бани нужна яма, так и для шейха естественно было знать обо всем.
155. Накиб («старейшина», «глава», «уполномоченный») —чиновник, занимавшийся делами потомков пророка Мухаммада. Накибы фиксировали факт и точную дату рождения их детей, составляли генеалогии, а также устанавливали личности людей, выдававших себя за потомков пророка. Должность накиба была очень почетной в мусульманском обществе (см. А. Али—заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 261—262). В тексте этот термин использован в значении «шихна». Шихна—должность, соответствующая коменданту города, стоявшему во главе гарнизона. Лицо, занимавшее эту должность несло ответственность за безопасность и порядок в городе. Шихна принимал также участие и в судопроизводстве наряду с судьей, следователем и др., следил за приведением в исполнение приговора.
156. Х. Бадр ад—Дин предлагает «харисе» истолковывать символически, как проявление мягкости в ответ на возможную резкость Абу Са'ида, если он поймет, что его испы-

- тывают (см. Бадр ад-Дин, с. 391). В любом случае «харисе» здесь служит проявлением отношения персонажей рассказа к шейху.
157. Барака-благословение, благодеяние. Источником бараки, по Корану, является Аллах, который может отмечать им пророков. Барака может также передаваться от пророков святым людям, от которых в свою очередь оно переходит по духовному наследству (см. подробно Ислам: Энциклопедический словарь, с. 38; а также А. Али-заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 68).
 158. Не ясно, о ком идет речь. Даразра здесь использовано в качестве нисбы.
 159. Нуган-см. прим. № 1 ко второй главе.
 160. То есть заморочил бы тебе голову.
 161. М. Шафии Кадкани, основываясь на сведениях, приводимых Раванди, пишет о том, что у Тогрула не было везира с таким именем (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 680-681).
 162. Тогрул-имеется в виду основатель династии Сельджукидов султан Тогрул 1 (1038-1063).
 163. Имеются в виду вопросы ангелов Мункара и Накира, которые являются к умершему человеку сразу после смерти и расспрашивают его о его вере и деяниях.
 164. То есть похоронных обрядов и самой процессии.
 165. Ибрахим Инал-сводный брат султана Тогрула. Был убит в 1058 г.
 166. Абу Бакр Шавкани-речь идет об известном факихе Абу Бакре Ламе бин Ахмаде бин Фазлуе Шавкани (455 / 1063-4 зулкаада 545 / 23. 11. 1150) (см. АТ, ч. 2 / Изд. М. Шафии Кадкани, с. 646).
 167. Абу Али Фармади-имеется в виду известный суфийский наставник Абу Али ал-Фазл ал-Фармади ат-Туси (ум. в 1084 г.). Он был муридом Абу-л-Касима Кушейри. Его учеником был Ахмад Газали (ум. в 1126 г.), младший брат Мухаммада Газали (1058-1111).
 168. Возможно, речь идет о каком-то духовном настрое.
 169. То есть без чернил. Существовало такого рода поверье, что если трижды перо вынимали из чернильницы без следов чернил на нем, то это означало, что занятия следует прекратить.
 170. У М. Шафии Кадкани-Конбар (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 120).
 171. Тахийат-и масджед-молитва из двух ракатов, совершаемая при входе в мечеть.
 172. То есть какое у тебя дело?
 173. Очевидно, подразумевается не передача хирки, а лишь рукава от одеяния шейха, как о том сообщается в начале рассказа.
 174. Не ясно, о ком идет речь.
 175. Абу Мухаммад Джувейни-речь идет о Мухаммаде бин Абдаллахе бин Йусифе ал-Джувейни (ум. в 1047г.), отце Абу-л-Маали Джувейни. Он был известным факихом.
 176. Имеется в виду внутренняя чистота.
 177. То есть как он узнал о том, что я думал?
 178. Исмаил Сабуни-речь идет об Абу Османе Исмаиле бин Абд ар-Рахмане бин Ахмаде Сабуни (373 / 983-449 / 1057), знаменитом нишапурском проповеднике, комментаторе Корана и знатоке хадисов (см. АТ, ч. 2 / Изд. М. Шафии Кадкани, с. 688).
 179. Такбир-произнесение слов «Аллаху акбар» («Аллах-велик»).
 180. Не ясно, о ком идет речь.
 181. Кийа-титул местных начальников или правителей.

182. Исмаил Мукаррам—речь идет о нишапурце Абу—л—Касиме Исмаиле бин Ахмаде бин Мухаммаде бин Хасане бин Ахмаде бин Мукарраме Аттаре Сейидлани (424 / 1032 или 434 / 1042—520 / 1126). Он происходил из семьи мухаддисов (см. Бадр ад—Дин , с. 404).
183. Не ясно, о ком идет речь.
184. Гянджруд—селение близ Нишапура.
185. То есть они жили на это.
186. Рибат здесь означает место для отдыха, которое подготавливали в саду или же на пашне.
187. Х. Бадр ад—Дин считает, что в данном случае под Сури имеется в виду сахиб—диван Хорасана Сури бин ал—Му’таз (см. Бадр ад—Дин, с.405).
188. Под самым лучшим имеется в виду вера в суфиев.
189. Челле—сорокадневный пост, затворничество.
190. Ушнан—солянка (род трав), которую использовали вместо мыла.
191. Абу—л—Фатх Айази—имеется в виду Насир бин Ахмад бин Мухаммад Айази, факих из Серахса (см. Бадр ад—Дин, с. 408).
192. Имя этого ходжи в разных вариантах текста пишется по—разному. Но мы выбрали вариант М. Шафии Кадкани, как более предпочтительный. Хусейн Ганадусти был адибом, поэтом и факихом (см. Шафии кадкани, ч. 2, с. 696).
193. Абу—л—Хасан Санджари—речь идет об Абу—л—Хасане Али бин Абу Мансуре Музаки Санджари (X1 в.) авторитетном суфийском шейхе из Нишапура. Он был другом шейх ал—ислама Исмаила Сабуни (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 651).
194. Абу Муслим Фариси—имеется в виду Абу Муслим Фарис бин Галиб ал—Фариси, почитаемый суфийский шейх X1 в. из Фарса. Он был современником шейха Абу Са’ида. Нескольо историй о нем включены Худжвири в «Кашф ал—махджуб» (см. Худжвири. Кашф ал—махджуб, с. 163 ; 318—319; 359).
195. Коран, 7: 198.
196. Парс (или Фарс)—историческая область на юге Ирана.
197. Исмаил Сави. Х. Бадр ад—Дин выдвинул предположение о том, что речь, возможно, идет об Исмаиле бин Абдаллахе бин Мусе Сави (ум. в 480 г.х. (1087 г.), происходившим из купеческого рода (см. Бадр ад—Дина, с. 412). М. Шафии Кадкани считает, что речь идет о шейхе Исмаиле Саййари (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 687).
198. Коран, 42: 52.
199. Келим—большой частью келим означает палас, ковер, однако, как и здесь, используется также в смысле накидки.
200. Формула мусульманского вероисповедания—каламе—йи шахадат.
201. Вакил—доверенный человек, который занимался хозяйством, финансовыми и административными делами при дворцах вельмож, имениях или в мечети, обители.
202. Данное предложение является содержащимся в самом тексте переводом предыдущего предложения на арабском языке.
203. В тексте использовано слово «суф» с определением румская [парча], что привело к путанице, поскольку это слово означает « шерсть». М. Шафии Кадкани предложил под словом «суф» здесь понимать суфийское одеяние типа дорраэ (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с.540). Однако чуть ниже в тексте речь идет о том же самом одеянии, но уже названном одним из персонажей и самим шейхом « шерстяной джуббой»

- («джоббе-йи суф»). Поэтому в переводе мы вынуждены были оставить слово джубба, но дать его без определения «шерстяной».
204. Имеется в виду помещение, в котором непосредственно купались.
205. Здесь под вилайатом подразумевается страна.
206. То есть распространить наше учение и прославить нас.
207. Ширван—историческая область в Азербайджане, на западном побережье Каспийского моря, к востоку от реки Куры, а также государство. При Ширваншахах (799–1538) Ширван занимал значительную территорию. Так, к началу X11 в. его территория простиралась до реки Самур на севере (см. З.М.Бунятов. Государство Атабеков Азербайджана–Баку, 1978, с. 140). Столицей Ширвана был город Шемаха.
208. Не ясно, о какой ханаке идет речь.
209. Мукаддам—глава суфиев какого-либо ордена или региона.
210. Не ясно, о каком городе идет речь. Может быть имелась в виду Шемаха.
211. У М. Шафии Кадкани вторая часть фразы выглядит так: «... все люди выступают, и молятся, и клянутся пречистому и всевышнему Господу в почтении к одеянию и шейху. Пречистый и всевышний Господь...» и далее текст идентичен (см. Шафии Кадкани, ч. 1, с. 134).
212. Терйак—и муджарраб—букв. «испытанный опиум» ; здесь используется в значении испытанное средство против невзгод и несчастий, противоядие.
213. То есть нас потянуло туда.
214. Харакан—селение возле Бистама.
215. У М. Шафии Кадкани имя сына Абу–л–Хасана: Абу–л–Касим (см. Шафии Кадкани, ч. 1, с. 135).
216. Иусиф—библейский Иосиф. История о нем составляет основу 12 суры Корана. Йусиф отличался необыкновенной красотой и был любимым сыном Йакуба. В средние века на Востоке сказания о Йусифе легли в основу многих поэм.
217. То есть они поняли, что говоря о том, что «дорогой человек не сможет вынести трудностей», Абу Са'ид имел в виду Абу–л–Хасана.
218. Как правило, встречая дорогого человека, у его ног резали жертвенное животное. На этот обычай и намекает Абу–л–Хасан.
219. То есть мы должны выполнить свой долг и похоронить Ахмада.
220. То есть ты—это тот, о ком мы просили у Бога.
221. То есть ты стоишь дороже того, чтобы тебя просто взяли в Мекку. Такие преувеличения, видимо, использовались у суфиев, но, как мы уже отмечали, они шли вразрез с положениями ислама.
222. То есть все это предназначено тебе, помимо твоей воли.
223. Ходжа Музаффар был сыном Абу Са'ида от его второй жены.
224. Фагире—так обращались к женам суфиев; от слова « фагир » - « нищий, неимущий».
225. То есть кто-то из рассказчиков или сам автор сочинения.
226. В метафорической форме упоминаются некоторые обряды хаджа.
227. Умра—малый обряд паломничества, совершаемое в любое время года.
228. Бистам—городок к юго-востоку от Каспийского моря.
229. Дамган—городок западнее Бистама.
230. То есть в сторону Мекки.
231. Сабзевар—город к востоку от Бистама.
232. Ради времени, проведенного в Бистаме, у могилы Байзида Бистами.

233. То есть он полностью растворился бы в Боге.
234. Джанашк–крепость на северо–востоке Ирана, к западу от Джаджарма.
235. Джаджарм–город к западу от Туса.
236. Фатхи–вид монет, получивших хождение в XI в. в Нишапуре (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 940).
237. Курви–местечко к востоку от Каспийского моря, между Джаджармом и Исфараином (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 753).
238. Калаф–по–персидски «клюв». М. Шафии Кадкани отмечает, что это то самое село «Корф», название которого зафиксировано и в форме «Кафир» - «безбожник», и находилось оно в 7 км. к северо–востоку от Исфараина (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 753).
239. «Банд» по–персидски означает «оковы».
240. «Ходашад» означает « Бог доволен, весел».
241. Джигарбанд–блюдо, которое готовили из нарезанной мелкими кусочками печени, зажаренной вместе с луком.
242. Перевод данного предложения с арабского дан в самом тексте; в оригинале: «...когда мы встретились...».
243. Муздавадже–шапка, которую обычно носили дервиши.
244. То есть очень любимы нами. Перевод с арабского дан в самом тексте.
245. Видимо, имеется в виду, что не смогу вынести Твою красоту.
246. Зошк–селение в районе Нишапура, располагавшееся по дороге из Нишапура в Тус (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 747).
247. Не ясно, о каком месте идет речь.
248. То есть они заблуждаются в своем мнении. Это происшествие произошло не потому, что шейх не принял вашей просьбы, а в силу случайности.
249. Абу–л–Фазл Мухаммад бин Ахмад Ареф Нугани–суфий, собиратель и знаток хадисов. Ум. в 532 г.х. (1137 г.) (см. Бадр ад–Дин, с. 433).
250. Количе–вид сдобного хлеба.
251. То есть закончили намаз.
252. Не ясно, о ком идет речь.
253. Мавизва–блюдо, при приготовлении которого использовали черный изюм (мавиз) ; галие–блюдо из рубленого жареного мяса, а в галие–йи газар добавляли еще и лук, морковь (газар), белую фасоль или горох; халву фанид готовили из муки, масла, сахарного песка и горького миндаля.
254. Пушанг–и хари–городок в семи километрах от Герата (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 735).
255. Имеется в виду, что вначале пошел в баню, помылся и подстригся, а затем уже пришел к шейху.
256. Бишхан–селение в округе Нисы (см. Шафии Кадкани, ч.2, с. 734).
257. Не ясно, о ком идет речь.
258. Имеется в виду, что видят свет, а под путем подразумевается суфийский путь.
259. Теджен–река, берущая начало в Афганистане и затем протекающая по территории Ирана и Туркменистана. В Афганистане и Иране она известна, как Герируд, а в Туркменистане называется Теджен. М. Шафии Кадкани отмечает, что название Теджен Баварда использовано для того, чтобы отличить ее от другой реки Теджен,

- протекающей в Мазандаране (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 735–736). Автор здесь, вероятно, имеет в виду, что сельджуки обосновались у реки Теджен в Баварде.
260. Х. Бадр ад-Дин считает, что перед именем султана Мас'уда пропущено одно слово. Должно было быть: амид или сахиб-диван султана Мас'уда (см. Бадр ад-Дин, с. 440). То есть это тот самый сахиб-диван Хорасана Сури бин ал-Му'таз (см. № 183). На эту же возможную ошибку указывает и М. Шафии Кадкани (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 701–702). Султан Мас'уд-имеется в виду сын Махмуда Газневида султан Шихаб ад-Даула Мас'уд 1 (1031–1041). При нем от империи Махмуда откололась ее западная часть: Хорасан и Хорезм отошли к Сельджукидам, а середина XI в. прошла в борьбе с Сельджукидами за Систан и Западный Афганистан (см. К. Э. Босворт. Мусульманские династии, с. 238). В 1040 г. его войска были разбиты сельджуками в битве при Данданакане, о чем упоминается в сочинении.
261. Имеются в виду внуки Сельджука, вожди туркменских племен Чагры - бек и Тогрул-бек. В 1038 г. Тогрул провозгласил себя в Нишапуре султаном (см. К. Э. Босворт. Мусульманские династии, с. 163), а Чагры был провозглашен султаном в Мерве. После его смерти в 1059 г. единственным главой Сельджукского государства до конца своей жизни (1063 г.) оставался Тогрул. (см. История стран зарубежной Азии в средние века–М., 1970, с. 337).
262. Капан-большие товарные весы.
263. Видимо, из района Баварда ; Данданакан-городок под Мервом, где в 1040 г. сельджуки разбили войско Мас'уда.
264. У М. Шафии Кадкани-« чужестранцы» (см. Шафии Кадкани, ч.1, с. 158).
265. Коран, 33: 38.
266. Говорят о человеке, который охвачен, увлечен чем-то.
267. То есть он « замкнулся» в своих старых годах и ничего не хочет делать.
268. Коран, 33: 23.
269. Коран, 3: 133.
270. То есть раскрыл то, что было у меня внутри.
271. Коран, 53: 17.
272. Таких мальчиков держали для определенных целей.
273. В обычае суфиев было совершать омовение, очищаться перед встречей с почитаемым шейхом.
274. Здесь имеется в виду странствие и познание мира, сотворенного Богом. Х. Бадр ад-Дин приводит и соответствующий хадис: « Взирание на лицо вселенной есть богослужение» (см. Бадр ад-Дин, с. 450–451).
275. Коран, 23: 51.
276. В тексте букв. « занимался харасбани». Харас-мельница, приводимая в движение рабочим скотом.
277. Обычно их сплетали из духа.
278. Дух-род травы, кустарник, напоминающий тростник.
279. Абу Талиб Джа'фари-речь идет об Абу Талибе Хамзе бин Мухаммаде (ум. в 447 г.х. (1055 г.)), суфии, встречавшемся со многими шейхами и пользовавшемся большим влиянием среди членов братства (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 659).
280. Не ясно отношение Абу Са'ида к захидам. Захид вообще употребляется в значении: « отшельник», « аскет». Сам Абу Са'ид в молодости неоднократно один уходил в пустыню, жил вдали от людей, и ниже в тексте, в рассказе № 91 Хасан Муаддаб на-

- зывает Абу Са'ида заходом. Может быть, в данном случае отрицательное отношение Абу Са'ида было не к отшельничеству, а к так называемым «захид–и захирпараст»–«захид верхогляд» (т. е. аскет, все еще поклоняющийся мирскому–см. о них А. Шиммель. Мир исламского мистицизма, с. 94) или к людям, лишь прикрывающимся именем захида.
281. Абу–л–Касим Хаким–речь идет об Абу–л–Касиме Исхаке бин Мухаммаде Хакиме Самарканди (X в.) известном мусульманском мыслителе и ариффе (см. Бадр ад–Дин, с. 454).
282. То есть каких высот он достиг.
283. Не ясно, о ком идет речь.
284. То есть не был он жадным, скупым человеком.
285. Абу Али Сийах (XI в.)–авторитетный суфийский шейх из Мерва. Худжвири в «Кашф ал–махджуб» приводит несколько связанных с ним историй (см. Худжвири. Кашф ал–махджуб, с. 205, 208, 323).
286. Пир–и джам (« пир собравшихся»)– наставник, который обычно возглавлял собиравшихся в одном месте суфиев.
287. Абдаллах [бин] Мубарак–речь идет об Абдаллахе бин Мубараке ал–Марвази (ум. в 797 г.), хорасанском подвижнике, которому приписывают ряд великих подвигов в «священной войне» против византийских христиан (см. подробно А. Д. Кныш. Мусульманский мистицизм, с. 27–28). Он был автором знаменитого труда «Китаб аз–зухд» («Книга об аскетизме»). Худжвири отмечает, что он построил в Мерве две обители (рибат) (см. Худжвири. Кашф ал–махджуб, с. 96).
288. То есть мы потеряем свое влияние.
289. Шабати или сабати–род пресного хлеба.
290. То есть нам он не нужен, как и ваш вилайат.
291. Видимо, из ханаки, где он вначале остановился, поскольку рибат Абдаллаха [бин] Мубарака также находился в Мерве.
292. Среди суфиев существовал обычай накрывать по тому или иному поводу скатерть в поле.
293. Абд ал–Карим–речь идет об Абу–л–Хасане Абд ал–Кариме бин Абд ал–Фаттахе Арадже, катибе и хадиме шейха Абу Са'ида (см. Бадр ад–Дин, с. 456).
294. Не ясно, о каком месте идет речь. Исходя из текста можно предположить, что Сардабе или Сардаве было местечко или местность, располагавшееся от Мейхене в сторону Туса и Нишапура.
295. Но, видимо, окружающим показалось, что он умер, так как далее говорится о молитве над усопшим. Возможно, также это предложение–позднейшая интерполяция. В любом случае дальнейшие действия шейха непонятны, поскольку по логике автора сочинения он должен был знать, что человек жив.
296. Мейзар–ткань, которой обвязывали нижнюю часть тела.
297. Это место не удалось локализовать. Прочтение его также различается в рукописях (см. варианты Х. Бадр ад–Дина и М. Шафии Кадкани соответственно: Бадр ад–Дин, с. 460 и Шафии Кадкани, ч. 1, с. 170).
298. В тексте приведено слово «таз». Если принять его как основу настоящего времени глагола «тахтан» - «нападать», «совершать набеги», то наш перевод вполне допустим. Возможно, также под словом «таз» подразумевается «степняк», «кочевник»

- или «быстрый», «горячий» (см. Бадр ад-Дин, с. 460). В этом случае перевод будет: « туркменов–кочевников» или « быстрых туркменов».
299. Хасана, вероятно, все же не распяли, а привязали его руки и ноги к гвоздям, поскольку ниже в тексте говорится о том, что его развязали (см. также Бадр ад-Дин, с. 460).
300. То есть ты получил то, что причиталось тебе?
301. Не ясно, о ком идет речь.
302. То есть носил мирскую одежду и был мирским человеком.
303. Подразумевается, что мирская жизнь как бы взяла его взаимы, а на самом деле он принадлежит суфизму.
304. То есть отказался от мирской жизни.
305. Шавкан–городок между Серахсом и Абивардом (см. АТ, ч. 2 / Изд. М. Шафии Кадкани, с. 896).
306. Видимо, продавая пшеницу.
307. У М. Шафии Кадкани название селения дается как « Рафиган» (см. Шафии Кадкани, ч. 1, с. 175).
308. Айяры–социальная прослойка средневекового общества, нередко выступавшая против властей и богатых людей. Иногда они действовали под видом « благородных» разбойников и имели свой кодекс чести. Слово айяр использовалось и для обозначения ловких и хитрых людей.
309. То есть потратится ли денег меньше того, что он выручил или, наоборот, потребуется еще.
310. Под асхаб–и хаджат (« люди потребностей, нужды») и арбаб–и эдрарат («владельцы содержания») подразумеваются, очевидно, те, кто получал нечто вроде пенсии или вспомоществования от государства.
311. Хирки суфиев большей частью были именно синего цвета.
312. Возможно, намек на основание Низам ал–Мулком медресе Низамийе.
313. Так звали Низам ал–Мулка, см. № 7.
314. Имеется в виду намаз по поводу праздника Ид ал–фитр, который отмечается 1 шавваля в честь окончания поста в месяце рамазан.
315. Эдрар–наме–документ, выдаваемый правителем и подтверждавший право своего обладателя на получение денежного пособия или продовольственной помощи.
316. То есть там, где снимают обувь.
317. Эти собаки отличались своей свирепостью и величиной (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 559).
318. Это место не удалось локализовать. Автор отмечает далее, что о Загале уже упоминалось. Однако упоминалось не о холме, а о рибате Загал (см. с. 58 настоящего перевода). Может быть, под этим названием существовал, и холм, и рибат. В варианте М. Шафии Кадкани рибата с названием Загал нет, речь идет только о холме, возвышенности.
319. То есть наши взаимоотношения.
320. Шурпа–мясной рисовый суп.
321. Здесь обыграно слово «шур» - «волнение», «смятение», входящее в состав слова «шурпа».
322. Не ясно, о ком идет речь.
323. То есть по праву притязает на чудотворство.

324. Оба замечания шейха передают его сарказм и неприятие этих людей. Вряд ли неизвестный портной будет шить габа для правителей, а черный палас подразумевается как символ злосчастности и несчастливой судьбы, и, следовательно, человек, который его изготавливает, приносит только несчастье.
325. Сведения о нем противоречивы. Известно, что он был учеником Мухаммада Газали и был убит, вероятно, огузами в 556 г.х. (1160 г.) (см. Бадр ад-Дин, с. 474–475; Шафии Кадкани, ч. 2, с. 713–714).
326. Здесь имеется в виду – не отвлекайся на другие мысли.
327. Хасан Самарканди – речь идет об имаме Абу Мухаммаде Хасане бин Ахмаде бин Мухаммаде Самарканди (409–491 - 1018 - 1098). Он обучался у многих известных суфийских шейхов и отличался феноменальной памятью (см. о нем Бадр ад-Дин, с. 475–476).
328. «Сахих» - имеется в виду знаменитый сборник хадисов известного собирателя и знатока хадисов Мухаммада бин Исмаила Абу Абдаллаха ал-Джу'фи ал - Бухари (810–870), под названием «ал-Джами ас-сахих» («Правильный сборник»). Этот огромный труд включает около 7000 хадисов, тщательно отобранных автором.
329. Абу Бакр Нугани – речь идет об Абу Бакре Мухаммаде бин Бакре бин Мухаммаде Туси Нугани (ум. в 420 г.х. (1029 г.), известном хорасанском шейхе и факихе. Он был знаком с Абд ар-Рахманом Сулами, который считал его выдающимся представителем фикха и тасаввуфа (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 648).
330. Хотан – город в Восточном Туркестане, к северо-востоку от Кашмира. Иногда так называли весь Восточный Туркестан.
331. Видимо, основные положения ислама
332. Табаристан – область на юго-восточном побережье Каспийского моря.
333. Не ясно о какой реке (воде) идет речь.
334. Букв. ты удержал нас от убытка (или возместил убыток) за то дело.
335. Дорраэ – длинное одеяние с разрезом от ворота до подола, которое надевали поверх другой одежды. Обычно дорраэ носили шейхи, дервиши.
336. Ранин – своеобразные набедренные латы; так называли также штаны, шаровары.
337. Ариф – представитель племени или сообщества, глава какой-либо местности или района, имевший определенные полномочия и власть. В социальной иерархии арифы следовали за раисами (см. также Бадр ад-Дин, с. 479; Шафии Кадкани, ч. 2, с. 561). Не путать с арифами – обладателями мистического познания. На русском языке оба слова пишутся одинаково, но на персидском отличаются, в частности «ариф – познавший» пишется с «алефом» и без «йе».
338. Коран, 3: 37.
339. Коран, 22: 52.
340. Абу-л-Хасан Руги – речь идет об Абу-л-Хасане Абдаллахе бин Тахире бин ал-Хасане ар-Руги, известном улеме XI в., проживавшем в Тусе (см. подробно Шафии Кадкани, ч. 2, с. 651).
341. То есть эти слова и есть гостинец для тебя.
342. Дастамбуй – сорт ароматной дыни.
343. Абу Али – имеется в виду Абу Али Хусейн бин Абдаллах бин Хасан бин Али Ибн Сина (980–1037), великий ученый, философ, врач. Он родился недалеко от Бухары и прожил в Средней Азии и Иране. Ибн Сина – автор свыше ста произведений, принесших ему популярность как на Востоке, так и на Западе. Среди его книг такие из-

- вестные труды, как « ал–Канун фи–т–тибб» («Канон медицинской науки»), «Китаб аш–шифа» («Книга исцеления»), «Китаб ан–наджат» (« Книга спасения») и др. Ибн Сина писал и стихи, ему принадлежит также трактат по поэтике и получивший широкую известность «Трактат о любви».
344. В тексте Шафии Кадкани: «на известной горе и пещера Ибраhима Адхам и его келья ... [находятся] там» (Шафии Кадкани, ч. 1, с. 194). Ибраhим Адхам (ум. ок. 790г.)–суфий, выделявшийся своим благочестием и строгостью правил. Худжвири отмечает, что он был связан с имамом Абу Ханифой, у которого изучал богословие; а в молодости, до того как стал подвижником, был царевичем Балха (см.Худжвири.Кашф ал–махджуб, с.103).
- 344а. В тексте–«ней». Слово «ней» означает также свирель. Но здесь перевод «камыш», как нам кажется, лучше подходит, исходя из контекста. Смысл эпизода в том, чтобы продемонстрировать чудотворство шейха. А оно в данном случае заключалось в том, что легкий, ломкий камыш он вогнал в твердый гранит. То есть намечена оппозиция камыш–гранит, а не свирель–гранит, к тому же и свирель вырезали из камыша.
345. «Ишарат» - речь идет о знаменитом труде Ибн Сины «Китаб ал–Ишарат» («Книга указаний»), отразившем его философские, естественно–научные воззрения.
346. Коваре–корзина для перенесения овощей, фруктов и др.
347. Базар, видимо, располагался посередине, между кварталами Чахарсу–йи керманийан и Хира.
348. Шакамбевай–блюдо, которое готовили из бараньих желудков.
349. То есть не расточительствуй.
350. Абу Бакр Сабуни–имеется в виду Абу Бакр Абд ар–Рахман бин Исмаил бин Абд ар–Рахман Сабуни, представитель известной в Нишапуре династии Сабуни. Название династии связано с профессией мыловаров (сабунпаз) и продавцов мыла (сабунфоруш). Абу Бакр Сабуни родился в конце X или начале XI вв. (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с.646).
351. То есть вот в чем смысл хадиса.
352. Коран, 6: 91.
353. Перевод с арабского приведен в тексте.
354. Коран, 73: 9.
355. Не ясно, о ком идет речь.
356. Муарриф–так называли людей, в обязанность которых входило представлять прибывших на междлис и определять им место, куда они могли сесть (см. также Бадрад–Дин, с. 493).
357. Под аятами рахмат (аяты милосердия) и аятами азаб (аяты мучения), видимо, подразумеваются аяты Корана, в которых говорится о проявлении блага или наказании рабов божьих, согласно аяту: « А тем, которые уверовали и вершили добрые дела Он сполна воздаст и даже приумножит награды по Своей щедрости. Тех же, которые явили гордыню чрезмерную, Он накажет мучительным наказанием. И они не найдут себе, кроме Него, ни покровителя, ни заступника» (Коран, 4: 173). К аятам рахмат можно отнести следующие: 50: 31; 77: 41;87: 14, 15; 85: 11; 101: 6, 7 и др.; а к аятам азаб: 35: 7; 68: 33; 74: 26; 77: 29–33; 89: 25 и др. (см. подробно Konularina Göre Kur'an (Sistematik Kur'an Fihristi–Ankara, 1999, s. 299–319).

358. Саги–виночерпий ; мутриб–певец и музыкант. В средние века, как правило, оба принимали самое активное участие на пирах и застольях венценосных особ и крупных вельмож.
359. Абу ад–Дарда–один из сподвижников Пророка ; до принятия ислама занимался торговыми делами, затем оставил их и полностью посвятил себя религии. Был одним из собирателей Корана. Умер в Дамаске в 31 или 32 г. х. (651/52–652/53 гг.) (см. Бадр ад–Дин, с. 494–495).
360. Васити–речь идет о суфии Абу Бакре Мухаммаде бин Мусе Фергани (ум. в 932 г.). Он был выходцем из Ферганы. Некоторое время прожил в Багдаде, затем вернулся в Хорасан. Он был учеником Джунейда Багдади и Нури. А.Шиммель отмечает: «В изречениях Васити отразились его полная изолированность от мира и абсолютная сосредоточенность на Господе» (А. Шиммель. Мир исламского мистицизма, с. 70).
361. Сахл бин Абдаллах–имеется в виду известный суфийский шейх Абу Мухаммад Сахл бин Абдаллах ат–Тустари (ум. в 896 г.). Он был учеником известного суфия Зу–н–Нуна Мисри и обладал влиянием и авторитетом в суфийской среде. Худжвири пишет: « Его аскеза была очень суровой, а поклонения–безупречными. У него есть прекрасные афоризмы об искренности и изъянах человеческих действий» (Худжвири. Кашф ал–махдуб, с. 138). Он был наставником таких признанных суфиев, как Мансур Халладж и Абу Талиб Мекки. Его учение о святости и покаянии завоевало ему много последователей.
362. Абу Са'ид подразумевал, что Бог–везде, а меня нет, я–ничто.
363. Гяз–мера длины, равная приблизительно 105 см.
364. У Бадр ад–Дина вместо слова «приветливый» дается «быть настолько» (см. Бадр ад–Дин, с. 498), что нарушает смысловую связь между полустихиями, поэтому мы предпочли вариант М. Шафии Кадкани.
365. Укба бин Амр–один из асхабов Пророка Мухаммада. Был храбрым человеком, поэтом и адибом. Ум. в Египте в 58 г.х. (677/78 г.) (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 712).
366. Не ясно, что за море, может, имеется в виду Южно–Китайское море.
367. Указание на 71 аят суры «Путешествие ночью».
368. Пишнамаз–духовное лицо, ведущее общую молитву.
369. Кунут–короткая молитва, читаемая в ходе обязательных молитв. В шафиитском и маликитском мазхабах кунут читается во втором ракате утренней молитвы фаджр после совершения поясного поклона (руку) и является сунной (А. Али–заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 199).
370. Имеются в виду факихи шафиитского мазхаба (см. Бадр ад–Дин, с. 499).
371. Ташаххуд–чтение молитвы «ат–Тахиййату Лиллахи» при сидении (ка'да) во втором и последнем ракатах. Ташаххуд состоит из приветствий Пророку, ангелам и другим праведным рабам божьим. Текст ташаххуда может различаться в мазхабах, но все варианты взяты из хадисов (А. Али–заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 322).
372. В данном случае Абу Са'ид перефразировал персидскую поговорку « Собаки считают чужаков врагами» (см. Бадр ад–дин, с. 499).
373. Ривак–крытая галерея во дворе ханаки.
374. Имеется в виду Мухаммад.
375. Часть хадиса (см. Бадр ад–Дин, с. 500).
376. То есть там, где проявляются твои суть и твои страсти–там ад, а где их нет–там рай.
377. Имеется в виду, что исчезла бы твоя суть.

378. Просьбу о том, чтобы остановиться у него.
379. Это утверждение автора нуждается в исправлении. Дело в том, что Баку был известен как город еще до описываемых в сочинении событий, что подтверждается соответствующими источниками, археологическими данными. Так, известный азербайджанский историк Сара Ашурбейли, основываясь на сведениях арабских путешественников и географов, писала: « В это время Баку был одним из важных экономических центров Ширвана и к концу X в. Баку становится значительным городом с удобной гаванью для ведения торговли с рядом стран» (С. Ашурбейли. История города Баку. Период средневековья–Баку, 1992, с. 70). В районе города и близлежащих местах добывалась нефть, изготовлялись различные товары, велась широкая торговля. Этот же исследователь отмечает: « Приведенные археологические и нумизматические данные свидетельствуют об интенсивной городской жизни средневекового Баку, развитом ремесленном производстве и торговых связях с рядом городов Азербайджана и сопредельных стран Востока в 1X–начале XI в» (Сара Ашурбейли. Государство Ширваншахов (У1–ХУ1 вв.)–Баку, 1983, с. 111).
380. Очевидно, имеется в виду то, что если дервиш по какой-то причине лишается хирки, она переходит в духовное распоряжение всех суфиев ; они, словно, обновляют ее концентрацией своих помыслов и устремлений, и она возвращается к дервишу в новом качестве. Он имеет моральное право вновь надеть ее (см. также прим. № 12 ко второй главе).
381. То есть не знали бы, кто такой суфий.
382. Джамшид или Джам–мифический древнеиранский государь, в правление которого люди спокойно жили и не было болезней и страданий. Джамшид обладал чудесной чашей–« джам», в которой отражалось все, что происходило в мире. Под конец жизни он возгордился и был наказан верховным божеством Ахурамаздой тем, что тот отдал его тирану Зоухаку и последний убил его.
- Нимрод–правитель Вавилона, отличавшийся свирепым нравом и притязавший на божественность. По его приказу был схвачен и брошен в огонь Ибрахим, разбивший идолов Вавилона. Однако Бог предотвратил гибель Ибрахима.
- Фираун–фараон, коранический персонаж ; жестокий тиран, преследовавший пророка Мусу, посланного к нему Аллахом для проповеди. Хаман (Аман) был везиром Фирауна, враждебно настроенным против иудеев. В честь их спасения от его заговора проводится праздник пурим.
383. То есть разве сейчас время одеваться?
384. То есть то место в сердце шейха, которое ты занял, мы также можем занять.
385. Не ясно, о ком идет речь. В «Кашф ал–махджуб» есть упоминание о шейхе Ахмаде Наджжаре Самарканди, жившем в Мерве (см. Худжвири. Кашф ал–махджуб, с. 172), однако неизвестно был ли это тот самый ходжа Наджжар.
386. Коран, 40: 16.
387. Коран, 16: 92.
388. В тексте букв. «до пишгаха». Слово « пишгах» обычно обозначало место перед шахским тронном или сам трон. Но в данном случае имеется в виду скамья, на которой сидел шейх.
389. М. Шафии Кадкани указывает, что существовал обычай, сохранявшийся до недавнего времени в Хорасане, когда дети приносили в дом своего товарища дощечку, на которой была написана какая-либо сура, показывающая, что он достиг определен-

- ного этапа в изучении Корана. За это им полагалось получение сладостей (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 571).
390. Девяносто четвертая сура ; здесь, вероятно, имеется в виду, что в 1 аяте 98 суры «Ясное знамение» упоминаются «те, которые не уверовали» и многобожники, а 1 аят 94 суры выглядит так: «Разве не раскрыли Мы твое сердце, [Мухаммад], для веры.
391. Абу Бакр Хири—речь идет об Абу Бакре Ахмаде бин Хасане бин Ахмаде бин Мухаммаде ал—Хири ал—Хураши (ум. в 421 г.х. (1030 г.), известном ученом. Одно время он занимал пост кази Нишапура (см. подробно Бадр ад—Дин, с. 508–509).
392. Коран, 6: 59.
393. То есть мой экземпляр Корана.
394. Мухкамат—аяты Корана, смысл которых ясен и не содержит различий в толковании ; муташабахат—аяты Корана, имеющие аллегорический, неясный смысл и вызывающие различные предположения.
395. Коран, 10: 53.
396. Али Сандали—имеется в виду Абу—л—Хасан Али бин Хасан бин Али Сандали, возглавлявший факихов ханафитского толка. Он пользовался большим влиянием и был хорошим проповедником. Умер в Нишапуре 17 раби ал—аввала 480 или 484 г.х. (23. У1. 1087 или 10. У. 1091) (см. Бадр ад—Дин, с. 513).
397. Не ясно, о каком хадисе идет речь. В этой и следующей фразе приводится, видимо, сам принцип открывания Корана. То есть смотреть надо, прежде всего, на правую сторону страницы и на нечетные строки, как это сделал Абу Саид.
398. Связь данного хадиса с нечетным числом, очевидно, прослеживается по линии: единственный—единица, поскольку нечетное число подразумевает четное + 1 или—1.
399. Как указывает Х. Бадр ад—Дин, данное выражение является частью пословицы (см. Бадр ад—Дин, с. 513).
400. Дарзав—и ноубахар—селение к северо—западу от Мешхеда (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 743).
401. Харв—и Джабали—большое село между Хабераном и Тусом (см. Бадр ад—Дин, с.514).
402. Возможно, имеется в виду, что худжра находилась на возвышенности, над ханакой шейха.
403. Аджал Нишапури одно время занимал должность накима Нишапура (см. Бадр ад—Дин, с. 515).
404. Абу—л—Аббас Шагани—речь идет об Абу—л—Аббасе Ахмаде бин Мухаммаде Шагани или (ал—Ашкани) Он был современником Худжвири (XI в.), который считал его своим наставником в некоторых науках. Худжвири писал о нем: « Он был имамом во всех отраслях основных и производных наук, совершенным во всех отношениях. Он встречался со многими известными суфиями. В основе его воззрений лежало представление о фана, а его характерной особенностью была его затрудненная для понимания манера выражаться» (Худжвири. Кашф ал—махджуб, с. 165–166).
405. Кожаные штаны, как указывает Х. Бадр ад—Дин, в то время носил аубаш («сброд», «бродяги») (см. Бадр ад—Дин, с. 516).
406. У М. Шафии Кадкани «был тестем»; вариант Бадр ад—Дина предпочтительнее.
407. То есть доедал остатки пищи.
408. Не ясно, о ком идет речь.

409. Разглядывая свою одежду и самого себя, юноша тем самым показывал свой интерес к земной жизни. А шейх предложил ему отказаться от привязанности к земному существованию, «разобраться» в себе, что находит подтверждение и в следующем за рассказом бейте.
410. Имеется в виду Мухаммад.
411. Фетва—разъяснение или решение по какому—либо религиозно—юридическому вопросу, выносимое на основе шариата его знатоком (как правило муфтием).
412. Это предложение взято из варианта М. Шафии Кадкани (см. Шафии Кадкани, ч. 1, с. 220), как более подходящее по смыслу.
413. То есть пребывавшим в любовной печали.
414. Логман говорит о том, что жизнь подошла к концу. Он уже « отдал налоги (харадж)», то есть то, что был должен жизни и уже « взял вексель (барат)», то, что должен был получить от жизни, но все еще « ищет что—то в таухиде». То есть и в предсмертный час ему не дают покоя какие—то размышления.
415. Кайен—городок в Хорасане, к югу от Мешхеда.
416. Абу Са'ид Хаддад. М. Шафии Кадкани выдвинул предположение о том, что, возможно, речь идет о Ваджихе бин Абу ал—Тайибе ал—Амиде ал—Мусахифе (род. в 367 г.х.—977/78). Он был образованным и благочестивым человеком, современником Абу Са'ида (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 656—657).
417. Не ясно, о ком идет речь. Х. Бадр ад—Дин предположил, что имеется в виду суфий и мухаддис Абу Абдаллах Мухаммад бин Али Даббаг Кайени (см. Бадр ад—Дин, с. 524).
418. Ваджд—состояние религиозной экзальтации, охватывающее суфия в результате мистической любви.
419. По мнению М. Шафии Кадкани речь идет о Байазиде Бистами (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 576).
420. В данном случае шейх, говоря о том, что «не нужно хелафи», использовал лексическое значение слова «хелаф» - «разногласие» и имел в виду, что не нужно разногласий.
421. Не ясно, о ком идет речь.
422. Имеется в виду брат матери.
423. То есть так торопился, что даже обувь не успел надеть.
424. Коран, 20: 5.
425. М. Шафии Кадкани выдвинул предположение о том, что колодец обозначался как «ха» (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 739), и в таком случае под «Ха—йи Йакуб», видимо, имелся в виду какой—то определенный колодец.
426. Имя женщины—Гоухар в переводе с персидского означает жемчужина.
427. То есть « озарение» или «откровение».
428. То есть думая о том, как мне избавиться от сквернословия.
429. Абу—л—Фазл Фарати—речь идет об Абу—л—Фазле Ахмаде бин Мухаммаде бин Ахмаде бин Убайе бин Ахмаде Фарати Худжани (ум. в ша'бане 446 г.х.—Х1.1054), внуке Абу Амра Фарати. М. Шафии Кадкани отмечает, что он был раисом, весьма почитаемым человеком и обладал познаниями в хадисах (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 673).
430. По поводу своего намерения взять деньги на покрытие долга.
431. То есть, чтобы ты стал не мирским человеком, а приверженцем суфизма.

432. У Х. Бадр ад–Дина–«не говоришь» (см. Бадр ад–Дин, с. 532) ; вариант М. Шафии Кадкани предпочтительнее.
433. Речь идет об Ибрахиме Инале.
434. Имеется в виду обряд «усыновления», то есть принятия в суфийскую общину нового человека (см. подробно Дж. С. Тримингэм. Суфийские ордены в исламе, с. 153–154).
435. Подразумевается приближение создания к своему Создателю.
436. Абу Али ал–Османи–имеется в виду Абу Али Хасан бин Абдаллах бин Османи (ум. после 470 г.х.–1077/78). М. Шафии Кадкани предположил, что он перевел на персидский язык «ар–Рисала ал–Кушайрийа» (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 668).
437. Не ясно, о ком идет речь.
438. Не ясно, о ком идет речь.
439. То есть я открыт для общения и не скрываю своих качеств.
440. То есть все, что ни говорится и ни делается не выходит за рамки того, что... (и далее по тексту).
441. То есть не заботясь о мирских делах, а думая о душе.
442. Саз–струнный музыкальный инструмент.
443. Мервалруд (или Мерверуд) (« Мерв реки»)-город, находившийся к югу от Мерва на реке Мургаб.
444. Багшур–город между Мервалрудом и Гератом.
445. Кази Хусейн–речь идет об Абу Али Хусейне бин Мухаммаде бин Ахмаде Мерверуди (ум. в 462 г.х.–1069/ 70), знаменитом шафиитском факихе Хорасана. Он был последователем Каффала Марвази и в свою очередь воспитал множество учеников, среди которых был и Абу–л–Маали Джувейни (см. Бадр ад–Дин, с. 539).
446. Этой фразой подчеркивается полная противоположность взглядов шейха и ходжи. Говоря о равновесии, шейх имел в виду человека, переносящего удары судьбы благодаря состоянию спокойствия, уравновешенности, а ходжа направил разговор в плоскость материальных понятий, чуждых представлениям шейха.
447. Подразумевается духовное служение.
448. Кухистан–область, лежащая на юге Хорасана и граничащая с Систаном.
449. Баст–местность к юго–западу от Нишапура.
450. Букв. « имеющий муракку» (мураккадар).
451. Коран, 9: 111.
452. Дахриты–обобщающее название последователей различных мировоззрений, которые отрицали сотворение вселенной и всего сущего бытия Аллахом либо вводили понятия дуализма Бога и со–вечной Ему материи (А. Али–заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 96).
453. Речь идет об Абу – л – Хусейне Ахмаде бин Мухаммаде Нури (ум. в 907г.) известном суфии, современнике Джунейда Багдади.
454. Имеется в виду определенная социальная прослойка или группа людей.
455. Коран, 17: 44.
456. Умершему человеку подвязывали платком подбородок.
457. Коран, 28: 85; а в предыдущей фразе шейха содержится намек на следующие аяты: «Все сущее тленно, кроме Него» (Коран, 28: 88) и «Вечен лишь лик Господа твоего, преславного и достохвального» (Коран, 55: 27)
458. Омар бин ал–Хаттаб (585–644)–второй праведный халиф.

459. Ка'болахбар («Распространитель новостей»)–прозвище принявшего ислам еврейского ученого Абу Исхака Ка'ба бин Мата Хаамири (ум. в 652/ 53гг.).
460. Перевод с арабского приведен в тексте.
461. Перевод с арабского приведен в тексте.
462. Перевод с арабского приведен в тексте.
463. Йусиф бин ал–Хусейн–речь идет об Абу Йакубе Йусифе бин Хусейне Рази (ум. в 304 г.х.–916/ 17), суфийском шейхе, сподвижнике Зу–н–Нуна Мисри (см. Фарид ад–Дин Аттар. Тазкират ал–аулия, с. 382 - 390, 855).
464. М. Шафии Кадкани считает, что слово «ватан» здесь означает « состояние души» (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 585). Но, скорее всего, подразумеваются страсти, низменная душа.
465. Имеется в виду привязанность, любовь ко всему мирскому.
466. Зу–н–Нун Мисри–речь идет об Абу–л–Файзе Саубане бин Ибрахиме Мисри (ум. в 860 г.), раннем представителе египетского аскетического и мистического движения. Он родился в нубийской семье в г. Ихмаме в Верхнем Египте ; религиозным наукам обучался в Сирии и Хиджазе. В богословских вопросах он был последовательным «традиционалистом», отстаивавшим учение о несотворенности Корана. Поздние суфийские авторы приписывают ему учение о «состояниях» (ахвал) и «стоянках» (макамат) мистического пути (см. А. Д. Кныш. Мусульманский мистицизм, с. 47–48).
467. Абу л–Хасан Пушанджи–речь идет об Абу–л–Хасане Али бин Ахмаде бин Сахле (ум. в 348 г.х.–959/ 60), хорасанском суфии, обладавшем авторитетом и встречавшемся со многими известными суфиями (см. Бадр ад–Дин, с. 561).
468. Абу Абдаллах ар–Рази–имеется в виду Абу Абдаллах Хусейн бин Ахмад бин Мухаммад бин Джа'фар, суфий первой половины X в. Впрочем, и Х. Бадр ад–Дин, и М. Шафии Кадкани приводят сведения еще о нескольких Абу Абдаллахах, которые могли подразумеваться автором сочинения (см. Бадр ад–Дин, с. 561 ; Шафии Кадкани, ч. 2, с. 663).
469. Муавийа бин Абу Суфйан–первый омейядский халиф (661–680). Он был сыном одного из вождей курейшитов Абу Суфяна, враждовавшего с Мухаммадом; был шурином Мухаммада. Сам Муавийа враждовал с имамом Али ; в 657 г. между ними произошло сражение при Сиффине (подробно см. Ислам: Энциклопедический словарь, с. 166–167).
470. «Калила и Димна» - литературный памятник, несущий дидактический характер и восходящий к санскритской «Панчатантре». С нее был сделан в У1в. перевод на среднеперсидский язык, получивший название «Калила и Димна» (по именам персонажей произведения–двух шакалов). Со среднеперсидского языка Абдаллахом бин ал–Мукаффоу был выполнен перевод произведения на арабский язык, который затем распространился в различных литературах. Стихотворный вариант произведения на персидском языке был создан в X в. Рудаки. К сожалению, от его поэмы осталось лишь несколько десятков бейтов.
471. Это перевод арабской пословицы, как отмечает М. Шафии Кадкани (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 588).
472. Кад–частица, употребляемая перед глаголами в арабском языке для обозначения разных временных категорий. В данном случае художественный образ используется для того, чтобы подчеркнуть превосходство возлюбленной лирического героя.
473. То есть, что ты не видишь Его?

474. Перевод данного бейта с арабского языка приведен в тексте.
475. Х. Бадр ад-Дин отмечает, что согласно старинному обычаю, если кто-то назначался султаном на должность, то объявляющий об этой новости, требовал для него коня, соответствующего его посту (см. Бадр ад-Дин, с. 567). Что касается данного стиха, то смысл здесь заключается в том, что лирический герой занял пост возлюбленного и поэтому для него надо потребовать коня.
476. Абдаллах бин ал-Фарадж ал-Абид-имеется в виду известный под этим именем Мухаммад Ганари. Он был современником Бишра Хафи (см. Бадр ад-Дин, с.567).
477. Мухаммад бин Хошнам-как указывает М. Шафии Кадкани, речь идет либо о знатоке хадисов Абу Али Мухаммаде бин Мухаммаде бин Хошнаме (334-406 г.х.-945/ 46-1015/ 16), либо о Мухаммаде бин Хошнаме Сейидлалли Хошнами (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 718).
478. Не ясно, о ком идет речь.
479. Абу Юсуф ал-Кази-М. Шафии Кадкани полагает, что речь идет о Йакубе бин Ибрахиме Ансари Багдади (113-182 г.х.-731/ 32-798/ 99), ученике Абу Ханифы и пропагандисте его мазхаба (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 683).
480. Под хадисом здесь имеется в виду то же « повеление», и смысл фразы заключается в том, что с тебя будет спрошено сполна.
481. То есть своим падением я искупил свое предательство, состоявшее в том, что, поддавшись страстям, я хотел поесть фиников.
482. Коран, 16: 75.
483. Абу Бакр Каттани-речь идет об Абу Бакре Мухаммаде бин Али бин Джафаре Каттани (ум. в 322 г.х.-933/ 34), почитаемом суфийском шейхе, выходце из Багдада, проживавшем в Мекке. Он был соратником Джунейда Багдади и пользовался уважением среди суфиев (см. Фарид ад-Дин Аттар. Тазкират ал-аулия, с. 564-571, 870 ; Абд ар-Рахман Джамии. Нафахат ал-унс, с. 177).
484. Тахарат («очищение»)-в широком понимании может быть как духовным, когда мусульманин очищает покаянием свою душу от греха, так и физическим, когда человек очищает свое тело от нечистот (А. Али-заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 321) (к с. 230). Здесь имеется в виду духовное очищение, очищение сердца.
- 484а. Бани шайба-ворота в восточной стене Масджид ал-Харам, совр. Баб ал-ислам.
485. Макам Ибрахима («Место Ибрахима»)-место в Масджид ал-Харам (Запретная мечеть»), в котором находился Ибрахим, когда строил Каабу. Там имеется камень, на котором сохранился отпечаток его ступни.
486. Абд ар-Раззак Сан'ани - имеется в виду Абу Бакр Абд ар-Раззак бин Хумам бин Нафи Сан'ани (126-211 г.х.-743/ 44-826/ 27), выходец из йеменского Сана. Он был собирателем и знатоком хадисов и говорят, что он помнил наизусть семнадцать тысяч хадисов. Он автор сочинения « ал-Джами ал-Кабир» («Большой сборник») (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 708).
487. Ма'мар-имеется в виду Абу Урва Ма'мар бин Рашид (95-153 г.х.- 713/ 14-770), собиратель хадисов и известный факих (см. Бадр ад-Дин, с. 574).
488. Зухри-имеется в виду Абу Бакр Мухаммад бин Муслим бин Убайдаллах Зухри (57-124 или 125 г.х.-676/ 77-741/ 42 или 742/ 43), один из известных факихов и мухаддисов. Был одним из первых, кто начал собирать хадисы (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 700).

489. Абу Хурайра—имеется в виду Абу Хурайра ад-Дауси (ум. в 676 г.), сподвижник Пророка Мухаммада. Настоящее имя его Абд ар-Рахман бин Сахр. Он обладал хорошей памятью и стал одним из самых известных повествователей хадисов. В его передаче известно более 5000 хадисов (см. А. Али-заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 22).
490. Очевидно, имеется в виду познание Бога.
491. То есть мы не способны говорить об этом.
492. Под потребностью (нийаз) подразумевается потребность в любви, вымаливание любви к Богу.
493. То есть ты остался все тем же, кем и был, и речь ты произнес благодаря нам.
494. Джабал ал-Лукам-гора в Сирии (см. Бин Хордадбех. Книга путей и стран /Пер. с арабск., коммент. и исслед. Н. Велихановой-Баку, 1986, с. 135, 335). Место уединения множества отшельников.
495. Не ясно, о ком идет речь.
496. Перевод с арабского приведен в тексте.
497. Перевод с арабского приведен в тексте.
498. В данном случае смысл не совсем ясен. Может, имеется в виду, что желание выпить воды также было проявлением низменной души.
499. Суфйан Саури—имеется в виду Абу Абдаллах Суфйан бин Саид бин Масрук Саури (95–161 г.х. –713/ 14–777/ 78), выходец из Куфы, известный подвижник, знаток хадисов, пользовавшийся авторитетом среди суфиев и общавшийся со многими именитыми шейхами (см. Фарид ад-Дин Аттар. Тазкират ал-аулия, с.222–232).
500. То есть дадут тебе еду или нет.
501. Коран, 79: 40.
502. То есть не исполнил содержащегося в ней предписания.
503. То есть то, что я был султаном.
504. Закарийа—коранический персонаж, один из праведников (салихун), отец Йахьи, евангельский Захария (отец Иоанна Крестителя). После гибели сына он скрылся от преследователей в дупле дерева, но был выдан Иблисом. Враги срубили дерево и расплили его вместе с Закарийей (см. Ислам: Энциклопедический словарь, с. 74).
505. Коран, 76: 21.
506. М. Шафии Кадкани, ссылаясь на рассказ из «Хакаик ат-тафсир» Сулами, отмечает символический характер того, что Сулейману был подвластен ветер, то есть все, что дали тебе, пройдет, как ветер (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 592). Однако в тексте речь идет именно о могуществе Сулеймана, что подтверждает и соответствующий аят Корана.
507. Коран, 21: 81.
508. Абу Хафс—имеется в виду Абу Хафс Амр бин Салам Нишапури, известный как Абу Хафс Хаддад («кузнец») (ум. в 270 г.х. (883/ 84), почитаемый суфийский шейх, наставник Абу Османа Хири. Вначале он был кузнецом, владел небольшой мастерской—лавкой, затем забросил все дела и приобщился к суфизму (см. Фарид ад-Дин Аттар. Тазкират ал-аулия, с. 390–400, 856). Худжвири пишет: «Это был выдающийся суфий, перевозимый всеми шейхами» (Худжвири. Кашф ал-махдуб, с.122).
509. Этот рассказ встречается и в «Тазкират ал-аулия» Аттара (см. Фарид ад-Дин Аттар. Тазкират ал-аулия, с. 391). Возможно, Мухаммад бин Мунаввар предполагал

- связать его с последующим рассказом. Во всяком случае в обоих из них доминирует слово « пак» - «чистый». Просто в первом рассказе, исходя из логики изложения, мы заменили его на слово « ровный–выровняли железо». Основываясь на этом, можно наметить и соответствующее истолкование. Аллегорический смысл первого рассказа, как и слова шейха во втором, рассчитаны на подтверждение идеи о стремлении к чистоте, духовному очищению, свободному от изъязов и земных пороков.
510. Абу Бакр Сиддик («Правдивый») (572–634)–первый праведный халиф.
511. По этому поводу Абу–л–Хасан Харакани говорил ходже Абдаллаху Ансари: «Суфий не тот, кто приходит и уходит, и говорит, и видит, и слышит, и ест, и спит. Суфий–это атрибут из атрибутов Истины (см. Бадр ад–Дин, с.586; Шафии Кадкани, ч. 2, с. 593).
512. Абу Амр бин Наджид ас–Сулами–дед Абд ар–Рахмана Сулами по материнской линии. Он был одним из соратников Абу Османа Хири и потратил на религиозные цели свое богатство ; ум. в 365 г.х. (975/ 76) (см. Абд ар–Рахман Джами. Нафахат ал–унс, с.227)
513. Абу Сахл ас–Саалуки–имеется в виду Абу Сахл Мухаммад бин Сулейман бин Мухаммад Саалуки (296–зу–л –каада 369–908/ 09–У.979), известный факих, муфтий и адиб (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 658).
514. Смысл рассказа не ясен. М. Шафии Кадкани связывает его с пословицей (см. Шафии Кадкани, т. 2, с. 594).
515. Перевод бейта с арабского приведен в тексте. Но мы предлагаем свой вариант перевода этого и следующего бейта, так как автор допустил ряд неточностей и дал вольную интерпретацию оригинала.
516. В тексте приводится определение «аруси» - «свадебный». М. Шафии Кадкани выдвинул несколько предположений, касающихся написания и истолкования этого слова: от «руси» - «русский» до «орс» - «можевельник» (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 594–595). Но в данном случае перевод « разукрашенный», что логично соотносится со словом «свадебный», больше подходит по смыслу, учитывая дальнейшее развертывание событий.
517. Коран, 6: 62.
518. Абу Хамид Дустан– хорасанский суфий X в. Худжвири отмечает, что он был родом из Мерва и был равнодушным к своему одеянию (см. Худжвири. Кашф ал–махджуб, с. 52 ; см. также Абд ар–Рахман Джами. Нафахат ал–унс, с. 281–282).
519. Калб ар–Рум–обозначение румийского кесаря в некоторых средневековых сочинениях.
520. Тарине или кашкине–похлебка, приготовляемая из ячменной крупы, зелени и кислого молока. Тарине обычно ели в холодном виде, и Абу л–Фазл Хасан имел в виду, что внутри у него похолодало.
521. Смысл заключается в том, что все вершится по воле Бога, а Махмуд здесь не при чем.
522. Не ясно, о ком идет речь.
523. Коран, 50: 16.
524. Абу Йакуб Нахрджури–имеется в виду Абу Йакуб Исхак бин Мухаммад Нахрджури (ум. в 330 г.х.–941/ 42), суфийский шейх, последователь Джунейда Багдади (см. Фарид ад–Дин Аттар. Тазкират ал–аулия, с.730, 866).

525. Муса—имеется в виду один из пророков, предшествовавших Мухаммаду, библейский Моисей.
526. Абу Осман Магриби—имеется в виду Абу Осман Са'ид бин Салам Магриби (ум. в 373 г.х.—983/ 84), один из известных суфийских шейхов. Аттар пишет, что он прожил сто тридцать лет, следовательно дата его рождения приходится на 853/ 54 г. (см. Фарид ад-Дин Аттар. Тазкират ал-аулия, с. 780–787).
527. Мухаммад бин Али ал-Кассаб—имеется в виду Абу Джа'фар Мухаммад бин Али ал-Кассаб (ум. в 275 г.х.—888/ 89), известный суфий. Он был одним из учителей Джунейда Багдади (см. Абд ар-Рахман Джами. Нафахат ал-унс, с. 80).
528. Абу-л-Хасан Али бин Мусанна—признанный суфийский шейх X в., проживавший в Астрабаде.
529. Коран, 3: 152.
530. Имеются в виду те, кто не лишился чувств.
531. Абу-л-Фазл Мухаммад бин Хасан—речь идет об Абу-л-Фазле Мухаммаде бин ал-Хасане ал-Хуттали (X-нач. XI вв.), суфийском шейхе. Худжвири пишет о нем: «Это мой наставник, заветам которого я следую в суфизме. Он был сведущ в толковании Корана и преданий (ривайат). В суфизме он следовал взглядам Джунейда... Шестнадцать лет он провел, искренне отделившись от мира, большей частью на горе Лукам (см. Худжвири. Кашф ал-махджуб, с. 164).
532. Абдаллах бин Омар—имеется в виду Абу Абд ар-Рахман Абдаллах бин Омар бин ал-Хаттаб (погиб в 693 г.), сподвижник Пророка Мухаммада, сын второго праведного халифа Омара.
533. Коран, 27: 89, 90.
534. Утба—речь идет о Мухаммаде бин Убайдаллахе бин Амре (ум. в 228 г.х.—842/ 43), арабском сказителе, передатчике сведений (рави), адипе и ораторе (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 712).
535. Маслама бин Абд ал-Малик бин Марван (ум. в 120 г.х.—737/ 38)—один из омейядских эмиров и военачальников.
536. Валид—имеется в виду омейядский халиф Валид бин Абд ал-Малик бин Марван (705–715), в правление которого осуществлялось множество завоевательных походов.
537. Сабит—имеется в виду рави Сабит бин Абу Сабит Зухури (см. Бадр ад-Дин, с. 597).
538. Давуд—пророк, которому Аллах ниспослал Псалтирь (Забур).
539. Раби'а—имеется в виду Раби'а Адавийа (ум. в 801г.), прославленная суфийская подвижница из Басры, отличавшаяся исключительным благочестием. А. Шimmel пишет о ней: «Любовь Раби'а к Богу была абсолютной и не оставляла места ни для каких дурных помыслов или для другой любви (А. Шimmel. Мир исламского мистицизма, с. 39).
540. Коран, 112: 1.
541. Коран, 26: 212.
542. Коран, 67: 10.
- 542а. Зиндик—так называли последователей немонотеистических религий, зороастрийцев, манихеев и др. В более широком смысле—не верующий в Аллаха (подробно см. Ислам: Энциклопедический словарь, с. 78).
543. Очевидно, подразумевается чтение стихов во время сама (см. также Шафии Кадкани, ч. 2, с. 598).

544. Коран, 39: 17, 18.
545. То есть во время сама он слышал о тяготах.
546. Коран, 42: 19.
547. Коран, 12: 37.
548. Бейт ал–мамур–мечеть из изумрудов и яхонтов, посещаемая ангелами и расположенная над Каабой на четвертом небе (см. А. Деххода. Лугат–наме. Джелд–и севвом –Техран, 1372, с. 4469).
549. Не ясно, о ком идет речь.
550. Башанган–село в округе Нишапура. М. Шафии Кадкани приводит и различные варианты написания этого места (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 735).
551. Коран, 34: 13.
552. Омаре (или Эмара)–имеется в виду Абу Мансур бин Мухаммад Марвази, поэт конца саманидского – начала газневидского периодов. Он жил в Мерве и сочинял панегирические стихи, восхвалял Махмуда Газневида. Его стихи сохранились в тазкире (см. М. Моин. Фарханг–и фарси. Джелд–и панджом–Техран, 1371, с. 1210).
553. Не ясно, о ком идет речь.
554. Коран, 43: 80.
555. Коран, 1: 6.
556. Салам означает приветствие. Но в данном случае здесь содержится указание на 23 аят 59 суры: «Он–властелин, пресвятой, дарующий безопасность...», где слово «салам» переводится, как «дарующий безопасность», «мирный» и выступает в качестве имени Бога.
557. В варианте М. Шафии Кадкани «семидесяти семи лет» (см. Шафии Кадкани, ч. 1, с. 273).
558. Коран, 47: 19.
559. Коран, 2: 24.
560. Хирз–талисман, амулет, а также молитва, которую произносят или записывают для устранения болезни или отражения опасности.
561. Ризван–страж у райских ворот, согласно Корану.
562. Метраф–одеяние, сшитое из шелка.
563. Дар ал–харб («территория войны»)–немусульманские страны за пределами дар ас–сулх («территория мирного договора»), которые рассматривались мусульманскими правоведами как находящиеся в состоянии войны с мусульманами, а отсутствие военных действий считалось перемирием (см. Ислам: Энциклопедический словарь, с. 56).
564. То есть меня назовут так, как захочет Всевышний.
565. Здесь уже повествование ведется от лица матери ходжи Мусада.
566. Ахмад Таберани–известный суфийский шейх конца X–начала XI в. Он был выходцем из Серакса, а последние годы своей жизни провел в Нишапуре, где и был похоронен (см. Бадр ад–Дин, с. 618).
567. Бадане–жертвоприношение, совершаемое во время хаджа.
568. То есть все зависит от Бога, а не от тебя.
569. Не ясно, о ком идет речь.
570. Связь данной фразы с предыдущим изложением нарушена, и смысл ее не совсем ясен. Возможно, она взята из какого–то рассказа, по тем или иным причинам не приведенного автором.

571. То есть этих благ Господа так много, что мы не можем их всех перечислить и оказались также бессильны в вознесении благодарностей за них.
572. Коран, 96: 19.
573. Вакф–имущество, пожертвованное на религиозные цели государством или отдельным лицом.
574. То есть показали мистический путь.
575. Сухейл (Канопус)–звезда в созвездии Корабль Арго Южного полушария, вторая по блеску звезда всего неба. Особенно хорошо она видна в Йемене. В средневековой восточной поэзии образ звезды Сухейл очень часто связывается с Йеменом.
576. Этот и следующие разделы в тексте не обозначены как четвертый, пятый и т. д. см. об этом вступ. статью и прим. № 51 к ней.
577. То есть важно стремиться сердцем к Богу, а не говорить о Нем.
578. Коран, 79: 40.
579. Коран, 12: 106.
580. Это предложение, как и предложение в следующем абзаце, представляет собой перевод смысла аята на персидский язык и является своего рода комментарием Абу Са'ида.
581. Коран, 4: 48.
582. Коран, 2: 256.
583. Перевод с арабского приведен в тексте.
584. Коран, 46: 13.
585. Точный перевод с арабского: « не увливай, как увливает лисица».
586. Имеется в виду, видимо, сам шейх, а его положение и есть недостаток.
587. Перевод с арабского приведен в тексте. У Худжвири эта фраза, приводимая от имени пятого шиитского имама Мухаммада Багира, выглядит следующим образом: « Все, что отвлекает вас от созерцания Истины, есть ваш тагут» (Худжвири. Кашф ал–махджуб, с. 78).
588. Перевод с арабского приведен в тексте.
589. Соответствующая персидская поговорка выглядит так: « Вчерашний день ушел и позавчерашний прошел, а сейчас–сегодня».
590. То есть жить все время по одним и тем же правилам и предписаниям.
591. Видимо, имеется в виду не к Себе.
592. Коран, 49: 13.
593. Имеется в виду от низменной души.
594. Коран. 6: 126.
595. Перевод с арабского приведен в тексте.
596. Арш («престол», «трон»)–наивысшее место, которое объемлет все сущее и находится над ним ; самое большое материальное творение Аллаха (А. Али–заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 39). Слово « курси», встречающееся в аят ал–курси–«тронный аят», «аят о власти», толкуется комментаторами по–разному: от «знание», «власть» - до « кресла рядом с Небесным тронном» (см. Коран, с. 421). М.-Н. О. Османов переводит « курси» как «подвластны» - 2: 255, у И. Ю. Крачковского–«трон» (см. Коран / Пер. И. Ю. Крачковского, 2: 255,) у В. М. Мамедалиева–«знание, могущество, власть» (см. Qurani Kərim / Ərəb dilindən tərcümə edənələr Z. M. Bünyadov, V. M. Məmmədəliyev–Bakı, 1997, 2: 255).

597. Эти изречения, якобы приведенные из Торы, Евангелия и Псалтыри, на самом деле являются хадисами (см. указатель хадисов).
598. Коран, 65: 3.
599. Под хадисом здесь имеется в виду приближение к Богу.
600. Смысл данного фрагмента не ясен.
601. То есть мысль о том, что раб сам что-то делает.
602. Коран, 12: 37.
603. Коран, 55: 1, 2.
604. Коран, 67: 30.
605. Подразумевается, что богатые в этом мире люди, богаты своим состоянием, имуществом, а те, кто богаты загробной жизнью, то есть своей духовностью, осознают свое богатство в близости к Богу и одновременно печалются от разлуки с Ним.
606. Коран, 28: 76.
607. Не ясно, о ком идет речь.
608. Абу-л-Хасан Фарузи-признанный суфий (ум. в 483 г.х.–1090/ 91). Он был учеником Абу Абдаллаха Бакуйе (см. Бадр ад-Дин, с.636).
609. Коран, 27: 89, 90.
610. Муаз-имеется в виду Абу Абд ар-Рахман Муаз бин Джабал (ум. в 18 г.х. 639/ 40), один из асхабов Мухаммада, отличавшийся своим аскетизмом.
611. Коран, 42: 19.
612. Коран, 10: 58.
613. Перевод вышестоящего предложения с арабского языка не совсем точен, поэтому мы оставили свой вариант перевода.
614. Арафат-долина в 20–25 км. от Мекки, где во время хаджжа совершается обряд стояния перед « ликом Аллаха».
615. То есть в том виде, как она предстает перед созданием, а по сути она вечна.
616. Футувват означает «великодушие», «благородство», «мужественность». Так обозначались ремесленные организации и братства, проповедующие этические идеалы. Их членов называли фата, мн. ч. фитйан («молодец», «благородный»). Основной принцип футуввата заключался в том, что духовное благо других оценивалось выше собственного.
617. То есть их состояния, поступки, заблуждения и т. д.
618. Коран, 35: 10. Далее следует весьма запутанный фрагмент, который в варианте М. Шафии Кадкани вообще отсутствует. Мы сочли нецелесообразным его перевод, исходя из сомнительности в его достоверности.
619. То есть дервиши не есть те, кто обладают своей сутью.
620. То есть пророка Ибрахима, чьим отцом являлся Азар.
621. Под огнем здесь уже подразумевается огонь страсти к Богу.
622. Коран, 6: 71.
623. Коран, 24: 54.
624. Коран, 4: 80.
625. Перевод с арабского, приведенный в тексте, не совсем точен, поэтому мы даем свой вариант перевода.
626. Коран, 7: 12.
627. Перевод с арабского приведен в тексте.
628. То есть все их дела связаны только с Богом.

629. Имеются в виду имена Аллаха.
630. То есть время надо использовать так, как оно того заслуживает: имеется в виду приобщение к суфизму.
631. Коран, 29: 45.
632. На самом деле здесь два аята: Коран, 18: 107, 108.
633. Коран, 25: 70.
634. Коран, 21: 81.
635. Сахр–имя джинна, у которого в течение сорока дней находился перстень Сулеймана и который правил вместо него. Через сорок дней Бог вновь вернул Сулейману перстень и власть (см. А. Деххода. Лугат–наме. Джелд–и нохом–Техран, 1373, с. 13117).
636. Коран, 38: 35.
637. Под богатством здесь подразумевается духовное богатство, духовная власть.
638. Коран, 2: 138.
639. Слово тадбир имеет несколько значений, в том числе « средство », « предусмотрительность », « благоразумие », « действие », « мера ». Мы не стали выбирать какой–то из этих вариантов, поскольку ни один из них по отдельности не передает всех смысловых нюансов, а оставили в переводе сам термин, лучше проясняющий ситуацию в совокупности своих значений.
640. Коран, 45: 23.
641. Коран, 26: 13. Точный перевод: « пошли к Харуну », однако в данном случае, исходя из предыдущего аята, перевод М.–Н. О. Османова более логичен.
642. То есть я не умею читать.
643. В детстве осиротевший Мухаммад воспитывался в доме своего деда Абд ал–Мутталиба, а затем дяди–Абу Талиба. В молодости он нанялся вести торговые дела богатой мекканской вдовы Хадиджы бинт Хувайлид, на которой впоследствии женился.
644. Имеется в виду божий раб.
645. Коран, 29: 56.
646. Коран, 28: 68.
647. Коран, 10: 58.
648. Имеется в виду чужим для себя ; он стал человеком Бога.
649. В тексте - «желание», однако, исходя из общего смысла, мы сделали эту замену.
650. То есть любит он не Бога.
651. Джабир бин Абдаллах (ум. в 696 г.)–один из сподвижников Пророка Мухаммада, выходец из племени хазрадж. Активно поддерживал мусульманское движение, приняв участие в девятнадцати сражениях при жизни Пророка (см. подробно А. Али–заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 96).
652. Коран, 12: 108.
653. Коран, 48: 3.
654. В данном случае Абу Са'идом перефразирована пословица (см. Бадр ад–Дин, с. 661).
655. Коран, 38: 35 ; ниже следует продолжение аята.
656. Имеется в виду дополнительная ткань, которая нашивалась на рукав большинства суфийских хирок (своего рода обшлаг) (см. Бадр ад–Дин, с. 662). Здесь подразумевается, что даже она в числе прочего связывает мурида с земными пристрастиями и отвлекает от мыслей о Боге.

657. Коран, 6: 76.
658. Коран, 35: 15–17.
659. Коран, 5: 83.
660. Коран, 5: 54.
661. Коран, 3: 74.
662. Коран, 27: 81.
663. Коран, 17: 70.
664. Табиун («подчиняющиеся сподвижникам»)–праведные мусульмане, которые были знакомы со сподвижниками Пророка Мухаммада и получили от них религиозные знания (А. Али–заде. Исламский энциклопедический словарь, с. 306).
665. Не ясно, о ком идет речь.
666. «Табакат–и насакат» («Разряды благочестивых») - название утерянного труда, приписываемого Абд ар–Рахману Сулами (см. также Бадр ад–Дин, с. 670).
667. Смысл бейта в том, что « совершенство любви» бесценно, в отличие от тех вещей, стоимость которых можно определить.
668. Коран, 36: 82.
669. Коран, 38: 75.
670. Коран, 15: 29.
671. Перевод с арабского приведен в тексте.
672. Имеется в виду стремление к земной возлюбленной.
673. Коран, 63: 8.
674. Этого свода правил, составленного Абу Саидом, впоследствии придерживались во многих ханаках.
675. Коран, 74: 4.
676. Букв. пребывать в [состоянии] тахара.
677. Коран, 9: 108. В данном случае использован перевод И. Ю. Крачковского, как более точный.
678. Коран, 24: 36.
679. Коран, 15: 98.
680. Коран, 17: 79.
681. Коран, 51: 18.
682. Коран, 17: 78.
683. Коран, 52: 49.
684. Коран, 6: 52.
685. Коран, 5: 1.
686. Коран, 24: 62.
687. Коран, 3: 195.
688. Бара бин Азиб (ум. в 691 г.)–один из сподвижников Мухаммада, принимавший участие во многих сражениях.
689. Коран, 49: 7, 8.
690. Коран, 31: 15.
691. В варианте М. Шафии Кадкани–«тюрок» (см. Шафии Кадкани, ч. 1, с. 320).
692. Возможно, имелась в виду молитва, составленная на основе определенных аятов суры «ал–Ахзаб» (« Сонмы»).
693. Коран, 17: 82.
694. Коран, 2: 256.

695. Скорее всего, ангелы Мункар и Накир.
696. Коран, 22: 7.
697. То есть суры «ал-Ихлас» («Искренность»).
698. То есть своей низменной натуре.
699. Коран, 2: 156.
700. Довга–похлебка, приготовляемая из кислого молока, зелени и риса; тараф или кашк, гарагурут–густая паста темного цвета из высушенного кислого молока.
701. Чач или Шаш–область в Мавераннахре, на правом берегу Сырдарьи, в долине реки Чирчик.
702. Гатфар–название квартала в Самарканде (см. В.В. Бартольд. Сочинения, т. 1–М., 1963, с. 137), известного своими кипарисами.
703. То есть оставь свои страсти.
704. Мехр–седьмой месяц иранского солнечного календаря хиджры (23. 1X–22. X). В бейте искусно использованы изобразительные средства. Пожелтевшее из–за осени (месяц мехр) лицо листка сравнивается с лицом влюбленного; одновременно смысловое противопоставление во втором мисра: осень–неразделенная любовь сопровождается поэтическим приемом таджнис (омонимия): мехр означает и название месяца и любовь.
705. Здесь имеется в виду каввал, которого звали Ибрахимом.
706. Тараз–город, располагавшийся к востоку от Сыр–Дарьи. В средневековой персоязычной поэзии прославлялся как город, женщины в котором отличались своей красотой.
707. То есть достаточность средств для существования.
708. Ахмад–одно из имен пророка Мухаммада, означающее «самый приятный».
709. Имеются в виду иудеи. У Х. Бадр ад–Дина это мисра выглядит так: «Я каждую субботу молился бы с теми, кто молится» (см. Бадр ад–Дин, с. 694). М. Шафии Кадкани приводит то же мисра, но отмечает, что в некоторых рукописях сочинения вместо слова «молился» дается слово «праздновал», «отдыхал» (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 624). Мы избрали именно этот вариант, учитывая, что он подходит по смыслу, поскольку евреи по субботам отдыхают.
710. Не ясно, о ком идет речь.
711. Кей–Кубад–легендарный шах древнего Ирана из династии Кейанидов; в средневековой персоязычной литературе превратился в символ могущественного властелина. Но здесь имеется в виду не его конкретный венец, а вообще шахский венец.
712. Букв. «выбрось из этих пятидесяти для меня ах». В персидском языке, если в слове «пянджах» - «пятьдесят» отбросить суффикс «ах», то получится «пяндж» - «пять».
713. Букв. «аджеми» - «не араб». Однако в данном случае это слово использовано в значении «не сведущ».
714. А. Деххода указывает, что Салма–образ возлюбленной в арабской традиции (см. А. Деххода. Лугат–наме. Джелд–и хаштом–Техран, 1373, с. 12110).

Глава 3

1. По мнению М. Шафии Кадкани под людьми в данном случае подразумеваются святые (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 625), а, возможно, и суфийские шейхи.

2. Коран, 2: 156.
3. В переводе с арабского «хамуйе» означает «защищать», «охранять».
4. То есть наш день, день наших дел.
5. Имеются в виду люди и джинны.
6. Имена джиннов.
7. Девятый день месяца зу-л-хиджжа называется Арафа. Он предшествует празднику ид ал-адха (курбан-байрам)–праздник жертвоприношения. Праздник ид ал-адха, начинающийся 10 зу-л-хиджжа, проходит во время завершения паломничества в Мекку.
8. Коран, 2: 156.
9. Все пятеро перечисленных лиц были сыновьями шейха Абу Са'ида. Всего у него было семеро сыновей, двое из которых умерли еще в младенчестве, и две дочери. Далее в тексте приводятся имена детей Абу Тахира. Но из них лишь первые трое являлись его сыновьями. Абу-л-Фарадж Фазл был зятем шейха Абу Са'ида, а Абу-л-Футух Мас'уд– сыном Абу-л-Фараджа.
10. То есть имеется в виду, что останется наше дело–тасаввуф, поиски Истины.
11. То есть как только исполнилось сто лет.
12. Дерамсанг–весом или ценой в один дирхем; сир–мера веса, равная примерно 75г.; харвар–мера веса, равная 300 кг.
13. У Х. Бадр ад-Дина: тридцать–сорок лет (см. Бадр ад-Дин, с. 707).
14. Вероятно, из нашего рода.
15. Сомнительно, чтобы Абу Тахир был кутбом, поскольку, как правило, кутбом становились выдающиеся суфии; может, имелось в виду, что он будет преемником Абу Са'ида.
16. Али Хасан–речь идет об Али бин Хасане (или Хусейне) Сиргани Кермани, известном суфии Хв. Худжвири упоминает о нем, как о странствующем суфии, совершившем замечательные путешествия (см. Худжвири. Кашф ал-махдуб, с. 172).
17. Не ясно, о каких шахматах идет речь. Может быть, имелась в виду какая-то разновидность этой игры. К примеру, в известном сочинении «Рахат ас-судур ва айат ас-сурур» («Успокоение сердец и знамение радостей») Абу Бакра Мухаммада ар-Раванди (ум. в Х111в.) есть даже специальная глава «Объяснение игры в шахматы», где даны описания нескольких игр (см. А.Г. Гаджи-заде, М.Д. Кязимов. Успокоение сердец / Пер. с персидского–64–Шахматное обозрение, 1986, № 23, с. 12–15).
18. Абу Са'д Дустдада–речь идет об Абу Са'де Ахмаде бин Мухаммаде бин Дусте Нишапури (408 или 409–раби 11 477 или 479–1017/18 или 1018/19–У111. 1084 или У11. 1086), прославленном суфийском шейхе, основателе одной из крупнейших ханак в Багдаде (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 655). Приведенный далее рассказ о строительстве им ханак имеет реальную основу.
19. Коран, 3: 18.
20. Коран, 67: 1.
21. Кусаййир–омейядский поэт–лирик, воспевавший «даму своего сердца» Иззу.
22. Вата–подстилка или ковер.
23. Речь идет о великом сельджукском султани Муизз ад-Дине Санджаре (1097–1157). Султан Санджар попал в плен к огузам в 1153г. и бежал из плена в 1156г. (подробно см. З.М. Буниятов. Государство Хорезмшахов–Ануштегинидов–М., 1986, с. 25–28).
24. Вариант М. Шафии Кадкани (см. Шафии Кадкани, ч. 1, с. 350). У Х. Бадр ад-Дина «для мельницы святого мешхеда». Скорее всего, имелось в виду намолоть муку для тех, кто посещал мешхед.

25. Речь идет о племяннике Санджара Махмуд-хане (1157–1162), ставшем его преемником в Хорасане (см. В.В. Бартольд. Сочинения, т. 1, с.395).
26. Не ясно, какая битва с огузами подразумевается. У М. Шафии Кадкани дается «Дан-данаканская битва» (см. Шафии Кадкани, ч. 1, с. 351). Но эта явная ошибка, поскольку она произошла в 1040г., т.е. намного раньше описываемых событий и была связана с газневидами, которых разбили сельджуки. К тому же она упоминается выше в самом сочинении см. рассказ № 80.
27. Дуст по-персидски означает «приятель», «друг», «любимый»; здесь это слово использовано в значении «любимый [сын] Дада», «любимчик Дада».
28. Далее в переводе мы приводим это имя без изафета, как одно слово: Дустдада.
29. У власти в то время находился газневидский султан Шихаб ад-Даула Маудуд (1041–1050). Однако история с султаном явно носит вымышленный характер.
30. Икта– пожалованный земельный надел. В данном случае шейх имел в виду владение не землей, а умами и настроением жителей Багдада.
31. Урс–церемония, устраиваемая на могиле святого, шейха или почитаемого лица в память о нем. Церемония проходила в день его смерти и сопровождалась угощением.
32. Не ясно о западном или восточном берегу реки Тигр идет речь.
33. Халифом в то время был ал-Ка'им (1031–1075).
34. Нахраван–небольшой городок в 4 фарсах от Багдада, расположенный на канале с одноименным названием. Кроме того, так назывался и большой округ между Багдадом и Васитом, орошаемый каналом Нахраван. Он включал Нахраван Верхний, Средний и Нижний (см. Бин Хордадбех. Книга путей и стран, с. 148).
35. Сабег ал-хаджж–человек, который шел перед караваном, в котором следовали хаджжи и сообщал на всех стоянках о его прибытии (см. Бадр ад-Дин, с. 724).
36. Не ясно, о ком идет речь.
37. Ахмад Аданибаф–суфийский шейх второй половины XIв.
38. Ракве–небольшой кожаный мешочек, бурдюк. Уносить пищу с какого-нибудь званого обеда было в обычае у суфиев.
39. Не ясно, о ком идет речь. М. Шафии Кадкани дает его имя в форме Абу–л–Бадр Мушраги и отмечает, что он был современником Абу Са'ида (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 642).
40. Хасан Джанару–речь идет об Абу–л–Фазле Хасане бин Ахмаде бин Абу–л–Фазле Суфи (12 джумада 11 461–6 мухаррама 550–9.1У.1068–13.111.1155). Он был известным суфием, отличавшемся своей добродетелью; жил в Нишапуре (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 695).
41. Так начинается 48 сура Корана–« ал–Фатх» (« Победа»). Шейх имел в виду, что следует выучить и запомнить эту суру.
42. Имеется в виду сельджукский правитель Джалал ад–Даула Малик шах (1072–1092). Однако автор допустил неточность. Если после смерти Абу Са'ида, как он указывает, прошло несколько лет, то это было начало 1050–х годов, и следовательно на престоле тогда находился не Малик–шах, а Тогрул. Сам же Низам ал–Мулк стал везиром с 1063г. сначала у Алп–Арслана (1063–1072), а затем у Малик–шаха.
43. Скорее всего, имеется в виду, что уважал всех суфиев.
44. Султаном в то время был Газневид Джамал ад–Даула Фаррухзад (1053–1059).

45. Абу-л-Фазл Шами—речь идет об Абу-л-Фазле Мухаммаде бин ал-Хасане ал-Хуттали (X1в.), знаменитом суфийском шейхе. Худжвири пишет о нем: « Это мой наставник, заветам которого я следую в суфизме. Он был сведущ в толковании Корана и преданий. В суфизме он следовал взглядам Джунейда. Он был учеником Хусри ... Шестьдесят лет он провел, искренне отдалившись от мира, большей частью на горе Лукам» (Худжвири. Кашф ал-махджуб, с. 164). Заметим, что по этой причине его и называли Абу-л-Фазл Шами.
46. Не ясно, о ком идет речь.
47. Хоузхане—обычно подвальное помещение в доме или при мечети, в котором имелся небольшой бассейн (хоуз). Здесь, видимо, подразумевалось помещение, в котором совершали омовение суфии.
48. Этот рассказ, датируемый 1193г., вероятно, был включен в текст « Асрар ат-таухид» позднее.
49. Имеется в виду Абу Са'д Абд ал-Карим бин Мухаммад бин Мансур ас-Сам'ани (1113–1167), знаменитый историк и географ, уроженец Мерва. Абу Са'д Сам'ани был весьма образованным человеком, отличавшимся обширностью познаний. Он совершил множество путешествий в поисках знания, побывав в Иране, Ираке, Сирии, Хиджазе; посетил многие города Средней Азии. Одно время он преподавал в медресе в Мерве. Сам'ани автор нескольких десятков трудов, среди которых большое место занимают сочинения исторического и географического характера. Особенно прославил имя автора его фундаментальный труд « Китаб ал-ансаб» (« Книга генеалогий»), содержащий важные исторические, географические, биографические сведения.
50. Абд ал-Малик Табари (ум. в 1135–1140гг.) был известным суфием. Вначале он изучал фикх, занимался научной деятельностью. Но затем отправился в Мекку и сорок лет провел здесь в различных воздержаниях (см. Бадр ад-Дин, с. 737; Шафии Кадкани, ч. 2, с. 711–712).
51. Масджид-и Харам («Запретная мечеть»)—главная святыня исламского мира, расположенная в Мекке. В ней находится Кааба и сюда совершается ежегодное паломничество мусульман (хаджж).
52. Намаз-и чашт-дополнительный намаз, совершаемый до полудня.
53. Мигат—определенные места, в которых паломники вступают в особое состояние (ихрам) для совершения хаджжа. Умра—малый обряд паломничества, совершаемый в любое время года. Говоря о дороге к мигату умры, автор имел в виду дорогу к мигату во время совершения умры.
54. Не ясно, о ком идет речь.
55. Не ясно, о ком идет речь.
56. Не ясно, о ком идет речь.
57. Муид—своего рода помощник преподавателя, повторяющий с учениками пройденные уроки.
58. Не ясно, о ком идет речь.
59. Абу-л-Фатх Мухаммад бин Али ал-Хаддад—проповедник, адиб и факих; выходец из Хорасана. Прожил долгую жизнь и умер ранее 511г.х. (1117/18) (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 671).
60. Бабуфеле—речь идет об Ахмаде бин Мухаммаде Фели Мейхени (380–460–990/91–1067/68), одном из авторитетных шейхов Хаберана и друзей шейха Абу Саида. Он

- был выходцем из селения Феле в Хаберене (см Бадр ад-Дин, с. 739–740; Шафии Кадкани, ч. 2, с. 690).
61. Захир ад-Дин Абу-л-Ас'ад Кушейри-речь идет об Абу-л-Ас'аде Хабат ар-Рахмане бин Абд ал-Вахиде Кушейри (джумада 1 460–13 шаввала 546 или 548–111.1067–24.1.1151 или 2.1. 1153), внуке Абу-л-Касима Кушейри и последнем выдающемся представителе этого рода. Он отличался глубокими познаниями и был хатибом Нишапура (см. Бадр ад-Дин, с. 740; Шафии Кадкани, ч. 2, 708).
 62. Абу-л-Маали Кушейри-речь идет об Абу-л-Маали Абд ал-Кариме бин Убайдаллахе бин Абд ал-Кариме бин Хавазане (1 зу-л-хиджа 477 убит в 556–31.111.1084–1160/61). Он был внуком Абу-л-Касима Кушейри. Обладал красноречием и по пятницам проповедовал в Нишапуре (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 680).
 63. Не ясно, о ком идет речь.
 64. Абу Са'ид Кушейри-имеется в виду Абу Саид Рукн ал-ислам Абд ал-Вахид бин Абд ал-Карим бин Хавазан Кушейри (418–11 джумада 1 494–1027/28–15.111.1100), внук Абу Али Даккака и второй сын Абу-л-Касима Кушейри. Он был мухаддисом, вел проповеди в Нишапуре, преподавал здесь в медресе Низамийе. При жизни отца из уважения к нему воздерживался от обсуждения вопросов, связанных с суфизмом (см. Бадр ад-Дин, с.741).
 65. Абу-л-Касим Джувейни-речь идет об Абу-л-Касиме Музаффаре бин Абд ал-Малике ал-Джувейни (X1в.) сыне Абу-л-Маали Джувейни. В детстве он был привезен из Рея, где он родился, в Нишапур и воспитывался под присмотром отца. Он обладал блестящими познаниями в науках, в том числе в фикхе. Наряду с этим искусно владел мечом и хорошо стрелял из лука. Был отравлен (см. Шафии Кадкани, ч. 2, с. 675).
 66. Не ясно, о ком идет речь.
 67. Не ясно, о ком идет речь.
 68. Мосули. Под этой нисбой прославились два знаменитых певца и музыканта: Ибрахим Мосули (742 – 804) и его сын Исхак Мосули (767 – 849). Но кто из них имеется в виду в данном случае, неизвестно. Арганун-струнный музыкальный инструмент на Востоке.
 69. Речь идет о хорезмшахе Ала ад-Дине Атсызе (1127–1156).
 70. Это предложение у Х. Бадр ад-Дина содержит неточности в изложении фактов, поэтому мы выбрали вариант М.Шафии Кадкани. В данном случае подразумеваются следующие исторические события. В 1141г. султан Санджар отправился походом в Мавераннахр против кара-хитаев. Сражение с ними произошло 9 сентября 1141г. близ Самарканда, в пустыне Катаван. Армия Санджара была разбита. Этим воспользовался хорезмшах Атсыз и через месяц после поражения Санджара вторгся в Хорасан (см. З.М. Бунятов. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, с. 13–14).
 71. Не ясно, о ком идет речь.
 72. Чавуш-воинский чин, обладатель которого наряду с прочими обязанностями, должен был определять места для воинских лагерей.
 73. Не ясно, о ком идет речь.
 74. У Х. Бадр ад-Дина « стену, которая была вокруг Мейхене» (Бадр ад-Дин, с. 745). Видимо, имеется в виду крепостную стену. Однако вряд ли несколько дервишей смогли бы ее заново возвести. У М. Шафии Кадкани речь идет о небольшой разрушенной стене в Мейхене (см. Шафии Кадкани, ч. 1, с. 380), что также требует уточ-

- ний. Поэтому мы предложили свой вариант. Очевидно, имеется в виду, что дервиши соорудили нечто похожее на укрепленное место, своего рода цитадель внутри Мейхене, и мы воспользовались для его обозначения просто словом «укрепление».
75. 13, 14 и 15 числа каждого месяца лунного года. Эти дни называют «айям ал-биз» («белые дни»), а ночи—«лейали-йи биз» («белые ночи») (см. Бадр ад-Дин, с. 745).
76. Хотя родственные связи этих лиц с автором и указаны, но они вызывают сомнение у некоторых ученых. Так, М. Шафии Кадкани, С. Нафиси и другие исследователи отмечают, что ал-Мунаввар бин Абу Са'д был отцом автора сочинения—Абу-л-Сана Нур ад-Дином Мунавваром бин Абу Са'дом; а Абу-л-Фахр бин ал-Муфаззал был братом Абу Бакра Фазлаллаха бин ал-Муфаззала и внуком шейха (см. Бадр ад-Дин, с. 748; Шафии Кадкани, ч. 1, введ., с. 149, 146). Следует заметить, что вряд ли сам автор сочинения мог бы перепутать имена своих близких родственников: отца, племянника, двоюродного брата. Вероятно, это было сделано кем-либо из переписчиков.
77. Не ясно, о ком идет речь.
78. Здесь под вилайатом подразумевается собственная суть человека, которой он должен управлять, чтобы не подвергнуться низменным страстям.

УКАЗАТЕЛЬ ХАДИСОВ

В указатель включены только те хадисы, которые удалось проследить по соответствующей литературе. При этом не принимались во внимание изменения в самом хадисе в различных источниках, и он приведен в том виде, как содержится в «Асрар ат-таухид». Мы использовали следующие работы: М. Рейшахи. Мизан ал-хикмат. (т. 1–5)—Кум, 1375 (далее Мизан); его же: Мунтахаб мизан ал-хикмат.—Кум, 1383 (далее Мунтахаб); Аль-ахадис аль-кудсийа. Хадисы Пророка Пер. и коммент. Иман В. Пороховой—Дамаск, 1419; а также примечания к хадисам в текстах «Асрар ат-таухид», изданных Х. Бадр ад-Дином и М. Шафии Кадкани.

Хадисы в указателе даны в алфавитном порядке; отмечены соответствующие страницы перевода, обозначенного буквой «П» и затем приведены ссылки на источник. В будущем указатель, несомненно, может быть уточнен, дополнен.

- Был Посланник Аллаха... П, с. 169; Шафии Кадкани, т. 2, с. 771.
 Вопреки желанию... П, с. 243; Бадр ад-Дин, с. 494.
 Всевышний Аллах не забирает... П, с. 36; Бадр ад-Дин, с. 248.
 Всевышний Аллах не смотрит на ваши лица... П, с. 123; Порохова, с. 182, № 79.
 Всевышний Аллах ниспослал откровение Давуду... П, с. 296; Мизан, т. 1, с. 223, № 1558.
 Всевышний Аллах ниспослал откровение одному из... П, с. 367; Мизан, т. 1, с. 511, № 3164.
 Всевышний Аллах помогает... П, с. 270; Мунтахаб, с. 10, № 109.
 Говорите, что нет бога... П, с. 323; Мизан, т. 3, с. 1895, № 12339.
 Да помилует Аллах... П, с. 123; Бадр ад-Дин, с. 394.
 Долго длилось их желание... П, с. 288; Мизан, т. 4, с. 2796, № 18307.
 Два слова легкие на языке... П, с. 229; Шафии Кадкани, т. 2, с. 771.

Достаточно тех, кто... П, с. 378; Шафии Кадкани, т. 2, с. 768.
 Задуматься на мгновение лучше ...П, с. 360; Мизан, т. 3, с. 2465,
 № 16221.
 Знатность человека... П, с. 294; Бадр ад-Дин, с. 568.
 И ими они будут питаться... П, с. 72; Шафии Кадкани, т. 2, с. 767.
 Когда Аллах желает блага рабу, Он... П, с. 349; Мизан, т. 4, с. 2966,
 № 19174.
 Когда Аллах желает блага рабу, то... П, с. 367; Мизан, т. 1, с. 842,
 № 5360.
 [Когда] желаешь своему брату... П, с. 347; Шафии Кадкани, т. 2, с. 765.
 Когда закончится безнравственность... П, с. 246; Бадр ад-Дин, с. 498.
 Когда наступит день Страшного суда... П, с. 311; Шафии Кадкани,
 т. 2, с. 762.
 Красота обязательства... П, с. 227; Мизан, т. 3, с. 2147, № 14426.
 Кто возлюбит... П, с. 378; Бадр ад-Дин, с. 679.
 Кто довольствуется малым... П, с. 337; Мунтахаб, с. 480, № 5384.
 Кто избирает молчание... П, с. 337; Шафии Кадкани, т. 2, с. 774.
 Кто избирает уединение... П, с. 337; Мизан, т. 3, с. 1965, № 12900.
 Кто искал меня... П, с. 288; Мизан, т. 4, с. 2796, № 18306.
 Кто познает себя, познает Господа—П, с. 361; Мизан, т. 2, с. 1877,
 № 12223.
 Любовь к мирскому... П, с. 169; Мунтахаб, с. 202, № 2196.
 Мир есть пашня загробной жизни—П, с. 42; Мунтахаб, с. 202, № 2173.
 Молодость—часть от безумства—П, с. 60; Мизан, т. 1, с. 342, № 2661.
 Моя умма разделилась... П, с. 353; Мизан, т. 3, с. 2415, № 15869.
 Наши дети... П, с. 189; Мунтахаб, с. 612, № 6726.
 Низшая из них... П, с. 248; Мунтахаб, с. 318, № 3531.
 О обитатели вечности и постоянства... П, с. 367; Шафии Кадкани,
 т. 2, с. 776.
 О Муаз! Очисти свою религию... П, с. 344; Мизан, т. 1, с. 755, № 4759.
 [Одно] из благ ислама... П, с. 241; Бадр ад-Дин, с. 491.
 Омовение за омовением... П, с. 198; Мизан, т. 3, с. 3564, № 21923.
 Оставь то, что вводит тебя в сомнение...П, с. 169; Порохова, с. 102, № 10.
 Остерегайтесь пронизательности праведника ...П, с. 140 ; Мизан, т. 3,
 с. 2395, № 15781.
 Поднятая рука... П, с. 311; Бадр ад-Дин, с. 596.
 Поистине, всевышний Аллах любит... П, с. 342; Мизан, т. 1, с. 614,
 № 3812.
 Поистине, всевышний Аллах не [имеет] пары... П, с. 257; Бадр ад-Дин,
 с. 513.
 Поистине, всевышний Аллах не смотрел на мир... П, с. 372; Шафии
 Кадкани, т. 2, с. 765.
 Поистине, первые из моей уммы... П, с. 343; Мунтахаб, с. 112, № 1174.
 Потрать, эй Билал... П, с. 137; Бадр ад-Дин, с. 373.
 При упоминании добродетельных... П, с. 38; Мунтахаб, с. 232, № 2533.
 Приближающиеся не могут... П, с. 47; Порохова, с. 62, № 25

(хадис кудси).

Приведут неверных... П, с. 372; Шафии Кадкани, т. 2, с. 776.

Религия желанием... П, с. 80; Мунтахаб, с. 56, № 585.

Руки бывают трех [видов]... П, с. 311; Бадр ад-Дин, с. 596.

Самые достойные слова... П, с. 288; Мизан, т. 2, с. 1893, № 12309.

Самые тяжелые бедствия... П, с. 35; Мизан, т. 1, с. 302, № 397.

Соединись с тем, кто прервал... П, с. 435; Шафии Кадкани, т. 2, с. 770.

Того, кто проявляет скромность... П, с. 351; Мизан, т. 4, с. 3558, № 21875.

Тому, кто отрекся от мира... П, с. 367; Мунтахаб, с. 162, № 1720.

Тот, кто не принимает извинение... П, с. 293; Бадр ад-Дин, с. 567.

Улемы моей уммы... П, с. 125; Мизан, т. 3, с. 2067, № 13695.

Улемы-наследники пророков... П, с. 193; Мизан, т. 3, с. 2067, № 13696.

Фатима, поистине, госпожа... П, с. 317; Мунтахаб, с. 40, № 477.

Шейх среди своих людей... П, с. 80; Шафии Кадкани, т. 2, с. 769–770.

Я был послан... П, с. 50; Бадр ад-Дин, с. 265.

Я есть я... П, с. 360; Шафии Кадкани, т. 2, с. 763.

Я уверовал в Аллаха... П, с. 334; Мизан, т. 3, с. 2643, № 17183.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абд ал – Джалил – 163

Абд ал–Карим – 212, 231, 248, 252, 403 – 405, 408, 475

Абд ал–Карим Ажджахи – 279

Абд ал–Малик бин Шадан ал–Мугри – 217

Абд ал–Малик Табари, шейх – 432 – 434, 499

Абд ал – Мутталиб – 493

Абд ар – Раззак Сан’ани – 297, 486

Абд ар–Рахман, имам – 279

Абд ар–Рахман, чтец Корана см. Абд ар – Рахман бин Абу Салех

Абд ар–Рахман Джами – 17 – 18, 452, 486, 488 – 489

Абд ар–Рахман бин Абу Салех – 139, 353

Абд ар–Рахман бин Сахр см. Абу Хурайра

Абд ар–Рахман Сулами, шейх – 10, 13, 63, 73, 168, 250, 304, 370, 456, 465–466, 477, 487 – 488, 494

Абд ас–Самад, шейх – 62 – 63, 144 – 145, 226, 456

Абд ас–Самад бин Мухаммад бин Хасан ал–Гиланси ас–

Суфи ас–Серахси, шейх см. Абд ас–Самад, шейх

Абд ал–Узза бин Абд ал–Мутталиб см. Абу Лахаб

Абдаллах Ансари, шейх ал–ислам – 3, 10, 273, 459, 487

Абдаллах бин Мубарак – 210 – 211, 283, 304, 475

Абдаллах бин Мубарак ал–Марвази см. Абдаллах бин Мубарак
Абдаллах бин ал–Мукаффа – 485
Абдаллах бин Омар – 310 – 311, 489
Абдаллах бин ал–Фарадж ал–Абид – 293, 485
Абу Абд ар–Рахман Абдаллах бин Омар бин ал–Хаттаб см.
Абдаллах бин Омар
Абу Абд ар–Рахман Муаз бин Джабал см. Муаз
Абу Абд ар–Рахман Мухаммад бин Хусейн бин Мухаммад бин
Муса Сулами см. Абд ар–Рахман Сулами
Абу Абдаллах Баку, шейх 15 – 16, 120 – 123, 250 – 251, 465, 492
Абу Абдаллах Бакуе см. Абу Абдаллах Баку
Абу Абдаллах Билал бин Раббах Хабаши см. Билал Хабаши
Абу Абдаллах Дастан – 84, 460
Абу Абдаллах Джа'фар бин Мухаммад см. Джа'фар Садик
Абу Абдаллах Карам – 130, 166, 466
Абу Абдаллах Мухаммад бин Абдаллах бин Убайдаллах бин Бакуе см.
Абу Абдаллах Баку
Абу Абдаллах Мухаммад бин Али Даббаг Кайени аш–Ширази – 483
Абу Абдаллах Мухаммад бин Али ад–Дастан см. Абу Абдаллах
Дастан
Абу Абдаллах Мухаммад бин Ахмад ал–Марвази см. Абу Абдаллах
ал–Хизри
Абу Абдаллах Мухаммад бин Ахмад бин Мухаммад бин Али Шавкани
Малеки см. Мухаммад Шавкани
Абу Абдаллах Мухаммад бин Идрис аш–Шафии см. Шафии Муталлаби
Абу Абдаллах Мухаммад бин Каррам см. Абу Абдаллах Каррам
Абу Абдаллах ар–Рази – 289, 485
Абу Абдаллах Суфйан бин Саид бин Масрук Саури см. Суфйан Саури
Абу Абдаллах ал–Хизри, имам – 11, 48, 52, 451
Абу Абдаллах Хусейн бин Ахмад бин Мухаммад бин Джа'фар см.
Абу Абдаллах ар–Рази
Абу Али – 52
Абу Али (Ибн Сина) – 10, 15, 236 – 237, 477–478
Абу Али Даккак – 71, 86, 116 – 117, 297, 300, 313, 328, 458, 460 – 461, 500
Абу Али Захир бин Ахмад ал–Факих см. Абу Али Факих
Абу Али Мухаммад бин Мухаммад бин Хошнам см.
Мухаммад бин Хошнам
Абу Али ал–Мутаххар бин Фазлаллах – 401
Абу Али ал–Османи, имам – 279, 483
Абу Али Санджи, шейх – 11, 52
Абу Али Сийах, пир – 210 – 211, 283, 475
Абу Али Тарсуси – 95, 315, 461
Абу Али Туршизи – 119
Абу Али Туси см. Абу Али Фармади
Абу Али Урзи, эмир – 92
Абу Али ал–Фазл ал–Фармади ат–Туси см. Абу Али Фармади
Абу Али Факих, имам – 12, 52 – 54, 169, 310, 312, 453

Абу Али Фармади, имам – 157 – 159, 224, 227, 470
Абу Али Хасан бин Абдаллах бин Османи см. Абу Али ал–Османи
Абу Али ал–Хасан бин Али бин Исхак ат–Туси см. Низам ал–Мулк
Абу Али Хасан бин Али бин Мухаммад бин Исхак см. Абу Али Даккак
Абу Али Худжи, пир 70
Абу Али Хусейн бин Абдаллах бин Хасан бин Али Ибн Сина
см. Абу Али (Ибн Сина)
Абу Али Хусейн бин Мухаммад бин Ахмад Мерверуди см. Хусейн, кази
Абу Али Шабуйи – 297 – 298
Абу Амр Абд ал–Вахаб бин Абд ар–Рахман Сулами см. Амр, ходжа
Абу Амр Ахмад бин Мухаммад бин Осман Бишхани Насави
см. Абу Амр Бишхани
Абу Амр Ахмад бин Убайи бин Ахмад ал–Фарати см. Абу Амр Фарати
Абу Амр Бишхани, шейх – 50, 195 – 197, 453
Абу Амр бин Наджид ас–Сулами – 304, 484
Абу Амр Фарати – 52, 453, 483
Абу Амр Хоску – 134 – 135, 213 – 214
Абу Ахмад – 113, 464
Абу Ахмад, устад – 92 – 93, 220
Абу Ахмад ал–Музаффар бин Ахмад бин Хамдан см. Музаффар Хамдан
Абу Ахмад Хасан бин Ахмад бин Амирак см. Абу Ахмад
Абу Ахмад Хомайед бин Мухаммад см. Хомайед Занджувийе
Абу Асим Айази – 233
Абу Бакр, устад см. Абу Бакр Нугани
Абу Бакр Абд ар–Раззак бин Хумам бин Нафи Сан’ани
см. Абд ар–Рахман Сан’ани
Абу Бакр Абд ар–Рахман бин Исмаил бин Абд ар–Рахман Сабуни
см. Абу Бакр Сабуни
Абу Бакр Абдаллах, шейх - 224
Абу Бакр Абдаллах бин Ахмад бин Абдаллах
см. Абу Бакр Каффал
Абу Бакр Ахмад бин Али бин ал–Хасан ал–Муаддаб ал–Бейхаки
см. Абу Бакр Муаддаб
Абу Бакр Ахмад бин Хасан бин Ахмад бин Мухаммад
ал–Хири ал–Хураши см. Абу Бакр Хири
Абу Бакр Васити – 309
Абу Бакр Даруни – 342
Абу Бакр Джа’фар бин Йунис (или Дулаф или Джахдар)
аш–Шибли см. Шибли
Абу Бакр Джанару, шейх – 115
Абу Бакр бин Исхак бин Мамшад см. Абу Бакр Исхак Каррами
Абу Бакр Исхак Карами – 103, 105 – 107, 257, 462
Абу Бакр Каттани – 296 – 297, 301, 486
Абу Бакр Каффал, имам – 11, 52, 128, 453, 484
Абу Бакр Каффал Марвази см. Абу Бакр Каффал
Абу Бакр Лам’ бин Ахмад бин Фазлуйе Шавкани см. Абу Бакр Шавкани

Абу Бақр Муаддаб – 114, 194, 212 – 213, 316, 324, 376, 464
Абу Бақр Мукаррам – 162
Абу Бақр Мухаммад ар – Раванди – 497
Абу Бақр Мухаммад бин Али бин Джа'фар Каттани см. Абу Бақр Каттани
Абу Бақр Мухаммад бин Ахмад ал-Ваиз ас-Серахси – 144, 438
Абу Бақр Мухаммад бин Бақр бин Мухаммад Туси Нугани
см. Абу Бақр Нугани
Абу Бақр Мухаммад бин Йахйа бин Сахл Мутарриз – 469
Абу Бақр Мухаммад бин Муса Фергани см. Васити
Абу Бақр Мухаммад бин Муслим бин Убайдаллах Зухри см. Зухри
Абу Бақр Нугани – 191, 230, 235, 477
Абу Бақр Сабуни – 241, 478
Абу Бақр Сиддик, первый «праведный» халиф – 303, 371, 487
Абу Бақр Фазлаллах бин ал-Муфаззал - 501
Абу Бақр Хатиб, имам – 128 – 129
Абу Бақр Хири, кази – 255 – 256, 481
Абу Бақр Шавкани – 156, 469
Абу Бақр Шибли – 279
Абу ад-Дараварди – 50, 453
Абу ад-Дарда – 243, 479
Абу Джа'фар – 133
Абу Джа'фар Кайени – 294
Абу Джа'фар Мухаммад бин Али ал-Кассаб
см. Мухаммад бин ал-Кассаб
Абу Джа'фар Мухаммад бин Али бин Хусейн ал-Багир
см. Мухаммад Багир
Абу Джахл – 139, 467
Абу Ибрахим Исмаил бин Йахйа Музанни см. Музанни
Абу Исхак Исфараини – 304
Абу Исхак Ка'б бин Мата Хаамири см. Каб'олахбар
Абу Йакуб Йусиф бин Хусейн Рази см. Йусиф бин ал-Хусейн
Абу Йакуб Исхак бин Мухаммад Нахрджури см. Абу Йакуб Нахрджури
Абу Йакуб Нахрджури – 308, 488
Абу Йусиф ал-Кази – 10, 294, 486
Абу Лахаб – 139, 467
Абу Мансур Варгани, везир – 154, 379 – 380, 398
Абу Мансур бин Мухаммад Марвази см. Омаре
Абу Муслим Фарис бин Талиб ал-Фариси см. Абу Муслим Фариси
Абу Муслим Фариси – 168, 471
Абу Мухаммад Абдаллах бин Йусиф Джувейни см. Абу Мухаммад Джу-
вейни
Абу Мухаммад Абдаллах бин Мухаммад ал-Муртаэш см. Муртаэш
Абу Мухаммад Анари, имам – 11, 45 – 46, 399
Абу Мухаммад Ахмад бин Мухаммад бин Хусейн Джарири см. Абу Му-
хаммад Джарири
Абу Мухаммад ад-Дараварди см. Абу ад-Дараварди

Абу Мухаммад Джарири – 83, 459
 Абу Мухаммад Джувейни, шейх – 10 – 11, 52, 160, 171 – 172, 189, 244,
 254, 257, 262, 270 – 271, 318 – 319,
 386, 453, 470
 Абу Мухаммад Сахл бин Абдаллах ат–Тустари см. Сахл бин Абдаллах
 Абу Мухаммад Хасан бин Ахмад бин Мухаммад Самарканди
 см. Хасан Самарканди
 Абу Наср, имам – 437
 Абу Наср Айази – 160, 233
 Абу Наср Мухаммад бин Мансур бин Абд ар–Рахим Хорзи
 см. Абу Наср Хорзи
 Абу Наср Саррадж – 55, 92, 454
 Абу Наср Хорзи – 111, 118, 422, 463, 465
 Абу Наср Ширвани – 171 – 174
 Абу Осман – 143
 Абу Осман Исмаил бин Абд ар–Рахман бин Ахмад Сабуни
 см. Исмаил Сабуни
 Абу Осман Магриби – 309, 489
 Абу Осман Саид бин Исмаил ал–Хири см. Абу Осман Хири
 Абу Осман Саид бин Салам Магриби см. Абу Осман Магриби
 Абу Осман Хири, шейх – 73, 458, 468, 487 – 488
 Абу Са’д, шейх ал–ислам – 85, 92, 139, 193, 201, 245, 401, 430, 460
 Абу Са’д Абд ал–Карим бин Мухаммад бин Мансур ас–Сам’ани
 см. Абу Са’д бин Мухаммад ас–Сам’ани
 Абу Са’д Ас’ад бин Са’ид – 401
 Абу Са’д Ахмад бин Мухаммад бин Дуст Нишапури
 см. Абу Са’д Дустдада
 Абу Са’д Дустдада – 406, 413 – 416, 419 – 421, 497
 Абу Са’д бин Мухаммад ас–Сам’ани – 432, 498 – 499
 Абу Са’д бин Саид бин Фазлаллах см. Абу Са’д, шейх ал–ислам
 Абу Са’д Мухаммад бин Мансур – 464
 Абу Са’ид, шейх – 3 – 20, 22, 24 – 27, 34, 36, 41, 43, 45, 48, 51 – 53, 55, 58–
 60, 62, 69, 76, 78, 80, 83 – 84, 86 – 87, 90 – 95, 98, 102,
 111, 113 – 114, 116 – 117, 120 – 121, 123 – 128, 130–134,
 137, 140 – 143, 148 – 152, 155 – 157, 159 – 164, 167–176,
 178 – 179, 181 – 186, 193, 195, 197 – 200, 203 – 207, 209–
 211, 214 – 215, 217 – 219, 222, 224, 228 – 236, 240, 242 –
 243, 246 – 248, 250 – 257, 259, 264 – 265, 269 – 271, 273,
 276 – 281, 284 – 286, 307, 314 – 317, 319, 321, 324, 327 –
 329, 333, 342, 354, 358, 362, 380, 383 – 384, 386, 392,
 397, 399, 404 – 405, 413, 415, 417, 419, 421, 424, 426,
 429, 432 – 435, 437 – 438, 445 – 446, 449 – 451, 456, 458–
 459, 461 – 466, 469, 471 – 472, 474, 479 – 489, 491, 494,
 496, 498 – 499
 Абу Са’ид Абу–л–Хейр см. Абу Са’ид
 Абу Са’ид Кушейри – 437, 500

Абу Са'ид Мухаммад бин Али бин Мухаммад бин Ахмад бин Хабиб ас-Саффар см. Абу Са'ид Хашшаб
 Абу Са'ид Рукн ал-Ислам Абд ал-Вахид бин Абд ал-Карим бин Хавазан Кушейри см. Абу Са'ид Кушейри
 Абу Са'ид Фазлаллах бин Абу-л-Хейр ал-Мейхени см. Абу Са'ид
 Абу Са'ид Хаддад, имам – 269, 482
 Абу Са'ид Хасан бин Абу-л-Хасан Йасар Басри см. Хасан Басри
 Абу Са'ид Хашшаб – 126, 466
 Абу Са'ид Эмади, имам – 46
 Абу Салех – 324
 Абу Салех Дандани – 152 – 153
 Абу Сахл Мухаммад бин Сулейман бин Мухаммад Саалуки см. Абу Сахл ас-Саалуки
 Абу Сахл ас-Саалуки, шейх – 304, 488
 Абу Сахл Са'ид бин Абд ал-Азиз Нили – 463
 Абу Сулейман Давуд бин Насир Таи см. Давуд Таи
 Абу Суфйан – 485
 Абу Талиб – 357, 493
 Абу Талиб Джа'фари – 208, 474
 Абу Талиб Хамза бин Мухаммад см. Абу Талиб Джа'фари
 Абу Талиб Мекки – 479
 Абу Тахир – 20, 24, 65, 73 – 74, 88, 92, 110, 119, 175, 180, 182, 188 – 189, 193 – 195, 201 – 202, 253 – 254, 276, 284, 379, 381, 384, 400 – 401, 404, 406, 408, 416, 421, 424 – 429, 457, 460, 466, 496
 Абу Тахир Са'ид бин Фазлаллах см. Абу Тахир
 Абу Урва Ма'мар бин Рашид см. Ма'мар
 Абу Хамза Нури – 307
 Абу Хамид Дустан – 306, 488
 Абу Ханифа Куфи, имам – 49 – 50, 452, 478, 486
 Абу Ханифа ан-Ну'ман бин Сабит см. Абу Ханифа Куфи
 Абу Хафс – 303, 487
 Абу Хафс Амр бин Салам Нишапури см. Абу Хафс
 Абу Хурайра – 297, 486
 Абу Хурайра ад-Дауси см. Абу Хурайра
 Абу-л-Аббас Ахмад бин Мухаммад бин Абд ал-Карим Кассаб см. Абу-л-Аббас Кассаб
 Абу-л-Аббас Ахмад бин Мухаммад Шагани см. Абу-л-Аббас Шагани
 Абу-л-Аббас Ахмад бин Омар бин Сорайдж Багдади см. Бин Сорайдж
 Абу-л-Аббас Башар, шейх – 298
 Абу-л-Аббас Кассаб, шейх – 13 – 14, 69 – 70, 77 – 78, 83 – 84, 244, 312, 331, 349, 457
 Абу-л-Аббас Шагани, шейх – 259, 482
 Абу-л-Аббас Рейкари, шейх – 271 – 272
 Абу-л-Ала Насир бин Фазлаллах – 401
 Абу-л-Ала Са'эд бин Мухаммад бин Ахмад бин Абдаллах см. Саэд

Абу–л–Ас’ад Хабат ар–Рахман бин Абу–л–Вахид Кушейри
см. Захир ад–Дин Абу–л–Ас’ад Кушейри
Абу–л–Бака ал–Муфаззал бин Фазлаллах – 401
Абу–л–Баракат – 143, 342, 383
Абу–л–Вафа ал–Музаффар бин Фазлаллах – 401
Абу–л–Иzza ал–Муваффақ бин Са’ид – 401
Абу–л–Касим Абд ал–Карим бин Хавазан ал–Кушейри
см. Абу–л–Касим Кушейри
Абу–л–Касим Али бин Абдаллах ал–Гургани (ал–Карракани)
см. Абу–л–Касим Гургани
Абу–л–Касим Башар Йасин, пир – 11, 45 – 47, 246, 358, 369 – 370, 451
Абу–л–Касим Гургани, шейх – 94 – 95, 159, 224, 461
Абу–л–Касим Джувейни – 437, 500
Абу–л–Касим Джунейд см. Джунейд бин Мухаммад Багдади
Абу–л–Касим ал–Джунейд бин Мухаммад ал–Каварири ал–Хаззаз
ал–Багдади см. Джунейд бин Мухаммад Багдади
Абу–л–Касим Заррад – 198
Абу–л–Касим бин Али аш–Шармагани, шейх – 27, 58
Абу–л–Касим Ибрахим бин Мухаммад бин Махмуд ан–Насрабади
см. Абу–л–Касим Насрабади
Абу–л–Касим Исмаил бин Ахмад бин Мухаммад бин Хасан бин Ахмад
бин Мукаррам Аттар Сейидлани см. Исмаил Мукаррам
Абу–л–Касим ал–Исфараини – 464
Абу–л–Касим Исхақ бин Мухаммад Хақим Самарканди
см. Абу–л–Касим Хақим
Абу–л–Касим Кушейри, имам – 10, 96, 111, 115 – 118, 123, 142, 154, 158,
244, 247, 252, 257 – 258, 270, 278, 280,
304, 318, 328, 330, 422, 436, 461, 464 –
465, 470, 499 – 500
Абу–л–Касим Музаффар бин Абд ал–Малик ал–Джувейни
см. Абу–л–Касим Джувейни
Абу–л–Касим Насрабади, шейх 63, 456
Абу–л–Касим Рубахи, шейх 142, 422 – 423
Абу–л–Касим Хақим 209 – 210, 475
Абу–л–Касим Хашим бин Мухаммад бин Хасан
см. Абу–л–Касим Хашими
Абу–л–Касим Хашими – 93 – 94, 461
Абу–л–Касимак – 106 – 107
Абу–л–Маали Абд ал–Карим бин Убайдаллах бин Абд ал–Карим
бин Хавазан см. Абу–л–Маали Кушейри
Абу–л–Маали Абд ал–Малик бин Абдаллах Джувейни
см. Абу–л–Маали Джувейни
Абу–л–Маали Джувейни, имам ал–харамейн – 116, 123, 271, 437, 464,
470, 484, 500
Абу–л–Маали Кушейри, имам – 437, 499
Абу – л – Сана Нур ад – Дин Мунаввар бин Абу Са’д см. Нур ад – Дин

Мунаввар

Абу–л–Фазл Ахмад бин Мухаммад бин Ахмад бин Убайй бин Ахмад
Фарати Худжани см. Абу–л–Фазл Фарати
Абу–л–Фазл Мухаммад бин Ахмад Ареф Нугани – 190, 328, 383, 473
Абу–л–Фазл Мухаммад бин Хасан, шейх – 310, 489
Абу–л–Фазл Мухаммад бин Хасан Серахси см. Абу–л–Фазл Хасан
Абу–л–Фазл Мухаммад бин ал–Хасан ал–Хуттали
см. Абу–л–Фазл Шами
Абу–л–Фазл Фарати 274 – 275, 483
Абу–л–Фазл Хасан, пир – 12 – 13, 20, 53 – 56, 62 – 63, 69 – 70, 74, 88, 214,
247, 268 – 269, 307, 370, 453, 488
Абу–л–Фазл Хасан бин Ахмад бин Абу–л–Фазл Суфи
см. Хасан Джанару
Абу–л–Фазл Шами, шейх – 429 – 430, 498
Абу–л–Файз Саубан бин Ибрахим Мисри см. Зу–н–Нун Мисри
Абу–л–Фарадж ал–Фазл бин Ахмад Амери – 401, 496
Абу–л–Фахр бин ал–Муфаззал – 445, 501
Абу–л–Фатх – 126, 162, 175, 187 – 189, 207, 209, 211, 245, 255, 260 – 262,
277, 283 – 284, 316, 401, 403, 424
Абу–л–Фатх Аббас, имам – 127
Абу–л–Фатх Айази – 167, 470
Абу–л–Фатх Мухаммад бин Абу Бакр бин Мансур ал–Кази
ал–Мейхени ас–Серахси – 432
Абу–л–Фатх Мухаммад бин Али ал–Хаддад – 435 – 436, 499
Абу–л–Фатх Мухаммад бин Сам см. Гийас ад – Дин Мухаммад
Абу–л–Фатх Тахир бин Саид см. Абу – л – Фатх
Абу–л–Футух Газайери – 115 – 116, 433, 464
Абу–л–Футух Мас’уд бин Абу–л–Фазл – 401, 421, 496
Абу–л–Футух Наср бин Хусейн бин Ибрахим бин Нух Газайери
см. Абу–л–Футух Газайери
Абу – л – Хасан, хадим – 214 – 215
Абу–л–Хасан Абд ал–Карим бин Абд ал–Фаттах Арадж
см. Абд ал–Карим
Абу–л–Хасан Абдаллах бин Тахир бин ал–Хасан ар–Руги
см. Абу–л–Хасан Руги
Абу–л–Хасан Али бин Абу Мансур Музаки Санджари
см. Абу–л–Хасан Санджари
Абу–л–Хасан Али бин Ахмад бин Сахл см. Абу–л–Хасан Пушанджи
Абу–л–Хасан Али бин Ахмад ал–Харакани
см. Абу–л–Хасан Харакани
Абу–л–Хасан Али бин Ибрахим ал–Хусри см. Хусри
Абу–л–Хасан Али бин Мусанна, шейх – 310, 489
Абу–л–Хасан Али бин Хасан бин Али Сандали см. Али Сандали
Абу–л–Хасан Арадж Абиварди – 400
Абу–л–Хасан Нури – 285 – 286, 308, 479, 484
Абу–л–Хасан Пушанджи – 289, 485

Абу–л–Хасан Руги, имам – 235, 477
Абу–л–Хасан Санджари, шейх – 168, 471
Абу–л–Хасан Туни, имам – 130 – 132
Абу–л–Хасан Фарузи, пир – 342, 492
Абу–л–Хасан Харакани – 10, 17, 19, 78, 81, 84, 175 – 179, 182 – 187, 262 –
263, 304, 459, 472, 487
Абу–л–Хейр – 11, 43, 45, 47, 76
Абу – л – Хусейн Ахмад бин Мухаммад Нури см. Абу – л – Хасан Нури
Абу–л–Хусейн Малеки – 445
Агаб , джинн – 400
Агаева Э. Р. – 28
Адам – 31 – 32, 85, 301, 358, 361, 424
Аджал Нишапури – 259, 482
Аджал Хасан – 264 – 267
Азар – 350, 492
Ала ад–Дин Атсыз см. Атсыз
Аиша Садиге – 313, 433
Алейк Даразра – 153 – 154, 206 – 207, 405, 408
Али бин Абу Талиб, четвертый « праведный» халиф – 56, 63, 83, 193, 279,
294 – 295, 312, 319,
449 – 450, 467, 485
Али бин Хасан (или Хусейн) Сиргани Кермани см. Али Хасан
Али бин Хусейн Зайн ал–Абедин, четвертый шиитский имам – 63, 456
Али Мухтасиб – 422 – 423
Али Сандалии – 257, 319 – 320, 481
Али Тарсуи – 260
Али Хаббаз – 210 – 211, 283, 329 – 330, 404
Али Хасан – 404, 496
Али–заде А. – 454, 464 – 465, 467 – 469, 479 – 480, 484, 486, 491, 493 - 494
Алп–Арслан, султан – 461, 498
Амире – 208
Амме – 321 – 322
Амр, джинн – 400
Амр, ходжа – 114, 464
Амр бин Хишам ал–Мугира см. Абу Джахл
Атсыз, хорезмшах – 23, 438, 500
Аухад ад–Дин Кермани – 18
Ахмад, мурид – 62 – 63
Ахмад см. Мухаммад, Пророк
Ахмад, сын Абу–л–Хасана Харакани – 176 – 177, 179, 472
Ахмад Аданибаф – 422, 498
Ахмад Али Насави, шейх – 73 – 74
Ахмад Булис – 329
Ахмад Бушаре – 261 – 262
Ахмад Газали – 470
Ахмад Дехестани, амид – 126 – 127

Ахмад бин Али бин Мухаммад Малекан см. Ахмад Малекан
Ахмад бин Абу – л – Хавари, шейх 20
Ахмад бин Мухаммад Фели Мейхени см. Бабуфеле
Ахмад Малекан, имам – 117, 216, 228, 464
Ахмад Мухаммад Суфи – 438
Ахмад Наджжар – 70, 252, 399, 409, 457, 481
Ахмад Наср – 71, 73, 330, 458
Ахмад Таберани, шейх – 328, 490
Ахурамазда – 480
Ашраф Абу–л–Иман – 228, 421, 424
Ашурбейли С. – 480

Баба Кухи см. Абу Абдаллах Баку
Баба Хасан – 247
Бабу Бу–л–Хейр см. Абу–л–Хейр
Бабуфеле – 435 – 436, 499
Бадр ад – Дин см. Хусейн Бадр ад – Дин
Байазид Бистами, шейх – 49, 179, 184, 288, 300, 329, 338, 452, 459, 472,
483

Байрамов К. З. – 7
Бара бин Азиб – 378, 495
Бартольд В. В. – 455, 460, 495, 497
Бахр, джинн – 400
Бертельс Е. Э. – 18, 465
Бибик Сари – 307
Билал Хабаши – 136 – 137, 467
Бишр бин ал–Харис ал–Хафи см. Бишр Хафи
Бишр Хафи – 50 – 51, 453, 485
Босворт К. Э. – 466, 474
Бугра–хан – 128, 466
Бухари – 297
Бу–л–Байе Мейхени – 52

Ваджих бин Абу ал–Таййиб ал–Амид ал–Мусахиф см. Абу Са'ид Хаддад
Валид – 311, 489
Валид бин Абд ал–Малик бин Марван см. Валид
Васити – 244, 479

Газали см. Мухаммад Газали
Гатибе – 429
Гийас ад–Дин Мухаммад, султан – 6 – 7, 25, 450
Гоухар – 273, 483
Гусейнов З. Б. – 28

Давуд, пророк – 296, 311, 489
Давуд Таи – 56, 83, 311, 454
Дад – 284 – 285
Деххода А. – 490, 493, 495
Джабир бин Абдаллах – 493
Джабраил – 357, 373
Джалал ад–Дин Руми – 3, 12, 18
Джалал ад – Даула Малик – шах см. Малик – шах
Джамал ад–Даула Фаррухзад, султан – 498
Джамал ад–Дин Абу Рух Лутфаллах бин Абу Са'ид – 4, 20, 37
Джами см. Абд ар – Рахман Джами
Джамшид – 251, 480
Джа'фар бин Мухаммад ас – Садик см. Джа'фар Садик
Джа'фар Садик, шестой шиитский имам – 49, 63, 373 – 374, 452
Джунейд см. Джунейд бин Мухаммад Багдади
Джунейд бин Мухаммад Багдади – 55, 63, 83, 279, 289 – 290, 295 – 296,
299, 304, 437, 454, 456, 479, 486, 488 –
489

Жуковский В. А. – 6 – 7, 28

Закарийа, пророк – 302, 460, 487
Захир ад–Дин Абу–л–Ас'ад Кушейри, имам – 436, 499
Зухра – 294
Зухри – 297, 486
Зу–н–Нун см. Зу–н–Нун Мисри
Зу–н–Нун Мисри – 289, 479, 484

Иблис – 301, 324, 342, 351, 358, 487
Бин Сина см. Абу Али (Бин Сина)
Бин Сорайдж – 48, 451
Ибрахим, каввал – 390, 495
Ибрахим, пророк – 296, 383, 424, 465, 486, 492
Ибрахим Адхам – 237, 478
Ибрахим Инал – 155, 277 – 278, 469, 483
Ибрахим Мосули см. Мосули
Идрис, пророк – 58, 455
Изза – 407, 497
Изз ад–Дин Махмуд Илбаши, эмир – 92, 279
Иисус см. Иса
Имад ад–Дин Мухаммад Абу–л–Аббас Садид – 228 – 230

Имран – 203 – 205
Иоанн Креститель – 460, 487
Иосиф – 472
Иса, пророк – 85, 131 – 132, 424, 460
Иса бин Марйам см. Иса
Исмаил – 372
Исмаил Аббас – 143, 383, 468
Исмаил бин Абдаллах бин Муса Сави – 471
Исмаил бин Али бин Аббас см. Исмаил Аббас
Исмаил Мукаррам – 163, 470
Исмаил Сабуни, имам – 161, 169, 189, 244, 257, 270, 318, 470 – 471
Исмаил Сави, шейх – 169, 392, 471
Исмаил Саййари – 471
Исмаилак Даккак – 118
Исхак Мосули см. Мосули
Иши Нили – 109 – 110, 463

Йакуб, пророк – 424, 472
Йакуб бин Ибрахим Ансари Багдади см. Абу Йусиф ал-Казии
Йахйа см. Йахйа Мавераннахри
Йахйа бин Закарийа – 85, 460, 487
Йахйа бин Муаз Рази – 293, 307
Йахйа Мавераннахри – 193 – 194
Йахйа Торк – 209 – 210
Йусиф – 176, 179, 472
Йусиф бин ал-Хусейн – 289, 484

Кабир Бухари, имам – 434
Ка'болахбар – 288, 484
ал-Ка'им, халиф – 23, 497
Камал ад-Дин Абу Са'ид – 92
Камал ад-Дин Исмаил – 18
Каффал см. Абу Бақр Каффал
Кей-Кубад – 495
Кныш А. Д. – 452 – 453
Крачковский И. Ю. – 492, 494
ал-Кундури – 464
Кусаййир – 407, 497
Кушейри см. Абу – л – Касим Кушейри

Логман см. Логман Серахси
Логман Серахси – 12, 53, 56, 74, 241, 268 – 269, 312, 453, 482

Малик бин Анас – 50, 453

Малик бин Анас ал–Асбахи см. Малик бин Анас
Малик–шах, султан – 425, 461, 498
Маман – 405
Ма'мар – 297, 486
Мамедалиев В. М. – 492
Мансур Халладж – 108, 459, 465, 479
Марйам – 131 – 132
Ма'руф Кархи, шейх – 56, 63, 83, 454
Маслама бин Абд ал–Малик – 311, 489
Мас'уд, султан – 15, 198 – 200, 225, 473 – 474
Мас'уд Банджар, эмир – 224
Махак – 228 – 229
Махмуд, султан – 44
Махмуд, султан; племянник Санджара – 412, 497
Махмуд Газневид, султан – 451, 462, 466, 473, 488, 490
Махмуд Мурид – 95 – 96
Махмуд Сабуктегин, султан – 302, 307
Ма'шук см. Мухаммад Ма'шук Туси
Ма'шук Ахмадак – 301
Мехди Парузи, шейх – 430 – 432
Моин М. – 455
Мосули – 438, 500
Мотаххар – 73
Муавийа бин Абу Суфйан – 290, 485
Муаз – 344, 492
Музанни – 48, 451
Музаффар – 178, 472
Музаффар Хамдан, имам – 76, 153 – 154, 235, 327 – 328, 459, 461
Музаффар Сам'ани – 433
Муизз ад – Дин Санджар см. Санджар бин Малик – шах
ал–Мунаввар бин Абу Са'д см. Нур ад – Дин Мунаввар
Мункар – 469, 495
Муртаэш – 55, 299, 454
Муса, пророк – 308 – 309, 357, 392, 424, 465, 480, 488
Муса, старец – 162
Мус'ад – 327 – 328
Мустафа см. Мухаммад, Пророк
Муфаззал – 242
Мухаммад, амид – 125 – 127
Мухаммад, отец Ахмада Малекана – 216
Мухаммад, Пророк – 12, 25, 33, 38 – 39, 41 – 42, 47, 49 – 51, 54, 56, 63–64,
67, 71, 75, 83 – 84, 88, 90, 111, 121, 131, 136, 139 –
140, 143 – 144, 171, 193, 203, 205, 212, 233, 238, 241,
243, 247, 263, 270, 279, 295, 317, 332, 339, 357 – 358,
360 – 361, 372, 376, 378, 382, 384, 387, 392, 414, 433–
434, 436, 447 – 450, 457, 465, 467 – 469, 479 – 480,

Мухаммад, сеид – 221, 223
 Мухаммад, ученый – 156
 Мухаммад ал-Абиварди – 434
 Мухаммад Абу Исхак, пир – 421
 Мухаммад Абу Наср Хабиби – 127, 130
 Мухаммад Алийан Насави см. Ахмад Али Насави
 Мухаммад Анари см. Абу Мухаммад Анари
 Мухаммад Ареф Нугани см. Абу – л – Фазл Мухаммад бин Ахмад Ареф
 Нугани
 Мухаммад Багир, пятый шиитский имам – 63, 456, 491
 Мухаммад бин Абд ас-Салам – 441
 Мухаммад бин Абдаллах бин Йусиф ал-Джувейни
 см. Абу Мухаммад Джувейни
 Мухаммад бин Абдаллах ат-Табари – 83
 Мухаммад бин Али ал-Кассаб – 309, 489
 Мухаммад бин Исмаил Абу Абдаллах ал-Джу'фи ал-Бухари – 477
 Мухаммад бин Мунаввар – 3 – 5, 7 – 8, 12, 15 – 17, 19 – 23, 25 – 26, 34,
 466, 487
 Мухаммад бин Мунаввар бин Абу Са'д бин Абу Тахир
 см. Мухаммад бин Мунаввар
 Мухаммад бин Хошнам – 293, 486
 Мухаммад бин Хошнам Сейидпали Хошнами см. Мухаммад бин Хошнам
 Мухаммад бин Убайдаллах бин Амр см. Утба
 Мухаммад Газали – 464, 470
 Мухаммад Ганари см. Абдаллах бин ал-Фарадж ал-Абид
 Мухаммад Кайени – 269 – 270
 Мухаммад Кухийан – 168
 Мухаммад Ма'шук Туси – 91 – 92
 Мухаммад Мустафа см. Мухаммад, Пророк
 Мухаммад Сам'ани – 434
 Мухаммад Фазл – 70
 Мухаммад Шавкани 98, 462

Наджжар см. Ахмад Наджжар
 Наджм ад-Дин Рази – 3, 17
 Накир – 469, 495
 Насех ад-Дин Мухаммад – 434
 Насир – 438
 Насир бин Ахмад бин Мухаммад Айази см. Абу-л-Фатх Айази
 Насир Марвази, шейх – 11, 52
 Низам ал-Мулк, везир – 10, 15, 24, 92, 127, 220 – 221, 223 – 224, 425– 427,
 461, 476, 498
 Нимрод – 251, 350, 480

Нур ад-Дин Машраги – 424
Нур ад-Дин Мунаввар – 20, 211, 263, 403, 430 – 431, 445, 500
Нафиси С. – 6, 18, 500
Нури см. Абу – л – Хасан Нури

Омар бин Ахмад бин Мухаммад бин Али Шавкани Малеки
см. Омар Шавкани
Омар бин ал-Хаттаб, второй « праведный» халиф – 288,307, 363, 484, 489
Омар Хайам – 18
Омар Шавкани – 98, 117, 216, 220, 421, 462
Омаре – 316, 490
Османов М.–Н. О. – 448. 491, 493

Порохова И. – 501

Раби'а – 312, 370, 489
Раванди – 469
Рахати – 327 – 328
Рейшахри М. – 501
Рипка Я. – 6, 18
Рудаки – 485

ас – Сабанди – 439
Сабит см. Сабит бин Абу Сабит Зухури
Сабит бин Абу Сабит Зухури – 311, 489
Садждади Дж. – 465
Саида Суфийе – 370
Сайене – 327 – 328
Сайф ад-Даула см. Ибрахим Инал
Салма – 395, 495
Сана'и – 3, 18
Санджар см. Санджар бин Малик-шах
Санджар бин Малик-шах, султан – 5, 7, 21, 23,410 – 412, 430,438, 497,500
Сари Сакати 56, 63, 83, 296, 298, 454
Сатук Бугра-хан – 466
Сахл бин Абдаллах, шейх – 244, 293, 459, 479
Сахл Тустари см. Сахл бин Абдаллах
Сахр, джинн – 355, 493
Са'эд, кази – 103, 105 – 108, 140 – 141, 257, 462
Сейфи, кази – 215
Сельджук – 198, 200, 474
Сулами см. Абд ар – Рахман Сулами

Сулейман – 40, 303, 355, 362, 450, 487, 493
Сури см. Сури бин ал – Му'таз
Сури бин ал–Му'таз – 164, 200, 470, 473
Суфйан Саури – 299, 487

Талха бин Йусиф ал–Аттар – 315
Тогрул, султан – 10, 15, 154 – 155, 199 – 200, 278, 379, 398, 469, 474, 498
Тримингэм Дж. 6, 451 – 452, 458, 483

Увейс Гарани – 308
Укба бин Амр – 246, 479
Утба – 311, 489

Фарид ад–Дин Аттар – 3, 17, 448, 484, 486 – 489
Фахр ад–Дин Ираки – 3, 18
Фатима, дочь Абу Али Даккака – 116 – 117
Фатима, дочь Абу Тахира – 253
Фатима–йи Захра – 317, 449, 456
Фираун – 251, 480 – 481

Хабиб Аджеми – 56, 83, 454
Хавва – 31
Хаджегак Сангани – 260 – 261
Хадиджа – 357, 493
Хадиджа бинт Хувайлид см. Хадиджа
Хаман – 251, 480
Хамза, алид – 249 – 250
Хамза, дядя Пророка – 457
Хамза Ажджахи – 220, 231 – 232, 267 – 268
Хамза Ажджахи Кардгар см. Хамза Ажджахи
Хамза Саккак см. Хамза Ажджахи
Хамза ат–Тураб – 245
Хамуйе, раис – 195, 201 – 202, 228, 230, 263 – 264, 384, 399, 409
Харун – 357
Харун Бугра–хан см. Бугра–хан
Хасан, второй шиитский имам – 449
Хасан Басри – 56, 83, 368, 454
Хасан Джанару, шейх – 424, 498
Хасан Муаддаб – 27, 97, 103 – 106, 108, 117 – 119, 125 – 127, 130 – 136,
141, 145 – 150, 152 – 153, 156, 162, 167, 173, 175, 179 –
180, 183 – 186, 195, 199 – 200, 212 – 213, 224 – 226, 230,
232, 234, 236, 238 – 240, 253, 259, 264, 273, 275 – 276,

315, 318 – 319, 380, 387, 399, 405 – 406, 414, 416, 462, 465
Хасан Самарканди, имам – 229, 477
Хатеф – 122, 124
Хатиб Куфи – 316
Хафиз – 465
Хизр – 58, 297, 322, 331, 433, 455
Хомайед Занджувийе – 52, 453
Хубба Дарзи – 252
Худжвири – 3, 10, 18, 20, 452, 454 – 457, 459, 471, 475, 478 – 479, 481–482,
487 – 489, 491, 496, 498
Хусейн, кази – 282, 385, 484
Хусейн, третий шиитский имам – 63, 449, 456
Хусейн Бадр ад-Дин – 28, 451, 453, 455, 458, 460 – 464, 466, 468–471, 473,
481 – 486, 490, 494, 497 – 501
Хусейн Ганадусти – 167, 470
Хусейн бин Али Абу Абдаллах аш-Шахид
см. Хусейн, третий шиитский имам
Хусейн Мансур Халладж см. Мансур Халладж
Хусри, шейх – 49, 452, 498

Чагры – 10, 15, 199 – 200, 384, 474

Шабуйи – 201 – 202
Шамс Табризи – 12
Шафии Кадкани М. – 6 – 7, 15, 21, 28, 450 – 456, 458 – 490, 492, 495, 497
Шафии Муталлаби – 48 – 49, 451
Шибли – 63, 288, 290 – 292, 308 – 310, 331, 456
Шиммель А. – 14 – 15, 454, 458, 474, 479, 489
Шихаб ад-Даула Мас'уд 1 см. Мас'уд султан
Шихаб ад-Даула Маудуд - 497

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абивард – 14, 52, 67, 70, 198, 232, 329, 453, 455, 457, 476
Аданикубан, квартал – 23, 95 – 98, 102 – 105, 116, 126 – 127, 130, 156, 172,
174, 239, 253, 265 – 266, 278, 422
Ажджах – 220, 222, 231, 306, 385
Азавар с. – 464
Азербайджан – 471, 480
Амул – 13, 70, 77, 97, 312, 330, 457
Амул Джейхуна (Амул аш-шатт) – 457
Андарман – 71
Анхарвала – 23, 147, 468
Арафат – 179, 492
Ардиан – 182

Асприс, квартал – 148 – 149, 468
Астрабад – 310, 489
Афганистан – 473 – 474
Ашгабад – 11, 451

Бавард см. Абивард
Багдад – 23, 55, 67, 298, 310, 315, 323, 331, 413 – 417, 419 – 421, 454, 457,
461, 479, 486, 497 – 498
Багшур – 281 – 282, 484
Бадане, с. – 199, 205
Бадр – 457, 467
Баз-и Тус – 91
Байрамали – 451
Баку – 250, 480
Балх – 213 – 214, 378, 478
Баракух, кладбище – 71 – 72
Басра – 489
Баст – 284, 484
Башанган – 135 – 136, 315, 490
Бейт ал-Мукаддас (Иерусалим) – 331, 430
Бисме – 71, 73 – 74, 458
Бистам – 6, 14, 19, 179 – 180, 182 – 184, 460, 472
Бишхан – 196 – 197, 473
Болгар – 468
Булгар – 23, 147, 468
Бурджа, рибат – 268
Бухара – 67, 98, 101 – 102, 198, 331, 434, 455, 457, 478

Вавилон – 480
Васит – 498

Газ – 70
Газна – 104, 206, 214, 406, 414, 416, 426 – 427
Гатфар, квартал – 495
Герат – 14, 21, 148, 206, 271 – 273, 378, 473, 484
Герируд р. – 473
Гуджарат – 23, 468
Гянджруд – 163, 470

Дамаск – 479
Дамган – 180, 472
Данданакан – 200, 474
Дарбанд с. – 186
Дарзав-и ноубахар с. – 257, 482
Дар-и азра с. – 125, 466

Дар-и дуст с. – 236
Дарзакийе, квартал – 281
Дармийун, ущелье – 137
Дели – 468
Джабал ал-Лукам – 298, 487, 489, 498
Джаджарм – 185 – 186, 472
Джанашк, кр. – 185, 472
Джарв – 58, 455
Джейхун р. – 457
Дизбад с. – 120, 465
Дих-и ханегах (Рафиган) с. – 191
Добарадаран – 91
Душак – 11

Египет – 484

Загал, рибат – 58, 476
Зандарзан – 237
Зардакдаг г. – 213
Зошк с. – 191, 473

Индия – 14
Ирак – 155, 157, 199 – 200, 205, 248, 255, 278, 410, 499
Иран – 315, 472 – 473, 478, 495, 499
Исфараин – 221, 472
Исфахан – 127, 425 – 426
Ихмам – 484

Йемен – 332, 491

Казань – 468
Кайен – 269, 482
Калаф с. – 186
Каспийское море – 471 – 472, 477
Катаван, пустыня – 500
Кашмир – 477
Келат – 455
Кербела – 456
Керман – 40, 404
Китай – 315
Корф, с. – 472

Косар, квартал – 159
ал – Кудс см. Бейт ал – Мукаддас
Кура р. – 471
Курви – 186, 472
Куфа – 198, 295, 487
Кухистан – 284, 484

Мавераннахр – 23, 128, 195, 203, 205, 279, 323, 342, 466, 495, 500
Мазандаран – 473

Медина – 331, 388, 433, 448, 450, 456, 464
Мейхене – 5 – 6, 11 – 15, 17, 21, 23, 35 – 36, 44 – 45, 47 – 48, 55 – 60, 67, 69,
73, 75, 83 – 84, 90 – 91, 97 – 98, 102 – 103, 109, 127, 153, 157, 159-
160, 168, 174, 187 – 193, 195 – 196, 198 – 201, 204 – 212, 220,
222, 224, 226 – 231, 242, 245 – 246, 248 – 249, 257, 261, 263–264,
267 – 268, 273 – 274, 279, 283, 306, 315, 323 – 324, 329, 358, 369,
384, 386, 399, 402 – 403, 405, 408 – 411, 414, 423–424, 427, 430 –
442, 445, 455, 475, 500

Мекка – 31, 85, 178, 195 – 196, 287, 331, 433, 464, 466 – 467, 472, 486, 492,
496, 499

Мерв – 5, 11 – 12, 14, 21, 48, 52, 58, 67, 98, 127, 129 – 130, 147 – 148, 200,
210, 212, 222, 241, 283, 297, 300, 305, 307, 317, 329, 378, 386, 404,
410, 412, 433 – 434, 436, 451, 453, 457, 474 – 475, 481, 484, 488, 490,
498 – 499

Мервалруд – 281 – 282, 385, 489

Мешхед – 455, 482

Мулгабад – 143

Мургаб р. – 484

Навсар, квартал – 306

Нахраван – 418, 498

Нахрвале см. Анхарвала

Нехавенд – 224

Ниса – 7, 45, 52, 70 – 74, 197, 381, 432, 451, 453, 457, 473

Нисапур – 5, 9, 14, 16, 23, 91, 95, 97 – 98, 101 – 103, 105, 108 – 109, 111,
114 – 118, 123, 125, 127 – 128, 130, 132 – 135, 137, 139 – 145,
147, 149 – 158, 160, 162 – 164, 166 – 172, 174 – 176, 185 – 186,
188 – 192, 206 – 208, 213, 215, 236 – 238, 244 – 245, 248, 250,
252 – 255, 257 – 259, 261, 263 – 264, 267, 270, 274 – 278, 280 –
281, 283 – 284, 315, 317 – 319, 327 – 328, 330, 378, 384 – 385,
405, 422, 436 – 437, 453, 456, 458, 461 – 462, 464–475, 478, 481,
490, 498 – 500

Нуган – 153, 208, 235, 328, 460, 469

Нушабад с. – 182

Парс (Фарс) – 168, 471

Пушанг–и хари – 195, 473

Радан – 71

Рей – 500

Рейкар с. – 271

Рум – 324

Сабзевар – 472

Салве – 180

Самарканд – 301, 438, 495, 500

Самур р. – 471

Сана – 486

Сандуги, ханака – 264 – 265

Сандуг–и шекасте – 191

Сарави, ханака – 71, 73

Сарбала, рибат – 439

Сардабе – 212, 218, 475

Сарколе – 402

Сарколе, рибат – 59, 423

Сенабад, с. – 460

Серахс – 12 – 14, 21, 52 – 53, 62 – 63, 67, 70, 88, 92, 98, 167, 169, 200, 209,
214, 241, 263, 268, 310, 410, 434 – 435, 453, 456, 470, 476, 490

Сирия – 9, 72, 484, 487, 499

Систан – 473, 484

Сиффин – 485

Средняя Азия – 478, 499

Сырдарья р. – 495

Табаран – 91, 460

Табаристан – 230, 244, 457, 477

Таиф – 31, 85

Тараз – 391, 495

Теджен р. – 198, 200, 473

Тигр, р. – 497

Тийаран – 58, 455

Тораг, с. – 284

Туркестан – 284, 477

Туркменистан – 11, 451, 473

Тус – 5, 14, 55, 58, 91 – 95, 132 – 133, 137, 159, 191, 196, 208, 217–218, 227,
235, 242, 249 – 250, 257, 279, 438, 455, 460, 472 – 473, 475, 477, 482

Утар с. – 218

Ухуд г. – 64, 456

Фараве – 52, 453

Феле с. – 499

Фергана – 479

Хаберан – 11, 18, 52, 246, 388, 410 – 411, 423, 482, 499
Хабушан – 52, 453
Хамадан – 155
Харакан – 175 – 176, 182 – 184, 187, 472
Харб, квартал – 23, 263
Харв-и Джабали с. – 257, 482
Харв-и Нишапур р. – 137
Хезар масджед г. – 455
Хиджаз – 120, 175, 182, 261, 464, 484, 499
Хира, квартал – 23, 239, 281, 478
Ходашад с. – 186
Хорасан – 4 – 7, 14, 23, 35, 67, 72 – 73, 75, 125 – 127, 168, 180, 198–200, 204,
257, 278, 280, 301, 315, 412, 416 – 417, 432 – 433, 438, 449, 453,
455 – 456, 458, 461 – 462, 464, 466, 470, 473, 479, 481 – 482, 484,
497, 499
Хорезм – 473
Хотан – 230, 331 – 332, 477
Хусейнабад с. – 252

Чахарсу-йи керманийан, квартал – 23, 106 – 107, 238 – 239, 463, 478
Чач – 388, 495
Чирчик р. – 495

Шавкан – 217, 421, 476
Шам см. Сирия
Шарг (Джарг) с. – 455
Шах-и Мейхене с. – 70
Шахристан – 52, 453
Шемаха – 471
Шираз – 465
Ширван – 23, 174, 250, 471, 480

Эстева – 52, 274, 453, 461

СОДЕРЖАНИЕ

«Асрар ат–таухид» Мухаммада бин Мунаввара	3
[ВВЕДЕНИЕ]	31
ГЛАВА I. О начале жизни нашего шейха Абу Са'ида Абу–л–Хейра	43
ГЛАВА II. О середине жизни нашего шейха	91
Раздел 1. О рассказах, повествующих (ставших известными) о чудотворстве нашего шейха и подлинных для нас	91
Раздел 2. О рассказах, заключающих [в себе] пользу, и о некоторых рассказах о шейхах, которые для пользы были произнесены его благословенными устами	234
Раздел 3. О пользе, которая была высказана устами Абу Са'ида	288
О некоторых выгодах из духовных высказываний нашего шейха и отрывки из его писем, и бейты, произнесенные его устами, насколько мы сочли [все это] верным и, по возможности, исправили их.....	333
Призывы Абу Са'ида	379
Письма нашего шейха, некоторые из которых приведены [здесь] для благословения	384
Разрозненные бейты, произнесенные устами нашего шейха	388
ГЛАВА III. Об окончании жизни нашего шейха Абу Са'ида	397
Раздел 1. О завещаниях шейха во время кончины	397
Раздел 2. О кончине нашего шейха Абу Са'ида	405
Раздел 3. О некоторых чудесах шейха, которые проявились после [его] смерти; о некоторых рассказывалось во время [его] жизни его благословенными устами и он [сам] сообщил о них, и они проявились после его смерти, а о некоторых он не сообщил, но они проявились по [истечении] времени	413
Примечания	448
Указатель хадисов	500
Указатель имен	503
Указатель географических названий.....	518

МУХАММАД БИН МУНАВВАР
АСРАР АТ - ТАУХИД ФИ МАКАМАТ
АШ - ШЕЙХ АБУ СА'ИД

(ТАЙНЫ ЕДИНОБОЖИЯ В ДЕЯНИЯХ
ШЕЙХА АБУ СА'ИДА)

Перевод с персидского, предисловие,
примечания и указатели М.Д. Кязимова

БАКУ–2010

Nəşriyyatın direktoru Hafiz Abiyev
Texniki redaktoru Qabil Xeyrullaoglu
Operator: İradə Həsənlı

12.01.10-cu ildə çapa imzalanıb. Formatı 84x108 1/32,
çap vərəqi 33, Sifariş № 2, tirajı 300 nüsxə.

Azərbaycan MEA Geologiya İnstitutunun «Nafta-Press» nəşriyyatı.
Bakı AZ 1143, H.Cavid pr. 29 A, tel.: 4393972

